

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

V томъ
3 выпускъ

TOME V
FASCICULE 3

1909

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ETAT

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
des XVIIIe et XIXe siècles
V томъ
3 выпускъ
TOME V
FASCICULE 3
1909
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088106

2007088106

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ**, 1744—1814, былъ сынъ сенатора Николая Борисовича Самойлова († 1791 г.) отъ брака съ Маріей Александровной Потемкиной, сестрой князя Потемкина-Таврическаго. Начавъ службу въ 1760 г. рядовымъ Семеновскаго полка, Самойловъ участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ и за бой подъ Силистріей получилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Потемкинъ, получивъ силу, сталъ выдвигать племянника: Самойловъ былъ членомъ коммиссіи для суда надъ Пугачевымъ и, пожалованный въ 1775 г. въ камеръ-юнкеры, въ 1776 г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Совѣта Императрицы, а въ 1787 г. членомъ этого Совѣта. Занимая видный гражданскій постъ и нося званіе камергера, Самойловъ не оставлялъ и военной карьеры: онъ участвовалъ въ Крымской экспедиціи 1783 г. и во второй Турецкой войнѣ; въ чинѣ генералъ-поручика онъ отличился подъ Очаковомъ, Бендерами и Измаиломъ и получилъ ордена св. Георгія 2-й ст., Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени. Онъ былъ въ числѣ русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Яссахъ и лично привезъ въ Петербургъ ратификованный трактатъ, при чемъ Екатерина пожаловала ему 30.000 руб. и собственноручно возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. 17 Сентября 1792 г., въ виду неизлѣчимой болѣзни князя А. А. Вяземскаго, Самойловъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-прокурора для испытанія „на краткое время", но во время празднованія Ясскаго мира 2 Сентября 1793 г. былъ утвержденъ въ должности, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Получивъ 7 Февраля 1793 г. графскій дипломъ Римской имперіи, Самойловъ 1 Января 1795 г. былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Императоръ Павелъ, 4 Декабря 1796 г., уволилъ графа Самойлова отъ должности. Проживъ около 20 лѣтъ не у дѣлъ, графъ Самойловъ умеръ въ Кіевѣ 1 Ноября 1814 г. и похороненъ, рядомъ съ отцомъ, въ Николаевскомъ-Одринѣ монастырѣ, Карачевскаго уѣзда.

Недавно напечатанныя въ „Архивѣ Раевскихъ" интересныя письма Самойлова къ племяннику его Н. Н. Раевскому рисуютъ его человѣкомъ просвѣщеннымъ, гуманнымъ, прекрасно владѣющимъ перомъ и вполнѣ грамотнымъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи: „Родителей своихъ уважать есть не первый и не главный ли для дѣтей долгъ. Я имѣлъ отца, который душу свою полагалъ во мнѣ, а потому и все простилъ бы мнѣ, и хотя подъ конецъ дней его я имѣлъ большое отъ него неудовольствіе, я былъ въ лѣтахъ, въ чинахъ... но я не только не досадилъ ему словами, но даже безъ приказанія его не позволялъ себѣ сидѣть въ то время, когда стоялъ онъ, и принудилъ жену мою оказывать равное ему почтеніе, но и княгинѣ Долгорукой, которая и не жена его была; я любилъ его!" Современники графа Самойлова находили, однако, что „всѣ его права на отличія" заключались въ близкомъ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ. Многіе изъ нихъ, иногда, можетъ-быть, не вполнѣ безпристрастные, позволяли себѣ называть его „глупымъ, спесивымъ, грубымъ и безтолковымъ", „скаредомъ и титулованнымъ дуракомъ". Но князь Тавриды усиленно тянулъ вверхъ племянника. Быть-можетъ, графъ Самойловъ и обладалъ личною храбростью, но едва ли составители реляцій, въ угоду свѣтлѣйшему, не преувеличивали военныхъ подвиговъ его племянника. Какъ дипломатъ, онъ, по отзыву Безбородко, оказался „вовсе въ дѣлахъ не свѣдущимъ". Назначеніе его генералъ-прокуроромъ возбуждало во всѣхъ недоумѣніе: „Что за выборъ людей!" писалъ Безбородко Воронцову, „напримѣръ, новый нашъ генералъ-прокуроръ". Воспоминаніе объ умершемъ, наиболѣе близкомъ спутникѣ жизни, рѣшило выборъ его племянника: вѣдь, когда Самойловъ послѣ смерти дяди явился въ Эрмитажъ, собраніе закрылось, „всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали". На всякій случай Самойлову внушили, впрочемъ, чтобы „по сомнительнымъ и важнымъ дѣламъ онъ совѣщался" съ болѣе умнымъ Державинымъ. Однако, въ Сенатѣ, по отзыву Державина, графъ Самойловъ себя не стѣснялъ: онъ не слушалъ никакихъ „резоновъ", „даже въ журналъ не допускалъ заносить". Завѣдуя множествомъ учрежденій, начиная отъ Ассигнаціоннаго Банка и кончая Тайной Экспедиціей, Самойловъ лично не былъ человѣкомъ способнымъ, но онъ умѣлъ находить ловкихъ дѣльцовъ, въ родѣ П. А. Ермолова, которые и вели всѣ дѣла, предоставляя генералъ-прокурору фигурировать отъ имени Сената на офиціальныхъ торжествахъ, въ родѣ провозглашенія Екатерины „Матерью отечества, Великою предъ лицомъ свѣта".

(Съ миніатюры Ритта; собраніе Великаго Князя Алексѣя Александровича.)

51

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ**, 1744—1814, былъ сынъ сенатора Николая Борисовича Самойлова († 1791 г.) отъ брака съ Маріей Александровной Потемкиной, сестрой князя Потемкина-Таврическаго. Начавъ службу въ 1760 г. рядовымъ Семеновскаго полка, Самойловъ участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ и за бой подъ Силистріей получилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Потемкинъ, получивъ силу, сталъ выдвигать племянника: Самойловъ былъ членомъ коммиссіи для суда надъ Пугачевымъ и, пожалованный въ 1775 г. въ камеръ-юнкеры, въ 1776 г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Совѣта Императрицы, а въ 1787 г. членомъ этого Совѣта. Занимая видный гражданскій постъ и нося званіе камергера, Самойловъ не оставлялъ и военной карьеры: онъ участвовалъ въ Крымской экспедиціи 1783 г. и во второй Турецкой войнѣ; въ чинѣ генералъ-поручика онъ отличился подъ Очаковомъ, Бендерами и Измаиломъ и получилъ ордена св. Георгія 2-й ст., Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени. Онъ былъ въ числѣ русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Яссахъ и лично привезъ въ Петербургъ ратифи-кованный трактатъ, при чемъ Екатерина пожаловала ему 30.000 руб. и собственноручно возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. 17 Сентября 1792 г., въ виду неизлѣчимой болѣзни князя А. А. Вяземскаго, Самойловъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-прокурора для испытанія „на краткоѐ время", но во время празднованія Ясскаго мира 2 Сентября 1793 г. былъ утвержденъ въ должности, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Получивъ 7 Февраля 1793 г. графскій дипломъ Римской имперіи, Самойловъ 1 Января 1795 г. былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Императоръ Павелъ, 4 Декабря 1796 г., уволилъ графа Самойлова отъ должности. Проживъ около 20 лѣтъ не у дѣлъ, графъ Самойловъ умеръ въ Кіевѣ 1 Ноября 1814 г. и похороненъ, рядомъ съ отцомъ, въ Николаевскомъ-Одринѣ монастырѣ, Карачевскаго уѣзда.

Недавно напечатанныя въ „Архивѣ Раевскихъ" интересныя письма Самойлова къ племяннику его Н. Н. Раевскому рисуютъ его человѣкомъ просвѣщеннымъ, гуманнымъ, прекрасно владѣющимъ перомъ и вполнѣ грамотнымъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи: „Родителей своихъ уважать есть не первый и не главный ли для дѣтей долгъ. Я имѣлъ отца, который душу свою полагалъ во мнѣ, а потому и все простилъ бы мнѣ, и хотя подъ конецъ дней его я имѣлъ большое отъ него неудовольствіе, я былъ въ лѣтахъ, въ чинахъ... но я не только не досадилъ ему словами, но даже безъ приказанія его не позволялъ себѣ сидѣть въ то время, когда стоялъ онъ, и принудилъ жену мою оказывать равное ему почтеніе, но и княгинѣ Долгорукой, которая и не жена его была; я любилъ его!" Современники графа Самойлова находили, однако, что „всѣ его права на отличія" заключались въ близкомъ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ. Многіе изъ нихъ, иногда, можетъ-быть, не вполнѣ безпристрастные, позволяли себѣ называть его „глупымъ, спесивымъ, грубымъ и безтолковымъ", „скаредомъ и титулованнымъ дуракомъ". Но князь Тавриды усиленно тянулъ вверхъ племянника. Быть-можетъ, графъ Самойловъ и обладалъ личною храбростью, но едва ли составители реляцій, въ угоду свѣтлѣйшему, не преувеличивали военныхъ подвиговъ его племянника. Какъ дипломатъ, онъ, по отзыву Безбородко, оказался „вовсе въ дѣлахъ не свѣдущимъ". Назначеніе его генералъ-прокуроромъ возбуждало во всѣхъ недоумѣніе: „Что за выборъ людей!" писалъ Безбородко Воронцову, „напримѣръ, новый нашъ генералъ-прокуроръ". Воспоминаніе объ умершемъ, наиболѣе близкомъ спутникѣ жизни, рѣшило выборъ его племянника: вѣдь, когда Самойловъ послѣ смерти дяди явился въ Эрмитажъ, собраніе закрылось, „всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали". На всякій случай Самойлову внушили, впрочемъ, чтобы „по сомнительнымъ и важнымъ дѣламъ онъ совѣщался" съ болѣе умнымъ Державинымъ. Однако, въ Сенатѣ, по отзыву Державина, графъ Самойловъ себя не стѣснялъ: онъ не слушалъ никакихъ „резоновъ", „даже въ журналъ не допускалъ заносить". Завѣдуя множествомъ учрежденій, начиная отъ Ассигнаціоннаго Банка и кончая Тайной Экспедиціей, Самойловъ лично не былъ человѣкомъ способнымъ, но онъ умѣлъ находить ловкихъ дѣльцовъ, въ родѣ П. А. Ермолова, которые и вели всѣ дѣла, предоставляя генералъ-прокурору фигурировать отъ имени Сената на офиціальныхъ торжествахъ, въ родѣ провозглашенія Екатерины „Матерью отечества, Великою предъ лицомъ свѣта".

(Съ миніатюры Ритта; собраніе Великаго Князя Алексѣя Александровича.)

Le comte **ALEXANDRE NIKOLAEWITCH SAMOÏLOFF**, 1744—1814, était fils du sénateur Nicolas Borissowitch Samoïloff († 1791) et de Marie Alexandrowna, née Potemkine, sœur du prince Potemkine de Tauride. Entré au service en 1760 simple soldat au régiment Sémenowsky, il fit la première campagne de Turquie, où la bataille de Silistrie lui valut St-Georges de 4ᵉ classe. Potemkine, devenu puissant, poussa son neveu, qui fut membre de la commission chargée de juger Pougatcheff et, gentilhomme de la chambre en 1775, devint en 1776 gérant de la chancellerie du Conseil de l'Impératrice, puis, en 1787, membre de ce Conseil. Avec cette éminente charge civile, Samoïloff, chambellan, cumulait le service militaire: il fit l'expédition de Crimée de 1783 et la seconde campagne de Turquie, où, général lieutenant, sa valeur sous Otchakoff, Bender et Izmaïl lui valut St-Georges de 2ᵉ classe, St-Alexandre Newsky et St-Vladimir de 1ʳᵉ classe. Il fut du nombre des plénipotentiaires russes du congrès d'Yassy, et vint en personne à Pétersbourg porter le traité ratifié à l'Impératrice, qui lui conféra 30.000 roubles et, de sa propre main, le décora de St-André. Chargé le 17 septembre 1792 à titre provisoire, en remplacement du prince Viazemsky atteint d'une maladie incurable, des fonctions de procureur général, il y fut titularisé à la célébration de la paix d'Yassy le 2 septembre 1793, en passant conseiller privé actuel. Comte du Saint Empire Romain le 7 février 1793, il fut élevé le 1ᵉʳ janvier 1795 à la dignité de comte de l'Empire Russe. Destitué par l'Empereur Paul le 4 décembre 1796, il passa près de vingt ans dans la retraite, mourut à Kieff le 1ᵉʳ novembre 1814, et fut inhumé près de son père au monastère St-Nicolas, à Odrino, gouvernement d'Orel.

Il a paru dernièrement dans l'Archive Raewsky d'intéressantes lettres de Samoïloff à son neveu N. Raewsky, qui le représentent comme un homme éclairé, à idées humanitaires, maniant parfaitement la plume et vraiment lettré. Dans une de ces lettres, il parle en ces termes de son éducation: „N'est-ce pas le premier et le plus important devoir des enfants d'honorer leurs parents? J'avais un père pour qui j'étais tout, et qui m'aurait tout passé. Sur ses vieux jours, il me fit un gros désagrément. J'étais pourtant d'un certain âge, haut placé! Or non seulement je ne me permis pas la moindre observation désobligeante, mais encore je me faisais un scrupule de rester assis sans sa permission quand il était debout; j'obligeai aussi ma femme à lui témoigner la même déférence, ainsi qu'à la princesse Dolgorouky, qui n'était pourtant pas sa femme: j'aimais mon père!" Mais le plus clair des titres qu'on lui reconnaissait aux distinctions était sa proche parenté avec Potemkine. Souvent même on allait, non sans quelque parti-pris, peut-être, jusqu'à le taxer „de bêtise, de morgue, de grossièreté et de stupidité", jusqu'à l'appeler „ladre et idiot titré". Potemkine le hissait avec énergie; peut-être le neveu ne manquait-il pas de bravoure personnelle, mais les auteurs de relations grossissaient bien un peu ses exploits guerriers pour complaire à l'oncle. Comme diplomate, Bezborodko le déclare complètement incapable. Sa nomination de procureur général fit l'étonnement universel: „Quelles nominations il se fait!" écrivait Bezborodko à Worontzoff, „par exemple, notre nouveau procureur général". Ce fut encore la mémoire de l'oncle, du fidèle auxiliaire de toute la carrière, qui fit pencher la balance: lorsque, au lendemain de la mort de Potemkine, son neveu vint à l'Ermitage, la séance fut levée, „on renvoya tout le monde et on resta à pleurer avec lui". A tout hasard on lui fit entendre, „dans les cas douteux et graves, de recourir au conseil" plus avisé de Derjavine; ce qui n'empêche qu'au Sénat, dit Derjavine lui-même, il ne se gêna nullement, ne voulant entendre aucune raison, „s'opposant même à l'insertion au procès-verbal". Directeur de nombreuses administrations, depuis la Banque d'Assignations jusqu'à la Chancellerie Secrète, Samoïloff, sans avoir personnellement aucune capacité, savait trouver d'habiles agents, dans le genre d'Ermoloff, qui faisaient tout, et lui-même n'avait qu'à représenter le Sénat aux cérémonies officielles, lorsqu'il s'agissait par exemple de proclamer Catherine „Mère de la Patrie, Grande à la face du monde".

(D'après une miniature de Ritt, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le comte **ALEXANDRE NIKOLAEWITCH SAMOÏLOFF**, 1744—1814, était fils du sénateur Nicolas Borissowitch Samoïloff († 1791) et de Marie Alexandrowna, née Potemkine, sœur du prince Potemkine de Tauride. Entré au service en 1760 simple soldat au régiment Sémenowsky, il fit la première campagne de Turquie, où la bataille de Silistrie lui valut St-Georges de 4ᵉ classe. Potemkine, devenu puissant, poussa son neveu, qui fut membre de la commission chargée de juger Pougatcheff et, gentilhomme de la chambre en 1775, devint en 1776 gérant de la chancellerie du Conseil de l'Impératrice, puis, en 1787, membre de ce Conseil. Avec cette éminente charge civile, Samoïloff, chambellan, cumulait le service militaire: il fit l'expédition de Crimée de 1783 et la seconde campagne de Turquie, où, général lieutenant, sa valeur sous Otchakoff, Bender et Izmaïl lui valut St-Georges de 2ᵉ classe, St-Alexandre Newsky et St-Vladimir de 1ʳᵉ classe. Il fut du nombre des plénipotentiaires russes du congrès d'Yassy, et vint en personne à Pétersbourg porter le traité ratifié à l'Impératrice, qui lui conféra 30.000 roubles et, de sa propre main, le décora de St-André. Chargé le 17 septembre 1792 à titre provisoire, en remplacement du prince Viazemsky atteint d'une maladie incurable, des fonctions de procureur général, il y fut titularisé à la célébration de la paix d'Yassy le 2 septembre 1793, en passant conseiller privé actuel. Comte du Saint Empire Romain le 7 février 1793, il fut élevé le 1ᵉʳ janvier 1795 à la dignité de comte de l'Empire Russe. Destitué par l'Empereur Paul le 4 décembre 1796, il passa près de vingt ans dans la retraite, mourut à Kieff le 1ᵉʳ novembre 1814, et fut inhumé près de son père au monastère St-Nicolas, à Odrino, gouvernement d'Orel.

Il a paru dernièrement dans l'Archive Raewsky d'intéressantes lettres de Samoïloff à son neveu N. Raewsky, qui le représentent comme un homme éclairé, à idées humanitaires, maniant parfaitement la plume et vraiment lettré. Dans une de ces lettres, il parle en ces termes de son éducation: „N'est-ce pas le premier et le plus important devoir des enfants d'honorer leurs parents? J'avais un père pour qui j'étais tout, et qui m'aurait tout passé. Sur ses vieux jours, il me fit un gros désagrément. J'étais pourtant d'un certain âge, haut placé! Or non seulement je ne me permis pas la moindre observation désobligeante, mais encore je me faisais un scrupule de rester assis sans sa permission quand il était debout; j'obligeai aussi ma femme à lui témoigner la même déférence, ainsi qu'à la princesse Dolgorouky, qui n'était pourtant pas sa femme: j'aimais mon père!“ Mais le plus clair des titres qu'on lui reconnaissait aux distinctions était sa proche parenté avec Potemkine. Souvent même on allait, non sans quelque parti-pris, peut-être, jusqu'à le taxer „de bêtise, de morgue, de grossièreté et de stupidité“, jusqu'à l'appeler „ladre et idiot titré“. Potemkine le hissait avec énergie; peut-être le neveu ne manquait-il pas de bravoure personnelle, mais les auteurs de relations grossissaient bien un peu ses exploits guerriers pour complaire à l'oncle. Comme diplomate, Bezborodko le déclare complètement incapable. Sa nomination de procureur général fit l'étonnement universel: „Quelles nominations il se fait!“ écrivait Bezborodko à Worontzoff, „par exemple, notre nouveau procureur général“. Ce fut encore la mémoire de l'oncle, du fidèle auxiliaire de toute la carrière, qui fit pencher la balance: lorsque, au lendemain de la mort de Potemkine, son neveu vint à l'Ermitage, la séance fut levée, „on renvoya tout le monde et on resta à pleurer avec lui“. A tout hasard on lui fit entendre, „dans les cas douteux et graves, de recourir au conseil“ plus avisé de Derjavine; ce qui n'empêche qu'au Sénat, dit Derjavine lui-même, il ne se gêna nullement, ne voulant entendre aucune raison, „s'opposant même à l'insertion au procès-verbal“. Directeur de nombreuses administrations, depuis la Banque d'Assignations jusqu'à la Chancellerie Secrète, Samoïloff, sans avoir personnellement aucune capacité, savait trouver d'habiles agents, dans le genre d'Ermoloff, qui faisaient tout, et lui-même n'avait qu'à représenter le Sénat aux cérémonies officielles, lorsqu'il s'agissait par exemple de proclamer Catherine „Mère de la Patrie, Grande à la face du monde“.

(D'après une miniature de Ritt, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня АННА РОДІОНОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1745—1830, была старшая дочь генералъ-майора барона Иродіона Кондратьевича Ведель († 1754 г.) отъ брака съ Настасіей Богдановной Пассекъ; мать ея скончалась вскорѣ послѣ отца, и она была привезена въ Петербургъ къ Императрицѣ Елисаветѣ. „Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ", писала она въ старости, „принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована въ фрейлины Петромъ III (1762 г.), въ статсъ-дамы Екатериною II (1773 г.) и въ старости, и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины первой степени (5 Апрѣля 1797 г.)..." Монаршими милостями графиня Чернышева была обязана также браку своему съ фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышевымъ.

Занимая чрезвычайно видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ, графиня Чернышева была извѣстна своимъ пылкимъ и строптивымъ характеромъ, рѣзкими выходками и колкими замѣчаніями, которыя она позволяла себѣ по отношенію къ многимъ лицамъ, не стѣсняясь ихъ общественнымъ положеніемъ. Соотвѣтственно этому создалась и ея репутація въ свѣтѣ. „Cette femme", говоритъ въ своемъ дневникѣ иностранный дипломатъ, шевалье де-Корберонъ, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade". Графиня А. Р. Чернышева, повѣствуетъ одинъ изъ ея бывшихъ дворовыхъ, „была вельможа настоящая, гордая, пышная и охъ какая крутая да капризная! Все у ней выходило невзначай и временемъ: когда милость, а когда и гроза. Часомъ, бывало, станетъ вдругъ богомольна, милостива, обходительна, и тогда уже добрымъ дѣламъ конца и мѣры нѣтъ. По цѣлымъ недѣлямъ Богу молится и постится, словно схимница какая, бѣдныхъ людей и нищую братію щедро награждаетъ, а въ иное время, что чаще бывало, просто и приступу къ ней нѣтъ: такова дѣлалась грозна и строптива—всѣхъ-то она тиранитъ и въ страхѣ держитъ; всякаго, кто бы ни былъ, норовитъ обидѣть и оборвать. И не токмо что наша братія, рабы ея, а и сильные люди по стрункѣ передъ ней ходили... Подъ сердитую руку жалости у ней не было, тогда ужъ спуску не давалось. Графиня сѣкала людей больно и часто. Случалось, что и не вставали послѣ розогъ и плетей, а отвѣту за то не бывало, потому въ большой силѣ она состояла, и ей все было нипочемъ". Послѣ смерти мужа въ 1784 г. графиня Чернышева переѣхала въ свое „знатное мѣстечко" Чечерскъ, Смоленской губерніи. Здѣсь, по дорогѣ въ Крымъ, ее посѣтила въ 1787 г. Императрица Екатерина II и провела у нея сутки, при чемъ „графиня угостила свою Государыню и благодѣтельницу соотвѣтственно знаменитости и вкуса дома Чернышевыхъ" (Записки Добрынина, 1787 г.). Почему-то найдя, что ей не было оказано довольно почета Александромъ I, графиня Чернышева нѣсколько лѣтъ не появлялась при дворѣ и при проѣздѣ Государя черезъ ея уѣздъ, только скрѣпя сердце, поѣхала ему представиться. Одѣваясь къ выѣзду, она „слезно плакала, рвала и метала" и, несмотря на то, что Государь самъ подошелъ къ ея рукѣ, все-таки осталась недовольна. Но въ 1810 г., когда Московское благородное собраніе положило поставить Екатеринѣ II бронзовую статую, графиня Чернышева прислала 10/т. руб. и обязалась „ежегодно столько же вносить на все должное и полезное", въ ознаменованіе, какъ она писала, сердечнаго пріема жителями столицы, „гдѣ нѣкогда ея мужъ начальствовалъ, любимаго Государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ". Во время нашествія Наполеона въ ея усадьбу забрались два французскихъ солдата и начали хозяйничать. Графиня не испугалась и, выйдя къ нимъ въ лентѣ со звѣздою, такъ на нихъ прикрикнула по-французски, угрожая сейчасъ же написать Наполеону, котораго она лично знала, что они поспѣшили улетучиться.

Несчастная смерть двухъ крѣпостныхъ дѣвочекъ, замерзшихъ на чердакѣ, куда она приказала въ припадкѣ гнѣва ихъ запереть, совершенно забывъ потомъ объ этомъ, сильно повліяла на графиню Чернышеву; съ этого времени и до самой смерти своей, она стала сильнѣе, чѣмъ когда-либо, предаваться молитвѣ и посту, морила себя голодомъ и носила власяницу, пока въ ней не завелись черви, послѣ чего она велѣла ее сжечь и снова облеклась въ батистовое бѣлье. Она постоянно разъѣзжала на богомолья и жертвовала на церкви и монастыри; особенно чтила она образъ Ахтырской Божіей Матери, на который надѣла брилліантовое перо, пожалованное ей Государемъ, и свою кавалерскую звѣзду. Скончалась она, 85 лѣтъ, въ Смоленскѣ, 9 Іюля 1830 года и погребена въ Смоленскомъ женскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Графиня **АННА РОДІОНОВНА ЧЕРНЫШЕВА**, 1745—1830, была старшая дочь генералъ-майора барона Иродіона Кондратьевича Ведель († 1754 г.) отъ брака съ Настасіей Богдановной Пассекъ; мать ея скончалась вскорѣ послѣ отца, и она была привезена въ Петербургъ къ Императрицѣ Елисаветѣ. „Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ", писала она въ старости, „принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована въ фрейлины Петромъ III (1762 г.), въ статсъ-дамы Екатериною II (1773 г.) и въ старости, и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины первой степени (5 Апрѣля 1797 г.)..." Монаршими милостями графиня Чернышева была обязана также браку своему съ фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышевымъ.

Занимая чрезвычайно видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ, графиня Чернышева была извѣстна своимъ пылкимъ и строптивымъ характеромъ, рѣзкими выходками и колкими замѣчаніями, которыя она позволяла себѣ по отношенію къ многимъ лицамъ, не стѣсняясь ихъ общественнымъ положеніемъ. Соотвѣтственно этому создалась и ея репутація въ свѣтѣ. „Cette femme", говоритъ въ своемъ дневникѣ иностранный дипломатъ, шевалье де-Корберонъ, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade". Графиня А. Р. Чернышева, повѣствуетъ одинъ изъ ея бывшихъ дворовыхъ, „была вельможа настоящая, гордая, пышная и охъ какая крутая да капризная! Все у ней выходило невзначай и временемъ: когда милость, а когда и гроза. Часомъ, бывало, станетъ вдругъ богомольна, милостива, обходительна, и тогда уже добрымъ дѣламъ конца и мѣры нѣтъ. По цѣлымъ недѣлямъ Богу молится и постится, словно схимница какая, бѣдныхъ людей и нищую братію щедро награждаетъ, а въ иное время, что чаще бывало, просто и приступу къ ней нѣтъ: такова дѣлалась грозна и строптива— всѣхъ-то она тиранитъ и въ страхѣ держитъ; всякаго, кто бы ни былъ, норовитъ обидѣть и оборвать. И не токмо что наша братія, рабы ея, а и сильные люди по струнке передъ ней ходили... Подъ сердитую руку жалости у ней не было, тогда ужъ спуску не давалось. Графиня сѣкала людей больно и часто. Случалось, что и не вставали послѣ розогъ и плетей, а отвѣту за то не бывало, потому въ большой силѣ она состояла, и ей все было нипочемъ". Послѣ смерти мужа въ 1784 г. графиня Чернышева переѣхала въ свое „знатное мѣстечко" Чечерскъ, Смоленской губерніи. Здѣсь, по дорогѣ въ Крымъ, ее посѣтила въ 1787 г. Императрица Екатерина II и провела у нея сутки, при чемъ „графиня угостила свою Государыню и благодѣтельницу соотвѣтственно знаменитости и вкуса дома Чернышевыхъ" (Записки Добрынина, 1787 г.). Почему-то найдя, что ей не было оказано довольно почета Александромъ I, графиня Чернышева нѣсколько лѣтъ не появлялась при дворѣ и при проѣздѣ Государя черезъ ея уѣздъ, только скрѣпя сердце, поѣхала ему представиться. Одѣваясь къ выѣзду, она „слезно плакала, рвала и метала" и, несмотря на то, что Государь самъ подошелъ къ ея рукѣ, все-таки осталась недовольна. Но въ 1810 г., когда Московское благородное собраніе положило поставить Екатеринѣ II бронзовую статую, графиня Чернышева прислала 10/т. руб. и обязалась „ежегодно столько же вносить на все должное и полезное", въ ознаменованіе, какъ она писала, сердечнаго пріема жителями столицы, „гдѣ нѣкогда ея мужъ начальствовалъ, любимаго Государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ". Во время нашествія Наполеона въ ея усадьбу забрались два французскихъ солдата и начали хозяйничать. Графиня не испугалась и, выйдя къ нимъ въ лентѣ со звѣздою, такъ на нихъ прикрикнула по-французски, угрожая сейчасъ же написать Наполеону, котораго она лично знала, что они поспѣшили улетучиться.

Несчастная смерть двухъ крѣпостныхъ дѣвочекъ, замерзшихъ на чердакѣ, куда она приказала въ припадкѣ гнѣва ихъ запереть, совершенно забывъ потомъ объ этомъ, сильно повліяла на графиню Чернышеву; съ этого времени и до самой смерти своей, она стала сильнѣе, чѣмъ когда-либо, предаваться молитвѣ и посту, морила себя голодомъ и носила власяницу, пока въ ней не завелись черви, послѣ чего она велѣла ее сжечь и снова облеклась въ батистовое бѣлье. Она постоянно разъѣзжала на богомолья и жертвовала на церкви и монастыри; особенно чтила она образъ Ахтырской Божіей Матери, на который надѣла бриллiантовое перо, пожалованное ей Государемъ, и свою кавалерскую звѣзду. Скончалась она, 85 лѣтъ, въ Смоленскѣ, 9 Іюля 1830 года и погребена въ Смоленскомъ женскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La comtesse ANNE RODIONOWNA TCHERNYCHEFF, 1745—1830, fille aînée du baron Wedel (┼ 1754), général major, et d'Anastasie Bogdanowna, née Passek, perdit à peu d'intervalle son père, puis sa mère, et fut amenée à Pétersbourg chez l'Impératrice Elisabeth. „Orpheline à sept ans", écrit-elle dans sa vieillesse, „admise et élevée sous les lambris Impériaux d'Elisabeth Ire, faite demoiselle d'honneur par Pierre III (1762), dame d'honneur par Catherine II (1773), plus tard âgée et veuve, sur mon lit de souffrance, je ne fus pas oubliée par Paul Ier, qui me fit grand'croix de Ste-Catherine (5 avril 1797)"... Toutes ces faveurs, la comtesse les devait aussi à son mariage avec le feld-maréchal comte Z. Tchernycheff.

La comtesse Tchernycheff, qui occupait à la Cour et dans le monde une situation des plus éminentes, était connue pour son caractère violent et acariâtre, pour les brutales incartades et les malicieuses observations qu'elle se permettait en maintes occasions, sans égard pour aucun rang social. Elle avait une réputation en conséquence: „Cette femme", dit dans son journal un diplomate étranger, le chevalier de Corberon, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade". Au témoignage d'un de ses anciens valets, „elle était vraiment grande dame: une fierté, un embarras, et il fallait voir cette raideur et ces caprices! Avec elle, c'étaient toujours des surprises et des accès: la bonne humeur comme la colère. Il lui prendra tout d'un coup une piété, une douceur, une amabilité: alors ce sont des bonnes œuvres sans trève ni mesure, elle sera des semaines à prier et à jeûner comme une ascète, à faire des générosités sans fin aux pauvres et aux malheureux. A côté de ça, le plus souvent du reste, elle est positivement impraticable; furieuse et hargneuse, elle en a à tout le monde, elle harcèle tout le monde: personne, sans distinction, qu'elle ne s'amuse à blesser et à maltraiter! Et ce n'était pas seulement nous autres, ses esclaves: les puissants aussi, elle les faisait marcher... Dans ses moments de colère, elle était sans pitié: pas moyen d'y échapper! La comtesse faisait souvent fouetter, et cruellement. Il y en avait qui ne s'en relevaient pas, mais jamais on ne se plaignait, parce qu'elle était très forte et qu'elle n'avait rien à craindre". Devenue veuve en 1784, la comtesse Tchernycheff alla se fixer dans son domaine de Tchétchersk, gouvernement de Smolensk, où l'Impératrice Catherine II vint passer vingt-quatre heures en 1787, en route pour la Crimée. „Elle reçut sa Souveraine et bienfaitrice", dit Dobrynine à cette date dans ses Mémoires, „comme il convenait à la renommée et au goût des Tchernycheff". Sous Alexandre Ier, elle resta plusieurs années sans paraître à la Cour, l'Empereur ne lui témoignant pas assez de distinction à son gré, et, lorsqu'il vint à passer par ses domaines, ce n'est qu'à son corps défendant qu'elle alla se présenter: elle passa tout le temps de sa toilette „à pleurer à chaudes larmes, à s'agiter et se démener", et l'Empereur eut beau venir de lui-même lui baiser la main, elle ne fut pas encore contente. Mais lorsque, en 1810, l'Assemblée de la Noblesse de Moscou décida d'élever à Catherine II une statue de bronze, elle envoya 10.000 roubles, en promettant „d'en envoyer autant chaque année pour toutes œuvres nécessaires et utiles", en souvenir, écrivait-elle, de la cordiale réception faite par les habitants de la capitale „dont son mari avait été jadis commandant en chef, au Souverain bien-aimé qu'elle avait eu l'honneur de connaître au berceau et sur le Trône". Lors de l'invasion de Napoléon, deux soldats français pénétrèrent dans sa propriété et commencèrent à s'y installer. Sans s'effrayer, elle revêtit son grand cordon et son étoile, et leur fit en français une telle mercuriale, en les menaçant d'écrire tout de suite à Napoléon qu'elle connaissait personnellement, qu'ils s'empressèrent de détaler.

La triste fin de deux de ses filles de service, qu'elle oublia complètement après les avoir fait, dans un accès de colère, enfermer au grenier, où on les retrouva mortes de froid, eut sur elle un effet funeste: dès ce moment et jusqu'à sa mort, elle se remit de plus belle à prier et jeûner, et à se mortifier par la faim; elle revêtit un cilice, qu'elle fit jeter au feu quand la vermine s'y mit, pour reprendre son linge de batiste. Assidue aux pèlerinages, elle fit des dons aux églises et aux monastères; elle avait une ferveur particulière pour l'image de la Vierge d'Akhtyrka, qu'elle enrichit d'une plume en brillants, don de l'Empereur, et de son étoile de Ste-Catherine. Elle mourut à Smolensk le 9 juillet 1830, à l'âge de 85 ans, et fut inhumée au couvent de femmes de cette ville.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

La comtesse ANNE RODIONOWNA TCHERNYCHEFF, 1745—1830, fille aînée du baron Wedel (┼ 1754), général major, et d'Anastasie Bogdanowna, née Passek, perdit à peu d'intervalle son père, puis sa mère, et fut amenée à Pétersbourg chez l'Impératrice Elisabeth. „Orpheline à sept ans", écrit-elle dans sa vieillesse, „admise et élevée sous les lambris Impériaux d'Elisabeth Ire, faite demoiselle d'honneur par Pierre III (1762), dame d'honneur par Catherine II (1773), plus tard âgée et veuve, sur mon lit de souffrance, je ne fus pas oubliée par Paul Ier, qui me fit grand'croix de Ste-Catherine (5 avril 1797)"... Toutes ces faveurs, la comtesse les devait aussi à son mariage avec le feld-maréchal comte Z. Tchernycheff.

La comtesse Tchernycheff, qui occupait à la Cour et dans le monde une situation des plus éminentes, était connue pour son caractère violent et acariâtre, pour les brutales incartades et les malicieuses observations qu'elle se permettait en maintes occasions, sans égard pour aucun rang social. Elle avait une réputation en conséquence: „Cette femme", dit dans son journal un diplomate étranger, le chevalier de Corberon, „a le ton d'une harengère. C'est la plus méchante créature qu'on puisse voir, et qui souvent a le ton le plus insolent. C'est une de ces femmes-hommes dont parle Diderot, et cela ferait un homme fort maussade". Au témoignage d'un de ses anciens valets, „elle était vraiment grande dame: une fierté, un embarras, et il fallait voir cette raideur et ces caprices! Avec elle, c'étaient toujours des surprises et des accès: la bonne humeur comme la colère. Il lui prendra tout d'un coup une piété, une douceur, une amabilité: alors ce sont des bonnes œuvres sans trève ni mesure, elle sera des semaines à prier et à jeûner comme une ascète, à faire des générosités sans fin aux pauvres et aux malheureux. A côté de ça, le plus souvent du reste, elle est positivement impraticable; furieuse et hargneuse, elle en a à tout le monde, elle harcèle tout le monde: personne, sans distinction, qu'elle ne s'amuse à blesser et à maltraiter! Et ce n'était pas seulement nous autres, ses esclaves: les puissants aussi, elle les faisait marcher... Dans ses moments de colère, elle était sans pitié: pas moyen d'y échapper! La comtesse faisait souvent fouetter, et cruellement. Il y en avait qui ne s'en relevaient pas, mais jamais on ne se plaignait, parce qu'elle était très forte et qu'elle n'avait rien à craindre". Devenue veuve en 1784, la comtesse Tchernycheff alla se fixer dans son domaine de Tchétchersk, gouvernement de Smolensk, où l'Impératrice Catherine II vint passer vingt-quatre heures en 1787, en route pour la Crimée. „Elle reçut sa Souveraine et bienfaitrice", dit Dobrynine à cette date dans ses Mémoires, „comme il convenait à la renommée et au goût des Tchernycheff". Sous Alexandre Ier, elle resta plusieurs années sans paraître à la Cour, l'Empereur ne lui témoignant pas assez de distinction à son gré, et, lorsqu'il vint à passer par ses domaines, ce n'est qu'à son corps défendant qu'elle alla se présenter: elle passa tout le temps de sa toilette „à pleurer à chaudes larmes, à s'agiter et se démener", et l'Empereur eut beau venir de lui-même lui baiser la main, elle ne fut pas encore contente. Mais lorsque, en 1810, l'Assemblée de la Noblesse de Moscou décida d'élever à Catherine II une statue de bronze, elle envoya 10.000 roubles, en promettant „d'en envoyer autant chaque année pour toutes œuvres nécessaires et utiles", en souvenir, écrivait-elle, de la cordiale réception faite par les habitants de la capitale „dont son mari avait été jadis commandant en chef, au Souverain bien-aimé qu'elle avait eu l'honneur de connaître au berceau et sur le Trône". Lors de l'invasion de Napoléon, deux soldats français pénétrèrent dans sa propriété et commencèrent à s'y installer. Sans s'effrayer, elle revêtit son grand cordon et son étoile, et leur fit en français une telle mercuriale, en les menaçant d'écrire tout de suite à Napoléon qu'elle connaissait personnellement, qu'ils s'empressèrent de détaler.

La triste fin de deux de ses filles de service, qu'elle oublia complètement après les avoir fait, dans un accès de colère, enfermer au grenier, où on les retrouva mortes de froid, eut sur elle un effet funeste: dès ce moment et jusqu'à sa mort, elle se remit de plus belle à prier et jeûner, et à se mortifier par la faim; elle revêtit un cilice, qu'elle fit jeter au feu quand la vermine s'y mit, pour reprendre son linge de batiste. Assidue aux pèlerinages, elle fit des dons aux églises et aux monastères; elle avait une ferveur particulière pour l'image de la Vierge d'Akhtyrka, qu'elle enrichit d'une plume en brillants, don de l'Empereur, et de son étoile de Ste-Catherine. Elle mourut à Smolensk le 9 juillet 1830, à l'âge de 85 ans, et fut inhumée au couvent de femmes de cette ville.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ДЕНИСЪ ИВАНОВИЧЪ ЧИЧЕРИНЪ, 1721—1785, сынъ подполковника Ивана Лаврентьевича Чичерина, началъ службу въ 1735 г. съ солдатскихъ чиновъ въ Семеновскомъ полку и только въ 1741 г. получилъ чинъ прапорщика; въ Семеновскомъ полку онъ сблизился съ Орловыми, которые служили въ его ротѣ. Петръ III уволилъ Чичерина въ отставку, съ чиномъ секундъ-майора, но послѣ его низложенія Д. И. Чичеринъ снова былъ принятъ на службу премьеръ-майоромъ, а 10 Августа 1763 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ. Въ теченіе 18 лѣтъ Чичеринъ правилъ этой громадной областью, уменьшенной, по указу 19 Октября 1764 г., выдѣленіемъ изъ нея особой Иркутской губерніи; онъ получилъ за это время, въ 1773 г., чинъ генералъ-поручика и, въ 1775 г., орденъ св. Александра Невскаго. По увольненіи въ 1781 г. въ отставку, Чичеринъ жилъ въ своемъ родовомъ сельцѣ Ильинскомъ, близъ Бѣлева, гдѣ и умеръ въ 1785 году. Передъ смертью онъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ, чуждался людей и отказывался отъ пищи. Отъ брака съ Екатериной Степановной Яковлевой онъ имѣлъ сына Александра и дочь Глафиру (за С. И. Богдановымъ).

Чичеринъ былъ типичнымъ администраторомъ Екатерининской эпохи. Большой баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, представительный по внѣшности, обходительный и гостепріимный, онъ былъ, какъ нельзя болѣе, способенъ поддерживать престижъ власти въ Сибирской глуши. Свиту губернатора составляло болѣе 300 гайдуковъ, скороходовъ, гусаръ и араповъ, сопровождавшихъ своего господина, когда онъ въ высокоторжественные дни шествовалъ въ соборъ, облеченный въ малиновую орденскую мантію. Ежедневно его столъ накрывался на 50 кувертовъ; его праздничные пиры и масленичныя катанія отличались баснословнымъ для Сибири блескомъ и роскошью. Административные пріемы Чичерина вполнѣ соотвѣтствовали духу времени. „Я въ душѣ республиканка", говорила Екатерина, „но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима". Имѣя за образецъ „премилосердую Мать отечества", всякій неравнодушный къ своей карьерѣ администраторъ долженъ былъ показать себя попечительнымъ отцомъ обывателей, которые всѣ нуждались въ опекѣ, одни какъ, по неразумію, не понимавшіе благихъ видовъ правительства, другіе—какъ „замертвѣлые въ упрямствѣ". Трудно было найти для сибиряковъ болѣе энергичнаго опекуна, чѣмъ Чичеринъ. Ни одна мелочь обывательскаго быта не ускользала отъ ока губернатора: онъ во все вмѣшивался, все регламентировалъ, даже ловилъ бродячихъ собакъ, лѣчилъ обывательскихъ коровъ и дозволялъ продавать муку изъ лавокъ только послѣ „апробаціи печеніемъ" изъ этой муки пробнаго хлѣба. Съ ослушниками онъ расправлялся быстро. За неисправность мостовыхъ, за непрописку жильцовъ и за тому подобные проступки домовладѣльцевъ не только „сѣкли на рынкѣ съ барабаннымъ боемъ" или „сажали на цѣпь" на хлѣбъ и на воду, но били кнутомъ и ссылали на каторгу, съ вырѣзаніемъ ноздрей. Ходили легендарные слухи о его „ужаснѣйшихъ варварствахъ"; разсказывали, что плѣнныхъ конфедератовъ онъ привязывалъ къ бревнамъ и скатывалъ съ кручи въ Иртышъ. Преслѣдуя взяточниковъ, онъ не прибѣгалъ къ суду, но „секретно отдиралъ ихъ на тѣлѣ". Но сибиряки были довольны скорымъ, хотя не всегда правымъ судомъ губернатора, и Чичеринъ долго жилъ въ ихъ памяти подъ именемъ „батюшки Дениса Ивановича". При дворѣ онъ пользовался весьма лестной репутаціей. Чичеринъ угождалъ Екатеринѣ не только „весьма разумными инструкціями" для снаряжаемыхъ имъ экспедицій, но и присылкой сибирскихъ „курьезныхъ вещей", въ родѣ „птичьихъ мѣховъ", а иногда успѣвалъ „поклониться Императрицѣ сысканными и приведенными въ ея подданство неизвѣстными до того времени шестью Алеутскими островами". При дворѣ съ любопытствомъ разсматривали присланныя съ невѣдомыхъ острововъ „изъ рыбьихъ жилъ нитки" и „костяныя уды", и въ отвѣтъ на это губернаторъ получалъ не только монаршее „спасибо", но и сшитую изъ сибирскихъ „птичьихъ мѣховъ" муфту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно затруднительное порученіе „прибрать" изъ тѣхъ мѣховъ „фалбалы и опушки на платья, которыя попестрѣе".

Въ административныхъ дѣлахъ Чичеринъ, конечно, оставлялъ свою повелительницу въ наивной, хотя и пріятной увѣренности, что, въ силу однихъ ея филантропическихъ указовъ, на краю свѣта, среди дикой природы и дикихъ людей осуществятся гуманныя и либеральныя отвлеченности, которыми была пресыщена атмосфера „янтарныхъ теремовъ и сребророзовыхъ свѣтлицъ" великой и премудрой Фелицы.

(Съ серебряной табакерки, съ вычеканенными на бокахъ планами Сибирскихъ городовъ, изъ Щукинскаго музея, въ Москвѣ.)

ДЕНИСЪ ИВАНОВИЧЪ ЧИЧЕРИНЪ, 1721—1785, сынъ подполковника Ивана Лаврентьевича Чичерина, началъ службу въ 1735 г. съ солдатскихъ чиновъ въ Семеновскомъ полку и только въ 1741 г. получилъ чинъ прапорщика; въ Семеновскомъ полку онъ сблизился съ Орловыми, которые служили въ его ротѣ. Петръ III уволилъ Чичерина въ отставку, съ чиномъ секундъ-майора, но послѣ его низложенія Д. И. Чичеринъ снова былъ принятъ на службу премьеръ-майоромъ, а 10 Августа 1763 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ. Въ теченіе 18 лѣтъ Чичеринъ правилъ этой громадной областью, уменьшенной, по указу 19 Октября 1764 г., выдѣленіемъ изъ нея особой Иркутской губерніи; онъ получилъ за это время, въ 1773 г., чинъ генералъ-поручика и, въ 1775 г., орденъ св. Александра Невскаго. По увольненіи въ 1781 г. въ отставку, Чичеринъ жилъ въ своемъ родовомъ сельцѣ Ильинскомъ, близъ Бѣлева, гдѣ и умеръ въ 1785 году. Передъ смертью онъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ, чуждался людей и отказывался отъ пищи. Отъ брака съ Екатериной Степановной Яковлевой онъ имѣлъ сына Александра и дочь Глафиру (за С. И. Богдановымъ).

Чичеринъ былъ типичнымъ администраторомъ Екатерининской эпохи. Большой баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, представительный по внѣшности, обходительный и гостепріимный, онъ былъ, какъ нельзя болѣе, способенъ поддерживать престижъ власти въ Сибирской глуши. Свиту губернатора составляло болѣе 300 гайдуковъ, скороходовъ, гусаръ и араповъ, сопровождавшихъ своего господина, когда онъ въ высокоторжественные дни шествовалъ въ соборъ, облеченный въ малиновую орденскую мантію. Ежедневно его столъ накрывался на 50 кувертовъ; его праздничные пиры и масленичныя катанія отличались баснословнымъ для Сибири блескомъ и роскошью. Административные пріемы Чичерина вполнѣ соотвѣтствовали духу времени. „Я въ душѣ республиканка“, говорила Екатерина, „но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима“. Имѣя за образецъ „премилосердую Мать отечества“, всякій неравнодушный къ своей карьерѣ администраторъ долженъ былъ показать себя попечительнымъ отцомъ обывателей, которые всѣ нуждались въ опекѣ, одни какъ, по неразумію, не понимавшіе благихъ видовъ правительства, другіе—какъ „замертвѣлые въ упрямствѣ“. Трудно было найти для сибиряковъ болѣе энергичнаго опекуна, чѣмъ Чичеринъ. Ни одна мелочь обывательскаго быта не ускользала отъ ока губернатора: онъ во все вмѣшивался, все регламентировалъ, даже ловилъ бродячихъ собакъ, лѣчилъ обывательскихъ коровъ и дозволялъ продавать муку изъ лавокъ только послѣ „апробаціи печеніемъ“ изъ этой муки пробнаго хлѣба. Съ ослушниками онъ расправлялся быстро. За неисправность мостовыхъ, за непрописку жильцовъ и за тому подобные проступки домовладѣльцевъ не только „сѣкли на рынкѣ съ барабаннымъ боемъ“ или „сажали на цѣпь“ на хлѣбъ и на воду, но били кнутомъ и ссылали на каторгу, съ вырѣзаніемъ ноздрей. Ходили легендарные слухи о его „ужаснѣйшихъ варварствахъ“; разсказывали, что плѣнныхъ конфедератовъ онъ привязывалъ къ бревнамъ и скатывалъ съ кручи въ Иртышъ. Преслѣдуя взяточниковъ, онъ не прибѣгалъ къ суду, но „секретно отдирывалъ ихъ на тѣлѣ“. Но сибиряки были довольны скорымъ, хотя не всегда правымъ судомъ губернатора, и Чичеринъ долго жилъ въ ихъ памяти подъ именемъ „батюшки Дениса Ивановича“. При дворѣ онъ пользовался весьма лестной репутаціей. Чичеринъ угождалъ Екатеринѣ не только „весьма разумными инструкціями“ для снаряжаемыхъ имъ экспедицій, но и присылкой сибирскихъ „курьезныхъ вещей“, въ родѣ „птичьихъ мѣховъ“, а иногда успѣвалъ „поклониться Императрицѣ сысканными и приведенными въ ея подданство неизвѣстными до того времени шестью Алеутскими островами“. При дворѣ съ любопытствомъ разсматривали присланныя съ невѣдомыхъ острововъ „изъ рыбьихъ жилъ нитки“ и „костяныя уды“, и въ отвѣтъ на это губернаторъ получалъ не только монаршее „спасибо“, но и сшитую изъ сибирскихъ „птичьихъ мѣховъ“ муфту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно затруднительное порученіе „прибрать“ изъ тѣхъ мѣховъ „фалбалы и опушки на платья, которыя попестрѣе“.

Въ административныхъ дѣлахъ Чичеринъ, конечно, оставлялъ свою повелительницу въ наивной, хотя и пріятной увѣренности, что, въ силу однихъ ея филантропическихъ указовъ, на краю свѣта, среди дикой природы и дикихъ людей осуществятся гуманныя и либеральныя отвлеченности, которыми была пресыщена атмосфера „янтарныхъ теремовъ и сребророзовыхъ свѣтлицъ“ великой и премудрой Фелицы.

(Съ серебряной табакерки, съ вычеканенными на бокахъ планами Сибирскихъ городовъ, изъ Щукинскаго музея, въ Москвѣ.)

DENIS IVANOWITCH TCHITCHÉRINE, 1721—1785, fils du lieutenant-colonel Ivan Lavrentiewitch Tchitchérine, entra au service en 1735 simple soldat au régiment Sémenowsky, où il ne passa porte-enseigne qu'en 1741, et où il se lia avec les Orloff, ses camarades de compagnie. Mis à la retraite second major par Pierre III, il reprit de l'activité à l'avènement de Catherine II avec grade de premier major, puis, le 10 août 1763, fut promu général major et fait gouverneur de la Sibérie. Il administra dix-huit ans cet immense pays, à part le gouvernement d'Irkoutsk, détaché par oukaze du 19 octobre 1764, et y obtint en 1773 le grade de général lieutenant, et en 1775 l'ordre de St-Alexandre Newsky. Mis à la retraite en 1781, il se retira dans son bourg natal d'Ilyinskoïé, près Béleff, où il mourut en 1785, après avoir quelque temps manifesté des signes de dérangement cérébral, ne voulant voir personne et refusant toute nourriture. Il avait épousé Catherine Stépanowna Yakovleff, dont il eut un fils, Alexandre, et une fille, Glaphyre, mariée à S. Bogdanoff.

Tchitchérine fut bien le type de l'administrateur du temps de Catherine. Grand seigneur dans toute l'acception du terme, avec toute sa représentation, ses goûts de société et ses réceptions, il était on ne peut mieux capable de soutenir le prestige du pouvoir au fond de cette Sibérie. Il avait une suite de plus de trois cents haïdouques, courriers, hussards et nègres, qui l'accompagnaient aux jours de grande solennité, quand il se rendait à la cathédrale, drapé dans le manteau violet de St-Alexandre. Sa table était tous les jours de cinquante couverts; l'éclat et le luxe de ses repas de fête et de ses divertissements du Carnaval firent époque dans le pays. Ses procédés administratifs étaient bien dans le goût du temps: „Dans l'âme je suis républicaine“, disait Catherine, „mais le bien du peuple russe exige un gouvernement absolu“. S'inspirant de „la très gracieuse Mère de la Patrie“, tout administrateur soucieux de sa carrière devait être un père diligent pour ses administrés, qui réclamaient tous une tutelle, pour être, les uns hors d'état de comprendre les bonnes intentions du gouvernement, les autres „endurcis dans leurs errements“. On ne pouvait guère donner aux Sibériens une tutelle plus énergique que celle de Tchitchérine. Pas une vétille de la vie pratique qui échappât à sa vigilance! Se mêlant de tout, réglementant tout, il allait jusqu'à ramasser les chiens perdus, traiter les bestiaux malades, et ne laissait vendre la farine qu'après avoir prélevé un échantillon pour faire un pain d'essai. Il avait vite fait son affaire des délinquants. Une rue mal entretenue, un passeport non enregistré ou quelque autre peccadille, c'était pour un propriétaire „le fouet en place publique au son du tambour“, ou les fers au pain et à l'eau, sinon même le knout et le bagne avec arrachement des narines. Il circulait des légendes, sur „les barbaries inouïes“ de Tchitchérine: des prisonniers polonais auraient été ligotés à des poutres et précipités dans l'Irtych du haut d'une côte escarpée. Pour les concussionnaires, pas de jugement: simplement „on les fouettait à huis clos“. Mais la Sibérie était contente de la justice expéditive, sinon toujours équitable, de son gouverneur, et le souvenir du „paternel Denis Ivanowitch“ y resta longtemps vivant. A la Cour, il était également fort bien vu. Empressé près de Catherine avec „les instructions parfaitement entendues“ destinées aux expéditions qu'il organisait, il lui envoyait aussi des „fourrures de plume“ et autres „curiosités“ de Sibérie, et, parfois même, trouvait le moyen de „faire hommage à l'Impératrice de la découverte et de l'annexion à ses états des six îles Aléoutiennes, inconnues jusqu'alors“. La Cour était curieuse de toute espèce de produits d'îles ignorées, „fils de tendons de poisson“ ou „aiguilles d'os“, en échange desquels le gouverneur recevait non seulement la gratitude de Sa Majesté, mais encore un manchon de cette „fourrure de plume“ sibérienne, sans parler de la commission assez embarrassante de „trouver un assortiment“ de fourrure de ce genre comme „falbalas et bordures de vêtements de couleur un peu bariolés“.

En matière d'administration, bien entendu, Tchitchérine laissait à sa Souveraine la naïve, mais douce illusion de réaliser à l'autre bout du monde, dans une nature sauvage et avec des hommes incultes, et par la seule vertu de ses oukazes philanthropiques, les abstractions humanitaires et libérales dont l'atmosphère était saturée autour de la grande civilisatrice.

(D'après une tabatière d'argent portant gravés sur ses faces des plans de villes de Sibérie, Musée Chtchoukine, à Moscou.)

DENIS IVANOWITCH TCHITCHÉRINE, 1721—1785, fils du lieutenant-colonel Ivan Lavrentiewitch Tchitchérine, entra au service en 1735 simple soldat au régiment Sémenowsky, où il ne passa porte-enseigne qu'en 1741, et où il se lia avec les Orloff, ses camarades de compagnie. Mis à la retraite second major par Pierre III, il reprit de l'activité à l'avènement de Catherine II avec grade de premier major, puis, le 10 août 1763, fut promu général major et fait gouverneur de la Sibérie. Il administra dix-huit ans cet immense pays, à part le gouvernement d'Irkoutsk, détaché par oukaze du 19 octobre 1764, et y obtint en 1773 le grade de général lieutenant, et en 1775 l'ordre de St-Alexandre Newsky. Mis à la retraite en 1781, il se retira dans son bourg natal d'Ilyinskoïé, près Béleff, où il mourut en 1785, après avoir quelque temps manifesté des signes de dérangement cérébral, ne voulant voir personne et refusant toute nourriture. Il avait épousé Catherine Stépanowna Yakovleff, dont il eut un fils, Alexandre, et une fille, Glaphyre, mariée à S. Bogdanoff.

Tchitchérine fut bien le type de l'administrateur du temps de Catherine. Grand seigneur dans toute l'acception du terme, avec toute sa représentation, ses goûts de société et ses réceptions, il était on ne peut mieux capable de soutenir le prestige du pouvoir au fond de cette Sibérie. Il avait une suite de plus de trois cents haïdouques, courriers, hussards et nègres, qui l'accompagnaient aux jours de grande solennité, quand il se rendait à la cathédrale, drapé dans le manteau violet de St-Alexandre. Sa table était tous les jours de cinquante couverts; l'éclat et le luxe de ses repas de fête et de ses divertissements du Carnaval firent époque dans le pays. Ses procédés administratifs étaient bien dans le goût du temps: „Dans l'âme je suis républicaine", disait Catherine, „mais le bien du peuple russe exige un gouvernement absolu". S'inspirant de „la très gracieuse Mère de la Patrie", tout administrateur soucieux de sa carrière devait être un père diligent pour ses administrés, qui réclamaient tous une tutelle, pour être, les uns hors d'état de comprendre les bonnes intentions du gouvernement, les autres „endurcis dans leurs errements". On ne pouvait guère donner aux Sibériens une tutelle plus énergique que celle de Tchitchérine. Pas une vétille de la vie pratique qui échappât à sa vigilance! Se mêlant de tout, réglementant tout, il allait jusqu'à ramasser les chiens perdus, traiter les bestiaux malades, et ne laissait vendre la farine qu'après avoir prélevé un échantillon pour faire un pain d'essai. Il avait vite fait son affaire des délinquants. Une rue mal entretenue, un passeport non enregistré ou quelque autre peccadille, c'était pour un propriétaire „le fouet en place publique au son du tambour", ou les fers au pain et à l'eau, sinon même le knout et le bagne avec arrachement des narines. Il circulait des légendes, sur „les barbaries inouïes" de Tchitchérine: des prisonniers polonais auraient été ligotés à des poutres et précipités dans l'Irtych du haut d'une côte escarpée. Pour les concussionnaires, pas de jugement: simplement „on les fouettait à huis clos". Mais la Sibérie était contente de la justice expéditive, sinon toujours équitable, de son gouverneur, et le souvenir du „paternel Denis Ivanowitch" y resta longtemps vivant. A la Cour, il était également fort bien vu. Empressé près de Catherine avec „les instructions parfaitement entendues" destinées aux expéditions qu'il organisait, il lui envoyait aussi des „fourrures de plume" et autres „curiosités" de Sibérie, et, parfois même, trouvait le moyen de „faire hommage à l'Impératrice de la découverte et de l'annexion à ses états des six îles Aléoutiennes, inconnues jusqu'alors". La Cour était curieuse de toute espèce de produits d'îles ignorées, „fils de tendons de poisson" ou „aiguilles d'os", en échange desquels le gouverneur recevait non seulement la gratitude de Sa Majesté, mais encore un manchon de cette „fourrure de plume" sibérienne, sans parler de la commission assez embarrassante de „trouver un assortiment" de fourrure de ce genre comme „falbalas et bordures de vêtements de couleur un peu bariolés".

En matière d'administration, bien entendu, Tchitchérine laissait à sa Souveraine la naïve, mais douce illusion de réaliser à l'autre bout du monde, dans une nature sauvage et avec des hommes incultes, et par la seule vertu de ses oukazes philanthropiques, les abstractions humanitaires et libérales dont l'atmosphère était saturée autour de la grande civilisatrice.

(D'après une tabatière d'argent portant gravés sur ses faces des plans de villes de Sibérie, Musée Chtchoukine, à Moscou.)

Князь **АНТОНІЙ-СТАНИСЛАВЪ СВЯТОПОЛКЪ-ЧЕТВЕРТИНСКІЙ**, 174.—1794, каштелянъ Перемышльскій (1788 г.), кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава, сынъ князя Владиміра Гавриловича отъ брака съ Терезой Босняцкой, потомокъ древне-русскаго, но ополяченнаго рода, происходящаго отъ Рюрика (католичество принялъ его дѣдъ, подсудокъ Брацлавскій Гавріилъ Вацлавовичъ, родной братъ котораго былъ православнымъ епископомъ Могилевскимъ), принадлежитъ къ числу довольно видныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой. Онъ обладалъ отважнымъ характеромъ и краснорѣчіемъ и на сеймахъ смѣло выступалъ въ защиту своихъ убѣжденій. Искренній патріотъ, Четвертинскій былъ консерваторъ, защищавшій шляхетскія вольности, не сознавая, что онѣ привели его родину къ гибели. По свидѣтельству Цѣшковскаго, во время перваго раздѣла Польши онъ „горячо стоялъ за родину на сеймѣ 1773 г., подъ предсѣдательствомъ Понинскаго, и не желалъ подписать акта раздѣла Польши; его знаменитый протестъ былъ внесенъ въ городскія книги Варшавы и напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ погибъ бы, ходатайствуя за насилуемыхъ депутатовъ, Рейтана и Корсака, если бы король не спасъ его". Впослѣдствіи Четвертинскій примкнулъ къ партіи, которая не желала реформъ, уменьшавшихъ шляхетскія вольности, и была поддерживаема Россіей. 3 Мая 1791 г., въ день государственнаго переворота, онъ произнесъ на сеймѣ горячую рѣчь противъ проекта новой конституціи и закончилъ ее слѣдующими словами: „Въ немъ гробъ вольности, и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то по крайней мѣрѣ будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ". Онъ, дѣйствительно, заплакалъ и затѣмъ сквозь слезы сказалъ: „Буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ!" Когда послѣ переворота сеймъ рѣшилъ, чтобы всѣ военные, находящіеся за границей, возвратились и присягнули новой конституціи, Четвертинскій объявилъ, что это—насиліе надъ недовольными конституціей. Слова его вызвали страшное негодованіе. Несмотря на это, Четвертинскій въ заключеніе сказалъ: „Я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло свои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанной насильно. Не боюсь ничего. Если вамъ нужны жертвы, дѣлайте что хотите". Всѣ сеймовые послы, недовольные конституціей, разъѣхались, и Четвертинскій былъ почти единственный человѣкъ, смѣло высказывавшійся противъ нея. Когда образовалась, подъ покровительствомъ Россіи, Тарговицская конфедерація для возстановленія стараго порядка, Четвертинскій примкнулъ къ ней и былъ избранъ въ совѣтники. Послѣ Апрѣльскаго возстанія 1794 г. онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму Брюлевскаго дворца; 27 Іюня 1794 г. толпа вывела его изъ тюрьмы вмѣстѣ съ другими, оставшимися въ живыхъ, сторонниками русской партіи, чтобы расправиться съ ними. Въ этотъ трагическій моментъ Четвертинскій измѣнилъ себѣ: онъ такъ оробѣлъ, что съ плачемъ цѣловалъ руки птичнику Дзекужскому и просилъ дать ему нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали, потащили на Краковское предмѣстье къ дому Браницкаго и здѣсь повѣсили. Торговецъ сѣномъ Ясинскій подсадилъ его; веревка оказалась короткой, и Ясинскій привязалъ къ ней платокъ. Стоявшіе кругомъ въ это время кричали, а потомъ раздѣлили между собою его одежду.

Князь А. Четвертинскій былъ женатъ дважды: на Теклѣ Кампенгаузенъ и на дочери Бусскаго каштеляна Колеттѣ Адамовнѣ Холоневской. Отъ перваго брака онъ имѣлъ сына Бориса (р. 1781 г., † 1865 г.) и двухъ дочерей: Жаннету (р. 1777 г., † 1854 г.), за Севериномъ Вышковскимъ, и Марію (р. 1779 г., † 1854 г.), жену Д. Л. Нарышкина, извѣстную красавицу, игравшую видную роль при Александрѣ I, а отъ второго брака—двухъ сыновей: Константина (р. 1789 г., † 1871 г.), дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и Густава (р. 1794 г., † 1851 г.), тайнаго совѣтника, сенатора. Послѣ смерти Четвертинскаго, пострадавшаго за принадлежность къ русской партіи, Екатерина II вызвала въ Петербургъ его вдову съ дѣтьми, пасынкомъ и падчерицами, и взяла на себя устройство ихъ судьбы.

(Съ миніатюры, принадлежавшей княгинѣ Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

Князь АНТОНІЙ-СТАНИСЛАВЪ СВЯТОПОЛКЪ-ЧЕТВЕРТИНСКІЙ, 174.—1794, каштелянъ Перемышльскій (1788 г.), кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава, сынъ князя Владиміра Гавриловича отъ брака съ Терезой Босняцкой, потомокъ древне-русскаго, но ополяченнаго рода, происходящаго отъ Рюрика (католичество принялъ его дѣдъ, подсудокъ Брацлавскій Гавріилъ Вацлавовичъ, родной братъ котораго былъ православнымъ епископомъ Могилевскимъ), принадлежитъ къ числу довольно видныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой. Онъ обладалъ отважнымъ характеромъ и краснорѣчіемъ и на сеймахъ смѣло выступалъ въ защиту своихъ убѣжденій. Искренній патріотъ, Четвертинскій былъ консерваторъ, защищавшій шляхетскія вольности, не сознавая, что онѣ привели его родину къ гибели. По свидѣтельству Цѣшковскаго, во время перваго раздѣла Польши онъ „горячо стоялъ за родину на сеймѣ 1773 г., подъ предсѣдательствомъ Понинскаго, и не желалъ подписать акта раздѣла Польши; его знаменитый протестъ былъ внесенъ въ городскія книги Варшавы и напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ погибъ бы, ходатайствуя за преслѣдуемыхъ депутатовъ, Рейтана и Корсака, если бы король не спасъ его". Впослѣдствіи Четвертинскій примкнулъ къ партіи, которая не желала реформъ, уменьшавшихъ шляхетскія вольности, и была поддерживаема Россіей. 3 Мая 1791 г., въ день государственнаго переворота, онъ произнесъ на сеймѣ горячую рѣчь противъ проекта новой конституціи и закончилъ ее слѣдующими словами: „Въ немъ гробъ вольности, и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то по крайней мѣрѣ будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ". Онъ, дѣйствительно, заплакалъ и затѣмъ сквозь слезы сказалъ: „Буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ!" Когда послѣ переворота сеймъ рѣшилъ, чтобы всѣ военные, находящіеся за границей, возвратились и присягнули новой конституціи, Четвертинскій объявилъ, что это—насиліе надъ недовольными конституціей. Слова его вызвали страшное негодованіе. Несмотря на это, Четвертинскій въ заключеніе сказалъ: „Я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло свои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанной насильно. Не боюсь ничего. Если вамъ нужны жертвы, дѣлайте что хотите". Всѣ сеймовые послы, недовольные конституціей, разъѣхались, и Четвертинскій былъ почти единственный человѣкъ, смѣло высказывавшійся противъ нея. Когда образовалась, подъ покровительствомъ Россіи, Тарговицская конфедерація для возстановленія стараго порядка, Четвертинскій примкнулъ къ ней и былъ избранъ въ совѣтники. Послѣ Апрѣльскаго возстанія 1794 г. онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму Брюлевскаго дворца; 27 Іюня 1794 г. толпа вывела его изъ тюрьмы вмѣстѣ съ другими, оставшимися въ живыхъ, сторонниками русской партіи, чтобы расправиться съ ними. Въ этотъ трагическій моментъ Четвертинскій измѣнилъ себѣ: онъ такъ оробѣлъ, что съ плачемъ цѣловалъ руки птичнику Дзекужскому и просилъ дать ему нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали, потащили на Краковское предмѣстье къ дому Браницкаго и здѣсь повѣсили. Торговецъ сѣномъ Ясинскій подсадилъ его; веревка оказалась короткой, и Ясинскій привязалъ къ ней платокъ. Стоявшіе кругомъ въ это время кричали, а потомъ раздѣлили между собою его одежду.

Князь А. Четвертинскій былъ женатъ дважды: на Теклѣ Кампенгаузенъ и на дочери Бусскаго каштеляна Колеттѣ Адамовнѣ Холоневской. Отъ перваго брака онъ имѣлъ сына Бориса (р. 1781 г., † 1865 г.) и двухъ дочерей: Жаннету (р. 1777 г., † 1854 г.), за Севериномъ Вышковскимъ, и Марію (р. 1779 г., † 1854 г.), жену Д. Л. Нарышкина, извѣстную красавицу, игравшую видную роль при Александрѣ I, а отъ второго брака—двухъ сыновей: Константина (р. 1789 г., † 1871 г.), дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и Густава (р. 1794 г., † 1851 г.), тайнаго совѣтника, сенатора. Послѣ смерти Четвертинскаго, пострадавшаго за принадлежность къ русской партіи, Екатерина II вызвала въ Петербургъ его вдову съ дѣтьми, пасынкомъ и падчерицами, и взяла на себя устройство ихъ судьбы.

(Съ миніатюры, принадлежавшей княгинѣ Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

Le prince ANTOINE-STANISLAS SVIATOPOLK-TCHETVERTINSKY, 174.—1794, castellan de Pérémysl (1788), chevalier des ordres de l'Aigle Blanc et de St-Stanislas, fils du prince Vladimir Gavrilowitch Sviatopolk-Tchetvertinsky et de sa femme, née Thérèse Bosniacki, appartenait à une vieille famille russe polonisée qui descendait de Rurik, et dont la conversion au catholicisme remontait à son grand-père Gabriel Vatzlavowitch, magistrat de Bratzlav et frère de l'évêque orthodoxe de Mohileff. Un des personnages les plus marquants des dernières années de la République Polonaise, il était doué d'une énergie de caractère et d'une éloquence qu'il employa hardiment dans les diètes au service de ses convictions. Patriote convaincu, il était conservateur et défendit les privilèges de la noblesse, sans se douter qu'ils entraînaient sa patrie à la ruine. Lors du premier partage de la Pologne, dit Cieszkowski, „à la diète de 1775, présidée par Poninsky, il soutint la patrie avec ardeur: il ne voulait pas signer l'acte de partage, et sa célèbre protestation fut insérée dans les registres de la ville de Varsovie et publiée dans les journaux polonais. Sans le Roi, c'en était fait de lui, avec son intervention à propos des violences infligées aux députés Reitan et Korsak". Il adhéra dans la suite au parti opposé à la réforme des privilèges de la noblesse et soutenu par la Russie. Au coup d'état du 3 mai 1791, il prononça en pleine diète contre la nouvelle constitution un violent discours qu'il termina par ces mots: „Ce projet est le tombeau de la liberté, et je suis contre son adoption. Si mon zèle civique demeure impuissant, soyez du moins témoins de mes protestations et de mes larmes", et il ajouta en effet à travers ses larmes: „Je porterai le deuil jusqu'à ma mort, ou jusqu'à des temps meilleurs". Lorsque, après le coup d'état, la diète invita tous les militaires en résidence à l'étranger à revenir prêter serment à la nouvelle constitution, il déclara que c'était là une violence commise sur les adversaires de la constitution. Ces mots déchaînèrent une tempête d'indignation. Il n'en termina pas moins ainsi: „J'ai mon franc parler, et j'affirme hautement mes convictions. Je me soumets à la constitution, mais je la déclare imposée par la force. Je ne crains rien! S'il vous faut des victimes, faites ce que vous voudrez!" Tous les délégués mécontents de la constitution s'étaient retirés, et Tchetvertinsky fut presque le seul qui osa s'élever contre elle. A la réunion, sous l'égide de la Russie, de la confédération de Targowice pour le rétablissement de l'ancien régime, il y adhéra et fut élu conseiller. Arrêté après l'insurrection d'avril 1794 et mis à la prison du château du Brühl, il fut du nombre des survivants du parti russe dont la populace s'empara le 27 juin suivant pour les massacrer. A ce moment suprême, Tchetvertinsky faiblit: dans sa terreur, il embrassait les mains de l'oiseleur Dziekuzski et le priait de lui donner quelques minutes pour se préparer à la mort. Malgré ses prières, on le traîna au Faubourg de Cracovie, à la maison Branicki, où on le pendit: la corde était trop courte, et le marchand de fourrage Jasinski, son bourreau, la rallongea avec son mouchoir. Après l'exécution, pendant laquelle la foule poussait des cris, on se partagea des lambeaux de ses vêtements.

Le prince Tchetvertinsky épousa en premières noces Thècle Kampenhausen, et en secondes noces la fille du castellan de Bus, Colette Adamowna Choloniewska. Il eut de son premier mariage un fils Boris (1781—1865) et deux filles, Jeannette (1777—1854), mariée à Séverin Wyszkowski, et la belle Marie (1779—1854), qui épousa D. Narychkine et joua un rôle marquant sous Alexandre Ier. Du second lit il eut deux fils, Constantin (1789—1871), conseiller d'état actuel, et Gustave (1794—1851), conseiller privé, sénateur. Lorsqu'il mourut, martyr de son dévouement à la cause russe, Catherine II fit venir à Pétersbourg sa veuve et tous ses enfants, et se chargea de leur avenir.

(D'après une miniature ayant appartenu à la princesse N. Troubetzkoï, Moscou.)

Le prince ANTOINE-STANISLAS SVIATOPOLK-TCHETVERTINSKY, 174.—1794, castellan de Pérémysl (1788), chevalier des ordres de l'Aigle Blanc et de St-Stanislas, fils du prince Vladimir Gavrilowitch Sviatopolk-Tchetvertinsky et de sa femme, née Thérèse Bosniacki, appartenait à une vieille famille russe polonisée qui descendait de Rurik, et dont la conversion au catholicisme remontait à son grand-père Gabriel Vatzlavowitch, magistrat de Bratzlav et frère de l'évêque orthodoxe de Mohileff. Un des personnages les plus marquants des dernières années de la République Polonaise, il était doué d'une énergie de caractère et d'une éloquence qu'il employa hardiment dans les diètes au service de ses convictions. Patriote convaincu, il était conservateur et défendit les privilèges de la noblesse, sans se douter qu'ils entraînaient sa patrie à la ruine. Lors du premier partage de la Pologne, dit Cieszkowski, „à la diète de 1773, présidée par Poninsky, il soutint la patrie avec ardeur: il ne voulait pas signer l'acte de partage, et sa célèbre protestation fut insérée dans les registres de la ville de Varsovie et publiée dans les journaux polonais. Sans le Roi, c'en était fait de lui, avec son intervention à propos des violences infligées aux députés Reitan et Korsak". Il adhéra dans la suite au parti opposé à la réforme des privilèges de la noblesse et soutenu par la Russie. Au coup d'état du 3 mai 1791, il prononça en pleine diète contre la nouvelle constitution un violent discours qu'il termina par ces mots: „Ce projet est le tombeau de la liberté, et je suis contre son adoption. Si mon zèle civique demeure impuissant, soyez du moins témoins de mes protestations et de mes larmes", et il ajouta en effet à travers ses larmes: „Je porterai le deuil jusqu'à ma mort, ou jusqu'à des temps meilleurs". Lorsque, après le coup d'état, la diète invita tous les militaires en résidence à l'étranger à revenir prêter serment à la nouvelle constitution, il déclara que c'était là une violence commise sur les adversaires de la constitution. Ces mots déchaînèrent une tempête d'indignation. Il n'en termina pas moins ainsi: „J'ai mon franc parler, et j'affirme hautement mes convictions. Je me soumets à la constitution, mais je la déclare imposée par la force. Je ne crains rien! S'il vous faut des victimes, faites ce que vous voudrez!" Tous les délégués mécontents de la constitution s'étaient retirés, et Tchetvertinsky fut presque le seul qui osa s'élever contre elle. A la réunion, sous l'égide de la Russie, de la confédération de Targowice pour le rétablissement de l'ancien régime, il y adhéra et fut élu conseiller. Arrêté après l'insurrection d'avril 1794 et mis à la prison du château du Brühl, il fut du nombre des survivants du parti russe dont la populace s'empara le 27 juin suivant pour les massacrer. A ce moment suprême, Tchetvertinsky faiblit: dans sa terreur, il embrassait les mains de l'oiseleur Dziekuzski et le priait de lui donner quelques minutes pour se préparer à la mort. Malgré ses prières, on le traîna au Faubourg de Cracovie, à la maison Branicki, où on le pendit: la corde était trop courte, et le marchand de fourrage Jasinski, son bourreau, la rallongea avec son mouchoir. Après l'exécution, pendant laquelle la foule poussait des cris, on se partagea des lambeaux de ses vêtements.

Le prince Tchetvertinsky épousa en premières noces Thècle Kampenhausen, et en secondes noces la fille du castellan de Bus, Colette Adamowna Choloniewska. Il eut de son premier mariage un fils Boris (1781—1865) et deux filles, Jeannette (1777—1854), mariée à Séverin Wyszkowski, et la belle Marie (1779—1854), qui épousa D. Narychkine et joua un rôle marquant sous Alexandre Ier. Du second lit il eut deux fils, Constantin (1789—1871), conseiller d'état actuel, et Gustave (1794—1851), conseiller privé, sénateur. Lorsqu'il mourut, martyr de son dévouement à la cause russe, Catherine II fit venir à Pétersbourg sa veuve et tous ses enfants, et se chargea de leur avenir.

(D'après une miniature ayant appartenu à la princesse N. Troubetzkoï, Moscou.)

Цесаревичъ **КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ**, 1779—1831, второй сынъ Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился въ Царскомъ Селѣ 27 Апрѣля 1779 года. Предназначенный Екатериной занять престолъ имѣвшей быть возстановленной Византійской имперіи, Константинъ получилъ въ кормилицы гречанку и обучался греческому языку. Воспитанный вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Екатерины II, Константинъ 15 Февраля 1796 г. вступилъ въ бракъ съ принцессой Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургской Юліаной-Генріеттой-Ульрикой, переименованной въ Анну Ѳеодоровну; но бракъ былъ несчастенъ, и Великая Княгиня уже черезъ 5 лѣтъ послѣ свадьбы навсегда покинула Россію. Павелъ I назначилъ своего второго сына генералъ-инспекторомъ кавалеріи и за участіе въ Суво́ровскомъ походѣ 1799 г. пожаловалъ ему титулъ Цесаревича. Въ царствованіе Александра I Цесаревичъ былъ предсѣдателемъ „Воинской Коммиссіи", завѣдывавшей военными реформами, участвовалъ въ походахъ 1805 и 1807 гг., но въ 1812 г. принужденъ былъ оставить армію, вслѣдствіе своей рѣзкой критики распоряженій Барклая-де-Толли. Цесаревичъ участвовалъ въ походѣ 1813 г. и за битву при Лейпцигѣ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ 1814 г. Цесаревичъ получилъ начальство надъ Польской арміей, а въ 1819 г. „власть главнокомандующаго дѣйствующей арміей" въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Минской губерніи. Не имѣя гражданской власти, Цесаревичъ, однако, въ силу своего высокаго положенія, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе Царствомъ Польскимъ какъ при старомъ и слабомъ намѣстникѣ Зайончекѣ, такъ и по смерти этого послѣдняго, оставивши вакантнымъ постъ намѣстника. Послѣ расторженія перваго брака, Цесаревичъ, 12 Мая 1820 г., женился на графинѣ Іоаннѣ (Жаннетѣ) Грудзинской, получившей титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. Этотъ бракъ вынудилъ Цесаревича отречься отъ правъ на престолъ, и Александръ I подписалъ 16 Августа 1823 г. манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича. Манифестъ этотъ сохранялся въ величайшей тайнѣ, и послѣ смерти Александра I вся Россія присягнула Императору Константину I. Запоздавшее формальное отреченіе Цесаревича дало заговорщикамъ поводъ устроить военный бунтъ 14 Декабря.

Въ Польшѣ правленіе Цесаревича закончилось возстаніемъ 17 Ноября 1830 г., при чемъ онъ едва не былъ убитъ въ Бельведерѣ. Отступивъ сначала съ русскими войсками за Бугъ, Цесаревичъ со своимъ гвардейскимъ корпусомъ принялъ, уже подъ начальствомъ Дибича, участіе въ усмиреніи мятежа, но вскорѣ былъ отозванъ изъ арміи братомъ-Императоромъ, имѣвшимъ много поводовъ быть имъ недовольнымъ. Подавленный польской катастрофой, „недалекій отъ сумасшествія", Цесаревичъ въ Витебскѣ заболѣлъ холерой и черезъ нѣсколько часовъ умеръ 15 Іюня 1831 г.; тѣло его было погребено 17 Августа въ Петропавловскомъ соборѣ. Оба брака Цесаревича были безплодны.

Отъ отца Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ болѣзненную нервность и неуравновѣшенность. Уже въ дѣтствѣ онъ отличался „крайнею живостью, переходившею въ буянство" и сопровождавшеюся „вспышками самаго необузданнаго гнѣва"; онъ кусалъ воспитателей, билъ жену и на великосвѣтскихъ балахъ, безъ всякаго повода, „обращался къ знатнымъ особамъ съ позорными ругательствами"; въ зрѣломъ возрастѣ, въ минуты раздраженія онъ разражался грубой бранью и способенъ былъ на жестокіе поступки.

Отъ отца же Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ любовь къ военному дѣлу и любилъ это дѣло вполнѣ „по-гатчински", увлекаясь тонкостями фронтового ученія. Войны Цесаревичъ не любилъ, находя, что она „портитъ войска", отвлекаетъ ихъ отъ вахтпарадной выправки, отъ излюбленной имъ „строевой чистоты". Онъ всегда былъ сторонникомъ мира и въ 1812 г. называлъ безуміемъ кампанію противъ Наполеона. Хотя Суворовъ, едва ли не кривя душой, доносилъ Павлу, что Великій Князь во время похода 1799 г. „изволилъ подавать полезные и спасительные совѣты", но Константинъ Павловичъ никогда не былъ ни искуснымъ, ни счастливымъ военнымъ и гражданскимъ администраторомъ.

(Съ миніатюры Летронъ, 1818 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Цесаревичъ **КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ**, 1779—1831, второй сынъ Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился въ Царскомъ Селѣ 27 Апрѣля 1779 года. Предназначенный Екатериной занять престолъ имѣвшей быть возстановленной Византійской имперіи, Константинъ получилъ въ кормилицы гречанку и обучался греческому языку. Воспитанный вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Екатерины II, Константинъ 15 Февраля 1796 г. вступилъ въ бракъ съ принцессой Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургской Юліаной-Генріеттой-Ульрикой, переименованной въ Анну Ѳеодоровну; но бракъ былъ несчастенъ, и Великая Княгиня уже черезъ 5 лѣтъ послѣ свадьбы навсегда покинула Россію. Павелъ I назначилъ своего второго сына генералъ-инспекторомъ кавалеріи и за участіе въ Суво́ровскомъ походѣ 1799 г. пожаловалъ ему титулъ Цесаревича. Въ царствованіе Александра I Цесаревичъ былъ предсѣдателемъ „Воинской Комиссіи", завѣдывавшей военными реформами, участвовалъ въ походахъ 1805 и 1807 гг., но въ 1812 г. принужденъ былъ оставить армію, вслѣдствіе своей рѣзкой критики распоряженій Барклая-де-Толли. Цесаревичъ участвовалъ въ походѣ 1813 г. и за битву при Лейпцигѣ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ 1814 г. Цесаревичъ получилъ начальство надъ Польской арміей, а въ 1819 г. „власть главнокомандующаго дѣйствующей арміей" въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Минской губерніи. Не имѣя гражданской власти, Цесаревичъ, однако, въ силу своего высокаго положенія, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе Царствомъ Польскимъ какъ при старомъ и слабомъ намѣстникѣ Зайончекѣ, такъ и по смерти этого послѣдняго, оставивши вакантнымъ постъ намѣстника. Послѣ расторженія перваго брака, Цесаревичъ, 12 Мая 1820 г., женился на графинѣ Іоаннѣ (Жаннетѣ) Грудзинской, получившей титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. Этотъ бракъ вынудилъ Цесаревича отречься отъ правъ на престолъ, и Александръ I подписалъ 16 Августа 1823 г. манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича. Манифестъ этотъ сохранялся въ величайшей тайнѣ, и послѣ смерти Александра I вся Россія присягнула Императору Константину I. Запоздавшее формальное отреченіе Цесаревича дало заговорщикамъ поводъ устроить военный бунтъ 14 Декабря.

Въ Польшѣ правленіе Цесаревича закончилось возстаніемъ 17 Ноября 1830 г., при чемъ онъ едва не былъ убитъ въ Бельведерѣ. Отступивъ сначала съ русскими войсками за Бугъ, Цесаревичъ со своимъ гвардейскимъ корпусомъ принялъ, уже подъ начальствомъ Дибича, участіе въ усмиреніи мятежа, но вскорѣ былъ отозванъ изъ арміи братомъ-Императоромъ, имѣвшимъ много поводовъ быть имъ недовольнымъ. Подавленный польской катастрофой, „недалекій отъ сумасшествія", Цесаревичъ въ Витебскѣ заболѣлъ холерой и черезъ нѣсколько часовъ умеръ 15 Іюня 1831 г.; тѣло его было погребено 17 Августа въ Петропавловскомъ соборѣ. Оба брака Цесаревича были безплодны.

Отъ отца Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ болѣзненную нервность и неуравновѣшенность. Уже въ дѣтствѣ онъ отличался „крайнею живостью, переходившею въ буянство" и сопровождавшеюся „вспышками самаго необузданнаго гнѣва"; онъ кусалъ воспитателей, билъ жену и на великосвѣтскихъ балахъ, безъ всякаго повода, „обращался къ знатнымъ особамъ съ позорными ругательствами"; въ зрѣломъ возрастѣ, въ минуты раздраженія онъ разражался грубой бранью и способенъ былъ на жестокіе поступки.

Отъ отца же Константинъ Павловичъ наслѣдовалъ любовь къ военному дѣлу и любилъ это дѣло вполнѣ „по-гатчински", увлекаясь тонкостями фронтового ученія. Войны Цесаревичъ не любилъ, находя, что она „портитъ войска", отвлекаетъ ихъ отъ вахтпарадной выправки, отъ излюбленной имъ „строевой чистоты". Онъ всегда былъ сторонникомъ мира и въ 1812 г. называлъ безуміемъ кампанію противъ Наполеона. Хотя Суворовъ, едва ли не кривя душой, доносилъ Павлу, что Великій Князь во время похода 1799 г. „изволилъ подавать полезные и спасительные совѣты", но Константинъ Павловичъ никогда не былъ ни искуснымъ, ни счастливымъ военнымъ и гражданскимъ администраторомъ.

(Съ миніатюры Летронъ, 1818 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le Césarewitch CONSTANTIN PAVLOWITCH, 1779—1831, second fils de l'Empereur Paul Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna, naquit à Tzarskoïé Sélo le 27 avril 1779. Catherine II le destinait au trône de Byzance, qu'elle se proposait de restaurer, et lui fit donner en conséquence une nourrice grecque et apprendre le grec. Elevé avec son frère Alexandre sous la surveillance immédiate de Catherine II, il épousa le 15 février 1796 la princesse Julie-Henriette-Ulrique de Saxe-Saalfeld-Cobourg, qui reçut le nom d'Anne Féodorowna, mais ce mariage fut malheureux, et la jeune Grande-Duchesse, au bout de cinq ans seulement, quitta pour toujours la Russie. Nommé par Paul Ier inspecteur général de la cavalerie, il reçut, au retour de la campagne de Souvoroff en 1799, le titre de Césarewitch. Sous Alexandre Ier, il fut président de la Commission de réformes militaires et fit les campagnes de 1805 et 1807, mais en 1812 dut quitter l'armée en raison de ses violentes critiques des dispositions de Barclay de Tolly. Il fit pourtant la campagne de 1813, où Leipzig lui valut St-Georges de 2e classe. Il reçut en 1814 le commandement de l'armée polonaise, puis en 1819 „l'autorité de commandant en chef de l'armée d'opérations" en Lithuanie, Volhynie, Podolie et dans le gouvernement de Minsk. Tout en n'étant investi d'aucun pouvoir civil, il n'en eut pas moins en mains, en raison de sa situation élevée, toute l'administration du Royaume de Pologne, tant du vivant du gouverneur, le vieux et faible Zajonczek, qu'après sa mort, lorsque le poste resta vacant. Divorcé de sa première femme, le Césarewitch se remaria le 12 mai 1820 à la comtesse Jeanne Groudzinsky, qui reçut le titre de princesse sérénissime Lowitch. Il dut en conséquence renoncer à la succession éventuelle au trône, et le manifeste signé par Alexandre Ier le 16 août 1823 proclama Héritier présomptif le Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Ce manifeste fut tenu dans le plus grand secret, et, à la mort du Souverain, toute la Russie prêta serment à l'Empereur Constantin Ier. Ce fut le retard de la renonciation formelle du Césarewitch qui donna aux conjurés l'occasion d'organiser l'émeute militaire du 14 décembre.

En Pologne, le gouvernement de Constantin aboutit à l'insurrection du 17 novembre 1830, où lui-même faillit être tué au Belvédère. Il se replia d'abord avec les troupes russes au delà du Bug, puis revint avec son corps de la Garde, mais alors sous le commandement de Diebitch, prendre part à la répression de l'émeute. Il fut peu après rappelé par l'Empereur son frère, qui ne manquait pas de raisons d'être mécontent de lui. Consterné par la catastrophe de Pologne, „dans un état voisin de la folie", il tomba malade du choléra à Vitebsk et succomba en quelques heures, le 15 juin 1831; son corps repose à la cathédrale St-Pierre-et-St-Paul. Il n'avait eu d'enfants d'aucun de ses deux mariages.

Le Grand-Duc Constantin tenait de son père une nervosité maladive et un certain manque de pondération. Tout enfant, il se faisait remarquer par „une extrême vivacité qui dégénérait en turbulence" et s'accompagnait „d'accès de colère des plus effrénés"; il mordait ses maîtres, battait sa femme, et, dans le monde, aux grands bals, adressait sans raison „d'ignobles invectives aux personnes de qualité". Devenu homme, il se laissait aller dans sa colère à de grossières injures et était alors capable de véritables cruautés.

Mais ce que le Césarewitch tenait aussi de son père, c'était l'amour du militaire, et un amour tout gatchinien, tout entier aux beautés de l'exercice. Quant à la guerre, il ne l'aimait pas: elle „gâtait les soldats": alors, adieu la belle tenue de parade, adieu les chers „alignements tout reluisants!" Toujours partisan de la paix, il traitait en 1812 d'absurdité la campagne contre Napoléon. Et Souvoroff, à son corps défendant, il est vrai, avait beau parler dans ses rapports à Paul Ier, lors de la campagne de 1799, des „utiles et salutaires conseils" de S. A. I., le Césarewitch ne fut jamais plus habile qu'heureux, tant comme militaire que comme administrateur.

(D'après une miniature de Letrone, 1818; collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le Césarewitch CONSTANTIN PAVLOWITCH, 1779—1831, second fils de l'Empereur Paul Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna, naquit à Tzarskoïé Sélo le 27 avril 1779. Catherine II le destinait au trône de Byzance, qu'elle se proposait de restaurer, et lui fit donner en conséquence une nourrice grecque et apprendre le grec. Elevé avec son frère Alexandre sous la surveillance immédiate de Catherine II, il épousa le 15 février 1796 la princesse Julie-Henriette-Ulrique de Saxe-Saalfeld-Cobourg, qui reçut le nom d'Anne Féodorowna, mais ce mariage fut malheureux, et la jeune Grande-Duchesse, au bout de cinq ans seulement, quitta pour toujours la Russie. Nommé par Paul Ier inspecteur général de la cavalerie, il reçut, au retour de la campagne de Souvoroff en 1799, le titre de Césarewitch. Sous Alexandre Ier, il fut président de la Commission de réformes militaires et fit les campagnes de 1805 et 1807, mais en 1812 dut quitter l'armée en raison de ses violentes critiques des dispositions de Barclay de Tolly. Il fit pourtant la campagne de 1813, où Leipzig lui valut St-Georges de 2e classe. Il reçut en 1814 le commandement de l'armée polonaise, puis en 1819 „l'autorité de commandant en chef de l'armée d'opérations“ en Lithuanie, Volhynie, Podolie et dans le gouvernement de Minsk. Tout en n'étant investi d'aucun pouvoir civil, il n'en eut pas moins en mains, en raison de sa situation élevée, toute l'administration du Royaume de Pologne, tant du vivant du gouverneur, le vieux et faible Zajonczek, qu'après sa mort, lorsque le poste resta vacant. Divorcé de sa première femme, le Césarewitch se remaria le 12 mai 1820 à la comtesse Jeanne Groudzinsky, qui reçut le titre de princesse sérénissime Lowitch. Il dut en conséquence renoncer à la succession éventuelle au trône, et le manifeste signé par Alexandre Ier le 16 août 1823 proclama Héritier présomptif le Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Ce manifeste fut tenu dans le plus grand secret, et, à la mort du Souverain, toute la Russie prêta serment à l'Empereur Constantin Ier. Ce fut le retard de la renonciation formelle du Césarewitch qui donna aux conjurés l'occasion d'organiser l'émeute militaire du 14 décembre.

En Pologne, le gouvernement de Constantin aboutit à l'insurrection du 17 novembre 1830, où lui-même faillit être tué au Belvédère. Il se replia d'abord avec les troupes russes au delà du Bug, puis revint avec son corps de la Garde, mais alors sous le commandement de Diebitch, prendre part à la répression de l'émeute. Il fut peu après rappelé par l'Empereur son frère, qui ne manquait pas de raisons d'être mécontent de lui. Consterné par la catastrophe de Pologne, „dans un état voisin de la folie“, il tomba malade du choléra à Vitebsk et succomba en quelques heures, le 15 juin 1831; son corps repose à la cathédrale St-Pierre-et-St-Paul. Il n'avait eu d'enfants d'aucun de ses deux mariages.

Le Grand-Duc Constantin tenait de son père une nervosité maladive et un certain manque de pondération. Tout enfant, il se faisait remarquer par „une extrême vivacité qui dégénérait en turbulence“ et s'accompagnait „d'accès de colère des plus effrénés“; il mordait ses maîtres, battait sa femme, et, dans le monde, aux grands bals, adressait sans raison „d'ignobles invectives aux personnes de qualité“. Devenu homme, il se laissait aller dans sa colère à de grossières injures et était alors capable de véritables cruautés.

Mais ce que le Césarewitch tenait aussi de son père, c'était l'amour du militaire, et un amour tout gatchinien, tout entier aux beautés de l'exercice. Quant à la guerre, il ne l'aimait pas: elle „gâtait les soldats“: alors, adieu la belle tenue de parade, adieu les chers „alignements tout reluisants!“ Toujours partisan de la paix, il traitait en 1812 d'absurdité la campagne contre Napoléon. Et Souvoroff, à son corps défendant, il est vrai, avait beau parler dans ses rapports à Paul Ier, lors de la campagne de 1799, des „utiles et salutaires conseils“ de S. A. I., le Césarewitch ne fut jamais plus habile qu'heureux, tant comme militaire que comme administrateur.

(D'après une miniature de Letrone, 1818; collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Княгиня ЖАННЕТА АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ, 1795—1831, вторая супруга Цесаревича Константина Павловича, полька, дочь графа Антона Грудзинскаго, женатаго на красавицѣ Дерновской, вышедшей вторично, послѣ развода, за гофмаршала двора Цесаревича графа Бронница. Старшая изъ 3 дочерей Грудзинской, Жаннета, родилась въ Познани 17 Мая 1795 г.; сестры Грудзинскія воспитывались въ Варшавѣ въ пансіонѣ французской эмигрантки Воше. „Пансіонъ этотъ считался лучшимъ по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный, ученый французскій аббатъ Малербъ. Этому аббату молодая дѣвушка обязана была тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ создалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе", законченное въ Парижѣ подъ руководствомъ талантливой воспитательницы миссъ Колинсъ. Грудзинская была средняго роста, „стройно сложена, черты лица ея были тонки, носикъ нѣсколько вздернутый, большіе голубые глаза смотрѣли умно и ласково изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, а свѣжее лицо ея было окаймлено роскошными русыми локонами". Одна современница говорила, что „ни одна женщина, ни одна дѣвушка не умѣла такъ нравиться: при замѣчательной простотѣ, изящество отражалось у ней во всемъ, и въ движеніяхъ, и въ походкѣ, и въ нарядахъ". Почти то же самое писалъ о Грудзинской князь П. А. Вяземскій: „Она не была красавица, но была красивѣе всякой красавицы. Бѣлокурые, струистые и густые кудри ея, голубые выразительные глаза, улыбка умная и привѣтливая, голосъ мягкій и звучный, станъ гибкій и какая-то облекающая ее нравственная свѣжесть и чистота. Она была Ундина. Все соединилось въ ней и придавало ей совершенно отдѣльную и привлекающую вниманіе физіономію въ кругу подругъ и сверстницъ ея".

Увидѣвъ 20-лѣтнюю Жаннету, Константинъ Павловичъ въ нее страстно влюбился. Съ годами любовь Цесаревича не охладѣвала. Прошло 5 лѣтъ, и, зная, что эта дѣвушка не поддастся никакимъ обольщеніямъ, Великій Князь рѣшился вступить съ нею въ бракъ. Послѣ манифеста о разводѣ съ Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной, бракъ Цесаревича съ Жаннетой состоялся въ Варшавѣ 12 Мая 1820 года. Манифестомъ 8 Іюня того же года Іоаннѣ Грудзинской былъ данъ „титулъ княгини Ловицкой", а 27 Апрѣля 1825 г. она пожалована орденомъ св. Екатерины 1-го класса. Императоръ Александръ I, называвшій ее „ангеломъ по характеру", и вся Царская семья были искренно расположены къ молодой супругѣ Цесаревича, а самъ онъ наслаждался полнымъ счастьемъ, о чемъ писалъ въ каждомъ письмѣ Лагарпу. Причиной этого „счастья у себя дома" и „глубокаго спокойствія" была жена, сумѣвшая подчинить своему благотворному вліянію необузданный характеръ Великаго Князя. Держась съ большимъ тактомъ и не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, она дѣлала много добра, заставляя Константина Павловича сознавать свои ошибки и сдерживать свой гнѣвъ; всѣ свои деньги она употребляла на помощь нуждающимся. Во время Польскаго бунта княгиня не оставила мужа, несмотря даже на его требованія, выѣхала съ нимъ вмѣстѣ изъ Варшавы и съ достоинствомъ присутствовала при пріемѣ Цесаревичемъ нагло державшей себя польской депутаціи отъ мятежнаго города. Овдовѣвъ 15 Іюня 1831 г., княгиня Ловичъ переселилась сначала въ Гатчину, потомъ въ Царское Село, и здѣсь 11 Ноября 1831 г., въ годовщину Варшавскаго мятежа, ея не стало. Погребена она въ Царскомъ Селѣ, въ католической церкви св. Іоанна Крестителя, въ склепѣ; на гробницѣ ея, въ видѣ саркофага, слѣдующая надпись:

„Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI."

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія М. П. Паренаго, въ Воронежѣ.)

Княгиня ЖАННЕТА АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ, 1795—1831, вторая супруга Цесаревича Константина Павловича, полька, дочь графа Антона Грудзинскаго, женатаго на красавицѣ Дерновской, вышедшей вторично, послѣ развода, за гофмаршала двора Цесаревича графа Бронница. Старшая изъ 3 дочерей Грудзинской, Жаннета, родилась въ Познани 17 Мая 1795 г.; сестры Грудзинскія воспитывались въ Варшавѣ въ пансіонѣ французской эмигрантки Воше. „Пансіонъ этотъ считался лучшимъ по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный, ученый французскій аббатъ Малербъ. Этому аббату молодая дѣвушка обязана была тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ создалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе“, законченное въ Парижѣ подъ руководствомъ талантливой воспитательницы миссъ Колинсъ. Грудзинская была средняго роста, „стройно сложена, черты лица ея были тонки, носикъ нѣсколько вздернутый, большіе голубые глаза смотрѣли умно и ласково изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, а свѣжее лицо ея было окаймлено роскошными русыми локонами“. Одна современница говорила, что „ни одна женщина, ни одна дѣвушка не умѣла такъ нравиться: при замѣчательной простотѣ, изящество отражалось у ней во всемъ, и въ движеніяхъ, и въ походкѣ, и въ нарядахъ“. Почти то же самое писалъ о Грудзинской князь П. А. Вяземскій: „Она не была красавица, но была красивѣе всякой красавицы. Бѣлокурые, струистые и густые кудри ея, голубые выразительные глаза, улыбка умная и привѣтливая, голосъ мягкій и звучный, станъ гибкій и какая-то облекающая ее нравственная свѣжесть и чистота. Она была Ундина. Все соединилось въ ней и придавало ей совершенно отдѣльную и привлекающую вниманіе физіономію въ кругу подругъ и сверстницъ ея“.

Увидѣвъ 20-лѣтнюю Жаннету, Константинъ Павловичъ въ нее страстно влюбился. Съ годами любовь Цесаревича не охладѣвала. Прошло 5 лѣтъ, и, зная, что эта дѣвушка не поддастся никакимъ обольщеніямъ, Великій Князь рѣшился вступить съ нею въ бракъ. Послѣ манифеста о разводѣ съ Великой Княгиней Анной Θеодоровной, бракъ Цесаревича съ Жаннетой состоялся въ Варшавѣ 12 Мая 1820 года. Манифестомъ 8 Іюня того же года Іоаннѣ Грудзинской былъ данъ „титулъ княгини Ловицкой“, а 27 Апрѣля 1825 г. она пожалована орденомъ св. Екатерины 1-го класса. Императоръ Александръ I, называвшій ее „ангеломъ по характеру“, и вся Царская семья были искренно расположены къ молодой супругѣ Цесаревича, а самъ онъ наслаждался полнымъ счастьемъ, о чемъ писалъ въ каждомъ письмѣ Лагарпу. Причиной этого „счастья у себя дома“ и „глубокаго спокойствія“ была жена, сумѣвшая подчинить своему благотворному вліянію необузданный характеръ Великаго Князя. Держась съ большимъ тактомъ и не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, она дѣлала много добра, заставляя Константина Павловича сознавать свои ошибки и сдерживать свой гнѣвъ; всѣ свои деньги она употребляла на помощь нуждающимся. Во время Польскаго бунта княгиня не оставила мужа, несмотря даже на его требованія, выѣхала съ нимъ вмѣстѣ изъ Варшавы и съ достоинствомъ присутствовала при пріемѣ Цесаревичемъ нагло державшей себя польской депутаціи отъ мятежнаго города. Овдовѣвъ 15 Іюня 1831 г., княгиня Ловичъ переселилась сначала въ Гатчину, потомъ въ Царское Село, и здѣсь 11 Ноября 1831 г., въ годовщину Варшавскаго мятежа, ея не стало. Погребена она въ Царскомъ Селѣ, въ католической церкви св. Іоанна Крестителя, въ склепѣ; на гробницѣ ея, въ видѣ саркофага, слѣдующая надпись:

„Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI.“

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія М. П. Паренаго, въ Воронежѣ.)

56

La princesse **JEANNETTE ANTONOWNA LOWITCH**, 1795—1831, seconde femme du Césarewitch Constantin Pavlowitch, polonaise, fille du comte Antoine Groudzinsky et de la belle Dernowska, qui épousa en secondes noces, après son divorce, le comte Bronnitz, maréchal de la Cour du Césarewitch. Née à Posen le 17 mai 1795, elle était l'aînée de trois sœurs, qui furent élevées à Varsovie, à la pension de Mme Vauchez, une émigrée; „cette pension, la meilleure par l'éducation soignée et vraiment morale qui s'y donnait, était dirigée par un homme de valeur, le savant abbé français Malherbe, auquel la jeune fille dut les fermes principes religieux, exempts de bigoterie et de fanatisme, qui formèrent plus tard la base solide de son éducation morale", achevée à Paris sous l'éminente direction de Miss Colins. De taille moyenne, „bien faite, elle avait des traits fins, un petit nez légèrement retroussé, de grands yeux bleus au regard intelligent et doux, ombragés de longs cils, et un frais visage encadré de splendides boucles blondes". „Aucune femme, aucune jeune fille", dit une contemporaine, „ne possédait si bien l'art de plaire: en tout, elle joignait à une étonnante simplicité un cachet d'élégance, dans son maintien, dans sa démarche, dans sa toilette". „Sans être une beauté", répète à son tour le prince P. Viazemsky, „elle était plus belle que toutes les beautés. D'abondantes boucles blondes ondulées, des yeux bleus pleins d'expression, un sourire aimable et spirituel, une taille souple, et autour d'elle comme une atmosphère de fraîcheur, de pureté morale! Une vraie Ondine! Tout en elle contribuait à lui donner entre toutes ses amies et compagnes une physionomie à part qui attirait".

Jeannette avait vingt ans quand le Césarewitch la vit et en tomba passionnément amoureux. Les années n'y firent rien, et, au bout de cinq ans, sachant bien qu'elle ne se rendrait à aucune séduction, il se décida à l'épouser. Après le manifeste de divorce de la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, le mariage eut lieu à Varsovie le 12 mai 1820. Le 8 juin suivant, un manifeste donnait le titre de princesse Lowitch à Jeanne Groudzinsky, qui fut faite le 27 avril 1825 dame de Ste-Catherine de 1re classe. L'Empereur Alexandre lui reconnaissait „un caractère d'ange", et lui témoignait avec toute la famille Impériale une sincère amitié. Quant au Césarewitch, il goûtait le parfait bonheur et le disait à Laharpe dans toutes ses lettres. Ce „bonheur domestique" et cette „complète tranquillité", il les devait à sa femme, dont la bienfaisante influence avait eu raison de son humeur intraitable. Elle fit preuve de beaucoup de tact, se tint à l'écart de la politique, et eut l'avantage de l'amener à reconnaître ses fautes et à contenir ses colères; elle employait tout son argent à des œuvres de charité. A l'insurrection, les instances mêmes de son mari ne purent l'éloigner; elle quitta en même temps que lui Varsovie et assista avec dignité à l'entrevue où la députation de la ville rebelle eut avec lui une attitude si provocante. Devenue veuve le 15 juin 1831, la princesse Lowitch se fixa d'abord à Gatchina, puis à Tzarskoïé Sélo, où elle mourut un an jour pour jour après l'insurrection de Varsovie, le 11 novembre 1831, et où elle fut inhumée à l'église catholique de St-Jean-Baptiste, dans la crypte. Son tombeau, en forme de sarcophage, porte l'inscription suivante: „Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI".

(D'après une aquarelle de la collection M. Parénago, Voronèje.)

La princesse **JEANNETTE ANTONOWNA LOWITCH**, 1795—1831, seconde femme du Césarewitch Constantin Pavlowitch, polonaise, fille du comte Antoine Groudzinsky et de la belle Dernowska, qui épousa en secondes noces, après son divorce, le comte Bronnitz, maréchal de la Cour du Césarewitch. Née à Posen le 17 mai 1795, elle était l'aînée de trois sœurs, qui furent élevées à Varsovie, à la pension de Mme Vauchez, une émigrée; „cette pension, la meilleure par l'éducation soignée et vraiment morale qui s'y donnait, était dirigée par un homme de valeur, le savant abbé français Malherbe, auquel la jeune fille dut les fermes principes religieux, exempts de bigoterie et de fanatisme, qui formèrent plus tard la base solide de son éducation morale", achevée à Paris sous l'éminente direction de Miss Colins. De taille moyenne, „bien faite, elle avait des traits fins, un petit nez légèrement retroussé, de grands yeux bleus au regard intelligent et doux, ombragés de longs cils, et un frais visage encadré de splendides boucles blondes". „Aucune femme, aucune jeune fille", dit une contemporaine, „ne possédait si bien l'art de plaire: en tout, elle joignait à une étonnante simplicité un cachet d'élégance, dans son maintien, dans sa démarche, dans sa toilette". „Sans être une beauté", répète à son tour le prince P. Viazemsky, „elle était plus belle que toutes les beautés. D'abondantes boucles blondes ondulées, des yeux bleus pleins d'expression, un sourire aimable et spirituel, une taille souple, et autour d'elle comme une atmosphère de fraîcheur, de pureté morale! Une vraie Ondine! Tout en elle contribuait à lui donner entre toutes ses amies et compagnes une physionomie à part qui attirait".

Jeannette avait vingt ans quand le Césarewitch la vit et en tomba passionnément amoureux. Les années n'y firent rien, et, au bout de cinq ans, sachant bien qu'elle ne se rendrait à aucune séduction, il se décida à l'épouser. Après le manifeste de divorce de la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, le mariage eut lieu à Varsovie le 12 mai 1820. Le 8 juin suivant, un manifeste donnait le titre de princesse Lowitch à Jeanne Groudzinsky, qui fut faite le 27 avril 1825 dame de Ste-Catherine de 1re classe. L'Empereur Alexandre lui reconnaissait „un caractère d'ange", et lui témoignait avec toute la famille Impériale une sincère amitié. Quant au Césarewitch, il goûtait le parfait bonheur et le disait à Laharpe dans toutes ses lettres. Ce „bonheur domestique" et cette „complète tranquillité", il les devait à sa femme, dont la bienfaisante influence avait eu raison de son humeur intraitable. Elle fit preuve de beaucoup de tact, se tint à l'écart de la politique, et eut l'avantage de l'amener à reconnaître ses fautes et à contenir ses colères; elle employait tout son argent à des œuvres de charité. A l'insurrection, les instances mêmes de son mari ne purent l'éloigner; elle quitta en même temps que lui Varsovie et assista avec dignité à l'entrevue où la députation de la ville rebelle eut avec lui une attitude si provocante. Devenue veuve le 15 juin 1831, la princesse Lowitch se fixa d'abord à Gatchina, puis à Tzarskoïé Sélo, où elle mourut un an jour pour jour après l'insurrection de Varsovie, le 11 novembre 1831, et où elle fut inhumée à l'église catholique de St-Jean-Baptiste, dans la crypte. Son tombeau, en forme de sarcophage, porte l'inscription suivante: „Ci-gît Son Altesse la princesse Jeanne de Lowitsch, épouse de Son Altesse Impériale le Césarewitch Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Née à Posen le 17/29 Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le 17/29 Nowembre MDCCCXXXI".

(D'après une aquarelle de la collection M. Parénago, Voronèje.)

57

ПАВЕЛЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ, 1808—1857, генералъ-адъютантъ, былъ сынъ Великаго Князя Константина Павловича; воспріемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, лично присутствовавшій при крещеніи. Возведенный указомъ Сенату, 27 Апрѣля 1812 г., въ дворянское достоинство, Александровъ, въ томъ же году, четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ записанъ юнкеромъ въ Конную гвардію и, нѣсколько дней спустя, произведенъ въ корнеты. Воспитаніе и образованіе Александрова было ввѣрено извѣстному педагогу графу Моріолю, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала Д. Д. Куруты. Въ 1823 году Александровъ вступилъ на дѣйствительную службу и, съ производствомъ въ поручики, переведенъ лейбъ-гвардіи въ Подольскій кирасирскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества); 12 Мая 1829 года онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и, не покидая полка, принялъ въ рядахъ его участіе въ войнѣ 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ. Отличія въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ и Вильною доставили Александрову орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, золотую шпагу „за храбрость" и чинъ ротмистра. По окончаніи кампаніи, въ 1832 году, онъ тѣмъ же чиномъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ. Въ теченіе двухъ дней, съ 4 по 6 Декабря 1833 года, Александровъ, переименованный въ подполковники, числился въ лейбъ-кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича полку, а затѣмъ опять вернулся въ ряды Конной гвардіи, съ прежнимъ чиномъ ротмистра. Въ 1837 г. Александровъ былъ произведенъ въ полковники, въ слѣдующемъ году утвержденъ командиромъ 1 дивизіона, а 7 Апрѣля 1846 года произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества и съ назначеніемъ состоять при Гвардейскомъ корпусѣ; 22 Іюня 1851 года Александровъ причисленъ къ числу лицъ, состоявшихъ при особѣ Государя, 17 Ноября 1855 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 26 Августа 1856 г., съ оставленіемъ въ послѣднемъ званіи, произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Высшимъ знакомъ отличія его былъ орденъ св. Анны 1 степени.

Отъ брака Павла Константиновича Александрова (съ 1833 г.) съ дочерью камергера княжною Анною Александровною Щербатовой родилась дочь, Александра, вышедшая замужъ за флигель-адъютанта, впослѣдствіи шталмейстера князя Дмитрія Александровича Львова. У сыновей послѣдняго, князей А. Д. и П. Д. Львовыхъ, хранятся отрывки обширнаго дневника и другія бумаги генералъ-адъютанта П. К. Александрова.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ПАВЕЛЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ, 1808—1857, генералъ-адъютантъ, былъ сынъ Великаго Князя Константина Павловича; воспріемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, лично присутствовавшій при крещеніи. Возведенный указомъ Сенату, 27 Апрѣля 1812 г., въ дворянское достоинство, Александровъ, въ томъ же году, четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ записанъ юнкеромъ въ Конную гвардію и, нѣсколько дней спустя, произведенъ въ корнеты. Воспитаніе и образованіе Александрова было ввѣрено извѣстному педагогу графу Моріолю, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала Д. Д. Куруты. Въ 1823 году Александровъ вступилъ на дѣйствительную службу и, съ производствомъ въ поручики, переведенъ лейбъ-гвардіи въ Подольскій кирасирскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества); 12 Мая 1829 года онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и, не покидая полка, принялъ въ рядахъ его участіе въ войнѣ 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ. Отличія въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ и Вильною доставили Александрову орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, золотую шпагу „за храбрость“ и чинъ ротмистра. По окончаніи кампаніи, въ 1832 году, онъ тѣмъ же чиномъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ. Въ теченіе двухъ дней, съ 4 по 6 Декабря 1833 года, Александровъ, переименованный въ подполковники, числился въ лейбъ-кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича полку, а затѣмъ опять вернулся въ ряды Конной гвардіи, съ прежнимъ чиномъ ротмистра. Въ 1837 г. Александровъ былъ произведенъ въ полковники, въ слѣдующемъ году утвержденъ командиромъ 1 дивизіона, а 7 Апрѣля 1846 года произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества и съ назначеніемъ состоять при Гвардейскомъ корпусѣ; 22 Іюня 1851 года Александровъ причисленъ къ числу лицъ, состоявшихъ при особѣ Государя, 17 Ноября 1855 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 26 Августа 1856 г., съ оставленіемъ въ послѣднемъ званіи, произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Высшимъ знакомъ отличія его былъ орденъ св. Анны 1 степени.

Отъ брака Павла Константиновича Александрова (съ 1833 г.) съ дочерью камергера княжною Анною Александровной Щербатовой родилась дочь, Александра, вышедшая замужъ за флигель-адъютанта, впослѣдствіи шталмейстера князя Дмитрія Александровича Львова. У сыновей послѣдняго, князей А. Д. и П. Д. Львовыхъ, хранятся отрывки обширнаго дневника и другія бумаги генералъ-адъютанта П. К. Александрова.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

57

PAUL CONSTANTINOWITCH ALEXANDROFF, 1808—1857, général aide de camp, était fils du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, et eut pour parrain l'Empereur Alexandre Ier, qui assista en personne au baptême. Elevé à la noblesse par oukaze au Sénat, le 27 avril 1812, il fut enrôlé la même année, à l'âge de quatre ans, sous-officier à la Garde à cheval, où il passa quelques jours plus tard cornette. Son instruction et son éducation furent confiées au comte Moriolles, le pédagogue connu, sous la surveillance immédiate du général D. Kourouta. En 1823, il prit du service actif, et, promu lieutenant, passa de la Garde au régiment des cuirassiers de Podolsk (aujourd'hui de la Garde, régiment de Sa Majesté). Aide de camp de S. M. le 12 mai 1829, il resta au régiment et prit part avec lui à la répression de l'insurrection polonaise. Les combats livrés sous Grokhovo et Vilna lui valurent le cordon de St-Vladimir de 4e classe, une épée d'or „Au courage" et le grade de capitaine de cavalerie, avec lequel il permuta à la fin de la campagne, en 1832, à la Garde à cheval. Deux jours, du 4 au 6 décembre 1833, lieutenant-colonel aux cuirassiers de la Garde, au régiment du Césarewitch Héritier, il redevint ensuite capitaine à la Garde à cheval. Colonel en 1837, il fut, l'année suivante, fait commandant de la 1re division, puis, le 7 avril 1846, promu général major, nommé à la Suite de Sa Majesté et affecté au corps de la Garde, le 22 juin 1851 attaché à la personne de l'Empereur, enfin, le 17 novembre 1855, fait général aide de camp, titre avec lequel il passa le 26 août 1856 au grade de général lieutenant. La plus haute distinction qu'il obtint fut Ste-Anne de 1re classe.

Il épousa en 1833 la princesse Anne Alexandrowna Chtcherbatoff, fille du chambellan, et eut une fille, Alexandrine, mariée au prince Dmitri Alexandrowitch Lvoff, aide de camp de Sa Majesté, plus tard écuyer, dont les fils, les princes A. et P. Lvoff, possèdent, entre autres papiers du général aide de camp Alexandroff, des fragments d'un journal considérable.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

57

PAUL CONSTANTINOWITCH ALEXANDROFF, 1808—1857, général aide de camp, était fils du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, et eut pour parrain l'Empereur Alexandre Ier, qui assista en personne au baptême. Elevé à la noblesse par oukaze au Sénat, le 27 avril 1812, il fut enrôlé la même année, à l'âge de quatre ans, sous-officier à la Garde à cheval, où il passa quelques jours plus tard cornette. Son instruction et son éducation furent confiées au comte Moriolles, le pédagogue connu, sous la surveillance immédiate du général D. Kourouta. En 1823, il prit du service actif, et, promu lieutenant, passa de la Garde au régiment des cuirassiers de Podolsk (aujourd'hui de la Garde, régiment de Sa Majesté). Aide de camp de S. M. le 12 mai 1829, il resta au régiment et prit part avec lui à la répression de l'insurrection polonaise. Les combats livrés sous Grokhovo et Vilna lui valurent le cordon de St-Vladimir de 4e classe, une épée d'or „Au courage" et le grade de capitaine de cavalerie, avec lequel il permuta à la fin de la campagne, en 1832, à la Garde à cheval. Deux jours, du 4 au 6 décembre 1833, lieutenant-colonel aux cuirassiers de la Garde, au régiment du Césarewitch Héritier, il redevint ensuite capitaine à la Garde à cheval. Colonel en 1837, il fut, l'année suivante, fait commandant de la 1re division, puis, le 7 avril 1846, promu général major, nommé à la Suite de Sa Majesté et affecté au corps de la Garde, le 22 juin 1851 attaché à la personne de l'Empereur, enfin, le 17 novembre 1855, fait général aide de camp, titre avec lequel il passa le 26 août 1856 au grade de général lieutenant. La plus haute distinction qu'il obtint fut Ste-Anne de 1re classe.

Il épousa en 1833 la princesse Anne Alexandrowna Chtcherbatoff, fille du chambellan, et eut une fille, Alexandrine, mariée au prince Dmitri Alexandrowitch Lvoff, aide de camp de Sa Majesté, plus tard écuyer, dont les fils, les princes A. et P. Lvoff, possèdent, entre autres papiers du général aide de camp Alexandroff, des fragments d'un journal considérable.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

УЛЬЯНА (*Жозефина*) **МИХАЙЛОВНА АЛЕКСАНДРОВА** (Фридрихсъ, Вейсъ), 178 . — 1824, француженка, близкая особа къ Цесаревичу Константину Павловичу (см. т. II, № 41). Въ ранней молодости служила въ модномъ магазинѣ г-жи Буде-де-Терей, бабушки адмирала Колзакова. Хорошо освѣдомленный, Колзаковъ пишетъ о ней много въ своихъ воспоминаніяхъ (Р. Стар., 1873 г., т. VII). Въ 20 лѣтъ красивая Жозефина, прекрасно воспитанная, встрѣтила въ Лондонѣ пріѣхавшаго изъ Россіи нѣмца, назвавшагося офицеромъ фонъ-Фридрихсомъ. Повѣнчавшись, молодые прожили недолго вмѣстѣ; супругъ спѣшилъ въ Россію, оставивъ временно жену въ Лондонѣ. Не получая, однако, долго извѣстій отъ мужа, г-жа Фридрихсъ пріѣхала въ Петербургъ и тутъ узнала, что мужъ ея—простой фельдъегерь. Жозефина Фридрихсъ не нашла здѣсь семейнаго счастья; въ маскарадѣ она подошла съ жалобой на жестокое обращеніе мужа къ Великому Князю Константину Павловичу. Въ Цесаревичѣ она нашла себѣ покровителя: въ 1807 г. Фридрихсъ развелась съ мужемъ, поселилась въ Стрѣльнѣ и въ 1808 году у ней родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ.

Вотъ что находимъ далѣе въ воспоминаніяхъ Колзакова: „Въ началѣ 1815 года, г-жа Фридрихсъ переѣхала, вмѣстѣ съ 8-лѣтнимъ сыномъ своимъ, изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ жила въ одномъ домѣ съ высокимъ своимъ покровителемъ до 1820 года. Она все надѣялась на данное ей обѣщаніе, что эта связь укрѣпится со временемъ законнымъ бракомъ. Отъ своихъ прежнихъ узъ она давно была освобождена по формальному разводу съ мужемъ; оставалось только дождаться такой же формальности со стороны ея высокаго покровителя, котораго бракъ не былъ еще уничтоженъ, несмотря на то, что онъ давно уже разъѣхался съ прежнею супругою. Попытки неоднократно были дѣлаемы, но, по высшей, независящей отъ нихъ волѣ, окончательнаго разрѣшенія не послѣдовало. Страдая внутренно отъ того фальшиваго положенія, въ которое она была поставлена, и не видя никакой возможности изъ него выйти, г-жа Фридрихсъ рѣшилась, ради свѣтскаго приличія, пожертвовать всѣмъ своимъ счастіемъ,—и сама добровольно расторгла свою связь, вступивъ въ супружество съ полковникомъ Вейсъ, 7 Марта 1820 года; а вслѣдъ затѣмъ, т.-е. 20 того же Марта (какъ будто ожидали только этого случая), состоялось разрѣшеніе объ уничтоженіи брака ея бывшаго покровителя. Эта послѣдняя жертва, понесенная ею, такъ сильно повліяла на ея здоровье, что она должна была удалиться за границу для лѣченія.

Жозефина Фридрихсъ-Вейсъ являетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ женщинъ, брошенныхъ въ свѣтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ всякаго руководителя, на произволъ судьбы, и сохранившей, однакожъ, при всей окружавшей ея обстановкѣ и средѣ, чувство собственнаго достоинства и неиспорченную нравственность. Довѣрчивый характеръ и мягкое сердце заставляли ее дѣлать ошибки, но, постоянно обманутая въ своихъ надеждахъ, она тяготилась своимъ положеніемъ и всячески старалась изъ него выйти; если, подъ конецъ, она впала въ фальшивое положеніе, то не по своей винѣ, не какъ авантюристка, добивавшаяся своей цѣли, а просто силою обстоятельствъ и игрою случая. Кто зналъ ее покороче, тотъ могъ оцѣнить истинныя ея достоинства. Обладая душою прекрасною, она пользовалась положеніемъ и вліяніемъ только для дѣланія добра другимъ. Не вмѣшиваясь вовсе въ государственныя занятія своего высокаго покровителя, она, однакожъ, умѣла вліяніемъ своимъ укрощать его пылкій нравъ и порывы бурныхъ страстей тогда, когда они могли служить во вредъ другимъ. Сострадательная къ несчастнымъ, она нерѣдко принимала участіе въ смягченіи горькой участи политическихъ преступниковъ, и многіе изъ нихъ обязаны ей своимъ помилованіемъ. По описанію отца моего и другихъ очевидцевъ, она не была, что называется, красавицею. Роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными по старинной модѣ маленькими кудрями на лбу, она, какъ видно изъ превосходнаго, сохранившагося у меня, ея портрета, имѣла лицо неправильное; маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный,—придавали ей большую миловидность; но главную ея прелесть составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными черными рѣсницами. Какъ и бо́льшая часть своихъ соотечественницъ, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго нрава".

Г-жа Вейсъ умерла въ Ниццѣ 5 Апрѣля 1824 года.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя П. Д. Львова, въ С.-Петербургѣ.)

УЛЬЯНА (*Жозефина*) **МИХАЙЛОВНА АЛЕКСАНДРОВА** (Фридрихсъ, Вейсъ), 178 . — 1824, француженка, близкая особа къ Цесаревичу Константину Павловичу (см. т. II, № 41). Въ ранней молодости служила въ модномъ магазинѣ г-жи Буде-де-Терей, бабушки адмирала Колзакова. Хорошо освѣдомленный, Колзаковъ пишетъ о ней много въ своихъ воспоминаніяхъ (Р. Стар., 1873 г., т. VII). Въ 20 лѣтъ красивая Жозефина, прекрасно воспитанная, встрѣтила въ Лондонѣ пріѣхавшаго изъ Россіи нѣмца, назвавшагося офицеромъ фонъ-Фридрихсомъ. Повѣнчавшись, молодые прожили недолго вмѣстѣ; супругъ спѣшилъ въ Россію, оставивъ временно жену въ Лондонѣ. Не получая, однако, долго извѣстій отъ мужа, г-жа Фридрихсъ пріѣхала въ Петербургъ и тутъ узнала, что мужъ ея—простой фельдъегерь. Жозефина Фридрихсъ не нашла здѣсь семейнаго счастья; въ маскарадѣ она подошла съ жалобой на жестокое обращеніе мужа къ Великому Князю Константину Павловичу. Въ Цесаревичѣ она нашла себѣ покровителя: въ 1807 г. Фридрихсъ развелась съ мужемъ, поселилась въ Стрѣльнѣ и въ 1808 году у ней родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ.

Вотъ что находимъ далѣе въ воспоминаніяхъ Колзакова: „Въ началѣ 1815 года, г-жа Фридрихсъ переѣхала, вмѣстѣ съ 8-лѣтнимъ сыномъ своимъ, изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ жила въ одномъ домѣ съ высокимъ своимъ покровителемъ до 1820 года. Она все надѣялась на данное ей обѣщаніе, что эта связь укрѣпится со временемъ законнымъ бракомъ. Отъ своихъ прежнихъ узъ она давно была освобождена по формальному разводу съ мужемъ; оставалось только дожидаться такой же формальности со стороны ея высокаго покровителя, котораго бракъ не былъ еще уничтоженъ, несмотря на то, что онъ давно уже разъѣхался съ прежнею супругою. Попытки неоднократно были дѣлаемы, но, по высшей, независящей отъ нихъ волѣ, окончательнаго разрѣшенія не послѣдовало. Страдая внутренно отъ того фальшиваго положенія, въ которое она была поставлена, и не видя никакой возможности изъ него выйти, г-жа Фридрихсъ рѣшилась, ради свѣтскаго приличія, пожертвовать всѣмъ своимъ счастіемъ,—и сама добровольно расторгла свою связь, вступивъ въ супружество съ полковникомъ Вейсъ, 7 Марта 1820 года; а вслѣдъ затѣмъ, т.-е. 20 того же Марта (какъ будто ожидали только этого случая), состоялось разрѣшеніе объ уничтоженіи брака ея бывшаго покровителя. Эта послѣдняя жертва, принесенная ею, такъ сильно повліяла на ея здоровье, что она должна была удалиться за границу для лѣченія.

Жозефина Фридрихсъ-Вейсъ являетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ женщинъ, брошенныхъ въ свѣтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ всякаго руководителя, на произволъ судьбы, и сохранившей, однакожъ, при всей окружавшей ея обстановкѣ и средѣ, чувство собственнаго достоинства и неиспорченную нравственность. Довѣрчивый характеръ и мягкое сердце заставляли ее дѣлать ошибки, но, постоянно обманутая въ своихъ надеждахъ, она тяготилась своимъ положеніемъ и всячески старалась изъ него выйти; если, подъ конецъ, она впала въ фальшивое положеніе, то не по своей винѣ, не какъ авантюристка, добивавшаяся своей цѣли, а просто силою обстоятельствъ и игрою случая. Кто зналъ ее покороче, тотъ могъ оцѣнить истинныя ея достоинства. Обладая душою прекрасною, она пользовалась положеніемъ и вліяніемъ только для дѣланія добра другимъ. Не вмѣшиваясь вовсе въ государственныя занятія своего высокаго покровителя, она, однакожъ, умѣла вліяніемъ своимъ укрощать его пылкій нравъ и порывы бурныхъ страстей тогда, когда они могли служить во вредъ другимъ. Сострадательная къ несчастнымъ, она нерѣдко принимала участіе въ смягченіи горькой участи политическихъ преступниковъ, и многіе изъ нихъ обязаны ей своимъ помилованіемъ. По описанію отца моего и другихъ очевидцевъ, она не была, что называется, красавицею. Роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными по старинной модѣ маленькими кудрями на лбу, она, какъ видно изъ превосходнаго, сохранившагося у меня, ея портрета, имѣла лицо неправильное; маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный,—придавали ей большую миловидность; но главную ея прелесть составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными черными рѣсницами. Какъ и бо́льшая часть своихъ соотечественницъ, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго нрава“.

Г-жа Вейсъ умерла въ Ниццѣ 5 Апрѣля 1824 года.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя П. Д. Львова, въ С.-Петербургѣ.)

OULIANA (Joséphine) **MIKHAÏLOWNA ALEXANDROFF** (Friedrichs, Weiss), 178 . —1824, française, intime du Césarewitch Constantin Pavlowitch (v. T. II, № 41). Etant petite, elle travailla au magasin de modes de Mme Boudet de Therray, grand'mère de l'amiral Kolzakoff, dans les mémoires duquel on trouve sur elle nombre d'informations sûres (Rousskaïa Starina, 1873, T. VII). Parfaitement élevée, elle fit à vingt ans la connaissance à Londres d'un allemand venu de Russie et se disant l'officier von Friedrichs, qu'elle épousa, et qui, peu après, partit en hâte pour la Russie en la laissant provisoirement à Londres. Inquiète pourtant de rester longtemps sans nouvelles de lui, elle vint à Pétersbourg, où elle apprit qu'il n'était qu'un simple courrier diplomatique. D'ailleurs malheureuse avec lui, elle se plaignit dans un bal au Grand-Duc Constantin, en qui elle trouva un protecteur. En 1807, elle divorça et alla se fixer à Strelna, où elle donna le jour l'année suivante à un fils qui reçut les noms de Paul Constantinowitch Alexandroff.

„Au début de 1815", disent ensuite les mémoires de Kolzakoff, „Mme Friedrichs quitta Pétersbourg avec son fils âgé de 8 ans pour aller à Varsovie, où elle habita la maison de son éminent protecteur jusqu'en 1820, comptant toujours sur la promesse qu'il lui avait faite de resserrer leur liaison par les liens du mariage. Un divorce formel l'avait affranchie de sa première union légitime: il ne restait qu'à attendre l'accomplissement de la même formalité pour le Grand-Duc, qui, depuis longtemps séparé de sa première femme, n'était cependant pas encore divorcé, malgré des tentatives répétées, toujours contrariées jusque-là par une volonté supérieure et insurmontable. Souffrant en elle-même de sa fausse situation, à laquelle elle ne voyait pas d'issue, la jeune femme se décida, par convenance mondaine, au sacrifice de tout son bonheur et rompit elle-même la liaison de son plein gré, pour épouser le colonel Weiss, le 7 mars 1820. Après quoi, le 20 mars suivant, comme si c'eût été l'occasion attendue, fut prononcée la rupture du mariage de son ancien protecteur. Ce fut un tel coup pour elle, qu'elle dut aller se soigner à l'étranger.

„Joséphine Friedrichs-Weiss est un rare exemple de femme lancée dans le monde dès l'âge le plus tendre, sans direction aucune, à l'abandon, et ayant conservé pourtant, en dépit de toutes les influences de milieu, le sentiment de sa propre dignité et un sens moral intact. Si elle commit des fautes, ce fut par confiance et par bonté de cœur, mais, constamment déçue dans ses espérances, elle souffrait de sa position et fit tout pour s'en tirer; si elle finit par tomber dans une situation fausse, ce ne fut pas par sa faute, pour avoir eu des vues intéressées d'aventurière, mais uniquement par la force des choses et par un jeu du destin. Quand on l'a connue de près, on peut l'apprécier à son juste mérite. C'était une belle âme, qui ne se servit de sa situation et de son influence que pour faire le bien. Complètement étrangère aux affaires d'état de son éminent protecteur, elle sut pourtant adoucir son caractère intraitable et modérer en lui les transports fougueux susceptibles de causer quelque dommage. Compatissante à l'infortune, elle intervint plus d'une fois en faveur de condamnés politiques et obtint ainsi bien des grâces. Au témoignage de mon père et d'autres personnes qui la connurent, elle n'était pas ce qu'on appelle une beauté. De taille moyenne, des cheveux châtain foncé, presque noirs, ramenés à l'ancienne mode en petites boucles sur le front, elle avait, comme le montre le magnifique portrait en ma possession, des traits irréguliers. Avec son petit nez légèrement retroussé, ses lèvres fines, toujours souriantes, son teint clair à peine coloré, elle était gentille au possible; mais ce qui faisait surtout son charme, c'étaient les yeux, de grands yeux gris d'une bonté infinie, ombragés de longs cils noirs. Comme la plupart de ses compatriotes, elle avait une élocution rapide, avec un léger grasseyement, et une conversation familière des plus gaies".

Mme Weiss mourut à Nice le 5 avril 1824.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince P. Lvoff, St-Pétersbourg.)

OULIANA (Joséphine) **MIKHAÏLOWNA ALEXANDROFF** (Friedrichs, Weiss), 178 . —1824, française, intime du Césarewitch Constantin Pavlowitch (v. T. II, № 41). Etant petite, elle travailla au magasin de modes de Mme Boudet de Therray, grand'mère de l'amiral Kolzakoff, dans les mémoires duquel on trouve sur elle nombre d'informations sûres (Rousskaïa Starina, 1873, T. VII). Parfaitement élevée, elle fit à vingt ans la connaissance à Londres d'un allemand venu de Russie et se disant l'officier von Friedrichs, qu'elle épousa, et qui, peu après, partit en hâte pour la Russie en la laissant provisoirement à Londres. Inquiète pourtant de rester longtemps sans nouvelles de lui, elle vint à Pétersbourg, où elle apprit qu'il n'était qu'un simple courrier diplomatique. D'ailleurs malheureuse avec lui, elle se plaignit dans un bal au Grand-Duc Constantin, en qui elle trouva un protecteur. En 1807, elle divorça et alla se fixer à Strelna, où elle donna le jour l'année suivante à un fils qui reçut les noms de Paul Constantinowitch Alexandroff.

„Au début de 1815", disent ensuite les mémoires de Kolzakoff, „Mme Friedrichs quitta Pétersbourg avec son fils âgé de 8 ans pour aller à Varsovie, où elle habita la maison de son éminent protecteur jusqu'en 1820, comptant toujours sur la promesse qu'il lui avait faite de resserrer leur liaison par les liens du mariage. Un divorce formel l'avait affranchie de sa première union légitime: il ne restait qu'à attendre l'accomplissement de la même formalité pour le Grand-Duc, qui, depuis longtemps séparé de sa première femme, n'était cependant pas encore divorcé, malgré des tentatives répétées, toujours contrariées jusque-là par une volonté supérieure et insurmontable. Souffrant en elle-même de sa fausse situation, à laquelle elle ne voyait pas d'issue, la jeune femme se décida, par convenance mondaine, au sacrifice de tout son bonheur et rompit elle-même la liaison de son plein gré, pour épouser le colonel Weiss, le 7 mars 1820. Après quoi, le 20 mars suivant, comme si c'eût été l'occasion attendue, fut prononcée la rupture du mariage de son ancien protecteur. Ce fut un tel coup pour elle, qu'elle dut aller se soigner à l'étranger.

„Joséphine Friedrichs-Weiss est un rare exemple de femme lancée dans le monde dès l'âge le plus tendre, sans direction aucune, à l'abandon, et ayant conservé pourtant, en dépit de toutes les influences de milieu, le sentiment de sa propre dignité et un sens moral intact. Si elle commit des fautes, ce fut par confiance et par bonté de cœur, mais, constamment déçue dans ses espérances, elle souffrait de sa position et fit tout pour s'en tirer; si elle finit par tomber dans une situation fausse, ce ne fut pas par sa faute, pour avoir eu des vues intéressées d'aventurière, mais uniquement par la force des choses et par un jeu du destin. Quand on l'a connue de près, on peut l'apprécier à son juste mérite. C'était une belle âme, qui ne se servit de sa situation et de son influence que pour faire le bien. Complètement étrangère aux affaires d'état de son éminent protecteur, elle sut pourtant adoucir son caractère intraitable et modérer en lui les transports fougueux susceptibles de causer quelque dommage. Compatissante à l'infortune, elle intervint plus d'une fois en faveur de condamnés politiques et obtint ainsi bien des grâces. Au témoignage de mon père et d'autres personnes qui la connurent, elle n'était pas ce qu'on appelle une beauté. De taille moyenne, des cheveux châtain foncé, presque noirs, ramenés à l'ancienne mode en petites boucles sur le front, elle avait, comme le montre le magnifique portrait en ma possession, des traits irréguliers. Avec son petit nez légèrement retroussé, ses lèvres fines, toujours souriantes, son teint clair à peine coloré, elle était gentille au possible; mais ce qui faisait surtout son charme, c'étaient les yeux, de grands yeux gris d'une bonté infinie, ombragés de longs cils noirs. Comme la plupart de ses compatriotes, elle avait une élocution rapide, avec un léger grasseyement, et une conversation familière des plus gaies".

Mme Weiss mourut à Nice le 5 avril 1824.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince P. Lvoff, St-Pétersbourg.)

Графиня ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1729—1771, родилась 11 Мая 1729 года. По отцу своему, флота капитану Ивану Львовичу Нарышкину (р. 1700 г., † 1734 г.), родному племяннику Царицы Натальи Кирилловны, она приходилась троюродною сестрою Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мать ея, Дарья Кирилловна, рожденная Нарышкина же (р. 1709 г.), скончалась, когда ей едва минулъ годъ, а четыре года спустя, скончался и отецъ, поручивъ свою единственную дочь брату своему Александру Львовичу, въ семьѣ котораго она и воспитывалась, пока Елисавета Петровна, будучи еще Царевною, не взяла ее къ себѣ во фрейлины. Вступивъ на престолъ и всячески стараясь возвеличить Разумовскихъ, Императрица Елисавета рада была случаю сосватать свою близкую родственницу и при томъ богатѣйшую въ Россіи невѣсту за графа Кирилла Разумовскаго, брата своего любимца. Обрученіе состоялось 29 Іюня 1746 г., а свадьба была отпразднована три мѣсяца спустя, 27 Октября, во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, „знатнѣйшихъ обоего пола особъ" и чужестранныхъ пословъ, съ величайшею торжественностью и почти царскими почестями для молодыхъ. На другой день послѣ свадьбы графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою, съ пожалованіемъ „пребогатаго портрета".

Графиня Е. И. Разумовская принесла своему мужу половину громаднаго Нарышкинскаго состоянія, до 44.000 душъ крестьянъ, съ огромными Пензенскими вотчинами, подмосковными Петровскимъ-Разумовскимъ и Троицкимъ-Лыковымъ, а въ самой Москвѣ—цѣлый кварталъ, извѣстный Романовъ Дворъ. Рядная запись ея перечисляетъ до 50 сундуковъ и ларцевъ, окованныхъ желѣзомъ, обитыхъ нерпью (тюленьей кожей), бархатомъ и штофомъ, съ драгоцѣнностями, серебромъ, мѣхами, полотномъ и парчею, книгами и гравюрами, обоями, серебряными и мѣдными деньгами, конскимъ уборомъ, сѣдлами и „наперстями" и самыми разнообразными и куріозными предметами, какъ-то: „мѣдный рогъ для глухого человѣка", „три камня морскіе и палочка каменная" и „лента бѣлая, на которой надписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа".

По восшествіи на престолъ, Екатерина II, удостоивъ Разумовскихъ своимъ посѣщеніемъ, 25 Іюля 1762 г., „передъ ужиномъ" возложила на графиню Екатерининскую ленту. Но скоро произошло охлажденіе; будучи недовольна гетманствомъ Разумовскаго, Императрица стала недовѣрчиво относиться не только къ нему, но и къ его женѣ. Узнавъ, что гетманша собирается изъ Глухова въ Петербургъ, Императрица чрезъ курьеровъ справляется, „народный ли это слухъ, или отъ вѣрныхъ людей слышано", и придирается къ путешествію графини. Она пишетъ А. В. Олсуфьеву: „Сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брала, и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ ней шествовали, чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика избили, и если то такъ, то велѣть курьеру, чтобы совѣтывалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ"...

Хотя, по свидѣтельству „Записокъ" Екатерины, графъ Разумовскій и не по своей охотѣ женился, „но, казалось, они хорошо жили", добавляетъ она. Однако, согласіе это часто, особенно въ послѣдніе годы жизни графини, нарушалось изъ-за любовныхъ похожденій фельдмаршала и разногласій въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, которыхъ мать очень баловала. Графиня Е. И. Разумовская была „вѣрною супругой, попечительной матерью, доброй родственницей и кроткой госпожей въ домѣ"; она скончалась въ Петербургѣ 22 Іюля 1771 года и похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. По семейному преданію, у гроба ея, какъ родственницы покойной Императрицы, дежурили камергеры и придворныя дамы.

Кромѣ 6 сыновей, графовъ Алексѣя, Петра, Андрея, Ивана, Льва и Григорія, графиня Разумовская имѣла 5 дочерей, изъ коихъ одна лишь, Дарья, умерла въ младенчествѣ, а остальныя были въ замужствѣ: Наталія за Н. А. Загряжскимъ, Елизавета за графомъ П. Апраксинымъ, Анна (въ монашествѣ Агнія) за В. С. Васильчиковымъ и Прасковья за графомъ И. В. Гудовичемъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Графиня ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1729—1771, родилась 11 Мая 1729 года. По отцу своему, флота капитану Ивану Львовичу Нарышкину (р. 1700 г., † 1734 г.), родному племяннику Царицы Натальи Кирилловны, она приходилась троюродною сестрою Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мать ея, Дарья Кирилловна, рожденная Нарышкина же (р. 1709 г.), скончалась, когда ей едва минулъ годъ, а четыре года спустя, скончался и отецъ, поручивъ свою единственную дочь брату своему Александру Львовичу, въ семьѣ котораго она и воспитывалась, пока Елисавета Петровна, будучи еще Царевною, не взяла ее къ себѣ во фрейлины. Вступивъ на престолъ и всячески стараясь возвеличить Разумовскихъ, Императрица Елисавета рада была случаю сосватать свою близкую родственницу и при томъ богатѣйшую въ Россіи невѣсту за графа Кирилла Разумовскаго, брата своего любимца. Обрученіе состоялось 29 Іюня 1746 г., а свадьба была отпразднована три мѣсяца спустя, 27 Октября, во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, „знатнѣйшихъ обоего пола особъ“ и чужестранныхъ пословъ, съ величайшею торжественностью и почти царскими почестями для молодыхъ. На другой день послѣ свадьбы графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою, съ пожалованіемъ „пребогатаго портрета“.

Графиня Е. И. Разумовская принесла своему мужу половину громаднаго Нарышкинскаго состоянія, до 44.000 душъ крестьянъ, съ огромными Пензенскими вотчинами, подмосковными Петровскимъ-Разумовскимъ и Троицкимъ-Лыковымъ, а въ самой Москвѣ—цѣлый кварталъ, извѣстный Романовъ Дворъ. Рядная запись ея перечисляетъ до 50 сундуковъ и ларцевъ, окованныхъ желѣзомъ, обитыхъ нерпью (тюленьей кожей), бархатомъ и штофомъ, съ драгоцѣнностями, серебромъ, мѣхами, полотномъ и парчею, книгами и гравюрами, обоями, серебряными и мѣдными деньгами, конскимъ уборомъ, сѣдлами и „наперстями“ и самыми разнообразными и куріозными предметами, какъ-то: „мѣдный рогъ для глухого человѣка“, „три камня морскіе и палочка каменная“ и „лента бѣлая, на которой надписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа“.

По восшествіи на престолъ, Екатерина II, удостоивъ Разумовскихъ своимъ посѣщеніемъ, 25 Іюля 1762 г., „передъ ужиномъ“ возложила на графиню Екатерининскую ленту. Но скоро произошло охлажденіе; будучи недовольна гетманствомъ Разумовскаго, Императрица стала недовѣрчиво относиться не только къ нему, но и къ его женѣ. Узнавъ, что гетманша собирается изъ Глухова въ Петербургъ, Императрица чрезъ курьеровъ справляется, „народный ли это слухъ, или отъ вѣрныхъ людей слышано“, и придирается къ путешествію графини. Она пишетъ А. В. Олсуфьеву: „Сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брала, и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ ней шествовали, чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика избили, и если то такъ, то велѣть курьеру, чтобы совѣтывалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ“...

Хотя, по свидѣтельству „Записокъ“ Екатерины, графъ Разумовскій и не по своей охотѣ женился, „но, казалось, они хорошо жили“, добавляетъ она. Однако, согласіе это часто, особенно въ послѣдніе годы жизни графини, нарушалось изъ-за любовныхъ похожденій фельдмаршала и разногласій въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, которыхъ мать очень баловала. Графиня Е. И. Разумовская была „вѣрною супругой, попечительной матерью, доброй родственницей и кроткой госпожей въ домѣ“; она скончалась въ Петербургѣ 22 Іюля 1771 года и похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. По семейному преданію, у гроба ея, какъ родственницы покойной Императрицы, дежурили камергеры и придворныя дамы.

Кромѣ 6 сыновей, графовъ Алексѣя, Петра, Андрея, Ивана, Льва и Григорія, графиня Разумовская имѣла 5 дочерей, изъ коихъ одна лишь, Дарья, умерла въ младенчествѣ, а остальныя были въ замужствѣ: Наталія за Н. А. Загряжскимъ, Елизавета за графомъ П. Апраксинымъ, Анна (въ монашествѣ Агнія) за В. С. Васильчиковымъ и Прасковья за графомъ И. В. Гудовичемъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

59

La comtesse CATHERINE IVANOWNA RAZOUMOWSKY, 1729—1771, naquit le 11 mai 1729. Par son père, Ivan Lvowitch Narychkine (1700—1734), capitaine de la flotte, neveu de la Tzarine Natalie Kyrillowna, elle était cousine issue de germaine de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. Elle avait un an à peine lorsqu'elle perdit sa mère, Daria Kyrillowna, née aussi Narychkine (née 1709); quatre ans plus tard, son père mourut à son tour, en confiant sa fille unique à son frère Alexandre, dans la famille duquel elle fut élevée, jusqu'à ce qu'Elisabeth Pétrowna, alors Tzarewna, la prît comme demoiselle d'honneur. Arrivée au trône, Elisabeth, qui cherchait de toute manière à élever les Razoumowsky, saisit l'occasion de fiancer sa proche parente, le plus riche parti de Russie, au comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, frère de son favori. Les fiançailles eurent lieu le 29 juin 1746, et le mariage fut célébré trois mois après, le 27 octobre, au Palais, en présence de l'Impératrice et de toute la Cour, „des personnages les plus distingués de deux sexes“ et des ambassadeurs étrangers, avec la plus grande solennité. Les conjoints reçurent des honneurs presque royaux, et le lendemain, la comtesse fut faite dame d'honneur „avec portrait d'une grande richesse“.

La comtesse Razoumowsky apportait à son mari juste la moitié de la fortune considérable des Narychkine, près de 44.000 têtes de paysans avec d'immenses domaines à Penza, les propriétés de Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et de Troïtzkoïé-Lykovo aux environs de Moscou, et, à Moscou même, tout un quartier, le fameux Romanoff Dvor. Son contrat ne porte pas moins de cinquante caisses et coffres ferrés, garnis de peau, de velours et de soie, et remplis d'objets précieux, d'argent, de fourrures, de toile et de brocart, de livres et de gravures, de tapisseries, de monnaie d'argent et de cuivre, de harnachements, de selles et des objets les plus divers et les plus curieux: „une corne en cuivre pour la surdité“, „trois pierres marines et un bâton de pierre“ et „un cordon blanc sur lequel est marquée la taille de Notre-Seigneur Jésus-Christ“.

Arrivée au trône, Catherine honora les Razoumowsky de sa visite le 25 juillet 1762, et, „au moment du souper“, revêtit la comtesse du cordon de Ste-Catherine. Mais il y eut bientôt un refroidissement: mécontente du service de Razoumowsky, l'Impératrice leur retira sa confiance à tous deux. Apprenant que la comtesse se prépare à partir de Gloukhovo pour Pétersbourg, elle envoie demander par un courrier „si c'est une simple rumeur ou si la nouvelle est fondée“. Et elle en a au voyage; elle écrit à A. Olsoufieff: „On dit qu'elle a pris à chaque relais une centaine de chevaux sans payer, et que les deux grenadiers et le sergent qui allaient devant ont battu et presque laissé pour mort un postillon à Yagelbitzy: si c'est la vérité, qu'on fasse dire par courrier aux victimes de me présenter leur requête“...

Au témoignage des Mémoires de Catherine, le comte Razoumowsky s'était marié un peu malgré lui, mais pourtant, ajoute-t-elle, „ils avaient l'air d'être bien ensemble“. Encore, surtout les dernières années, l'accord était-il souvent troublé par les frasques du feld-maréchal et aussi par la question de l'éducation des enfants, que la mère gâtait beaucoup. Toujours „épouse fidèle, mère pleine de sollicitude, affectueuse pour sa famille et bonne avec ses gens“, la comtesse Razoumowsky mourut à Pétersbourg le 22 juillet 1771, et fut inhumée à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky, près du comte Alexis Grigoriewitch Razoumowsky. Comme parente de l'Impératrice défunte, elle avait à son tombeau, dit une tradition de famille, une garde de chambellans et de dames de la Cour.

Outre ses six fils, les comtes Alexis, Pierre, André, Ivan, Léon et Grégoire, la comtesse Razoumowsky eut cinq filles, dont une seule, Daria, mourut en bas âge, et les autres furent mariées, Natalie à N. Zagriajsky, Elisabeth au comte P. Apraxine, Anne, en religion Agnès, à B. Vassiltchikoff, et Prascovie au comte I. Goudowitch.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

La comtesse CATHERINE IVANOWNA RAZOUMOWSKY, 1729—1771, naquit le 11 mai 1729. Par son père, Ivan Lvowitch Narychkine (1700—1734), capitaine de la flotte, neveu de la Tzarine Natalie Kyrillowna, elle était cousine issue de germaine de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. Elle avait un an à peine lorsqu'elle perdit sa mère, Daria Kyrillowna, née aussi Narychkine (née 1709); quatre ans plus tard, son père mourut à son tour, en confiant sa fille unique à son frère Alexandre, dans la famille duquel elle fut élevée, jusqu'à ce qu'Elisabeth Pétrowna, alors Tzarewna, la prît comme demoiselle d'honneur. Arrivée au trône, Elisabeth, qui cherchait de toute manière à élever les Razoumowsky, saisit l'occasion de fiancer sa proche parente, le plus riche parti de Russie, au comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, frère de son favori. Les fiançailles eurent lieu le 29 juin 1746, et le mariage fut célébré trois mois après, le 27 octobre, au Palais, en présence de l'Impératrice et de toute la Cour, „des personnages les plus distingués de deux sexes“ et des ambassadeurs étrangers, avec la plus grande solennité. Les conjoints reçurent des honneurs presque royaux, et le lendemain, la comtesse fut faite dame d'honneur „avec portrait d'une grande richesse“.

La comtesse Razoumowsky apportait à son mari juste la moitié de la fortune considérable des Narychkine, près de 44.000 têtes de paysans avec d'immenses domaines à Penza, les propriétés de Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et de Troïtzkoïé-Lykovo aux environs de Moscou, et, à Moscou même, tout un quartier, le fameux Romanoff Dvor. Son contrat ne porte pas moins de cinquante caisses et coffres ferrés, garnis de peau, de velours et de soie, et remplis d'objets précieux, d'argent, de fourrures, de toile et de brocart, de livres et de gravures, de tapisseries, de monnaie d'argent et de cuivre, de harnachements, de selles et des objets les plus divers et les plus curieux: „une corne en cuivre pour la surdité“, „trois pierres marines et un bâton de pierre“ et „un cordon blanc sur lequel est marquée la taille de Notre-Seigneur Jésus-Christ“.

Arrivée au trône, Catherine honora les Razoumowsky de sa visite le 25 juillet 1762, et, „au moment du souper“, revêtit la comtesse du cordon de Ste-Catherine. Mais il y eut bientôt un refroidissement: mécontente du service de Razoumowsky, l'Impératrice leur retira sa confiance à tous deux. Apprenant que la comtesse se prépare à partir de Gloukhovo pour Pétersbourg, elle envoie demander par un courrier „si c'est une simple rumeur ou si la nouvelle est fondée“. Et elle en a au voyage; elle écrit à A. Olsoufieff: „On dit qu'elle a pris à chaque relais une centaine de chevaux sans payer, et que les deux grenadiers et le sergent qui allaient devant ont battu et presque laissé pour mort un postillon à Yagelbitzy: si c'est la vérité, qu'on fasse dire par courrier aux victimes de me présenter leur requête“...

Au témoignage des Mémoires de Catherine, le comte Razoumowsky s'était marié un peu malgré lui, mais pourtant, ajoute-t-elle, „ils avaient l'air d'être bien ensemble“. Encore, surtout les dernières années, l'accord était-il souvent troublé par les frasques du feld-maréchal et aussi par la question de l'éducation des enfants, que la mère gâtait beaucoup. Toujours „épouse fidèle, mère pleine de sollicitude, affectueuse pour sa famille et bonne avec ses gens“, la comtesse Razoumowsky mourut à Pétersbourg le 22 juillet 1771, et fut inhumée à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky, près du comte Alexis Grigoriewitch Razoumowsky. Comme parente de l'Impératrice défunte, elle avait à son tombeau, dit une tradition de famille, une garde de chambellans et de dames de la Cour.

Outre ses six fils, les comtes Alexis, Pierre, André, Ivan, Léon et Grégoire, la comtesse Razoumowsky eut cinq filles, dont une seule, Daria, mourut en bas âge, et les autres furent mariées, Natalie à N. Zagriajsky, Elisabeth au comte P. Apraxine, Anne, en religion Agnès, à B. Vassiltchikoff, et Prascovie au comte I. Goudowitch.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

60

Графъ **КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ**, 1724—1803, младшій братъ графа Алексѣя, родился въ Лёмешахъ 18 Марта 1724 года. Возвышеніе брата, сдѣлавшагося изъ простого казака супругомъ Императрицы, повлекло возвышеніе всего рода. Кириллъ въ 1742 г., вмѣстѣ съ матерью Наталіей „Розумихой" и сестрами, былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь порученъ воспитанію Г. Н. Теплова, сына жены истопника Псковскаго архіерейскаго дома, воспитанника знаменитаго Ѳеофана Прокоповича, котораго напоминалъ умомъ и гибкостью характера; въ сопровожденіи его, въ 1743 г., Разумовскій отправленъ за границу, „дабы ученьемъ вознаградить пренебреженное нонынѣ время". Черезъ 2 года, проучившись въ Кенигсбергѣ у Эйлера и въ Страсбургѣ, пожалованный въ это время въ графы (15 Іюня 1744 г.), возвратился въ Россію вполнѣ европейцемъ: отлично танцовалъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки; онъ съ увлеченіемъ бросился въ вихрь развлеченій и празднествъ при дворѣ, и „всѣ красавицы были отъ него безъ ума". Въ 1746 г., 21 Мая, Разумовскій былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, „въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства"; будучи не хуже своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, онъ велъ дѣла также плохо, зато сумѣлъ подать руку помощи Ломоносову... 27 Октября 1746 г., уже камергеръ и Александровскій кавалеръ, Разумовскій женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Въ Февралѣ 1750 г. онъ былъ избранъ въ Глуховѣ въ гетманы Малороссіи, хотя самъ впослѣдствіи не придавалъ большого значенія этой „элекціи" и Мазепу считалъ послѣднимъ гетманомъ. Съ необыкновенной помпой прибылъ гетманъ въ Малороссію и зажилъ царькомъ въ Глуховѣ и Батуринѣ; бразды же правленія взялъ въ свои руки Тепловъ. Въ 1751 г., 5 Сентября, Разумовскій получилъ Андреевскую ленту. При возвышеніи новаго фаворита, онъ сохранилъ прежнее положеніе, такъ какъ былъ близкимъ другомъ И. И. Шувалова. По мысли ихъ обоихъ, была учреждена Академія Художествъ, а когда Шуваловъ задумалъ создать Московскій университетъ, гетманъ не хотѣлъ разстаться съ мечтой устроить университетъ въ Батуринѣ и вообще старался о поднятіи школъ въ Малороссіи. Краткое царствованіе Петра III причинило не мало огорченій Разумовскому, хотя Государь относился къ нему благосклонно и даже назначилъ его главнокомандующимъ арміей, которая должна была дѣйствовать противъ Даніи: гетману казалось и это назначеніе, и маршировка на плацу предъ Измайловскимъ полкомъ насмѣшкой, а роль шута была ему не по душѣ. Онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ Екатерины, въ которую при томъ, по его собственному признанію, былъ раньше влюбленъ. Разумовскій остался и навсегда ея преданнымъ другомъ. Временное охлажденіе внесла неосторожная просьба Разумовскаго о преемственности гетманскаго достоинства, на что подбилъ его двуличный Тепловъ. Когда 10 Ноября 1764 г. гетманъ былъ переименованъ въ фельдмаршалы, какъ бы по его просьбѣ, а гетманство уничтожено, благоволеніе Государыни было ему возвращено. Проведя 1765—1767 гг. за границей, Разумовскій возвратился въ Петербургъ и здѣсь 22 Іюня 1771 г. овдовѣлъ. Переѣхавъ въ Батуринъ, Разумовскій привезъ туда давнюю свою привязанность, любимую племянницу, графиню Софію Осиповну Апраксину, прожившую съ нимъ до конца его дней.

Графъ К. Г. Разумовскій умеръ 9 Января 1803 г. и похороненъ въ Батуринской церкви.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Графъ **КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ**, 1724—1803, младшій братъ графа Алексѣя, родился въ Лёмешахъ 18 Марта 1724 года. Возвышеніе брата, сдѣлавшагося изъ простого казака супругомъ Императрицы, повлекло возвышеніе всего рода. Кириллъ въ 1742 г., вмѣстѣ съ матерью Наталіей „Розумихой" и сестрами, былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь порученъ воспитанію Г. Н. Теплова, сына жены истопника Псковскаго архіерейскаго дома, воспитанника знаменитаго Өеофана Прокоповича, котораго напоминалъ умомъ и гибкостью характера; въ сопровожденіи его, въ 1743 г., Разумовскій отправленъ за границу, „дабы ученьемъ вознаградить пренебреженное понынѣ время". Черезъ 2 года, проучившись въ Кенигсбергѣ у Эйлера и въ Страсбургѣ, пожалованный въ это время въ графы (15 Іюня 1744 г.), возвратился въ Россію вполнѣ европейцемъ: отлично танцовалъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки; онъ съ увлеченіемъ бросился въ вихрь развлеченій и празднествъ при дворѣ, и „всѣ красавицы были отъ него безъ ума". Въ 1746 г., 21 Мая, Разумовскій былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, „въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства"; будучи не хуже своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, онъ велъ дѣла также плохо, зато сумѣлъ подать руку помощи Ломоносову... 27 Октября 1746 г., уже камергеръ и Александровскій кавалеръ, Разумовскій женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Въ Февралѣ 1750 г. онъ былъ избранъ въ Глуховѣ въ гетманы Малороссіи, хотя самъ впослѣдствіи не придавалъ большого значенія этой „элекціи" и Мазепу считалъ послѣднимъ гетманомъ. Съ необыкновенной помпой прибылъ гетманъ въ Малороссію и зажилъ царькомъ въ Глуховѣ и Батуринѣ; бразды же правленія взялъ въ свои руки Тепловъ. Въ 1751 г., 5 Сентября, Разумовскій получилъ Андреевскую ленту. При возвышеніи новаго фаворита, онъ сохранилъ прежнее положеніе, такъ какъ былъ близкимъ другомъ И. И. Шувалова. По мысли ихъ обоихъ, была учреждена Академія Художествъ, а когда Шуваловъ задумалъ создать Московскій университетъ, гетманъ не хотѣлъ разстаться съ мечтой устроить университетъ въ Батуринѣ и вообще старался о поднятіи школъ въ Малороссіи. Краткое царствованіе Петра III причинило не мало огорченій Разумовскому, хотя Государь относился къ нему благосклонно и даже назначилъ его главнокомандующимъ арміей, которая должна была дѣйствовать противъ Даніи: гетману казалось и это назначеніе, и маршировка на плацу предъ Измайловскимъ полкомъ насмѣшкой, а роль шута была ему не по душѣ. Онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ Екатерины, въ которую при томъ, по его собственному признанію, былъ раньше влюбленъ. Разумовскій остался и навсегда ея преданнымъ другомъ. Временное охлажденіе внесла неосторожная просьба Разумовскаго о преемственности гетманскаго достоинства, на что подбилъ его двуличный Тепловъ. Когда 10 Ноября 1764 г. гетманъ былъ переименованъ въ фельдмаршалы, какъ бы по его просьбѣ, а гетманство уничтожено, благоволеніе Государыни было ему возвращено. Проведя 1765—1767 гг. за границей, Разумовскій возвратился въ Петербургъ и здѣсь 22 Іюня 1771 г. овдовѣлъ. Переѣхавъ въ Батуринъ, Разумовскій привезъ туда давнюю свою привязанность, любимую племянницу, графиню Софію Осиповну Апраксину, прожившую съ нимъ до конца его дней.

Графъ К. Г. Разумовскій умеръ 9 Января 1803 г. и похороненъ въ Батуринской церкви.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte CYRILLE GRIGORIEWITCH RAZOUMOWSKY, 1724—1803, frère cadet du comte Alexis, naquit à Leméchy le 18 mars 1724. L'élévation de son frère, devenu de simple cosaque époux de l'Impératrice, entraîna celle de toute la famille. En 1742, il fut appelé à Pétersbourg avec sa mère, Natalie Rozoumikha, et ses sœurs, et confié aux soins de G. Téploff, fils de la femme du chauffeur de l'archevêché de Pskoff et pupille du célèbre Théophane Prokopowitch, dont il avait la tournure d'esprit et la souplesse de caractère; en 1743, il partit avec lui pour l'étranger, „afin de réparer par l'étude le temps perdu jusque-là". Au bout de deux ans d'études à Königsberg avec Euler et à Strasbourg, il fut fait comte (15 juin 1744) et revint en Russie complètement européanisé, excellent danseur, et parlant français et allemand; il se lança avec frénésie dans le tourbillon des distractions et des fêtes de la Cour et „fit tourner toutes les têtes". Le 21 mai 1746, il fut nommé président de l'Académie des Sciences „en considération des capacités particulières dont il fait preuve et de l'habileté qu'il a acquise dans les sciences"; au moins aussi bon que les allemands ses prédécesseurs, il fit les affaires tout aussi mal qu'eux, mais sut pourtant tendre à Lomonossoff une main secourable... Le 27 octobre 1746, déjà chambellan et décoré de St-Alexandre, il épousa Natalie Ivanowna Narychkine. En février 1750, il fut élu à Gloukhovo hetman de Petite-Russie, et pourtant dans la suite il n'attribua pas grande importance à cette élection, considérant Mazeppa comme le dernier hetman... Il fit son entrée en Petite-Russie avec une pompe extraordinaire et se mit à faire le roitelet de Gloukhovo et de Batourine; quant aux rênes du pouvoir, ce fut Téploff qui les prit en main. Le 5 septembre 1751, Razoumowsky fut décoré de St-André. L'avènement du nouveau favori ne lui fit rien perdre de sa situation, car il était ami intime de Chouvaloff. Ce fut sur leur initiative à tous deux que fut fondée l'Académie des Beaux-Arts, et quand Chouvaloff eut l'idée de créer une université à Moscou, l'hetman ne voulut pas renoncer à son rêve d'en organiser une à Batourine; il s'efforçait en général d'élever le niveau de l'instruction en Petite-Russie. Le règne éphémère de Pierre III fut une ère de désagréments pour Razoumowsky, bien que l'Empereur lui témoignât sa bienveillance et l'eût même nommé commandant en chef de l'armée d'opérations contre le Danemark: la nomination et aussi le défilé sur la place d'armes à la tête du régiment Izmaïlowsky lui firent l'effet d'une dérision. Or le rôle de grotesque n'était pas de son goût, et il devint partisan jaloux de Catherine, dont il avait été, il l'avouait lui-même, autrefois amoureux: il resta toujours pour elle un ami dévoué. Il n'y eut qu'une période de refroidissement, lorsqu'il eut l'imprudence, à l'instigation perfide de Téploff, de vouloir faire déclarer héréditaire la dignité d'hetman. Lorsque, le 10 novembre, il eut permuté feld-maréchal, soi-disant sur sa demande, et que l'hetmanat eut été aboli, l'Impératrice lui rendit sa faveur. Après être resté à l'étranger de 1765 à 1767, il revint à Pétersbourg, où il perdit sa femme le 22 juin 1771. Il se retira alors à Batourine et y fit venir sa nièce préférée, la comtesse S. Apraxine, avec laquelle il passa le reste de ses jours.

Il mourut le 9 janvier 1803, et fut inhumé dans l'église de Batourine.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le comte CYRILLE GRIGORIEWITCH RAZOUMOWSKY, 1724—1803, frère cadet du comte Alexis, naquit à Leméchy le 18 mars 1724. L'élévation de son frère, devenu de simple cosaque époux de l'Impératrice, entraîna celle de toute la famille. En 1742, il fut appelé à Pétersbourg avec sa mère, Natalie Rozoumikha, et ses sœurs, et confié aux soins de G. Téploff, fils de la femme du chauffeur de l'archevêché de Pskoff et pupille du célèbre Théophane Prokopowitch, dont il avait la tournure d'esprit et la souplesse de caractère; en 1743, il partit avec lui pour l'étranger, „afin de réparer par l'étude le temps perdu jusque-là". Au bout de deux ans d'études à Königsberg avec Euler et à Strasbourg, il fut fait comte (15 juin 1744) et revint en Russie complètement européanisé, excellent danseur, et parlant français et allemand; il se lança avec frénésie dans le tourbillon des distractions et des fêtes de la Cour et „fit tourner toutes les têtes". Le 21 mai 1746, il fut nommé président de l'Académie des Sciences „en considération des capacités particulières dont il fait preuve et de l'habileté qu'il a acquise dans les sciences"; au moins aussi bon que les allemands ses prédécesseurs, il fit les affaires tout aussi mal qu'eux, mais sut pourtant tendre à Lomonossoff une main secourable... Le 27 octobre 1746, déjà chambellan et décoré de St-Alexandre, il épousa Natalie Ivanowna Narychkine. En février 1750, il fut élu à Gloukhovo hetman de Petite-Russie, et pourtant dans la suite il n'attribua pas grande importance à cette élection, considérant Mazeppa comme le dernier hetman... Il fit son entrée en Petite-Russie avec une pompe extraordinaire et se mit à faire le roitelet de Gloukhovo et de Batourine; quant aux rênes du pouvoir, ce fut Téploff qui les prit en main. Le 5 septembre 1751, Razoumowsky fut décoré de St-André. L'avènement du nouveau favori ne lui fit rien perdre de sa situation, car il était ami intime de Chouvaloff. Ce fut sur leur initiative à tous deux que fut fondée l'Académie des Beaux-Arts, et quand Chouvaloff eut l'idée de créer une université à Moscou, l'hetman ne voulut pas renoncer à son rêve d'en organiser une à Batourine; il s'efforçait en général d'élever le niveau de l'instruction en Petite-Russie. Le règne éphémère de Pierre III fut une ère de désagréments pour Razoumowsky, bien que l'Empereur lui témoignât sa bienveillance et l'eût même nommé commandant en chef de l'armée d'opérations contre le Danemark: la nomination et aussi le défilé sur la place d'armes à la tête du régiment Izmaïlowsky lui firent l'effet d'une dérision. Or le rôle de grotesque n'était pas de son goût, et il devint partisan jaloux de Catherine, dont il avait été, il l'avouait lui-même, autrefois amoureux: il resta toujours pour elle un ami dévoué. Il n'y eut qu'une période de refroidissement, lorsqu'il eut l'imprudence, à l'instigation perfide de Téploff, de vouloir faire déclarer héréditaire la dignité d'hetman. Lorsque, le 10 novembre, il eut permuté feld-maréchal, soi-disant sur sa demande, et que l'hetmanat eut été aboli, l'Impératrice lui rendit sa faveur. Après être resté à l'étranger de 1765 à 1767, il revint à Pétersbourg, où il perdit sa femme le 22 juin 1771. Il se retira alors à Batourine et y fit venir sa nièce préférée, la comtesse S. Apraxine, avec laquelle il passa le reste de ses jours.

Il mourut le 9 janvier 1803, et fut inhumé dans l'église de Batourine.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РЕПНИНЪ, 1734—1801, сынъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича, былъ послѣднимъ представителемъ этого древняго княжескаго рода, игравшаго крупную роль при дворѣ Московскихъ царей. Въ юности князь Репнинъ долго жилъ въ Германіи, гдѣ получилъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе“, и въ Парижѣ, откуда былъ вытребованъ Елисаветой Петровной, которая опасалась, чтобы „Николаша“ не погибъ отъ „разврата и распутства“ въ этомъ Содомѣ. По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой и онъ участвовалъ, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву; здѣсь ему было поручено защищать интересы диссидентовъ, и въ 1768 г. Репнинъ добился утвержденія договора, обезпечившаго свободу ихъ вѣроисповѣданія и гражданскія права. Во время 1-й Турецкой войны ему пришлось выдвинуться и на военномъ поприщѣ. Репнинъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, отличился при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Измаилъ и Килію. Въ 1771 г., командуя войсками въ Валахіи, разбилъ турокъ при Бухарестѣ, а въ 1774 г. участвовалъ во взятіи Силистріи. По окончаніи войны, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, а въ 1776 г.—Смоленскимъ и Орловскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1779 г. онъ былъ посланъ съ войскомъ въ Германію, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ тамъ по поводу Баварскаго наслѣдства, и склонилъ Австрію къ Тешенскому миру, за что былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ Псковскимъ генералъ-губернаторомъ. Во время 2-й Турецкой войны Репнинъ, командуя войсками послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, разбилъ турокъ при Мачинѣ; побѣда эта доставила величайшее удовольствіе Екатеринѣ и способствовала скорѣйшему заключенію мира. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ Рижскимъ и Ревельскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1794 г. — Виленскимъ и Гродненскимъ. Павелъ I пожаловалъ Репнина въ фельдмаршалы и назначилъ инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизіи и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Репнинъ былъ посланъ въ Берлинъ и Вѣну, чтобы склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ съ Франціей, но посольство его не имѣло успѣха. Внезапно его, только-что потерявшаго жену, княгиню Наталію Александровну, рожденную Куракину, постигла немилость Государя. Уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ и 12 Мая 1801 г. скончался въ своей Подмосковной, селѣ Воронцовѣ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Репнинъ пользовался большимъ уваженіемъ среди современниковъ, но, какъ человѣкъ крупный, имѣлъ также много и враговъ. Сенаторъ Лубяновскій, служившій при Репнинѣ и пользовавшійся его расположеніемъ, считаетъ князя типомъ истинно государственнаго человѣка, отрѣшившагося всецѣло отъ своей личности изъ-за любви къ отечеству. „Съ этой стороны“, пишетъ Лубяновскій, „не встрѣчалъ я, да и теперь не знаю другого князя Николая Васильевича. Но Репнины и родятся вѣками!“ Въ „Воспоминаніяхъ“ Ѳ. П. Лубяновскаго посвящено много интересныхъ страницъ описанію служебной дѣятельности и личности князя Репнина. Онъ посѣщалъ его и въ отставкѣ, въ Москвѣ. „Образъ жизни князя Николая Васильевича по смерти княгини былъ тихій, все же боярскій; ни за столъ онъ не садился, ни вечера не проводилъ безъ гостей, нерѣдко во множествѣ, всегда незваныхъ, въ домѣ его простота со строгимъ приличіемъ... Въ лицѣ его, даже и въ старости, трудно сказать, чего было больше, величія или пріятности... Въ гостиной онъ оживлялъ постоянно бесѣду, всегда занимательную; никогда не выходило изъ устъ его слова презрѣнія; ни самъ онъ, никто у него не говорилъ о правительствѣ; не было также ни игры въ карты, ни злорѣчія, ни пересудовъ ни на чей счетъ; никогда онъ не говорилъ о себѣ и о своей службѣ; любилъ похвалить другихъ, вспомнить о знаменитыхъ людяхъ прошедшаго времени“...

Въ IV т. (№ 120) былъ помѣщенъ портретъ князя Репнина кисти Ивашкевича; нѣсколько его портретовъ принадлежатъ князю Н. В. Репнину, въ Яготинѣ, Кіевской губерніи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Князь НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РЕПНИНЪ, 1734—1801, сынъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича, былъ послѣднимъ представителемъ этого древняго княжескаго рода, игравшаго крупную роль при дворѣ Московскихъ царей. Въ юности князь Репнинъ долго жилъ въ Германіи, гдѣ получилъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе“, и въ Парижѣ, откуда былъ вытребованъ Елисаветой Петровной, которая опасалась, чтобы „Николаша“ не погибъ отъ „разврата и распутства“ въ этомъ Содомѣ. По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой и онъ участвовалъ, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву; здѣсь ему было поручено защищать интересы диссидентовъ, и въ 1768 г. Репнинъ добился утвержденія договора, обезпечившаго свободу ихъ вѣроисповѣданія и гражданскія права. Во время 1-й Турецкой войны ему пришлось выдвинуться и на военномъ поприщѣ. Репнинъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, отличился при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Измаилъ и Килію. Въ 1771 г., командуя войсками въ Валахіи, разбилъ турокъ при Бухарестѣ, а въ 1774 г. участвовалъ во взятіи Силистріи. По окончаніи войны, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, а въ 1776 г.—Смоленскимъ и Орловскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1779 г. онъ былъ посланъ съ войскомъ въ Германію, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ тамъ по поводу Баварскаго наслѣдства, и склонилъ Австрію къ Тешенскому миру, за что былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ Псковскимъ генералъ-губернаторомъ. Во время 2-й Турецкой войны Репнинъ, командуя войсками послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, разбилъ турокъ при Мачинѣ; побѣда эта доставила величайшее удовольствіе Екатеринѣ и способствовала скорѣйшему заключенію мира. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ Рижскимъ и Ревельскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1794 г. — Виленскимъ и Гродненскимъ. Павелъ I пожаловалъ Репнина въ фельдмаршалы и назначилъ инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизіи и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Репнинъ былъ посланъ въ Берлинъ и Вѣну, чтобы склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ съ Франціей, но посольство его не имѣло успѣха. Внезапно его, только-что потерявшаго жену, княгиню Наталію Александровну, рожденную Куракину, постигла немилость Государя. Уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ и 12 Мая 1801 г. скончался въ своей Подмосковной, селѣ Воронцовѣ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Репнинъ пользовался большимъ уваженіемъ среди современниковъ, но, какъ человѣкъ крупный, имѣлъ также много и враговъ. Сенаторъ Лубяновскій, служившій при Репнинѣ и пользовавшійся его расположеніемъ, считаетъ князя типомъ истинно государственнаго человѣка, отрѣшившагося всецѣло отъ своей личности изъ-за любви къ отечеству. „Съ этой стороны“, пишетъ Лубяновскій, „не встрѣчалъ я, да и теперь не знаю другого князя Николая Васильевича. Но Репнины и родятся вѣками!“ Въ „Воспоминаніяхъ“ Ѳ. П. Лубяновскаго посвящено много интересныхъ страницъ описанію служебной дѣятельности и личности князя Репнина. Онъ посѣщалъ его и въ отставкѣ, въ Москвѣ. „Образъ жизни князя Николая Васильевича по смерти княгини былъ тихій, все же боярскій; ни за столъ онъ не садился, ни вечера не проводилъ безъ гостей, нерѣдко во множествѣ, всегда незваныхъ, въ домѣ его простота со строгимъ приличіемъ... Въ лицѣ его, даже и въ старости, трудно сказать, чего было больше, величія или пріятности... Въ гостиной онъ оживлялъ постоянно бесѣду, всегда занимательную; никогда не выходило изъ устъ его слова презрѣнія; ни самъ онъ, никто у него не говорилъ о правительствѣ; не было также ни игры въ карты, ни злорѣчія, ни пересудовъ ни на чей счетъ; никогда онъ не говорилъ о себѣ и о своей службѣ; любилъ похвалить другихъ, вспомнить о знаменитыхъ людяхъ прошедшаго времени“...

Въ IV т. (№ 120) былъ помѣщенъ портретъ князя Репнина кисти Ивашкевича; нѣсколько его портретовъ принадлежатъ князю Н. В. Репнину, въ Яготинѣ, Кіевской губерніи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince NICOLAS VASSILIEWITCH REPNINE, 1734—1801, fils du prince Basile Anikititch Repnine, grand maître de l'artillerie, fut le dernier représentant de cette vieille famille princière, qui joua un rôle considérable à la Cour des Tzars moscovites. Etant jeune, il habita longtemps l'Allemagne, où il reçut „une solide éducation allemande", puis alla à Paris, d'où il fut rappelé par l'Impératrice Elisabeth, inquiète de voir Nikolacha sombrer dans „la débauche et les dérèglements" de la moderne Babylone. Il fit alors la Guerre de Sept-Ans, puis fut nommé ambassadeur à Berlin. Fait en 1763 directeur du Corps des Cadets, il fut envoyé, au bout de quelques mois seulement, à Varsovie comme ministre plénipotentiaire, avec la mission de défendre les intérêts des dissidents, en faveur desquels il obtint effectivement en 1768 un traité garantissant leur liberté de conscience et leurs droits civils. La première guerre de Turquie lui ouvrit alors la carrière des armes: à la tête d'un corps détaché, il se distingua à Larga et à Kagoul, et prit Izmaïl et Kilia, puis, en 1771, à l'armée de Valachie, défit les Turcs sous Bucharest, et fut en 1774 à la prise de Silistrie. La guerre terminée, il alla comme ambassadeur à Constantinople, et fut nommé en 1776 général gouverneur de Smolensk et Orel. Investi du commandement des troupes envoyées en Allemagne en 1779 à la suite des difficultés provoquées par la succession de Bavière, il réduisit l'Autriche à la paix de Teschen, et fut décoré de St-André. Il devint en 1781 général gouverneur de Pskoff. A la seconde guerre de Turquie, il prit le commandement au départ de Potemkine pour Pétersbourg, et remporta sur les Turcs la victoire de Matchine, qui causa à l'Impératrice une grande satisfaction et hâta la conclusion de la paix. Il fut fait ensuite, en 1792, général gouverneur de Riga et Rével, puis, en 1794, de Vilna et Grodno. Paul Ier le fit feld-maréchal, inspecteur de l'infanterie des divisions de Lithuanie et de Livonie, et gouverneur militaire de Riga. Envoyé en 1798 à Berlin et à Vienne pour entraîner la Prusse et l'Autriche contre la France, il échoua dans sa mission. C'est alors qu'il encourut, au lendemain de la perte de sa femme, la princesse Natalie Alexandrowna, née Kourakine, la défaveur soudaine de l'Empereur. Il fut révoqué, se fixa à Moscou, et mourut le 12 mai 1801 dans sa propriété des environs, au bourg de Worontzovo. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Tenu en haute estime par ses contemporains, Repnine, en raison de sa situation éminente, eut aussi de nombreux ennemis. Le sénateur Loubianowsky, qui avait servi sous ses ordres et joui de sa faveur, le considère comme le vrai type de l'homme d'état, abdiquant complètement sa personnalité par amour de la patrie: „Pour moi", dit-il, „je n'ai jamais rencontré et je ne connais personne comme lui. Mais les Repnine sont rares par les siècles!" Et il consacre dans ses Mémoires de longues et intéressantes pages à la carrière et à la personnalité du prince. Il alla le voir encore dans sa retraite à Moscou. „Depuis son veuvage, il menait une vie calme, mais toujours large, ne se mettant jamais à table, ne passant jamais la soirée sans une société parfois nombreuse, toujours inattendue. Dans son intérieur, une simplicité n'excluant pas la convenance la plus rigoureuse.... Sur son visage, même dans sa vieillesse, la majesté le disputait à l'agrément.... En société, il savait entretenir constamment une intéressante conversation, sans jamais rien dire qui impliquât le mépris, sans jamais parler ni laisser parler du gouvernement; pas de jeux de cartes, pas de médisances ni de gloses sur le compte de qui que ce soit. Ne parlant jamais de lui ni de ses services, il aimait dire du bien des autres, rappeler les hommes marquants du passé"....

Un portrait du prince Repnine, d'après Ivachkewitch, figure au Tome IV, № 120. Il y en a plusieurs autres chez le prince N. Repnine, à Yagotino, gouvernement de Kieff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le prince NICOLAS VASSILIEWITCH REPNINE, 1734—1801, fils du prince Basile Anikititch Repnine, grand maître de l'artillerie, fut le dernier représentant de cette vieille famille princière, qui joua un rôle considérable à la Cour des Tzars moscovites. Etant jeune, il habita longtemps l'Allemagne, où il reçut „une solide éducation allemande", puis alla à Paris, d'où il fut rappelé par l'Impératrice Elisabeth, inquiète de voir Nikolacha sombrer dans „la débauche et les dérèglements" de la moderne Babylone. Il fit alors la Guerre de Sept-Ans, puis fut nommé ambassadeur à Berlin. Fait en 1763 directeur du Corps des Cadets, il fut envoyé, au bout de quelques mois seulement, à Varsovie comme ministre plénipotentiaire, avec la mission de défendre les intérêts des dissidents, en faveur desquels il obtint effectivement en 1768 un traité garantissant leur liberté de conscience et leurs droits civils. La première guerre de Turquie lui ouvrit alors la carrière des armes: à la tête d'un corps détaché, il se distingua à Larga et à Kagoul, et prit Izmaïl et Kilia, puis, en 1771, à l'armée de Valachie, défit les Turcs sous Bucharest, et fut en 1774 à la prise de Silistrie. La guerre terminée, il alla comme ambassadeur à Constantinople, et fut nommé en 1776 général gouverneur de Smolensk et Orel. Investi du commandement des troupes envoyées en Allemagne en 1779 à la suite des difficultés provoquées par la succession de Bavière, il réduisit l'Autriche à la paix de Teschen, et fut décoré de St-André. Il devint en 1781 général gouverneur de Pskoff. A la seconde guerre de Turquie, il prit le commandement au départ de Potemkine pour Pétersbourg, et remporta sur les Turcs la victoire de Matchine, qui causa à l'Impératrice une grande satisfaction et hâta la conclusion de la paix. Il fut fait ensuite, en 1792, général gouverneur de Riga et Rével, puis, en 1794, de Vilna et Grodno. Paul Ier le fit feld-maréchal, inspecteur de l'infanterie des divisions de Lithuanie et de Livonie, et gouverneur militaire de Riga. Envoyé en 1798 à Berlin et à Vienne pour entraîner la Prusse et l'Autriche contre la France, il échoua dans sa mission. C'est alors qu'il encourut, au lendemain de la perte de sa femme, la princesse Natalie Alexandrowna, née Kourakine, la défaveur soudaine de l'Empereur. Il fut révoqué, se fixa à Moscou, et mourut le 12 mai 1801 dans sa propriété des environs, au bourg de Worontzovo. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Tenu en haute estime par ses contemporains, Repnine, en raison de sa situation éminente, eut aussi de nombreux ennemis. Le sénateur Loubianowsky, qui avait servi sous ses ordres et joui de sa faveur, le considère comme le vrai type de l'homme d'état, abdiquant complètement sa personnalité par amour de la patrie: „Pour moi", dit-il, „je n'ai jamais rencontré et je ne connais personne comme lui. Mais les Repnine sont rares par les siècles!" Et il consacre dans ses Mémoires de longues et intéressantes pages à la carrière et à la personnalité du prince. Il alla le voir encore dans sa retraite à Moscou. „Depuis son veuvage, il menait une vie calme, mais toujours large, ne se mettant jamais à table, ne passant jamais la soirée sans une société parfois nombreuse, toujours inattendue. Dans son intérieur, une simplicité n'excluant pas la convenance la plus rigoureuse.... Sur son visage, même dans sa vieillesse, la majesté le disputait à l'agrément.... En société, il savait entretenir constamment une intéressante conversation, sans jamais rien dire qui impliquât le mépris, sans jamais parler ni laisser parler du gouvernement; pas de jeux de cartes, pas de médisances ni de gloses sur le compte de qui que ce soit. Ne parlant jamais de lui ni de ses services, il aimait dire du bien des autres, rappeler les hommes marquants du passé"....

Un portrait du prince Repnine, d'après Ivachkewitch, figure au Tome IV, № 120. Il y en a plusieurs autres chez le prince N. Repnine, à Yagotino, gouvernement de Kieff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВАШОВЪ, 1740—1804, сынъ генералъ-поручика Ивана Васильевича (р. 1715 г., † въ Октябрѣ 1785 г.), отъ брака его съ Екатериной Алексѣевной Зыбиной (р. 1723 г.), началъ службу въ артиллеріи и отличился уже во время Первой Турецкой войны; 8 Іюля 1777 г. пожалованъ былъ во флигель-адъютанты и съ того времени неизмѣнно пользовался расположеніемъ Императрицы. Въ слѣдующемъ году (1778 г.) Левашовъ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка, въ 1779 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1781 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., а въ 1788 г. получилъ Александровскую ленту. Во время путешествій Государыни—въ 1780 г. въ Могилевъ, въ 1785 г. въ Вышній-Волочекъ и въ 1787 г. въ Крымъ, Левашовъ непремѣнно находился въ свитѣ Императрицы, которая любила его за „умъ, чрезвычайно острый и игривый", и веселость. Безбородко въ одномъ письмѣ такъ говорилъ о немъ: „Левашову при дворѣ хорошо, но онъ также еще не испортился, да я думаю, что наша братія—моты и роскошные люди не такъ скоро дѣлаются злыми людьми, какъ серіозные". Это писалось какъ разъ во время „случая" племянника В. И. Левашова, А. П. Ермолова, который отличался угрюмымъ характеромъ и любилъ имѣть общеніе только съ „серіозными людьми". По поводу назначенія Левашова флигель-адъютантомъ, шевалье де-Корберонъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Des cinq aides de camp nouvellement nommés, il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit". Во время путешествія въ Крымъ, въ отвѣтъ на поздравительное Неаполитанское посольство маркиза де-Галло, Левашовъ, состоявшій въ свитѣ и при графѣ Фалькенштейнѣ (императоръ Іосифъ II), былъ отправленъ къ королю обѣихъ Сицилій. Въ 1789 и 1790 гг. Левашовъ участвовалъ съ отличіемъ въ Финляндской кампаніи. По восшествіи на престолъ Павла I Левашовъ продолжалъ командовать Семеновскимъ полкомъ и въ 1797 г. пожалованъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1799 г.—орденами св. Андрея Первозваннаго и Іоанна Іерусалимскаго; въ 1800 г. сдѣланъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Умеръ онъ въ Февралѣ 1804 года.

В. И. Левашовъ не былъ женатъ, но имѣлъ (большею частью отъ ученицы театральной школы Акулины Семеновой) „воспитанниковъ"; въ Сентябрѣ 1797 г. онъ подалъ Павлу I прошеніе: „Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силъ моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Кому въ одиночествѣ своемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго! Довершите, Всемилостивѣйшій Государь, мое благополучіе, повелите имъ имѣть мое имя"... 5 Августа 1798 г. дѣтямъ Левашова пожаловано было дворянское достоинство съ фамиліей Левашовыхъ (раньше они именовались „Карташевыми"). У него было 3 сына: Василій (р. 1783 г., † 1848 г.; будущій графъ), Василій младшій († около 1800 г.), Константинъ († 1812 г., отъ ранъ), и 3 дочери: Марія (р. 1782 г.), Александра (за сенаторомъ С. И. Озеровымъ) и Анна (за коллежскимъ совѣтникомъ И. Ѳ. Матюшинымъ).

Князь И. М. Долгорукій „съ живымъ удовольствіемъ" вспоминалъ время, когда онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, подъ командой Левашова, адъютантомъ: „Онъ со мной обходился очень хорошо; я ни на какой худой поступокъ его со мной по службѣ пожаловаться не могу, но, какъ человѣкъ, имѣлъ онъ свои странности, капризы и разные недостатки, къ которымъ я не всегда умѣлъ или хотѣлъ примѣняться, и тогда происходили между нами минутныя ошибки, въ которыхъ, натурально, побѣда всегда оставалась за нимъ, но подобныя горячія вспышки не имѣли никакихъ злобныхъ послѣдствій и потому были очень сносны, а иногда даже только забавны. Всего забавнѣе слѣдующее: 6 Генваря, по случаю Крещенія, бывалъ парадъ... Довелось однажды отправлять сіе торжество Левашову. Онъ взялъ меня съ собой. Намъ должно было парадировать верхами: онъ и я равно трусовато садились на лошадей. Страхъ сближаетъ чины, и какъ мой буцефалъ былъ смирнѣе его, то онъ все пожимался ко мнѣ, отчего при фрунтѣ представлялось потѣшное зрѣлище. Левашовъ былъ остеръ, уменъ, забавенъ и потому имѣлъ счастіе нравиться Государынѣ, которая допускала его къ себѣ съ особенною милостію. Тогда цѣну человѣку давала голова, а не шпоры и сапожная глянцовитая вакса. По духу тогдашняго времени, Левашовъ былъ прекрасный начальникъ въ полку гвардіи, а теперь онъ бы и въ капралы въ нее не годился. Я всегда вспомню проказы его съ улыбкою, а хорошее обращеніе съ признательностью".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВАШОВЪ, 1740—1804, сынъ генералъ-поручика Ивана Васильевича (р. 1715 г., † въ Октябрѣ 1785 г.), отъ брака его съ Екатериной Алексѣевной Зыбиной (р. 1723 г.), началъ службу въ артиллеріи и отличился уже во время Первой Турецкой войны; 8 Іюля 1777 г. пожалованъ былъ во флигель-адъютанты и съ того времени неизмѣнно пользовался расположеніемъ Императрицы. Въ слѣдующемъ году (1778 г.) Левашовъ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка, въ 1779 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1781 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., а въ 1788 г. получилъ Александровскую ленту. Во время путешествій Государыни—въ 1780 г. въ Могилевъ, въ 1785 г. въ Вышній-Волочекъ и въ 1787 г. въ Крымъ, Левашовъ непремѣнно находился въ свитѣ Императрицы, которая любила его за „умъ, чрезвычайно острый и игривый", и веселость. Безбородко въ одномъ письмѣ такъ говорилъ о немъ: „Левашову при дворѣ хорошо, но онъ также еще не испортился, да я думаю, что наша братія—моты и роскошные люди не такъ скоро дѣлаются злыми людьми, какъ серіозные". Это писалось какъ разъ во время „случая" племянника В. И. Левашова, А. П. Ермолова, который отличался угрюмымъ характеромъ и любилъ имѣть общеніе только съ „серіозными людьми". По поводу назначенія Левашова флигель-адъютантомъ, шевалье де-Корберонъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Des cinq aides de camp nouvellement nommés, il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit". Во время путешествія въ Крымъ, въ отвѣтъ на поздравительное Неаполитанское посольство маркиза де-Галло, Левашовъ, состоявшій въ свитѣ и при графѣ Фалькенштейнѣ (императоръ Іосифъ II), былъ отправленъ къ королю обѣихъ Сицилій. Въ 1789 и 1790 гг. Левашовъ участвовалъ съ отличіемъ въ Финляндской кампаніи. По восшествіи на престолъ Павла I Левашовъ продолжалъ командовать Семеновскимъ полкомъ и въ 1797 г. пожалованъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1799 г.—орденами св. Андрея Первозваннаго и Іоанна Іерусалимскаго; въ 1800 г. сдѣланъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Умеръ онъ въ Февралѣ 1804 года.

В. И. Левашовъ не былъ женатъ, но имѣлъ (большею частью отъ ученицы театральной школы Акулины Семеновой) „воспитанниковъ"; въ Сентябрѣ 1797 г. онъ подалъ Павлу I прошеніе: „Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силъ моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Кому въ одиночествѣ своемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго! Довершите, Всемилостивѣйшій Государь, мое благополучіе, повелите имъ имѣть мое имя"... 5 Августа 1798 г. дѣтямъ Левашова пожаловано было дворянское достоинство съ фамиліей Левашовыхъ (раньше они именовались „Карташевыми"). У него было 3 сына: Василій (р. 1783 г., † 1848 г.; будущій графъ), Василій младшій († около 1800 г.), Константинъ († 1812 г., отъ ранъ), и 3 дочери: Марія (р. 1782 г.), Александра (за сенаторомъ С. П. Озеровымъ) и Анна (за коллежскимъ совѣтникомъ П. Ѳ. Матюнинымъ).

Князь И. М. Долгорукій „съ живымъ удовольствіемъ" вспоминалъ время, когда онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, подъ командой Левашова, адъютантомъ: „Онъ со мной обходился очень хорошо; я ни на какой худой поступокъ его со мной по службѣ пожаловаться не могу, но, какъ человѣкъ, имѣлъ онъ свои странности, капризы и разные недостатки, къ которымъ я не всегда умѣлъ или хотѣлъ примѣняться, и тогда происходили между нами минутныя ошибки, въ которыхъ, натурально, побѣда всегда оставалась за нимъ, но подобныя горячія вспышки не имѣли никакихъ злобныхъ послѣдствій и потому были очень сносны, а иногда даже только забавны. Всего забавнѣе слѣдующее: 6 Генваря, по случаю Крещенія, бывалъ парадъ... Довелось однажды отправлять сіе торжество Левашову. Онъ взялъ меня съ собой. Намъ должно было парадировать верхами: онъ и я равно трусовато садились на лошадей. Страхъ сближаетъ чины, и какъ мой буцефалъ былъ смирнѣе его, то онъ все пожимался ко мнѣ, отчего при фрунтѣ представлялось потѣшное зрѣлище. Левашовъ былъ остеръ, уменъ, забавенъ и потому имѣлъ счастіе нравиться Государынѣ, которая допускала его къ себѣ съ особенною милостію. Тогда цѣну человѣку давала голова, а не шпоры и сапожная глянцовитая вакса. По духу тогдашняго времени, Левашовъ былъ прекрасный начальникъ въ полку гвардіи, а теперь онъ бы и въ капралы въ нее не годился. Я всегда вспомню проказы его съ улыбкою, а хорошее обращеніе съ признательностью".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE IVANOWITCH LÉVACHOFF, 1740—1804, fils du général lieutenant Ivan Vassiliewitch Lévachoff (1715—octobre 1785) et de Catherine Alexéewna, née Zybine (née 1723), prit du service dans l'artillerie et se signala déjà à la première guerre de Turquie. Aide de camp de Sa Majesté le 8 juillet 1777, il jouit dès lors de la faveur constante de l'Impératrice. Nommé l'année suivante commandant du régiment Sémenowsky, il passa général major en 1779, et fut décoré en 1781 de Ste-Anne de 1re classe, puis, en 1788, de St-Alexandre. Il accompagna l'Impératrice dans tous ses voyages, celui de Mohileff en 1780, celui de Vychni-Volotchok en 1785, celui de Crimée en 1787: elle faisait grand cas de „son esprit extrêmement piquant et enjoué" et de sa gaieté d'humeur. „Lévachoff est bien à la Cour", dit Bezborodko dans sa correspondance, „mais aussi il ne s'est pas encore gâté: il faut dire que nous autres, gens de dépense et de luxe, nous ne devenons pas si vite mauvais que les gens sérieux". Or, c'était au moment de l'histoire du neveu de Lévachoff, A. Ermoloff, homme d'un caractère morose et qui n'aimait à fréquenter que les „gens sérieux". „Des cinq aides de camp nouvellement nommés", dit dans son journal le chevalier de Corberon, „il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit". Lors du voyage de Crimée, en réponse aux félicitations de l'ambassade napolitaine du marquis de Gallo, ce fut Lévachoff, attaché à la personne de l'Impératrice et à celle du comte de Falkenstein (l'Empereur Joseph II), qui fut envoyé au Roi des Deux-Siciles. En 1789/1790, il fit avec distinction la campagne de Finlande. A l'avènement de Paul Ier, il fut maintenu à la tête du régiment Sémenowsky; promu en 1797 général d'infanterie et décoré en 1799 de St-André et de St-Jean-de-Jérusalem, il fut fait grand veneur en 1800. Il mourut en février 1804.

Lévachoff ne fut pas marié, mais eut des „pupilles", presque tous d'une élève de l'Ecole de Théâtre, Akouline Sémenoff. Il adressa en septembre 1797 à Paul Ier une supplique ainsi conçue: „J'ai six enfants, à qui j'ai fait de mon mieux pour donner une bonne éducation de gentilshommes. A qui, dans mon isolement, puis-je désirer léguer ma fortune, sinon à ceux à qui, depuis leur naissance, je n'ai cessé de vouloir du bien et de songer à la laisser! Que Votre Majesté daigne mettre le comble à mon bonheur en leur ordonnant de porter mon nom!"... Le 5 août 1798, les enfants reçurent la noblesse et l'autorisation de prendre le nom de leur père au lieu de celui de Kartachoff qu'ils avaient porté jusqu'alors; c'étaient trois fils et trois filles, Basile (1783—1848), plus tard comte, Basile cadet († vers 1800), Constantin, mort en 1812 de ses blessures, Marie (née 1782), Alexandrine, mariée au sénateur S. Ozéroff, et Anne, au conseiller de collège N. Matiounine.

Le prince I. Dolgorouky ne songeait pas sans „un vif plaisir" au temps passé au régiment Sémenowsky sous les ordres de Lévachoff comme aide de camp: „Il était très gentil avec moi; je n'ai nullement à me plaindre de lui dans le service, mais, comme homme, il avait ses bizarreries, ses caprices, ses petits défauts: il m'arrivait de ne pas toujours savoir ou vouloir m'y prêter, et alors c'étaient des moments de brouille dans lesquels, naturellement, il avait toujours le dernier mot, mais dont l'éclat restait sans aucune suite fâcheuse, et qui dès lors n'avaient rien de gênant, et parfois même n'étaient que risibles. Voici le plus drôle de tous: le 6 janvier, à l'Epiphanie, il y avait parade... Une fois, ce fut lui qui y fut commandé. Il me prit avec lui. Il fallait être à cheval: or nous y faisions tous les deux aussi triste figure. La peur rapproche les grades, et, comme mon bucéphale était plus doux que le sien, il se serrait toujours contre moi, ce qui, sur le front de parade, faisait un effet comique. Avec son humour, son esprit et sa jovialité, il eut le bonheur de plaire à l'Impératrice, qui l'admettait dans sa société avec une bonne grâce toute particulière. Un homme valait alors par sa tête, et non par ses éperons et le vernis de ses bottes. A l'époque, Lévachoff était parfait comme commandant dans un régiment de la Garde: il y ferait maintenant un piètre caporal. J'aurai toujours un sourire pour ses farces et un sentiment de gratitude pour ses bons procédés".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

BASILE IVANOWITCH LÉVACHOFF, 1740—1804, fils du général lieutenant Ivan Vassiliewitch Lévachoff (1715—octobre 1785) et de Catherine Alexéewna, née Zybine (née 1723), prit du service dans l'artillerie et se signala déjà à la première guerre de Turquie. Aide de camp de Sa Majesté le 8 juillet 1777, il jouit dès lors de la faveur constante de l'Impératrice. Nommé l'année suivante commandant du régiment Sémenowsky, il passa général major en 1779, et fut décoré en 1781 de Ste-Anne de 1re classe, puis, en 1788, de St-Alexandre. Il accompagna l'Impératrice dans tous ses voyages, celui de Mohileff en 1780, celui de Vychni-Volotchok en 1785, celui de Crimée en 1787: elle faisait grand cas de „son esprit extrêmement piquant et enjoué" et de sa gaieté d'humeur. „Lévachoff est bien à la Cour", dit Bezborodko dans sa correspondance, „mais aussi il ne s'est pas encore gâté: il faut dire que nous autres, gens de dépense et de luxe, nous ne devenons pas si vite mauvais que les gens sérieux". Or, c'était au moment de l'histoire du neveu de Lévachoff, A. Ermoloff, homme d'un caractère morose et qui n'aimait à fréquenter que les „gens sérieux". „Des cinq aides de camp nouvellement nommés", dit dans son journal le chevalier de Corberon, „il y en a un qui, dit-on, fera peut-être effet: c'est Lévachoff, il a beaucoup d'esprit". Lors du voyage de Crimée, en réponse aux félicitations de l'ambassade napolitaine du marquis de Gallo, ce fut Lévachoff, attaché à la personne de l'Impératrice et à celle du comte de Falkenstein (l'Empereur Joseph II), qui fut envoyé au Roi des Deux-Siciles. En 1789/1790, il fit avec distinction la campagne de Finlande. A l'avènement de Paul Ier, il fut maintenu à la tête du régiment Sémenowsky; promu en 1797 général d'infanterie et décoré en 1799 de St-André et de St-Jean-de-Jérusalem, il fut fait grand veneur en 1800. Il mourut en février 1804.

Lévachoff ne fut pas marié, mais eut des „pupilles", presque tous d'une élève de l'Ecole de Théâtre, Akouline Sémenoff. Il adressa en septembre 1797 à Paul Ier une supplique ainsi conçue: „J'ai six enfants, à qui j'ai fait de mon mieux pour donner une bonne éducation de gentilshommes. A qui, dans mon isolement, puis-je désirer léguer ma fortune, sinon à ceux à qui, depuis leur naissance, je n'ai cessé de vouloir du bien et de songer à la laisser! Que Votre Majesté daigne mettre le comble à mon bonheur en leur ordonnant de porter mon nom!"... Le 5 août 1798, les enfants reçurent la noblesse et l'autorisation de prendre le nom de leur père au lieu de celui de Kartachoff qu'ils avaient porté jusqu'alors; c'étaient trois fils et trois filles, Basile (1783—1848), plus tard comte, Basile cadet († vers 1800), Constantin, mort en 1812 de ses blessures, Marie (née 1782), Alexandrine, mariée au sénateur S. Ozéroff, et Anne, au conseiller de collège N. Matiounine.

Le prince I. Dolgorouky ne songeait pas sans „un vif plaisir" au temps passé au régiment Sémenowsky sous les ordres de Lévachoff comme aide de camp: „Il était très gentil avec moi; je n'ai nullement à me plaindre de lui dans le service, mais, comme homme, il avait ses bizarreries, ses caprices, ses petits défauts: il m'arrivait de ne pas toujours savoir ou vouloir m'y prêter, et alors c'étaient des moments de brouille dans lesquels, naturellement, il avait toujours le dernier mot, mais dont l'éclat restait sans aucune suite fâcheuse, et qui dès lors n'avaient rien de gênant, et parfois même n'étaient que risibles. Voici le plus drôle de tous: le 6 janvier, à l'Epiphanie, il y avait parade... Une fois, ce fut lui qui y fut commandé. Il me prit avec lui. Il fallait être à cheval: or nous y faisions tous les deux aussi triste figure. La peur rapproche les grades, et, comme mon bucéphale était plus doux que le sien, il se serrait toujours contre moi, ce qui, sur le front de parade, faisait un effet comique. Avec son humour, son esprit et sa jovialité, il eut le bonheur de plaire à l'Impératrice, qui l'admettait dans sa société avec une bonne grâce toute particulière. Un homme valait alors par sa tête, et non par ses éperons et le vernis de ses bottes. A l'époque, Lévachoff était parfait comme commandant dans un régiment de la Garde: il y ferait maintenant un piètre caporal. J'aurai toujours un sourire pour ses farces et un sentiment de gratitude pour ses bons procédés".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПЕТРЪ САВВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, 1754—1809, второй сынъ извѣстнаго петербургскаго богача-милліонера, коллежскаго асессора Саввы Яковлевича Яковлева (или Собакина; р. 28 Ноября 1712 г., † 21 Февраля 1784 г.), женатаго на Марьѣ Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна; р. 1719 г., † 6 Февраля 1797 г.), родился 21 Іюня 1754 года.

Отецъ Петра Саввича Яковлева, основатель этой новой дворянской фамиліи, породнившійся потомъ съ древними аристократическими дворянскими и титулованными родами, былъ простой осташковскій мѣщанинъ, пришедшій въ столицу, по семейному преданію, „съ полтиною въ карманѣ и съ родительскимъ благословеніемъ". Въ Петербургѣ онъ началъ торговать рыбой, затѣмъ вступилъ въ откупа по таможеннымъ сборамъ, еще позднѣе занялся рудными и золотыми промыслами, купивъ у П. А. Демидова на Уралѣ 4 завода (Невьянскій, Шуралинскій, Быньгорскій и Верхне-Тагильскій) и 1 заводъ у графа Воронцова; тогда же онъ пріобрѣлъ и Уткинскій заводъ у послѣдняго графа Ягужинскаго; кромѣ того, онъ завелъ полотняныя фабрики въ Ярославской губерніи. Яковлевъ нажилъ себѣ милліоны... Въ 1762 г., 5 Марта, „за особенно оказанныя Его Величеству (Петру III) услуги" Савва Яковлевъ былъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, а 20 Апрѣля—въ коллежскіе асессоры, что давало ему права потомственнаго дворянства. Почтенный этимъ достоинствомъ, Яковлевъ построилъ себѣ великолѣпный домъ у Обухова моста, роскошно, хотя, можетъ-быть, и аляповато разукрашенный золотомъ, картинами, бронзою и золочеными, цвѣтными кожами. Владѣлецъ цѣлыхъ кварталовъ по Садовой, онъ выстроилъ церковь Спаса, на Сѣнной, съ придѣломъ во имя преп. Саввы, куда перенесъ прахъ своихъ родителей съ Сампсоніевскаго кладбища. Преданіе говоритъ, что пожертвованный Яковлевымъ 500-пудовой колоколъ, съ языкомъ, запертымъ замкомъ, могъ звонить только съ соизволенія жертвователя... Вступленіе на престолъ Екатерины II принесло Яковлеву рядъ непріятностей: зазнавшійся богачъ отказался безплатно поить народъ изъ своихъ кабаковъ въ этотъ день всенародной радости. Императрица выразила неудовольствіе; въ народѣ стали говорить, что новая царица пожаловала ему пудовую чугунную медаль для ношенія на шеѣ по праздникамъ, а Державинъ написалъ оду „Къ Скопихину". Только раздачей пожертвованій и широкой благотворительностью спохватившійся Яковлевъ сумѣлъ примирить съ собой Екатерину, которая „забыла прошедшее". Громадный саркофагъ, въ состояніи, впрочемъ, полнаго разрушенія, воздвигнутый на могилѣ Саввы на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры вдовою его и сыновьями, вѣщаетъ потомству, что почившій милліонеръ, „добродѣтелями украшенный мужъ", „бывъ воспитанъ въ благочестіи и вѣрѣ христіанской, непреткновенно ходилъ въ пути заповѣдей Господнихъ". Раздѣленное между 5 сыновьями и 2 дочерьми колоссальное имущество Саввы Яковлева, раздробившись потомъ на множество частей, даже 100 лѣтъ спустя, представляло собой рядъ крупныхъ состояній. Одинъ изъ Яковлевыхъ, внукъ, послѣ 1812 г. покрылъ всѣ крыши казенныхъ зданій въ Москвѣ своимъ желѣзомъ, другой пожертвовалъ милліонъ рублей въ Инвалидный капиталъ. Еще въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія А. И. Яковлевъ говаривалъ своему сыну, безпутному моту и полоумному чудаку кавалергарду Саввѣ Алексѣевичу Яковлеву: „Савва! будешь у меня кость глодать, какъ положу тебѣ въ годъ на прожитье только 100 тысячъ!"

Всѣ сыновья С. Я. Яковлева служили, въ томъ числѣ и Петръ, дослужившійся до чина коллежскаго совѣтника и бывшій въ 1787 г. генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ при штабѣ Потемкина.

П. С. Яковлевъ не былъ женатъ; онъ умеръ 29 Іюня 1809 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ отца.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ПЕТРЪ САВВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, 1754—1809, второй сынъ извѣстнаго петербургскаго богача-милліонера, коллежскаго асессора Саввы Яковлевича Яковлева (или Собакина; р. 28 Ноября 1712 г., † 21 Февраля 1784 г.), женатаго на Марьѣ Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна; р. 1719 г., † 6 Февраля 1797 г.), родился 21 Іюня 1754 года.

Отецъ Петра Саввича Яковлева, основатель этой новой дворянской фамиліи, породнившійся потомъ съ древними аристократическими дворянскими и титулованными родами, былъ простой осташковскій мѣщанинъ, пришедшій въ столицу, по семейному преданію, „съ полтиною въ карманѣ и съ родительскимъ благословеніемъ". Въ Петербургѣ онъ началъ торговать рыбой, затѣмъ вступилъ въ откупа по таможеннымъ сборамъ, еще позднѣе занялся рудными и золотыми промыслами, купивъ у П. А. Демидова на Уралѣ 4 завода (Невьянскій, Шуралинскій, Выигорскій и Верхне-Тагильскій) и 1 заводъ у графа Воронцова; тогда же онъ пріобрѣлъ и Уткинскій заводъ у послѣдняго графа Ягужинскаго; кромѣ того, онъ завелъ полотняныя фабрики въ Ярославской губерніи. Яковлевъ нажилъ себѣ милліоны... Въ 1762 г., 5 Марта, „за особенно оказанныя Его Величеству (Петру III) услуги" Савва Яковлевъ былъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, а 20 Апрѣля—въ коллежскіе асессоры, что давало ему права потомственнаго дворянства. Почтенный этимъ достоинствомъ, Яковлевъ построилъ себѣ великолѣпный домъ у Обухова моста, роскошно, хотя, можетъ-быть, и аляповато разукрашенный золотомъ, картинами, бронзою и золочеными, цвѣтными кожами. Владѣлецъ цѣлыхъ кварталовъ по Садовой, онъ выстроилъ церковь Спаса, на Сѣнной, съ придѣломъ во имя преп. Саввы, куда перенесъ прахъ своихъ родителей съ Самсоніевскаго кладбища. Преданіе говоритъ, что пожертвованный Яковлевымъ 500-пудовой колоколъ, съ языкомъ, запертымъ замкомъ, могъ звонить только съ соизволенія жертвователя... Вступленіе на престолъ Екатерины II принесло Яковлеву рядъ непріятностей: зазнавшійся богачъ отказался безплатно поить народъ изъ своихъ кабаковъ въ этотъ день всенародной радости. Императрица выразила неудовольствіе; въ народѣ стали говорить, что новая царица пожаловала ему пудовую чугунную медаль для ношенія на шеѣ по праздникамъ, а Державинъ написалъ оду „Къ Скопихину". Только раздачей пожертвованій и широкой благотворительностью спохватившійся Яковлевъ сумѣлъ примирить съ собой Екатерину, которая „забыла прошедшее". Громадный саркофагъ, въ состояніи, впрочемъ, полнаго разрушенія, воздвигнутый на могилѣ Саввы на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры вдовою его и сыновьями, вѣщаетъ потомству, что почившій милліонеръ, „добродѣтелями украшенный мужъ", „бывъ воспитанъ въ благочестіи и вѣрѣ христіанской, непреткновенно ходилъ въ пути заповѣдей Господнихъ". Раздѣленное между 5 сыновьями и 2 дочерьми колоссальное имущество Саввы Яковлева, раздробившись потомъ на множество частей, даже 100 лѣтъ спустя, представляло собой рядъ крупныхъ состояній. Одинъ изъ Яковлевыхъ, внукъ, послѣ 1812 г. покрылъ всѣ крыши казенныхъ зданій въ Москвѣ своимъ желѣзомъ, другой пожертвовалъ милліонъ рублей въ Инвалидный капиталъ. Еще въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія А. И. Яковлевъ говаривалъ своему сыну, безпутному моту и полоумному чудаку кавалергарду Саввѣ Алексѣевичу Яковлеву: „Савва! будешь у меня кость глодать, какъ положу тебѣ въ годъ на прожитье только 100 тысячъ!"

Всѣ сыновья С. Я. Яковлева служили, въ томъ числѣ и Петръ, дослужившійся до чина коллежскаго совѣтника и бывшій въ 1787 г. генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ при штабѣ Потемкина.

П. С. Яковлевъ не былъ женатъ; онъ умеръ 29 Іюня 1809 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ отца.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PIERRE SAVVITCH YAKOVLEFF, 1754—1809, second fils d'un fameux millionnaire pétersbourgeois, l'assesseur de collège Savva Yakovlewitch Yakovleff (ou Sobakine, 28 novembre 1712—21 février 1784), et de Marie Ivanowna (née de famille inconnue, 1719—6 février 1797), naquit le 21 juin 1754.

Son père, fondateur de cette nouvelle famille noble, apparenté plus tard à la vieille noblesse aristocratique et titrée, était un simple bourgeois d'Ostachkoff, et, à en croire une tradition de famille, arriva dans la capitale „avec un demi-rouble dans sa poche et la bénédiction paternelle". Là, il commença par vendre du poisson, puis entra dans les douanes, s'occupa ensuite de métallurgie et de mines d'or, acheta à P. Démidoff quatre usines dans l'Oural, celles de Néviansk, Chouralinsk, Vyngorsk et Verkhné-Tagilsk, et une autre au comte Worontzoff, puis celle d'Outkinsk au dernier comte Yagoujinsky; il monta en outre des filatures dans le gouvernement de Yaroslavl. Yakovleff se fit des millions.... En 1762, le 5 mars, „pour services particuliers rendus à Sa Majesté" (Pierre III), il fut fait conseiller titulaire, puis, le 20 avril, assesseur de collège, ce qui lui conférait la noblesse héréditaire. Honoré de cette dignité, il se fit bâtir au pont Oboukhoff une maison magnifique, qu'il décora, sans trop de goût peut-être, d'une profusion de dorures, de bronzes, de tableaux et de cuirs dorés et coloriés. Propriétaire de pâtés de maisons entiers à la Sadovaïa, il éleva, au Marché au Foin, l'église du Saint-Sauveur avec une chapelle dédiée à St-Savva et où il fit transférer la dépouille de ses parents exhumée du cimetière Samsoniewsky. La cloche dont il fit don à cette église, avec son battant cadenassé, ne sonnait pas, dit la tradition, sans son agrément.... L'avènement de Catherine II lui attira un gros ennui: en ce jour de liesse universelle, il refusa de régaler gratuitement le peuple dans ses cabarets. L'Impératrice lui exprima son mécontentement: le bruit fut répandu dans le peuple qu'elle lui avait fait faire une médaille de fonte de quarante livres pour porter au cou les jours de fête, et Derjavine fit son ode A Skopikhine. Le richard enorgueilli revint pourtant à résipiscence, et ce ne fut qu'à force de largesses et d'aumônes qu'il put décider Catherine à „oublier le passé". L'énorme sarcophage, d'ailleurs dans un état de délabrement complet, élevé sur sa tombe au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, par sa veuve et ses fils, proclame à la postérité que, „paré de nombreuses vertus", le défunt millionnaire, „élevé dans la piété et la foi chrétienne, avait scrupuleusement suivi les voies du Seigneur". Sa colossale fortune, partagée entre cinq fils et deux filles, puis fractionnée à l'infini, formait encore au bout de cent ans une série de grosses fortunes. Un Yakovleff, son petit-fils, après 1812, fournit du fer pour toutes les toitures des bâtiments de l'Etat à Moscou; un autre fit don d'un million de roubles au fonds des Invalides. Peu encore après 1840, c'est aussi un Yakovleff qui disait à son fils, le chevalier-garde, un prodigue dévergondé, un excentrique à moitié fou: „Savva, tu n'auras que des os à ronger chez moi, quand je te donnerai en tout et pour tout 100.000 roubles par an!"

Pierre Yakovleff entra, comme tous ses frères, au service de l'Etat; il parvint au rang de conseiller de collège et fut en 1787 lieutenant au conseil de guerre de l'état major de Potemkine.

Il ne fut pas marié. Il mourut le 29 juin 1809, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, non loin de son père.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

PIERRE SAVVITCH YAKOVLEFF, 1754—1809, second fils d'un fameux millionnaire pétersbourgeois, l'assesseur de collège Savva Yakovlewitch Yakovleff (ou Sobakine, 28 novembre 1712—21 février 1784), et de Marie Ivanowna (née de famille inconnue, 1719—6 février 1797), naquit le 21 juin 1754.

Son père, fondateur de cette nouvelle famille noble, apparenté plus tard à la vieille noblesse aristocratique et titrée, était un simple bourgeois d'Ostachkoff, et, à en croire une tradition de famille, arriva dans la capitale „avec un demi-rouble dans sa poche et la bénédiction paternelle". Là, il commença par vendre du poisson, puis entra dans les douanes, s'occupa ensuite de métallurgie et de mines d'or, acheta à P. Démidoff quatre usines dans l'Oural, celles de Néviansk, Chouralinsk, Vyngorsk et Verkhné-Tagilsk, et une autre au comte Worontzoff, puis celle d'Outkinsk au dernier comte Yagoujinsky; il monta en outre des filatures dans le gouvernement de Yaroslavl. Yakovleff se fit des millions.... En 1762, le 5 mars, „pour services particuliers rendus à Sa Majesté" (Pierre III), il fut fait conseiller titulaire, puis, le 20 avril, assesseur de collège, ce qui lui conférait la noblesse héréditaire. Honoré de cette dignité, il se fit bâtir au pont Obonkhoff une maison magnifique, qu'il décora, sans trop de goût peut-être, d'une profusion de dorures, de bronzes, de tableaux et de cuirs dorés et coloriés. Propriétaire de pâtés de maisons entiers à la Sadovaïa, il éleva, au Marché au Foin, l'église du Saint-Sauveur avec une chapelle dédiée à St-Savva et où il fit transférer la dépouille de ses parents exhumée du cimetière Samsoniewsky. La cloche dont il fit don à cette église, avec son battant cadenassé, ne sonnait pas, dit la tradition, sans son agrément.... L'avènement de Catherine II lui attira un gros ennui: en ce jour de liesse universelle, il refusa de régaler gratuitement le peuple dans ses cabarets. L'Impératrice lui exprima son mécontentement: le bruit fut répandu dans le peuple qu'elle lui avait fait faire une médaille de fonte de quarante livres pour porter au cou les jours de fête, et Derjavine fit son ode A Skopikhine. Le richard enorgueilli revint pourtant à résipiscence, et ce ne fut qu'à force de largesses et d'aumônes qu'il put décider Catherine à „oublier le passé". L'énorme sarcophage, d'ailleurs dans un état de délabrement complet, élevé sur sa tombe au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, par sa veuve et ses fils, proclame à la postérité que, „paré de nombreuses vertus", le défunt millionnaire, „élevé dans la piété et la foi chrétienne, avait scrupuleusement suivi les voies du Seigneur". Sa colossale fortune, partagée entre cinq fils et deux filles, puis fractionnée à l'infini, formait encore au bout de cent ans une série de grosses fortunes. Un Yakovleff, son petit-fils, après 1812, fournit du fer pour toutes les toitures des bâtiments de l'Etat à Moscou; un autre fit don d'un million de roubles au fonds des Invalides. Peu encore après 1840, c'est aussi un Yakovleff qui disait à son fils, le chevalier-garde, un prodigue dévergondé, un excentrique à moitié fou: „Savva, tu n'auras que des os à ronger chez moi, quand je te donnerai en tout et pour tout 100.000 roubles par an!"

Pierre Yakovleff entra, comme tous ses frères, au service de l'Etat; il parvint au rang de conseiller de collège et fut en 1787 lieutenant au conseil de guerre de l'état major de Potemkine.

Il ne fut pas marié. Il mourut le 29 juin 1809, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, non loin de son père.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **СТЕПАНЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ**, 1754—1805, сынъ князя Бориса Александровича отъ брака съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 9 Іюля 1754 г.; оставшись мальчикомъ послѣ родителей, жилъ нѣкоторое время въ домѣ бабки, княгини А. И. Куракиной, рожденной Панином, а затѣмъ, по желанію дѣда и опекуна графа Н. И. Панина, отправленъ былъ для продолженія образованія въ Швецію. Пробывъ тутъ недолго, волонтеромъ поѣхалъ въ дѣйствующую противъ Турокъ армію, къ другому дѣду, графу П. И. Панину. Его тетка, княжна Агр. Ал. Куракина была недовольна этимъ: „Я бы очень желала, чтобы по окончаніи кампаніи подумали нѣсколько объ его воспитаніи: кажется, героемъ сдѣлаться ему время не ушло бы, а къ наукамъ привыкать не всегда равно способно, особливо ему, который жестоко неглижированъ". Князь Александръ Борисовичъ свысока относился къ младшему брату, и Степанъ Борисовичъ жаловался, что первый „поставляетъ его хуже самаго малаго ребенка, который до десяти перечесть не можетъ", и приписываетъ ему понятія „самаго безразсуднаго и безграмотнаго офицера". Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ присланъ Панинымъ въ Петербургъ со взятыми знаменами и булавами, но Екатерина, не любившая графа П. Панина, „своего персональнаго оскорбителя", ничѣмъ не наградила его внука. Въ 1770 г. Куракинъ былъ пожалованъ въ капитаны въ армію, служилъ подъ начальствомъ Репнина въ Польшѣ, а въ 1773 г., адъютантомъ А. И. Бибикова, отправился съ нимъ на усмиреніе Пугачевскаго бунта, надо сказать, къ великому своему неудовольствію: въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на „жестокую комиссію" и „премерзкую зимнюю кампанію", при чемъ высказывалъ опасеніе, что если попадется въ плѣнъ къ Пугачеву, то, „безъ сомнѣнія, будетъ повѣшенъ". По смерти Бибикова, Куракинъ служилъ сначала въ Новотроицкомъ кирасирскомъ полку, а съ 1775 по 1780 г. въ кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ ему не мало пришлось перенести отъ раздражительности Павла Петровича. Съ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ на Крымъ въ 1783 г., затѣмъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ 1789 г. произведенъ былъ въ бригадиры и, съ чиномъ генералъ-майора, вышелъ въ отставку. При Павлѣ I Куракинъ былъ назначенъ начальникомъ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, съ чиномъ тайнаго совѣтника; въ концѣ 1804 г. вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и послѣ тяжкой болѣзни 8 Іюля 1805 г. умеръ; похороненъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

Князь С. Б. Куракинъ велъ роскошный образъ жизни, любилъ радушно принимать у себя гостей, и высшее московское общество охотно посѣщало его великолѣпный домъ у Красныхъ воротъ, наполненный толпой дворовыхъ и всякихъ прихлебателей. Будучи однимъ изъ основателей „матадоровъ" Англійскаго клуба въ Москвѣ, Куракинъ славился своими тонкими гастрономическими обѣдами и ужинами. Однако, все это не разоряло Куракина: онъ умѣлъ хорошо вести свои дѣла, былъ расчетливый и опытный хозяинъ, такъ что, умѣя извлекать большіе доходы изъ своихъ имѣній, онъ не разорялъ крестьянъ. Въ своемъ селѣ Степановскомъ (раньше „Волосово"), Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи, князь устроилъ роскошную усадьбу и завелъ большую полотняную фабрику. Какъ начальникъ, онъ пользовался расположеніемъ подчиненныхъ, такъ какъ заботился объ ихъ интересахъ.

Князь С. Б. Куракинъ былъ женатъ 2 раза: въ 1775 г. женился на Наталіи Петровнѣ Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.), которая чрезъ 11 лѣтъ супружества оставила мужа, влюбившись въ его родного дядю, извѣстнаго московскаго красавца С. С. Апраксина. Такъ какъ княгиня показала, что оставила мужа вслѣдствіе своей неизлѣчимой болѣзни, князю Куракину было разрѣшено вступить во второй бракъ, и онъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой (р. 1761 г., † 1843 г.). Дѣтей у него не было.

Во II т. (№ 14) изданія „Русскіе Портреты" былъ помѣщенъ портретъ съ обозначеніемъ, что это князь С. Б. Куракинъ. Опредѣленіе это ошибочно — на портретѣ изображенъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ старости. . . На фонѣ пейзажъ съ видомъ великолѣпнаго „Надеждина", Саратовской губ., къ сожалѣнію, въ настоящее время уже проданнаго княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, вмѣстѣ съ громадной библіотекой, въ купеческія руки. Было бы желательно, чтобы купцы оказались людьми просвѣщенными и болѣе дорожащими родной стариной, и сохранили бы какъ историческую усадьбу, такъ и библіотеку, пожертвовавъ ее въ какое-либо ученое учрежденіе.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

Князь **СТЕПАНЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ**, 1754—1805, сынъ князя Бориса Александровича отъ брака съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 9 Іюля 1754 г.; оставшись мальчикомъ послѣ родителей, жилъ нѣкоторое время въ домѣ бабки, княгини А. И. Куракиной, рожденной Панинной, а затѣмъ, по желанію дѣда и опекуна графа Н. И. Панина, отправленъ былъ для продолженія образованія въ Швецію. Пробывъ тутъ недолго, волонтеромъ поѣхалъ въ дѣйствующую противъ Турокъ армію, къ другому дѣду, графу П. И. Панину. Его тетка, княжна Агр. Ал. Куракина была недовольна этимъ: „Я бы очень желала, чтобы по окончаніи кампаніи подумали нѣсколько объ его воспитаніи: кажется, героемъ сдѣлаться ему время не ушло бы, а къ наукамъ привыкать не всегда равно способно, особливо ему, который жестоко неглижированъ". Князь Александръ Борисовичъ свысока относился къ младшему брату, и Степанъ Борисовичъ жаловался, что первый „поставляетъ его хуже самаго малаго ребенка, который до десяти перечесть не можетъ", и приписываетъ ему понятія „самаго безразсуднаго и безграмотнаго офицера". Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ присланъ Панинымъ въ Петербургъ со взятыми знаменами и булавами, но Екатерина, не любившая графа П. Панина, „своего персональнаго оскорбителя", ничѣмъ не наградила его внука. Въ 1770 г. Куракинъ былъ пожалованъ въ капитаны въ армію, служилъ подъ начальствомъ Репнина въ Польшѣ, а въ 1773 г., адъютантомъ А. И. Бибикова, отправился съ нимъ на усмиреніе Пугачевскаго бунта, надо сказать, къ великому своему неудовольствію: въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на „жестокую комиссію" и „премерзкую зимнюю кампанію", при чемъ высказывалъ опасеніе, что если попадется въ плѣнъ къ Пугачеву, то, „безъ сомнѣнія, будетъ повѣшенъ". По смерти Бибикова, Куракинъ служилъ сначала въ Новотроицкомъ кирасирскомъ полку, а съ 1775 по 1780 г. въ кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ ему не мало пришлось перенести отъ раздражительности Павла Петровича. Съ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ на Крымъ въ 1783 г., затѣмъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ 1789 г. произведенъ былъ въ бригадиры и, съ чиномъ генералъ-майора, вышелъ въ отставку. При Павлѣ I Куракинъ былъ назначенъ начальникомъ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, съ чиномъ тайнаго совѣтника; въ концѣ 1804 г. вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и послѣ тяжкой болѣзни 8 Іюля 1805 г. умеръ; похороненъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

Князь С. Б. Куракинъ велъ роскошный образъ жизни, любилъ радушно принимать у себя гостей, и высшее московское общество охотно посѣщало его великолѣпный домъ у Красныхъ воротъ, наполненный толпой дворовыхъ и всякихъ прихлебателей. Будучи однимъ изъ основателей „матадоровъ" Англійскаго клуба въ Москвѣ, Куракинъ славился своими тонкими гастрономическими обѣдами и ужинами. Однако, все это не разоряло Куракина: онъ умѣлъ хорошо вести свои дѣла, былъ расчетливый и опытный хозяинъ, такъ что, умѣя извлекать большіе доходы изъ своихъ имѣній, онъ не разорялъ крестьянъ. Въ своемъ селѣ Степановскомъ (раньше „Волосово"), Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи, князь устроилъ роскошную усадьбу и завелъ большую полотняную фабрику. Какъ начальникъ, онъ пользовался расположеніемъ подчиненныхъ, такъ какъ заботился объ ихъ интересахъ.

Князь С. Б. Куракинъ былъ женатъ 2 раза: въ 1775 г. женился на Наталіи Петровнѣ Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.), которая чрезъ 11 лѣтъ супружества оставила мужа, влюбившись въ его родного дядю, извѣстнаго московскаго красавца С. С. Апраксина. Такъ какъ княгиня показала, что оставила мужа вслѣдствіе своей неизлѣчимой болѣзни, князю Куракину было разрѣшено вступить во второй бракъ, и онъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой (р. 1761 г., † 1843 г.). Дѣтей у него не было.

Во II т. (№ 14) изданія „Русскіе Портреты" былъ помѣщенъ портретъ съ обозначеніемъ, что это князь С. Б. Куракинъ. Опредѣленіе это ошибочно — на портретѣ изображенъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ старости. . . На фонѣ пейзажъ съ видомъ великолѣпнаго „Надеждина", Саратовской губ., къ сожалѣнію, въ настоящее время уже проданнаго княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, вмѣстѣ съ громадной библіотекой, въ купеческія руки. Было бы желательно, чтобы купцы оказались людьми просвѣщенными и болѣе дорожащими родной стариной, и сохранили бы какъ историческую усадьбу, такъ и библіотеку, пожертвовавъ ее въ какое-либо ученое учрежденіе.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince STÉPHANE BORISSOWITCH KOURAKINE, 1754—1805, fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine et d'Hélène Stépanowna, née Apraxine, naquit le 9 juillet 1754. Il perdit ses parents encore enfant et passa quelque temps chez sa grand'mère, la princesse A. Kourakine, née Panine, puis son grand-père et tuteur le comte N. Panine l'envoya continuer son éducation en Suède. Il n'y resta que peu de temps, puis s'enrôla comme volontaire à l'armée de Turquie sous le commandement de son autre grand-père, le comte P. Panine, ce qui contraria la princesse Agrippine Alexandrowna Kourakine, sa tante: „Je voudrais bien qu'à la fin de la campagne on pense un peu à son éducation; je crois qu'il aurait tout le temps de devenir un héros, tandis que le savoir ne s'acquiert pas à tout âge, surtout pour lui, qui a été bien négligé". Son frère Alexandre le traitait de haut: il se plaint que son aîné „ne fait pas plus de cas de lui que d'un marmot qui ne sait pas compter jusqu'à dix" et lui attribue des idées qui sont „celles de l'officier le plus stupide et le plus ignorant". Après la prise de Bender, Panine l'envoya à Pétersbourg avec les drapeaux et les trophées enlevés à l'ennemi, mais Catherine, qui n'aimait pas le comte P. Panine, „son offenseur personnel", n'accorda aucune récompense à son petit-fils. En 1770, Kourakine fut nommé capitaine à l'armée, servit sous le commandement de Repnine en Pologne, et devint en 1773 aide de camp de Bibikoff, avec lequel il alla, à son grand déplaisir, il faut le dire, réprimer l'insurrection de Pougatcheff: dans ses lettres à son frère, il se plaint amèrement de „cette abominable corvée" et de „cette sale campagne d'hiver", et exprime la crainte de tomber aux mains de Pougatcheff, car, dit-il, „c'est sûrement la potence". A la mort de Bibikoff, il passa d'abord aux cuirassiers de Novotroïtzky, puis servit de 1775 à 1780 aux cuirassiers du Grand-Duc Héritier, où il eut fort à souffrir du caractère irascible de Paul. Il fit avec les hussards d'Izioume la campagne de Crimée de 1783, puis commanda les hussards d'Akhtyrka, fut promu brigadier en 1789 et prit sa retraite avec rang de général major. Sous Paul Ier, Kourakine fut nommé chef de l'inspection des bâtiments du Kremlin avec rang de conseiller privé; il reprit sa retraite comme conseiller privé actuel à la fin de 1804 et mourut d'une grave maladie le 8 juillet 1805; il fut inhumé à Moscou, au monastère Novospassky.

Le prince Stéphane Kourakine menait une vie luxueuse, organisant chez lui des réceptions des plus cordiales, et toute la haute société moscovite aimait à se presser dans sa somptueuse maison de la Porte Rouge, remplie d'une foule nombreuse de parasites. Un des fondateurs et des matadors du Club anglais à Moscou, il s'était fait une réputation pour ses dîners et ses soupers fins. Il sut malgré tout ne pas compromettre sa fortune: entendu à ses affaires, économe et expérimenté comme il l'était, il avait l'art de faire rendre beaucoup à ses biens sans ruiner ses paysans. Dans son Stépanowskoïé, ci-devant Volossovo, gouvernement de Tver, il s'installa une somptueuse résidence et fonda une grande filature de toile. Comme supérieur, il était aimé de ses subordonnés, grâce au zèle avec lequel il s'occupait de leurs intérêts.

Le prince S. Kourakine fut marié deux fois: en 1775, il avait épousé Natalie Pétrowna Narychkine (1758—1825), qui le quitta au bout de onze ans pour s'amouracher de son oncle, le fameux bellâtre moscovite S. Apraxine. Comme elle s'était déclarée atteinte d'une maladie incurable qui l'obligeait à quitter son mari, le prince Kourakine reçut l'autorisation de se remarier et épousa Catherine Dmitriewna Izmaïloff (1761—1843). Il n'eut pas d'enfants.

Le portrait reproduit au Tome II, № 14, est donné à tort comme celui du prince Stéphane Kourakine: il représente en réalité le prince Alexandre Borissowitch Kourakine dans sa vieillesse... Au fond, un paysage avec le magnifique Nadejdino, gouvernement de Saratoff, malheureusement déjà vendu à un marchand par le prince Th. Kourakine avec son immense bibliothèque. Il serait à désirer que les marchands se montrassent éclairés et plus attachés aux souvenirs du passé, et conservassent cet historique manoir ainsi que sa bibliothèque, qui pourrait être cédée à quelque établissement scientifique.

(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

Le prince STÉPHANE BORISSOWITCH KOURAKINE, 1754—1805, fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine et d'Hélène Stépanowna, née Apraxine, naquit le 9 juillet 1754. Il perdit ses parents encore enfant et passa quelque temps chez sa grand'mère, la princesse A. Kourakine, née Panine, puis son grand-père et tuteur le comte N. Panine l'envoya continuer son éducation en Suède. Il n'y resta que peu de temps, puis s'enrôla comme volontaire à l'armée de Turquie sous le commandement de son autre grand-père, le comte P. Panine, ce qui contraria la princesse Agrippine Alexandrowna Kourakine, sa tante: „Je voudrais bien qu'à la fin de la campagne on pense un peu à son éducation; je crois qu'il aurait tout le temps de devenir un héros, tandis que le savoir ne s'acquiert pas à tout âge, surtout pour lui, qui a été bien négligé". Son frère Alexandre le traitait de haut: il se plaint que son aîné „ne fait pas plus de cas de lui que d'un marmot qui ne sait pas compter jusqu'à dix" et lui attribue des idées qui sont „celles de l'officier le plus stupide et le plus ignorant". Après la prise de Bender, Panine l'envoya à Pétersbourg avec les drapeaux et les trophées enlevés à l'ennemi, mais Catherine, qui n'aimait pas le comte P. Panine, „son offenseur personnel", n'accorda aucune récompense à son petit-fils. En 1770, Kourakine fut nommé capitaine à l'armée, servit sous le commandement de Repnine en Pologne, et devint en 1773 aide de camp de Bibikoff, avec lequel il alla, à son grand déplaisir, il faut le dire, réprimer l'insurrection de Pougatcheff: dans ses lettres à son frère, il se plaint amèrement de „cette abominable corvée" et de „cette sale campagne d'hiver", et exprime la crainte de tomber aux mains de Pougatcheff, car, dit-il, „c'est sûrement la potence". A la mort de Bibikoff, il passa d'abord aux cuirassiers de Novotroïtzky, puis servit de 1775 à 1780 aux cuirassiers du Grand-Duc Héritier, où il eut fort à souffrir du caractère irascible de Paul. Il fit avec les hussards d'Izioume la campagne de Crimée de 1783, puis commanda les hussards d'Akhtyrka, fut promu brigadier en 1789 et prit sa retraite avec rang de général major. Sous Paul Ier, Kourakine fut nommé chef de l'inspection des bâtiments du Kremlin avec rang de conseiller privé; il reprit sa retraite comme conseiller privé actuel à la fin de 1804 et mourut d'une grave maladie le 8 juillet 1805; il fut inhumé à Moscou, au monastère Novospassky.

Le prince Stéphane Kourakine menait une vie luxueuse, organisant chez lui des réceptions des plus cordiales, et toute la haute société moscovite aimait à se presser dans sa somptueuse maison de la Porte Rouge, remplie d'une foule nombreuse de parasites. Un des fondateurs et des matadors du Club anglais à Moscou, il s'était fait une réputation pour ses dîners et ses soupers fins. Il sut malgré tout ne pas compromettre sa fortune: entendu à ses affaires, économe et expérimenté comme il l'était, il avait l'art de faire rendre beaucoup à ses biens sans ruiner ses paysans. Dans son Stépanowskoïé, ci-devant Volossovo, gouvernement de Tver, il s'installa une somptueuse résidence et fonda une grande filature de toile. Comme supérieur, il était aimé de ses subordonnés, grâce au zèle avec lequel il s'occupait de leurs intérêts.

Le prince S. Kourakine fut marié deux fois: en 1775, il avait épousé Natalie Pétrowna Narychkine (1758—1825), qui le quitta au bout de onze ans pour s'amouracher de son oncle, le fameux bellâtre moscovite S. Apraxine. Comme elle s'était déclarée atteinte d'une maladie incurable qui l'obligeait à quitter son mari, le prince Kourakine reçut l'autorisation de se remarier et épousa Catherine Dmitriewna Izmaïloff (1761—1843). Il n'eut pas d'enfants.

Le portrait reproduit au Tome II, № 14, est donné à tort comme celui du prince Stéphane Kourakine: il représente en réalité le prince Alexandre Borissowitch Kourakine dans sa vieillesse... Au fond, un paysage avec le magnifique Nadejdino, gouvernement de Saratoff, malheureusement déjà vendu à un marchand par le prince Th. Kourakine avec son immense bibliothèque. Il serait à désirer que les marchands se montrassent éclairés et plus attachés aux souvenirs du passé, et conservassent cet historique manoir ainsi que sa bibliothèque, qui pourrait être cédée à quelque établissement scientifique.

(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА КУРАКИНА**, 1761—1843, дочь полковника Дмитрія Львовича Измайлова († 15 Марта 1779 г.), отъ брака его съ графиней Елизаветой Ивановной Гендриковой, двоюродной племянницей Императрицы Елисаветы Петровны, родилась въ 1761 г., за два мѣсяца до кончины Императрицы Елисаветы, и была окрещена ею, съ пожалованіемъ богатой табакерки.

Браку Е. Д. Измайловой въ 1799 г. съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1754 г., † 1805 г.) предшествовалъ надѣлавшій много шуму въ то время разводъ его съ первой женой, княгиней Натальей Петровной, рожденной Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.). Влюбившись въ дѣвицу Е. Д. Измайлову и воспользовавшись вліяніемъ своихъ родственниковъ при дворѣ Императора Павла, князь С. Б. Куракинъ добился формальнаго, утвержденнаго Синодомъ, развода со своей женой, „на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ", какъ выражается одинъ изъ современниковъ, и тотчасъ же женился на предметѣ своей страсти. Этотъ рѣдкій въ то время случай развода послужилъ впослѣдствіи какъ бы прецедентомъ для развода Цесаревича Константина Павловича съ Великой Княгиней Анной Θеодоровной.

Второй бракъ князя Степана Борисовича Куракина былъ, однако, непродолжителенъ: онъ скончался 8 Іюля 1805 г., скрывая во время болѣзни свои страданія отъ нѣжно любимой жены. Овдовѣвъ послѣ всего только шестилѣтняго супружества, княгиня Екатерина Дмитріевна вела, какъ нужно предполагать, очень тихую и уединенную жизнь, такъ какъ имени ея нигдѣ не встрѣчается въ запискахъ ея современниковъ. Переживъ мужа на 38 лѣтъ, она скончалась, не оставивъ потомства, 16 Іюня 1843 года и похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ миніатюры Дюбуа; собственность князя Θ. А. Куракина, въ Москвѣ.)

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА КУРАКИНА**, 1761—1843, дочь полковника Дмитрія Львовича Измайлова († 15 Марта 1779 г.), отъ брака его съ графиней Елизаветой Ивановной Гендриковой, двоюродной племянницей Императрицы Елисаветы Петровны, родилась въ 1761 г., за два мѣсяца до кончины Императрицы Елисаветы, и была окрещена ею, съ пожалованіемъ богатой табакерки.

Браку Е. Д. Измайловой въ 1799 г. съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1754 г., † 1805 г.) предшествовалъ надѣлавшій много шуму въ то время разводъ его съ первой женой, княгиней Натальей Петровной, рожденной Нарышкиной (р. 1758 г., † 1825 г.). Влюбившись въ дѣвицу Е. Д. Измайлову и воспользовавшись вліяніемъ своихъ родственниковъ при дворѣ Императора Павла, князь С. Б. Куракинъ добился формальнаго, утвержденнаго Синодомъ, развода со своей женой, „на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ", какъ выражается одинъ изъ современниковъ, и тотчасъ же женился на предметѣ своей страсти. Этотъ рѣдкій въ то время случай развода послужилъ впослѣдствіи какъ бы прецедентомъ для развода Цесаревича Константина Павловича съ Великой Княгиней Анной Θеодоровной.

Второй бракъ князя Степана Борисовича Куракина былъ, однако, непродолжителенъ: онъ скончался 8 Іюля 1805 г., скрывая во время болѣзни свои страданія отъ нѣжно любимой жены. Овдовѣвъ послѣ всего только шестилѣтняго супружества, княгиня Екатерина Дмитріевна вела, какъ нужно предполагать, очень тихую и уединенную жизнь, такъ какъ имени ея нигдѣ не встрѣчается въ запискахъ ея современниковъ. Переживъ мужа на 38 лѣтъ, она скончалась, не оставивъ потомства, 16 Іюня 1843 года и похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ миніатюры Дюбуа; собственность князя Θ. А. Куракина, въ Москвѣ.)

65

La princesse **CATHERINE DMITRIEWNA KOURAKINE**, 1761—1843, fille du colonel Dmitri Lvowitch Izmaïloff († 15 mars 1779) et d'Elisabeth Ivanowna, née comtesse Gendrikoff, petite-nièce de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, naquit en 1761, deux mois avant la mort de l'Impératrice, qui fut sa marraine et lui fit présent d'une riche tabatière.

Elle épousa en 1799 le prince Stéphane Borissowitch Kourakine (1754—1805) après son divorce retentissant avec sa première femme, la princesse Natalie Pétrowna, née Narychkine (1758—1825). Amoureux d'elle, le prince, grâce à l'influence de sa famille à la Cour de Paul Ier, obtint un divorce formel et confirmé par le Synode, bien qu'un contemporain le déclare „établi sur des motifs inexistants", et s'empressa de l'épouser. Le précédent, rare pour l'époque, ne fut pas sans influence plus tard pour le divorce du Césarewitch Constantin avec la Grande-Duchesse Anne.

Le second mariage du prince Kourakine ne fut pas cependant de longue durée: il mourut de maladie le 8 juillet 1805, en cachant ses souffrances à sa femme tendrement aimée. Restée veuve après six ans de mariage, la princesse dut mener une vie tranquille et retirée, car il n'est plus question d'elle dans les mémoires du temps. Elle vécut encore trente-huit ans, mourut sans enfants le 16 juin 1843, et fut inhumée au monastère Novospassky, à Moscou.

(D'après une miniature de Dubois, appartenant au prince Th. Kourakine, Moscou.)

La princesse **CATHERINE DMITRIEWNA KOURAKINE**, 1761—1843, fille du colonel Dmitri Lvowitch Izmaïloff († 15 mars 1779) et d'Elisabeth Ivanowna, née comtesse Gendrikoff, petite-nièce de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, naquit en 1761, deux mois avant la mort de l'Impératrice, qui fut sa marraine et lui fit présent d'une riche tabatière.

Elle épousa en 1799 le prince Stéphane Borissowitch Kourakine (1754—1805) après son divorce retentissant avec sa première femme, la princesse Natalie Pétrowna, née Narychkine (1758—1825). Amoureux d'elle, le prince, grâce à l'influence de sa famille à la Cour de Paul Ier, obtint un divorce formel et confirmé par le Synode, bien qu'un contemporain le déclare „établi sur des motifs inexistants", et s'empressa de l'épouser. Le précédent, rare pour l'époque, ne fut pas sans influence plus tard pour le divorce du Césarewitch Constantin avec la Grande-Duchesse Anne.

Le second mariage du prince Kourakine ne fut pas cependant de longue durée: il mourut de maladie le 8 juillet 1805, en cachant ses souffrances à sa femme tendrement aimée. Restée veuve après six ans de mariage, la princesse dut mener une vie tranquille et retirée, car il n'est plus question d'elle dans les mémoires du temps. Elle vécut encore trente-huit ans, mourut sans enfants le 16 juin 1843, et fut inhumée au monastère Novospassky, à Moscou.

(D'après une miniature de Dubois, appartenant au prince Th. Kourakine, Moscou.)

Княгиня АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КУРАКИНА, 1711—1786, дочь генералъ-поручика и сенатора Ивана Васильевича Панина (р. 1673 г., † 1736 г.), женатаго на Аграфенѣ Васильевнѣ Эверлаковой (р. 1688 г., † 1753 г.), сестра знаменитыхъ графовъ Никиты и Петра Паниныхъ, родилась 3 Февраля 1711 года. Въ 1730 г., 26 Апрѣля, вступила въ супружество съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1697 г., † 1749 г.), тайнымъ совѣтникомъ и конференцъ-министромъ, только-что вернувшимся изъ Парижа, гдѣ онъ состоялъ полномочнымъ посломъ.

Княгиня А. И. Куракина постоянно проживала въ Москвѣ, въ доставшемся ей послѣ смерти мужа своемъ „Мясницкомъ" домѣ, подаренномъ ему послѣ ссылки Меншикова, въ 1730 г. (нынѣ зданіе Московскаго почтамта). Въ домѣ этомъ она была окружена многочисленнымъ семействомъ, дѣтьми и внуками; у нея же воспитывались сыновья ея единственнаго, умершаго въ 1764 г., сына, князя Бориса Александровича Куракина, столь извѣстные впослѣдствіи князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины; къ нимъ бабушка до конца своей жизни сохранила нѣжную привязанность, находясь съ ними въ перепискѣ и живо интересуясь ихъ блестящей служебной карьерой. И послѣ выхода замужъ ея дочерей и распаденія большого семейства, опустѣвшій громадный Куракинскій домъ, въ которомъ она осталась одна съ незамужнею дочерью, княжной Аграфеной Александровной, продолжалъ служить, благодаря ей, связующимъ центромъ всей Куракинской семьи, среди которой она пользовалась большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Очень подвижная и гостепріимная, она въ 66 лѣтъ выѣзжала на охоту, гостя у брата своего, графа П. И. Панина, въ его Смоленскомъ помѣстьѣ, селѣ Дугинѣ, и вела свѣтскій образъ жизни, оставаясь при этомъ очень умѣренной въ своихъ вкусахъ и привычкахъ. „Я въ семъ образецъ", писала она въ старости, „и всякій день съ голодомъ выхожу изъ-за стола, и то меня содержитъ, и всѣмъ совѣтую не все кушать". Благочестивая и религіозная, княгиня Куракина имѣла въ своемъ домѣ домовую церковь во имя Св. Троицы, гдѣ каждое утро отстаивала обѣдню, водила большое знакомство и дружбу съ выдающимися духовными лицами, между которыми особенно отличала архіепископа Ростовскаго Самуила. Скончалась она 75 лѣтъ отъ роду, 11 Февраля 1786 г., и похоронена въ соборѣ Московскаго Новоспасскаго монастыря, гдѣ высѣченная на надгробномъ камнѣ ея надпись оканчивается слѣдующими словами: „....и хотя и не уединилась отъ свѣтской жизни, но все время содержала и отправляла со всею строгостію монашескія правила и постъ, а Всевышній Творецъ благословилъ ее видѣть сыны сыновъ своихъ".

Княгиня А. И. Куракина имѣла одного сына, князя Бориса-Леонтія Александровича (р. 1733 г., † 1764 г.), женатаго на Еленѣ Степановнѣ Апраксиной, и дочерей: Анну (р. 1731 г., † 1749 г.), Татьяну (р. 1732 г., † 1754 г.; за гв. прапорщикомъ А. Ю. Нелединскимъ-Мелецкимъ), Аграфену (р. 1734 г., † 1791 г.; фрейлину), Екатерину (р. 1735 г., † 1791 г.; за княземъ Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ), Александру (р. 1736 г., † 1739 г.), Наталію (р. 1737 г., † 1797 г.; за фельдмаршаломъ княземъ Н. В. Репнинымъ), Настасью († 1739 г., на третьемъ мѣсяцѣ) и Прасковью (р. 1741 г., † 1755 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

Княгиня **АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КУРАКИНА**, 1711—1786, дочь генералъ-поручика и сенатора Ивана Васильевича Панина (р. 1673 г., † 1736 г.), женатаго на Аграфенѣ Васильевнѣ Эверлаковой (р. 1688 г., † 1753 г.), сестра знаменитыхъ графовъ Никиты и Петра Паниныхъ, родилась 3 Февраля 1711 года. Въ 1730 г., 26 Апрѣля, вступила въ супружество съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ (р. 1697 г., † 1749 г.), тайнымъ совѣтникомъ и конференцъ-министромъ, только-что вернувшимся изъ Парижа, гдѣ онъ состоялъ полномочнымъ посломъ.

Княгиня А. И. Куракина постоянно проживала въ Москвѣ, въ доставшемся ей послѣ смерти мужа своемъ „Мясницкомъ" домѣ, подаренномъ ему послѣ ссылки Меншикова, въ 1730 г. (нынѣ зданіе Московскаго почтамта). Въ домѣ этомъ она была окружена многочисленнымъ семействомъ, дѣтьми и внуками; у нея же воспитывались сыновья ея единственнаго, умершаго въ 1764 г., сына, князя Бориса Александровича Куракина, столь извѣстные впослѣдствіи князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины; къ нимъ бабушка до конца своей жизни сохранила нѣжную привязанность, находясь съ ними въ перепискѣ и живо интересуясь ихъ блестящей служебной карьерой. И послѣ выхода замужъ ея дочерей и распаденія большого семейства, опустѣвшій громадный Куракинскій домъ, въ которомъ она осталась одна съ незамужнею дочерью, княжной Аграфеной Александровной, продолжалъ служить, благодаря ей, связующимъ центромъ всей Куракинской семьи, среди которой она пользовалась большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Очень подвижная и гостепріимная, она въ 66 лѣтъ выѣзжала на охоту, гостя у брата своего, графа П. И. Панина, въ его Смоленскомъ помѣстьѣ, селѣ Дугинѣ, и вела свѣтскій образъ жизни, оставаясь при этомъ очень умѣренной въ своихъ вкусахъ и привычкахъ. „Я въ семъ образецъ", писала она въ старости, „и всякій день съ голодомъ выхожу изъ-за стола, и то меня содержитъ, и всѣмъ совѣтую не все кушать". Благочестивая и религіозная, княгиня Куракина имѣла въ своемъ домѣ домовую церковь во имя Св. Троицы, гдѣ каждое утро отстаивала обѣдню, водила большое знакомство и дружбу съ выдающимися духовными лицами, между которыми особенно отличала архіепископа Ростовскаго Самуила. Скончалась она 75 лѣтъ отъ роду, 11 Февраля 1786 г., и похоронена въ соборѣ Московскаго Новоспасскаго монастыря, гдѣ высѣченная на надгробномъ камнѣ ея надпись оканчивается слѣдующими словами: „....и хотя и не уединилась отъ свѣтской жизни, но все время содержала и отправляла со всею строгостію монашескія правила и постъ, а Всевышній Творецъ благословилъ ее видѣть сыны сыновъ своихъ".

Княгиня А. И. Куракина имѣла одного сына, князя Бориса-Леонтія Александровича (р. 1733 г., † 1764 г.), женатаго на Еленѣ Степановнѣ Апраксиной, и дочерей: Анну (р. 1731 г., † 1749 г.), Татьяну (р. 1732 г., † 1754 г.; за гв. прапорщикомъ А. Ю. Нелединскимъ-Мелецкимъ), Аграфену (р. 1734 г., † 1791 г.; фрейлину), Екатерину (р. 1735 г., † 1791 г.; за княземъ Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ), Александру (р. 1736 г., † 1739 г.), Наталію (р. 1737 г., † 1797 г.; за фельдмаршаломъ княземъ Н. В. Репнинымъ), Настасью († 1739 г., на третьемъ мѣсяцѣ) и Прасковью (р. 1741 г., † 1755 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

66

La princesse **ALEXANDRINE IVANOWNA KOURAKINE**, 1711—1786, fille du général lieutenant et sénateur Ivan Vassiliewitch Panine (1673—1736) et d'Agrippine Vassiliewna, née Everlakoff (1688—1733), et sœur des célèbres comtes Nikita et Pierre Panine, naquit le 5 février 1711. Elle épousa le 26 avril 1730 le prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749), conseiller privé et ministre de la conférence, depuis peu de retour de Paris, où il était ministre plénipotentiaire.

La princesse Kourakine habitait constamment Moscou, dans la maison de la Miasnitzkaïa (aujourd'hui la Poste) donnée à son mari en 1730 après l'exil de Menchikoff, et qui lui revint une fois veuve. Entourée d'une nombreuse famille, enfants et petits-enfants, elle y avait entre autres les fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine, son fils unique mort en 1764, dans la suite les célèbres princes Alexandre et Alexis Borissowitch Kourakine, pour lesquels elle eut toute sa vie un tendre attachement, restant en correspondance avec eux et prenant un vif intérêt à leur brillante carrière. Même après le mariage de ses filles et la dispersion de la nombreuse famille, l'immense maison, toute vide, où elle restait seule avec sa fille non mariée, la princesse Agrippine, ne cessait pas d'être par elle le rendez-vous des Kourakine, parmi lesquels elle jouissait d'une grande vénération et d'une grande autorité. Alerte et accueillante, à 66 ans elle allait à la chasse, chez son frère le comte P. Panine, dans ses domaines du gouvernement de Smolensk, au bourg de Douguino, et menait la vie mondaine, tout en restant des plus modérées dans ses goûts et habitudes. „Je suis en cela un modèle", écrivait-elle dans sa vieillesse: „à chaque repas je reste sur ma faim, et c'est ce qui me conserve; je conseille à tout le monde d'en faire autant". Pieuse et religieuse, elle avait chez elle une église sous le vocable de la Sainte-Trinité, où elle entendait la messe tous les matins; elle était en relations suivies et amicales avec les ecclésiastiques les plus éminents, et distinguait particulièrement l'archevêque de Rostoff Samuel. Elle mourut à l'âge de 75 ans, le 11 février 1786, et fut inhumée dans la cathédrale du monastère Novospassky, à Moscou, où son épitaphe se termine ainsi: „.... et tout en ne restant pas à l'écart de la vie mondaine, elle suivit et observa constamment en toute rigueur les règles monastiques et le carême, aussi le Tout-Puissant la bénit-il en lui faisant voir les fils de ses fils".

La princesse Kourakine eut un fils, Boris-Léonce (1733—1764), marié à Hélène Stépanowna Apraxine, et plusieurs filles, Anne (1731—1749), Tatiana (1732—1754), mariée au porte-enseigne de la Garde A. Nélédinsky-Méletzky, Agrippine (1734—1791), demoiselle d'honneur, Catherine (1735—1791), mariée au prince I. Lobanoff-Rostowsky, Alexandrine (1736—1739), Natalie (1737—1797), mariée au feld-maréchal prince N. Repnine, Anastasie († 1739, dans son troisième mois) et Prascovie (1741—1755).

(D'après un original appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

La princesse **ALEXANDRINE IVANOWNA KOURAKINE**, 1711—1786, fille du général lieutenant et sénateur Ivan Vassiliewitch Panine (1673—1736) et d'Agrippine Vassiliewna, née Everlakoff (1688—1755), et sœur des célèbres comtes Nikita et Pierre Panine, naquit le 5 février 1711. Elle épousa le 26 avril 1730 le prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749), conseiller privé et ministre de la conférence, depuis peu de retour de Paris, où il était ministre plénipotentiaire.

La princesse Kourakine habitait constamment Moscou, dans la maison de la Miasnitzkaïa (aujourd'hui la Poste) donnée à son mari en 1730 après l'exil de Menchikoff, et qui lui revint une fois veuve. Entourée d'une nombreuse famille, enfants et petits-enfants, elle y avait entre autres les fils du prince Boris Alexandrowitch Kourakine, son fils unique mort en 1764, dans la suite les célèbres princes Alexandre et Alexis Borissowitch Kourakine, pour lesquels elle eut toute sa vie un tendre attachement, restant en correspondance avec eux et prenant un vif intérêt à leur brillante carrière. Même après le mariage de ses filles et la dispersion de la nombreuse famille, l'immense maison, toute vide, où elle restait seule avec sa fille non mariée, la princesse Agrippine, ne cessait pas d'être par elle le rendez-vous des Kourakine, parmi lesquels elle jouissait d'une grande vénération et d'une grande autorité. Alerte et accueillante, à 66 ans elle allait à la chasse, chez son frère le comte P. Panine, dans ses domaines du gouvernement de Smolensk, au bourg de Douguino, et menait la vie mondaine, tout en restant des plus modérées dans ses goûts et habitudes. „Je suis en cela un modèle", écrivait-elle dans sa vieillesse: „à chaque repas je reste sur ma faim, et c'est ce qui me conserve; je conseille à tout le monde d'en faire autant". Pieuse et religieuse, elle avait chez elle une église sous le vocable de la Sainte-Trinité, où elle entendait la messe tous les matins; elle était en relations suivies et amicales avec les ecclésiastiques les plus éminents, et distinguait particulièrement l'archevêque de Rostoff Samuel. Elle mourut à l'âge de 75 ans, le 11 février 1786, et fut inhumée dans la cathédrale du monastère Novospassky, à Moscou, où son épitaphe se termine ainsi: „.... et tout en ne restant pas à l'écart de la vie mondaine, elle suivit et observa constamment en toute rigueur les règles monastiques et le carême, aussi le Tout-Puissant la bénit-il en lui faisant voir les fils de ses fils".

La princesse Kourakine eut un fils, Boris-Léonce (1733—1764), marié à Hélène Stépanowna Apraxine, et plusieurs filles, Anne (1731—1749), Tatiana (1732—1754), mariée au porte-enseigne de la Garde A. Nélédinsky-Méletzky, Agrippine (1734—1791), demoiselle d'honneur, Catherine (1735—1791), mariée au prince I. Lobanoff-Rostowsky, Alexandrine (1736—1739), Natalie (1737—1797), mariée au feld-maréchal prince N. Repnine, Anastasie († 1739, dans son troisième mois) et Prascovie (1741—1755).

(D'après un original appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

Графиня ВАРВАРА АЛЕКСѢЕВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1711—1767, единственная дочь канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго (р. 1680 г., † 1742 г.) отъ брака съ княжной Маріей Юрьевной Трубецкой, родилась 11 Сентября 1711 года. Несмѣтныя богатства князей Черкасскихъ привлекали многихъ жениховъ, которые „искали руки княжны, какъ Язонъ золотой овцы, ради богатой шкуры". Но ея гордая мать ждала для дочери какого-то сказочнаго принца, а сама княжна была одной изъ самыхъ разборчивыхъ невѣстъ: капризная кокетка, гордая своей красотой, знатностью и богатствомъ, она забывала, что „время летитъ и болѣе не возвращается", и заслужила названія „тигрицы" и „звѣря", данныя ей хорошо знавшей ее княжной Маріей Дмитріевной Кантемиръ. Благоразумные люди находили, что, „если она желаетъ имѣть супруга, ей нужно сдѣлаться болѣе ручной", и та же княжна Марія Кантемиръ выражала желаніе, чтобы „звѣрь сдѣлался ручнымъ и обратилъ вниманіе на свой возрастъ". За княжну Черкасскую сватались блестящій придворный красавецъ графъ Карлъ-Рейнгольдъ Левенвольде и блестящій дипломатъ и поэтъ князь Антіохъ Кантемиръ; но сватовство Левенвольде разстроилось послѣ обрученія (1730 г.), а сватовство Кантемира такъ и не состоялось. Раздраженный этимъ сватовствомъ, которое никакъ не могло наладиться, Кантемиръ изображалъ подъ именемъ „Сильвіи" княжну Черкасскую, задѣвая и мать ея, въ слѣдующихъ ѣдкихъ, переходящихъ въ пасквиль, стихахъ:

„Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ,
Сильвія легко даетъ, кто чего ни проситъ,
Боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта.
Такова и матушка была въ ея лѣта".

Впрочемъ, любимая сестра Кантемира, Марія, просила брата (13 Апрѣля 1733 г.): „Не обижайте тигрицы своими стихотвореніями; она милая особа, которую я люблю; тигрица умная, достойная дѣвушка; зная, что вы любите ее, я сама предана ей и молю Бога, чтобы она, теперешняя моя пріятельница, сдѣлалась въ будущемъ моей невѣсткой". (См. объ этомъ сватовствѣ подробно въ книгѣ Шимко „Новыя данныя къ біографіи князя А. Д. Кантемира".)

При самомъ воцареніи Елисаветы княжна В. А. Черкасская была изъ фрейлинъ пожалована въ камеръ-фрейлины и получила портретъ Императрицы. Въ это время княжна достигла уже возраста, который, по понятіямъ того времени, былъ совсѣмъ безнадеженъ для брака. Но „звѣрь", наконецъ, сдѣлался „ручнымъ", а богатства князей Черкасскихъ замѣнили княжнѣ недостатокъ молодости. Княжнѣ подыскали жениха, хотя и знатнаго, но не слишкомъ блестящаго, въ лицѣ графа Петра Борисовича Шереметева, бывшаго на полтора года моложе невѣсты, и бракъ совершился 28 Января 1743 года, при чемъ графиня была пожалована въ статсъ-дамы.

Изъ 4 сыновей и 3 дочерей графини В. А. Шереметевой три сына и одна дочь умерли въ раннемъ возрастѣ, и только графъ Николай (р. 1751 г., † 1809 г.) и графини Анна (р. 1744 г., † 1768 г.) и Варвара (р. 1750 г., † 1824 г.; въ замужствѣ за графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ) пережили мать. Графиня В. А. Шереметева скончалась 2 Октября 1767 года и погребена въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, родовой усыпальницѣ князей Черкасскихъ.

Въ имѣніи графа С. Д. Шереметева, Кусковѣ, имѣется превосходный, но сильно попорченный портретъ графини В. А. Шереметевой, писанный Аргуновымъ.

(Съ портрета Ротари; Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

Графиня ВАРВАРА АЛЕКСѢЕВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1711—1767, единственная дочь канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго (р. 1680 г., † 1742 г.) отъ брака съ княжной Маріей Юрьевной Трубецкой, родилась 11 Сентября 1711 года. Несмѣтныя богатства князей Черкасскихъ привлекали многихъ жениховъ, которые „искали руки княжны, какъ Язонъ золотой овцы, ради богатой шкуры". Но ея гордая мать ждала для дочери какого-то сказочнаго принца, а сама княжна была одной изъ самыхъ разборчивыхъ невѣстъ: капризная кокетка, гордая своей красотой, знатностью и богатствомъ, она забывала, что „время летитъ и болѣе не возвращается", и заслужила названія „тигрицы" и „звѣря", данныя ей хорошо знавшей ее княжной Маріей Дмитріевной Кантемиръ. Благоразумные люди находили, что, „если она желаетъ имѣть супруга, ей нужно сдѣлаться болѣе ручной", и та же княжна Марія Кантемиръ выражала желаніе, чтобы „звѣрь сдѣлался ручнымъ и обратилъ вниманіе на свой возрастъ". За княжну Черкасскую сватались блестящій придворный красавецъ графъ Карлъ-Рейнгольдъ Левенвольде и блестящій дипломатъ и поэтъ князь Антіохъ Кантемиръ; но сватовство Левенвольде разстроилось послѣ обрученія (1730 г.), а сватовство Кантемира такъ и не состоялось. Раздраженный этимъ сватовствомъ, которое никакъ не могло наладиться, Кантемиръ изображалъ подъ именемъ „Сильвіи" княжну Черкасскую, задѣвая и мать ея, въ слѣдующихъ ѣдкихъ, переходящихъ въ пасквиль, стихахъ:

„Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ,
Сильвія легко даетъ, кто чего ни проситъ,
Боязя досаднаго въ отказѣ отвѣта.
Такова и матушка была въ ея лѣта".

Впрочемъ, любимая сестра Кантемира, Марія, просила брата (13 Апрѣля 1735 г.): „Не обижайте тигрицы своими стихотвореніями; она милая особа, которую я люблю; тигрица умная, достойная дѣвушка; зная, что вы любите ее, я сама предана ей и молю Бога, чтобы она, теперешняя моя пріятельница, сдѣлалась въ будущемъ моей невѣсткой". (См. объ этомъ сватовствѣ подробно въ книгѣ Шимко „Новыя данныя къ біографіи князя А. Д. Кантемира".)

При самомъ воцареніи Елисаветы княжна В. А. Черкасская была изъ фрейлинъ пожалована въ камеръ-фрейлины и получила портретъ Императрицы. Въ это время княжна достигла уже возраста, который, по понятіямъ того времени, былъ совсѣмъ безнадеженъ для брака. Но „звѣрь", наконецъ, сдѣлался „ручнымъ", а богатства князей Черкасскихъ замѣнили княжнѣ недостатокъ молодости. Княжнѣ подыскали жениха, хотя и знатнаго, но не слишкомъ блестящаго, въ лицѣ графа Петра Борисовича Шереметева, бывшаго на полтора года моложе невѣсты, и бракъ совершился 28 Января 1743 года, при чемъ графиня была пожалована въ статсъ-дамы.

Изъ 4 сыновей и 3 дочерей графини В. А. Шереметевой три сына и одна дочь умерли въ раннемъ возрастѣ, и только графъ Николай (р. 1751 г., † 1809 г.) и графини Анна (р. 1744 г., † 1768 г.) и Варвара (р. 1750 г., † 1824 г.; въ замужствѣ за графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ) пережили мать. Графиня В. А. Шереметева скончалась 2 Октября 1767 года и погребена въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, родовой усыпальницѣ князей Черкасскихъ.

Въ имѣніи графа С. Д. Шереметева, Кусковѣ, имѣется превосходный, но сильно попорченный портретъ графини В. А. Шереметевой, писанный Аргуновымъ.

(Съ портрета Ротари; Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

La comtesse VARVARA ALEXÉEWNA CHÉRÉMÉTEFF, 1711—1767, fille unique du chancelier prince Alexis Mikhaïlowitch Tcherkassky (1680—1742) et de la princesse Marie Youriewna, née Troubetzkoï, naquit le 11 septembre 1711. Les incalculables richesses des princes Tcherkassky attirèrent des quantités d'épouseurs, qui „cherchaient la main de la princesse comme Jason la toison d'or, pour l'amour de la précieuse peau". Mais la mère espérait dédaigneusement quelque prince de conte de fées, et elle-même était une fiancée des plus difficiles: capricieuse et coquette, fière de sa beauté, de sa noblesse et de sa fortune, elle oubliait que „le temps vole et ne revient pas", vraie „tigresse", vraie „sauvage", comme l'appelait la princesse Marie Dmitriewna Kantémir, qui la connaissait bien. Les gens raisonnables disaient que, „pour trouver un mari, il faut être plus apprivoisée", et la même princesse Kantémir souhaitait voir „la sauvage s'apprivoiser et songer un peu à son âge". Elle fut recherchée par un parti brillamment placé à la Cour, le beau comte Charles-Reinhold Löwenwolde, puis par un brillant diplomate et poète, le prince Antioche Kantémir; avec le premier, elle n'alla pas plus loin que les fiançailles, avec le second, les fiançailles n'aboutirent même pas. Furieux de cette affaire qui ne s'arrangeait pas, Kantémir représente la princesse Tcherkassky sous le nom de Sylvie dans des vers mordants, qui tournent à la pasquinade et où la mère n'est pas épargnée non plus:

„Sylvie aime à montrer sa gorge rebondie,
„De son rire mutin provoque, fait de l'œil,
„Se met du blanc, du rouge, une masse de mouches,
„Distribue à chacun tout ce qu'on lui demande,
„De peur de s'attirer quelque mot de dépit:
„Telle était bien sa mère à l'âge qu'a Sylvie".

D'ailleurs la sœur bien-aimée de Kantémir, Marie, écrit à son frère le 13 avril 1735: „Ne faites pas de peine à la tigresse avec vos vers. C'est une charmante personne que j'aime bien, et pas bête, cette tigresse, une digne fille. Sachant que vous l'aimez, je lui veux du bien, et je prie Dieu que cette amie d'à présent devienne un jour ma belle-sœur". (Sur ce projet de mariage, on trouve des détails dans l'ouvrage de Chimko, Nouvelle contribution à la biographie du prince A. Kantémir.)

A l'avènement d'Elisabeth, la princesse Tcherkassky, demoiselle d'honneur, passa demoiselle d'honneur honoraire et reçut le portrait de l'Impératrice. Déjà d'un âge qui, dans les idées du temps, n'était plus de mise pour le mariage, la „sauvage" finit par „s'apprivoiser", et la fortune des princes Tcherkassky compensa l'âge. On lui trouva un parti de qualité, sinon brillant, dans la personne du comte Pierre Borissowitch Chéréméteff, de dix-huit mois plus jeune qu'elle, et le mariage fut célébré le 28 janvier 1743; elle était faite à cette occasion dame d'honneur.

Sur sept enfants, la comtesse Chéréméteff perdit en bas âge trois fils et une fille, et ne laissa qu'un fils, Nicolas (1751—1809), et deux filles, Anne (1744—1768) et Varvara (1750—1824), mariée au comte Alexis Razoumowsky. Elle mourut le 2 octobre 1767, et fut inhumée dans l'église de l'Apparition de la Croix, au monastère Novospassky, sépulture de famille des princes Tcherkassky.

Il y a à Kouskovo, la propriété du comte S. Chéréméteff, un portrait magnifique, mais fort endommagé, de la comtesse Chéréméteff, par Argounoff.

(D'après l'original de Rotary, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

La comtesse VARVARA ALEXÉEWNA CHÉRÉMÉTEFF, 1711 — 1767, fille unique du chancelier prince Alexis Mikhaïlowitch Tcherkassky (1680—1742) et de la princesse Marie Youriewna, née Troubetzkoï, naquit le 11 septembre 1711. Les incalculables richesses des princes Tcherkassky attirèrent des quantités d'épouseurs, qui „cherchaient la main de la princesse comme Jason la toison d'or, pour l'amour de la précieuse peau". Mais la mère espérait dédaigneusement quelque prince de conte de fées, et elle-même était une fiancée des plus difficiles: capricieuse et coquette, fière de sa beauté, de sa noblesse et de sa fortune, elle oubliait que „le temps vole et ne revient pas", vraie „tigresse", vraie „sauvage", comme l'appelait la princesse Marie Dmitriewna Kantémir, qui la connaissait bien. Les gens raisonnables disaient que, „pour trouver un mari, il faut être plus apprivoisée", et la même princesse Kantémir souhaitait voir „la sauvage s'apprivoiser et songer un peu à son âge". Elle fut recherchée par un parti brillamment placé à la Cour, le beau comte Charles-Reinhold Löwenwolde, puis par un brillant diplomate et poète, le prince Antioche Kantémir; avec le premier, elle n'alla pas plus loin que les fiançailles, avec le second, les fiançailles n'aboutirent même pas. Furieux de cette affaire qui ne s'arrangeait pas, Kantémir représente la princesse Tcherkassky sous le nom de Sylvie dans des vers mordants, qui tournent à la pasquinade et où la mère n'est pas épargnée non plus:

„Sylvie aime à montrer sa gorge rebondie,
„De son rire mutin provoque, fait de l'œil,
„Se met du blanc, du rouge, une masse de mouches,
„Distribue à chacun tout ce qu'on lui demande,
„De peur de s'attirer quelque mot de dépit:
„Telle était bien sa mère à l'âge qu'a Sylvie".

D'ailleurs la sœur bien-aimée de Kantémir, Marie, écrit à son frère le 13 avril 1735: „Ne faites pas de peine à la tigresse avec vos vers. C'est une charmante personne que j'aime bien, et pas bête, cette tigresse, une digne fille. Sachant que vous l'aimez, je lui veux du bien, et je prie Dieu que cette amie d'à présent devienne un jour ma belle-sœur". (Sur ce projet de mariage, on trouve des détails dans l'ouvrage de Chimko, Nouvelle contribution à la biographie du prince A. Kantémir.)

A l'avènement d'Elisabeth, la princesse Tcherkassky, demoiselle d'honneur, passa demoiselle d'honneur honoraire et reçut le portrait de l'Impératrice. Déjà d'un âge qui, dans les idées du temps, n'était plus de mise pour le mariage, la „sauvage" finit par „s'apprivoiser", et la fortune des princes Tcherkassky compensa l'âge. On lui trouva un parti de qualité, sinon brillant, dans la personne du comte Pierre Borissowitch Chéréméteff, de dix-huit mois plus jeune qu'elle, et le mariage fut célébré le 28 janvier 1743; elle était faite à cette occasion dame d'honneur.

Sur sept enfants, la comtesse Chéréméteff perdit en bas âge trois fils et une fille, et ne laissa qu'un fils, Nicolas (1751—1809), et deux filles, Anne (1744—1768) et Varvara (1750—1824), mariée au comte Alexis Razoumowsky. Elle mourut le 2 octobre 1767, et fut inhumée dans l'église de l'Apparition de la Croix, au monastère Novospassky, sépulture de famille des princes Tcherkassky.

Il y a à Kouskovo, la propriété du comte S. Chéréméteff, un portrait magnifique, mais fort endommagé, de la comtesse Chéréméteff, par Argounoff.

(D'après l'original de Rotary, Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

68

ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЗИЦКІЙ, 173.—1775, по окончаніи курса въ Кіевской Академіи, слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ. Въ 1756 году онъ былъ опредѣленъ въ Академію Наукъ лекторомъ философскихъ и словесныхъ наукъ, затѣмъ былъ назначенъ адъюнктомъ и „почетнымъ совѣтникомъ“. Екатерина II, нуждаясь въ образованномъ личномъ секретарѣ, остановила свой выборъ на Козицкомъ, который съ 1768 года былъ назначенъ и секретаремъ при принятіи прошеній на Высочайшее имя.

Близость къ Императрицѣ и бракъ съ дочерью богатаго купца горнозаводчика Мясникова, принесшей Козицкому въ приданое 2 завода и 19.000 душъ крестьянъ, казалось, обезпечивали Козицкому блестящую карьеру и счастливую жизнь, но 10 Іюля 1773 года онъ былъ уволенъ отъ должности секретаря. Козицкій впалъ въ меланхолію и въ припадкѣ этой болѣзни 21 Декабря 1775 г. нанесъ себѣ 32 раны ножомъ, отъ которыхъ и умеръ 26 Декабря.

Отъ брака съ Екатериной Ивановной Мясниковой, Козицкій имѣлъ двухъ дочерей: Анну (за княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ) и Александру (за графомъ Ив. Ст. Лаваль).

Не блистая особыми дарованіями, Козицкій былъ трудолюбивый и разносторонній ученый и хорошій знатокъ языковъ. Главные литературные труды его состояли въ переводахъ съ древнихъ и новыхъ языковъ: онъ переводилъ Овидія и Моска, Свифта и Мармонтеля. Недалекій въ языкознаніи Сумароковъ перелагалъ на стихи прозаическіе переводы Козицкаго съ языковъ, невѣдомыхъ „Россійскому Расину“. Благодаря трудамъ Козицкаго, русская литература обогащалась переводами иностранныхъ сочиненій самаго разнообразнаго, то отвлеченнаго, то практическаго содержанія, начиная съ обличавшаго исламъ „Камня Соблазна“ Минятія и кончая „Нынѣшнимъ способомъ прививать оспу“ Димсдаля. Въ то же время Козицкій знакомилъ иностранцевъ съ успѣхами русской науки и культуры: онъ перевелъ на латинскій языкъ нѣкоторыя разсужденія Ломоносова и „Наказъ“ Екатерины, рекламируя передъ заграничной публикой ученость русскихъ профессоровъ и либеральныя начинанія просвѣщеннаго русскаго правительства. Не довольствуясь ролью переводчика, онъ выступалъ и самостоятельно, то съ изданіемъ „Древняго Лѣтописца“, то съ разсужденіями на академическія темы, напримѣръ, „О пользѣ миѳологіи“, а въ случаѣ надобности могъ сочинить и надпись для монумента, прославляющую подвиги войскъ Екатерины II.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

68

ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЗИЦКІЙ, 173. — 1775, по окончаніи курса въ Кіевской Академіи, слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ. Въ 1756 году онъ былъ опредѣленъ въ Академію Наукъ лекторомъ философскихъ и словесныхъ наукъ, затѣмъ былъ назначенъ адъюнктомъ и „почетнымъ совѣтникомъ". Екатерина II, нуждаясь въ образованномъ личномъ секретарѣ, остановила свой выборъ на Козицкомъ, который съ 1768 года былъ назначенъ и секретаремъ при принятіи прошеній на Высочайшее имя.

Близость къ Императрицѣ и бракъ съ дочерью богатаго купца горнозаводчика Мясникова, принесшей Козицкому въ приданое 2 завода и 19.000 душъ крестьянъ, казалось, обезпечивали Козицкому блестящую карьеру и счастливую жизнь, но 10 Іюля 1775 года онъ былъ уволенъ отъ должности секретаря. Козицкій впалъ въ меланхолію и въ припадкѣ этой болѣзни 21 Декабря 1775 г. нанесъ себѣ 32 раны ножомъ, отъ которыхъ и умеръ 26 Декабря.

Отъ брака съ Екатериной Ивановной Мясниковой, Козицкій имѣлъ двухъ дочерей: Анну (за княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ) и Александру (за графомъ Ив. Ст. Лаваль).

Не блистая особыми дарованіями, Козицкій былъ трудолюбивый и разносторонній ученый и хорошій знатокъ языковъ. Главные литературные труды его состояли въ переводахъ съ древнихъ и новыхъ языковъ: онъ переводилъ Овидія и Мосха, Свифта и Мармонтеля. Недалекій въ языкознаніи Сумароковъ перелагалъ на стихи прозаическіе переводы Козицкаго съ языковъ, невѣдомыхъ „Россійскому Расину". Благодаря трудамъ Козицкаго, русская литература обогащалась переводами иностранныхъ сочиненій самаго разнообразнаго, то отвлеченнаго, то практическаго содержанія, начиная съ обличавшаго исламъ „Камня Соблазна" Минятія и кончая „Нынѣшнимъ способомъ прививать оспу" Димсдаля. Въ то же время Козицкій знакомилъ иностранцевъ съ успѣхами русской науки и культуры: онъ перевелъ на латинскій языкъ нѣкоторыя разсужденія Ломоносова и „Наказъ" Екатерины, рекламируя передъ заграничной публикой ученость русскихъ профессоровъ и либеральныя начинанія просвѣщеннаго русскаго правительства. Не довольствуясь ролью переводчика, онъ выступалъ и самостоятельно, то съ изданіемъ „Древняго Лѣтописца", то съ разсужденіями на академическія темы, напримѣръ, „О пользѣ миѳологіи", а въ случаѣ надобности могъ сочинить и надпись для монумента, прославляющую подвиги войскъ Екатерины II.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

GRÉGOIRE VASSILIEWITCH KOZITZKY, 173.—1775, fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff, puis dans des universités étrangères. Nommé en 1756 lecteur de philosophie et de littérature à l'Académie des Sciences, il y devint plus tard académicien adjoint et „conseiller honoraire". Catherine II, ayant besoin d'un secrétaire personnel instruit, fixa son choix sur lui, et il fut en outre depuis 1768 secrétaire de la Commission des Requêtes à Sa Majesté.

La faveur de l'Impératrice et un mariage avec la fille du riche usinier Miasnikoff, qui apportait en dot deux usines et 19.000 têtes de paysans, semblaient assurer à Kozitzky un brillant avenir et une heureuse existence, quand, le 10 juillet 1775, il fut révoqué de ses fonctions de secrétaire. Ce fut pour lui un coup terrible: dans un accès de mélancolie, il se frappa le 21 décembre 1775 de trente-deux coups de couteau, et succomba le 26 décembre.

Il eut de son mariage avec Catherine Ivanowna Miasnikoff deux filles, Anne, mariée au prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, et Alexandrine, mariée au comte I. de Laval.

Sans rien d'extraordinaire comme talent, Kozitzky était un travailleur, un spécialiste en divers genres et un bon polyglotte; ses principales œuvres littéraires sont des traductions de langues mortes et vivantes. Il traduisit Ovide et Moschus, Swift et Marmontel; ses traductions furent adaptées en vers par Soumarokoff, car le Racine russe, lui, ne savait guère les langues. Les travaux de Kozitzky enrichirent la littérature russe de traductions des plus variées comme sujet, tant abstraites que pratiques, depuis la Pierre de la Tentation où Miniati démasque l'Islam jusqu'au Procédé actuel de vaccination de Deamsdale. D'autre part, il révéla aux étrangers les progrès de la science et de la civilisation russes, traduisant en latin des dissertations de Lomonossoff et le Nakaze de Catherine II, proclamant au delà des frontières l'érudition des professeurs russes et les tendances libérales et éclairées du gouvernement russe. Il ne fut pas seulement traducteur, mais publia également des œuvres originales, comme son édition de la Vieille Chronique et des dissertations sur des sujets donnés par l'Académie, par exemple De l'utilité de la Mythologie, et sut même à l'occasion rédiger l'inscription d'un monument élevé en souvenir des exploits des armées de Catherine II.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

68

GRÉGOIRE VASSILIEWITCH KOZITZKY, 173.—1775, fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff, puis dans des universités étrangères. Nommé en 1756 lecteur de philosophie et de littérature à l'Académie des Sciences, il y devint plus tard académicien adjoint et „conseiller honoraire". Catherine II, ayant besoin d'un secrétaire personnel instruit, fixa son choix sur lui, et il fut en outre depuis 1768 secrétaire de la Commission des Requêtes à Sa Majesté.

La faveur de l'Impératrice et un mariage avec la fille du riche usinier Miasnikoff, qui apportait en dot deux usines et 19.000 têtes de paysans, semblaient assurer à Kozitzky un brillant avenir et une heureuse existence, quand, le 10 juillet 1775, il fut révoqué de ses fonctions de secrétaire. Ce fut pour lui un coup terrible: dans un accès de mélancolie, il se frappa le 21 décembre 1775 de trente-deux coups de couteau, et succomba le 26 décembre.

Il eut de son mariage avec Catherine Ivanowna Miasnikoff deux filles, Anne, mariée au prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, et Alexandrine, mariée au comte I. de Laval.

Sans rien d'extraordinaire comme talent, Kozitzky était un travailleur, un spécialiste en divers genres et un bon polyglotte; ses principales œuvres littéraires sont des traductions de langues mortes et vivantes. Il traduisit Ovide et Moschus, Swift et Marmontel; ses traductions furent adaptées en vers par Soumarokoff, car le Racine russe, lui, ne savait guère les langues. Les travaux de Kozitzky enrichirent la littérature russe de traductions des plus variées comme sujet, tant abstraites que pratiques, depuis la Pierre de la Tentation où Miniati démasque l'Islam jusqu'au Procédé actuel de vaccination de Deamsdale. D'autre part, il révéla aux étrangers les progrès de la science et de la civilisation russes, traduisant en latin des dissertations de Lomonossoff et le Nakaze de Catherine II, proclamant au delà des frontières l'érudition des professeurs russes et les tendances libérales et éclairées du gouvernement russe. Il ne fut pas seulement traducteur, mais publia également des œuvres originales, comme son édition de la Vieille Chronique et des dissertations sur des sujets donnés par l'Académie, par exemple De l'utilité de la Mythologie, et sut même à l'occasion rédiger l'inscription d'un monument élevé en souvenir des exploits des armées de Catherine II.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

69

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ, 1730—1794, сынъ сенатора, тайнаго совѣтника Степана Ѳедоровича (р. 1703 г., † 1767 г.), отъ перваго его брака (кто была его первая жена, неизвѣстно), и братъ любимицы Екатерины II, камеръ-фрейлины графини Анны Степановны, родился 1 Іюля 1730 года.

Дослужившись до чина генералъ-поручика и званія сенатора, Протасовъ скончался 19 Іюля 1794 года. Отъ брака съ своей дальней родственницей Александрой Ивановной Протасовой (р. 1750 г., † 1782 г.), сестрой первой жены Карамзина, онъ имѣлъ пять дочерей: Александру (р. 1774 г., † 1842 г.; за княземъ А. А. Голицынымъ), Екатерину (р. 1775 г., † 1859 г.; за графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ), Варвару († дѣвицей въ 1852 г.), Вѣру († 1814 г.; за И. В. Васильчиковымъ—впослѣдствіи князь) и Анну (за графомъ В. В. Толстымъ).

Три младшія его дочери, Варвара, Вѣра и Анна (старшія были уже замужемъ), были возведены 17 Сентября 1801 года Александромъ I за заслуги тетки въ графское достоинство.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность князя С. И. Васильчикова, въ С.-Петербургѣ.)

69

ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ, 1730—1794, сынъ сенатора, тайнаго совѣтника Степана Ѳедоровича (р. 1703 г., † 1767 г.), отъ перваго его брака (кто была его первая жена, неизвѣстно), и братъ любимицы Екатерины II, камеръ-фрейлины графини Анны Степановны, родился 1 Іюля 1730 года.

Дослужившись до чина генералъ-поручика и званія сенатора, Протасовъ скончался 19 Іюля 1794 года. Отъ брака съ своей дальней родственницей Александрой Ивановной Протасовой (р. 1750 г., † 1782 г.), сестрой первой жены Карамзина, онъ имѣлъ пять дочерей: Александру (р. 1774 г., † 1842 г.; за княземъ А. А. Голицынымъ), Екатерину (р. 1775 г., † 1859 г.; за графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ), Варвару († дѣвицей въ 1852 г.), Вѣру († 1814 г.; за И. В. Васильчиковымъ—впослѣдствіи князь) и Анну (за графомъ В. В. Толстымъ).

Три младшія его дочери, Варвара, Вѣра и Анна (старшія были уже замужемъ), были возведены 17 Сентября 1801 года Александромъ I за заслуги тетки въ графское достоинство.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность князя С. И. Васильчикова, въ С.-Петербургѣ.)

69

PIERRE STÉPANOWITCH PROTASSOFF, 1730—1794, fils du sénateur et conseiller privé Stéphane Féodorowitch Protassoff (1703—1767) et de sa première femme (inconnue), et frère de la comtesse Anne Stépanowna Protassoff, demoiselle d'honneur favorite de Catherine II, naquit le 1er juillet 1730.

Il parvint au grade de général lieutenant et à la dignité de sénateur, et mourut le 19 juillet 1794. Il épousa une parente éloignée, Alexandrine Ivanowna Protassoff (1750—1782), sœur de la première femme de Karamzine, et eut d'elle cinq filles, Alexandrine (1771—1842), mariée au prince A. Golitzyne, Catherine (1775—1859), mariée au comte Th. Rostoptchine, Varvara († 1852), sans alliance, Véra († 1814), mariée à I. Vassiltchikoff, plus tard comte, et Anne, mariée au comte B. Tolstoï. Les trois plus jeunes, Varvara, Véra et Anne, les aînées étant déjà mariées, furent élevées par Alexandre Ier à la dignité de comtesses le 17 septembre 1801, en mémoire des services de leur tante.

(D'après un original d'Angélique Kaufmann appartenant au prince S. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

69

PIERRE STÉPANOWITCH PROTASSOFF, 1730—1794, fils du sénateur et conseiller privé Stéphane Féodorowitch Protassoff (1703—1767) et de sa première femme (inconnue), et frère de la comtesse Anne Stépanowna Protassoff, demoiselle d'honneur favorite de Catherine II, naquit le 1er juillet 1730.

Il parvint au grade de général lieutenant et à la dignité de sénateur, et mourut le 19 juillet 1794. Il épousa une parente éloignée, Alexandrine Ivanowna Protassoff (1750—1782), sœur de la première femme de Karamzine, et eut d'elle cinq filles, Alexandrine (1771—1842), mariée au prince A. Golitzyne, Catherine (1775—1859), mariée au comte Th. Rostoptchine, Varvara († 1852), sans alliance, Véra († 1814), mariée à I. Vassiltchikoff, plus tard comte, et Anne, mariée au comte B. Tolstoï. Les trois plus jeunes, Varvara, Véra et Anne, les aînées étant déjà mariées, furent élevées par Alexandre Ier à la dignité de comtesses le 17 septembre 1801, en mémoire des services de leur tante.

(D'après un original d'Angélique Kaufmann appartenant au prince S. Vassiltchikoff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ, 1778—186., сынъ Алексѣя Александровича отъ брака съ Анастасіей Ивановной Протасовой, свояченицей Н. М. Карамзина, родился 5 Іюня 1778 г. и получилъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николя. Записанный въ дѣтствѣ сначала въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ въ Конную гвардію, онъ поступилъ на службу въ 1797 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ и опредѣленъ въ канцелярію князя Безбородко. Въ 1798 г. Плещеевъ сопровождалъ Павла I въ его путешествіи по Россіи. Въ 1799 г. онъ женился на фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой (Вигель въ своихъ запискахъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ бракъ), вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Черни, Болховского уѣзда, Орловской губ., гдѣ сталъ вести широкій образъ жизни. Человѣкъ очень общительный, живой и веселый, Плещеевъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и мастерствомъ устраивать различныя увеселенія. У него былъ свой театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ и оркестръ. О нѣкоторыхъ его празднествахъ память долго сохранялась въ устныхъ преданіяхъ. Плещеевъ былъ связанъ тѣсной дружбой съ Жуковскимъ. Поэтъ полюбилъ „рѣдко добраго и милаго малаго“, котораго называлъ за смуглый цвѣтъ лица „негромъ“. Они писали другъ другу посланія въ стихахъ, Жуковскій—по-русски, Плещеевъ—по-французски. Онъ прекрасно зналъ русскую литературу, самъ писалъ стихи и комедіи, занимался музыкой и написалъ романсы на слова Жуковскаго, Державина, Вяземскаго (только немногіе изъ нихъ были изданы). Его комическая опера „Принужденная женитьба“ была поставлена въ Петербургѣ въ 1819 году. Плещеевъ часто игралъ въ домашнихъ спектакляхъ и отличался замѣчательной мимикой и превосходной дикціей. По словамъ Вигеля, онъ обладалъ необыкновенной способностью подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей и въ особенности мастерски умѣлъ передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. „Парижанинъ въ рѣчахъ и манерахъ“, Плещеевъ такъ много перенялъ у французовъ, что его съ перваго взгляда трудно было признать за русскаго. Вообще онъ былъ человѣкъ талантливый, но неглубокій и легкомысленный. Жену свою онъ любилъ, что не мѣшало ему ухаживать за другими женщинами. Въ 1817 г. Плещеевъ овдовѣлъ и переѣхалъ въ Петербургъ. По предложенію Жуковскаго, онъ былъ выбранъ въ члены Арзамаса, гдѣ, соотвѣтственно своей наружности, получилъ прозвище Чернаго Врана. Въ 1819 г. Плещеевъ поступилъ на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ и нѣкоторое время завѣдывалъ русской оперой и французскимъ театромъ, но черезъ годъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ директоромъ театровъ княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку. Друзья его, Жуковскій и А. И. Тургеневъ, однако, не оставляли его своимъ покровительствомъ. Благодаря имъ, слухъ о его талантахъ дошелъ до двора, и Императрица Марія Θеодоровна пригласила его въ чтецы. Въ 1821 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры. Въ 1824 г., по ходатайству А. И. Тургенева, Плещеевъ былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ 1828 г. онъ вышелъ въ отставку и вслѣдствіе этого лишился придворнаго званія, но въ 1832 г. снова поступилъ на службу по Министерству Финансовъ и въ 1845 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Неизвѣстно, когда онъ окончательно оставилъ службу.

Будучи уже немолодымъ, Плещеевъ женился вторично на полькѣ Розѣ Ринальдовнѣ. Во время своего вдовства и послѣ второго брака онъ продолжалъ устраивать роскошные праздники и предаваться разнымъ причудамъ въ своемъ имѣніи Знаменскомъ, близъ Черни. Скончался А. А. Плещеевъ въ глубокой старости; отъ перваго брака онъ имѣлъ 4 сыновей: Петра, Григорія, Алексѣя и Александра, и 2 дочерей: Марію, за Р. И. Дороховымъ, и Варвару, за Пауль; второй бракъ былъ бездѣтный.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Плещееву, въ Москвѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ, 1778—186., сынъ Алексѣя Александровича отъ брака съ Анастасіей Ивановной Протасовой, свояченицей Н. М. Карамзина, родился 5 Іюня 1778 г. и получилъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николя. Записанный въ дѣтствѣ сначала въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ въ Конную гвардію, онъ поступилъ на службу въ 1797 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ и опредѣленъ въ канцелярію князя Безбородко. Въ 1798 г. Плещеевъ сопровождалъ Павла I въ его путешествіи по Россіи. Въ 1799 г. онъ женился на фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой (Вигель въ своихъ запискахъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ бракъ), вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Черни, Болховского уѣзда, Орловской губ., гдѣ сталъ вести широкій образъ жизни. Человѣкъ очень общительный, живой и веселый, Плещеевъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и мастерствомъ устраивать различныя увеселенія. У него былъ свой театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ и оркестръ. О нѣкоторыхъ его празднествахъ память долго сохранялась въ устныхъ преданіяхъ. Плещеевъ былъ связанъ тѣсной дружбой съ Жуковскимъ. Поэтъ полюбилъ „рѣдко добраго и милаго малаго“, котораго называлъ за смуглый цвѣтъ лица „негромъ“. Они писали другъ другу посланія въ стихахъ, Жуковскій—по-русски, Плещеевъ—по-французски. Онъ прекрасно зналъ русскую литературу, самъ писалъ стихи и комедіи, занимался музыкой и написалъ романсы на слова Жуковскаго, Державина, Вяземскаго (только немногіе изъ нихъ были изданы). Его комическая опера „Принужденная женитьба“ была поставлена въ Петербургѣ въ 1819 году. Плещеевъ часто игралъ въ домашнихъ спектакляхъ и отличался замѣчательной мимикой и превосходной дикціей. По словамъ Вигеля, онъ обладалъ необыкновенной способностью подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей и въ особенности мастерски умѣлъ передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. „Парижанинъ въ рѣчахъ и манерахъ“, Плещеевъ такъ много перенялъ у французовъ, что его съ перваго взгляда трудно было признать за русскаго. Вообще онъ былъ человѣкъ талантливый, но неглубокій и легкомысленный. Жену свою онъ любилъ, что не мѣшало ему ухаживать за другими женщинами. Въ 1817 г. Плещеевъ овдовѣлъ и переѣхалъ въ Петербургъ. По предложенію Жуковскаго, онъ былъ выбранъ въ члены Арзамаса, гдѣ, соотвѣтственно своей наружности, получилъ прозвище Чернаго Врана. Въ 1819 г. Плещеевъ поступилъ на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ и нѣкоторое время завѣдывалъ русской оперой и французскимъ театромъ, но черезъ годъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ директоромъ театровъ княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку. Друзья его, Жуковскій и А. И. Тургеневъ, однако, не оставляли его своимъ покровительствомъ. Благодаря имъ, слухъ о его талантахъ дошелъ до двора, и Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила его въ чтецы. Въ 1821 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры. Въ 1824 г., по ходатайству А. И. Тургенева, Плещеевъ былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ 1828 г. онъ вышелъ въ отставку и вслѣдствіе этого лишился придворнаго званія, но въ 1832 г. снова поступилъ на службу по Министерству Финансовъ и въ 1845 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Неизвѣстно, когда онъ окончательно оставилъ службу.

Будучи уже немолодымъ, Плещеевъ женился вторично на полькѣ Розѣ Ринальдовнѣ. Во время своего вдовства и послѣ второго брака онъ продолжалъ устраивать роскошные праздники и предаваться разнымъ причудамъ въ своемъ имѣніи Знаменскомъ, близъ Черни. Скончался А. А. Плещеевъ въ глубокой старости; отъ перваго брака онъ имѣлъ 4 сыновей: Петра, Григорія, Алексѣя и Александра, и 2 дочерей: Марію, за Р. И. Дороховымъ, и Варвару, за Пауль; второй бракъ былъ бездѣтный.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Плещееву, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH PLÉCHTCHÉEFF, 1778—186., fils d'Alexis Alexandrowitch Pléchtchéeff et d'Anastasie Ivanowna, née Protassoff, belle-sœur de Karamzine, naquit le 5 juin 1778, et fit ses études à la pension de l'abbé Nicolle. Enrôlé tout enfant d'abord au régiment Préobragensky, puis à la Garde à cheval, il prit en 1797 du service au Collège des Affaires étrangères et fut affecté à la chancellerie du prince Bezborodko. En 1798, il accompagna Paul Ier dans son voyage de Russie. Il épousa en 1799, dans les circonstances que rapportent les Mémoires de Wiegel, la comtesse Anne Ivanowna Tchernycheff, demoiselle d'honneur, donna sa démission et se fixa dans son domaine patrimonial de Tcherne, près Orel, où il s'installa sur un grand pied. Sociable, animé et enjoué, il était réputé pour ses réceptions, pour son art d'organiser toute espèce de distractions, et pour son théâtre avec une troupe recrutée parmi ses paysans et un orchestre; quelques-unes de ses fêtes restèrent longtemps vivantes dans les souvenirs. Il était lié d'une étroite amitié avec Joukowsky, qui aimait bien „cet excellent garçon, d'une gentillesse rare", qu'il avait surnommé „le nègre" pour son teint bronzé. Ils échangeaient des épîtres en vers, le poète en russe, Pléchtchéeff en français. Il connaissait parfaitement la littérature russe: auteur lui-même de poésies et de comédies, il faisait de la musique et composa sur les paroles de Joukowsky, Derjavine et Viazemsky des romances, dont quelques-unes seulement furent publiées. Son opéra comique Le mariage forcé fut mis à la scène à Pétersbourg en 1819. Comme acteur, il fit souvent admirer sur des scènes privées sa remarquable mimique et son excellente diction. Il possédait, dit Wiegel, la faculté extraordinaire d'imiter la voix, les manières et la démarche, et s'entendait surtout à merveille à contrefaire les gentilshommes campagnards et leurs femmes. „Parisien dans ses propos et ses manières", il avait si bien pris le genre français, qu'au premier abord, il était difficile de le croire russe. C'était un homme de talent, mais sans profondeur ni consistance. Il aimait sa femme, ce qui ne l'empêcha pas d'en courtiser d'autres. Veuf en 1817, il vint se fixer à Pétersbourg. Elu à l'Arzamas, sur la proposition de Joukowsky, son physique l'y fit surnommer le Corbeau Noir. En 1819, il prit du service à la direction des Théâtres Impériaux et dirigea quelque temps l'opéra russe et le théâtre français, mais donna sa démission au bout d'un an à la suite de malentendus avec le prince Tufiakine, le directeur des théâtres. Pourtant ses amis, Joukowsky et A. Tourguéneff, ne l'abandonnèrent pas: ils firent connaître à la Cour ses talents, et l'Impératrice Marie Féodorowna le prit comme lecteur. En 1821, il fut fait chambellan, puis, en 1824, A. Tourguéneff le fit nommer fonctionnaire des commissions spéciales près du ministre de l'intérieur. Il donna sa démission en 1828, et perdit par suite son emploi à la Cour; rentré ensuite au service en 1832, au ministère des finances, il passa conseiller d'état en 1845. L'époque de sa retraite définitive est inconnue.

Pléchtchéeff était déjà d'un certain âge lorsqu'il épousa en secondes noces la polonaise Rose Rinaldowna. Durant son veuvage et après son second mariage, il continua à donner des fêtes somptueuses et à se livrer à toute espèce de fantaisies dans sa propriété de Znamenskoïé, près de Tcherne. Il mourut dans une vieillesse avancée; il avait eu de son premier mariage quatre fils, Pierre, Grégoire, Alexis et Alexandre, et deux filles, Marie, mariée à R. Dorokhoff, et Varvara, à Paul. Il n'eut pas d'enfants de son second mariage.

(D'après un original appartenant à A. Pléchtchéeff, Moscou.)

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH PLÉCHTCHÉEFF, 1778—186., fils d'Alexis Alexandrowitch Pléchtchéeff et d'Anastasie Ivanowna, née Protassoff, belle-sœur de Karamzine, naquit le 5 juin 1778, et fit ses études à la pension de l'abbé Nicolle. Enrôlé tout enfant d'abord au régiment Préobragensky, puis à la Garde à cheval, il prit en 1797 du service au Collège des Affaires étrangères et fut affecté à la chancellerie du prince Bezborodko. En 1798, il accompagna Paul Ier dans son voyage de Russie. Il épousa en 1799, dans les circonstances que rapportent les Mémoires de Wiegel, la comtesse Anne Ivanowna Tchernycheff, demoiselle d'honneur, donna sa démission et se fixa dans son domaine patrimonial de Tcherne, près Orel, où il s'installa sur un grand pied. Sociable, animé et enjoué, il était réputé pour ses réceptions, pour son art d'organiser toute espèce de distractions, et pour son théâtre avec une troupe recrutée parmi ses paysans et un orchestre; quelques-unes de ses fêtes restèrent longtemps vivantes dans les souvenirs. Il était lié d'une étroite amitié avec Joukowsky, qui aimait bien „cet excellent garçon, d'une gentillesse rare", qu'il avait surnommé „le nègre" pour son teint bronzé. Ils échangeaient des épîtres en vers, le poète en russe, Pléchtchéeff en français. Il connaissait parfaitement la littérature russe: auteur lui-même de poésies et de comédies, il faisait de la musique et composa sur les paroles de Joukowsky, Derjavine et Viazemsky des romances, dont quelques-unes seulement furent publiées. Son opéra comique Le mariage forcé fut mis à la scène à Pétersbourg en 1819. Comme acteur, il fit souvent admirer sur des scènes privées sa remarquable mimique et son excellente diction. Il possédait, dit Wiegel, la faculté extraordinaire d'imiter la voix, les manières et la démarche, et s'entendait surtout à merveille à contrefaire les gentilshommes campagnards et leurs femmes. „Parisien dans ses propos et ses manières", il avait si bien pris le genre français, qu'au premier abord, il était difficile de le croire russe. C'était un homme de talent, mais sans profondeur ni consistance. Il aimait sa femme, ce qui ne l'empêcha pas d'en courtiser d'autres. Veuf en 1817, il vint se fixer à Pétersbourg. Elu à l'Arzamas, sur la proposition de Joukowsky, son physique l'y fit surnommer le Corbeau Noir. En 1819, il prit du service à la direction des Théâtres Impériaux et dirigea quelque temps l'opéra russe et le théâtre français, mais donna sa démission au bout d'un an à la suite de malentendus avec le prince Tufiakine, le directeur des théâtres. Pourtant ses amis, Joukowsky et A. Tourguéneff, ne l'abandonnèrent pas: ils firent connaître à la Cour ses talents, et l'Impératrice Marie Féodorowna le prit comme lecteur. En 1821, il fut fait chambellan, puis, en 1824, A. Tourguéneff le fit nommer fonctionnaire des commissions spéciales près du ministre de l'intérieur. Il donna sa démission en 1828, et perdit par suite son emploi à la Cour; rentré ensuite au service en 1832, au ministère des finances, il passa conseiller d'état en 1845. L'époque de sa retraite définitive est inconnue.

Pléchtchéeff était déjà d'un certain âge lorsqu'il épousa en secondes noces la polonaise Rose Rinaldowna. Durant son veuvage et après son second mariage, il continua à donner des fêtes somptueuses et à se livrer à toute espèce de fantaisies dans sa propriété de Znamenskoïé, près de Tcherne. Il mourut dans une vieillesse avancée; il avait eu de son premier mariage quatre fils, Pierre, Grégoire, Alexis et Alexandre, et deux filles, Marie, mariée à R. Dorokhoff, et Varvara, à Paul. Il n'eut pas d'enfants de son second mariage.

(D'après un original appartenant à A. Pléchtchéeff, Moscou.)

71

ВАСИЛІЙ САВВИЧЪ ПЕРЕКУСИХИНЪ, 1724—1788, сынъ Саввы Ивановича, братъ любимой и довѣренной камеръ-юнгферы Екатерины II, извѣстной Марьи Саввишны, происходилъ изъ стариннаго, но небогатаго дворянскаго рода и родился 20 Февраля 1724 года. Учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ и затѣмъ, съ 1746 г., состоялъ въ немъ же комиссаромъ. Въ 1751 г. онъ былъ выпущенъ въ артиллерію капитаномъ, съ опредѣленіемъ къ работамъ по постройкѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведенный въ 1761 г. въ премьеръ-майоры, Перекусихинъ вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу, въ Канцелярію Опекунства объ иностранныхъ единовѣрцахъ. Дальнѣйшей его карьерѣ много способствовало покровительство сестры. Въ 1765 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4 Департамента Сената и занималъ эту должность до 1777 г., когда вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія вышелъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ сохраненіемъ содержанія. За время своей службы въ Сенатѣ, Перекусихинъ получилъ нѣсколько наградъ, улучшившихъ его имущественное положеніе, между прочимъ домъ въ Петербургѣ и имѣнія въ Воронежской и Нижегородской губерніяхъ. Въ 1785 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, но болѣзнь заставила его черезъ 5 лѣтъ снова выйти въ отставку; ему были сохранены пенсія и содержаніе (всего 4250 руб.). Екатерина II принимала большое участіе въ братѣ своей любимицы и знала всѣ подробности о его болѣзни. Подъ 23 Ноября 1788 г. Храповицкій занесъ въ свой дневникъ: „Разговоръ о болѣзни короля Англійскаго. Сказалъ я: у него болѣзнь короля Прусскаго.—Нѣтъ, болѣзнь Василія Саввича Перекусихина и покойнаго князя А. М. Голицына: тутъ смѣшанныя подагра, водяная и гемороиды: les médecins disent que cela est incurable“.

Въ ночь на 2 Декабря 1788 г. Перекусихинъ скончался. Сестра была въ большой горести, и Императрица ее утѣшала. „Говорили“, пишетъ Храповицкій, „о горести Маріи Саввичны, лишившейся брата вчера въ ночь. Она все крѣпилась и теперь въ отчаяніи. Приказано нужное для похоронъ взять отъ камерцалмейстера. Ходили къ ней. Плакали“. Перекусихинъ былъ пышно погребенъ на казенный счетъ въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ оставилъ одну только дочь Екатерину (р. 1772 г., † 1842 г.), бывшую въ замужствѣ за оберъ-гофмейстеромъ Ардаліономъ Александровичемъ Торсуковымъ (р. 1754 г., † 1810 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго И. А. Всеволожскому, въ С.-Петербургѣ.)

71

ВАСИЛІЙ САВВИЧЪ ПЕРЕКУСИХИНЪ, 1724—1788, сынъ Саввы Ивановича, братъ любимой и довѣренной камеръ-юнгферы Екатерины II, извѣстной Марьи Саввишны, происходилъ изъ стариннаго, но небогатаго дворянскаго рода и родился 20 Февраля 1724 года. Учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ и затѣмъ, съ 1746 г., состоялъ въ немъ же комиссаромъ. Въ 1751 г. онъ былъ выпущенъ въ артиллерію капитаномъ, съ опредѣленіемъ къ работамъ по постройкѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведенный въ 1761 г. въ премьеръ-майоры, Перекусихинъ вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу, въ Канцелярію Опекунства объ иностранныхъ единовѣрцахъ. Дальнѣйшей его карьерѣ много способствовало покровительство сестры. Въ 1765 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4 Департамента Сената и занималъ эту должность до 1777 г., когда вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія вышелъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ сохраненіемъ содержанія. За время своей службы въ Сенатѣ, Перекусихинъ получилъ нѣсколько наградъ, улучшившихъ его имущественное положеніе, между прочимъ домъ въ Петербургѣ и имѣнія въ Воронежской и Нижегородской губерніяхъ. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, но болѣзнь заставила его черезъ 5 лѣтъ снова выйти въ отставку; ему были сохранены пенсія и содержаніе (всего 4250 руб.). Екатерина II принимала большое участіе въ братѣ своей любимицы и знала всѣ подробности о его болѣзни. Подъ 23 Ноября 1788 г. Храповицкій занесъ въ свой дневникъ: „Разговоръ о болѣзни короля Англійскаго. Сказалъ я: у него болѣзнь короля Прусскаго.—Нѣтъ, болѣзнь Василія Саввича Перекусихина и покойнаго князя А. М. Голицына: тутъ смѣшанныя подагра, водяная и геморой: les médecins disent que cela est incurable".

Въ ночь на 2 Декабря 1788 г. Перекусихинъ скончался. Сестра была въ большой горести, и Императрица ее утѣшала. „Говорили", пишетъ Храповицкій, „о горести Маріи Саввичны, лишившейся брата вчера въ ночь. Она все крѣпилась и теперь въ отчаяніи. Приказано нужное для похоронъ взять отъ камерцалмейстера. Ходили къ ней. Плакали". Перекусихинъ былъ пышно погребенъ на казенный счетъ въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ оставилъ одну только дочь Екатерину (р. 1772 г., † 1842 г.), бывшую въ замужствѣ за оберъ-гофмейстеромъ Ардаліономъ Александровичемъ Торсуковымъ (р. 1754 г., † 1810 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго И. А. Всеволожскому, въ С.-Петербургѣ.)

71

BASILE SAVVITCH PÉRÉKOUSSIKHINE, 1724—1788, fils de Savva Ivanowitch Pérékoussikhine et frère de Marie Pérékoussikhine, la fameuse femme de chambre préférée et confidente de Catherine II, était d'une vieille famille noble sans fortune, et naquit le 20 février 1724. Il fit ses études au Corps des Cadets, où il fut nommé commissaire en 1746. Capitaine d'artillerie en 1751, il fut détaché à la construction du monastère Novodévitchi, puis, premier major en 1761, passa peu après au service civil, à la chancellerie de la Tutelle des orthodoxes étrangers. Sa sœur fit beaucoup pour la suite de sa carrière. Nommé en 1765 procureur général du 4e département du Sénat, il quitta ce poste en 1777 pour raisons de santé avec rang de conseiller privé et en conservant son traitement. Ses fonctions au Sénat lui valurent un certain nombre de récompenses qui améliorèrent sa situation matérielle, entre autres une maison à Pétersbourg et des propriétés dans les gouvernements de Voronèje et de Nijni-Novgorod. Sénateur en 1783, il dut, cinq ans plus tard, prendre de nouveau sa retraite pour raisons de santé; il conservait sa pension et son traitement, en tout 4250 roubles. Catherine II s'intéressait vivement au frère de sa favorite, et se fit tenir en détail au courant de sa maladie. „Parlé de la maladie du Roi d'Angleterre", note Khrapovitzky dans son Journal à la date du 23 novembre 1788, „la même, dis-je, que le Roi de Prusse. — Non, c'est celle de Pérékoussikhine et de feu le prince A. Golitzyne, un mélange de goutte, d'hydropisie et d'hémorrhoïdes: les médecins disent que cela est incurable".

La nuit du 1er au 2 décembre 1788, Pérékoussikhine mourait. Sa sœur eut un grand chagrin, et Catherine la consola: „Parlé", dit encore Khrapovitzky, „du chagrin de Marie Savvichna, qui a perdu son frère cette nuit. Elle a bien résisté, mais maintenant elle est au désespoir. Ordre de faire les obsèques aux frais de la Cour. Eté la voir. Pleuré". Il eut de somptueuses funérailles aux frais de l'Etat au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne laissait qu'une fille, Catherine (1772—1842), mariée au grand maître de la Cour Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff (1754—1810).

(D'après un original appartenant à I. Vsévolojsky, St-Pétersbourg.)

71

BASILE SAVVITCH PÉRÉKOUSSIKHINE, 1724—1788, fils de Savva Ivanowitch Pérékoussikhine et frère de Marie Pérékoussikhine, la fameuse femme de chambre préférée et confidente de Catherine II, était d'une vieille famille noble sans fortune, et naquit le 20 février 1724. Il fit ses études au Corps des Cadets, où il fut nommé commissaire en 1746. Capitaine d'artillerie en 1751, il fut détaché à la construction du monastère Novodévitchi, puis, premier major en 1761, passa peu après au service civil, à la chancellerie de la Tutelle des orthodoxes étrangers. Sa sœur fit beaucoup pour la suite de sa carrière. Nommé en 1765 procureur général du 4e département du Sénat, il quitta ce poste en 1777 pour raisons de santé avec rang de conseiller privé et en conservant son traitement. Ses fonctions au Sénat lui valurent un certain nombre de récompenses qui améliorèrent sa situation matérielle, entre autres une maison à Pétersbourg et des propriétés dans les gouvernements de Voronèje et de Nijni-Novgorod. Sénateur en 1783, il dut, cinq ans plus tard, prendre de nouveau sa retraite pour raisons de santé; il conservait sa pension et son traitement, en tout 4250 roubles. Catherine II s'intéressait vivement au frère de sa favorite, et se fit tenir en détail au courant de sa maladie. „Parlé de la maladie du Roi d'Angleterre", note Khrapovitzky dans son Journal à la date du 23 novembre 1788, „la même, dis-je, que le Roi de Prusse. — Non, c'est celle de Pérékoussikhine et de feu le prince A. Golitzyne, un mélange de goutte, d'hydropisie et d'hémorrhoïdes: les médecins disent que cela est incurable".

La nuit du 1er au 2 décembre 1788, Pérékoussikhine mourait. Sa sœur eut un grand chagrin, et Catherine la consola: „Parlé", dit encore Khrapovitzky, „du chagrin de Marie Savvichna, qui a perdu son frère cette nuit. Elle a bien résisté, mais maintenant elle est au désespoir. Ordre de faire les obsèques aux frais de la Cour. Eté la voir. Pleuré". Il eut de somptueuses funérailles aux frais de l'Etat au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne laissait qu'une fille, Catherine (1772—1842), mariée au grand maître de la Cour Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff (1754—1810).

(D'après un original appartenant à I. Vsévolojsky, St-Pétersbourg.)

БОГДАНЪ (Готгардъ-Іоганнъ) **ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ**, 1746—1825, потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, родился 10 Ноября 1746 г. и въ 1758 г. поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. поручикомъ въ Нижегородскій пѣхотный корпусъ. Произведенный за отличіе въ капитаны въ 1768 г., онъ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, отличился при Хотинѣ, Ларгѣ, Кагулѣ и Журжевѣ и получилъ чины премьеръ-майора и подполковника и орденъ св. Георгія 4-й ст.; во время Фокшанскаго конгресса Гр. Гр. Орловъ отправилъ его къ своему брату графу Алексѣю Григорьевичу, стоявшему съ флотомъ у острововъ Антипаросъ и Паксосъ „для словеснаго наставленія и диспозицій“, при чемъ поручилъ ему снять по пути отъ Рущука до Константинополя планы мѣстностей, сдѣлать чертежи укрѣпленныхъ мѣстъ и опредѣлить время, какое необходимо, чтобы пройти отъ Дуная до столицы Турціи, что и было имъ исполнено. Послѣ Турецкой войны Кноррингъ съ двумя братьями, участниками этой войны, получилъ въ аренду мызу въ Лифляндіи. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ полковники въ Псковскій карабинерный полкъ, въ 1784 г.—въ бригадиры и въ 1786 г.—въ генералъ-майоры. Въ 1788 г. Кноррингъ, состоя въ должности генералъ-квартирмейстера, успѣшно дѣйствовалъ противъ шведовъ въ Финляндіи, за что получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст.; въ 1792 г. онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, въ 1793 г. получилъ въ командованіе корпусъ въ Литвѣ, а также порученіе утвердить русско-польскую границу и очистить вновь присоединенныя области отъ польскихъ войскъ. За исполненіе этого порученія ему были пожалованы орденъ св. Анны 1-й ст. и вышеупомянутая Лифляндская мыза (совмѣстно съ братьями) безъ платежа аренды. Въ 1794 г. Кноррингъ послѣ упорнаго боя взялъ Вильну и былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Георгія 2-й ст.; въ слѣдующемъ году онъ взялъ отпускъ на годъ для устройства домашнихъ дѣлъ, но по прошествіи года, 12 Апрѣля 1796 г., совсѣмъ вышелъ въ отставку. Только черезъ 10 лѣтъ, въ Сентябрѣ 1806 г., Кноррингъ вновь поступилъ на службу, съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи; 18 Ноября того же года ему была пожалована Александровская лента. Онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Пруссію, но вскорѣ былъ отозванъ вслѣдствіе несогласій, возникшихъ у него съ Беннигсеномъ; 8 Ноября 1808 г. Кноррингъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміей. Александръ I предписалъ ему перейти по льду Ботническій заливъ и занять Стокгольмъ. Планъ этотъ казался Кноррингу слишкомъ рискованнымъ, и онъ старался оттянуть его исполненіе въ надеждѣ, что наступленіе весны сдѣлаетъ его невозможнымъ. Государь, недовольный этимъ, послалъ въ Финляндію Аракчеева, который настоялъ на исполненіи Высочайшей воли. Въ Мартѣ 1809 г. русскія войска, подъ личнымъ предводительствомъ Кнорринга, сдѣлали 150-верстный переходъ черезъ Ботническій заливъ, по пути заняли Аландскіе острова и близко подошли къ Стокгольму, гдѣ въ это время произошла революція, лишившая Густава IV престола; но Кноррингъ не докончилъ успѣшно начатаго дѣла: опасаясь быть отрѣзаннымъ, онъ черезъ нѣсколько дней согласился на предложенную герцогомъ Зюдерманландскимъ пріостановку военныхъ дѣйствій, возвратился съ арміей въ Финляндію и только на Аландскихъ островахъ оставилъ небольшой отрядъ. Александръ I былъ очень недоволенъ медленностью и нерѣшительностью Кнорринга, которому послѣ этого ничего не оставалось, какъ просить въ Апрѣлѣ объ увольненіи отъ должности. Назначенный состоять по арміи, онъ поселился въ Дерптѣ, гдѣ и прожилъ до конца жизни. Въ 1812 г. Кноррингъ просилъ разрѣшенія „принести службу свою на пользу отечества“ и получилъ повелѣніе явиться въ Петербургъ, но разстроенное здоровье и преклонный возрастъ не позволили ему принять участіе въ войнѣ. Вскорѣ онъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти единственнаго сына своего, Карла (р. 1774 г.), убитаго въ 1813 г. подъ Кульмомъ, а въ 1818 г. лишился онъ и жены Вильгельмины-Христины, рожденной Липгардтъ (р. 1754 г.). Скончался Кноррингъ 17 Декабря 1825 года.

(Съ портрета, принадлежащаго барону А. Г. Кноррингу, въ С.-Петербургѣ.)

БОГДАНЪ (Готгардтъ-Іоганнъ) **ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ**, 1746—1825, потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, родился 10 Ноября 1746 г. и въ 1758 г. поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. поручикомъ въ Нижегородскій пѣхотный корпусъ. Произведенный за отличіе въ капитаны въ 1768 г., онъ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, отличился при Хотинѣ, Ларгѣ, Кагулѣ и Журжевѣ и получилъ чины премьеръ-майора и подполковника и орденъ св. Георгія 4-й ст.; во время Фокшанскаго конгресса Гр. Гр. Орловъ отправилъ его къ своему брату графу Алексѣю Григорьевичу, стоявшему съ флотомъ у островов Антипаросъ и Паксосъ „для словеснаго наставленія и диспозицій", при чемъ поручилъ ему снять по пути отъ Рущука до Константинополя планы мѣстностей, сдѣлать чертежи укрѣпленныхъ мѣстъ и опредѣлить время, какое необходимо, чтобы пройти отъ Дуная до столицы Турціи, что и было имъ исполнено. Послѣ Турецкой войны Кноррингъ съ двумя братьями, участниками этой войны, получилъ въ аренду мызу въ Лифляндіи. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ полковники въ Псковскій карабинерный полкъ, въ 1784 г.—въ бригадиры и въ 1786 г.—въ генералъ-майоры. Въ 1788 г. Кноррингъ, состоя въ должности генералъ-квартирмейстера, успѣшно дѣйствовалъ противъ шведовъ въ Финляндіи, за что получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст.; въ 1792 г. онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, въ 1793 г. получилъ въ командованіе корпусъ въ Литвѣ, а также порученіе утвердить русско-польскую границу и очистить вновь присоединенныя области отъ польскихъ войскъ. За исполненіе этого порученія ему были пожалованы орденъ св. Анны 1-й ст. и вышеупомянутая Лифляндская мыза (совмѣстно съ братьями) безъ платежа аренды. Въ 1794 г. Кноррингъ послѣ упорнаго боя взялъ Вильну и былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Георгія 2-й ст.; въ слѣдующемъ году онъ взялъ отпускъ на годъ для устройства домашнихъ дѣлъ, но по прошествіи года, 12 Апрѣля 1796 г., совсѣмъ вышелъ въ отставку. Только черезъ 10 лѣтъ, въ Сентябрѣ 1806 г., Кноррингъ вновь поступилъ на службу, съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи; 18 Ноября того же года ему была пожалована Александровская лента. Онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Пруссію, но вскорѣ былъ отозванъ вслѣдствіе несогласій, возникшихъ у него съ Беннигсеномъ; 8 Ноября 1808 г. Кноррингъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміей. Александръ I предписалъ ему перейти по льду Ботническій заливъ и занять Стокгольмъ. Планъ этотъ казался Кноррингу слишкомъ рискованнымъ, и онъ старался оттянуть его исполненіе въ надеждѣ, что наступленіе весны сдѣлаетъ его невозможнымъ. Государь, недовольный этимъ, послалъ въ Финляндію Аракчеева, который настоялъ на исполненіи Высочайшей воли. Въ Мартѣ 1809 г. русскія войска, подъ личнымъ предводительствомъ Кнорринга, сдѣлали 150-верстный переходъ черезъ Ботническій заливъ, по пути заняли Аландскіе острова и близко подошли къ Стокгольму, гдѣ въ это время произошла революція, лишившая Густава IV престола; но Кноррингъ не докончилъ успѣшно начатаго дѣла: опасаясь быть отрѣзаннымъ, онъ черезъ нѣсколько дней согласился на предложенную герцогомъ Зюдерманландскимъ пріостановку военныхъ дѣйствій, возвратился съ арміей въ Финляндію и только на Аландскихъ островахъ оставилъ небольшой отрядъ. Александръ I былъ очень недоволенъ медленностью и нерѣшительностью Кнорринга, которому послѣ этого ничего не оставалось, какъ просить въ Апрѣлѣ объ увольненіи отъ должности. Назначенный состоять по арміи, онъ поселился въ Дерптѣ, гдѣ и прожилъ до конца жизни. Въ 1812 г. Кноррингъ просилъ разрѣшенія „принести службу свою на пользу отечества" и получилъ повелѣніе явиться въ Петербургъ, но разстроенное здоровье и преклонный возрастъ не позволили ему принять участіе въ войнѣ. Вскорѣ онъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти единственнаго сына своего, Карла (р. 1774 г.), убитаго въ 1813 г. подъ Кульмомъ, а въ 1818 г. лишился онъ и жены Вильгельмины-Христины, рожденной Липгардтъ (р. 1754 г.). Скончался Кноррингъ 17 Декабря 1825 года.

(Съ портрета, принадлежащаго барону А. Г. Кноррингу, въ С.-Петербургѣ.)

72

BOGDAN (Gothard-Jean) **FÉODOROWITCH KNORRING**, 1746—1825, descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, naquit le 10 novembre 1746, et entra en 1758 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1764 lieutenant au corps d'infanterie de Nijni-Novgorod. Promu capitaine au choix en 1768, il fit la première guerre de Turquie, où Khotine, Larga, Kagoul et Giurgevo lui valurent les grades de premier major et de lieutenant-colonel et St-Georges de 4e classe. Lors du congrès de Foksani, le comte Grégoire Orloff l'envoya à son frère le comte Alexis, en station avec sa flotte aux îles d'Antiparos et de Naxos, pour recevoir „de vive voix des instructions et dispositions", et le chargea en même temps de faire des levés sur le trajet de Rouchtchouk à Constantinople, de prendre des croquis de fortifications et de déterminer le temps nécessaire pour parcourir ce trajet: le tout fut dûment exécuté. La guerre finie, il reçut avec ses deux frères, qui l'avaient faite aussi, une ferme à bail en Livonie. Colonel en 1778 au régiment des carabiniers de Pskoff, il passa en 1784 brigadier et en 1786 général major. Quartier-maître général, ses heureuses opérations en Finlande contre les Suédois lui valurent en 1788 St-Vladimir de 2e classe. Il fit en 1792 la campagne de Pologne et reçut l'année suivante le commandement d'un corps en Lithuanie, ainsi que la mission d'établir la frontière russo-polonaise et de purger de troupes polonaises les régions récemment annexées: il fut en récompense décoré de Ste-Anne de 1re classe et libéré ainsi que ses frères de toute redevance pour sa ferme. En 1794, la prise de Vilna après un combat acharné lui valut le grade de général lieutenant et St-Georges de 2e classe. L'année suivante, il se fit donner pour affaires de famille un congé d'un an, à l'expiration duquel il prit sa retraite, le 12 avril 1796. Ce ne fut qu'au bout de dix ans, en septembre 1806, qu'il reprit du service, comme général d'infanterie; il fut décoré le 18 novembre suivant de St-Alexandre. Parti pour la campagne de Prusse, il fut bientôt rappelé en raison de dissentiments avec Bennigsen. Nommé le 8 novembre 1808 commandant en chef de l'armée de Finlande, il reçut d'Alexandre Ier l'ordre de passer sur la glace le golfe de Bothnie pour occuper Stockholm; mais l'opération lui parut risquée, et il voulut en faire traîner l'exécution jusqu'à ce que l'approche du printemps la rendît impossible. L'Empereur, mécontent, chargea Araktchéeff d'aller sur les lieux presser le mouvement. En mars 1809, les troupes russes firent sur le golfe, sous la direction personnelle de Knorring, une marche de 150 verstes, occupèrent en passant les îles d'Aland, et arrivèrent en vue de Stockholm, où s'accomplissait alors la révolution qui renversa Gustave IV. Mais Knorring ne sut pas mener à bien l'entreprise: craignant d'être coupé, il consentit au bout de quelques jours, sur la proposition du Duc de Sudermanie, à suspendre les hostilités, et ramena son armée en Finlande ne laissant qu'un faible détachement aux îles d'Aland. Sa lenteur et son indécision avaient à tel point irrité l'Empereur, qu'il ne lui resta plus qu'à donner sa démission en avril. Affecté à l'armée, il se fixa à Dorpat pour n'en plus sortir. En 1812, il demanda à „mettre son épée au service de la patrie" et reçut en conséquence l'ordre de se rendre à Pétersbourg, mais son âge et le mauvais état de sa santé ne lui permirent pas de faire campagne. Il fut cruellement éprouvé par la perte de son fils unique Charles (né 1774), tué à Kulm en 1813, puis, en 1818, par celle de sa femme Wilhelmine-Christine, née Liphardt (née 1754). Il mourut le 17 décembre 1825.

(D'après un original appartenant au baron A. Knorring, St-Pétersbourg.)

BOGDAN (Gothard-Jean) **FÉODOROWITCH KNORRING**, 1746—1825, descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, naquit le 10 novembre 1746, et entra en 1758 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1764 lieutenant au corps d'infanterie de Nijni-Novgorod. Promu capitaine au choix en 1768, il fit la première guerre de Turquie, où Khotine, Larga, Kagoul et Giurgevo lui valurent les grades de premier major et de lieutenant-colonel et St-Georges de 4e classe. Lors du congrès de Foksani, le comte Grégoire Orloff l'envoya à son frère le comte Alexis, en station avec sa flotte aux îles d'Antiparos et de Naxos, pour recevoir „de vive voix des instructions et dispositions", et le chargea en même temps de faire des levés sur le trajet de Rouchtchouk à Constantinople, de prendre des croquis de fortifications et de déterminer le temps nécessaire pour parcourir ce trajet: le tout fut dûment exécuté. La guerre finie, il reçut avec ses deux frères, qui l'avaient faite aussi, une ferme à bail en Livonie. Colonel en 1778 au régiment des carabiniers de Pskoff, il passa en 1784 brigadier et en 1786 général major. Quartier-maître général, ses heureuses opérations en Finlande contre les Suédois lui valurent en 1788 St-Vladimir de 2e classe. Il fit en 1792 la campagne de Pologne et reçut l'année suivante le commandement d'un corps en Lithuanie, ainsi que la mission d'établir la frontière russo-polonaise et de purger de troupes polonaises les régions récemment annexées: il fut en récompense décoré de Ste-Anne de 1re classe et libéré ainsi que ses frères de toute redevance pour sa ferme. En 1794, la prise de Vilna après un combat acharné lui valut le grade de général lieutenant et St-Georges de 2e classe. L'année suivante, il se fit donner pour affaires de famille un congé d'un an, à l'expiration duquel il prit sa retraite, le 12 avril 1796. Ce ne fut qu'au bout de dix ans, en septembre 1806, qu'il reprit du service, comme général d'infanterie; il fut décoré le 18 novembre suivant de St-Alexandre. Parti pour la campagne de Prusse, il fut bientôt rappelé en raison de dissentiments avec Bennigsen. Nommé le 8 novembre 1808 commandant en chef de l'armée de Finlande, il reçut d'Alexandre Ier l'ordre de passer sur la glace le golfe de Bothnie pour occuper Stockholm; mais l'opération lui parut risquée, et il voulut en faire traîner l'exécution jusqu'à ce que l'approche du printemps la rendit impossible. L'Empereur, mécontent, chargea Araktchéeff d'aller sur les lieux presser le mouvement. En mars 1809, les troupes russes firent sur le golfe, sous la direction personnelle de Knorring, une marche de 150 verstes, occupèrent en passant les îles d'Aland, et arrivèrent en vue de Stockholm, où s'accomplissait alors la révolution qui renversa Gustave IV. Mais Knorring ne sut pas mener à bien l'entreprise: craignant d'être coupé, il consentit au bout de quelques jours, sur la proposition du Duc de Sudermanie, à suspendre les hostilités, et ramena son armée en Finlande ne laissant qu'un faible détachement aux îles d'Aland. Sa lenteur et son indécision avaient à tel point irrité l'Empereur, qu'il ne lui resta plus qu'à donner sa démission en avril. Affecté à l'armée, il se fixa à Dorpat pour n'en plus sortir. En 1812, il demanda à „mettre son épée au service de la patrie" et reçut en conséquence l'ordre de se rendre à Pétersbourg, mais son âge et le mauvais état de sa santé ne lui permirent pas de faire campagne. Il fut cruellement éprouvé par la perte de son fils unique Charles (né 1774), tué à Kulm en 1813, puis, en 1818, par celle de sa femme Wilhelmine-Christine, née Liphardt (née 1754). Il mourut le 17 décembre 1825.

(D'après un original appartenant au baron A. Knorring, St-Pétersbourg.)

73

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ, 1744—18 . ., потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, братъ Богдана Ѳедоровича, родился, вѣроятно, въ 1744 году (въ 1802 г. ему было по формуляру 58 лѣтъ) и въ 1758 г., вмѣстѣ съ братомъ Богданомъ, поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. корнетомъ въ Астраханскій карабинерный полкъ. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ дошелъ до чина секундъ-майора (1771 г.), затѣмъ служилъ въ Казанскомъ кирасирскомъ и Павлоградскомъ пѣхотномъ полкахъ и Бугскомъ егерскомъ корпусѣ, участвовалъ во второй Турецкой войнѣ и за отличіе при Очаковѣ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1789 г. Кноррингъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Ингерманландскій мушкатерскій полкъ, а черезъ 2 года въ Таврическій гренадерскій; 1794 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1796 г. назначенъ шефомъ Ревельскаго мушкатерскаго полка, въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г.—въ генералъ-лейтенанты и въ 1799 г. назначенъ шефомъ Казанскаго мушкатерскаго полка и инспекторомъ Кавказской дивизіи. По воцареніи Александра I Кноррингу пришлось принять дѣятельное участіе въ присоединеніи Грузіи къ Россіи. Хотя Грузія присоединилась къ Россіи еще при Павлѣ I, его преемникъ рѣшилъ еще разсмотрѣть вопросъ о присоединеніи, которому не сочувствовалъ; Государственный Совѣтъ, наоборотъ, былъ за присоединеніе. При такихъ обстоятельствахъ Кноррингъ посланъ былъ въ Грузію, чтобы на мѣстѣ опредѣлить положеніе страны и ея потребности и безпристрастно изслѣдовать, можетъ ли она оставаться независимымъ государствомъ. Пробывъ въ Грузіи 3 недѣли, онъ представилъ докладъ, въ которомъ высказался за присоединеніе Грузіи. Такимъ образомъ Кноррингъ рѣшилъ судьбу Грузіи; ему же на долю выпало вводить русскія учрежденія во вновь присоединенной странѣ, и онъ же былъ первымъ русскимъ главнокомандующимъ Грузіи; 9 Апрѣля 1802 г. Кноррингъ торжественно въѣхалъ въ Тифлисъ и черезъ мѣсяцъ открылъ русскія присутственныя мѣста. Однако, ему не долго пришлось занимать свой высокій постъ. Онъ не только не уничтожилъ тѣхъ безпорядковъ и смутъ, прекращеніе которыхъ выставлялось главнымъ основаніемъ для присоединенія Грузіи къ Россіи, но допустилъ развиться тамъ чрезвычайному казнокрадству и взяточничеству. 11 Сентября 1802 г. Кноррингу повелѣно было состоять по арміи. Привезенный имъ въ Петербургъ проектъ реформъ не удостоился одобренія, поэтому 4 Февраля 1803 г. Кноррингъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ которомъ заявлялъ о своей невиновности: „Пораженъ симъ ударомъ, искалъ я въ себѣ причину, возбудившую Монаршую недовѣренность, но изъ глубины сердца и души передъ священнымъ престоломъ Вашимъ приношу истинное признаніе, что никакихъ причинъ къ тому не нахожу. Дерзаю помыслить, что, можетъ-быть, клевета, которая, никого не щадя, возраждаетъ всегда ненависть къ тѣмъ, кои въ вышнихъ степеняхъ и въ важныхъ должностяхъ служатъ, и ежели то такъ, то, будучи жертвою ея, лишился я всѣхъ плодовъ долговременной службы“. 9 Февраля послѣдовало увольненіе Кнорринга отъ службы. Дальнѣйшая его судьба и время смерти намъ неизвѣстны. Онъ былъ женатъ (жену его звали Варвара Владиміровна, фамилія ея неизвѣстна), но дѣтей не имѣлъ.

(Съ портрета, находящагося во дворцѣ намѣстника, въ Тифлисѣ.)

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КНОРРИНГЪ, 1744—18 . ., потомокъ древняго швабскаго рода, поселившагося въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, сынъ Адама-Фридриха († 1761 г.) отъ брака съ дочерью перваго графа Цёге-фонъ-Мантейфель, Доротеей-Елизаветой, братъ Богдана Ѳедоровича, родился, вѣроятно, въ 1744 году (въ 1802 г. ему было по формуляру 58 лѣтъ) и въ 1758 г., вмѣстѣ съ братомъ Богданомъ, поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1764 г. корнетомъ въ Астраханскій карабинерный полкъ. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ дошелъ до чина секундъ-майора (1771 г.), затѣмъ служилъ въ Казанскомъ кирасирскомъ и Павлоградскомъ пѣхотномъ полкахъ и Бугскомъ егерскомъ корпусѣ, участвовалъ во второй Турецкой войнѣ и за отличіе при Очаковѣ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1789 г. Кноррингъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Ингерманландскій мушкатерскій полкъ, а черезъ 2 года въ Таврическій гренадерскій; 1794 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1796 г. назначенъ шефомъ Ревельскаго мушкатерскаго полка, въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г.—въ генералъ-лейтенанты и въ 1799 г. назначенъ шефомъ Казанскаго мушкатерскаго полка и инспекторомъ Кавказской дивизіи. По воцареніи Александра I Кноррингу пришлось принять дѣятельное участіе въ присоединеніи Грузіи къ Россіи. Хотя Грузія присоединилась къ Россіи еще при Павлѣ I, его преемникъ рѣшилъ еще разсмотрѣть вопросъ о присоединеніи, которому не сочувствовалъ; Государственный Совѣтъ, наоборотъ, былъ за присоединеніе. При такихъ обстоятельствахъ Кноррингъ посланъ былъ въ Грузію, чтобы на мѣстѣ опредѣлить положеніе страны и ея потребности и безпристрастно изслѣдовать, можетъ ли она оставаться независимымъ государствомъ. Пробывъ въ Грузіи 3 недѣли, онъ представилъ докладъ, въ которомъ высказался за присоединеніе Грузіи. Такимъ образомъ Кноррингъ рѣшилъ судьбу Грузіи; ему же на долю выпало вводить русскія учрежденія во вновь присоединенной странѣ, и онъ же былъ первымъ русскимъ главнокомандующимъ Грузіи; 9 Апрѣля 1802 г. Кноррингъ торжественно въѣхалъ въ Тифлисъ и черезъ мѣсяцъ открылъ русскія присутственныя мѣста. Однако, ему не долго пришлось занимать свой высокій постъ. Онъ не только не уничтожилъ тѣхъ безпорядковъ и смутъ, прекращеніе которыхъ выставлялось главнымъ основаніемъ для присоединенія Грузіи къ Россіи, но допустилъ развиться тамъ чрезвычайному казнокрадству и взяточничеству. 11 Сентября 1802 г. Кноррингу повелѣно было состоять по арміи. Привезенный имъ въ Петербургъ проектъ реформъ не удостоился одобренія, поэтому 4 Февраля 1803 г. Кноррингъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ которомъ заявлялъ о своей невиновности: „Пораженъ симъ ударомъ, искалъ я въ себѣ причину, возбудившую Монаршую недовѣренность, но изъ глубины сердца и души передъ священнымъ престоломъ Вашимъ приношу истинное признаніе, что никакихъ причинъ къ тому не нахожу. Дерзаю помыслить, что, можетъ-быть, клевета, которая, никого не щадя, возраждаетъ всегда ненависть къ тѣмъ, кои въ высшихъ степеняхъ и въ важныхъ должностяхъ служатъ, и ежели то такъ, то, будучи жертвою ея, лишился я всѣхъ плодовъ долговременной службы“. 9 Февраля послѣдовало увольненіе Кнорринга отъ службы. Дальнѣйшая его судьба и время смерти намъ неизвѣстны. Онъ былъ женатъ (жену его звали Варвара Владиміровна, фамилія ея неизвѣстна), но дѣтей не имѣлъ.

(Съ портрета, находящагося во дворцѣ намѣстника, въ Тифлисѣ.)

CHARLES FÉODOROWITCH KNORRING, 1744—18.., descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, et frère de Bogdan Knorring, dut naître en 1744, ses états de service lui donnant 58 ans en 1802. Entré avec son frère au Corps des Cadets en 1758, il en sortit en 1764 cornette au régiment des carabiniers d'Astrakhan. Il fit la première guerre de Turquie et parvint en 1771 au grade de second major, passa ensuite successivement aux cuirassiers de Kazan, au régiment d'infanterie Pavlogradsky et au corps des chasseurs du Bug, et fit la seconde guerre de Turquie, où Otchakoff lui valut St-Georges de 4e classe. Colonel en 1789, il passa aux mousquetaires d'Ingermanie et deux ans après aux grenadiers de Tauride, fut promu en 1797 général major et en 1798 général lieutenant, puis nommé en 1799 chef du régiment des mousquetaires de Kazan et inspecteur de la division du Caucase. Sous le règne d'Alexandre Ier, il devait prendre une part active à la réunion de la Géorgie à la Russie. L'annexion était bien chose faite depuis Paul Ier, mais son successeur, qui, contrairement à l'avis du Conseil de l'Empire, n'en était guère partisan, tint à la remettre en question: c'est alors que Knorring fut envoyé sur les lieux avec la mission d'étudier l'état et les besoins du pays, et d'établir impartialement s'il pouvait rester indépendant. Après trois semaines de séjour, il déposa un rapport concluant à l'annexion: il se trouvait ainsi décider le sort de la Géorgie. C'est encore lui qui dut y installer l'administration russe et qui en fut le premier commandant en chef russe. Le 9 avril 1802, il fit son entrée solennelle à Tiflis, et, un mois après, inaugura les services de l'Etat. Mais il ne conserva pas longtemps son poste éminent. Non seulement il ne sut pas mettre fin aux désordres et aux troubles dont la suppression lui avait servi de motif pour proposer l'annexion, mais encore il laissa prendre des proportions considérables à la prévarication et à la concussion. Rappelé le 11 septembre 1802 pour être affecté à l'armée, il rapporta à Pétersbourg un projet de réformes qui ne fut pas adopté, et donna sa démission le 4 février 1803, en protestant de son innocence: „Frappé par ce coup, j'ai cherché en moi-même les raisons qui ont pu m'ôter la confiance de Votre Majesté, mais en mon âme et conscience, je déclare en toute sincérité aux pieds de Son Trône n'en trouver absolument aucune. Qu'il me soit permis de voir là l'œuvre de la calomnie, qui n'épargne personne et se plaît à rendre odieux quiconque occupe une situation élevée ou un poste éminent: s'il en est ainsi et que je sois sa victime, me voilà frustré de tous les fruits de ma longue carrière". Sa démission fut acceptée le 9 février. On ne sait ni ce qu'il devint ni quand il mourut. Marié à Varvara Vladimirowna, de famille inconnue, il n'eut pas d'enfants.

(D'après un original conservé au Palais du Gouvernement, à Tiflis.)

CHARLES FÉODOROWITCH KNORRING, 1744—18.., descendant d'une vieille famille de Souabe émigrée dans les provinces Baltiques au XVIe siècle, fils d'Adam-Frédéric Knorring († 1761) et de la fille, Dorothée-Elisabeth, du premier comte Zöge von Manteuffel, et frère de Bogdan Knorring, dut naître en 1744, ses états de service lui donnant 58 ans en 1802. Entré avec son frère au Corps des Cadets en 1758, il en sortit en 1764 cornette au régiment des carabiniers d'Astrakhan. Il fit la première guerre de Turquie et parvint en 1771 au grade de second major, passa ensuite successivement aux cuirassiers de Kazan, au régiment d'infanterie Pavlogradsky et au corps des chasseurs du Bug, et fit la seconde guerre de Turquie, où Otchakoff lui valut St-Georges de 4e classe. Colonel en 1789, il passa aux mousquetaires d'Ingermanie et deux ans après aux grenadiers de Tauride, fut promu en 1797 général major et en 1798 général lieutenant, puis nommé en 1799 chef du régiment des mousquetaires de Kazan et inspecteur de la division du Caucase. Sous le règne d'Alexandre Ier, il devait prendre une part active à la réunion de la Géorgie à la Russie. L'annexion était bien chose faite depuis Paul Ier, mais son successeur, qui, contrairement à l'avis du Conseil de l'Empire, n'en était guère partisan, tint à la remettre en question: c'est alors que Knorring fut envoyé sur les lieux avec la mission d'étudier l'état et les besoins du pays, et d'établir impartialement s'il pouvait rester indépendant. Après trois semaines de séjour, il déposa un rapport concluant à l'annexion: il se trouvait ainsi décider le sort de la Géorgie. C'est encore lui qui dut y installer l'administration russe et qui en fut le premier commandant en chef russe. Le 9 avril 1802, il fit son entrée solennelle à Tiflis, et, un mois après, inaugura les services de l'Etat. Mais il ne conserva pas longtemps son poste éminent. Non seulement il ne sut pas mettre fin aux désordres et aux troubles dont la suppression lui avait servi de motif pour proposer l'annexion, mais encore il laissa prendre des proportions considérables à la prévarication et à la concussion. Rappelé le 11 septembre 1802 pour être affecté à l'armée, il rapporta à Pétersbourg un projet de réformes qui ne fut pas adopté, et donna sa démission le 4 février 1803, en protestant de son innocence: „Frappé par ce coup, j'ai cherché en moi-même les raisons qui ont pu m'ôter la confiance de Votre Majesté, mais en mon âme et conscience, je déclare en toute sincérité aux pieds de Son Trône n'en trouver absolument aucune. Qu'il me soit permis de voir là l'œuvre de la calomnie, qui n'épargne personne et se plaît à rendre odieux quiconque occupe une situation élevée ou un poste éminent: s'il en est ainsi et que je sois sa victime, me voilà frustré de tous les fruits de ma longue carrière". Sa démission fut acceptée le 9 février. On ne sait ni ce qu'il devint ni quand il mourut. Marié à Varvara Vladimirowna, de famille inconnue, il n'eut pas d'enfants.

(D'après un original conservé au Palais du Gouvernement, à Tiflis.)

Князь ФАБІАНЪ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧЪ ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, 1752—1837, происходилъ изъ стариннаго германскаго рода, переселившагося въ Прибалтійскій край, и былъ сынъ капитана барона Вильгельма-Фердинанда († 1754 г.) отъ брака съ дочерью шведскаго майора Удома. Онъ родился 20 Октября 1752 г. въ Ревелѣ и, рано лишившись отца, провелъ дѣтство въ бѣдности. Образованіе Сакенъ получилъ скудное, но потомъ самъ старался о пополненіи своихъ знаній. Въ военную службу онъ поступилъ въ 1766 г. подпрапорщикомъ въ Копорскій мушкатерскій полкъ, въ 1769 г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе произведенъ въ прапорщики. Въ 1771 и 1772 гг. сражался, подъ начальствомъ Суворова, съ польскими конфедератами и нѣкоторое время состоялъ ординарцемъ при русскомъ послѣ графѣ Штакельбергѣ; съ 1785 г. служилъ въ Кадетскомъ корпусѣ, въ 1789 и 1790 гг. участвовалъ въ Турецкой войнѣ и въ 1794 г.—въ Польской, гдѣ заслужилъ золотое оружіе и чинъ полковника. Въ 1797 г. онъ произведенъ въ генералъ-майоры, а въ 1799 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Принявъ участіе въ Швейцарскомъ походѣ, Сакенъ былъ при Цюрихѣ раненъ и взятъ въ плѣнъ, за что Павелъ I уволилъ его отъ службы. По возвращеніи въ 1801 г. изъ плѣна онъ состоялъ шефомъ Петербургскаго гренадерскаго полка, въ 1805 г. командовалъ корпусомъ, въ 1806 и 1807 гг. участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ и, обвиненный Беннигсеномъ въ томъ, что при Гутштадтѣ умышленно опоздалъ и тѣмъ далъ Нею возможность уйти, былъ отданъ подъ судъ. Оправданный, въ 1812 г. Сакенъ получилъ въ командованіе корпусъ, съ которымъ дѣйствовалъ противъ отряда Шварценберга. Въ 1813 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Войдя со своимъ корпусомъ въ составъ арміи Блюхера, Сакенъ отличился при Кацбахѣ, за что получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, и при Лейпцигѣ, доставившемъ ему Георгія 2 степени. Главный виновникъ успѣха подъ Бріенномъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея, при чемъ Государь возложилъ на него свои орденскіе знаки. По окончаніи войны, Сакенъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Парижа и пріобрѣлъ здѣсь любовь населенія. Когда въ Іюнѣ 1814 г. онъ сложилъ съ себя это званіе, благодарные парижане поднесли ему карабинъ, пару пистолетовъ и золотую шпагу съ брильянтами (переданы имъ въ Московскую Оружейную Палату); національная гвардія тоже поднесла золотую шпагу, а Людовикъ XVIII пожаловалъ украшенную брильянтами табакерку со своимъ портретомъ. Въ 1818 г. Сакенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміей, главная квартира которой находилась сначала въ Могилевѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Занимая этотъ постъ, Сакенъ получилъ званія члена Государственнаго Совѣта (1818 г.) и шефа Углицкаго пѣхотнаго полка (1826 г.), чинъ фельдмаршала (1826 г.), титулы графа (1821 г.) и князя (1832 г.), орденъ св. Владиміра 1-й ст. (1830 г.) и портретъ Государя (1831 г.). Въ 1835 г. штабъ 1-й арміи былъ упраздненъ. Послѣдній годъ пребыванія Сакена въ должности главнокомандующаго былъ омраченъ распрей съ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ В. В. Левашовымъ, распространявшимъ слухи, будто Николай I желаетъ, чтобы Сакенъ оставилъ свое мѣсто, такъ какъ онъ стѣсняетъ Государя въ его распоряженіяхъ. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, немедленно уволилъ Левашова. Упразднивъ 1-ю армію, Государь пригласилъ Сакена въ Петербургъ, чтобы „пользоваться его личными совѣтами и опытностью", предложилъ помѣщеніе во дворцѣ и сохранилъ ему все содержаніе (84/т. рублей), но Сакенъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ, гдѣ и скончался 7 Апрѣля 1837 г.; погребенъ онъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Князь Ф. В. Сакенъ соединялъ съ знаніемъ военнаго дѣла, опытностью и умомъ чрезвычайную храбрость и предпріимчивость. Вообще обходительный съ подчиненными, онъ былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ. Даже въ преклонномъ возрастѣ онъ, по отзыву Н. Н. Муравьева, „при всей дряхлости своей, въ дарованіяхъ и правилахъ своихъ далеко превосходилъ всѣхъ первѣйшихъ людей въ государствѣ". Въ частной жизни Сакенъ отличался веселымъ нравомъ, любезностью и остроуміемъ. Долгое время онъ оставался бодрымъ и веселымъ старикомъ, большимъ любителемъ прекраснаго пола; въ 1814 г. онъ былъ у ногъ прекрасныхъ парижанокъ, и Беранже въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ о немъ: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre". Сакенъ не былъ женатъ, но имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, о которыхъ очень заботился. Одинъ изъ сыновей его, Гостомиловъ, дослужился до чина генералъ-майора, а младшая дочь, Екатерина Фабіановна Сакенъ († около 1872 г.), была замужемъ за Генрихомъ Андреевичемъ Бо (Baud), однимъ изъ его адъютантовъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Князь ФАБІАНЪ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧЪ ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, 1752—1837, происходилъ изъ стариннаго германскаго рода, переселившагося въ Прибалтійскій край, и былъ сынъ капитана барона Вильгельма-Фердинанда († 1754 г.) отъ брака съ дочерью шведскаго майора Удома. Онъ родился 20 Октября 1752 г. въ Ревелѣ и, рано лишившись отца, провелъ дѣтство въ бѣдности. Образованіе Сакенъ получилъ скудное, но потомъ самъ старался о пополненіи своихъ знаній. Въ военную службу онъ поступилъ въ 1766 г. подпрапорщикомъ въ Копорскій мушкатерскій полкъ, въ 1769 г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе произведенъ въ прапорщики. Въ 1771 и 1772 гг. сражался, подъ начальствомъ Суворова, съ польскими конфедератами и нѣкоторое время состоялъ ординарцемъ при русскомъ послѣ графѣ Штакельбергѣ; съ 1785 г. служилъ въ Кадетскомъ корпусѣ, въ 1789 и 1790 гг. участвовалъ въ Турецкой войнѣ и въ 1794 г.—въ Польской, гдѣ заслужилъ золотое оружіе и чинъ полковника. Въ 1797 г. онъ произведенъ въ генералъ-майоры, а въ 1799 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Принявъ участіе въ Швейцарскомъ походѣ, Сакенъ былъ при Цюрихѣ раненъ и взятъ въ плѣнъ, за что Павелъ I уволилъ его отъ службы. По возвращеніи въ 1801 г. изъ плѣна онъ состоялъ шефомъ Петербургскаго гренадерскаго полка, въ 1805 г. командовалъ корпусомъ, въ 1806 и 1807 гг. участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ и, обвиненный Беннигсеномъ въ томъ, что при Гутштадтѣ умышленно опоздалъ и тѣмъ далъ Нею возможность уйти, былъ отданъ подъ судъ. Оправданный, въ 1812 г. Сакенъ получилъ въ командованіе корпусъ, съ которымъ дѣйствовалъ противъ отряда Шварценберга. Въ 1813 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Войдя со своимъ корпусомъ въ составъ арміи Блюхера, Сакенъ отличился при Кацбахѣ, за что получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, и при Лейпцигѣ, доставившемъ ему Георгія 2 степени. Главный виновникъ успѣха подъ Бріенномъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея, при чемъ Государь возложилъ на него свои орденскіе знаки. По окончаніи войны, Сакенъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Парижа и пріобрѣлъ здѣсь любовь населенія. Когда въ Іюнѣ 1814 г. онъ сложилъ съ себя это званіе, благодарные парижане поднесли ему карабинъ, пару пистолетовъ и золотую шпагу съ брильянтами (переданы имъ въ Московскую Оружейную Палату); національная гвардія тоже поднесла золотую шпагу, а Людовикъ XVIII пожаловалъ украшенную брильянтами табакерку со своимъ портретомъ. Въ 1818 г. Сакенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміей, главная квартира которой находилась сначала въ Могилевѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Занимая этотъ постъ, Сакенъ получилъ званія члена Государственнаго Совѣта (1818 г.) и шефа Углицкаго пѣхотнаго полка (1826 г.), чинъ фельдмаршала (1826 г.), титулы графа (1821 г.) и князя (1832 г.), орденъ св. Владиміра 1-й ст. (1830 г.) и портретъ Государя (1831 г.). Въ 1835 г. штабъ 1-й арміи былъ упраздненъ. Послѣдній годъ пребыванія Сакена въ должности главнокомандующаго былъ омраченъ распрей съ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ В. В. Левашовымъ, распространявшимъ слухи, будто Николай I желаетъ, чтобы Сакенъ оставилъ свое мѣсто, такъ какъ онъ стѣсняетъ Государя въ его распоряженіяхъ. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, немедленно уволилъ Левашова. Упразднивъ 1-ю армію, Государь пригласилъ Сакена въ Петербургъ, чтобы „пользоваться его личными совѣтами и опытностью“, предложилъ помѣщеніе во дворцѣ и сохранилъ ему все содержаніе (84/т. рублей), но Сакенъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ, гдѣ и скончался 7 Апрѣля 1837 г.; погребенъ онъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Князь Ф. В. Сакенъ соединялъ съ знаніемъ военнаго дѣла, опытностью и умомъ чрезвычайную храбрость и предпріимчивость. Вообще обходительный съ подчиненными, онъ былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ. Даже въ преклонномъ возрастѣ онъ, по отзыву Н. Н. Муравьева, „при всей дряхлости своей, въ дарованіяхъ и правилахъ своихъ далеко превосходилъ всѣхъ первѣйшихъ людей въ государствѣ“. Въ частной жизни Сакенъ отличался веселымъ нравомъ, любезностью и остроуміемъ. Долгое время онъ оставался бодрымъ и веселымъ старикомъ, большимъ любителемъ прекраснаго пола; въ 1814 г. онъ былъ у ногъ прекрасныхъ парижанокъ, и Беранже въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ о немъ: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre“. Сакенъ не былъ женатъ, но имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, о которыхъ очень заботился. Одинъ изъ сыновей его, Гостомиловъ, дослужился до чина генералъ-майора, а младшая дочь, Екатерина Фабіановна Сакенъ († около 1872 г.), была замужемъ за Генрихомъ Андреевичемъ Бо (Baud), однимъ изъ его адъютантовъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

Le prince FABIEN WILHELMOWITCH OSTEN-SACKEN, 1752—1837, d'une vieille famille allemande émigrée dans les provinces Baltiques, était fils du baron Wilhelm-Ferdinand Osten-Sacken († 1754), capitaine, et de la fille du major suédois Udom. Né le 20 octobre 1752 à Revel, il perdit son père de bonne heure, passa son enfance dans la pauvreté, et ne reçut qu'une instruction médiocre, dont il s'efforça plus tard de combler seul les lacunes. Enrôlé en 1766 porte-enseigne au régiment des mousquetaires de Koporié, il fit en 1769 la guerre de Turquie, qui lui valut la 1re classe du grade. En 1771/1772, il fit campagne sous les ordres de Souvoroff contre les confédérés polonais, et fut quelque temps attaché à l'ambassadeur de Russie, le comte Stackelberg. Il fut ensuite affecté au Corps des Cadets en 1785, puis fit en 1789/1790 la guerre de Turquie, et en 1794 celle de Pologne, qui lui valut une épée d'or et le grade de colonel. Général major en 1797, général lieutenant en 1799, il fut blessé et fait prisonnier à Zurich, ce qui le fit mettre en disponibilité par Paul Ier. A sa libération, en 1801, il devint chef du régiment des grenadiers de St-Pétersbourg, commanda un corps en 1805, fit en 1806/1807 la guerre contre Napoléon, et, accusé par Bennigsen d'avoir à Gutstadt, par des lenteurs volontaires, donné à Ney le temps d'échapper, fut traduit devant un conseil de guerre, qui l'acquitta. En 1812, il reçut le commandement d'un corps, avec lequel il opéra contre Schwartzenberg, et obtint l'année suivante l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'armée de Blücher, à laquelle son corps fut affecté, il gagna à Katzbach le grade de général d'infanterie et à Leipzig St-Georges de 2e classe. Principal auteur du succès de Brienne, il fut décoré de St-André, dont l'Empereur détacha les insignes de sa propre poitrine pour l'en revêtir. La guerre finie, il fut nommé gouverneur de Paris, et sut y gagner l'affection des habitants, qui lui offrirent en signe de reconnaissance à son départ, en juin 1814, une carabine, une paire de pistolets et une épée d'or enrichie de brillants, dont il fit don à l'Oroujéinaïa Palata de Moscou; la garde nationale lui offrit également une épée d'or, et Louis XVIII lui remit une tabatière enrichie de diamants avec son portrait. Nommé en 1818 commandant en chef de la 1re armée, dont le quartier général fut d'abord à Mohileff, puis à Kieff, il obtint à ce poste les dignités de membre du Conseil de l'Empire (1818) et de chef du régiment d'infanterie d'Ouglitch (1826), le rang de feld-maréchal (1826), les titres de comte (1821) et de prince (1832), l'ordre de St-Vladimir de 1re classe (1830) et le portrait de l'Empereur (1831). En 1835, l'état-major de la 1re armée fut supprimé. La dernière année qu'il y passa fut assombrie par ses démêlés avec le comte Lévachoff, gouverneur militaire de la ville, qui mit en circulation un bruit attribuant à Nicolas Ier, soi-disant contrarié par Osten-Sacken dans ses dispositions, le désir de le voir se retirer. C'est alors que l'Empereur révoqua le gouverneur, licencia la 1re armée et proposa à Osten-Sacken de venir à Pétersbourg „lui donner l'assistance de ses conseils personnels et de son expérience", avec un appartement au Palais et son traitement intégral (84.000 roubles); mais il préféra rester à Kieff, où il mourut le 7 avril 1837 et fut inhumé au monastère Pétchersk.

Officier de grand savoir, d'une expérience consommée et de beaucoup de tête, le prince Osten-Sacken était en outre des plus braves et des plus entreprenants. Son affabilité avec ses subordonnés ne l'empêchait pas d'être sévère et exigeant dans le service. Même à un âge avancé, dit N. Mouravieff, „tout délabré qu'il était, il restait intellectuellement et moralement bien supérieur aux hommes les plus haut placés de l'Empire". Comme particulier, il était rempli de bonne humeur, d'amabilité et d'esprit. Il conserva longtemps une verte et joviale vieillesse, fort entreprenante près du beau sexe; en 1814, il était aux pieds des belles parisiennes, et Béranger dit dans une de ses chansons: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre". Sans être marié, il avait plusieurs enfants, dont il prenait grand soin. Un de ses fils, Gostomiloff, parvint au grade de général major, et sa fille cadette, Catherine Fabianowna Sacken († vers 1872), épousa un de ses aides de camp, Henri Baud.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le prince **FABIEN WILHELMOWITCH OSTEN-SACKEN**, 1752—1837, d'une vieille famille allemande émigrée dans les provinces Baltiques, était fils du baron Wilhelm-Ferdinand Osten-Sacken († 1754), capitaine, et de la fille du major suédois Udom. Né le 20 octobre 1752 à Rével, il perdit son père de bonne heure, passa son enfance dans la pauvreté, et ne reçut qu'une instruction médiocre, dont il s'efforça plus tard de combler seul les lacunes. Enrôlé en 1766 porte-enseigne au régiment des mousquetaires de Koporié, il fit en 1769 la guerre de Turquie, qui lui valut la 1re classe du grade. En 1771/1772, il fit campagne sous les ordres de Souvoroff contre les confédérés polonais, et fut quelque temps attaché à l'ambassadeur de Russie, le comte Stackelberg. Il fut ensuite affecté au Corps des Cadets en 1785, puis fit en 1789/1790 la guerre de Turquie, et en 1794 celle de Pologne, qui lui valut une épée d'or et le grade de colonel. Général major en 1797, général lieutenant en 1799, il fut blessé et fait prisonnier à Zurich, ce qui le fit mettre en disponibilité par Paul Ier. A sa libération, en 1801, il devint chef du régiment des grenadiers de St-Pétersbourg, commanda un corps en 1805, fit en 1806/1807 la guerre contre Napoléon, et, accusé par Bennigsen d'avoir à Gutstadt, par des lenteurs volontaires, donné à Ney le temps d'échapper, fut traduit devant un conseil de guerre, qui l'acquitta. En 1812, il reçut le commandement d'un corps, avec lequel il opéra contre Schwartzenberg, et obtint l'année suivante l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'armée de Blücher, à laquelle son corps fut affecté, il gagna à Katzbach le grade de général d'infanterie et à Leipzig St-Georges de 2e classe. Principal auteur du succès de Brienne, il fut décoré de St-André, dont l'Empereur détacha les insignes de sa propre poitrine pour l'en revêtir. La guerre finie, il fut nommé gouverneur de Paris, et sut y gagner l'affection des habitants, qui lui offrirent en signe de reconnaissance à son départ, en juin 1814, une carabine, une paire de pistolets et une épée d'or enrichie de brillants, dont il fit don à l'Oroujéinaïa Palata de Moscou; la garde nationale lui offrit également une épée d'or, et Louis XVIII lui remit une tabatière enrichie de diamants avec son portrait. Nommé en 1818 commandant en chef de la 1re armée, dont le quartier général fut d'abord à Mohileff, puis à Kieff, il obtint à ce poste les dignités de membre du Conseil de l'Empire (1818) et de chef du régiment d'infanterie d'Ouglitch (1826), le rang de feld-maréchal (1826), les titres de comte (1821) et de prince (1832), l'ordre de St-Vladimir de 1re classe (1830) et le portrait de l'Empereur (1831). En 1835, l'état-major de la 1re armée fut supprimé. La dernière année qu'il y passa fut assombrie par ses démêlés avec le comte Lévachoff, gouverneur militaire de la ville, qui mit en circulation un bruit attribuant à Nicolas Ier, soi-disant contrarié par Osten-Sacken dans ses dispositions, le désir de le voir se retirer. C'est alors que l'Empereur révoqua le gouverneur, licencia la 1re armée et proposa à Osten-Sacken de venir à Pétersbourg „lui donner l'assistance de ses conseils personnels et de son expérience", avec un appartement au Palais et son traitement intégral (84.000 roubles); mais il préféra rester à Kieff, où il mourut le 7 avril 1837 et fut inhumé au monastère Pétchersk.

Officier de grand savoir, d'une expérience consommée et de beaucoup de tête, le prince Osten-Sacken était en outre des plus braves et des plus entreprenants. Son affabilité avec ses subordonnés ne l'empêchait pas d'être sévère et exigeant dans le service. Même à un âge avancé, dit N. Mouravieff, „tout délabré qu'il était, il restait intellectuellement et moralement bien supérieur aux hommes les plus haut placés de l'Empire". Comme particulier, il était rempli de bonne humeur, d'amabilité et d'esprit. Il conserva longtemps une verte et joviale vieillesse, fort entreprenante près du beau sexe; en 1814, il était aux pieds des belles parisiennes, et Béranger dit dans une de ses chansons: „Et ce bon Monsieur Sakin au cœur si tendre". Sans être marié, il avait plusieurs enfants, dont il prenait grand soin. Un de ses fils, Gostomiloff, parvint au grade de général major, et sa fille cadette, Catherine Fabianowna Sacken († vers 1872), épousa un de ses aides de camp, Henri Baud.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

75

Графъ **КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ЛАМБЕРТЪ**, 1772—1843, родомъ французъ; отецъ его покинулъ родину во время революціи и состоялъ при графѣ Прованскомъ (Людовикѣ XVIII); старшій его братъ, Морицъ, поступилъ на русскую службу и былъ убитъ при Дубенкѣ въ 1792 году. Послѣ его смерти Императрица Екатерина II предложила старику отцу перейти на службу въ Россію вмѣстѣ со вторымъ сыномъ Карломъ. Они приняли предложеніе Ея Величества, и Карлъ Ламбертъ поступилъ въ 1793 г. секундъ-майоромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, участвовалъ въ корпусѣ Ферзена въ Польской кампаніи, былъ на штурмѣ Праги, заслужилъ орденъ св. Георгія 4 ст., а въ 1799 году, будучи въ войскахъ Римскаго-Корсакова, совершилъ походъ въ Швейцарію. Здѣсь, въ сраженіи подъ Цюрихомъ, 14 Сентября 1799 г., Ламбертъ былъ раненъ пулей въ ногу, произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ шефомъ Рязанскаго кирасирскаго полка, но въ слѣдующемъ году внезапно уволенъ отъ службы, какъ это часто случалось при Императорѣ Павлѣ I. По вступленіи на престолъ Императора Александра I, графъ Карлъ Ламбертъ былъ назначенъ командиромъ Елизаветградскаго гусарскаго полка. Кампаніи 1806 и 1807 гг. дали случай графу показать свои боевыя способности, въ корпусѣ графа Остермана и подъ начальствомъ Багговута, въ кровавыхъ бояхъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ. Ордена св. Георгія 3 ст., Владиміра 3 ст. и Анны 1 ст. были наградами его за эти дѣла. Въ 1811 году Государь сдѣлалъ Ламберта своимъ генералъ-адъютантомъ и далъ ему 5 кавалерійскую дивизію. Въ 1812 г. Ламбертъ находился въ 3 арміи Тормасова и принялъ участіе въ рядѣ блестящихъ кавалерійскихъ дѣлъ: при Кобринѣ, Пружанахъ, Городечнѣ, Кайданахъ, Борисовѣ и при переправѣ черезъ Березину. Въ дѣлѣ подъ Борисовымъ графъ былъ серіозно раненъ и весь 1813 годъ провелъ въ лѣченіи. Чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Владиміра 2 ст. были наградами его за эту кампанію. Въ 1814 году Ламбертъ былъ подъ стѣнами Парижа и на парадѣ близъ Вертю, во главѣ своей 2 гусарской дивизіи. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ онъ получилъ 5 резервный кавалерійскій корпусъ, былъ награжденъ чиномъ генерала-отъ-кавалеріи, орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазами и св. Владиміра 1 ст., а въ 1826 г. назначенъ сенаторомъ. Активной роли въ рядахъ войска онъ болѣе не игралъ, страдая часто отъ полученныхъ ранъ.

Графъ К. О. Ламбертъ былъ отличнымъ кавалерійскимъ генераломъ; на службѣ всегда вѣжливый, въ жизни ласковый, онъ давалъ замѣтить въ себѣ француза старой школы. Онъ скончался въ имѣніи брата, въ Полтавской губерніи, 30 Мая 1843 года, оставивъ 3 сыновей, изъ которыхъ младшій, Карлъ (р. 1815 г., † 1865 г.), былъ намѣстникомъ въ Польшѣ въ дни Александра II, затѣмъ были еще: Осипъ (р. 1809 г.) и Петръ (1814 г.), и 2 дочерей: Александру (р. 1808 г.) и Марію (р. 1816 г.).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

75

Графъ **КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ЛАМБЕРТЪ**, 1772—1843, родомъ французъ; отецъ его покинулъ родину во время революціи и состоялъ при графѣ Прованскомъ (Людовикѣ XVIII); старшій его братъ, Морицъ, поступилъ на русскую службу и былъ убитъ при Дубенкѣ въ 1792 году. Послѣ его смерти Императрица Екатерина II предложила старику отцу перейти на службу въ Россію вмѣстѣ со вторымъ сыномъ Карломъ. Они приняли предложеніе Ея Величества, и Карлъ Ламбертъ поступилъ въ 1793 г. секундъ-майоромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, участвовалъ въ корпусѣ Ферзена въ Польской кампаніи, былъ на штурмѣ Праги, заслужилъ орденъ св. Георгія 4 ст., а въ 1799 году, будучи въ войскахъ Римскаго-Корсакова, совершилъ походъ въ Швейцарію. Здѣсь, въ сраженіи подъ Цюрихомъ, 14 Сентября 1799 г., Ламбертъ былъ раненъ пулей въ ногу, произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ шефомъ Рязанскаго кирасирскаго полка, но въ слѣдующемъ году внезапно уволенъ отъ службы, какъ это часто случалось при Императорѣ Павлѣ I. По вступленіи на престолъ Императора Александра I, графъ Карлъ Ламбертъ былъ назначенъ командиромъ Елизаветградскаго гусарскаго полка. Кампаніи 1806 и 1807 гг. дали случай графу показать свои боевыя способности, въ корпусѣ графа Остермана и подъ начальствомъ Багговута, въ кровавыхъ бояхъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ. Ордена св. Георгія 3 ст., Владиміра 3 ст. и Анны 1 ст. были наградами его за эти дѣла. Въ 1811 году Государь сдѣлалъ Ламберта своимъ генералъ-адъютантомъ и далъ ему 5 кавалерійскую дивизію. Въ 1812 г. Ламбертъ находился въ 3 арміи Тормасова и принялъ участіе въ рядѣ блестящихъ кавалерійскихъ дѣлъ: при Кобринѣ, Пружанахъ, Городечнѣ, Кайданахъ, Борисовѣ и при переправѣ черезъ Березину. Въ дѣлѣ подъ Борисовымъ графъ былъ серіозно раненъ и весь 1813 годъ провелъ въ лѣченіи. Чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Владиміра 2 ст. были наградами его за эту кампанію. Въ 1814 году Ламбертъ былъ подъ стѣнами Парижа и на парадѣ близъ Вертю, во главѣ своей 2 гусарской дивизіи. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ онъ получилъ 5 резервный кавалерійскій корпусъ, былъ награжденъ чиномъ генерала-отъ-кавалеріи, орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазами и св. Владиміра 1 ст., а въ 1826 г. назначенъ сенаторомъ. Активной роли въ рядахъ войска онъ болѣе не игралъ, страдая часто отъ полученныхъ ранъ.

Графъ К. О. Ламбертъ былъ отличнымъ кавалерійскимъ генераломъ; на службѣ всегда вѣжливый, въ жизни ласковый, онъ давалъ замѣтить въ себѣ француза старой школы. Онъ скончался въ имѣніи брата, въ Полтавской губерніи, 30 Мая 1843 года, оставивъ 3 сыновей, изъ которыхъ младшій, Карлъ (р. 1815 г., † 1865 г.), былъ намѣстникомъ въ Польшѣ въ дни Александра II, затѣмъ были еще: Осипъ (р. 1809 г.) и Петръ (1814 г.), и 2 дочерей: Александру (р. 1808 г.) и Марію (р. 1816 г.).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le comte CHARLES OSSIPOWITCH LAMBERT, 1772—1843, français de naissance, dont le père émigra à la Révolution avec le comte de Provence (Louis XVIII). A la mort de son frère aîné, Maurice, entré au service russe et tué à Doubenka en 1792, le vieux père, sur la proposition de l'Impératrice Catherine II, prit avec son second fils du service en Russie. Enrôlé en 1793 second major aux dragons de Kinburn, Charles Lambert fit la campagne de Pologne au corps de Fersen, assista à la prise de Varsovie et fut décoré de St-Georges de 4e classe. En 1799, sous les ordres de Rimsky-Korsakoff, il fit la campagne de Suisse et reçut une balle dans la jambe à Zurich, le 14 septembre 1799, mais, promu général major et nommé chef des cuirâssiers de Riazan, il dut, l'année suivante, quitter le service comme beaucoup d'autres, disgracié sans raison par l'Empereur Paul. Alexandre Ier le nomma à son avènement commandant du régiment des hussards d'Elisavetgrad, et la campagne de 1806/1807 lui permit de déployer ses talents, au corps du comte Ostermann, et sous les ordres de Baggovout, à Pultusk, Eylau et Friedland; cette campagne lui valut St-Georges et St-Vladimir de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe. En 1811, l'Empereur le nomma aide de camp général et lui confia le commandement de la 5e division de cavalerie. Pendant la guerre de 1812, à la 3e armée de Tormassoff, il se distingua dans une série de brillantes affaires de cavalerie, à Kobrin, Proujany, Gorodetchna, Kaïdany, Borissoff, et au passage de la Bérézina, mais, grièvement blessé au combat de Borissoff, resta en traitement toute l'année 1813; cette campagne lui valut le grade de général lieutenant et St-Vladimir de 2e classe. On le trouve ensuite sous les murs de Paris en 1814, puis à la revue de Vertus à la tête de la 2e division de hussards. A la paix, il reçut le 5e corps de cavalerie de réserve, le grade de général de cavalerie, St-Alexandre Newsky en diamants et St-Vladimir de 1re classe, puis, en 1826, fut nommé sénateur; ses blessures l'avaient obligé à quitter le service actif.

Le comte Lambert passait pour un excellent officier de cavalerie; toujours courtois dans le service, aimable en société, c'était le type du français de l'ancien régime. Il mourut chez son frère, au gouvernement de Poltava, le 30 mai 1843, laissant trois fils, Charles (1815—1865), le plus jeune, général gouverneur sous Alexandre II en Pologne, Joseph (né 1809) et Pierre (né 1814), et deux filles, Alexandrine (née 1808) et Marie (née 1816).

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

75

Le comte **CHARLES OSSIPOWITCH LAMBERT**, 1772—1843, français de naissance, dont le père émigra à la Révolution avec le comte de Provence (Louis XVIII). A la mort de son frère aîné, Maurice, entré au service russe et tué à Doubenka en 1792, le vieux père, sur la proposition de l'Impératrice Catherine II, prit avec son second fils du service en Russie. Enrôlé en 1793 second major aux dragons de Kinburn, Charles Lambert fit la campagne de Pologne au corps de Fersen, assista à la prise de Varsovie et fut décoré de St-Georges de 4e classe. En 1799, sous les ordres de Rimsky-Korsakoff, il fit la campagne de Suisse et reçut une balle dans la jambe à Zurich, le 14 septembre 1799, mais, promu général major et nommé chef des cuirassiers de Riazan, il dut, l'année suivante, quitter le service comme beaucoup d'autres, disgracié sans raison par l'Empereur Paul. Alexandre Ier le nomma à son avènement commandant du régiment des hussards d'Elisavetgrad, et la campagne de 1806/1807 lui permit de déployer ses talents, au corps du comte Ostermann, et sous les ordres de Baggovout, à Pultusk, Eylau et Friedland; cette campagne lui valut St-Georges et St-Vladimir de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe. En 1811, l'Empereur le nomma aide de camp général et lui confia le commandement de la 5e division de cavalerie. Pendant la guerre de 1812, à la 3e armée de Tormassoff, il se distingua dans une série de brillantes affaires de cavalerie, à Kobrin, Proujany, Gorodetchna, Kaïdany, Borissoff, et au passage de la Bérézina, mais, grièvement blessé au combat de Borissoff, resta en traitement toute l'année 1813; cette campagne lui valut le grade de général lieutenant et St-Vladimir de 2e classe. On le trouve ensuite sous les murs de Paris en 1814, puis à la revue de Vertus à la tête de la 2e division de hussards. A la paix, il reçut le 5e corps de cavalerie de réserve, le grade de général de cavalerie, St-Alexandre Newsky en diamants et St-Vladimir de 1re classe, puis, en 1826, fut nommé sénateur; ses blessures l'avaient obligé à quitter le service actif.

Le comte Lambert passait pour un excellent officier de cavalerie; toujours courtois dans le service, aimable en société, c'était le type du français de l'ancien régime. Il mourut chez son frère, au gouvernement de Poltava, le 30 mai 1843, laissant trois fils, Charles (1815—1865), le plus jeune, général gouverneur sous Alexandre II en Pologne, Joseph (né 1809) et Pierre (né 1814), et deux filles, Alexandrine (née 1808) et Marie (née 1816).

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШЕЛЕХОВЪ, 1748—1795, сынъ Рыльскаго купца, несмотря на полуобразованную купеческую среду, въ которой вращался, съ ранней юности отличался любовью къ чтенію и постоянно мечталъ о путешествіяхъ. Начало его дѣятельности относится къ 1772 году, когда, проѣхавъ всю Сибирь, онъ достигъ Охотска и здѣсь, ознакомившись съ мѣстнымъ промысломъ, вступилъ въ дѣло съ нѣсколькими промышленниками и сталъ снаряжать экспедиціи къ берегамъ Сѣверной Америки и на Курильскіе острова. Въ началѣ 1780-хъ годовъ, вмѣстѣ съ двумя братьями Голиковыми, Шелеховъ создаетъ первую въ Россіи промышленную компанію на паяхъ и, построивъ въ Охотскѣ три судна (галіоты), съ товарищами и женой, отправляется въ экспедицію для изслѣдованія неизвѣстныхъ острововъ. На островѣ Кадьякѣ Шелехову пришлось съ оружіемъ въ рукахъ вести борьбу съ туземцами—конячами. Смѣлымъ натискомъ онъ овладѣлъ ихъ укрѣпленіемъ и, получивъ въ глазахъ ихъ обаяніе непобѣдимости, въ концѣ концовъ заслужилъ ихъ довѣріе и дружбу, вслѣдствіе чего обратилъ даже многихъ въ христіанство. Затѣмъ имъ выстроены были укрѣпленія на островѣ Афогнакѣ и въ Келайской губѣ. Вернувшись въ 1782 году въ Иркутскъ съ большими запасами пушного товара и получивъ большіе барыши, Шелеховъ своею энергіей и предпріимчивостью обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго генералъ-губернатора, который послалъ о его дѣйствіяхъ подробное донесеніе Императрицѣ. Въ результатѣ компаніи Шелехова дарованы обширныя права и привилегіи, а его самого Государыня наградила золотой медалью и шпагою. Изъ казны ему было отпущено 200/т. рублей, на 20 лѣтъ, безъ процентовъ. Расширивъ свою дѣятельность и основавъ еще нѣсколько промышленныхъ компаній, онъ пригласилъ для управленія столь обширнымъ предпріятіемъ выдающагося по уму и энергіи русскаго человѣка—Каргопольскаго купца Баранова. Въ 1790 году Шелеховъ снаряжаетъ экспедицію въ Сѣверную Америку и, при участіи Баранова, полагаетъ начало Русскимъ Сѣверо-Американскимъ владѣніямъ, основываетъ городъ Ново-Архангельскъ и налаживаетъ то огромное и важное для Россіи дѣло, которое существовало около ста лѣтъ и было разрушено нашей дипломатіей 5 Мая 1867 года уступкой русскихъ Американскихъ владѣній правительству Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1794 году всѣ компаніи соединены въ одну подъ названіемъ „Соединенно-Американской", а впослѣдствіи „Россійско-Американской", уставъ которой, впрочемъ, былъ утвержденъ уже послѣ смерти Шелехова. Кипучая дѣятельность Григорія Ивановича не ограничивалась, однако, однимъ Охотскимъ побережьемъ: Шелеховъ способствовалъ также возобновленію нашей торговли съ Китаемъ черезъ Кяхту, намѣревался устроить новый путь отъ Иркутска до Охотска. Онъ мечталъ и о торговлѣ съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинами, но смерть прервала его кипучую дѣятельность. 20 Іюня 1795 года прекратилось земное существованіе этого русскаго человѣка, память котораго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтена потомствомъ сооруженіемъ ему памятника въ родномъ городѣ Рыльскѣ. Вдовѣ и потомству Шелехова Екатерина II даровала дворянское достоинство. Одна изъ дочерей его вышла за камергера Николая Петровича Резанова, извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Японію въ 1803 году на судахъ первой русской кругосвѣтной экспедиціи, подъ начальствомъ Крузенштерна.

Человѣкъ необычайной энергіи и широкаго почина, Шелеховъ принадлежалъ къ той плеядѣ русскихъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины.

Похороненъ Шелеховъ въ Иркутскомъ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На памятникѣ его высѣчено: „Григорій Ивановичъ Шелеховъ, Рыльскій именитый гражданинъ, родился 1748, вступилъ въ супружество года 1775, началъ торговлю въ областяхъ Сибири въ 1775, морскія путешествія совершилъ въ 1783, 1784, 1785 годахъ. Скончался 1795 года Іюня 20 дня".

„Колумбъ здѣсь Россійскій погребенъ!
Проплылъ моря, открылъ страны безвѣстны,
И зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ парусъ свой
Во океанъ небесный
Искать сокровищъ горнихъ, неземныхъ,—
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, душу упокой!

Гавріилъ Державинъ."

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШЕЛЕХОВЪ, 1748—1795, сынъ Рыльскаго купца, несмотря на полуобразованную купеческую среду, въ которой вращался, съ ранней юности отличался любовью къ чтенію и постоянно мечталъ о путешествіяхъ. Начало его дѣятельности относится къ 1772 году, когда, проѣхавъ всю Сибирь, онъ достигъ Охотска и здѣсь, ознакомившись съ мѣстнымъ промысломъ, вступилъ въ дѣло съ нѣсколькими промышленниками и сталъ снаряжать экспедиціи къ берегамъ Сѣверной Америки и на Курильскіе острова. Въ началѣ 1780-хъ годовъ, вмѣстѣ съ двумя братьями Голиковыми, Шелеховъ создаетъ первую въ Россіи промышленную компанію на паяхъ и, построивъ въ Охотскѣ три судна (галіоты), съ товарищами и женой, отправляется въ экспедицію для изслѣдованія неизвѣстныхъ острововъ. На островѣ Кадьякѣ Шелехову пришлось съ оружіемъ въ рукахъ вести борьбу съ туземцами—конячами. Смѣлымъ натискомъ онъ овладѣлъ ихъ укрѣпленіемъ и, получивъ въ глазахъ ихъ обаяніе непобѣдимости, въ концѣ концовъ заслужилъ ихъ довѣріе и дружбу, вслѣдствіе чего обратилъ даже многихъ въ христіанство. Затѣмъ имъ выстроены были укрѣпленія на островѣ Афогнакѣ и въ Келайской губѣ. Вернувшись въ 1782 году въ Иркутскъ съ большими запасами пушного товара и получивъ большіе барыши, Шелеховъ своею энергіей и предпріимчивостью обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго генералъ-губернатора, который послалъ о его дѣйствіяхъ подробное донесеніе Императрицѣ. Въ результатѣ компаніи Шелехова дарованы обширныя права и привилегіи, а его самого Государыня наградила золотой медалью и шпагою. Изъ казны ему было отпущено 200/т. рублей, на 20 лѣтъ, безъ процентовъ. Расширивъ свою дѣятельность и основавъ еще нѣсколько промышленныхъ компаній, онъ пригласилъ для управленія столь обширнымъ предпріятіемъ выдающагося по уму и энергіи русскаго человѣка—Каргопольскаго купца Баранова. Въ 1790 году Шелеховъ снаряжаетъ экспедицію въ Сѣверную Америку и, при участіи Баранова, полагаетъ начало Русскимъ Сѣверо-Американскимъ владѣніямъ, основываетъ городъ Ново-Архангельскъ и налаживаетъ то огромное и важное для Россіи дѣло, которое существовало около ста лѣтъ и было разрушено нашей дипломатіей 5 Мая 1867 года уступкой русскихъ Американскихъ владѣній правительству Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1794 году всѣ компаніи соединены въ одну подъ названіемъ „Соединенно-Американской", а впослѣдствіи „Россійско-Американской", уставъ которой, впрочемъ, былъ утвержденъ уже послѣ смерти Шелехова. Кипучая дѣятельность Григорія Ивановича не ограничивалась, однако, однимъ Охотскимъ побережьемъ: Шелеховъ способствовалъ также возобновленію нашей торговли съ Китаемъ черезъ Кяхту, намѣревался устроить новый путь отъ Иркутска до Охотска. Онъ мечталъ и о торговлѣ съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинами, но смерть прервала его кипучую дѣятельность. 20 Іюня 1795 года прекратилось земное существованіе этого русскаго человѣка, память котораго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтена потомствомъ сооруженіемъ ему памятника въ родномъ городѣ Рыльскѣ. Вдовѣ и потомству Шелехова Екатерина II даровала дворянское достоинство. Одна изъ дочерей его вышла за камергера Николая Петровича Резанова, извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Японію въ 1803 году на судахъ первой русской кругосвѣтной экспедиціи, подъ начальствомъ Крузенштерна.

Человѣкъ необычайной энергіи и широкаго почина, Шелеховъ принадлежалъ къ той плеядѣ русскихъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины.

Похороненъ Шелеховъ въ Иркутскомъ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На памятникѣ его высѣчено: „Григорій Ивановичъ Шелеховъ, Рыльскій именитый гражданинъ, родился 1748, вступилъ въ супружество года 1775, началъ торговлю въ областяхъ Сибири въ 1775, морскія путешествія совершилъ въ 1783, 1784, 1785 годахъ. Скончался 1795 года Іюня 20 дня".

„Колумбъ здѣсь Россій погребенъ!
Проплылъ моря, открылъ страны безвѣстны,
И зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ парусъ свой

Во океанъ небесный
Искать сокровищъ горнихъ, неземныхъ,—
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, душу упокой!
Гавріилъ Державинъ."

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

GRÉGOIRE IVANOWITCH CHÉLÉKHOFF, 1748—1795, fils d'un marchand de Rylsk, montra tout jeune encore, malgré la culture rudimentaire de son entourage, un goût prononcé pour la lecture. Il ne rêvait que voyages. Le début de son aventureuse carrière date de 1772: il traversa toute la Sibérie, parvint à Okhotsk, où il se mit au courant du commerce local, entra en relations d'affaires avec un certain nombre de négociants et entreprit les préparatifs d'une expédition sur les côtes de l'Amérique du Nord et aux Iles Kouriles. Peu après 1780, il forma avec les deux frères Golikoff la première de toutes les sociétés industrielles russes par actions, construisit à Okhotsk trois galiotes et s'embarqua avec ses associés et sa femme pour aller explorer des îles inconnues. Il eut d'abord à livrer bataille aux indigènes de l'île Kadiak, les Kognatches; une audacieuse attaque le rendit maître de leur retranchement; il en vint à passer parmi eux pour invincible, et finit par se concilier leur confiance et leur amitié: il put même en convertir beaucoup au christianisme. Puis il fortifia l'île d'Afognak et la baie de Kélaï, revint en 1782 à Irkoutsk avec une grosse cargaison de fourrures et réalisa des bénéfices considérables. Son énergie et son esprit d'entreprise firent l'objet d'un rapport circonstancié du général gouverneur à l'Impératrice, qui conféra à sa Compagnie des droits et prérogatives considérables, le gratifia d'une médaille et d'une épée d'or et lui fit allouer par le Trésor 200.000 roubles à titre de prêt pour vingt ans sans intérêts. Ses affaires prirent alors une grande extension: il fonda un certain nombre d'autres compagnies, et confia la direction d'une entreprise devenue aussi vaste à un russe d'une tête et d'une énergie hors de pair, le marchand de Kargopol Baranoff. En 1790, Chélékhoff équipe une nouvelle expédition en Amérique du Nord, et, secondé par Baranoff, jette les bases des possessions russes de l'Amérique du Nord, fonde la ville de la Nouvelle-Arkhangel et sait mener à bien l'œuvre immense et d'une haute importance nationale qui subsista une centaine d'années et que notre diplomatie anéantit le 5 mai 1867 en cédant l'Amérique Russe aux Etats-Unis. En 1794, on procéda à une fusion de toutes les compagnies sous le nom de Fusion Américaine, puis de Compagnie Russo-Américaine; Chélékhoff mourut d'ailleurs sans en avoir vu sanctionner les statuts. Son activité dévorante ne se bornait pas à la mer d'Okhotsk: il contribua aussi au rétablissement du commerce russe avec la Chine par Kiakhta et projeta une nouvelle route d'Irkoutsk à Okhotsk. Il rêvait aussi d'affaires avec le Japon, la Chine, l'Inde et les Philippines, mais la mort mit un terme à son entreprenante énergie. Dieu rappela à lui le 20 juin 1795 l'âme de ce fils de la Russie, dont la mémoire resta longtemps dans l'oubli, puisqu'il n'y a que quelques années que sa ville natale a songé à lui élever un monument. Catherine II lui avait conféré la noblesse à titre héréditaire. Une de ses filles épousa le chambellan Nicolas Pétrowitch Rézanoff, connu par son ambassade au Japon en 1803, sur les vaisseaux de la première croisière russe autour du monde, celle de l'expédition Krusenstern.

Par son extraordinaire énergie et sa large initiative, Chélékhoff est bien un des nombreux héros de la pléiade du règne de Catherine.

Chélékhoff est inhumé au monastère de l'Apparition, à Irkoutsk. Sa tombe porte l'inscription suivante: „Grégoire Ivanowitch Chélékhoff, citoyen notable de Rylsk, né en 1748, marié en 1775, entreprit le commerce dans les régions de la Sibérie en 1775, fit des voyages maritimes en 1783, 1784, 1785, décédé le 20 juin 1795.

„Ci-gît le Colomb russe!
„Il parcourut les mers, vit des terres nouvelles,
„Et trouvant que tout est poussière,
„Il cargua donc sa voile
„Vers l'Océan des Cieux,
„Pour chercher des trésors sublimes, non terrestres.
„Trésor des gens de bien,
„Donne, ô Seigneur, le repos à son âme!
Gabriel Derjavine".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

GRÉGOIRE IVANOWITCH CHÉLÉKHOFF, 1748—1795, fils d'un marchand de Rylsk, montra tout jeune encore, malgré la culture rudimentaire de son entourage, un goût prononcé pour la lecture. Il ne rêvait que voyages. Le début de son aventureuse carrière date de 1772: il traversa toute la Sibérie, parvint à Okhotsk, où il se mit au courant du commerce local, entra en relations d'affaires avec un certain nombre de négociants et entreprit les préparatifs d'une expédition sur les côtes de l'Amérique du Nord et aux Iles Kouriles. Peu après 1780, il forma avec les deux frères Golikoff la première de toutes les sociétés industrielles russes par actions, construisit à Okhotsk trois galiotes et s'embarqua avec ses associés et sa femme pour aller explorer des îles inconnues. Il eut d'abord à livrer bataille aux indigènes de l'île Kadiak, les Kognatches; une audacieuse attaque le rendit maître de leur retranchement; il en vint à passer parmi eux pour invincible, et finit par se concilier leur confiance et leur amitié: il put même en convertir beaucoup au christianisme. Puis il fortifia l'île d'Afognak et la baie de Kélaï, revint en 1782 à Irkoutsk avec une grosse cargaison de fourrures et réalisa des bénéfices considérables. Son énergie et son esprit d'entreprise firent l'objet d'un rapport circonstancié du général gouverneur à l'Impératrice, qui conféra à sa Compagnie des droits et prérogatives considérables, le gratifia d'une médaille et d'une épée d'or et lui fit allouer par le Trésor 200.000 roubles à titre de prêt pour vingt ans sans intérêts. Ses affaires prirent alors une grande extension: il fonda un certain nombre d'autres compagnies, et confia la direction d'une entreprise devenue aussi vaste à un russe d'une tête et d'une énergie hors de pair, le marchand de Kargopol Baranoff. En 1790, Chélékhoff équipe une nouvelle expédition en Amérique du Nord, et, secondé par Baranoff, jette les bases des possessions russes de l'Amérique du Nord, fonde la ville de la Nouvelle-Arkhangel et sait mener à bien l'œuvre immense et d'une haute importance nationale qui subsista une centaine d'années et que notre diplomatie anéantit le 5 mai 1867 en cédant l'Amérique Russe aux Etats-Unis. En 1794, on procéda à une fusion de toutes les compagnies sous le nom de Fusion Américaine, puis de Compagnie Russo-Américaine; Chélékhoff mourut d'ailleurs sans en avoir vu sanctionner les statuts. Son activité dévorante ne se bornait pas à la mer d'Okhotsk: il contribua aussi au rétablissement du commerce russe avec la Chine par Kiakhta et projeta une nouvelle route d'Irkoutsk à Okhotsk. Il rêvait aussi d'affaires avec le Japon, la Chine, l'Inde et les Philippines, mais la mort mit un terme à son entreprenante énergie. Dieu rappela à lui le 20 juin 1795 l'âme de ce fils de la Russie, dont la mémoire resta longtemps dans l'oubli, puisqu'il n'y a que quelques années que sa ville natale a songé à lui élever un monument. Catherine II lui avait conféré la noblesse à titre héréditaire. Une de ses filles épousa le chambellan Nicolas Pétrowitch Rézanoff, connu par son ambassade au Japon en 1803, sur les vaisseaux de la première croisière russe autour du monde, celle de l'expédition Krusenstern.

Par son extraordinaire énergie et sa large initiative, Chélékhoff est bien un des nombreux héros de la pléiade du règne de Catherine.

Chélékhoff est inhumé au monastère de l'Apparition, à Irkoutsk. Sa tombe porte l'inscription suivante: „Grégoire Ivanowitch Chélékhoff, citoyen notable de Rylsk, né en 1748, marié en 1775, entreprit le commerce dans les régions de la Sibérie en 1775, fit des voyages maritimes en 1783, 1784, 1785, décédé le 20 juin 1795.

„Ci-gît le Colomb russe!
„Il parcourut les mers, vit des terres nouvelles,
„Et trouvant que tout est poussière,
„Il cargua donc sa voile
„Vers l'Océan des Cieux,
„Pour chercher des trésors sublimes, non terrestres.
„Trésor des gens de bien,
„Donne, ô Seigneur, le repos à son âme!
Gabriel Derjavine".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

77

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ, 1734—1793, сынъ надворнаго совѣтника Василія Васильевича, происходилъ изъ дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVII вѣка. Съ 1756 г. онъ служилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ. Ему удалось пріобрѣсти расположеніе Петра III, который, по вступленіи на престолъ, назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ (31 Декабря 1761 г.). Передъ іюньскимъ переворотомъ на него была возложена обязанность наблюдать за казавшимся подозрительнымъ Григоріемъ Орловымъ. Перфильевъ не оправдалъ довѣрія: онъ подружился съ Орловыми и проводилъ время за картами и попойками, а въ ночь на 28 Іюня, когда Алексѣй Орловъ скакалъ въ Петергофъ за Екатериной, Григорій Орловъ почти все время игралъ въ карты съ нимъ, чтобы отвлечь его вниманіе, при чемъ проигралъ ему нѣсколько тысячъ; разошлись они только подъ утро, когда Перфильевъ былъ уже безвреденъ. Близость Перфильева къ Петру III и роль его во время переворота не помѣшали ему съ успѣхомъ продолжать службу и при Екатеринѣ II. Въ чинѣ полковника 2-го Гренадерскаго полка онъ состоялъ въ 1764 и 1765 гг. при Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и неоднократно упоминается въ „Запискахъ“ Порошина. Перфильевъ засѣдалъ въ Коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія въ качествѣ депутата отъ Судайскаго уѣзда. Въ 1773 г., въ чинѣ генералъ-майора, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и былъ назначенъ Петербургскимъ губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ 1774 г. уволенъ отъ службы.

С. В. Перфильевъ былъ масонъ и въ 1773 и 1774 гг. состоялъ въ должности великаго провинціальнаго хранителя сокровищъ. Онъ любилъ роскошную жизнь и хлѣбосольство. Въ сдѣланной Екатериной II шутливой характеристикѣ придворныхъ, относительно предполагаемой причины смерти каждаго, о Перфильевѣ сказано, что онъ умеръ „d'indigestion“. Перфильевъ былъ друженъ съ Державинымъ и княземъ Мещерскимъ, на смерть котораго поэтъ написалъ свою знаменитую оду. Она посвящена Перфильеву и оканчивается обращеніемъ къ нему:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ, конечно...
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?“...

С. В. Перфильевъ скончался въ Мартѣ 1793 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежавшаго С. С. Перфильеву, въ Москвѣ.)

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ, 1734—1793, сынъ надворнаго совѣтника Василія Васильевича, происходилъ изъ дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVII вѣка. Съ 1756 г. онъ служилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ. Ему удалось пріобрѣсти расположеніе Петра III, который, по вступленіи на престолъ, назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ (31 Декабря 1761 г.). Передъ іюньскимъ переворотомъ на него была возложена обязанность наблюдать за казавшимся подозрительнымъ Григоріемъ Орловымъ. Перфильевъ не оправдалъ довѣрія: онъ подружился съ Орловыми и проводилъ время за картами и попойками, а въ ночь на 28 Іюня, когда Алексѣй Орловъ скакалъ въ Петергофъ за Екатериной, Григорій Орловъ почти все время игралъ въ карты съ нимъ, чтобы отвлечь его вниманіе, при чемъ проигралъ ему нѣсколько тысячъ; разошлись они только подъ утро, когда Перфильевъ былъ уже безвреденъ. Близость Перфильева къ Петру III и роль его во время переворота не помѣшали ему съ успѣхомъ продолжать службу и при Екатеринѣ II. Въ чинѣ полковника 2-го Гренадерскаго полка онъ состоялъ въ 1764 и 1765 гг. при Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и неоднократно упоминается въ „Запискахъ" Порошина. Перфильевъ засѣдалъ въ Комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія въ качествѣ депутата отъ Судайскаго уѣзда. Въ 1773 г., въ чинѣ генералъ-майора, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и былъ назначенъ Петербургскимъ губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ 1774 г. уволенъ отъ службы.

С. В. Перфильевъ былъ масонъ и въ 1773 и 1774 гг. состоялъ въ должности великаго провинціальнаго хранителя сокровищъ. Онъ любилъ роскошную жизнь и хлѣбосольство. Въ сдѣланной Екатериной II шутливой характеристикѣ придворныхъ, относительно предполагаемой причины смерти каждаго, о Перфильевѣ сказано, что онъ умеръ „d'indigestion". Перфильевъ былъ друженъ съ Державинымъ и княземъ Мещерскимъ, на смерть котораго поэтъ написалъ свою знаменитую оду. Она посвящена Перфильеву и оканчивается обращеніемъ къ нему:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ, конечно...
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?"...

С. В. Перфильевъ скончался въ Мартѣ 1793 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежавшаго С. С. Перфильеву, въ Москвѣ.)

STÉPHANE VASSILIEWITCH PERFILIEFF, 1734—1793, fils du conseiller de cour Basile Vassiliewitch Perfilieff, était d'une famille noble remontant au début du XVIIe siècle. Il fut affecté en 1756 au Corps des Cadets. Devenu Empereur, Pierre III, dont il avait su se concilier la faveur, le prit pour aide de camp le 31 décembre 1761. Chargé, à la veille du coup d'état de juin, de surveiller Grégoire Orloff, qui paraissait suspect, il ne sut pas s'acquitter de sa mission: il se lia avec les Orloff, s'adonna tout entier au jeu et à la boisson, et, dans la nuit du 27 au 28 juin, tandis qu'Alexis courait à Péterhof chercher Catherine, Grégoire le tint à jouer aux cartes du soir au matin en se laissant gagner plusieurs milliers de roubles, et ne le lâcha qu'au jour, quand il avait cessé de pouvoir devenir gênant. Son service près de Pierre III et son rôle au coup d'état ne nuisirent aucunement à sa carrière sous Catherine II. Colonel au 2e régiment de grenadiers, il fut attaché en 1764 et 1765 à la personne du Césarewitch Paul Pétrowitch, et il est question de lui à plusieurs reprises dans les Mémoires de Porochine. Il fit partie de la Commission du projet de Code comme député du district de Soudaï. En 1775, général major, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe et nommé gouverneur de Pétersbourg, mais il prit sa retraite dès l'année suivante.

Franc-maçon, Perfilieff fut en 1773 et 1774 grand conservateur provincial des trésors. Il aimait la vie large et les réceptions. Dans sa caractéristique facétieuse des hommes de Cour, où est indiqué le genre de mort présumé de chacun, Catherine II le fait mourir „d'indigestion". Ami de Derjavine et du prince Méchtchersky, c'est à lui qu'est dédiée l'ode célèbre composée par le poète à la mort du prince, et qui se termine ainsi:

„Un jour ou l'autre il faut mourir,
„Perfilieff, ce n'est que trop sûr...
„Pourquoi dès lors te désoler,
„Si, mortel, ton ami n'a pas vécu toujours?"...

Perfilieff mourut en mars 1793, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original ayant appartenu à S. Perfilieff, Moscou.)

STÉPHANE VASSILIEWITCH PERFILIEFF, 1734—1793, fils du conseiller de cour Basile Vassiliewitch Perfilieff, était d'une famille noble remontant au début du XVIIe siècle. Il fut affecté en 1756 au Corps des Cadets. Devenu Empereur, Pierre III, dont il avait su se concilier la faveur, le prit pour aide de camp le 31 décembre 1761. Chargé, à la veille du coup d'état de juin, de surveiller Grégoire Orloff, qui paraissait suspect, il ne sut pas s'acquitter de sa mission: il se lia avec les Orloff, s'adonna tout entier au jeu et à la boisson, et, dans la nuit du 27 au 28 juin, tandis qu'Alexis courait à Péterhof chercher Catherine, Grégoire le tint à jouer aux cartes du soir au matin en se laissant gagner plusieurs milliers de roubles, et ne le lâcha qu'au jour, quand il avait cessé de pouvoir devenir gênant. Son service près de Pierre III et son rôle au coup d'état ne nuisirent aucunement à sa carrière sous Catherine II. Colonel au 2e régiment de grenadiers, il fut attaché en 1764 et 1765 à la personne du Césarewitch Paul Pétrowitch, et il est question de lui à plusieurs reprises dans les Mémoires de Porochine. Il fit partie de la Commission du projet de Code comme député du district de Soudaï. En 1775, général major, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe et nommé gouverneur de Pétersbourg, mais il prit sa retraite dès l'année suivante.

Franc-maçon, Perfilieff fut en 1773 et 1774 grand conservateur provincial des trésors. Il aimait la vie large et les réceptions. Dans sa caractéristique facétieuse des hommes de Cour, où est indiqué le genre de mort présumé de chacun, Catherine II le fait mourir „d'indigestion". Ami de Derjavine et du prince Méchtchersky, c'est à lui qu'est dédiée l'ode célèbre composée par le poète à la mort du prince, et qui se termine ainsi:

„Un jour ou l'autre il faut mourir,
„Perfilieff, ce n'est que trop sûr...
„Pourquoi dès lors te désoler,
„Si, mortel, ton ami n'a pas vécu toujours?"...

Perfilieff mourut en mars 1793, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original ayant appartenu à S. Perfilieff, Moscou.)

78—79

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, извѣстная „домоправительница“ Аракчеева, была дочерью крестьянина села Грузино, Ѳедора Минкина. Существуетъ свѣдѣніе, впрочемъ, мало подтверждаемое, что одно время она была замужемъ за отставнымъ матросомъ, фамилія коего осталась неизвѣстной, но могла быть и „Шумскій“, такъ какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о смерти Аракчеевской экономки она называется вездѣ Настасьей Шумской. Попавъ въ домъ Аракчеева въ 1800 г. въ качествѣ дворовой, она сразу привлекла на себя вниманіе будущаго временщика. Наружностью походя на цыганку, смуглая и черноволосая, съ горящими, какъ уголь, глазами и румянцемъ во всю щеку смуглаго лица, высокаго роста, стройная, плотно сложенная, при томъ хитрая, бойкая и рѣчистая, она совсѣмъ очаровала Аракчеева. Возведенная въ званіе экономки, она скоро поняла его характеръ, вкусы и привычки и такъ сумѣла къ нимъ приноровиться, что вошла въ неограниченное его довѣріе и въ его отсутствіе изъ Грузина управляла не только усадьбой и домомъ, но и всей Грузинской вотчиной. Хозяйство она вела образцово, сама входила въ мельчайшія подробности, наблюдала за работами, за птичьимъ и скотнымъ дворомъ, за проведеніемъ дорогъ, копаньемъ прудовъ... Настасья завела въ Грузинѣ такіе порядки, о которыхъ Аракчееву давно мечталось, но которыхъ ранѣе онъ никакъ добиться не могъ. Въ то же время она не переставала дѣйствовать на чувствительныя стороны характера и на чувственность суроваго деспота; она увѣряла его въ горячей своей любви, называла его отцомъ и благодѣтелемъ, льстила ему и показывала видъ, что ревнуетъ его, когда считала это полезнымъ; въ то же время она искусно обманывала Аракчеева и заводила себѣ тайно молодыхъ любовниковъ. Желая еще крѣпче привязать къ себѣ Аракчеева, она не задумалась притвориться беременной и увѣрить его въ рожденіи отъ него сына. Благодаря частымъ отлучкамъ графа изъ Грузина и собственной своей ловкости, ей это удалось вполнѣ. Когда наступило время, въ Грузино тайно былъ привезенъ только-что родившійся въ одной изъ отдаленныхъ деревень волости мальчикъ, мать котораго взята была ему въ кормилицы, и Настасья увѣдомила Аракчеева, находившагося въ Петербургѣ, о своемъ разрѣшеніи отъ бремени. Весь этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе съ такимъ искусствомъ, что почти никто не зналъ истины, а тѣ, кто знали, со страхомъ ее скрывали, не ожидая пощады отъ извѣстной своей жестокостью домоправительницы. Самъ же Аракчеевъ, если и узналъ правду, то уже послѣ смерти Настасьи.

Рожденіе сына чрезвычайно обрадовало Аракчеева, и расчеты Настасьи вполнѣ оправдались. Онъ осыпалъ ее ласками, наряжалъ, какъ куклу, и, несмотря на скупость, положилъ на ея имя въ банкъ 24/т. руб., при чемъ она сама была записана въ купчихи. Мальчикъ былъ записанъ въ метрическую книгу подъ именемъ Михаила Лукина, но черезъ нѣсколько времени Аракчееву удалось добыть ему, при помощи подкупленнаго адвоката, бумаги на дворянство, подъ именемъ Михаила Андреевича Шумскаго. Положеніе Настасьи Шумской упрочилось до такой степени, что Императоръ Александръ I, въ бытность свою въ Грузинѣ, заходилъ къ ней въ ея флигель и пилъ, говорятъ, у нея чай, а подчиненные Аракчееву генералы не стѣснялись заискивать у нея, подносить всякіе подарки и цѣловать ей руки.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго М. П. Паренаго, въ Воронежѣ.)

78—79

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, извѣстная „домоправительница" Аракчеева, была дочерью крестьянина села Грузино, Ѳедора Минкина. Существуетъ свѣдѣніе, впрочемъ, мало подтверждаемое, что одно время она была замужемъ за отставнымъ матросомъ, фамилія коего осталась неизвѣстной, но могла быть и „Шумскій", такъ какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о смерти Аракчеевской экономки она называется вездѣ Настасьей Шумской. Попавъ въ домъ Аракчеева въ 1800 г. въ качествѣ дворовой, она сразу привлекла на себя вниманіе будущаго временщика. Наружностью походя на цыганку, смуглая и черноволосая, съ горящими, какъ уголь, глазами и румянцемъ во всю щеку смуглаго лица, высокаго роста, стройная, плотно сложенная, при томъ хитрая, бойкая и рѣчистая, она совсѣмъ очаровала Аракчеева. Возведенная въ званіе экономки, она скоро поняла его характеръ, вкусы и привычки и такъ сумѣла къ нимъ примѣниться, что вошла въ неограниченное его довѣріе и въ его отсутствіе изъ Грузина управляла не только усадьбой и домомъ, но и всей Грузинской вотчиной. Хозяйство она вела образцово, сама входила въ мельчайшія подробности, наблюдала за работами, за птичьимъ и скотнымъ дворомъ, за проведеніемъ дорогъ, копаньемъ прудовъ... Настасья завела въ Грузинѣ такіе порядки, о которыхъ Аракчееву давно мечталось, но которыхъ ранѣе онъ никакъ добиться не могъ. Въ то же время она не переставала дѣйствовать на чувствительныя стороны характера и на чувственность суроваго деспота; она увѣряла его въ горячей своей любви, называла его отцомъ и благодѣтелемъ, льстила ему и показывала видъ, что ревнуетъ его, когда считала это полезнымъ; въ то же время она искусно обманывала Аракчеева и заводила себѣ тайно молодыхъ любовниковъ. Желая еще крѣпче привязать къ себѣ Аракчеева, она не задумалась притвориться беременной и увѣрить его въ рожденіи отъ него сына. Благодаря частымъ отлучкамъ графа изъ Грузина и собственной своей ловкости, ей это удалось вполнѣ. Когда наступило время, въ Грузино тайно былъ привезенъ только-что родившійся въ одной изъ отдаленныхъ деревень волости мальчикъ, мать котораго взята была ему въ кормилицы, и Настасья увѣдомила Аракчеева, находившагося въ Петербургѣ, о своемъ разрѣшеніи отъ бремени. Весь этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе съ такимъ искусствомъ, что почти никто не зналъ истины, а тѣ, кто знали, со страхомъ ее скрывали, не ожидая пощады отъ извѣстной своей жестокостью домоправительницы. Самъ же Аракчеевъ, если и узналъ правду, то уже послѣ смерти Настасьи.

Рожденіе сына чрезвычайно обрадовало Аракчеева, и расчеты Настасьи вполнѣ оправдались. Онъ осыпалъ ее ласками, наряжалъ, какъ куклу, и, несмотря на скупость, положилъ на ея имя въ банкъ 24/т. руб., при чемъ она сама была записана въ купчихи. Мальчикъ былъ записанъ въ метрическую книгу подъ именемъ Михаила Лукина, но черезъ нѣсколько времени Аракчееву удалось добыть ему, при помощи подкупленнаго адвоката, бумаги на дворянство, подъ именемъ Михаила Андреевича Шумскаго. Положеніе Настасьи Шумской упрочилось до такой степени, что Императоръ Александръ I, въ бытность свою въ Грузинѣ, заходилъ къ ней въ ея флигель и пилъ, говорятъ, у нея чай, а подчиненные Аракчееву генералы не стѣснялись заискивать у нея, подносить всякіе подарки и цѣловать ей руки.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго М. П. Пареного, въ Воронежѣ.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178.—1825, la fameuse „majordome“ d'Araktchéeff, était fille d'un paysan du bourg de Grouzino, Théodore Minkine. D'après certaines indications, qui sont loin d'ailleurs d'être sûres, elle aurait été mariée à un ancien matelot dont le nom n'est pas connu, mais pouvait être aussi Choumsky, car l'enquête relative à sa mort la nomme ainsi. Entrée chez Araktchéeff comme femme de charge en 1800, elle attira tout de suite son attention: avec son air de tzigane, son teint bronzé et ses cheveux noirs, ses yeux brillants comme des escarboucles, forte en couleur, grande, élancée, bien découplée, c'était une rusée gaillarde et une enjôleuse qui l'empauma complètement. Elevée au rang d'économe, elle eut vite fait de saisir son caractère, ses goûts et ses habitudes, et sut si bien s'y prêter qu'elle gagna entièrement sa confiance: en son absence de Grouzino, elle faisait marcher non seulement la métairie et la maison, mais encore toute la propriété. Parfaitement entendue à tout, elle avait l'œil aux moindres détails, surveillant tout l'ouvrage, la basse-cour et le bétail, faisant faire des routes et creuser des étangs, enfin, inaugurant à Grouzino un régime auquel Araktchéeff pensait bien depuis longtemps, mais qu'il n'avait encore jamais pu obtenir. En même temps, elle agissait sur la sensibilité du farouche despote et entretenait sa sensualité: elle lui faisait de brûlantes protestations d'amour, l'appelant son père et son bienfaiteur, le flattant et faisant au besoin semblant d'être jalouse, et d'un autre côté, elle le trompait fort adroitement avec de jeunes galants qu'elle avait en cachette. Pour se l'attacher mieux encore, elle n'hésita pas à se prétendre enceinte de lui et à lui faire croire qu'elle avait eu un fils. Habile comme elle l'était, elle réussit à souhait, grâce aussi aux fréquentes absences d'Araktchéeff: le moment venu, on apporta en cachette d'un village éloigné un nouveau-né avec sa mère pour nourrice, et Nastasie annonça l'heureux événement au soi-disant père, alors à Pétersbourg. L'affaire fut menée avec une telle dextérité, que presque personne n'en sut le fin mot, et ceux qui le savaient ne se risquèrent pas à parler, par crainte de la vengeance de l'intéressée, dont la cruauté était bien connue. Quant à Araktchéeff, s'il sut jamais la vérité, ce ne fut qu'après la mort de son économe.

Cette paternité fut une grande joie pour Araktchéeff, et les calculs de Nastasie réussirent à souhait. Il la combla d'amitiés, l'attifa comme une poupée, et, tout avare qu'il était, lui déposa 24.000 roubles dans une banque et la fit inscrire au rôle des marchands. L'enfant fut déclaré sous le nom de Michel Loukine, mais peu après un avocat fut gagné pour lui procurer des titres de noblesse au nom de Michel Andréewitch Choumsky. Nastasie se fit bientôt une importance telle, que l'Empereur Alexandre Ier, en passant à Grouzino, vint la voir chez elle et y prit, dit-on, le thé, et que les généraux sous-ordres d'Araktchéeff ne reculèrent pas devant la flagornerie de lui faire des cadeaux et de lui baiser les mains.

(D'après une aquarelle appartenant à M. Parénago, Voronèje.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178.—1825, la fameuse „majordome“ d'Araktchéeff, était fille d'un paysan du bourg de Grouzino, Théodore Minkine. D'après certaines indications, qui sont loin d'ailleurs d'être sûres, elle aurait été mariée à un ancien matelot dont le nom n'est pas connu, mais pouvait être aussi Choumsky, car l'enquête relative à sa mort la nomme ainsi. Entrée chez Araktchéeff comme femme de charge en 1800, elle attira tout de suite son attention: avec son air de tzigane, son teint bronzé et ses cheveux noirs, ses yeux brillants comme des escarboucles, forte en couleur, grande, élancée, bien découplée, c'était une rusée gaillarde et une enjôleuse qui l'empauma complètement. Elevée au rang d'économe, elle eut vite fait de saisir son caractère, ses goûts et ses habitudes, et sut si bien s'y prêter qu'elle gagna entièrement sa confiance: en son absence de Grouzino, elle faisait marcher non seulement la métairie et la maison, mais encore toute la propriété. Parfaitement entendue à tout, elle avait l'œil aux moindres détails, surveillant tout l'ouvrage, la basse-cour et le bétail, faisant faire des routes et creuser des étangs, enfin, inaugurant à Grouzino un régime auquel Araktchéeff pensait bien depuis longtemps, mais qu'il n'avait encore jamais pu obtenir. En même temps, elle agissait sur la sensibilité du farouche despote et entretenait sa sensualité: elle lui faisait de brûlantes protestations d'amour, l'appelant son père et son bienfaiteur, le flattant et faisant au besoin semblant d'être jalouse, et d'un autre côté, elle le trompait fort adroitement avec de jeunes galants qu'elle avait en cachette. Pour se l'attacher mieux encore, elle n'hésita pas à se prétendre enceinte de lui et à lui faire croire qu'elle avait eu un fils. Habile comme elle l'était, elle réussit à souhait, grâce aussi aux fréquentes absences d'Araktchéeff: le moment venu, on apporta en cachette d'un village éloigné un nouveau-né avec sa mère pour nourrice, et Nastasie annonça l'heureux événement au soi-disant père, alors à Pétersbourg. L'affaire fut menée avec une telle dextérité, que presque personne n'en sut le fin mot, et ceux qui le savaient ne se risquèrent pas à parler, par crainte de la vengeance de l'intéressée, dont la cruauté était bien connue. Quant à Araktchéeff, s'il sut jamais la vérité, ce ne fut qu'après la mort de son économe.

Cette paternité fut une grande joie pour Araktchéeff, et les calculs de Nastasie réussirent à souhait. Il la combla d'amitiés, l'attifa comme une poupée, et, tout avare qu'il était, lui déposa 24.000 roubles dans une banque et la fit inscrire au rôle des marchands. L'enfant fut déclaré sous le nom de Michel Loukine, mais peu après un avocat fut gagné pour lui procurer des titres de noblesse au nom de Michel Andréewitch Choumsky. Nastasie se fit bientôt une importance telle, que l'Empereur Alexandre Ier, en passant à Grouzino, vint la voir chez elle et y prit, dit-on, le thé, et que les généraux sous-ordres d'Araktchéeff ne reculèrent pas devant la flagornerie de lui faire des cadeaux et de lui baiser les mains.

(D'après une aquarelle appartenant à M. Parénago, Voronèje.)

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, конечно, интересна не сама по себѣ—такихъ „домоправительницъ", такихъ „барскихъ барынь", было не мало въ помѣстьяхъ крѣпостной Россіи; она заслуживаетъ, однако, воспоминанія въ калейдоскопѣ именъ и портретовъ русскихъ историческихъ лицъ по тому огромному вліянію, которое имѣла она на всесильнаго и суроваго временщика и друга Александра Благословеннаго. Къ сожалѣнію, это громадное и рѣдкое вліяніе было направлено исключительно на все злое. Если это возможно, она была злымъ геніемъ Аракчеева. Самая ея смерть унесла за собой цѣлый рядъ жертвъ жестокости временщика и излишней угодливости предержащихъ властей и даже остановила ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ въ то время, когда „безъ лести преданный" графъ плакалъ, заперся въ Грузинѣ и, ссылаясь на слабость нервовъ, отказывался видѣть кого бы то ни было. Чувствительному дѣйствительно Государю пришлось утѣшать въ данномъ случаѣ еще болѣе чувствительнаго своего друга.

Минкина стала жертвой заговора дворовыхъ. Управленіе ея Грузинскимъ имѣніемъ отличалось необычайной жестокостью. Отъ природы безсердечная, мстительная и безжалостная, она творила крутыя и тяжелыя расправы въ подвластной ей экономіи. Въ Грузинской волости и въ военныхъ поселеніяхъ ее столько же ненавидѣли, сколько боялись, считали колдуньей и вѣдьмой. Провинившіеся люди подвергались звѣрскому сѣченію розгами и всевозможнымъ истязаніямъ; особенно страдали отъ нея дворовыя дѣвушки; было сдѣлано нѣсколько покушеній отравить Минкину. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, дворовые составили заговоръ противъ нея. Заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 10 Сентября 1825 года. Утромъ этого дня, въ 6-мъ часу, нѣсколько человѣкъ изъ дворни вошли въ ея флигель, гдѣ застали Настасью спящей, и первый ударъ ножемъ въ шею былъ нанесенъ ей поваромъ Василіемъ Антоновымъ, сестра коего, Прасковья, наканунѣ подверглась жестокому истязанію. Минкина была убита послѣ отчаяннаго сопротивленія: трупъ ея былъ найденъ съ отрѣзанной головой, руки и пальцы были изрѣзаны, ротъ разорванъ, и все тѣло страшно изуродовано. Отчаяніе Аракчеева не имѣло границъ, и, когда тѣло ея опускали въ могилу въ соборѣ Грузина, онъ хотѣлъ кинуться туда за нею. Слѣдствіе надъ виновниками ея смерти, числомъ до 24, произведено было быстро и закончилось суровымъ приговоромъ: наказаніе кнутомъ въ необычайномъ размѣрѣ, отъ 50 до 175 ударовъ, и ссылка въ вѣчныя каторжныя работы. Василій и Прасковья Антоновы умерли на мѣстѣ наказанія. „Несоразмѣрное число ударовъ, произведшее смертную казнь, мучительнѣе отмѣненной закономъ 1754 года", и другія отступленія отъ закона въ процессѣ убійцъ Минкиной повлекли, однако, за собою въ 1826 г. пересмотръ дѣла въ Сенатѣ и увольненіе отъ службы Новгородскаго губернатора Жеребцова.

Портретъ, помѣщенный подъ № 79, имѣетъ свою исторію: иные считаютъ его, впрочемъ, безъ вѣскихъ доказательствъ, изображеніемъ жены (съ 4 Февраля 1806 г.) Аракчеева, Наталіи Ѳедоровны, рожденной Хомутовой (р. 1786 г.). Едва ли, однако, эта скромная и добрая женщина, скоро разошедшаяся съ мужемъ изъ-за его грубой чувственности, которую онъ не стѣснялся удовлетворять съ крѣпостными женщинами и въ томъ числѣ съ фавориткой Настасьей, едва ли Наталія Ѳедоровна могла быть изображена въ такомъ мало приличномъ и совсѣмъ фантастическомъ костюмѣ (такой моды не было). Впервые настоящій портретъ былъ воспроизведенъ въ гравюрѣ Матюшина, во 2-мъ выпускѣ портретовъ „русскихъ дѣятелей", изданныхъ редакціей „Русской Старины", при чемъ М. И. Семевскій сдѣлалъ замѣтку, что этотъ портретъ Минкиной „пріобрѣтенъ въ с. Грузинѣ, послѣ ея смерти, Псковскимъ помѣщикомъ Д. Философовымъ: портретъ этотъ, прекрасной кисти, писанъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія; сынъ упомянутаго помѣщика В. Д. Философовъ весьма обязательно уступилъ намъ этотъ крайне интересный портретъ". Вѣроятно, этотъ самый портретъ находится въ настоящее время въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ (изъ собранія А. П. Бахрушина). Съ него и сдѣлано воспроизведеніе. Если же это другой оригиналъ, то тѣмъ опредѣленіе достовѣрнѣе, ибо на рамѣ музейскаго портрета имѣется досчечка съ давней надписью, что это Н. Ѳ. Минкина. Другой, акварельный, ея портретъ (№ 78) удалось совершенно случайно найти въ Воронежѣ, въ собраніи мѣстнаго любителя М. И. Паренаго и, какъ кажется, онъ удачнѣе передаетъ черты домоправительницы и „25-лѣтняго друга" графа Аракчеева.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА, 178.—1825, конечно, интересна не сама по себѣ—такихъ „домоправительницъ", такихъ „барскихъ барынь", было не мало въ помѣстьяхъ крѣпостной Россіи; она заслуживаетъ, однако, воспоминанія въ калейдоскопѣ именъ и портретовъ русскихъ историческихъ лицъ по тому огромному вліянію, которое имѣла она на всесильнаго и суроваго временщика и друга Александра Благословеннаго. Къ сожалѣнію, это громадное и рѣдкое вліяніе было направлено исключительно на все злое. Если это возможно, она была злымъ геніемъ Аракчеева. Самая ея смерть унесла за собой цѣлый рядъ жертвъ жестокости временщика и излишней угодливости предержащихъ властей и даже остановила ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ въ то время, когда „безъ лести преданный" графъ плакалъ, заперся въ Грузинѣ и, ссылаясь на слабость нервовъ, отказывался видѣть кого бы то ни было. Чувствительному дѣйствительно Государю пришлось утѣшать въ данномъ случаѣ еще болѣе чувствительнаго своего друга.

Минкина стала жертвой заговора дворовыхъ. Управленіе ея Грузинскимъ имѣніемъ отличалось необычайной жестокостью. Отъ природы безсердечная, мстительная и безжалостная, она творила крутыя и тяжелыя расправы въ подвластной ей экономіи. Въ Грузинской волости и въ военныхъ поселеніяхъ ее столько же ненавидѣли, сколько боялись, считали колдуньей и вѣдьмой. Провинившіеся люди подвергались звѣрскому сѣченію розгами и всевозможнымъ истязаніямъ; особенно страдали отъ нея дворовыя дѣвушки; было сдѣлано нѣсколько покушеній отравить Минкину. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, дворовые составили заговоръ противъ нея. Заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 10 Сентября 1825 года. Утромъ этого дня, въ 6-мъ часу, нѣсколько человѣкъ изъ дворни вошли въ ея флигель, гдѣ застали Настасью спящей, и первый ударъ ножемъ въ шею былъ нанесенъ ей поваромъ Василіемъ Антоновымъ, сестра коего, Прасковья, наканунѣ подверглась жестокому истязанію. Минкина была убита послѣ отчаяннаго сопротивленія: трупъ ея былъ найденъ съ отрѣзанной головой, руки и пальцы были изрѣзаны, ротъ разорванъ, и все тѣло страшно изуродовано. Отчаяніе Аракчеева не имѣло границъ, и, когда тѣло ея опускали въ могилу въ соборѣ Грузина, онъ хотѣлъ кинуться туда за нею. Слѣдствіе надъ виновниками ея смерти, числомъ до 24, произведено было быстро и закончилось суровымъ приговоромъ: наказаніе кнутомъ въ необычайномъ размѣрѣ, отъ 50 до 175 ударовъ, и ссылка въ вѣчныя каторжныя работы. Василій и Прасковья Антоновы умерли на мѣстѣ наказанія. „Несоразмѣрное число ударовъ, произведшее смертную казнь, мучительнѣе отмѣненной закономъ 1754 года", и другія отступленія отъ закона въ процессѣ убійцъ Минкиной повлекли, однако, за собою въ 1826 г. пересмотръ дѣла въ Сенатѣ и увольненіе отъ службы Новгородскаго губернатора Жеребцова.

Портретъ, помѣщенный подъ № 79, имѣетъ свою исторію: иные считаютъ его, впрочемъ, безъ вѣскихъ доказательствъ, изображеніемъ жены (съ 4 Февраля 1806 г.) Аракчеева, Наталіи Ѳедоровны, рожденной Хомутовой (р. 1786 г.). Едва ли, однако, эта скромная и добрая женщина, скоро разошедшаяся съ мужемъ изъ-за его грубой чувственности, которую онъ не стѣснялся удовлетворять съ крѣпостными женщинами и въ томъ числѣ съ фавориткой Настасьей, едва ли Наталія Ѳедоровна могла быть изображена въ такомъ мало приличномъ и совсѣмъ фантастическомъ костюмѣ (такой моды не было). Впервые настоящій портретъ былъ воспроизведенъ въ гравюрѣ Матюшина, во 2-мъ выпускѣ портретовъ „русскихъ дѣятелей", изданныхъ редакціей „Русской Старины", при чемъ М. И. Семевскій сдѣлалъ замѣтку, что этотъ портретъ Минкиной „пріобрѣтенъ въ с. Грузинѣ, послѣ ея смерти, Псковскимъ помѣщикомъ Д. Философовымъ: портретъ этотъ, прекрасной кисти, писанъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія; сынъ упомянутаго помѣщика В. Д. Философовъ весьма обязательно уступилъ намъ этотъ крайне интересный портретъ". Вѣроятно, этотъ самый портретъ находится въ настоящее время въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ (изъ собранія А. П. Бахрушина). Съ него и сдѣлано воспроизведеніе. Если же это другой оригиналъ, то тѣмъ опредѣленіе достовѣрнѣе, ибо на рамѣ музейскаго портрета имѣется досчечка съ давней надписью, что это Н. Ѳ. Минкина. Другой, акварельный, ея портретъ (№ 78) удалось совершенно случайно найти въ Воронежѣ, въ собраніи мѣстнаго любителя М. И. Паренаго и, какъ кажется, онъ удачнѣе передаетъ черты домоправительницы и „25-лѣтняго друга" графа Аракчеева.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178.—1825, n'est sans doute pas intéressante par elle-même: la „majordome", la „dame de la maison" était une espèce assez répandue par la Russie d'avant l'émancipation. Mais elle mérite une mention dans notre caléidoscope de noms et de portraits historiques russes par l'influence considérable qu'elle eut sur le tout-puissant et farouche favori et ami d'Alexandre Ier, grosse, extraordinaire influence, qui ne s'exerça malheureusement que pour le mal. Nastasie, s'il est possible, fut le mauvais génie d'Araktchéeff. Sa mort même entraîna toute une série de cruelles représailles favorisées par le zèle trop complaisant des autorités constituées, et alla jusqu'à enrayer la marche des plus importantes affaires d'état lorsque, avec son „dévouement sans flatterie", il s'enferma dans son Grouzino pour pleurer et prétexta la faiblesse de ses nerfs pour refuser de voir personne. La sensibilité bien réelle de l'Empereur dut alors porter des consolations à celle, plus grande encore dans la circonstance, de l'homme d'état.

Nastasie tomba victime de la vindicte de ses gens. Elle était, comme maîtresse de maison, d'une férocité inouïe: dure, vindicative et impitoyable, elle avait la répression sommaire et énergique. Dans tout le canton de Grouzino et aux colonies militaires, elle était redoutée autant que détestée; on la disait sorcière. Pour des peccadilles, c'était la fustigation à outrance et toute espèce de tortures: les principales victimes étaient les filles de service. On fit sur elle plusieurs tentatives d'empoisonnement; enfin, à bout de patience, le personnel organisa un complot, qui fut mis à exécution le 10 septembre 1825. A 6 heures du matin, une petite troupe s'introduisit chez elle: elle était encore au lit. Un premier coup de couteau lui fut porté à la gorge par le cuisinier Basile Antonoff, dont la sœur Prascovie avait été cruellement torturée la veille. Elle ne succomba qu'après une lutte acharnée: on la retrouva la tête tranchée, les mains et les doigts coupés, la mâchoire désarticulée et tout le corps affreusement mutilé. Araktchéeff fut en proie à une douleur sans bornes: à l'inhumation, dans la cathédrale de Grouzino, il voulut se précipiter dans le caveau. L'enquête sur les meurtriers, au nombre de vingt-quatre, fut sommaire, et le verdict rigoureux: un nombre inusité de coups de knout, de cinquante à cent soixante-quinze, et les travaux forcés à perpétuité. Basile et Prascovie Antonoff restèrent sur la place. „L'application démesurée du knout équivalant à une peine de mort plus cruelle que celle qui fut abolie par la loi de 1754" et d'autres irrégularités de procédure amenèrent pourtant l'affaire en cassation devant le Sénat; la révocation du gouverneur de Novgorod, Jérebtzoff, s'en suivit.

Le portrait № 79 a son histoire. Quelques-uns le considèrent, sans preuves certaines d'ailleurs, comme celui de la femme d'Araktchéeff, Natalie Féodorowna Khomoutoff (née 1786), qu'il épousa le 4 février 1806, et qui se sépara de lui peu après en raison de ses penchants grossiers et de ses liaisons ouvertes avec les filles de service, et entre autres avec sa favorite Nastasie. Une modeste et excellente personne comme sa femme n'aurait guère consenti à se faire représenter dans un costume aussi peu convenable et absolument fantastique (il n'y avait pas de mode pareille). Ce portrait fut reproduit pour la première fois en gravure par Matiouchine, dans le fascicule II des portraits russes publiés par la Rousskaïa Starina, et accompagné de la notice suivante de Sémewsky: „Acheté après la mort de Minkina au bourg de Grouzino par D. Filosofoff, propriétaire à Pskoff, ce portrait, d'une fort belle exécution, date des premières années du siècle. Le fils de l'acheteur a bien voulu nous céder ce spécimen des plus intéressants". C'est sans doute celui même qui figure actuellement au Musée Historique de Moscou (collection A. Bakhrouchine), et qui a servi à la reproduction ci-jointe. Si c'en est un autre, l'identification n'en est que plus sûre, car celui du Musée porte une plaque avec le nom de N. F. Minkine. L'aquarelle № 78 a été découverte par hasard à Voronèje, dans la galerie d'un amateur de cette ville, M. Parénago, et doit être plus ressemblant.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

78—79

NASTASIE FÉODOROWNA MINKINE, 178 .—1825, n'est sans doute pas intéressante par elle-même: la „majordome", la „dame de la maison" était une espèce assez répandue par la Russie d'avant l'émancipation. Mais elle mérite une mention dans notre caléidoscope de noms et de portraits historiques russes par l'influence considérable qu'elle eut sur le tout-puissant et farouche favori et ami d'Alexandre Ier, grosse, extraordinaire influence, qui ne s'exerça malheureusement que pour le mal. Nastasie, s'il est possible, fut le mauvais génie d'Araktchéeff. Sa mort même entraîna toute une série de cruelles représailles favorisées par le zèle trop complaisant des autorités constituées, et alla jusqu'à enrayer la marche des plus importantes affaires d'état lorsque, avec son „dévouement sans flatterie", il s'enferma dans son Grouzino pour pleurer et prétexta la faiblesse de ses nerfs pour refuser de voir personne. La sensibilité bien réelle de l'Empereur dut alors porter des consolations à celle, plus grande encore dans la circonstance, de l'homme d'état.

Nastasie tomba victime de la vindicte de ses gens. Elle était, comme maîtresse de maison, d'une férocité inouïe: dure, vindicative et impitoyable, elle avait la répression sommaire et énergique. Dans tout le canton de Grouzino et aux colonies militaires, elle était redoutée autant que détestée; on la disait sorcière. Pour des peccadilles, c'était la fustigation à outrance et toute espèce de tortures: les principales victimes étaient les filles de service. On fit sur elle plusieurs tentatives d'empoisonnement; enfin, à bout de patience, le personnel organisa un complot, qui fut mis à exécution le 10 septembre 1825. A 6 heures du matin, une petite troupe s'introduisit chez elle: elle était encore au lit. Un premier coup de couteau lui fut porté à la gorge par le cuisinier Basile Antonoff, dont la sœur Prascovie avait été cruellement torturée la veille. Elle ne succomba qu'après une lutte acharnée: on la retrouva la tête tranchée, les mains et les doigts coupés, la mâchoire désarticulée et tout le corps affreusement mutilé. Araktchéeff fut en proie à une douleur sans bornes: à l'inhumation, dans la cathédrale de Grouzino, il voulut se précipiter dans le caveau. L'enquête sur les meurtriers, au nombre de vingt-quatre, fut sommaire, et le verdict rigoureux: un nombre inusité de coups de knout, de cinquante à cent soixante-quinze, et les travaux forcés à perpétuité. Basile et Prascovie Antonoff restèrent sur la place. „L'application démesurée du knout équivalant à une peine de mort plus cruelle que celle qui fut abolie par la loi de 1754" et d'autres irrégularités de procédure amenèrent pourtant l'affaire en cassation devant le Sénat; la révocation du gouverneur de Novgorod, Jérebtzoff, s'en suivit.

Le portrait № 79 a son histoire. Quelques-uns le considèrent, sans preuves certaines d'ailleurs, comme celui de la femme d'Araktchéeff, Natalie Féodorowna Khomoutoff (née 1786), qu'il épousa le 4 février 1806, et qui se sépara de lui peu après en raison de ses penchants grossiers et de ses liaisons ouvertes avec les filles de service, et entre autres avec sa favorite Nastasie. Une modeste et excellente personne comme sa femme n'aurait guère consenti à se faire représenter dans un costume aussi peu convenable et absolument fantastique (il n'y avait pas de mode pareille). Ce portrait fut reproduit pour la première fois en gravure par Matiouchine, dans le fascicule II des portraits russes publiés par la Rousskaïa Starina, et accompagné de la notice suivante de Sémewsky: „Acheté après la mort de Minkina au bourg de Grouzino par D. Filosofoff, propriétaire à Pskoff, ce portrait, d'une fort belle exécution, date des premières années du siècle. Le fils de l'acheteur a bien voulu nous céder ce spécimen des plus intéressants". C'est sans doute celui même qui figure actuellement au Musée Historique de Moscou (collection A. Bakhrouchine), et qui a servi à la reproduction ci-jointe. Si c'en est un autre, l'identification n'en est que plus sûre, car celui du Musée porte une plaque avec le nom de N. F. Minkine. L'aquarelle № 78 a été découverte par hasard à Voronèje, dans la galerie d'un amateur de cette ville, M. Parénago, et doit être plus ressemblant.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

ГАВРІИЛЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ, 1746—1803, сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова, начальника Тульскаго оружейнаго завода († 6 Апрѣля 1784 г.), отъ второго его брака съ Варварой Никитичной Шишковой, былъ единокровный братъ знаменитаго Екатерининскаго дѣятеля и побѣдителя Пугачева, Александра Ильича Бибикова (р. 1729 г., † 9 Апрѣля 1774 г.).

Умеръ Г. И. Бибиковъ въ Москвѣ 16 Іюня 1803 года, въ чинѣ генералъ-майора, и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На памятникѣ его высѣчена слѣдующая стихотворная эпитафія:

„Сей хладный камень покрываетъ
Прахъ тлѣнный одного изъ рѣдкихъ тѣхъ мужей,
Какихъ Творецъ, какъ даръ, на землю посылаетъ
Для благоденствія, для радости людей.
Геройство, тонкій умъ, небесна добродѣтель,
Чистѣйшей вѣры огнь въ душѣ его горѣлъ;
Супругъ, отецъ и другъ, несчастныхъ благодѣтель
Искалъ онъ вѣчности, искалъ и пріобрѣлъ.
Съ его потерею всѣ горести постигли
Супругу нѣжную и съ ней двѣнадцать чадъ;
Она съ потокомъ слезъ сей памятникъ воздвигла.
Дай, Боже, помощь имъ, лишеннымъ всѣхъ отрадъ!“

Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Чебышевой († 1 Сентября 1833 г.).

Еще одинъ портретъ Г. И. Бибикова, въ болѣе молодыхъ годахъ, въ военной формѣ, не особенно хорошаго письма, имѣется въ Москвѣ у П. Д. Хрущова.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ГАВРІИЛЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ, 1746—1803, сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова, начальника Тульскаго оружейнаго завода (┼ 6 Апрѣля 1784 г.), отъ второго его брака съ Варварой Никитичной Шишковой, былъ единокровный братъ знаменитаго Екатерининскаго дѣятеля и побѣдителя Пугачева, Александра Ильича Бибикова (р. 1729 г., ┼ 9 Апрѣля 1774 г.).

Умеръ Г. И. Бибиковъ въ Москвѣ 16 Іюня 1803 года, въ чинѣ генералъ-майора, и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На памятникѣ его высѣчена слѣдующая стихотворная эпитафія:

„Сей хладный камень покрываетъ
Прахъ тлѣнный одного изъ рѣдкихъ тѣхъ мужей,
Какихъ Творецъ, какъ даръ, на землю посылаетъ
Для благоденствія, для радости людей.
Геройство, тонкій умъ, небесна добродѣтель,
Чистѣйшей вѣры огнь въ душѣ его горѣлъ;
Супругъ, отецъ и другъ, несчастныхъ благодѣтель
Искалъ онъ вѣчности, искалъ и пріобрѣлъ.
Съ его потерею всѣ горести постигли
Супругу нѣжную и съ ней двѣнадцать чадъ;
Она съ потокомъ слезъ сей памятникъ воздвигла.
Дай, Боже, помощь имъ, лишеннымъ всѣхъ отрадъ!“

Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Чебышевой (┼ 1 Сентября 1833 г.).

Еще одинъ портретъ Г. И. Бибикова, въ болѣе молодыхъ годахъ, въ военной формѣ, не особенно хорошаго письма, имѣется въ Москвѣ у П. Д. Хрущова.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

GABRIEL ILYITCH BIBIKOFF, 1746—1803, fils du général lieutenant du génie Elie Alexandrowitch Bibikoff († 6 avril 1784), directeur de la manufacture d'armes de Toula, et de sa seconde femme, Varvara Nikititchna Chichkoff, était frère consanguin du fameux homme d'état du temps de Catherine, vainqueur de Pougatcheff, Alexandre Ilyitch Bibikoff (1729—9 avril 1774). Il mourut à Moscou le 16 juin 1803, général major, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou.

On lit sur sa tombe l'épitaphe suivante:

„Cette froide pierre recouvre
„D'un des rares mortels la cendre périssable
„Que le Créateur donne en présent à la terre,
„Pour la prospérité, pour le bonheur des hommes.
„Héros, esprit subtil, angélique vertu,
„Son cœur brûlait du feu de la plus pure foi.
„Epoux et père, ami, trésor des malheureux,
„Voulut l'éternité: il la voulut, il l'a!
„De toutes les douleurs par sa perte accablée,
„Avec ses douze enfants, son épouse chérie
„Eleva ce tombeau dans des torrents de larmes.
„Protège-les, Seigneur, ces pauvres orphelins!"

Bibikoff avait épousé Catherine Alexandrowna Tchébycheff († 1er septembre 1833).

Il y a de lui un autre portrait, plus jeune, en tenue d'officier, d'une exécution médiocre, chez P. Khrouchtchoff, à Moscou.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

80

GABRIEL ILYITCH BIBIKOFF, 1746—1803, fils du général lieutenant du génie Elie Alexandrowitch Bibikoff († 6 avril 1784), directeur de la manufacture d'armes de Toula, et de sa seconde femme, Varvara Nikititchna Chichkoff, était frère consanguin du fameux homme d'état du temps de Catherine, vainqueur de Pougatcheff, Alexandre Ilyitch Bibikoff (1729—9 avril 1774). Il mourut à Moscou le 16 juin 1803, général major, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou.

On lit sur sa tombe l'épitaphe suivante:

„Cette froide pierre recouvre
„D'un des rares mortels la cendre périssable
„Que le Créateur donne en présent à la terre,
„Pour la prospérité, pour le bonheur des hommes.
„Héros, esprit subtil, angélique vertu,
„Son cœur brûlait du feu de la plus pure foi.
„Epoux et père, ami, trésor des malheureux,
„Voulut l'éternité: il la voulut, il l'a!
„De toutes les douleurs par sa perte accablée,
„Avec ses douze enfants, son épouse chérie
„Eleva ce tombeau dans des torrents de larmes.
„Protège-les, Seigneur, ces pauvres orphelins!"

Bibikoff avait épousé Catherine Alexandrowna Tchébycheff († 1er septembre 1833).

Il y a de lui un autre portrait, plus jeune, en tenue d'officier, d'une exécution médiocre, chez P. Khrouchtchoff, à Moscou.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

81

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БИБИКОВА, 1766—1833, рожденная Чебышева, была жена генералъ-майора Гаврiила Ильича Бибикова и мать извѣстнаго Кіевскаго генералъ-губернатора, министра Внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Димитрія Гавриловича Бибикова (р. 1792 г., † 1870 г.). Кромѣ послѣдняго, у ней было отъ этого брака еще 11 человѣкъ дѣтей, а именно: Павелъ († 1812 г.; генералъ-майоръ, былъ женатъ на Елизаветѣ Андреевнѣ Донецъ-Захаржевской, которая во 2 бракѣ была за графомъ А. Х. Бенкендорфомъ), Гавріилъ († 10 Іюля 1850 г.; тайный совѣтникъ, женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бибиковой), Илья (генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Виленскій, женатъ на Варварѣ Петровнѣ Мятлевой), Александръ, Анна (за генералъ-адъютантомъ Н. П. Панкратьевымъ), Софія (р. 1787 г., † 1856 г.; за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ив. Петр. Бибиковымъ), Екатерина (за генералъ-майоромъ А. А. Арсеньевымъ), Марія (за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Н. Дюклу), Вѣра (р. 1798 г., † 1861 г.; за полковникомъ П. Д. Хрущовымъ) и Александра (имя еще одного изъ ея дѣтей — неизвѣстно).

Е. А. Бибикова умерла, 67 лѣтъ, 1 Сентября 1833 года и похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

П. Д. Хрущову, въ Москвѣ, принадлежитъ прекрасный портретъ Е. А. Бибиковой, повидимому, кисти Лагрене.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

81

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БИБИКОВА, 1766—1833, рожденная Чебышева, была жена генералъ-майора Гавріила Ильича Бибикова и мать извѣстнаго Кіевскаго генералъ-губернатора, министра Внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Димитрія Гавриловича Бибикова (р. 1792 г., † 1870 г.). Кромѣ послѣдняго, у ней было отъ этого брака еще 11 человѣкъ дѣтей, а именно: Павелъ († 1812 г.; генералъ-майоръ, былъ женатъ на Елизаветѣ Андреевнѣ Донецъ-Захаржевской, которая во 2 бракѣ была за графомъ А. Х. Бенкендорфомъ), Гавріилъ († 10 Іюля 1850 г.; тайный совѣтникъ, женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бибиковой), Илья (генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Виленскій, женатъ на Варварѣ Петровнѣ Мятлевой), Александръ, Анна (за генералъ-адъютантомъ И. П. Панкратьевымъ), Софія (р. 1787 г., † 1856 г.; за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ив. Петр. Бибиковымъ), Екатерина (за генералъ-майоромъ А. А. Арсеньевымъ), Марія (за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Н. Дюклу), Вѣра (р. 1798 г., † 1861 г.; за полковникомъ П. Д. Хрущовымъ) и Александра (имя еще одного изъ ея дѣтей — неизвѣстно).

Е. А. Бибикова умерла, 67 лѣтъ, 1 Сентября 1833 года и похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

П. Д. Хрущову, въ Москвѣ, принадлежитъ прекрасный портретъ Е. А. Бибиковой, повидимому, кисти Лагрене.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

81

CATHERINE ALEXANDROWNA BIBIKOFF, 1766—1833, née Tchébycheff, épousa le général major Gabriel Ilyitch Bibikoff, et fut mère du général aide de camp Dmitri Gavrilowitch Bibikoff (1792—1870), connu comme général gouverneur de Kieff et ministre de l'intérieur. Elle eut encore onze autres enfants, Paul († 1812), général major, qui épousa Elisabeth Andréewna Donetz-Zakharjewsky, mariée en secondes noces au comte A. Benckendorf, Gabriel († 10 juillet 1850), conseiller privé, marié à Catherine Pétrowna Bibikoff, Elie, général aide de camp, général gouverneur de Vilna, marié à Varvara Pétrowna Miatleff, Alexandre, Anne, mariée au général aide de camp N. Pankratieff, Sophie (1787—1856) au conseiller d'état actuel J. Bibikoff, Catherine au général major A. Arsénieff, Marie au conseiller d'état actuel A. Ducloud, Véra (1798—1861) au colonel P. Khrouchtchoff, Alexandrine, et un autre dont le nom est inconnu.

Mme Bibikoff mourut à 67 ans le 1er septembre 1833, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou, près de son mari.

Il existe chez P. Khrouchtchoff, à Moscou, un magnifique portrait d'elle, qui paraît bien être de Lagrenée.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

81

CATHERINE ALEXANDROWNA BIBIKOFF, 1766—1833, née Tchébycheff, épousa le général major Gabriel Ilyitch Bibikoff, et fut mère du général aide de camp Dmitri Gavrilowitch Bibikoff (1792—1870), connu comme général gouverneur de Kieff et ministre de l'intérieur. Elle eut encore onze autres enfants, Paul († 1812), général major, qui épousa Elisabeth Andréewna Donetz-Zakharjewsky, mariée en secondes noces au comte A. Benckendorf, Gabriel († 10 juillet 1850), conseiller privé, marié à Catherine Pétrowna Bibikoff, Elie, général aide de camp, général gouverneur de Vilna, marié à Varvara Pétrowna Miatleff, Alexandre, Anne, mariée au général aide de camp N. Pankratieff, Sophie (1787—1856) au conseiller d'état actuel J. Bibikoff, Catherine au général major A. Arsénieff, Marie au conseiller d'état actuel A. Ducloud, Véra (1798—1861) au colonel P. Khrouchtchoff, Alexandrine, et un autre dont le nom est inconnu.

Mme Bibikoff mourut à 67 ans le 1er septembre 1833, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou, près de son mari.

Il existe chez P. Khrouchtchoff, à Moscou, un magnifique portrait d'elle, qui paraît bien être de Lagrenée.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

82

Князь **ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1787—1858, старшій сынъ генералъ-поручика и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Василія Васильевича (р. 1752 г., † 1812 г.) отъ брака съ знаменитой красавицей княжной Екатериной Ѳедоровной Барятинской (р. 1769 г., † 1849 г.), родился въ С.-Петербургѣ 27 Марта 1787 года; получивъ домашнее воспитаніе въ родительскомъ домѣ, по тому времени блестящее, въ 1808 г. онъ поступилъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ.

Оставивъ военную службу, князь В. В. Долгорукій всю жизнь прослужилъ по Придворному вѣдомству: въ 1812 г. онъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, въ 1814 г.—въ камергеры. Черезъ 5 лѣтъ, 12 Декабря 1819 г., Долгорукій былъ сдѣланъ шталмейстеромъ и въ коронацію Императора Николая I получилъ Александровскую ленту. Пожалованный 1 Іюня 1832 г. въ оберъ-шталмейстеры, онъ получилъ 21 Апрѣля 1834 г. орденъ св. Владиміра 1 ст. и, наконецъ, 25 Марта 1839 г. сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Князь В. В. Долгорукій былъ вице-президентомъ Вольно-Экономическаго общества. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ 12 Декабря 1858 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Женатъ былъ съ 7 Января 1812 г. на фрейлинѣ княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Гагариной (р. 1793 г., † 1833 г.), отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей.

Кромѣ помѣщаемаго здѣсь портрета, у князя Д. Н. Долгорукаго, въ имѣніи Волынщина, имѣется еще 3 портрета князя Василія Васильевича: въ дѣтствѣ, офицеромъ Семеновскаго полка и въ старости. Еще одинъ портретъ его же, въ молодыхъ годахъ, рисунокъ сепіей, находится въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. Н. Долгорукому, с. Волынщина, Московской губ.)

82

Князь **ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1787—1858, старшій сынъ генералъ-поручика и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Василія Васильевича (р. 1752 г., † 1812 г.) отъ брака съ знаменитой красавицей княжной Екатериной Ѳедоровной Барятинской (р. 1769 г., † 1849 г.), родился въ С.-Петербургѣ 27 Марта 1787 года; получивъ домашнее воспитаніе въ родительскомъ домѣ, по тому времени блестящее, въ 1808 г. онъ поступилъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ.

Оставивъ военную службу, князь В. В. Долгорукій всю жизнь прослужилъ по Придворному вѣдомству: въ 1812 г. онъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, въ 1814 г.—въ камергеры. Черезъ 5 лѣтъ, 12 Декабря 1819 г., Долгорукій былъ сдѣланъ шталмейстеромъ и въ коронацію Императора Николая I получилъ Александровскую ленту. Пожалованный 1 Іюня 1832 г. въ оберъ-шталмейстеры, онъ получилъ 21 Апрѣля 1834 г. орденъ св. Владиміра 1 ст. и, наконецъ, 25 Марта 1839 г. сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Князь В. В. Долгорукій былъ вице-президентомъ Вольно-Экономическаго общества. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ 12 Декабря 1858 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Женатъ былъ съ 7 Января 1812 г. на фрейлинѣ княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Гагариной (р. 1793 г., † 1833 г.), отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей.

Кромѣ помѣщаемаго здѣсь портрета, у князя Д. Н. Долгорукаго, въ имѣніи Вольынщина, имѣется еще 3 портрета князя Василія Васильевича: въ дѣтствѣ, офицеромъ Семеновскаго полка и въ старости. Еще одинъ портретъ его же, въ молодыхъ годахъ, рисунокъ сепіей, находится въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. Н. Долгорукому, с. Вольынщина, Московской губ.)

82

Le prince **BASILE VASSILIEWITCH DOLGOROUKY**, 1787—1858, fils aîné du prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky (1752—1812), général lieutenant et conseiller privé actuel, et de la princesse, connue pour sa beauté, Catherine Féodorowna Bariatinsky (1769—1849), naquit à St-Pétersbourg le 27 mars 1787. Il reçut chez ses parents une éducation brillante au goût du temps, et devint en 1808 lieutenant au régiment Sémenowsky.

Le prince Dolgorouky quitta le service militaire pour la Cour, où il fit toute sa carrière. Gentilhomme de la chambre en 1812, chambellan en 1814, écuyer cinq ans plus tard, le 12 décembre 1819, il obtint le cordon de St-Alexandre au Couronnement de l'Empereur Nicolas Ier. Grand écuyer le 1er juin 1832, il fut décoré le 21 avril 1834 de St-Vladimir de 1re classe et enfin le 25 mars 1839 de St-André. Il était vice-président de la Société Economique Libre. Il mourut à St-Pétersbourg le 12 décembre 1858, et fut inhumé au cimetière de Smolensk. Il avait épousé le 7 janvier 1812 la princesse Varvara Serguéewna Gagarine (1793—1833), demoiselle d'honneur, dont il eut deux fils et deux filles.

Outre son portrait reproduit ici, il en existe trois autres chez le prince D. Dolgorouky, au domaine de Volynchtchina, un tout enfant, un en officier du régiment Sémenowsky et un vieillard. Il y a encore un portrait de lui, tout jeune, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.

(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

82

Le prince **BASILE VASSILIEWITCH DOLGOROUKY**, 1787—1858, fils aîné du prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky (1752—1812), général lieutenant et conseiller privé actuel, et de la princesse, connue pour sa beauté, Catherine Féodorowna Bariatinsky (1769—1849), naquit à St-Pétersbourg le 27 mars 1787. Il reçut chez ses parents une éducation brillante au goût du temps, et devint en 1808 lieutenant au régiment Sémenowsky.

Le prince Dolgorouky quitta le service militaire pour la Cour, où il fit toute sa carrière. Gentilhomme de la chambre en 1812, chambellan en 1814, écuyer cinq ans plus tard, le 12 décembre 1819, il obtint le cordon de St-Alexandre au Couronnement de l'Empereur Nicolas Ier. Grand écuyer le 1er juin 1832, il fut décoré le 21 avril 1834 de St-Vladimir de 1re classe et enfin le 25 mars 1839 de St-André. Il était vice-président de la Société Economique Libre. Il mourut à St-Pétersbourg le 12 décembre 1858, et fut inhumé au cimetière de Smolensk. Il avait épousé le 7 janvier 1812 la princesse Varvara Serguéewna Gagarine (1793—1833), demoiselle d'honneur, dont il eut deux fils et deux filles.

Outre son portrait reproduit ici, il en existe trois autres chez le prince D. Dolgorouky, au domaine de Volynchtchina, un tout enfant, un en officier du régiment Sémenowsky et un vieillard. Il y a encore un portrait de lui, tout jeune, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.

(D'après un original appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

83

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ШУЛЬГИНЪ, 17..—1841, первоначально служилъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку и былъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Павловича. Изъ „окружныхъ начальниковъ Новгородскихъ“ онъ въ 1814 году былъ назначенъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и служилъ въ Москвѣ до 1824 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургъ. Послѣ событій 14 Декабря 1825 года Шульгинъ былъ уволенъ въ отставку и жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 29 Апрѣля 1841 года; погребенъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Надеждой Петровной (фамилія ея намъ неизвѣстна) Шульгинъ имѣлъ сына Николая, пажа, умершаго въ отрочествѣ, и дочерей Александру (за Эмминымъ), Елизавету, умершую въ младенчествѣ, Ирину и Софію, умершихъ въ преклонныхъ лѣтахъ дѣвицами.

По отзыву Н. Н. Муравьева, Шульгинъ, „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ къ должности полиціймейстера, къ которой имѣлъ особое призваніе; большой крикунъ, хлопотунъ, онъ любилъ иногда своеручно поколотить, пожары тушить и разсказывать о своихъ подвигахъ въ такомъ родѣ“. Пожарную команду онъ поставилъ по тому времени образцово и на пожарахъ своею смѣлостью и распорядительностью возбуждалъ восхищеніе въ толпѣ зрителей, кричавшихъ: „Вотъ отецъ, вотъ такъ молодецъ!“ Москвичи любили удалого и добродушнаго оберъ-полиціймейстера, и купцы помогали Шульгину, когда впослѣдствіи онъ впалъ въ бѣдность. Эта кипучая и лихая натура ни въ чемъ не знала удержу. „Если не нравится Москва“, говорилъ онъ, „такъ скажи прямо; я берусь выжечь ее не по-французски и не по-растопчински, а по-своему, такъ что послѣ меня не отстроять ея во сто лѣтъ“, и, пожалуй, былъ способенъ привести въ исполненіе это обѣщаніе. Шульгинъ жилъ большимъ бариномъ. На средства жены онъ построилъ великолѣпный домъ на Тверской (позднѣе Исакова), согласно съ послѣднимъ словомъ строительнаго искусства того времени, меблировка была роскошная; его кухня славилась безпримѣрной чистотой, а столъ изысканными блюдами, за приготовленіемъ которыхъ онъ самъ любилъ наблюдать.

Подъ конецъ жизни Шульгинъ запутался въ долгахъ и разорился. Князь Д. В. Голицынъ, съ которымъ онъ не ладилъ въ бытность полиціймейстеромъ, но который цѣнилъ очень Шульгина, много ему помогалъ. Послѣдніе годы онъ жилъ близъ Арбата, въ небольшомъ домикѣ въ три окна. Шульгинъ въ это время сильно опустился, сталъ пить, и нерѣдко можно было видѣть, какъ бывшій оберъ-полиціймейстеръ, несмотря на чинъ генералъ-майора, въ засаленномъ халатѣ кололъ на дворѣ дрова или рубилъ капусту.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ШУЛЬГИНЪ, 17..—1841, первоначально служилъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку и былъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Павловича. Изъ „окружныхъ начальниковъ Новгородскихъ" онъ въ 1814 году былъ назначенъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и служилъ въ Москвѣ до 1824 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургъ. Послѣ событій 14 Декабря 1825 года Шульгинъ былъ уволенъ въ отставку и жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 29 Апрѣля 1841 года; погребенъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Надеждой Петровной (фамилія ея намъ неизвѣстна) Шульгинъ имѣлъ сына Николая, пажа, умершаго въ отрочествѣ, и дочерей Александру (за Эминымъ), Елизавету, умершую въ младенчествѣ, Ирину и Софію, умершихъ въ преклонныхъ лѣтахъ дѣвицами.

По отзыву Н. Н. Муравьева, Шульгинъ, „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ къ должности полиціймейстера, къ которой имѣлъ особое призваніе; большой крикунъ, хлопотунъ, онъ любилъ иногда собственноручно поколотить, пожары тушить и разсказывать о своихъ подвигахъ въ такомъ родѣ". Пожарную команду онъ поставилъ по тому времени образцово и на пожарахъ своею смѣлостью и распорядительностью возбуждалъ восхищеніе въ толпѣ зрителей, кричавшихъ: „Вотъ отецъ, вотъ такъ молодецъ!" Москвичи любили удалого и добродушнаго оберъ-полиціймейстера, и купцы помогали Шульгину, когда впослѣдствіи онъ впалъ въ бѣдность. Эта кипучая и лихая натура ни въ чемъ не знала удержу. „Если не нравится Москва", говорилъ онъ, „такъ скажи прямо; я берусь выжечь ее не по-французски и не по-растопчински, а по-своему, такъ что послѣ меня не отстроять ея во сто лѣтъ", и, пожалуй, былъ способенъ привести въ исполненіе это обѣщаніе. Шульгинъ жилъ большимъ бариномъ. На средства жены онъ построилъ великолѣпный домъ на Тверской (позднѣе Исакова), согласно съ послѣднимъ словомъ строительнаго искусства того времени, меблировка была роскошная; его кухня славилась безпримѣрной чистотой, а столъ изысканными блюдами, за приготовленіемъ которыхъ онъ самъ любилъ наблюдать.

Подъ конецъ жизни Шульгинъ запутался въ долгахъ и разорился. Князь Д. В. Голицынъ, съ которымъ онъ не ладилъ въ бытность полиціймейстеромъ, но который цѣнилъ очень Шульгина, много ему помогалъ. Послѣдніе годы онъ жилъ близъ Арбата, въ небольшомъ домикѣ въ три окна. Шульгинъ въ это время сильно опустился, сталъ пить, и нерѣдко можно было видѣть, какъ бывшій оберъ-полиціймейстеръ, несмотря на чинъ генералъ-майора, въ засаленномъ халатѣ кололъ на дворѣ дрова или рубилъ капусту.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

83

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH CHOULGUINE, 17..—1841, servit d'abord aux uhlans de la Garde et fut aide de camp du Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Commissaire de police à Novgorod, il fut nommé en 1814 préfet de police de Moscou, puis, en 1824, de Pétersbourg. A la suite des événements du 14 décembre 1825, il fut mis à la retraite et se fixa définitivement à Moscou, où il mourut le 29 avril 1841, et fut inhumé au monastère Daniloff.

Il eut de son mariage avec Nadejda Pétrowna, de famille inconnue, un fils Nicolas, page, mort adolescent, et plusieurs filles, Alexandrine, mariée à Emine, Elisabeth, morte enfant, Irène et Sophie, mortes sans alliance à un âge avancé.

„Simple et grossier, mais soigneux et entendu, sans être d'ailleurs capable de réflexion bien approfondie", dit N. Mouravieff, Choulguine „fut constamment chargé des fonctions de préfet de police, pour lesquelles il avait une vocation spéciale: grand braillard, toujours affairé, il aimait parfois faire lui-même le coup de poing, aller aux incendies et raconter ses prouesses de ce genre". Il organisa une équipe de pompiers modèle pour l'époque, et sa hardiesse et son habileté aux incendies arrachaient à la foule des cris d'admiration. Les moscovites aimaient bien ce préfet gaillard et bon enfant, et les marchands faisaient beaucoup pour lui, ce qui ne l'empêcha pas de tomber dans la misère. Nature bouillante et aventureuse, il ne connaissait pas de frein: „Si Moscou ne plaît pas", disait-il, „dis-le carrément! je me charge d'y mettre le feu, mais pas à la française ni à la Rostoptchine, à ma façon, et elle ne s'en relèvera pas en cent ans!" Et il était bien homme à le faire! Choulguine vivait sur un grand pied. Il fit bâtir aux frais de sa femme une maison magnifique à la Tverskaïa (plus tard maison Issakoff), selon le dernier mot de la technique du temps, luxueusement meublée, avec une cuisine renommée pour sa propreté sans précédent; il avait une table recherchée, dont il aimait à surveiller lui-même les apprêts.

Sur la fin de sa vie, Choulguine s'endetta et se ruina. Le prince D. Golitzyne, avec lequel il avait eu des difficultés étant préfet, mais qui faisait grand cas de lui, lui vint beaucoup en aide. Il habitait dans les derniers temps une petite maison à trois fenêtres de façade près de l'Arbat. Il en vint à se négliger au dernier point, se mit à boire, et on pouvait voir souvent l'ancien préfet de police, tout général major qu'il était, en robe de chambre graisseuse, installé dans sa cour à fendre du bois ou à hacher des choux.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH CHOULGUINE, 17..—1841, servit d'abord aux uhlans de la Garde et fut aide de camp du Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Commissaire de police à Novgorod, il fut nommé en 1814 préfet de police de Moscou, puis, en 1824, de Pétersbourg. A la suite des événements du 14 décembre 1825, il fut mis à la retraite et se fixa définitivement à Moscou, où il mourut le 29 avril 1841, et fut inhumé au monastère Daniloff.

Il eut de son mariage avec Nadejda Pétrowna, de famille inconnue, un fils Nicolas, page, mort adolescent, et plusieurs filles, Alexandrine, mariée à Emine, Elisabeth, morte enfant, Irène et Sophie, mortes sans alliance à un âge avancé.

„Simple et grossier, mais soigneux et entendu, sans être d'ailleurs capable de réflexion bien approfondie", dit N. Mouravieff, Choulguine „fut constamment chargé des fonctions de préfet de police, pour lesquelles il avait une vocation spéciale: grand braillard, toujours affairé, il aimait parfois faire lui-même le coup de poing, aller aux incendies et raconter ses prouesses de ce genre". Il organisa une équipe de pompiers modèle pour l'époque, et sa hardiesse et son habileté aux incendies arrachaient à la foule des cris d'admiration. Les moscovites aimaient bien ce préfet gaillard et bon enfant, et les marchands faisaient beaucoup pour lui, ce qui ne l'empêcha pas de tomber dans la misère. Nature bouillante et aventureuse, il ne connaissait pas de frein: „Si Moscou ne plaît pas", disait-il, „dis-le carrément! je me charge d'y mettre le feu, mais pas à la française ni à la Rostoptchine, à ma façon, et elle ne s'en relèvera pas en cent ans!" Et il était bien homme à le faire! Choulguine vivait sur un grand pied. Il fit bâtir aux frais de sa femme une maison magnifique à la Tverskaïa (plus tard maison Issakoff), selon le dernier mot de la technique du temps, luxueusement meublée, avec une cuisine renommée pour sa propreté sans précédent; il avait une table recherchée, dont il aimait à surveiller lui-même les apprêts.

Sur la fin de sa vie, Choulguine s'endetta et se ruina. Le prince D. Golitzyne, avec lequel il avait eu des difficultés étant préfet, mais qui faisait grand cas de lui, lui vint beaucoup en aide. Il habitait dans les derniers temps une petite maison à trois fenêtres de façade près de l'Arbat. Il en vint à se négliger au dernier point, se mit à boire, et on pouvait voir souvent l'ancien préfet de police, tout général major qu'il était, en robe de chambre graisseuse, installé dans sa cour à fendre du bois ou à hacher des choux.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

84

Баронесса **ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРІЕВНА РОЗЕНЪ**, 1790—1862, дочь генералъ-майора графа Дмитрія Александровича Зубова (р. 1764 г., † 1836 г.), женатаго на княжнѣ Прасковіи Александровнѣ Вяземской (р. 1772 г., † 1835 г.), дочери Екатерининскаго генералъ-прокурора, была родной племянницей фаворита Платона Зубова; 20-и лѣтъ, будучи фрейлиной, вышла замужъ за молодого генералъ-майора барона Григорія Владиміровича Розена, позднѣе генералъ-адъютанта, главнокомандующаго въ Грузіи и сенатора въ Москвѣ.

Отъ этого брака у баронессы Елизаветы Дмитріевны Розенъ было 2 сына: Александръ (р. 12 Декабря 1812 г., † 24 Января 1874 г.; полковникъ) и Дмитрій (р. 1815 г.; полковникъ), и 4 дочери: Аделаида, Лидія (р. 2 Января 1817 г., † 6 Декабря 1866 г.; въ замужствѣ за княземъ Александромъ Леоновичемъ Дадіаномъ, р. 1800 г., † 1865 г.; мужъ ея, обвиненный въ злоупотребленіяхъ по службѣ, лично Императоромъ Николаемъ I лишенъ былъ флигель-адъютантства, а судомъ—чиновъ, и сосланъ въ Вятку; похоронены оба въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ), Софія (р. 4 Апрѣля 1821 г., † 11 Января 1900 г.; въ замужствѣ за В. С. Аладьинымъ, р. 1796 г., † 1876 г.; оба похоронены въ Андроніевомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича имѣются 2 портрета графа Д. А. Зубова и его жены, рисованные акварелью внучкой ихъ баронессой Софіей Розенъ) и Прасковія (р. 1825 г., † 12 Августа 1899 г.; извѣстная своей дѣятельностью и печальной судьбой игуменія Митрофанія; похоронена въ Москвѣ, въ основанной ею Покровской общинѣ).

(Съ портрета Лампи-сына; собственность графини Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

84

Баронесса **ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРІЕВНА РОЗЕНЪ**, 1790—1862, дочь генералъ-майора графа Дмитрія Александровича Зубова (р. 1764 г., † 1836 г.), женатаго на княжнѣ Прасковіи Александровнѣ Вяземской (р. 1772 г., † 1835 г.), дочери Екатерининскаго генералъ-прокурора, была родной племянницей фаворита Платона Зубова; 20-и лѣтъ, будучи фрейлиной, вышла замужъ за молодого генералъ-майора барона Григорія Владиміровича Розена, позднѣе генералъ-адъютанта, главнокомандующаго въ Грузіи и сенатора въ Москвѣ.

Отъ этого брака у баронессы Елизаветы Дмитріевны Розенъ было 2 сына: Александръ (р. 12 Декабря 1812 г., † 24 Января 1874 г.; полковникъ) и Дмитрій (р. 1815 г.; полковникъ), и 4 дочери: Аделаида, Лидія (р. 2 Января 1817 г., † 6 Декабря 1866 г.; въ замужствѣ за княземъ Александромъ Леоновичемъ Дадіаномъ, р. 1800 г., † 1865 г.; мужъ ея, обвиненный въ злоупотребленіяхъ по службѣ, лично Императоромъ Николаемъ I лишенъ былъ флигель-адъютантства, а судомъ—чиновъ, и сосланъ въ Вятку; похоронены оба въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ), Софія (р. 4 Апрѣля 1821 г., † 11 Января 1900 г.; въ замужствѣ за В. С. Аладьинымъ, р. 1796 г., † 1876 г.; оба похоронены въ Андроніевомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича имѣются 2 портрета графа Д. А. Зубова и его жены, рисованные акварелью внучкой ихъ баронессой Софіей Розенъ) и Прасковія (р. 1825 г., † 12 Августа 1899 г.; извѣстная своей дѣятельностью и печальной судьбой игуменія Митрофанія; похоронена въ Москвѣ, въ основанной ею Покровской общинѣ).

(Съ портрета Лампи-сына; собственность графини Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

84

La baronne ÉLISABETH DMITRIEWNA ROSEN, 1790—1862, fille du comte Dmitri Alexandrowitch Zouboff (1764—1836), général major, et de Prascovie Alexandrowna, née princesse Viazemsky (1772—1835), fille du procureur général du temps de Catherine II, était la nièce du favori Platon Zouboff. Demoiselle d'honneur, elle épousa à l'âge de 20 ans le jeune général major baron Grégoire Vladimirowitch Rosen, plus tard général aide de camp, commandant en chef en Géorgie et sénateur à Moscou.

La baronne eut de ce mariage deux fils, Alexandre (12 décembre 1812—24 janvier 1874), colonel, et Dmitri (né 1815), colonel, et quatre filles, Adélaïde, Lydie (2 janvier 1817—6 décembre 1866), mariée au prince Alexandre Léonowitch Dadian (1800—1865), qui, convaincu de malversations dans le service, fut dépouillé par l'Empereur Nicolas Ier en personne de sa dignité d'aide de camp de Sa Majesté, et condamné à la dégradation et à la relégation à Viatka (il fut inhumé avec sa femme au monastère Donskoï, à Moscou), Sophie (4 avril 1821—11 janvier 1900), mariée à Aladyine (1796—1876) et inhumée avec lui au monastère Andronieff, à Moscou (il y a dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch deux aquarelles représentant le comte D. Zouboff et sa femme, faites par leur petite-fille la baronne Sophie Rosen), et Prascovie (1825—12 août 1899), l'abbesse Mitrophanie, connue par son activité et son triste sort, inhumée à la communauté de l'Intercession, fondée par elle.

(D'après un original de Lampi fils, appartenant à la comtesse E. Konovnitzyne, Moscou.)

84

La baronne ÉLISABETH DMITRIEWNA ROSEN, 1790—1862, fille du comte Dmitri Alexandrowitch Zouboff (1764—1836), général major, et de Prascovie Alexandrowna, née princesse Viazemsky (1772—1835), fille du procureur général du temps de Catherine II, était la nièce du favori Platon Zouboff. Demoiselle d'honneur, elle épousa à l'âge de 20 ans le jeune général major baron Grégoire Vladimirowitch Rosen, plus tard général aide de camp, commandant en chef en Géorgie et sénateur à Moscou.

La baronne eut de ce mariage deux fils, Alexandre (12 décembre 1812—24 janvier 1874), colonel, et Dmitri (né 1815), colonel, et quatre filles, Adélaïde, Lydie (2 janvier 1817—6 décembre 1866), mariée au prince Alexandre Léonowitch Dadian (1800—1865), qui, convaincu de malversations dans le service, fut dépouillé par l'Empereur Nicolas Ier en personne de sa dignité d'aide de camp de Sa Majesté, et condamné à la dégradation et à la relégation à Viatka (il fut inhumé avec sa femme au monastère Donskoï, à Moscou), Sophie (4 avril 1821—11 janvier 1900), mariée à Aladyine (1796—1876) et inhumée avec lui au monastère Andronieff, à Moscou (il y a dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch deux aquarelles représentant le comte D. Zouboff et sa femme, faites par leur petite-fille la baronne Sophie Rosen), et Prascovie (1825—12 août 1899), l'abbesse Mitrophanie, connue par son activité et son triste sort, inhumée à la communauté de l'Intercession, fondée par elle.

(D'après un original de Lampi fils, appartenant à la comtesse E. Konovnitzyne, Moscou.)

Баронъ **ГРИГОРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ РОЗЕНЪ**, 1782—1841, сынъ барона Владиміра Ивановича Розена, съ отличіемъ служившаго при Императрицѣ Екатеринѣ II (р. 1742 г., † 1792 г.), отъ брака съ Олимпіадой Өедоровной Раевской, родился 30 Сентября 1782 г. и поступилъ на службу въ 1797 г. въ Преображенскій полкъ. Первою кампаніей его была война 1805 г., и за Аустерлицъ онъ награжденъ золотой шпагой „за храбрость". Въ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг. Розенъ былъ въ кавалерійскомъ отрядѣ Платова и, участвуя почти во всѣхъ дѣлахъ, былъ произведенъ въ полковники, получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. и былъ назначенъ шефомъ 1-го егерскаго полка. За участіе въ Финляндской кампаніи 1808 и 1809 гг. Розенъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1810 г. онъ получилъ гвардейскую бригаду Преображенцевъ и Семеновцевъ, а 16 Декабря 1812 г. назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ Отечественную войну баронъ Розенъ принялъ выдающееся участіе въ сраженіяхъ при Вязьмѣ и Бородинѣ, а подъ Краснымъ, командуя авангардомъ генерала Тормасова, особенно отличился, обойдя противника и нанеся пораженіе Наполеоновской гвардіи. Ордена св. Анны 1 ст. и св. Георгія 3 ст. были наградами ему за эти подвиги. Въ Апрѣлѣ 1813 г. Розенъ получилъ 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ со своей дивизіей, въ 1813 г., въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и въ „битвѣ народовъ"—подъ Лейпцигомъ. По окончаніи войнъ, въ 1818 г. Розенъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Императора Александра I, а въ 1821 г. начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи. При коронованіи Императора Николая Павловича, Розенъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ слѣдующемъ году онъ получилъ Литовскій корпусъ. Въ 1830 г. произошелъ Польскій мятежъ; здѣсь въ началѣ кампаніи баронъ Розенъ выказалъ большую распорядительность, командуя 6-мъ корпусомъ, и съ успѣхомъ дрался при Саврѣ и Гроховѣ, но при Дембевельке его постигла крупная неудача, и послѣ того онъ остался со своимъ корпусомъ прикрывать Брестъ-Литовскъ. Въ концѣ кампаніи онъ удачно преслѣдовалъ польскія войска генерала Ромарино до предѣловъ Галиціи; наградами за всѣ эти дѣла были ордена св. Владиміра 1 ст. и св. Георгія 2 ст.; въ концѣ 1831 г. баронъ Розенъ получилъ отдѣльный Кавказскій корпусъ и былъ назначенъ главноуправляющимъ въ Грузіи, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, до 1837 года. Въ этомъ году Императоръ Николай совершилъ свое путешествіе по Кавказу и остался доволенъ хозяйственными распоряженіями барона Григорія Владиміровича, но во время этого путешествія былъ рядъ разныхъ неудачъ и непріятностей другого рода, которыя сильно повліяли на Розена; въ особенности огорчило его разжалованіе его зятя командира Эриванскаго карабинернаго полка князя Александра Леоновича Дадіана, который лично Николаемъ I 11 Октября 1837 г. былъ лишенъ публично на смотру флигель-адъютантскаго званія, которое тутъ же было, правда, пожаловано сыну Розена (князь Дадіанъ 2 Іюля 1840 г. былъ лишенъ по суду чиновъ, орденовъ, княжества и сосланъ въ Вятку; прощенъ 23 Іюня 1856 г.). Послѣ того Розенъ просилъ увольненія отъ должности, по разстроенному здоровью, и былъ назначенъ присутствующимъ въ Московскіе департаменты Сената, гдѣ и оставался до своей кончины, послѣдовавшей 6 Августа 1841 г.; похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Зубовой, отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

Баронъ Г. В. Розенъ, хотя и не обладалъ особенно выдающимися военными дарованіями, но въ бою былъ хладнокровенъ и храбръ, а въ частной жизни былъ извѣстенъ своей честностью и порядочностью, которыя заслужили ему уваженіе современниковъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Баронъ **ГРИГОРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ РОЗЕНЪ**, 1782—1841, сынъ барона Владиміра Ивановича Розена, съ отличіемъ служившаго при Императрицѣ Екатеринѣ II (р. 1742 г., † 1792 г.), отъ брака съ Олимпіадой Ѳедоровной Раевской, родился 30 Сентября 1782 г. и поступилъ на службу въ 1797 г. въ Преображенскій полкъ. Первою кампаніей его была война 1805 г., и за Аустерлицъ онъ награжденъ золотой шпагой „за храбрость". Въ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг. Розенъ былъ въ кавалерійскомъ отрядѣ Платова и, участвуя почти во всѣхъ дѣлахъ, былъ произведенъ въ полковники, получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. и былъ назначенъ шефомъ 1-го егерскаго полка. За участіе въ Финляндской кампаніи 1808 и 1809 гг. Розенъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1810 г. онъ получилъ гвардейскую бригаду Преображенцевъ и Семеновцевъ, а 16 Декабря 1812 г. назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ Отечественную войну баронъ Розенъ принялъ выдающееся участіе въ сраженіяхъ при Вязьмѣ и Бородинѣ, а подъ Краснымъ, командуя авангардомъ генерала Тормасова, особенно отличился, обойдя противника и нанеся пораженіе Наполеоновской гвардіи. Ордена св. Анны 1 ст. и св. Георгія 3 ст. были наградами ему за эти подвиги. Въ Апрѣлѣ 1813 г. Розенъ получилъ 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ со своей дивизіей, въ 1813 г., въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и въ „битвѣ народовъ"—подъ Лейпцигомъ. По окончаніи войнъ, въ 1818 г. Розенъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Императора Александра I, а въ 1821 г. начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи. При короновапіи Императора Николая Павловича, Розенъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ слѣдующемъ году онъ получилъ Литовскій корпусъ. Въ 1830 г. произошелъ Польскій мятежъ; здѣсь въ началѣ кампаніи баронъ Розенъ выказалъ большую распорядительность, командуя 6-мъ корпусомъ, и съ успѣхомъ дрался при Ваврѣ и Гроховѣ, но при Дембевельке его постигла крупная неудача, и послѣ того онъ остался со своимъ корпусомъ прикрывать Брестъ-Литовскъ. Въ концѣ кампаніи онъ удачно преслѣдовалъ польскія войска генерала Ромарино до предѣловъ Галиціи; наградами за всѣ эти дѣла были ордена св. Владиміра 1 ст. и св. Георгія 2 ст.; въ концѣ 1831 г. баронъ Розенъ получилъ отдѣльный Кавказскій корпусъ и былъ назначенъ главноуправляющимъ въ Грузіи, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, до 1837 года. Въ этомъ году Императоръ Николай совершилъ свое путешествіе по Кавказу и остался доволенъ хозяйственными распоряженіями барона Григорія Владиміровича, но во время этого путешествія былъ рядъ разныхъ неудачъ и непріятностей другого рода, которыя сильно повліяли на Розена; въ особенности огорчило его разжалованіе его зятя командира Эриванскаго карабинернаго полка князя Александра Леоновича Дадіана, который лично Николаемъ I 11 Октября 1837 г. былъ лишенъ публично на смотру флигель-адъютантскаго званія, которое тутъ же было, правда, пожаловано сыну Розена (князь Дадіанъ 2 Іюля 1840 г. былъ лишенъ по суду чиновъ, орденовъ, княжества и сосланъ въ Вятку; прощенъ 23 Іюня 1856 г.). Послѣ того Розенъ просилъ увольненія отъ должности, по разстроенному здоровью, и былъ назначенъ присутствующимъ въ Московскіе департаменты Сената, гдѣ и оставался до своей кончины, послѣдовавшей 6 Августа 1841 г.; похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Зубовой, отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

Баронъ Г. В. Розенъ, хотя и не обладалъ особенно выдающимися военными дарованіями, но въ бою былъ хладнокровенъ и храбръ, а въ частной жизни былъ извѣстенъ своей честностью и порядочностью, которыя заслужили ему уваженіе современниковъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le baron GRÉGOIRE VLADIMIROWITCH ROSEN, 1782—1841, fils du baron Vladimir Ivanowitch Rosen (1742—1792), qui servit avec distinction sous Catherine II, et d'Olympiade Féodorowna, née Raewsky, naquit le 30 septembre 1782 et prit du service en 1797 au régiment Préobragensky. Il fit d'abord la campagne de 1805, où Austerlitz lui valut une épée d'or „A la bravoure", puis celles de 1806/07, où, au corps de cavalerie de Platoff, il fut de presque tous les engagements, gagna le grade de colonel et St-Vladimir de 3e classe, et fut nommé chef du 1er régiment de chasseurs. La guerre de Finlande, en 1808/09, lui valut le grade de général major. En 1810, il reçut la brigade des régiments Préobragensky et Sémenowsky, et, le 16 décembre 1812, fut nommé commandant du régiment Préobragensky. Lors de la Guerre Patriotique, il prit une part brillante aux batailles de Viazma et Borodino, et se signala particulièrement à Krasnoïé, à la tête de l'avant-garde du général Tormassoff, en tournant l'ennemi et taillant en pièces la Garde de Napoléon; il obtint en récompense Ste-Anne de 1re classe et St-Georges de 3e classe. En avril 1813, promu général lieutenant, il reçut la 1re division d'infanterie de la Garde, à la tête de laquelle il opéra avec succès à Lutzen, Bautzen, Dresde, Kulm et Leipzig. A la paix, il fut nommé en 1818 général aide de camp d'Alexandre Ier, et en 1821 chef de la 15e division d'infanterie. Promu général d'infanterie au couronnement de l'Empereur Nicolas, il fut mis l'année suivante à la tête du corps de Lithuanie. Lors de l'insurrection de Pologne de 1830, il fit preuve dès le début de la campagne d'un grand esprit d'organisation, et, avec le 6e corps, prit une part heureuse aux combats de Wawra et Grokhovo, mais essuya ensuite un gros échec à Dembewelke, et dut dès lors se borner à couvrir Brest-Litowsk. A la fin de la campagne, il poursuivit avec succès les troupes polonaises du général Romarino jusqu'à la frontière de Galicie. Toute cette campagne lui valut St-Vladimir de 1re classe et St-Georges de 2e classe. Dans les derniers mois de 1831, il reçut le corps détaché du Caucase et fut nommé administrateur général de la Géorgie, où il resta six ans, jusqu'au voyage que fit au Caucase Nicolas Ier en 1837 et qui, malgré l'approbation que trouvèrent près de l'Empereur ses actes d'administrateur, fut marqué par une série désastreuse de désagréments et de déconvenues d'un autre genre, en particulier l'affaire de son gendre le prince Alexandre Léonowitch Dadian, commandant du régiment des carabiniers d'Erivan, dépouillé publiquement à une revue, le 11 octobre 1837, par Nicolas Ier en personne de la dignité d'aide de camp de Sa Majesté, conférée, il est vrai, à son fils à cette même cérémonie. (Le prince Dadian se vit enlever par jugement le 2 juillet 1840 ses grades, ses décorations et sa dignité de prince, et reléguer à Viatka; il fut gracié le 23 juillet 1856.) Le baron Rosen donna alors sa démission pour raisons de santé, et fut fait sénateur aux départements de Moscou, où il resta jusqu'à sa mort. Il mourut le 6 août 1841, et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff. Il avait épousé la comtesse Elisabeth Dmitriewna Zouboff, dont il eut deux fils et quatre filles.

Sans rien de bien saillant comme officier, le baron Rosen avait du sang-froid et de la bravoure au feu; comme particulier, sa probité et sa respectabilité lui valurent l'estime générale.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le baron GRÉGOIRE VLADIMIROWITCH ROSEN, 1782—1841, fils du baron Vladimir Ivanowitch Rosen (1742—1792), qui servit avec distinction sous Catherine II, et d'Olympiade Féodorowna, née Raewsky, naquit le 30 septembre 1782 et prit du service en 1797 au régiment Préobragensky. Il fit d'abord la campagne de 1805, où Austerlitz lui valut une épée d'or „A la bravoure", puis celles de 1806/07, où, au corps de cavalerie de Platoff, il fut de presque tous les engagements, gagna le grade de colonel et St-Vladimir de 3e classe, et fut nommé chef du 1er régiment de chasseurs. La guerre de Finlande, en 1808/09, lui valut le grade de général major. En 1810, il reçut la brigade des régiments Préobragensky et Sémenowsky, et, le 16 décembre 1812, fut nommé commandant du régiment Préobragensky. Lors de la Guerre Patriotique, il prit une part brillante aux batailles de Viazma et Borodino, et se signala particulièrement à Krasnoïé, à la tête de l'avant-garde du général Tormassoff, en tournant l'ennemi et taillant en pièces la Garde de Napoléon; il obtint en récompense Ste-Anne de 1re classe et St-Georges de 3e classe. En avril 1813, promu général lieutenant, il reçut la 1re division d'infanterie de la Garde, à la tête de laquelle il opéra avec succès à Lutzen, Bautzen, Dresde, Kulm et Leipzig. A la paix, il fut nommé en 1818 général aide de camp d'Alexandre Ier, et en 1821 chef de la 15e division d'infanterie. Promu général d'infanterie au couronnement de l'Empereur Nicolas, il fut mis l'année suivante à la tête du corps de Lithuanie. Lors de l'insurrection de Pologne de 1830, il fit preuve dès le début de la campagne d'un grand esprit d'organisation, et, avec le 6e corps, prit une part heureuse aux combats de Wawra et Grokhovo, mais essuya ensuite un gros échec à Dembewelke, et dut dès lors se borner à couvrir Brest-Litowsk. A la fin de la campagne, il poursuivit avec succès les troupes polonaises du général Romarino jusqu'à la frontière de Galicie. Toute cette campagne lui valut St-Vladimir de 1re classe et St-Georges de 2e classe. Dans les derniers mois de 1831, il reçut le corps détaché du Caucase et fut nommé administrateur général de la Géorgie, où il resta six ans, jusqu'au voyage que fit au Caucase Nicolas Ier en 1837 et qui, malgré l'approbation que trouvèrent près de l'Empereur ses actes d'administrateur, fut marqué par une série désastreuse de désagréments et de déconvenues d'un autre genre, en particulier l'affaire de son gendre le prince Alexandre Léonowitch Dadian, commandant du régiment des carabiniers d'Erivan, dépouillé publiquement à une revue, le 11 octobre 1837, par Nicolas Ier en personne de la dignité d'aide de camp de Sa Majesté, conférée, il est vrai, à son fils à cette même cérémonie. (Le prince Dadian se vit enlever par jugement le 2 juillet 1840 ses grades, ses décorations et sa dignité de prince, et reléguer à Viatka; il fut gracié le 23 juillet 1856.) Le baron Rosen donna alors sa démission pour raisons de santé, et fut fait sénateur aux départements de Moscou, où il resta jusqu'à sa mort. Il mourut le 6 août 1841, et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff. Il avait épousé la comtesse Elisabeth Dmitriewna Zouboff, dont il eut deux fils et quatre filles.

Sans rien de bien saillant comme officier, le baron Rosen avait du sang-froid et de la bravoure au feu; comme particulier, sa probité et sa respectabilité lui valurent l'estime générale.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ, 1754—1831, сынъ Сергѣя Артемьевича отъ брака съ Анной Ѳедоровной Ушаковой (р. 1724 г., † 1809 г.), двоюродный братъ фаворита Екатерины II и дядя министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II, въ молодости служилъ до чина полковника въ военной службѣ, затѣмъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ губернаторомъ Саратовскимъ (1795—1802) и Гродненскимъ, а въ 1813 г. назначенъ президентомъ временного правительства Царства Польскаго. По оставленіи этой должности онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ Августа 1823 г. по Апрѣль 1828 г. Ланской управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ. Онъ посвятилъ свою дѣятельность на устройство своего вѣдомства и администраціи и не предпринималъ никакихъ преобразованій. Дослужившись до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и будучи кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Владиміра 1 ст., Ланской скончался 22 Іюня 1831 г. „отъ старости и изнеможенія", по выраженію некролога въ „Сѣверной Пчелѣ".

К. Я. Булгаковъ писалъ брату по поводу его смерти: „В. С. Ланской вчера утромъ умеръ, говорятъ, точно отъ холеры; но онъ самъ виноватъ: всякій день купался, несмотря на холодную погоду". Вигель даетъ въ своихъ „Запискахъ" слѣдующую характеристику Ланского: „Чтобы замѣстить его" (Кампенгаузена, управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ), „взялись за устарѣвшаго В. С. Ланского, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумского полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ, въ томъ же званіи, онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Супругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Варшавы русскими находился онъ долго членомъ временного тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственныя силы этого старца еще болѣе, чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣлъ докладовъ у Государя и все почиталъ себя наканунѣ увольненія". „Сѣверная Пчела" напутствовала его такими словами: „Вѣрною и продолжительною службою Государю и отечеству, примѣрною жизнью, кротостью души и исполненіемъ всѣхъ добродѣтелей христіанина, гражданина и человѣка оставилъ онъ по себѣ память, которая не изгладится въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые его знали".

В. С. Ланской былъ женатъ дважды (первая его жена была полька, вторая—Варвара Матвѣевна Пашкова, † 1851 г.) и имѣлъ сына Николая и 4 дочерей: Анну (р. 1793 г., † 1868 г.), за княземъ А. Б. Голицынымъ, Людмилу, за А. Н. Шахматовымъ, Софію (фрейлина) и Варвару (фрейлина).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ, 1754—1831, сынъ Сергѣя Артемьевича отъ брака съ Анной Ѳедоровной Ушаковой (р. 1724 г., † 1809 г.), двоюродный братъ фаворита Екатерины II и дядя министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II, въ молодости служилъ до чина полковника въ военной службѣ, затѣмъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ губернаторомъ Саратовскимъ (1795—1802) и Гродненскимъ, а въ 1813 г. назначенъ президентомъ временного правительства Царства Польскаго. По оставленіи этой должности онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ Августа 1823 г. по Апрѣль 1828 г. Ланской управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ. Онъ посвятилъ свою дѣятельность на устройство своего вѣдомства и администраціи и не предпринималъ никакихъ преобразованій. Дослужившись до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и будучи кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Владиміра 1 ст., Ланской скончался 22 Іюня 1831 г. „отъ старости и изнеможенія", по выраженію некролога въ „Сѣверной Пчелѣ".

К. Я. Булгаковъ писалъ брату по поводу его смерти: „В. С. Ланской вчера утромъ умеръ, говорятъ, точно отъ холеры; но онъ самъ виноватъ: всякій день купался, несмотря на холодную погоду". Вигель даетъ въ своихъ „Запискахъ" слѣдующую характеристику Ланского: „Чтобы замѣстить его" (Кампенгаузена, управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ), „взялись за устарѣвшаго В. С. Ланского, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумского полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ, въ томъ же званіи, онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Супругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Варшавы русскими находился онъ долго членомъ временного тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственныя силы этого старца еще болѣе, чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣлъ докладовъ у Государя и все почиталъ себя наканунѣ увольненія". „Сѣверная Пчела" напутствовала его такими словами: „Вѣрною и продолжительною службою Государю и отечеству, примѣрною жизнью, кротостью души и исполненіемъ всѣхъ добродѣтелей христіанина, гражданина и человѣка оставилъ онъ по себѣ память, которая не изгладится въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые его знали".

В. С. Ланской былъ женатъ дважды (первая его жена была полька, вторая—Варвара Матвѣевна Пашкова, † 1831 г.) и имѣлъ сына Николая и 4 дочерей: Анну (р. 1793 г., † 1868 г.), за княземъ А. Б. Голицынымъ, Людмилу, за А. Н. Шахматовымъ, Софію (фрейлина) и Варвару (фрейлина).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE SERGUÉEWITCH LANSKOÏ, 1754—1831, fils de Serge Artémiewitch Lanskoï et d'Anne Féodorowna, née Ouchakoff (1724—1809), cousin germain du favori de Catherine II et oncle du ministre de l'intérieur d'Alexandre II, fut d'abord officier et parvint au grade de colonel, puis, conseiller d'état actuel, devint gouverneur de Saratoff (1795—1802) et de Grodno, et fut nommé en 1813 président du gouvernement provisoire du Royaume de Pologne, d'où il passa membre du Conseil de l'Empire. Gérant du ministère de l'intérieur depuis le mois d'août 1823 jusqu'en avril 1828, il se borna à organiser ses services et son administration, sans entreprendre aucune réforme. Il mourut conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, le 22 juin 1831, „de vieillesse et d'épuisement", dit l'Abeille du Nord dans sa nécrologie.

„Lanskoï est mort hier matin", écrit Constantin Boulgakoff à son frère, „du choléra, à ce qu'on dit; mais c'est bien sa faute: chaque jour il se baignait, par tous les froids". Et Wiegel dit dans ses mémoires: „Pour le remplacer" (Kampenhausen, l'ancien gérant du ministère de l'intérieur), „on a été prendre le vieux Lanskoï; puis on l'a oublié là, et il y est resté. Dans son temps, c'était un fringant colonel des hussards de Soumy, adorateur passionné des belles. Il avait bien sans doute quelque autre mérite, car Catherine le nomma gouverneur de Saratoff, et là, sans plus faire le fringant, il se montra actif et habile administrateur. Sous Alexandre, il passa, sur sa demande, avec le même titre à Grodno, où il resta, je crois, jusqu'en 1812. Epoux et père, il trouva dans le charme des polonaises une excuse à ses nombreuses infidélités. Lors de l'occupation de Varsovie par les Russes, il fut longtemps membre du gouvernement provisoire de Pologne, et devint ensuite membre du Conseil de l'Empire. A Grodno comme à Varsovie, les travaux et les délices de ces deux Capoues épuisèrent le vieillard, plus encore intellectuellement que physiquement. Convaincu que ce n'était qu'à la fortune aveugle qu'il devait son ministère, il s'abandonna complètement à elle, ne s'occupant guère de rien, ne faisant jamais de rapports à l'Empereur et se considérant toujours comme à la veille d'être remplacé". L'Abeille du Nord fait en ces termes son oraison funèbre: „Vieux et fidèle serviteur de son Prince et de sa patrie, sa vie exemplaire, sa douceur d'âme et ses nombreuses vertus chrétiennes, civiques et familiales lui vaudront le souvenir ineffaçable de tous ceux qui le connurent".

Lanskoï fut marié deux fois, en premières noces à une polonaise, en secondes noces à Varvara Matvéewna Pachkoff († 1831). Il eut un fils, Nicolas, et quatre filles, Anne (1793—1868), mariée au prince A. Golitzyne, Ludmila à A. Chakhmatoff, Sophie, demoiselle d'honneur, et Varvara, demoiselle d'honneur.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

BASILE SERGUÉEWITCH LANSKOÏ, 1754—1831, fils de Serge Artémiewitch Lanskoï et d'Anne Féodorowna, née Ouchakoff (1724—1809), cousin germain du favori de Catherine II et oncle du ministre de l'intérieur d'Alexandre II, fut d'abord officier et parvint au grade de colonel, puis, conseiller d'état actuel, devint gouverneur de Saratoff (1795—1802) et de Grodno, et fut nommé en 1813 président du gouvernement provisoire du Royaume de Pologne, d'où il passa membre du Conseil de l'Empire. Gérant du ministère de l'intérieur depuis le mois d'août 1823 jusqu'en avril 1828, il se borna à organiser ses services et son administration, sans entreprendre aucune réforme. Il mourut conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, le 22 juin 1831, „de vieillesse et d'épuisement", dit l'Abeille du Nord dans sa nécrologie.

„Lanskoï est mort hier matin", écrit Constantin Boulgakoff à son frère, „du choléra, à ce qu'on dit; mais c'est bien sa faute: chaque jour il se baignait, par tous les froids". Et Wiegel dit dans ses mémoires: „Pour le remplacer" (Kampenhausen, l'ancien gérant du ministère de l'intérieur), „on a été prendre le vieux Lanskoï; puis on l'a oublié là, et il y est resté. Dans son temps, c'était un fringant colonel des hussards de Soumy, adorateur passionné des belles. Il avait bien sans doute quelque autre mérite, car Catherine le nomma gouverneur de Saratoff, et là, sans plus faire le fringant, il se montra actif et habile administrateur. Sous Alexandre, il passa, sur sa demande, avec le même titre à Grodno, où il resta, je crois, jusqu'en 1812. Epoux et père, il trouva dans le charme des polonaises une excuse à ses nombreuses infidélités. Lors de l'occupation de Varsovie par les Russes, il fut longtemps membre du gouvernement provisoire de Pologne, et devint ensuite membre du Conseil de l'Empire. A Grodno comme à Varsovie, les travaux et les délices de ces deux Capoues épuisèrent le vieillard, plus encore intellectuellement que physiquement. Convaincu que ce n'était qu'à la fortune aveugle qu'il devait son ministère, il s'abandonna complètement à elle, ne s'occupant guère de rien, ne faisant jamais de rapports à l'Empereur et se considérant toujours comme à la veille d'être remplacé". L'Abeille du Nord fait en ces termes son oraison funèbre: „Vieux et fidèle serviteur de son Prince et de sa patrie, sa vie exemplaire, sa douceur d'âme et ses nombreuses vertus chrétiennes, civiques et familiales lui vaudront le souvenir ineffaçable de tous ceux qui le connurent".

Lanskoï fut marié deux fois, en premières noces à une polonaise, en secondes noces à Varvara Matvéewna Pachkoff († 1831). Il eut un fils, Nicolas, et quatre filles, Anne (1793—1868), mariée au prince A. Golitzyne, Ludmila à A. Chakhmatoff, Sophie, demoiselle d'honneur, et Varvara, demoiselle d'honneur.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ, 1767—1845, сынъ надворнаго совѣтника Павла Сергѣевича и Маріи Яковлевны, рожденной Аршеневской, въ 1780 г. былъ корнетомъ въ Конной гвардіи, въ 1791 г.— волонтеромъ въ арміи Потемкина, а въ слѣдующемъ году началъ свою дипломатическую карьеру въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Въ 1794 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и за штурмъ Варшавы получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ царствованіе Павла I быстро возвысился: въ 1796 г. изъ ротмистровъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а черезъ 3 года назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника. При Александрѣ I былъ посланникомъ въ Неаполѣ въ 1802 г. и съ 1805 по 1808 г., затѣмъ пожалованъ въ 1810 г. въ сенаторы, а въ 1812 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридъ, гдѣ пробылъ почти 9 лѣтъ, при чемъ, будто бы, пагубно вліялъ на короля Фердинанда VII, толкая его на путь реакціи. Въ 1819 г. Татищевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1821 г. назначенъ посланникомъ въ Гаагу, но туда не поѣхалъ, въ 1822 г. былъ полномочнымъ на конгрессѣ въ Веронѣ и затѣмъ назначенъ посломъ въ Вѣну, гдѣ и оставался до 1841 г., при чемъ 6 Декабря 1838 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Потеря зрѣнія заставила его отказаться отъ дипломатическаго поприща, и онъ сдѣланъ былъ, 13 Апрѣля 1841 г., оберъ-камергеромъ. Въ то время ему было уже 74 года, и онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до алмазныхъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго включительно, и, кромѣ того, иностранные ордена св. Стефана, Анунціаты и Золотого руна.

Не чуждый „прирожденной спеси“, въ Вѣнѣ Татищевъ жилъ богатымъ русскимъ бариномъ и совершенно разстроилъ свое хорошее состояніе; гостиная его охотно посѣщалась тамошней аристократіей. Лѣнивый тѣломъ, близорукій, но дѣятельный духомъ, по словамъ современниковъ, его подчиненныхъ и особенно искренно любившаго его А. Я. Булгакова, начавшаго службу при немъ въ Неаполѣ, Татищевъ былъ рѣдкій начальникъ, человѣкъ умный, добрый, благородный и снисходительный. Слабохарактерный, онъ доступенъ былъ, однако, стороннему вліянію, любившій пышность и знаки отличія, онъ особенно гордился званіемъ „бальи“ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Послѣдніе годы Татищевъ жилъ на попеченіи преданнаго своего слуги, француза Прево, въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, и скончался въ его домѣ, въ Вѣнѣ, 16 Сентября 1845 г.; похороненъ въ селѣ Татищевомъ Погостѣ, Ростовскаго уѣзда. На могилѣ его нѣтъ ни памятника, ни рѣшетки, и только нѣсколько кирпичей у алтаря церкви указываютъ на мѣсто могилы кавалера орденовъ св. Андрея и Золотого руна.

Д. П. Татищевъ не въ молодыхъ уже годахъ женился на разведенной съ мужемъ Юліи Александровнѣ Безобразовой, рожденной Конопкѣ; дѣтей отъ этого брака не было, но у него и у жены оберъ-бергмейстера Наталіи Алексѣевны Колтовской, дочери богача и горнозаводчика Турчанинова (р. 1773 г., † 1840 г.), оставившей въ 1796 г. своего мужа („Арх. Воронцова“, XVIII, 315), было двое „воспитанниковъ“, Павелъ и Владиміръ Дмитріевичи, получившихъ фамилію Соломирскихъ и наслѣдовавшихъ путемъ „покупки“ колоссальное состояніе матери.

Кромѣ другой миніатюры, принадлежащей также Великому Князю Николаю Михаиловичу (см. т. I, № 160), извѣстенъ еще портретъ Д. П. Татищева, письма Тропинина, въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ, 1767—1845, сынъ надворнаго совѣтника Павла Сергѣевича и Маріи Яковлевны, рожденной Аршеневской, въ 1780 г. былъ корнетомъ въ Конной гвардіи, въ 1791 г.— волонтеромъ въ арміи Потемкина, а въ слѣдующемъ году началъ свою дипломатическую карьеру въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Въ 1794 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ и за штурмъ Варшавы получилъ орденъ св. Георгія 3 степени. Въ царствованіе Павла I быстро возвысился: въ 1796 г. изъ ротмистровъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а черезъ 3 года назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника. При Александрѣ I былъ посланникомъ въ Неаполѣ въ 1802 г. и съ 1805 по 1808 г., затѣмъ пожалованъ въ 1810 г. въ сенаторы, а въ 1812 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мадридъ, гдѣ пробылъ почти 9 лѣтъ, при чемъ, будто бы, пагубно вліялъ на короля Фердинанда VII, толкая его на путь реакціи. Въ 1819 г. Татищевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1821 г. назначенъ посланникомъ въ Гаагу, но туда не поѣхалъ, въ 1822 г. былъ полномочнымъ на конгрессѣ въ Веронѣ и затѣмъ назначенъ посломъ въ Вѣну, гдѣ и оставался до 1841 г., при чемъ 6 Декабря 1838 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Потеря зрѣнія заставила его отказаться отъ дипломатическаго поприща, и онъ сдѣланъ былъ, 13 Апрѣля 1841 г., оберъ-камергеромъ. Въ то время ему было уже 74 года, и онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, до алмазныхъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго включительно, и, кромѣ того, иностранные ордена св. Стефана, Анунціаты и Золотого руна.

Не чуждый „прирожденной спеси", въ Вѣнѣ Татищевъ жилъ богатымъ русскимъ бариномъ и совершенно разстроилъ свое хорошее состояніе; гостиная его охотно посѣщалась тамошней аристократіей. Лѣнивый тѣломъ, близорукій, но дѣятельный духомъ, по словамъ современниковъ, его подчиненныхъ и особенно искренно любившаго его А. Я. Булгакова, начавшаго службу при немъ въ Неаполѣ, Татищевъ былъ рѣдкій начальникъ, человѣкъ умный, добрый, благородный и снисходительный. Слабохарактерный, онъ доступенъ былъ, однако, стороннему вліянію, любившій пышность и знаки отличія, онъ особенно гордился званіемъ „бальи" ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Послѣдніе годы Татищевъ жилъ на попеченіи преданнаго своего слуги, француза Прево, въ положеніи, близкомъ къ нуждѣ, и скончался въ его домѣ, въ Вѣнѣ, 16 Сентября 1845 г.; похороненъ въ селѣ Татищевомъ Погостѣ, Ростовскаго уѣзда. На могилѣ его нѣтъ ни памятника, ни рѣшетки, и только нѣсколько кирпичей у алтаря церкви указываютъ на мѣсто могилы кавалера орденовъ св. Андрея и Золотого руна.

Д. П. Татищевъ не въ молодыхъ уже годахъ женился на разведенной съ мужемъ Юліи Александровнѣ Безобразовой, рожденной Конопкѣ; дѣтей отъ этого брака не было, но у него и у жены оберъ-бергмейстера Наталіи Алексѣевны Колтовской, дочери богача и горнозаводчика Турчанинова (р. 1773 г., † 1840 г.), оставившей въ 1796 г. своего мужа („Арх. Воронцова", XVIII, 315), было двое „воспитанниковъ", Павелъ и Владиміръ Дмитріевичи, получившихъ фамилію Соломирскихъ и наслѣдовавшихъ путемъ „покупки" колоссальное состояніе матери.

Кромѣ другой миніатюры, принадлежащей также Великому Князю Николаю Михайловичу (см. т. I, № 160), извѣстенъ еще портретъ Д. П. Татищева, письма Тропинина, въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

DMITRI PAVLOWITCH TATICHTCHEFF, 1767—1845, fils du conseiller de cour Paul Serguéewitch Tatichtcheff et de Marie Yakovlewna, née Archénewsky, fut en 1780 cornette à la Garde à cheval, en 1791 volontaire à l'armée de Potemkine, et débuta l'année suivante dans la carrière diplomatique comme chargé d'affaires à Constantinople. Il fit en 1794 la campagne de Pologne, et l'assaut de Varsovie lui valut St-Georges de 3e classe. Il eut sous Paul Ier un avancement rapide: capitaine de cavalerie, il permuta en 1796 chambellan actuel, et, trois ans plus tard, fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères avec rang de conseiller privé. Sous Alexandre Ier, il fut ministre à Naples en 1802, puis de 1805 à 1808, devint ensuite sénateur en 1810, et fut nommé en 1812 envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Madrid, où il resta près de neuf ans, et où il aurait eu sur le roi Ferdinand VII une pernicieuse influence en le poussant dans la voie de la réaction. En 1819, Tatichtcheff fut promu conseiller privé actuel, en 1821, nommé ministre à La Haye, où il ne se rendit pas, en 1822, plénipotentiaire au congrès de Vérone, puis ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1841; le 6 décembre 1838, il avait été nommé membre du Conseil de l'Empire. La perte de la vue l'obligea à renoncer à la carrière diplomatique et il fut fait grand chambellan le 13 avril 1841. Il n'avait pas moins de 74 ans à cette époque et possédait tous les ordres russes, y compris St-André en brillants, et en outre, les décorations étrangères de St-Etienne, de l'Annonciade et de la Toison d'Or.

Non exempt d'une certaine „morgue naturelle“, il eut à Vienne un grand train de vie à la russe qui ruina complètement sa solide fortune; son salon était fréquenté par l'aristocratie du pays. Au témoignage des contemporains et de ses inférieurs, entre autres Alexandre Boulgakoff, qui avait débuté sous ses ordres à Naples et lui conservait une amitié particulièrement sincère, Tatichtcheff, avec sa myopie et son allure nonchalante, avait un esprit très actif: dans le service, c'était un chef comme on en voit rarement, intelligent, bon, délicat et indulgent. D'un caractère faible, il était pourtant accessible aux influences étrangères; il aimait l'apparat et les marques de distinction, et était particulièrement fier du titre de bailli de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem.

Il passa les dernières années de sa vie dans une position voisine de la gêne, aux soins d'un serviteur dévoué, le français Prévost, chez lequel il mourut à Vienne, le 16 septembre 1845. Il fut inhumé au village de Tatichtcheff-Pogost, près Rostoff; il n'y a sur sa tombe ni monument, ni grille: seules quelques briques au chevet de l'église marquent le lieu de la sépulture du chevalier de St-André et de la Toison d'Or.

Tatichtcheff épousa, à un âge déjà mûr, une femme divorcée, Julie Alexandrowna Bézobrazoff, née Konopka, dont il n'eut pas d'enfants, mais il eut de la fille du richissime usinier Tourtchaninoff, Natalie Alexéewna (1773—1840), qui avait quitté en 1796 son mari l'ingénieur Koltowsky (Archive Worontzoff, XVIII, 315), deux pupilles, Paul et Vladimir, qui reçurent le nom de Solomirsky et héritèrent par „rachat“ de la colossale fortune de leur mère.

Outre une autre miniature appartenant aussi au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch (T. I, № 160), il existe encore un portrait de Tatichtcheff, par Tropinine, aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

DMITRI PAVLOWITCH TATICHTCHEFF, 1767—1845, fils du conseiller de cour Paul Serguéewitch Tatichtcheff et de Marie Yakovlewna, née Archénewsky, fut en 1780 cornette à la Garde à cheval, en 1791 volontaire à l'armée de Potemkine, et débuta l'année suivante dans la carrière diplomatique comme chargé d'affaires à Constantinople. Il fit en 1794 la campagne de Pologne, et l'assaut de Varsovie lui valut St-Georges de 3e classe. Il eut sous Paul Ier un avancement rapide: capitaine de cavalerie, il permuta en 1796 chambellan actuel, et, trois ans plus tard, fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères avec rang de conseiller privé. Sous Alexandre Ier, il fut ministre à Naples en 1802, puis de 1805 à 1808, devint ensuite sénateur en 1810, et fut nommé en 1812 envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Madrid, où il resta près de neuf ans, et où il aurait eu sur le roi Ferdinand VII une pernicieuse influence en le poussant dans la voie de la réaction. En 1819, Tatichtcheff fut promu conseiller privé actuel, en 1821, nommé ministre à La Haye, où il ne se rendit pas, en 1822, plénipotentiaire au congrès de Vérone, puis ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1841; le 6 décembre 1838, il avait été nommé membre du Conseil de l'Empire. La perte de la vue l'obligea à renoncer à la carrière diplomatique et il fut fait grand chambellan le 13 avril 1841. Il n'avait pas moins de 74 ans à cette époque et possédait tous les ordres russes, y compris St-André en brillants, et en outre, les décorations étrangères de St-Etienne, de l'Annonciade et de la Toison d'Or.

Non exempt d'une certaine „morgue naturelle", il eut à Vienne un grand train de vie à la russe qui ruina complètement sa solide fortune; son salon était fréquenté par l'aristocratie du pays. Au témoignage des contemporains et de ses inférieurs, entre autres Alexandre Boulgakoff, qui avait débuté sous ses ordres à Naples et lui conservait une amitié particulièrement sincère, Tatichtcheff, avec sa myopie et son allure nonchalante, avait un esprit très actif: dans le service, c'était un chef comme on en voit rarement, intelligent, bon, délicat et indulgent. D'un caractère faible, il était pourtant accessible aux influences étrangères; il aimait l'apparat et les marques de distinction, et était particulièrement fier du titre de bailli de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem.

Il passa les dernières années de sa vie dans une position voisine de la gêne, aux soins d'un serviteur dévoué, le français Prévost, chez lequel il mourut à Vienne, le 16 septembre 1845. Il fut inhumé au village de Tatichtcheff-Pogost, près Rostoff; il n'y a sur sa tombe ni monument, ni grille: seules quelques briques au chevet de l'église marquent le lieu de la sépulture du chevalier de St-André et de la Toison d'Or.

Tatichtcheff épousa, à un âge déjà mûr, une femme divorcée, Julie Alexandrowna Bézobrazoff, née Konopka, dont il n'eut pas d'enfants, mais il eut de la fille du richissime usinier Tourtchaninoff, Natalie Alexéewna (1773—1840), qui avait quitté en 1796 son mari l'ingénieur Koltowsky (Archive Worontzoff, XVIII, 315), deux pupilles, Paul et Vladimir, qui reçurent le nom de Solomirsky et héritèrent par „rachat" de la colossale fortune de leur mère.

Outre une autre miniature appartenant aussi au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch (T. I, № 160), il existe encore un portrait de Tatichtcheff, par Tropinine, aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

88

ГАВРІИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СКОРОДУМОВЪ, 1755—1792, былъ сынъ живописца Ивана Ивановича Скородумова. Даты о его рожденіи крайне сбивчивы: по однимъ свѣдѣніямъ, онъ родился 12 Марта 1755 г., по другимъ—16 Апрѣля 1753 г., по третьимъ—въ 1748 году. Еще мальчикомъ онъ отданъ былъ въ Академію Художествъ, гдѣ обучался живописи масляными красками, акварелью и гравированію рѣзцомъ. Въ 1773 г. онъ посланъ былъ, на казенный счетъ, для усовершенствованія въ Лондонъ и тамъ поступилъ къ знаменитому граверу Бартолоцци. Съ этого времени онъ бросилъ рѣзецъ и, по примѣру учителя, сталъ гравировать пунктирною манерою, бывшею тогда въ большой модѣ. Еще тамъ, въ Лондонѣ, онъ имѣлъ большой успѣхъ, такъ что, говорятъ, король Георгъ III лично уговаривалъ его остаться навсегда въ Англіи. Тамъ же онъ и женился на англичанкѣ, которая, выучившись у него гравированію, помогала ему потомъ, по свидѣтельству Ѳ. И. Іордана, во многихъ его работахъ, а позднѣе гравировала и самостоятельно. Вернувшись въ Петербургъ, въ 1782 г., Скородумовъ вскорѣ (1785 г.) получилъ званіе академика и гравера Кабинета Ея Императорскаго Величества, а также должность смотрителя гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ гравированія, онъ занимался акварелью и миніатюрой и писалъ, по заказу Кабинета, царскіе портреты для жалованныхъ перстней и табакерокъ. Умеръ онъ отъ холерины 12 Іюля 1792 г., не оставивши потомства. Жена его, Марья Ивановна, вышла потомъ замужъ за баталическаго живописца М. М. Иванова. Кромѣ нея, изъ учениковъ Скородумова извѣстны: мужъ его сестры, Аграфены Ивановны, Сергѣй Васильевичъ Васильевъ и родоначальникъ цѣлой группы граверовъ пунктиромъ Иванъ Розановъ.

Рѣзцовыя гравюры Скородумова не имѣютъ большихъ достоинствъ, тогда какъ пунктирныя, особенно съ оригиналовъ Анжелики Кауфманъ, не уступаютъ работамъ его учителя и высоко цѣнятся, не только у насъ, но и за границей.

Въ Академіи Художествъ сохранился его акварельный автопортретъ, съ котораго гравировалъ Іорданъ. По словамъ послѣдняго, у жены Скородумова былъ еще его портретъ, писанный Рейнольдсомъ; но этотъ портретъ, по ея завѣщанію, былъ погребенъ вмѣстѣ съ нею.

(Съ портрета Краузе, 1791 г., изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

88

ГАВРІИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СКОРОДУМОВЪ, 1755—1792, былъ сынъ живописца Ивана Ивановича Скородумова. Даты о его рожденіи крайне сбивчивы: по однимъ свѣдѣніямъ, онъ родился 12 Марта 1755 г., по другимъ—16 Апрѣля 1753 г., по третьимъ—въ 1748 году. Еще мальчикомъ онъ отданъ былъ въ Академію Художествъ, гдѣ обучался живописи масляными красками, акварелью и гравированію рѣзцомъ. Въ 1773 г. онъ посланъ былъ, на казенный счетъ, для усовершенствованія въ Лондонъ и тамъ поступилъ къ знаменитому граверу Бартолоцци. Съ этого времени онъ бросилъ рѣзецъ и, по примѣру учителя, сталъ гравировать пунктирною манерою, бывшею тогда въ большой модѣ. Еще тамъ, въ Лондонѣ, онъ имѣлъ большой успѣхъ, такъ что, говорятъ, король Георгъ III лично уговаривалъ его остаться навсегда въ Англіи. Тамъ же онъ и женился на англичанкѣ, которая, выучившись у него гравированію, помогала ему потомъ, по свидѣтельству Ѳ. И. Іордана, во многихъ его работахъ, а позднѣе гравировала и самостоятельно. Вернувшись въ Петербургъ, въ 1782 г., Скородумовъ вскорѣ (1785 г.) получилъ званіе академика и гравера Кабинета Ея Императорскаго Величества, а также должность смотрителя гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ гравированія, онъ занимался акварелью и миніатюрой и писалъ, по заказу Кабинета, царскіе портреты для жалованныхъ перстней и табакерокъ. Умеръ онъ отъ холерины 12 Іюля 1792 г., не оставивши потомства. Жена его, Марья Ивановна, вышла потомъ замужъ за баталическаго живописца М. М. Иванова. Кромѣ нея, изъ учениковъ Скородумова извѣстны: мужъ его сестры, Аграфены Ивановны, Сергѣй Васильевичъ Васильевъ и родоначальникъ цѣлой группы граверовъ пунктиромъ Иванъ Розановъ.

Рѣзцовыя гравюры Скородумова не имѣютъ большихъ достоинствъ, тогда какъ пунктирныя, особенно съ оригиналовъ Анжелики Кауфманъ, не уступаютъ работамъ его учителя и высоко цѣнятся, не только у насъ, но и за границей.

Въ Академіи Художествъ сохранился его акварельный автопортретъ, съ котораго гравировалъ Іорданъ. По словамъ послѣдняго, у жены Скородумова былъ еще его портретъ, писанный Рейнольдсомъ; но этотъ портретъ, по ея завѣщанію, былъ погребенъ вмѣстѣ съ нею.

(Съ портрета Краузе, 1791 г., изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

88

GABRIEL IVANOWITCH SKORODOUMOFF, 1755—1792, fils du peintre Ivan Ivanowitch Skorodoumoff, naquit à une date incertaine, selon les uns le 12 mars 1755, selon d'autres le 16 avril 1753, suivant une troisième version en 1748. Il fut mis encore enfant à l'Académie des Beaux-Arts, où il étudia la peinture à l'huile, l'aquarelle et la gravure au burin. Boursier de l'Etat en 1773 pour aller se perfectionner à Londres, il y entra chez le célèbre graveur Bartolozzi, à l'exemple duquel il renonça au burin pour le pointillé, alors en grande vogue. Il eut à Londres un succès considérable, et le Roi Georges III l'engagea, dit-on, personnellement à rester définitivement en Angleterre. Il y épousa une anglaise, à laquelle il apprit son art, qui collabora ensuite, au témoignage de Th. Jordan, à beaucoup de ses œuvres et dans la suite grava même toute seule. De retour à Pétersbourg en 1782, il obtint en 1785 le titre d'académicien et de graveur du Cabinet de Sa Majesté, ainsi que les fonctions de conservateur des gravures de l'Ermitage Impérial. Outre la gravure, il faisait l'aquarelle et la miniature, et exécutait les portraits de l'Empereur commandés par le Cabinet pour les bagues et les tabatières présents de Sa Majesté. Il mourut de la cholérine le 12 juillet 1792 sans laisser de postérité. Sa femme se remaria au batailliste M. Ivanoff. A part elle, il eut encore comme élèves le mari de sa sœur Agrippine, Serge Vassiliewitch Vassilieff, et le chef de toute une pléiade de graveurs au pointillé, Ivan Rosanoff.

Les burins de Skorodoumoff n'ont pas grande valeur, tandis que ses pointillés, surtout ses reproductions d'Angélique Kaufmann, ne sont pas inférieurs à ceux de son maître, et sont fort appréciés, tant en Russie qu'à l'étranger.

L'Académie des Beaux-Arts possède un portrait de lui à l'aquarelle fait par lui-même et reproduit en gravure par Jordan, au témoignage duquel la femme de Skorodoumoff en avait un autre par Reimolds, mais avec lequel elle demanda par testament à être enterrée.

(D'après l'original de Krause, 1791, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

88

GABRIEL IVANOWITCH SKORODOUMOFF, 1755—1792, fils du peintre Ivan Ivanowitch Skorodoumoff, naquit à une date incertaine, selon les uns le 12 mars 1755, selon d'autres le 16 avril 1753, suivant une troisième version en 1748. Il fut mis encore enfant à l'Académie des Beaux-Arts, où il étudia la peinture à l'huile, l'aquarelle et la gravure au burin. Boursier de l'Etat en 1773 pour aller se perfectionner à Londres, il y entra chez le célèbre graveur Bartolozzi, à l'exemple duquel il renonça au burin pour le pointillé, alors en grande vogue. Il eut à Londres un succès considérable, et le Roi Georges III l'engagea, dit-on, personnellement à rester définitivement en Angleterre. Il y épousa une anglaise, à laquelle il apprit son art, qui collabora ensuite, au témoignage de Th. Jordan, à beaucoup de ses œuvres et dans la suite grava même toute seule. De retour à Pétersbourg en 1782, il obtint en 1785 le titre d'académicien et de graveur du Cabinet de Sa Majesté, ainsi que les fonctions de conservateur des gravures de l'Ermitage Impérial. Outre la gravure, il faisait l'aquarelle et la miniature, et exécutait les portraits de l'Empereur commandés par le Cabinet pour les bagues et les tabatières présents de Sa Majesté. Il mourut de la cholérine le 12 juillet 1792 sans laisser de postérité. Sa femme se remaria au batailliste M. Ivanoff. A part elle, il eut encore comme élèves le mari de sa sœur Agrippine, Serge Vassiliewitch Vassilieff, et le chef de toute une pléiade de graveurs au pointillé, Ivan Rosanoff.

Les burins de Skorodoumoff n'ont pas grande valeur, tandis que ses pointillés, surtout ses reproductions d'Angélique Kaufmann, ne sont pas inférieurs à ceux de son maître, et sont fort appréciés, tant en Russie qu'à l'étranger.

L'Académie des Beaux-Arts possède un portrait de lui à l'aquarelle fait par lui-même et reproduit en gravure par Jordan, au témoignage duquel la femme de Skorodoumoff en avait un autre par Reimolds, mais avec lequel elle demanda par testament à être enterrée.

(D'après l'original de Krause, 1791, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

89

АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАРНЕКЪ, 1782—1843, родился въ Петербургѣ, учился въ Академіи Художествъ у Д. Г. Левицкаго и С. С. Щукина; въ 1803 г. былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, но съ самаго пріѣзда въ Римъ заболѣлъ. Хотя въ 1806 г. Академія постановила было продлить ему пенсіонъ еще на годъ, но онъ самъ попросилъ разрѣшенія вернуться въ Россію. По возвращеніи въ Петербургъ, за портретъ графа С. О. Потоцкаго, онъ произведенъ въ академики и въ томъ же году сталъ заниматься преподаваніемъ портретной живописи въ Академіи, сперва безъ жалованья, а въ 1815 г. назначенъ штатнымъ преподавателемъ въ классъ миніатюрной живописи, на освободившуюся тамъ вакансію. Умеръ А. Г. Варнекъ въ 1843 году.

Въ противоположность своему учителю, С. С. Щукину, Варнекъ отличался въ своихъ работахъ мастерскимъ рисункомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ, но очень жесткимъ колоритомъ. Его, по справедливости, считаютъ однимъ изъ лучшихъ портретистовъ своего времени. Къ лучшимъ его работамъ принадлежатъ его собственные портреты.

Въ изданіи „Русскіе Портреты" помѣщены слѣдующія произведенія Варнека: А. П. Бунина (т. III, № 76), А. Н. Оленинъ (т. I, № 34), Ал. М. Римскій-Корсаковъ (т. III, № 140) и графъ А. С. Строгановъ (т. I, № 6).

(Съ портрета Варнека; Императорская Академія Художествъ.)

89

АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАРНЕКЪ, 1782—1843, родился въ Петербургѣ, учился въ Академіи Художествъ у Д. Г. Левицкаго и С. С. Щукина; въ 1803 г. былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, но съ самаго пріѣзда въ Римъ заболѣлъ. Хотя въ 1806 г. Академія постановила было продлить ему пенсіонъ еще на годъ, но онъ самъ попросилъ разрѣшенія вернуться въ Россію. По возвращеніи въ Петербургъ, за портретъ графа С. О. Потоцкаго, онъ произведенъ въ академики и въ томъ же году сталъ заниматься преподаваніемъ портретной живописи въ Академіи, сперва безъ жалованья, а въ 1815 г. назначенъ штатнымъ преподавателемъ въ классъ миніатюрной живописи, на освободившуюся тамъ вакансію. Умеръ А. Г. Варнекъ въ 1843 году.

Въ противоположность своему учителю, С. С. Щукину, Варнекъ отличался въ своихъ работахъ мастерскимъ рисункомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ, но очень жесткимъ колоритомъ. Его, по справедливости, считаютъ однимъ изъ лучшихъ портретистовъ своего времени. Къ лучшимъ его работамъ принадлежатъ его собственные портреты.

Въ изданіи „Русскіе Портреты" помѣщены слѣдующія произведенія Варнека: А. П. Бунина (т. III, № 76), А. Н. Оленинъ (т. I, № 34), Ал. М. Римскій-Корсаковъ (т. III, № 140) и графъ А. С. Строгановъ (т. I, № 6).

(Съ портрета Варнека; Императорская Академія Художествъ.)

89

ALEXANDRE GRIGORIEWITCH WARNECK, 1782—1843, naquit à Pétersbourg et étudia à l'Académie des Beaux-Arts où il eut pour maîtres Lévitzky et Chtchoukine. Il obtint en 1803 une bourse de voyage à l'étranger, mais tomba malade en arrivant à Rome, et, bien qu'en 1806 l'Académie lui eût accordé une prolongation de bourse d'un an, il demanda lui-même à revenir en Russie. De retour à Pétersbourg, il fut fait académicien pour son portrait du comte S. Potocki, et commença la même année son cours de portrait à l'Académie, d'abord sans traitement, puis, en 1815, une vacance s'étant présentée à la classe de miniature, il en devint titulaire. Il mourut en 1843.

Contrairement à son maître Chtchoukine, Warneck se distingue par la maîtrise du dessin et la conscience de l'exécution, mais aussi par l'extrême dureté du coloris. Il passe à juste titre pour un des meilleurs portraitistes du temps. Au nombre de ses meilleures œuvres il convient de ranger ses propres portraits.

La présente édition renferme de lui les portraits suivants: Bounine (T. III, № 76), Olénine (T. I, № 34), Rimsky-Korsakoff (T. III, № 140) et le comte Stroganoff (T. I, № 6).

(D'après l'original de Warneck, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

89

ALEXANDRE GRIGORIEWITCH WARNECK, 1782—1843, naquit à Pétersbourg et étudia à l'Académie des Beaux-Arts où il eut pour maîtres Lévitzky et Chtchoukine. Il obtint en 1803 une bourse de voyage à l'étranger, mais tomba malade en arrivant à Rome, et, bien qu'en 1806 l'Académie lui eût accordé une prolongation de bourse d'un an, il demanda lui-même à revenir en Russie. De retour à Pétersbourg, il fut fait académicien pour son portrait du comte S. Potocki, et commença la même année son cours de portrait à l'Académie, d'abord sans traitement, puis, en 1815, une vacance s'étant présentée à la classe de miniature, il en devint titulaire. Il mourut en 1843.

Contrairement à son maître Chtchoukine, Warneck se distingue par la maîtrise du dessin et la conscience de l'exécution, mais aussi par l'extrême dureté du coloris. Il passe à juste titre pour un des meilleurs portraitistes du temps. Au nombre de ses meilleures œuvres il convient de ranger ses propres portraits.

La présente édition renferme de lui les portraits suivants: Bounine (T. III, № 76), Olénine (T. I, № 34), Rimsky-Korsakoff (T. III, № 140) et le comte Stroganoff (T. I, № 6).

(D'après l'original de Warneck, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

САЛЬВАТОРЪ СИГИЗМУНДОВИЧЪ ТОНЧИ, 1756—1844, въ Россіи называвшійся Николаемъ Ивановичемъ Тончіемъ, родомъ итальянецъ, будучи по призванію поэтомъ, музыкантомъ и пѣвцомъ, какъ-то случайно сдѣлался и живописцемъ, пріобрѣтя у насъ большую извѣстность въ особенности громаднымъ портретомъ Державина, воспѣвшаго его въ стихахъ къ „безсмертному Тончію“ (Сочин. т. II). Этотъ знаменитый портретъ, гдѣ русскій „бардъ“ изображенъ среди снѣжныхъ скалъ, въ шубѣ и шапкѣ, украшаетъ теперь Московскій Румянцевскій музей. Тончи родился въ Римѣ въ Январѣ 1756 г. и въ молодости служилъ въ Неаполитанской королевской гвардіи. Занятія поэзіей доставили ему извѣстность на родинѣ, а на старости лѣтъ (въ 1831 г.) онъ готовилъ изданіе своихъ трудовъ подъ заглавіемъ: „Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I“ (осталась въ рукописи). Въ то же время Тончи занимался пѣніемъ и изучалъ живопись, какъ любитель, по картинамъ Рафаэля. Человѣкъ выдающихся способностей, онъ и въ послѣднемъ искусствѣ не остался дилетантомъ: талантъ выдвинулъ его на степень первокласснаго живописца своего времени. Изъ Италіи Тончи сначала пріѣхалъ, въ качествѣ пѣвца, ко двору послѣдняго Польскаго короля, а въ 1795 г., вмѣстѣ съ отрекшимся отъ престола Станиславомъ Понятовскимъ, переѣхалъ сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до конца дней. Современникъ, С. П. Жихаревъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „У князя И. С. Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ, какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около 60, но по живости разговора нельзя дать ему и 40; онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ. Кажется, живописецъ, а стоитъ любого профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Что за любезный человѣкъ и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи... Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ со стараго князя — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа, какой колоритъ! Точно выходитъ изъ полотна“... (Портретъ этотъ воспроизведенъ въ изданіи, т. III, № 153). Московскій почтъ-директоръ Руничъ такъ отзывается о Тончи: „Геніальный, какъ артистъ, Тончи былъ человѣкъ высокаго ума, очень ученъ и обладалъ даромъ краснорѣчія. Къ его величественной наружности, съ сѣдѣющими кудрями присоединилась оригинальность мыслей самого художника, которая придавала большую увлекательность его рѣчамъ. Вся философія его дышала неопредѣленнымъ пантеизмомъ, облеченная въ изящную форму, заставляла не замѣчать безсодержательности его взглядовъ. Одна старая, дурная собой дѣва предложила Тончи свою руку и сердце; онъ, желая принадлежать по браку къ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій, рѣшился принять это предложеніе и сталъ мужемъ княжны Гагариной, забросивъ свое художество. Послѣ этого Тончи сталъ свѣтиломъ всѣхъ Московскихъ клубовъ и другомъ Ростопчина, и всѣхъ князей и графовъ“. Нашествіе французовъ и разореніе Москвы, а главное ужасная смерть на его глазахъ Верещагина, преданнаго толпѣ Ростопчинымъ, такъ сильно повліяла на Тончи, что онъ временно помутился разсудкомъ, и, выѣхавъ во Владиміръ, пытался бритвой перерѣзать себѣ горло. Рана была неопасная, и онъ скоро выздоровѣлъ, а въ память своего спасенія, съ общаго совѣта съ епископомъ Ксенофонтомъ и просвѣщеннымъ губернаторомъ А. Н. Супоневымъ, написалъ большую картину „Крещеніе Владиміра“ (владимірцевъ) для собора. На этой картинѣ, съ правой стороны, „написанъ и самъ безподобный живописецъ“. Какъ эта картина, такъ и другая—„Рождество Христово“, собственность его дочери, въ настоящее время находятся во Владимірскомъ музеѣ.

Въ 1815 г. Тончи поступилъ на службу въ Кремлевскую экспедицію, а затѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ занималъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ Архитектурной школы (Училище живописи и ваянія, въ Москвѣ). Онъ вышелъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ въ 1842 г., а умеръ въ Декабрѣ 1844 г., переживъ жену, Наталію Ивановну (р. 22 Января 1778 г., † 8 Ноября 1832 г., похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ дочерью Софіей, р. 1816 г., † 1825 г.). Другая дочь Тончи, Марія Николаевна жила (съ 1840 г. по 1898 г.) въ Переславскомъ Өеодоровскомъ монастырѣ. Ей принадлежалъ и помѣщаемый здѣсь автопортретъ отца, писанный на доскѣ.

Въ настоящемъ изданіи, кромѣ портрета князя И. С. Гагарина, были уже помѣщены еще портреты князя П. Г. Вяземскаго (т. IV, № 53) и Карабанова, женатаго на сестрѣ жены Тончи (т. II, № 123).

(Съ портрета, писаннаго Тончи; находится во Владимірскомъ музеѣ.)

САЛЬВАТОРЪ СИГИЗМУНДОВИЧЪ ТОНЧИ, 1756—1844, въ Россіи называвшійся Николаемъ Ивановичемъ Тончіемъ, родомъ итальянецъ, будучи по призванію поэтомъ, музыкантомъ и пѣвцомъ, какъ-то случайно сдѣлался и живописцемъ, пріобрѣтя у насъ большую извѣстность въ особенности громаднымъ портретомъ Державина, воспѣвшаго его въ стихахъ къ „безсмертному Тончію" (Сочин. т. II). Этотъ знаменитый портретъ, гдѣ русскій „бардъ" изображенъ среди снѣжныхъ скалъ, въ шубѣ и шапкѣ, украшаетъ теперь Московскій Румянцевскій музей. Тончи родился въ Римѣ въ Январѣ 1756 г. и въ молодости служилъ въ Неаполитанской королевской гвардіи. Занятія поэзіей доставили ему извѣстность на родинѣ, а на старости лѣтъ (въ 1831 г.) онъ готовилъ изданіе своихъ трудовъ подъ заглавіемъ: „Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I" (осталась въ рукописи). Въ то же время Тончи занимался пѣніемъ и изучалъ живопись, какъ любитель, по картинамъ Рафаэля. Человѣкъ выдающихся способностей, онъ и въ послѣднемъ искусствѣ не остался дилетантомъ: талантъ выдвинулъ его на степень первокласснаго живописца своего времени. Изъ Италіи Тончи сначала пріѣхалъ, въ качествѣ пѣвца, ко двору послѣдняго Польскаго короля, а въ 1795 г., вмѣстѣ съ отрекшимся отъ престола Станиславомъ Понятовскимъ, переѣхалъ сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до конца дней. Современникъ, С. П. Жихаревъ, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „У князя И. С. Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ, какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около 60, но по живости разговора нельзя дать ему и 40; онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ. Кажется, живописецъ, а стоитъ любого профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Что за любезный человѣкъ и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи... Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ со стараго князя — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа, какой колоритъ! Точно выходитъ изъ полотна"... (Портретъ этотъ воспроизведенъ въ изданіи, т. III, № 153). Московскій почтъ-директоръ Руничъ такъ отзывается о Тончи: „Геніальный, какъ артистъ, Тончи былъ человѣкъ высокаго ума, очень ученъ и обладалъ даромъ краснорѣчія. Къ его величественной наружности, съ сѣдѣющими кудрями присоединилась оригинальность мыслей самого художника, которая придавала большую увлекательность его рѣчамъ. Вся философія его дышала неопредѣленнымъ пантеизмомъ, облеченная въ изящную форму, заставляла не замѣчать безсодержательности его взглядовъ. Одна старая, дурная собой дѣва предложила Тончи свою руку и сердце; онъ, желая принадлежать по браку къ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій, рѣшился принять это предложеніе и сталъ мужемъ княжны Гагариной, забросивъ свое художество. Послѣ этого Тончи сталъ свѣтиломъ всѣхъ Московскихъ клубовъ и другомъ Ростопчина, и всѣхъ князей и графовъ". Нашествіе французовъ и разореніе Москвы, а главное ужасная смерть на его глазахъ Верещагина, преданнаго толпѣ Ростопчинымъ, такъ сильно повліяла на Тончи, что онъ временно помутился разсудкомъ, и, выѣхавъ во Владиміръ, пытался бритвой перерѣзать себѣ горло. Рана была неопасная, и онъ скоро выздоровѣлъ, а въ память своего спасенія, съ общаго совѣта съ епископомъ Ксенофонтомъ и просвѣщеннымъ губернаторомъ А. Н. Супоневымъ, написалъ большую картину „Крещеніе Владиміра" (владимірцевъ) для собора. На этой картинѣ, съ правой стороны, „написанъ и самъ безподобный живописецъ". Какъ эта картина, такъ и другая—„Рождество Христово", собственность его дочери, въ настоящее время находятся во Владимірскомъ музеѣ.

Въ 1815 г. Тончи поступилъ на службу въ Кремлевскую экспедицію, а затѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ занималъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ Архитектурной школы (Училище живописи и ваянія, въ Москвѣ). Онъ вышелъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ въ 1842 г., а умеръ въ Декабрѣ 1844 г., переживъ жену, Наталію Ивановну (р. 22 Января 1778 г., † 8 Ноября 1832 г., похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ дочерью Софіей, р. 1816 г., † 1825 г.). Другая дочь Тончи, Марія Николаевна жила (съ 1840 г. по 1898 г.) въ Переславскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Ей принадлежалъ и помѣщаемый здѣсь автопортретъ отца, писанный на доскѣ.

Въ настоящемъ изданіи, кромѣ портрета князя И. С. Гагарина, были уже помѣщены еще портреты князя П. Г. Вяземскаго (т. IV, № 53) и Карабанова, женатаго на сестрѣ жены Тончи (т. II, № 123).

(Съ портрета, писаннаго Тончи; находится во Владимірскомъ музеѣ.)

SALVATOR TONCI, 1756—1844, en Russie Nicolas Ivanowitch Tonci, était d'origine italienne; poète, musicien et chanteur par vocation, il se trouva par hasard devenir peintre, et se fit surtout une grande notoriété ici par son immense portrait de Derjavine, qui lui dédia son ode A l'immortel Tonci (Œuvres, T. II). Ce portrait célèbre, qui représente le barde russe en pelisse et en bonnet de fourrure au milieu de rochers neigeux, fait aujourd'hui l'ornement du Musée Roumiantzeff, à Moscou. Né à Rome en janvier 1756, Tonci fut dans sa jeunesse officier de la Garde Royale napolitaine. Il était connu dans sa patrie comme poète, et prépara sur ses vieux jours, en 1831, une édition de ses œuvres, restée d'ailleurs en manuscrit, sous le titre suivant: Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I. Il faisait également du chant, et aussi de la peinture, en amateur, d'après Raphaël. Doué en général comme il l'était, il ne resta pas peintre amateur: son talent en fit un des premiers maîtres du temps. Il vint d'abord d'Italie pour être chanteur à la cour du dernier Roi de Pologne, puis, en 1795, suivit à Pétersbourg Stanislas Poniatowsky détrôné, et passa de là à Moscou, où il resta toute sa vie. „J'ai rencontré chez le prince I. Gagarine", note dans son Journal un contemporain, S. Jikhareff, „le célèbre peintre Tonci. Il est marié à la fille aînée du prince. Blanc comme un cygne. Il porte environ soixante ans, mais sa vivacité de parole ne lui en donne pas quarante; il était l'âme de la conversation. Un homme étonnant. Peintre, paraît-il, mais il vaut n'importe quel professeur: il sait tout, il a tout vu, tout appris. Quelle amabilité, quelle instruction variée, ce Tonci! Il est passionné de littérature et fait lui-même des vers... Il ne fait pas beaucoup de peinture maintenant, rien que des portraits de la famille de sa femme. Celui qu'il a fait du vieux prince est une vraie perfection: une ressemblance extraordinaire, et quel travail, quel coloris! Il a l'air de sortir de la toile"... (Ce portrait est reproduit dans la présente édition, T. III, № 135). „Génial comme artiste", dit Rounitch, le directeur des postes de Moscou, „Tonci était un homme de grand esprit, doué d'une forte intelligence et du don de la parole. A son air majestueux, avec ses boucles blanches, se joignait une originalité d'idées qui donnait le plus grand charme à ses entretiens. Sa philosophie, tout en respirant un vague panthéisme, revêtait une élégance de forme qui en dissimulait le vide. Une vieille fille âgée et laide lui proposa sa main et son cœur: tenant à entrer dans une famille des plus anciennes, il accepta de renoncer à son art pour devenir l'époux de la princesse Gagarine. On le vit dès lors briller à tous les clubs de Moscou et fréquenter Rostoptchine et tous les princes et comtes". L'invasion française et la ruine de Moscou, mais surtout le spectacle de la fin terrible de Véréchtchagine livré par Rostoptchine à la populace, lui firent un tel effet, que sa raison s'en ressentit quelque temps: à Vladimir, où il s'était réfugié, il tenta de s'ouvrir la gorge avec un rasoir. La blessure était sans danger, il guérit vite, et, d'accord avec l'évêque Xénophon et l'homme éclairé qu'était le gouverneur Souponeff, fit pour la cathédrale son grand tableau du Baptême de Vladimir, à la droite duquel „figure en personne cet artiste sans pareil", et qui, ainsi que sa Nativité, propriété de sa fille, se trouve actuellement au Musée de Vladimir.

Tonci prit en 1815 du service à l'Expédition du Kremlin, puis fut vingt-cinq ans inspecteur des classes de dessin à l'Ecole d'Architecture (aujourd'hui Ecole de Peinture et de Sculpture), à Moscou. Il prit sa retraite comme conseiller de collège en 1842, et mourut en décembre 1844. Il eut de son mariage avec la princesse Natalie Ivanowna Gagarine (22 janvier 1778—8 novembre 1832) deux filles, Sophie (1816—1825), inhumée près de sa mère au monastère Novodévitchi, et Marie, qui vécut de 1840 à 1898 au monastère St-Théodore, à Péréyaslavl, et à laquelle appartenait le portrait sur bois reproduit ici, œuvre de l'artiste lui-même.

La présente publication a déjà donné de Tonci, outre le portrait du prince I. Gagarine, ceux du prince N. Viazemsky (T. IV, № 53) et de Karabanoff (T. II, № 123), mari de la sœur du peintre.

(D'après l'original de Tonci, Musée de Vladimir.)

SALVATOR TONCI, 1756—1844, en Russie Nicolas Ivanowitch Tonci, était d'origine italienne; poète, musicien et chanteur par vocation, il se trouva par hasard devenir peintre, et se fit surtout une grande notoriété ici par son immense portrait de Derjavine, qui lui dédia son ode A l'immortel Tonci (Œuvres, T. II). Ce portrait célèbre, qui représente le barde russe en pelisse et en bonnet de fourrure au milieu de rochers neigeux, fait aujourd'hui l'ornement du Musée Roumiantzeff, à Moscou. Né à Rome en janvier 1756, Tonci fut dans sa jeunesse officier de la Garde Royale napolitaine. Il était connu dans sa patrie comme poète, et prépara sur ses vieux jours, en 1831, une édition de ses œuvres, restée d'ailleurs en manuscrit, sous le titre suivant: Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all'Italia, sua cara antica Patria. Volumo I. Il faisait également du chant, et aussi de la peinture, en amateur, d'après Raphaël. Doué en général comme il l'était, il ne resta pas peintre amateur: son talent en fit un des premiers maîtres du temps. Il vint d'abord d'Italie pour être chanteur à la cour du dernier Roi de Pologne, puis, en 1795, suivit à Pétersbourg Stanislas Poniatowsky détrôné, et passa de là à Moscou, où il resta toute sa vie. „J'ai rencontré chez le prince I. Gagarine", note dans son Journal un contemporain, S. Jikhareff, „le célèbre peintre Tonci. Il est marié à la fille aînée du prince. Blanc comme un cygne. Il porte environ soixante ans, mais sa vivacité de parole ne lui en donne pas quarante; il était l'âme de la conversation. Un homme étonnant. Peintre, paraît-il, mais il vaut n'importe quel professeur: il sait tout, il a tout vu, tout appris. Quelle amabilité, quelle instruction variée, ce Tonci! Il est passionné de littérature et fait lui-même des vers... Il ne fait pas beaucoup de peinture maintenant, rien que des portraits de la famille de sa femme. Celui qu'il a fait du vieux prince est une vraie perfection: une ressemblance extraordinaire, et quel travail, quel coloris! Il a l'air de sortir de la toile"... (Ce portrait est reproduit dans la présente édition, T. III, № 135). „Génial comme artiste", dit Rounitch, le directeur des postes de Moscou, „Tonci était un homme de grand esprit, doué d'une forte intelligence et du don de la parole. A son air majestueux, avec ses boucles blanches, se joignait une originalité d'idées qui donnait le plus grand charme à ses entretiens. Sa philosophie, tout en respirant un vague panthéisme, revêtait une élégance de forme qui en dissimulait le vide. Une vieille fille âgée et laide lui proposa sa main et son cœur: tenant à entrer dans une famille des plus anciennes, il accepta de renoncer à son art pour devenir l'époux de la princesse Gagarine. On le vit dès lors briller à tous les clubs de Moscou et fréquenter Rostoptchine et tous les princes et comtes". L'invasion française et la ruine de Moscou, mais surtout le spectacle de la fin terrible de Vérechtchagine livré par Rostoptchine à la populace, lui firent un tel effet, que sa raison s'en ressentit quelque temps: à Vladimir, où il s'était réfugié, il tenta de s'ouvrir la gorge avec un rasoir. La blessure était sans danger, il guérit vite, et, d'accord avec l'évêque Xénophon et l'homme éclairé qu'était le gouverneur Souponeff, fit pour la cathédrale son grand tableau du Baptême de Vladimir, à la droite duquel „figure en personne cet artiste sans pareil", et qui, ainsi que sa Nativité, propriété de sa fille, se trouve actuellement au Musée de Vladimir.

Tonci prit en 1815 du service à l'Expédition du Kremlin, puis fut vingt-cinq ans inspecteur des classes de dessin à l'Ecole d'Architecture (aujourd'hui Ecole de Peinture et de Sculpture), à Moscou. Il prit sa retraite comme conseiller de collège en 1842, et mourut en décembre 1844. Il eut de son mariage avec la princesse Natalie Ivanowna Gagarine (22 janvier 1778—8 novembre 1832) deux filles, Sophie (1816—1825), inhumée près de sa mère au monastère Novodévitchi, et Marie, qui vécut de 1840 à 1898 au monastère St-Théodore, à Péréyaslavl, et à laquelle appartenait le portrait sur bois reproduit ici, œuvre de l'artiste lui-même.

La présente publication a déjà donné de Tonci, outre le portrait du prince I. Gagarine, ceux du prince N. Viazemsky (T. IV, № 53) et de Karabanoff (T. II, № 123), mari de la sœur du peintre.

(D'après l'original de Tonci, Musée de Vladimir.)

91

СТЕПАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩУКИНЪ, 1754—1828, ученикъ Д. Г. Левицкаго, родился въ 1754 году; по окончаніи курса въ Академіи Художествъ былъ отправленъ, въ 1782 г., на казенный счетъ, для усовершенствованія во Францію; по возвращеніи оттуда, въ 1786 г., за портретъ бывшаго директора Академіи Ю. М. Фельтена признанъ „назначеннымъ въ академики", а въ 1797 г. за портретъ Императора Павла I удостоенъ званія академика; въ 1802 г. произведенъ въ совѣтники Академіи. Умеръ Щукинъ въ 1828 году.

Этимъ, въ сущности, и ограничиваются наши біографическія свѣдѣнія о немъ. Относительно работъ его нельзя не замѣтить, что онъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ среди современныхъ ему портретистовъ. Онъ былъ по природѣ колористомъ, и главное достоинство его работъ заключается въ колоритѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его произведенія поражаютъ необыкновенною неровностью: рядомъ съ такимъ первоклассным произведеніемъ, какъ портретъ Павла I, въ Гатчинѣ, гдѣ, несмотря на поразительную подвижность лица Императора, художнику удалось передать его характеръ, встрѣчаются вещи очень слабыя. Интересны также портреты Александра I, одинъ изъ коихъ находился въ собраніи Великаго Князя Сергія Александровича (въ настоящее время пожертвованъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной музею Императора Александра III), другой—въ Харьковскомъ университетѣ и третій—у Великаго Князя Константина Константиновича.

Какъ преподавателю, Щукину обязаны своимъ художественнымъ образованіемъ такіе портретисты, какъ В. А. Тропининъ и А. Г. Варнекъ.

Въ изданіи „Русскіе Портреты" помѣщено было 2 портрета работы Щукина, изображающіе—первый графа С. О. Потоцкаго (т. II, № 150), а второй Ал. Ив. Корсакова (т. III, № 159).

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Художествъ.)

91

СТЕПАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩУКИНЪ, 1754—1828, ученикъ Д. Г. Левицкаго, родился въ 1754 году; по окончаніи курса въ Академіи Художествъ былъ отправленъ, въ 1782 г., на казенный счетъ, для усовершенствованія во Францію; по возвращеніи оттуда, въ 1786 г., за портретъ бывшаго директора Академіи Ю. М. Фельтена признанъ „назначеннымъ въ академики“, а въ 1797 г. за портретъ Императора Павла I удостоенъ званія академика; въ 1802 г. произведенъ въ совѣтники Академіи. Умеръ Щукинъ въ 1828 году.

Этимъ, въ сущности, и ограничиваются наши біографическія свѣдѣнія о немъ. Относительно работъ его нельзя не замѣтить, что онъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ среди современныхъ ему портретистовъ. Онъ былъ по природѣ колористомъ, и главное достоинство его работъ заключается въ колоритѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его произведенія поражаютъ необыкновенною неровностью: рядомъ съ такимъ первоклассными произведеніемъ, какъ портретъ Павла I, въ Гатчинѣ, гдѣ, несмотря на поразительную подвижность лица Императора, художнику удалось передать его характеръ, встрѣчаются вещи очень слабыя. Интересны также портреты Александра I, одинъ изъ коихъ находился въ собраніи Великаго Князя Сергія Александровича (въ настоящее время пожертвованъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной музею Императора Александра III), другой—въ Харьковскомъ университетѣ и третій—у Великаго Князя Константина Константиновича.

Какъ преподавателю, Щукину обязаны своимъ художественнымъ образованіемъ такіе портретисты, какъ В. А. Тропининъ и А. Г. Варнекъ.

Въ изданіи „Русскіе Портреты“ помѣщено было 2 портрета работы Щукина, изображающіе—первый графа С. О. Потоцкаго (т. II, № 150), а второй Ал. Ив. Корсакова (т. III, № 159).

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Художествъ.)

91

STÉPHANE SÉMENOWITCH CHTCHOUKINE, 1754—1828, élève de Lévitzky, naquit en 1754. En sortant de l'Académie des Beaux-Arts, il obtint en 1782 une bourse de voyage pour la France. A son retour, en 1786, son portrait de Velten, l'ancien directeur de l'Académie, le fit „déclarer académicien" et, en 1797, celui de l'Empereur Paul lui valut le titre d'académicien; il devint en 1802 conseiller de l'Académie. Il mourut en 1828.

Là se borne, en somme, tout ce qu'on sait de sa biographie. Quant à ses œuvres, il convient d'observer qu'il occupe une place absolument à part entre tous les portraitistes du temps. Il est essentiellement coloriste, et tout le mérite de sa peinture est dans le coloris. Ce qui est d'ailleurs frappant, c'est son extrême inégalité: à côté d'un travail de premier ordre comme son Paul Ier de Gatchina, où le caractère du personnage est si heureusement rendu, en dépit de la mobilité d'expression de l'original, on rencontre des choses bien faibles. Citons aussi ses portraits d'Alexandre Ier, dont l'un, jadis dans la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch, a été donné par la Grande-Duchesse Elisabeth Féodorowna au Musée Alexandre III, un autre est à l'Université de Kharkoff, et un troisième dans la galerie du Grand-Duc Constantin Constantinowitch.

Comme professeur, il forma des élèves tels que Tropinine et Warneck.

La présente édition a déjà donné deux portraits de Chtchoukine, celui du comte S. Potocki (T. II, № 150) et celui d'A. Korsakoff (T. III, № 139).

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

91

STÉPHANE SÉMENOWITCH CHTCHOUKINE, 1754—1828, élève de Lévitzky, naquit en 1754. En sortant de l'Académie des Beaux-Arts, il obtint en 1782 une bourse de voyage pour la France. A son retour, en 1786, son portrait de Velten, l'ancien directeur de l'Académie, le fit „déclarer académicien" et, en 1797, celui de l'Empereur Paul lui valut le titre d'académicien; il devint en 1802 conseiller de l'Académie. Il mourut en 1828.

Là se borne, en somme, tout ce qu'on sait de sa biographie. Quant à ses œuvres, il convient d'observer qu'il occupe une place absolument à part entre tous les portraitistes du temps. Il est essentiellement coloriste, et tout le mérite de sa peinture est dans le coloris. Ce qui est d'ailleurs frappant, c'est son extrême inégalité: à côté d'un travail de premier ordre comme son Paul Ier de Gatchina, où le caractère du personnage est si heureusement rendu, en dépit de la mobilité d'expression de l'original, on rencontre des choses bien faibles. Citons aussi ses portraits d'Alexandre Ier, dont l'un, jadis dans la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch, a été donné par la Grande-Duchesse Elisabeth Féodorowna au Musée Alexandre III, un autre est à l'Université de Kharkoff, et un troisième dans la galerie du Grand-Duc Constantin Constantinowitch.

Comme professeur, il forma des élèves tels que Tropinine et Warneck.

La présente édition a déjà donné deux portraits de Chtchoukine, celui du comte S. Potocki (T. II, № 150) et celui d'A. Korsakoff (T. III, № 139).

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ, 1776—1813, флигель-адъютантъ, извѣстный сатирическій поэтъ своего времени, родился 16 Февраля 1776 г. и былъ сынъ Новгородскаго губернатора Никифора Михайловича Марина отъ второй его жены, Маріи Ивановны Невѣжиной (О служебной дѣятельности Марина см. т. II, № 120). Маринъ происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, извѣстной съ XVI вѣка. По семейному преданію, Марины происходятъ отъ итальянца архитектора Марини, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ знаменитымъ Аристотелемъ Фіораванти. Сынъ этого итальянца, по русскому произношенію получилъ фамилію „Маринина“ (сынъ Маринииъ), какъ и именовались первоначально Марины. Документально извѣстно, что въ 1515 г., 23 Февраля, Великій Князь Василій Ивановичъ пожаловалъ Пашку Гридина Маринина помѣстьями въ Можайскомъ уѣздѣ, раньше бывшими за княземъ Александромъ Ивановымъ Мамаевымъ (Глинскій), вмѣстѣ съ чрезвычайно рѣдкой по формѣ „несудимой грамотой“. Такая высокая, исключительная милость показывала на особое благоволеніе Государя къ Павлу Гридину. Грамота эта была подтверждена Грознымъ въ 1545 г. сыну Павла, Петрушкѣ Маринину. Послѣдній былъ тотъ инженеръ, „розмыслъ“, который, по разсказу Курбскаго, сдѣлалъ подкопъ и взорвалъ Казань.

С. Н. Маринъ, служа въ Преображенскомъ полку, рано началъ интересоваться литературой, преимущественно французской, и писать стихи, подражая Буало и Вольтеру, „Меропу“ котораго онъ перевелъ, и она была поставлена въ Эрмитажѣ. Собственный складъ ума, склонность къ юмору и ироніи влекли его къ сатирѣ и пародіямъ. Скоро онъ получилъ извѣстность; „стихи разошлись по рукамъ, и всякъ ихъ хотѣлъ имѣть“, говоритъ братъ Марина въ краткомъ его „жизнеописаніи“. Особенную извѣстность пріобрѣла его пародія на „9 оду Ломоносова, выбранную изъ Іова“, но зато доставила автору „тьму неудовольствіевъ“. Да и какъ могло быть иначе, когда тамъ были такіе стихи:

„Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ!“...

Непріятны были, конечно, и такія фразы:

„Служи Отечеству!“ твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
„Люби Отечество!“ твердитъ весь бѣлый свѣтъ;
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
И со вредомъ его счастливо поживаютъ!“...

Впрочемъ, Государь лично зналъ Марина и былъ къ нему всегда расположенъ; особенно онъ доволенъ былъ сочиненнымъ въ 1805 г. Маринымъ маршемъ Преображенцевъ: „Пойдемте, братцы, за границу бить отечества враговъ, ‖ Вспомнимъ матушку Царицу, вспомнимъ вѣкъ ея каковъ!“...

Сдѣлавъ Марина 20 Августа 1807 г. флигель-адъютантомъ, Александръ I возлагалъ на него часто разныя довѣрительныя порученія. Страданія отъ ранъ, полученныхъ подъ Аустерлицемъ, разстроили здоровье Марина, а труды во время Отечественной войны и смерть Багратіона, котораго онъ любилъ, докончили это. Послѣднее время Маринъ былъ дежурнымъ генераломъ 2 арміи. „Здоровье мое уплыло съ дежурствомъ; часъ отъ часу становилось и слабѣе, и хуже... Пожалѣй, если хочешь!“ писалъ онъ въ концѣ Сентября другу своему М. С. Воронцову. Въ то же время его безпокоило, что на него „навалили писать реляцію 26 числа (Бородино), это и скучно и хлопотно: иной былъ пьянъ, какъ стелька, а произведенъ за Бородино! Государя винить нечего, онъ полагается на главнокомандующихъ, а тѣ вѣрятъ корпуснымъ, а тѣ обманываютъ; ихъ-то я бы велѣлъ на $1/2$ часа повѣсить“... Въ послѣднемъ письмѣ, 21 Декабря 1812 г., Маринъ писалъ: „Твое свидѣтельство, любезный Миша, о моей службѣ мнѣ пріятнѣе креста; всѣ видѣли, что я не давалъ себѣ покою, продовольствовалъ армію, хлопоталъ обо всемъ и безпрестанно“... Заболѣвъ „горячкой“, С. Н. Маринъ скончался на рукахъ князя А. Н. Голицына и графа А. И. Рибопьера, его близкихъ друзей, 9 Февраля 1813 года. А. Н. Оленинъ часто его посѣщалъ. „По смерти его ощупали у него подъ ложкою пулю, попавшую ему въ грудь еще подъ Аустерлицемъ, а это заставляетъ полагать, что она и была важнѣйшей причиной его смерти. Вѣра (одна извѣстная особа, называвшаяся Вѣрой, величайшее принимала въ немъ участіе и до смерти, и по смерти), дружба и любовь похоронили покойнаго въ Невскомъ монастырѣ“, такъ пишетъ младшій братъ Сергѣя Никифоровича, Ап. Н. Маринъ; на памятникѣ же сказано, что поставленъ онъ сестрою покойнаго, княгиней Варварой Мещерской.

(Съ портрета, пастелью, О. Кипренскаго; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ, 1776—1813, флигель-адъютантъ, извѣстный сатирическій поэтъ своего времени, родился 16 Февраля 1776 г. и былъ сынъ Новгородскаго губернатора Никифора Михайловича Марина отъ второй его жены, Маріи Ивановны Невѣжиной (О служебной дѣятельности Марина см. т. II, № 120). Маринъ происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, извѣстной съ XVI вѣка. По семейному преданію, Марины происходятъ отъ итальянца архитектора Марини, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ знаменитымъ Аристотелемъ Фіораванти. Сынъ этого итальянца, по русскому произношенію получилъ фамилію „Маринина" (сынъ Мариниъ), какъ и именовались первоначально Марины. Документально извѣстно, что въ 1515 г., 23 Февраля, Великій Князь Василій Ивановичъ пожаловалъ Пашку Гридина Маринина помѣстьями въ Можайскомъ уѣздѣ, раньше бывшими за княземъ Александромъ Ивановымъ Мамаевымъ (Глинскій), вмѣстѣ съ чрезвычайно рѣдкой по формѣ „несудимой грамотой". Такая высокая, исключительная милость показывала на особое благоволеніе Государя къ Павлу Гридину. Грамота эта была подтверждена Грознымъ въ 1545 г. сыну Павла, Петрушкѣ Маринину. Послѣдній былъ тотъ инженеръ, „розмыслъ", который, по разсказу Курбскаго, сдѣлалъ подкопъ и взорвалъ Казань.

С. Н. Маринъ, служа въ Преображенскомъ полку, рано началъ интересоваться литературой, преимущественно французской, и писать стихи, подражая Буало и Вольтеру, „Меропу" котораго онъ перевелъ, и она была поставлена въ Эрмитажѣ. Собственный складъ ума, склонность къ юмору и ироніи влекли его къ сатирѣ и пародіямъ. Скоро онъ получилъ извѣстность; „стихи разошлись по рукамъ, и всякъ ихъ хотѣлъ имѣть", говоритъ братъ Марина въ краткомъ его „жизнеописаніи". Особенную извѣстность пріобрѣла его пародія на „9 оду Ломоносова, выбранную изъ Іова", но зато доставила автору „тьму неудовольствіевъ". Да и какъ могло быть иначе, когда тамъ были такіе стихи:

„Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ!"...

Непріятны были, конечно, и такія фразы:

„Служи Отечеству!" твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
„Люби Отечество!" твердитъ весь бѣлый свѣтъ;
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
И со вредомъ его счастливо поживаютъ!"...

Впрочемъ, Государь лично зналъ Марина и былъ къ нему всегда расположенъ; особенно онъ доволенъ былъ сочиненнымъ въ 1805 г. Маринымъ маршемъ Преображенцевъ: „Пойдемте, братцы, за границу бить отечества враговъ, ‖ Вспомнимъ матушку Царицу, вспомнимъ вѣкъ ея каковъ!"...

Сдѣлавъ Марина 20 Августа 1807 г. флигель-адъютантомъ, Александръ I возлагалъ на него часто разныя довѣрительныя порученія. Страданія отъ ранъ, полученныхъ подъ Аустерлицемъ, разстроили здоровье Марина, а труды во время Отечественной войны и смерть Багратіона, котораго онъ любилъ, докончили это. Послѣднее время Маринъ былъ дежурнымъ генераломъ 2 арміи. „Здоровье мое уплыло съ дежурствомъ; часъ отъ часу становилось и слабѣе, и хуже... Пожалѣй, если хочешь!" писалъ онъ въ концѣ Сентября другу своему М. С. Воронцову. Въ то же время его безпокоило, что на него „навалили писать реляцію 26 числа (Бородино), это и скучно и хлопотно: иной былъ пьянъ, какъ стелька, а произведенъ за Бородино! Государя винить нечего, онъ полагается на главнокомандующихъ, а тѣ вѣрятъ корпуснымъ, а тѣ обманываютъ; ихъ-то я бы велѣлъ на ½ часа повѣсить"... Въ послѣднемъ письмѣ, 21 Декабря 1812 г., Маринъ писалъ: „Твое свидѣтельство, любезный Миша, о моей службѣ мнѣ пріятнѣе креста; всѣ видѣли, что я не давалъ себѣ покою, продовольствовалъ армію, хлопоталъ обо всемъ и безпрестанно"... Заболѣвъ „горячкой", С. Н. Маринъ скончался на рукахъ князя А. Н. Голицына и графа А. И. Рибопьера, его близкихъ друзей, 9 Февраля 1813 года. А. Н. Оленинъ часто его посѣщалъ. „По смерти его ощупали у него подъ ложкою пулю, попавшую ему въ грудь еще подъ Аустерлицемъ, а это заставляетъ полагать, что она и была важнѣйшей причиной его смерти. Вѣра (одна извѣстная особа, называвшаяся Вѣрой, величайшее принимала въ немъ участіе и до смерти, и по смерти), дружба и любовь похоронили покойнаго въ Невскомъ монастырѣ", такъ пишетъ младшій братъ Сергѣя Никифоровича, Апп. Н. Маринъ; на памятникѣ же сказано, что поставленъ онъ сестрою покойнаго, княгиней Варварой Мещерской.

(Съ портрета, пастелью, О. Кипренскаго; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SERGE NIKIFOROWITCH MARINE, 1776—1813, aide de camp de Sa Majesté, poète satirique renommé de son temps, né le 16 février 1776 et fils du gouverneur de Novgorod Nikiphore Mikhaïlowitch Marine et de sa seconde femme, Marie Ivanovna, née Névéjine, descendait d'une vieille famille noble connue dès le XVIe siècle (Sa carrière a été retracée T. II, № 120). Une tradition fait remonter les Marine à l'architecte italien Marini, venu en Russie avec le célèbre Aristote Fioravanti, et dont le fils reçut à la russe le nom de Marinine (fils de Marini), qui fut d'abord celui des Marine. Comme en font foi les documents, le 23 février 1515, le Grand Prince Vassili Ivanowitch conféra à Pachka Gridine Marinine des domaines sis au district de Mojaïsk et ayant appartenu au prince Alexandre Ivanowitch Mamaeff (Glinsky), avec le privilège considérable et absolument exceptionnel d'être soustrait à la juridiction épiscopale. Cette haute distinction, qui témoigne bien de la faveur particulière dont jouissait Marinine, fut confirmée en 1545 par Ivan-le-Terrible à son fils Pierre, l'ingénieur, qui, au siège de Kazan, dit Kourbsky, pratiqua une mine souterraine et fit sauter la forteresse.

Officier au régiment Préobragensky, Marine commença de bonne heure à s'intéresser à la littérature, surtout à la littérature française et à faire des imitations en vers de Boileau et Voltaire: sa traduction de Mérope fut mise à la scène de l'Ermitage. Sa tournure d'esprit particulière, son penchant à l'humour et à l'ironie le portèrent à la satire et à la parodie. Il se fit bientôt une notoriété: „ses vers étaient très répandus et très recherchés", dit son frère dans une esquisse biographique qu'il fit de lui. Sa parodie la plus célèbre, celle de la „Neuvième ode de Lomonossoff, tirée du Livre de Job", lui attira „une masse de désagréments". C'était inévitable, comme on en peut juger:

„Est-ce à toi que Koutaïtzoff
„Doit d'être ainsi grand seigneur,
„Etranglant les bourgeois tels de simples lapins,
„Ne donnant pas un sou de toute la noblesse?"...

Et encore:

„Tout enfants, on nous dit: „Servez votre patrie!"
„Chacun va répétant: „Aimez votre patrie!"
„Seulement tout cela ne se fait qu'en paroles!
„Le mal de la patrie, on le prend en patience!"...

D'ailleurs l'Empereur connaissait personnellement Marine et ne cessa de lui témoigner sa faveur. Il lui tint surtout compte de sa Marche des Préobragensky composée en 1805: „Frères, Marchons à l'étranger combattre les ennemis de la patrie! Souvenons-nous de notre grande Tzarine, souvenons-nous quel fut son siècle!"

Alexandre Ier fit Marine aide de camp le 20 août 1807, et lui confia à plusieurs reprises des missions de confiance. Les suites des blessures reçues à Austerlitz ébranlèrent sa santé, et les fatigues de la Guerre Patriotique, ainsi que la perte de son cher ami Bagration, l'achevèrent. Ses dernières fonctions furent celles de général de service de la 2e armée: „Ma santé a fondu à ce service; d'heure en heure plus faible et plus mal portant.... Tu peux me plaindre!" écrivait-il à la fin de septembre à son ami M. Worontzoff. Il avait aussi un ennui: „On m'a mis sur le dos la relation du 26" (Borodino). „C'est assommant et pas commode: il y en avait qui étaient soûls comme des grives, et ce sera promu pour Borodino! L'Empereur n'y est pour rien: il s'en remet aux commandants en chef, qui s'en remettent aux commandants de corps, qui sont des fourbes; c'est ceux-là que je ferais pendre pour une demi-heure!"... Et dans sa dernière lettre, du 21 décembre 1812: „Ton témoignage, mon cher Michel, sur mon service m'est plus précieux que la croix; tout le monde a bien vu que je ne connaissais pas de repos, pourvoyant aux subsistances, veillant à tout et sans trève"... Marine succomba à une „fièvre chaude", dans les bras de ses amis intimes le prince A. Golitzyne et le comte A. Ribeaupierre, le 9 février 1813. Olénine vint souvent le voir. „A l'autopsie", écrit son frère cadet, „on lui a trouvé au creux de l'estomac une balle qui était là depuis Austerlitz, et qui a été, croit-on, la principale cause de sa mort. La foi (en russe Véra, nom d'une personne connue qui lui témoigna un grand attachement pendant sa vie comme après sa mort), l'amitié et l'amour l'ont enseveli au monastère Newsky". Son monument, dit l'épitaphe, fut élevé par sa sœur la princesse Varvara Mechtchersky.

(D'après un pastel de Kiprensky, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

SERGE NIKIFOROWITCH MARINE, 1776—1813, aide de camp de Sa Majesté, poète satirique renommé de son temps, né le 16 février 1776 et fils du gouverneur de Novgorod Nikiphore Mikhaïlowitch Marine et de sa seconde femme, Marie Ivanovna, née Névéjine, descendait d'une vieille famille noble connue dès le XVIe siècle (Sa carrière a été retracée T. II, № 120). Une tradition fait remonter les Marine à l'architecte italien Marini, venu en Russie avec le célèbre Aristote Fioravanti, et dont le fils reçut à la russe le nom de Marinine (fils de Marini), qui fut d'abord celui des Marine. Comme en font foi les documents, le 23 février 1515, le Grand Prince Vassili Ivanowitch conféra à Pachka Gridine Marinine des domaines sis au district de Mojaïsk et ayant appartenu au prince Alexandre Ivanowitch Mamaeff (Glinsky), avec le privilège considérable et absolument exceptionnel d'être soustrait à la juridiction épiscopale. Cette haute distinction, qui témoigne bien de la faveur particulière dont jouissait Marinine, fut confirmée en 1545 par Ivan-le-Terrible à son fils Pierre, l'ingénieur, qui, au siège de Kazan, dit Kourbsky, pratiqua une mine souterraine et fit sauter la forteresse.

Officier au régiment Préobragensky, Marine commença de bonne heure à s'intéresser à la littérature, surtout à la littérature française et à faire des imitations en vers de Boileau et Voltaire: sa traduction de Mérope fut mise à la scène de l'Ermitage. Sa tournure d'esprit particulière, son penchant à l'humour et à l'ironie le portèrent à la satire et à la parodie. Il se fit bientôt une notoriété: „ses vers étaient très répandus et très recherchés", dit son frère dans une esquisse biographique qu'il fit de lui. Sa parodie la plus célèbre, celle de la „Neuvième ode de Lomonossoff, tirée du Livre de Job", lui attira „une masse de désagréments". C'était inévitable, comme on en peut juger:

„Est-ce à toi que Koutaïtzoff
„Doit d'être ainsi grand seigneur,
„Etranglant les bourgeois tels de simples lapins,
„Ne donnant pas un sou de toute la noblesse?"...

Et encore:

„Tout enfants, on nous dit: „Servez votre patrie!"
„Chacun va répétant: „Aimez votre patrie!"
„Seulement tout cela ne se fait qu'en paroles!
„Le mal de la patrie, on le prend en patience!"...

D'ailleurs l'Empereur connaissait personnellement Marine et ne cessa de lui témoigner sa faveur. Il lui tint surtout compte de sa Marche des Préobragensky composée en 1805: „Frères, Marchons à l'étranger combattre les ennemis de la patrie! Souvenons-nous de notre grande Tzarine, souvenons-nous quel fut son siècle!"

Alexandre Ier fit Marine aide de camp le 20 août 1807, et lui confia à plusieurs reprises des missions de confiance. Les suites des blessures reçues à Austerlitz ébranlèrent sa santé, et les fatigues de la Guerre Patriotique, ainsi que la perte de son cher ami Bagration, l'achevèrent. Ses dernières fonctions furent celles de général de service de la 2e armée: „Ma santé a fondu à ce service; d'heure en heure plus faible et plus mal portant.... Tu peux me plaindre!" écrivait-il à la fin de septembre à son ami M. Worontzoff. Il avait aussi un ennui: „On m'a mis sur le dos la relation du 26" (Borodino). „C'est assommant et pas commode: il y en avait qui étaient soûls comme des grives, et ce sera promu pour Borodino! L'Empereur n'y est pour rien: il s'en remet aux commandants en chef, qui s'en remettent aux commandants de corps, qui sont des fourbes; c'est ceux-là que je ferais pendre pour une demi-heure!"... Et dans sa dernière lettre, du 21 décembre 1812: „Ton témoignage, mon cher Michel, sur mon service m'est plus précieux que la croix; tout le monde a bien vu que je ne connaissais pas de repos, pourvoyant aux subsistances, veillant à tout et sans trève"... Marine succomba à une „fièvre chaude", dans les bras de ses amis intimes le prince A. Golitzyne et le comte A. Ribeaupierre, le 9 février 1813. Olénine vint souvent le voir. „A l'autopsie", écrit son frère cadet, „on lui a trouvé au creux de l'estomac une balle qui était là depuis Austerlitz, et qui a été, croit-on, la principale cause de sa mort. La foi (en russe Véra, nom d'une personne connue qui lui témoigna un grand attachement pendant sa vie comme après sa mort), l'amitié et l'amour l'ont enseveli au monastère Newsky". Son monument, dit l'épitaphe, fut élevé par sa sœur la princesse Varvara Mechtchersky.

(D'après un pastel de Kiprensky, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПЛАТОНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ГАМАЛѢЯ, 1766—1817, сынъ бунчуковаго товарища (впослѣдствіи коллежскаго асессора) Якова Андреевича Гамалѣи отъ брака его съ Екатериною Семеновной Мандрыкой, родился 18 Ноября 1766 г. въ с. Малютинцахъ, Пирятинскаго уѣзда; учился въ Кіевской Академіи (1772—1778), а съ 1779 г.—въ Морскомъ корпусѣ; въ 1782 г. плавалъ въ эскадрѣ В. Я. Чичагова въ Средиземномъ морѣ и въ 1784 г. произведенъ, первымъ по успѣхамъ, въ мичманы. Хорошо узнавъ Гамалѣю за время кампаніи, Чичаговъ пригласилъ его жить у себя въ домѣ, при дѣтяхъ своихъ, которыхъ Гамалѣя училъ математикѣ и въ то же время ходилъ въ Академію Наукъ слушать публичныя лекціи профессоровъ; переведенный въ Февралѣ 1788 г. поручикомъ въ Морской корпусъ, онъ, на кораблѣ „Ростиславъ", участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи со шведами, въ слѣдующемъ году назначенъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена, а затѣмъ, командуя коттеромъ „Кречетъ", былъ въ Роченсальмскомъ сраженіи и въ другихъ дѣлахъ и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ 1790 г. онъ участвовалъ въ Фридрихсгамскомъ, Выборгскомъ и второмъ Роченсальмскомъ сраженіяхъ и былъ взятъ въ плѣнъ; оставивъ фронтъ, онъ состоялъ въ Корпусѣ ротнымъ командиромъ и велъ классъ морской практики и эволюцій (1793—1801), въ 1795 г. былъ назначенъ и. д. инспектора классовъ (утвержденъ въ 1802 г.) и въ 1804 г. произведенъ въ капитанъ-командоры. Избранный въ 1801 г. въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, Гамалѣя въ 1805 г. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Адмиралтейскаго Департамента, въ 1808 г., по предложенію А. С. Шишкова, избранъ членомъ Россійской Академіи (по „извѣстному въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ знанію и упражненію"), а также Вольнаго Экономическаго общества. Уѣхавъ въ 1809 г. въ годовой отпускъ въ деревню для поправленія надорваннаго чрезвычайною работою здоровья, онъ въ 1811 г. совсѣмъ вышелъ въ отставку, при чемъ получилъ орденъ Владиміра 3 степени. Поселившись въ купленной имъ деревнѣ Лисагоръ, Борзенскаго уѣзда, онъ умеръ тамъ 9 Іюля 1817 г. и тамъ же погребенъ; надъ могилой его построена небольшая церковь во имя св. Платона.

П. Я. Гамалѣя издалъ слѣдующія сочиненія: „Вышняя теорія морского искусства" (4 ч., Спб., 1801—1804; 2-е изд. 1810—1813); „Опытъ морской практики" (4 ч., Спб., 1804); „Теорія и практика кораблевожденія" (3 ч., Спб., 1806—1809; 2-е изд. 1818—1819); „Сокращенная исторія астрономіи" (Спб., 1809); „Сокращенная оптика" Смита (съ англ. яз., Спб., 1803); „Рѣчь о наукахъ вообще, о пользѣ ихъ и о способѣ упражняться въ оныхъ" (Спб., 1807), и др. Спеціальные труды Гамалѣи въ свое время имѣли огромное вліяніе на нашу морскую образованность и вообще на преподаваніе у насъ математики; онъ былъ педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова, горячо любившій свое дѣло и своихъ питомцевъ. Одинъ изъ учениковъ его даетъ такую характеристику Гамалѣи: „Онъ былъ роста средняго, худощавъ и подъ конецъ жизни ходилъ нѣсколько согнувшись, обыкновенно тихо; черты лица имѣлъ довольно рѣзкія, но вообще правильныя; волоса черные, густые и гладкіе, выраженіе лица умное и пріятное.... Характеръ онъ имѣлъ ровный, тихій, со всѣми былъ весьма ласковъ; ежели случалось дѣлать кому-нибудь выговоры, то дѣлалъ ихъ со всѣмъ приличіемъ... Преподавалъ терпѣливо и такъ искусно, что почти нельзя было его не понять. Трудолюбіе было его отличительной чертой... Жизнь велъ одинокую, выѣзжалъ рѣдко, но не чуждался общества и любилъ собирать у себя знакомыхъ—пообѣдать или „чайку откушать", угощая, по тогдашнему обыкновенію, „пуншиками"; въ бесѣдахъ бывалъ веселъ, шутливъ".

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

ПЛАТОНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ГАМАЛѢЯ, 1766—1817, сынъ бунчуковаго товарища (впослѣдствіи коллежскаго асессора) Якова Андреевича Гамалѣи отъ брака его съ Екатериной Семеновной Мандрыкой, родился 18 Ноября 1766 г. въ с. Малютинцахъ, Пирятинскаго уѣзда; учился въ Кіевской Академіи (1772—1778), а съ 1779 г.—въ Морскомъ корпусѣ; въ 1782 г. плавалъ въ эскадрѣ В. Я. Чичагова въ Средиземномъ морѣ и въ 1784 г. произведенъ, первымъ по успѣхамъ, въ мичманы. Хорошо узнавъ Гамалѣю за время кампаніи, Чичаговъ пригласилъ его жить у себя въ домѣ, при дѣтяхъ своихъ, которыхъ Гамалѣя училъ математикѣ и въ то же время ходилъ въ Академію Наукъ слушать публичныя лекціи профессоровъ; переведенный въ Февралѣ 1788 г. поручикомъ въ Морской корпусъ, онъ, на кораблѣ „Ростиславъ", участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи со шведами, въ слѣдующемъ году назначенъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена, а затѣмъ, командуя коттеромъ „Кречетъ", былъ въ Роченсальмскомъ сраженіи и въ другихъ дѣлахъ и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ 1790 г. онъ участвовалъ въ Фридрихсгамскомъ, Выборгскомъ и второмъ Роченсальмскомъ сраженіяхъ и былъ взятъ въ плѣнъ; оставивъ фронтъ, онъ состоялъ въ Корпусѣ ротнымъ командиромъ и велъ классъ морской практики и эволюцій (1793—1801), въ 1795 г. былъ назначенъ и. д. инспектора классовъ (утвержденъ въ 1802 г.) и въ 1804 г. произведенъ въ капитанъ-командоры. Избранный въ 1801 г. въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, Гамалѣя въ 1805 г. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Адмиралтейскаго Департамента, въ 1808 г., по предложенію А. С. Шишкова, избранъ членомъ Россійской Академіи (по „извѣстному въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ знанію и упражненію"), а также Вольнаго Экономическаго общества. Уѣхавъ въ 1809 г. въ годовой отпускъ въ деревню для поправленія надорваннаго чрезвычайною работою здоровья, онъ въ 1811 г. совсѣмъ вышелъ въ отставку, при чемъ получилъ орденъ Владиміра 3 степени. Поселившись въ купленной имъ деревнѣ Лисагоръ, Борзенскаго уѣзда, онъ умеръ тамъ 9 Іюля 1817 г. и тамъ же погребенъ; надъ могилой его построена небольшая церковь во имя св. Платона.

П. Я. Гамалѣя издалъ слѣдующія сочиненія: „Вышняя теорія морского искусства" (4 ч., Спб., 1801—1804; 2-е изд. 1810—1813); „Опытъ морской практики" (4 ч., Спб., 1804); „Теорія и практика кораблевожденія" (3 ч., Спб., 1806—1809; 2-е изд. 1818—1819); „Сокращенная исторія астрономіи" (Спб., 1809); „Сокращенная оптика" Смита (съ англ. яз., Спб., 1803); „Рѣчь о наукахъ вообще, о пользѣ ихъ и о способѣ упражняться въ оныхъ" (Спб., 1807), и др. Спеціальные труды Гамалѣи въ свое время имѣли огромное вліяніе на нашу морскую образованность и вообще на преподаваніе у насъ математики; онъ былъ педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова, горячо любившій свое дѣло и своихъ питомцевъ. Одинъ изъ учениковъ его даетъ такую характеристику Гамалѣи: „Онъ былъ роста средняго, худощавъ и подъ конецъ жизни ходилъ нѣсколько согнувшись, обыкновенно тихо; черты лица имѣлъ довольно рѣзкія, но вообще правильныя; волоса черные, густые и гладкіе, выраженіе лица умное и пріятное.... Характеръ онъ имѣлъ ровный, тихій, со всѣми былъ весьма ласковъ; ежели случалось дѣлать кому-нибудь выговоры, то дѣлалъ ихъ со всѣмъ приличіемъ... Преподавалъ терпѣливо и такъ искусно, что почти нельзя было его не понять. Трудолюбіе было его отличительной чертой... Жизнь велъ одинокую, выѣзжалъ рѣдко, но не чуждался общества и любилъ собирать у себя знакомыхъ—пообѣдать или „чайку откушать", угощая, по тогдашнему обыкновенію, „пуншиками"; въ бесѣдахъ бывалъ веселъ, шутливъ".

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

PLATON YAKOVLEWITCH GAMALÉIA, 1766—1817, fils d'un porte-étendard petit-russien (bountchoukovy tovarichtch), plus tard assesseur de collège, et de Catherine Sémenowna, née Mandryka, naquit le 18 novembre 1766 au bourg de Malioutintzy, en Petite-Russie, et fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff de 1772 à 1778, puis, à partir de 1779, à l'Ecole Navale. Il fit en 1782 la croisière en Méditerranée de l'escadre de Tchitchagoff, et passa enseigne de vaisseau en 1784, le premier par ordre de mérite. Tchitchagoff avait pu l'apprécier au cours de la croisière, et le prit chez lui pour donner des leçons de mathématiques à ses enfants; il suivit en même temps les cours publics de l'Académie des Sciences. Lieutenant à l'Ecole Navale en février 1788, il prit part sur le Rostislav à la bataille de Hogland contre les Suédois, fut affecté l'année suivante à la flottille à rames du prince de Nassau-Siegen, puis, commandant du côtre Kretchet, fut à Ruotsensalmi et à d'autres affaires et passa capitaine lieutenant. En 1790, il combattit à Friedrichshamm, Wiborg, et derechef à Ruotsensalmi, et fut fait prisonnier. Il quitta ensuite le service actif pour être commandant de compagnie à l'Ecole Navale, où il professa de 1793 à 1801 la pratique de l'art naval et des évolutions; il y fut inspecteur intérimaire en 1795, puis titulaire en 1802, et passa capitaine commandant en 1804. Elu en 1801 membre honoraire de l'Académie des Sciences, il fut nommé en 1805 membre perpétuel du département de l'Amirauté, en 1808, sur la proposition de Chichkoff, membre de l'Académie Russe en raison de „son renom de connaisseur de la langue et de la littérature russes", et aussi membre de la Société Economique Libre. Il obtint en 1809 un congé d'un an pour aller dans son pays rétablir sa santé épuisée par le travail, et prit sa retraite définitive en 1811, avec St-Vladimir de 3e classe. Il se fixa dans une propriété qu'il acheta à Lisagor, district de Borzna, en Petite-Russie; il y mourut le 9 juillet 1817 et y fut inhumé: sur sa sépulture s'élève une petite église sous le vocable de St-Platon.

Gamaléia est l'auteur des ouvrages suivants: Théorie supérieure de l'art naval (4 parties, SPb., 1801—1804; 2e éd., 1810—1813), Essai de Pratique navale (4 parties, SPb., 1804), Théorie et Pratique de la Direction du Navire (3 parties, SPb., 1806—1809; 2e éd., 1818—1819), Abrégé d'Histoire de l'Astronomie (SPb., 1809), Abrégé d'Optique (traduit de l'anglais de Smith, SPb., 1803), Discours sur les Sciences en général, sur leur utilité et le moyen de s'y exercer (SPb., 1807), etc. Ses ouvrages spéciaux eurent dans leur temps une importance considérable pour le développement de notre art naval et l'enseignement des mathématiques. Pédagogue au meilleur sens du terme, il était fort attaché à son enseignement et à ses élèves. „De taille moyenne", dit un de ceux-ci, „maigre, il avait vers la fin de sa vie le corps un peu voûté et la démarche d'ordinaire lente, des traits assez accusés, mais parfaitement réguliers, des cheveux noirs, abondants et lisses, une expression spirituelle et agréable.... D'un caractère toujours égal et calme, il était toujours d'une grande affabilité; et, dans ses réprimandes, ne se départissait jamais des formes les plus irréprochables... Il apportait à son enseignement beaucoup de patience et une telle habileté qu'avec lui il était presque impossible de ne pas comprendre. C'était un travailleur acharné... Solitaire et casanier, il ne fuyait cependant pas la société et aimait avoir chez lui quelques amis à dîner, à prendre le thé ou, au goût du temps, le punch; il avait une conversation enjouée et plaisante".

(D'après un original conservé à l'Académie Impériale des Sciences.)

PLATON YAKOVLEWITCH GAMALÉIA, 1766—1817, fils d'un porte-étendard petit-russien (bountchoukovy tovarichtch), plus tard assesseur de collège, et de Catherine Sémenowna, née Mandryka, naquit le 18 novembre 1766 au bourg de Malioutintzy, en Petite-Russie, et fit ses études à l'Académie ecclésiastique de Kieff de 1772 à 1778, puis, à partir de 1779, à l'Ecole Navale. Il fit en 1782 la croisière en Méditerranée de l'escadre de Tchitchagoff, et passa enseigne de vaisseau en 1784, le premier par ordre de mérite. Tchitchagoff avait pu l'apprécier au cours de la croisière, et le prit chez lui pour donner des leçons de mathématiques à ses enfants; il suivit en même temps les cours publics de l'Académie des Sciences. Lieutenant à l'Ecole Navale en février 1788, il prit part sur le Rostislav à la bataille de Hogland contre les Suédois, fut affecté l'année suivante à la flottille à rames du prince de Nassau-Siegen, puis, commandant du côtre Kretchet, fut à Ruotsensalmi et à d'autres affaires et passa capitaine lieutenant. En 1790, il combattit à Friedrichshamm, Wiborg, et derechef à Ruotsensalmi, et fut fait prisonnier. Il quitta ensuite le service actif pour être commandant de compagnie à l'Ecole Navale, où il professa de 1793 à 1801 la pratique de l'art naval et des évolutions; il y fut inspecteur intérimaire en 1795, puis titulaire en 1802, et passa capitaine commandant en 1804. Elu en 1801 membre honoraire de l'Académie des Sciences, il fut nommé en 1805 membre perpétuel du département de l'Amirauté, en 1808, sur la proposition de Chichkoff, membre de l'Académie Russe en raison de „son renom de connaisseur de la langue et de la littérature russes", et aussi membre de la Société Economique Libre. Il obtint en 1809 un congé d'un an pour aller dans son pays rétablir sa santé épuisée par le travail, et prit sa retraite définitive en 1811, avec St-Vladimir de 3e classe. Il se fixa dans une propriété qu'il acheta à Lisagor, district de Borzna, en Petite-Russie; il y mourut le 9 juillet 1817 et y fut inhumé: sur sa sépulture s'élève une petite église sous le vocable de St-Platon.

Gamaléia est l'auteur des ouvrages suivants: Théorie supérieure de l'art naval (4 parties, SPb., 1801—1804; 2e éd., 1810—1813), Essai de Pratique navale (4 parties, SPb., 1804), Théorie et Pratique de la Direction du Navire (3 parties, SPb., 1806—1809; 2e éd., 1818—1819), Abrégé d'Histoire de l'Astronomie (SPb., 1809), Abrégé d'Optique (traduit de l'anglais de Smith, SPb., 1803), Discours sur les Sciences en général, sur leur utilité et le moyen de s'y exercer (SPb., 1807), etc. Ses ouvrages spéciaux eurent dans leur temps une importance considérable pour le développement de notre art naval et l'enseignement des mathématiques. Pédagogue au meilleur sens du terme, il était fort attaché à son enseignement et à ses élèves. „De taille moyenne", dit un de ceux-ci, „maigre, il avait vers la fin de sa vie le corps un peu voûté et la démarche d'ordinaire lente, des traits assez accusés, mais parfaitement réguliers, des cheveux noirs, abondants et lisses, une expression spirituelle et agréable.... D'un caractère toujours égal et calme, il était toujours d'une grande affabilité; et, dans ses réprimandes, ne se départissait jamais des formes les plus irréprochables... Il apportait à son enseignement beaucoup de patience et une telle habileté qu'avec lui il était presque impossible de ne pas comprendre. C'était un travailleur acharné... Solitaire et casanier, il ne fuyait cependant pas la société et aimait avoir chez lui quelques amis à dîner, à prendre le thé ou, au goût du temps, le punch; il avait une conversation enjouée et plaisante".

(D'après un original conservé à l'Académie Impériale des Sciences.)

ЕГОРЪ БОРИСОВИЧЪ ФУКСЪ, 1762—1829, лютеранинъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ перешедшій въ православіе, въ молодости служилъ въ канцеляріи „у принятія прошеній“, въ 1791 г. былъ коллежскимъ асессоромъ и въ 1793 г. получилъ орденъ Владиміра 4 ст.; лично извѣстный Екатеринѣ II, онъ „употребляемъ былъ при собственной перепискѣ Императрицы“ и ко времени ея смерти имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и состоялъ при Тайной Экспедиціи; онъ очень счастливо служилъ при Павлѣ, который уже 20 Ноября 1796 г., „въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ“, пожаловалъ Фуксу 195 душъ въ Овручскомъ уѣздѣ, а затѣмъ ежегодно награждалъ его: 18 Іюля 1797 г. чиномъ коллежскаго, 4 Декабря 1798 г.— статскаго и 18 Сентября 1799 г.—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а черезъ два дня (20 Сентября) орденомъ Анны 2 степени и 14 Іюня 1800 г.—3000 десятинами земли въ Саратовской губерніи. Все это время онъ служилъ въ Тайной Экспедиціи и въ 1801 г. состоялъ однимъ изъ двухъ ея членовъ. Въ 1799 г. Фуксъ былъ командированъ въ дипломатическую канцелярію генерала Розенберга, посланнаго въ Италію съ русскимъ корпусомъ; принимая въ Веронѣ командованіе надъ союзными войсками и знакомясь съ чиновниками, Суворовъ, увидя Фукса, закричалъ: „Помилуй Богъ, какой тощій! Будешь ѣздить со мною верхомъ!“ Однако, „тощій“ Фуксъ, которому Суворовъ поручилъ управленіе своей канцеляріей, держался съ нимъ высокомѣрно и не скрывалъ свою независимость отъ фельдмаршала, намекая, что онъ имѣетъ „секретное порученіе“. Окружающіе Суворова подозрѣвали тогда же, что этотъ опытный чиновникъ Тайной Канцеляріи доносилъ Императору о поведеніи главнокомандующаго. Однако, по словамъ А. П. Ермолова, прямо утверждающаго, что Фуксъ „былъ приставленъ къ Суворову въ соглядатаи“, онъ „черезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда“. Насколько преданность эта была искренна, сказать трудно, но съ этихъ поръ Фуксъ сдѣлался какъ бы присяжнымъ біографомъ-панегиристомъ Суворова, начавъ послѣ его смерти, съ 1800 г., собирать матеріалы для его біографіи. Въ 1809 г. появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ сообщеніе редактора, В. А. Жуковскаго, о написанной Фуксомъ біографіи Суворова, а въ 1811 г. появилась, наконецъ, въ Москвѣ „Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго“ въ 2-хъ частяхъ. Затѣмъ Фуксъ печаталъ статьи о Суворовѣ въ „Военномъ журналѣ“ (1817 г.), „Трудахъ“ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (1822 г.) и „Сѣв. Пчелѣ“ (1826 и 1827 гг.); нѣсколько разсказовъ его о Суворовѣ помѣщено въ „Русск. Стар.“ 1872 г. (т. VI); отдѣльными изданіями онъ выпустилъ: „Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.“, „Анекдоты графа Суворова“ и „Собраніе разныхъ сочиненій“ своихъ, съ портретомъ, а также брошюру „О военномъ краснорѣчіи“ (Спб., 1825). О главнѣйшемъ произведеніи его, впрочемъ, Денисъ Давыдовъ писалъ, что „Фуксова Исторія Итальянской кампаніи ни на что не похожа“.

Съ 1801 по 1804 г. Фуксъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Съ назначеніемъ Кутузова, въ 1812 году, главнокомандующимъ арміею, Фуксъ былъ опредѣленъ къ нему „директоромъ Военной канцеляріи“; въ этой должности Фуксъ оказался не на высотѣ призванія, однако, пробылъ при Кутузовѣ до его смерти, послѣ чего уже, кажется, не служилъ.

Фуксъ состоялъ почетнымъ членомъ Спб. Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, былъ лично знакомъ со многими писателями, напримѣръ, съ Шишковымъ, Державинымъ, и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ племянникомъ Суворова, извѣстнымъ поэтомъ графомъ Д. И. Хвостовымъ.

Некрологъ Булгаринской „Сѣверной Пчелы“ отнесъ Фукса „къ числу примѣчательныхъ людей“ своего времени „по отличіямъ и заслугамъ на поприщѣ службы и ученомъ“, говоря, что отличительными чертами его характера были „рѣдкая честность и всегдашняя готовность къ добру“, и что „бесѣда его была бесѣда мудрая“; въ другомъ некрологѣ („Моск. Телегр.“) сказано, что „вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отечеству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всѣ минуты его жизни“. По словамъ же К. Я. Булгакова, Фуксъ оставилъ по себѣ память „главнымъ образомъ по своему процессу съ двумя женами“; онъ женатъ былъ и въ 3-й разъ, на вдовѣ полковника Аннѣ Петровнѣ Аничковой, и имѣлъ отъ нея дѣтей (узаконенныхъ), но бракъ этотъ былъ расторгнутъ (26 Марта 1822 г.), какъ заключенный при жизни 2-й жены, Луизы Ивановны Едовской (или Ебнеръ). Фуксъ умеръ 25 Марта 1829 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ЕГОРЪ БОРИСОВИЧЪ ФУКСЪ, 1762—1829, лютеранинъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ перешедшій въ православіе, въ молодости служилъ въ канцеляріи „у принятія прошеній", въ 1791 г. былъ коллежскимъ асессоромъ и въ 1793 г. получилъ орденъ Владиміра 4 ст.; лично извѣстный Екатеринѣ II, онъ „употребляемъ былъ при собственной перепискѣ Императрицы" и ко времени ея смерти имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и состоялъ при Тайной Экспедиціи; онъ очень счастливо служилъ при Павлѣ, который уже 20 Ноября 1796 г., „въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ", пожаловалъ Фуксу 195 душъ въ Овручскомъ уѣздѣ, а затѣмъ ежегодно награждалъ его: 18 Іюля 1797 г. чиномъ коллежскаго, 4 Декабря 1798 г.— статскаго и 18 Сентября 1799 г.—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а черезъ два дня (20 Сентября) орденомъ Анны 2 степени и 14 Іюня 1800 г.—3000 десятинами земли въ Саратовской губерніи. Все это время онъ служилъ въ Тайной Экспедиціи и въ 1801 г. состоялъ однимъ изъ двухъ ея членовъ. Въ 1799 г. Фуксъ былъ командированъ въ дипломатическую канцелярію генерала Розенберга, посланнаго въ Италію съ русскимъ корпусомъ; принимая въ Веронѣ командованіе надъ союзными войсками и знакомясь съ чиновниками, Суворовъ, увидя Фукса, закричалъ: „Помилуй Богъ, какой тощій! Будешь ѣздить со мною верхомъ!" Однако, „тощій" Фуксъ, которому Суворовъ поручилъ управленіе своей канцеляріей, держался съ нимъ высокомѣрно и не скрывалъ свою независимость отъ фельдмаршала, намекая, что онъ имѣетъ „секретное порученіе". Окружающіе Суворова подозрѣвали тогда же, что этотъ опытный чиновникъ Тайной Канцеляріи доносилъ Императору о поведеніи главнокомандующаго. Однако, по словамъ А. П. Ермолова, прямо утверждающаго, что Фуксъ „былъ приставленъ къ Суворову въ соглядатаи", онъ „черезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда". Насколько преданность эта была искренна, сказать трудно, но съ этихъ поръ Фуксъ сдѣлался какъ бы присяжнымъ біографомъ-панегиристомъ Суворова, начавъ послѣ его смерти, съ 1800 г., собирать матеріалы для его біографіи. Въ 1809 г. появилось въ „Вѣстникѣ Европы" сообщеніе редактора, В. А. Жуковскаго, о написанной Фуксомъ біографіи Суворова, а въ 1811 г. появилась, наконецъ, въ Москвѣ „Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго" въ 2-хъ частяхъ. Затѣмъ Фуксъ печаталъ статьи о Суворовѣ въ „Военномъ журналѣ" (1817 г.), „Трудахъ" Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (1822 г.) и „Сѣв. Пчелѣ" (1826 и 1827 гг.); нѣсколько разсказовъ его о Суворовѣ помѣщено въ „Русск. Стар." 1872 г. (т. VI); отдѣльными изданіями онъ выпустилъ: „Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.", „Анекдоты графа Суворова" и „Собраніе разныхъ сочиненій" своихъ, съ портретомъ, а также брошюру „О военномъ краснорѣчіи" (Спб., 1825). О главнѣйшемъ произведеніи его, впрочемъ, Денисъ Давыдовъ писалъ, что „Фуксова Исторія Итальянской кампаніи ни на что не похожа".

Съ 1801 по 1804 г. Фуксъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Съ назначеніемъ Кутузова, въ 1812 году, главнокомандующимъ арміею, Фуксъ былъ опредѣленъ къ нему „директоромъ Военной канцеляріи"; въ этой должности Фуксъ оказался не на высотѣ призванія, однако, пробылъ при Кутузовѣ до его смерти, послѣ чего уже, кажется, не служилъ.

Фуксъ состоялъ почетнымъ членомъ Спб. Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, былъ лично знакомъ со многими писателями, напримѣръ, съ Шишковымъ, Державинымъ, и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ племянникомъ Суворова, извѣстнымъ поэтомъ графомъ Д. И. Хвостовымъ.

Некрологъ Булгаринской „Сѣверной Пчелы" отнесъ Фукса „къ числу примѣчательныхъ людей" своего времени „по отличіямъ и заслугамъ на поприщѣ службы и ученомъ", говоря, что отличительными чертами его характера были „рѣдкая честность и всегдашняя готовность къ добру", и что „бесѣда его была бесѣда мудрая"; въ другомъ некрологѣ („Моск. Телегр.") сказано, что „вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отечеству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всѣ минуты его жизни". По словамъ же К. Я. Булгакова, Фуксъ оставилъ по себѣ память „главнымъ образомъ по своему процессу съ двумя женами"; онъ женатъ былъ и въ 3-й разъ, на вдовѣ полковника Аннѣ Петровнѣ Аничковой, и имѣлъ отъ нея дѣтей (узаконенныхъ), но бракъ этотъ былъ расторгнутъ (26 Марта 1822 г.), какъ заключенный при жизни 2-й жены, Луизы Ивановны Едовской (или Ебнеръ). Фуксъ умеръ 25 Марта 1829 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ÉGOR BORISSOWITCH FUCHS, 1762—1829, luthérien converti assez tard à l'orthodoxie, employé dans sa jeunesse à la Commission des Requêtes à S. M., devint assesseur de collège en 1791 et fut décoré en 1795 de St-Vladimir de 4e classe. Connu personnellement de Catherine II et „employé par elle pour sa correspondance particulière", il était, lorsqu'elle mourut, à la Chancellerie Secrète, avec rang de conseiller de cour. Il eut une carrière parfaitement heureuse sous Paul Ier, qui, dès le 20 novembre 1796, lui conféra „en récompense de son service zélé et de ses travaux assidus" 195 têtes de paysans au district d'Ovroutch, en Volhynie, puis le fit successivement chaque année, le 18 juillet 1797 conseiller de collège, le 4 décembre 1798 conseiller d'état, le 18 septembre 1799 conseiller d'état actuel, le surlendemain, 20 septembre, chevalier de Ste-Anne de 2e classe, enfin lui donna le 14 juin 1800 une terre de 3000 hectares au gouvernement de Saratoff. Il passa tout ce temps à la Chancellerie Secrète, dont il était en 1801 un des deux membres. Il fut attaché en 1799 à la chancellerie diplomatique du général Rosenberg envoyé en Italie à la tête d'un corps russe: Souvoroff, en prenant à Vérone le commandement des troupes alliées, s'écria en l'apercevant, à la présentation des fonctionnaires: „Bon Dieu! Quel efflanqué! Tu vas marcher à cheval avec moi!" Cependant „l'efflanqué", qui se vit confier la direction de la chancellerie de Souvoroff, le prit de haut avec lui et ne se laissa pas traiter comme un sous-ordre, se donnant comme chargé „d'une commission secrète". L'entourage le soupçonna alors d'être un fin limier de la Chancellerie Secrète envoyé par l'Empereur pour surveiller Souvoroff. Pourtant, dit Ermoloff, qui le donne carrément comme espion du commandant en chef, „au bout de quelques jours, subjugué par sa majesté, il se dévoua à lui pour toujours". Jusqu'à quel point ce dévouement était-il sincère, il serait difficile de le dire; toujours est-il que Fuchs devint dès lors le biographe et panégyriste attitré de Souvoroff, à la mort duquel, en 1800, il commença à recueillir les matériaux d'une biographie. En 1809, parut dans le Messager d'Europe un entrefilet du rédacteur en chef Joukowsky annonçant une biographie de Souvoroff par Fuchs, qui, en 1811, publia enfin à Moscou son Histoire du Généralissime Comte Souvoroff-Rymniksky, Prince d'Italie, en deux parties. Il parut encore de lui sur Souvoroff des articles dans le Journal Militaire (1817), dans les Travaux de la Société Libre des Amis de la Littérature Russe (1822) et dans l'Abeille du Nord (1826 et 1827), puis quelques récits dans Rousskaïa Starina (T. VI, 1872), et plusieurs ouvrages à part, Histoire de la campagne austro-russe de 1799, Anecdotes du Prince Souvoroff, et un recueil d'Œuvres diverses, avec portrait, ainsi qu'une brochure Sur l'éloquence militaire (SPb., 1825). „L'Histoire de la Campagne d'Italie de Fuchs ne ressemble à rien", dit d'ailleurs Denis Davydoff de son principal ouvrage.

De 1801 à 1804, Fuchs fut président du Collège de Justice pour les affaires de Livonie, Esthonie et Finlande. Attaché à Koutouzoff en 1812 comme directeur de sa Chancellerie militaire dès sa nomination de commandant en chef, il ne s'y montra pas à la hauteur de la situation; il se maintint pourtant jusqu'à la mort de Koutouzoff. Il ne paraît pas avoir pris d'autre service depuis.

Membre de la Société libre des Amis de la Littérature Russe et lié personnellement avec de nombreux écrivains, comme Chichkoff, Derjavine, Fuchs était en relations d'amitié avec un neveu de Souvoroff, le comte D. Khvostoff, bien connu comme poète.

„Sa distinction et ses services comme fonctionnaire et comme savant" placent Fuchs, dit la nécrologie de l'Abeille du Nord de Boulgarine, „au nombre des hommes remarquables" de son temps; „d'une probité rare, toujours prêt à faire le bien", il avait „la conversation d'un sage". „Toute sa vie", dit une autre nécrologie, celle du Télégraphe de Moscou, „fut partagée entre l'amour de la patrie et l'amour de Souvoroff, qui en remplissaient tous les instants". Au témoignage de Constantin Boulgakoff, Fuchs est connu „surtout pour ses procès avec ses deux femmes"; il en épousa une troisième, veuve de colonel, Anne Pétrowna Anitchkoff, mais cette union fut annulée le 26 mars 1822, comme conclue du vivant de la deuxième femme, Louise Ivanowna Edowsky (ou Ebner); les enfants de ce troisième lit furent cependant légitimés. Fuchs mourut à Pétersbourg le 25 mars 1829, et fut inhumé au cimetière de Smolensk.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ÉGOR BORISSOWITCH FUCHS, 1762—1829, luthérien converti assez tard à l'orthodoxie, employé dans sa jeunesse à la Commission des Requêtes à S. M., devint assesseur de collège en 1791 et fut décoré en 1795 de St-Vladimir de 4e classe. Connu personnellement de Catherine II et „employé par elle pour sa correspondance particulière", il était, lorsqu'elle mourut, à la Chancellerie Secrète, avec rang de conseiller de cour. Il eut une carrière parfaitement heureuse sous Paul Ier, qui, dès le 20 novembre 1796, lui conféra „en récompense de son service zélé et de ses travaux assidus" 195 têtes de paysans au district d'Ovroutch, en Volhynie, puis le fit successivement chaque année, le 18 juillet 1797 conseiller de collège, le 4 décembre 1798 conseiller d'état, le 18 septembre 1799 conseiller d'état actuel, le surlendemain, 20 septembre, chevalier de Ste-Anne de 2e classe, enfin lui donna le 14 juin 1800 une terre de 3000 hectares au gouvernement de Saratoff. Il passa tout ce temps à la Chancellerie Secrète, dont il était en 1801 un des deux membres. Il fut attaché en 1799 à la chancellerie diplomatique du général Rosenberg envoyé en Italie à la tête d'un corps russe: Souvoroff, en prenant à Vérone le commandement des troupes alliées, s'écria en l'apercevant, à la présentation des fonctionnaires: „Bon Dieu! Quel efflanqué! Tu vas marcher à cheval avec moi!" Cependant „l'efflanqué", qui se vit confier la direction de la chancellerie de Souvoroff, le prit de haut avec lui et ne se laissa pas traiter comme un sous-ordre, se donnant comme chargé „d'une commission secrète". L'entourage le soupçonna alors d'être un fin limier de la Chancellerie Secrète envoyé par l'Empereur pour surveiller Souvoroff. Pourtant, dit Ermoloff, qui le donne carrément comme espion du commandant en chef, „au bout de quelques jours, subjugué par sa majesté, il se dévoua à lui pour toujours". Jusqu'à quel point ce dévouement était-il sincère, il serait difficile de le dire; toujours est-il que Fuchs devint dès lors le biographe et panégyriste attitré de Souvoroff, à la mort duquel, en 1800, il commença à recueillir les matériaux d'une biographie. En 1809, parut dans le Messager d'Europe un entrefilet du rédacteur en chef Joukowsky annonçant une biographie de Souvoroff par Fuchs, qui, en 1811, publia enfin à Moscou son Histoire du Généralissime Comte Souvoroff-Rymniksky, Prince d'Italie, en deux parties. Il parut encore de lui sur Souvoroff des articles dans le Journal Militaire (1817), dans les Travaux de la Société Libre des Amis de la Littérature Russe (1822) et dans l'Abeille du Nord (1826 et 1827), puis quelques récits dans Rousskaïa Starina (T. VI, 1872), et plusieurs ouvrages à part, Histoire de la campagne austro-russe de 1799, Anecdotes du Prince Souvoroff, et un recueil d'Œuvres diverses, avec portrait, ainsi qu'une brochure Sur l'éloquence militaire (SPb., 1825). „L'Histoire de la Campagne d'Italie de Fuchs ne ressemble à rien", dit d'ailleurs Denis Davydoff de son principal ouvrage.

De 1801 à 1804, Fuchs fut président du Collège de Justice pour les affaires de Livonie, Esthonie et Finlande. Attaché à Koutouzoff en 1812 comme directeur de sa Chancellerie militaire dès sa nomination de commandant en chef, il ne s'y montra pas à la hauteur de la situation; il se maintint pourtant jusqu'à la mort de Koutouzoff. Il ne paraît pas avoir pris d'autre service depuis.

Membre de la Société libre des Amis de la Littérature Russe et lié personnellement avec de nombreux écrivains, comme Chichkoff, Derjavine, Fuchs était en relations d'amitié avec un neveu de Souvoroff, le comte D. Khvostoff, bien connu comme poète.

„Sa distinction et ses services comme fonctionnaire et comme savant" placent Fuchs, dit la nécrologie de l'Abeille du Nord de Boulgarine, „au nombre des hommes remarquables" de son temps; „d'une probité rare, toujours prêt à faire le bien", il avait „la conversation d'un sage". „Toute sa vie", dit une autre nécrologie, celle du Télégraphe de Moscou, „fut partagée entre l'amour de la patrie et l'amour de Souvoroff, qui en remplissaient tous les instants". Au témoignage de Constantin Boulgakoff, Fuchs est connu „surtout pour ses procès avec ses deux femmes"; il en épousa une troisième, veuve de colonel, Anne Pétrowna Anitchkoff, mais cette union fut annulée le 26 mars 1822, comme conclue du vivant de la deuxième femme, Louise Ivanowna Edowsky (ou Ebner); les enfants de ce troisième lit furent cependant légitimés. Fuchs mourut à Pétersbourg le 25 mars 1829, et fut inhumé au cimetière de Smolensk.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ, 1766—1826 (см. т. I, № 50); здѣсь помѣщенъ портретъ Н. М. Карамзина, относящійся къ XVIII вѣку, т.-е. къ той самой эпохѣ, которой по преимуществу и принадлежалъ этотъ человѣкъ и хронологически, и по своей литературной дѣятельности, и по своему міровоззрѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ родился въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II (1-го Декабря 1766 г.) въ провинціальной глуши (с. Михайловка, Бузулукскаго уѣзда), скончался же, едва переступивъ грань первой четверти XIX вѣка (22 Мая 1826 г.), въ С.-Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, именно въ тѣхъ самыхъ чертогахъ, которые всего болѣе говорили ему о блескѣ эпохи, нашедшей въ немъ своего какъ бы „прирожденнаго выразителя".

Правда, онъ сталъ знаменитостью у современниковъ Александра I; но если громадное большинство его произведеній, хронологически едва выходящее за предѣлы XVIII вѣка, по характеру всецѣло принадлежитъ вѣку Екатерины, то, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", какъ историкъ, онъ—по довольно единодушному признанію позднѣйшей критики—есть завершеніе стараго періода историографіи временъ Щербатова и даже выше.

Какъ литературная величина, Карамзинъ, на протяженіи всего своего литературнаго поприща, отъ „Писемъ русскаго путешественника" до „Исторіи Государства Россійскаго" включительно, представитель такъ называемаго „сентиментальнаго направленія" или, говоря словами академика А. Н. Пыпина, выразитель той самой стороны восемнадцатаго вѣка, которая, „наперекоръ сухому матеріализму", стремилась возвратить наивную непосредственность человѣка, живущаго „въ объятіяхъ натуры", когда хотѣли возвратить права „нѣжному чувству", а при противорѣчіяхъ дѣйствительности легко отдавались „сладкой меланхоліи".

„Чувствительный оптимистъ", Карамзинъ остался имъ до конца своихъ дней. Конечно, мѣнялись времена, измѣнялось нѣсколько и это направленіе Карамзина, но лишь въ оттѣнкахъ: сентиментальное направленіе было въ немъ преобладающей чертой, когда онъ только-что вступалъ въ жизнь русскимъ представителемъ нѣмецкихъ юношей „die schöne Seele", мечтателемъ, способнымъ увлекаться даже „идеальной республикой"; сентиментальное направленіе было свойственно его міровоззрѣнію и въ поздніе годы, съ той лишь разницей, что сентиментальность свободолюбивая обратилась въ умѣренно консервативную: онъ остался консерваторомъ и въ пору наибольшаго подъема либеральныхъ идей въ Александровскую эпоху. Словомъ, онъ и въ XIX столѣтіи оставался представителемъ того вѣка, въ которомъ родился, но онъ былъ настолько блестящимъ представителемъ русской словесности, что литературныя заслуги его признавались людьми обѣихъ эпохъ, а высокія нравственныя качества вызывали чувство уваженія въ людяхъ и стараго, и новаго поколѣній.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ, 1766—1826 (см. т. I, № 50); здѣсь помѣщенъ портретъ Н. М. Карамзина, относящійся къ XVIII вѣку, т.-е. къ той самой эпохѣ, которой по преимуществу и принадлежалъ этотъ человѣкъ и хронологически, и по своей литературной дѣятельности, и по своему міровоззрѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ родился въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II (1-го Декабря 1766 г.) въ провинціальной глуши (с. Михайловка, Бузулукскаго уѣзда), скончался же, едва переступивъ грань первой четверти XIX вѣка (22 Мая 1826 г.), въ С.-Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, именно въ тѣхъ самыхъ чертогахъ, которые всего болѣе говорили ему о блескѣ эпохи, нашедшей въ немъ своего какъ бы „прирожденнаго выразителя".

Правда, онъ сталъ знаменитостью у современниковъ Александра I; но если громадное большинство его произведеній, хронологически едва выходящее за предѣлы XVIII вѣка, по характеру всецѣло принадлежитъ вѣку Екатерины, то, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", какъ историкъ, онъ—по довольно единодушному признанію позднѣйшей критики—есть завершеніе стараго періода исторіографіи временъ Щербатова и даже выше.

Какъ литературная величина, Карамзинъ, на протяженіи всего своего литературнаго поприща, отъ „Писемъ русскаго путешественника" до „Исторіи Государства Россійскаго" включительно, представитель такъ называемаго „сентиментальнаго направленія" или, говоря словами академика А. Н. Пыпина, выразитель той самой стороны восемнадцатаго вѣка, которая, „наперекоръ сухому матеріализму", стремилась возвратить наивную непосредственность человѣка, живущаго „въ объятіяхъ натуры", когда хотѣли возвратить права „нѣжному чувству", а при противорѣчіяхъ дѣйствительности легко отдавались „сладкой меланхоліи".

„Чувствительный оптимистъ", Карамзинъ остался имъ до конца своихъ дней. Конечно, мѣнялись времена, измѣнялось нѣсколько и это направленіе Карамзина, но лишь въ оттѣнкахъ: сентиментальное направленіе было въ немъ преобладающей чертой, когда онъ только-что вступалъ въ жизнь русскимъ представителемъ нѣмецкихъ юношей „die schöne Seele", мечтателемъ, способнымъ увлекаться даже „идеальной республикой"; сентиментальное направленіе было свойственно его міровоззрѣнію и въ поздніе годы, съ той лишь разницей, что сентиментальность свободолюбивая обратилась въ умѣренно консервативную: онъ остался консерваторомъ и въ пору наибольшаго подъема либеральныхъ идей въ Александровскую эпоху. Словомъ, онъ и въ XIX столѣтіи оставался представителемъ того вѣка, въ которомъ родился, но онъ былъ настолько блестящимъ представителемъ русской словесности, что литературныя заслуги его признавались людьми обѣихъ эпохъ, а высокія нравственныя качества вызывали чувство уваженія въ людяхъ и стараго, и новаго поколѣній.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH KARAMZINE, 1766—1826 (v. T. I, № 50). Le portrait reproduit ici est du XVIIIe siècle, auquel appartient surtout Karamzine, tant chronologiquement que par sa carrière littéraire et ses idées philosophiques. Né en effet dans les premières années du règne de Catherine II, le 1er décembre 1766, au fond de la province, au bourg de Mikhaïlovka, district de Bouzoulouk, il dépassa à peine le premier lustre du siècle suivant et mourut le 22 mai 1826 à Pétersbourg, au Palais Taurique, sous les lambris même qui lui parlaient le plus de l'éclat de l'époque dont il fut en quelque sorte „l'interprète né".

Il ne parvint, il est vrai, à la célébrité que sous Alexandre Ier, mais la grande majorité de ses œuvres, dont les plus tardives datent à peine du XIXe siècle, se rattachent bien par leur caractère entièrement au XVIIIe, et, comme auteur de l'Histoire de l'Empire de Russie, comme historien, il est assez généralement reconnu par la critique moderne comme le dernier représentant de la vieille historiographie, celle qui date du prince Chtcherbatoff et même de plus haut.

Au point de vue littéraire, Karamzine, dans tout le cours de sa carrière, depuis les Lettres d'un voyageur russe jusqu'à l'Histoire de l'Empire de Russie inclusivement, est le représentant de la tendance dite sentimentale, l'interprète, comme dit l'académicien Pypine, de l'effort fait au XVIIIe siècle pour „enrayer l'aride matérialisme", réaliser le retour au naïf „état de nature" et rétablir dans ses droits le „tendre sentiment", quitte à se laisser aller à une „douce mélancolie" en cas de conflit avec la réalité.

Le „sentimentalisme optimiste" de Karamzine lui resta jusqu'à la fin. Le temps, sans doute, ne fut pas sans prise sur lui, mais il n'y eut de changement que dans la nuance: sentimental il avait été à ses débuts comme représentant en Russie de la „schöne Seele" des jeunes allemands, rêveur au point de s'enthousiasmer même de la „république idéale"; sentimental il resta sur le tard, mais en faisant évoluer ses enthousiasmes libertaires vers un conservatisme modéré, qui ne faiblit même pas aux plus beaux jours de l'élan de libéralisme du règne d'Alexandre. En un mot, il demeure en plein XIXe siècle l'homme du siècle précédent, mais il est si brillant comme représentant de la littérature russe, que ses mérites littéraires s'imposèrent à l'admiration des deux époques, comme ses qualités morales à leur estime.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH KARAMZINE, 1766—1826 (v. T. I, № 50). Le portrait reproduit ici est du XVIIIe siècle, auquel appartient surtout Karamzine, tant chronologiquement que par sa carrière littéraire et ses idées philosophiques. Né en effet dans les premières années du règne de Catherine II, le 1er décembre 1766, au fond de la province, au bourg de Mikhaïlovka, district de Bouzoulouk, il dépassa à peine le premier lustre du siècle suivant et mourut le 22 mai 1826 à Pétersbourg, au Palais Taurique, sous les lambris même qui lui parlaient le plus de l'éclat de l'époque dont il fut en quelque sorte „l'interprète né".

Il ne parvint, il est vrai, à la célébrité que sous Alexandre Ier, mais la grande majorité de ses œuvres, dont les plus tardives datent à peine du XIXe siècle, se rattachent bien par leur caractère entièrement au XVIIIe, et, comme auteur de l'Histoire de l'Empire de Russie, comme historien, il est assez généralement reconnu par la critique moderne comme le dernier représentant de la vieille historiographie, celle qui date du prince Chtcherbatoff et même de plus haut.

Au point de vue littéraire, Karamzine, dans tout le cours de sa carrière, depuis les Lettres d'un voyageur russe jusqu'à l'Histoire de l'Empire de Russie inclusivement, est le représentant de la tendance dite sentimentale, l'interprète, comme dit l'académicien Pypine, de l'effort fait au XVIIIe siècle pour „enrayer l'aride matérialisme", réaliser le retour au naïf „état de nature" et rétablir dans ses droits le „tendre sentiment", quitte à se laisser aller à une „douce mélancolie" en cas de conflit avec la réalité.

Le „sentimentalisme optimiste" de Karamzine lui resta jusqu'à la fin. Le temps, sans doute, ne fut pas sans prise sur lui, mais il n'y eut de changement que dans la nuance: sentimental il avait été à ses débuts comme représentant en Russie de la „schöne Seele" des jeunes allemands, rêveur au point de s'enthousiasmer même de la „république idéale"; sentimental il resta sur le tard, mais en faisant évoluer ses enthousiasmes libertaires vers un conservatisme modéré, qui ne faiblit même pas aux plus beaux jours de l'élan de libéralisme du règne d'Alexandre. En un mot, il demeure en plein XIXe siècle l'homme du siècle précédent, mais il est si brillant comme représentant de la littérature russe, que ses mérites littéraires s'imposèrent à l'admiration des deux époques, comme ses qualités morales à leur estime.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ САМОЙЛОВИЧЪ ФИГНЕРЪ, 1787—1813, потомокъ древняго нѣмецкаго рода Фигнеръ-фонъ-Рутмерсбахъ, сынъ Псковскаго вице-губернатора Самуила Самойловича († 1813 г.), получилъ образованіе во 2 Кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 г. выпущенъ подпоручикомъ въ артиллерію. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ англо-русской экспедиціи въ Средиземное море и во время пребыванія въ Италіи прекрасно изучилъ итальянскій языкъ, что впослѣдствіи очень ему пригодилось. Въ 1810 г. Фигнеръ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и за штурмъ Рущука заслужилъ Георгія 4 степени. Послѣ этой войны онъ вышелъ въ отставку и получилъ мѣсто городничаго въ одномъ изъ городовъ Тамбовской губерніи, но въ 1812 г. вернулся на военную службу штабсъ-капитаномъ артиллеріи. За отличіе въ дѣлѣ при р. Строгани Фигнеръ былъ произведенъ въ капитаны. Со взятіемъ Москвы началась его партизанская дѣятельность. Видя въ Наполеонѣ источникъ бѣдъ, обрушившихся на Россію, онъ задумалъ убить его и, съ разрѣшенія Кутузова, отправился въ Москву, переодѣтый крестьяниномъ. Не достигнувъ своей главной цѣли, Фигнеръ сдѣлалъ все-таки много вреда непріятелю: образовалъ изъ оставшихся въ городѣ обывателей отрядъ и съ его помощью убивалъ по ночамъ попадавшихся навстрѣчу французовъ. По возвращеніи въ главную квартиру Фигнеръ, вмѣстѣ съ Давыдовымъ и Сеславинымъ, получилъ порученіе развить партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Получивъ отрядъ изъ 600 кавалеристовъ и казаковъ, Фигнеръ сталъ производить набѣги на тылъ французской арміи: неожиданно налеталъ на непріятеля, разбивалъ партіи фуражировъ, сжигалъ обозы. Пренебрегая жизнью, онъ выполнялъ самыя опасныя порученія, руководилъ самыми рискованными предпріятіями. Голова его была оцѣнена Наполеономъ. Неоднократно Фигнера окружали французы, но каждый разъ ему удавалось избѣжать опасности. За свои подвиги онъ былъ произведенъ въ подполковники и получилъ 7/т. рублей; ему было разрѣшено попросить особенной милости, и онъ выхлопоталъ освобожденіе отъ суда и взысканія своего тестя, Псковскаго вице-губернатора Бибикова. Въ 1813 г. Фигнеръ продолжалъ свою дѣятельность: во время осады Данцига онъ, подъ видомъ ограбленнаго казаками итальянца, проникъ въ городъ, былъ схваченъ, два мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, но сумѣлъ оправдаться и даже пріобрѣлъ такое довѣріе коменданта, что былъ отправленъ къ Наполеону съ депешами, которыя и доставилъ своему начальству, за что былъ произведенъ въ полковники. Составивъ изъ Наполеоновскихъ дезертировъ, преимущественно испанцевъ, нѣмецкихъ волонтеровъ и русскихъ гусаръ и казаковъ отрядъ, названный имъ „легіономъ мести", Фигнеръ продолжалъ свои губительные набѣги. Но онъ былъ не только отважнымъ, доходившимъ до безумной дерзости, начальникомъ партизанскаго отряда, но и искуснымъ, предпріимчивымъ развѣдчикомъ: часто отправлялся онъ въ одиночные поиски со своимъ духовымъ ружьемъ, въ видѣ палки, переодѣтый то дровосѣкомъ, то крестьяниномъ, то помѣщикомъ-охотникомъ, старался подвергнуться задержанію и высмотрѣть силы и расположеніе непріятеля. Несмотря на это, Фигнеръ погибъ вслѣдствіе своей оплошности: не вѣря, что Наполеонъ измѣнилъ свое движеніе и перешелъ въ наступленіе, онъ позволилъ себя окружить и припереть къ Эльбѣ. Не погибшіе во время отчаяннаго боя утонули въ водахъ Эльбы, въ томъ числѣ, вѣроятно, и самъ Фигнеръ: его саблю нашли потомъ на берегу рѣки. Дѣятельность Фигнера въ 1812 и 1813 гг. была исключительная, ею онъ заслужилъ удивленіе современниковъ. Такъ, Кутузовъ писалъ о немъ своей женѣ: „Погляди на него пристально, это—человѣкъ необыкновенный; я этакой высокой души еще не видалъ, онъ фанатикъ въ храбрости и патріотизмѣ, и Богъ знаетъ, чего онъ не предприметъ". По свидѣтельству партизана-поэта Давыдова, Фигнеръ отличался духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ, безпредѣльными отважностью и предпріимчивостью, сверхъестественной смѣтливостью, тонкимъ и проницательнымъ умомъ, замѣчательной личной храбростью, но, какъ человѣкъ, былъ очень непривлекателенъ: „безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное" превышали его хорошія качества. Другіе современники, однако, находили въ немъ черты рыцарскаго благородства и великодушія и истинную религіозность, а не лицемѣріе.

Семейная обстановка Фигнера съ дѣтства была неблагопріятна; кромѣ того, онъ страдалъ наслѣдственнымъ недугомъ; вслѣдствіе этого, можетъ-быть, и не дорожилъ жизнью. Отъ брака съ Ольгой Михайловной Бибиковой А. С. Фигнеръ дѣтей не имѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

АЛЕКСАНДРЪ САМОЙЛОВИЧЪ ФИГНЕРЪ, 1787—1813, потомокъ древняго нѣмецкаго рода Фигнеръ-фонъ-Рутмерсбахъ, сынъ Псковскаго вице-губернатора Самуила Самойловича († 1813 г.), получилъ образованіе во 2 Кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 г. выпущенъ подпоручикомъ въ артиллерію. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ англо-русской экспедиціи въ Средиземное море и во время пребыванія въ Италіи прекрасно изучилъ итальянскій языкъ, что впослѣдствіи очень ему пригодилось. Въ 1810 г. Фигнеръ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и за штурмъ Рущука заслужилъ Георгія 4 степени. Послѣ этой войны онъ вышелъ въ отставку и получилъ мѣсто городничаго въ одномъ изъ городовъ Тамбовской губерніи, но въ 1812 г. вернулся на военную службу штабсъ-капитаномъ артиллеріи. За отличіе въ дѣлѣ при р. Строгани Фигнеръ былъ произведенъ въ капитаны. Со взятіемъ Москвы началась его партизанская дѣятельность. Видя въ Наполеонѣ источникъ бѣдъ, обрушившихся на Россію, онъ задумалъ убить его и, съ разрѣшенія Кутузова, отправился въ Москву, переодѣтый крестьяниномъ. Не достигнувъ своей главной цѣли, Фигнеръ сдѣлалъ все-таки много вреда непріятелю: образовалъ изъ оставшихся въ городѣ обывателей отрядъ и съ его помощью убивалъ по ночамъ попадавшихся навстрѣчу французовъ. По возвращеніи въ главную квартиру Фигнеръ, вмѣстѣ съ Давыдовымъ и Сеславинымъ, получилъ порученіе развить партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Получивъ отрядъ изъ 600 кавалеристовъ и казаковъ, Фигнеръ сталъ производить набѣги на тылъ французской арміи: неожиданно налеталъ на непріятеля, разбивалъ партіи фуражировъ, сжигалъ обозы. Пренебрегая жизнью, онъ выполнялъ самыя опасныя порученія, руководилъ самыми рискованными предпріятіями. Голова его была оцѣнена Наполеономъ. Неоднократно Фигнера окружали французы, но каждый разъ ему удавалось избѣжать опасности. За свои подвиги онъ былъ произведенъ въ подполковники и получилъ 7/т. рублей; ему было разрѣшено попросить особенной милости, и онъ выхлопоталъ освобожденіе отъ суда и взысканія своего тестя, Псковскаго вице-губернатора Бибикова. Въ 1813 г. Фигнеръ продолжалъ свою дѣятельность: во время осады Данцига онъ, подъ видомъ ограбленнаго казаками итальянца, проникъ въ городъ, былъ схваченъ, два мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, но сумѣлъ оправдаться и даже пріобрѣлъ такое довѣріе коменданта, что былъ отправленъ къ Наполеону съ депешами, которыя и доставилъ своему начальству, за что былъ произведенъ въ полковники. Составивъ изъ Наполеоновскихъ дезертировъ, преимущественно испанцевъ, нѣмецкихъ волонтеровъ и русскихъ гусаръ и казаковъ отрядъ, названный имъ „легіономъ мести", Фигнеръ продолжалъ свои губительные набѣги. Но онъ былъ не только отважнымъ, доходившимъ до безумной дерзости, начальникомъ партизанскаго отряда, но и искуснымъ, предпріимчивымъ развѣдчикомъ: часто отправлялся онъ въ одиночные поиски со своимъ духовымъ ружьемъ, въ видѣ палки, переодѣтый то дровосѣкомъ, то крестьяниномъ, то помѣщикомъ-охотникомъ, старался подвергнуться задержанію и высмотрѣть силы и расположеніе непріятеля. Несмотря на это, Фигнеръ погибъ вслѣдствіе своей оплошности: не вѣря, что Наполеонъ измѣнилъ свое движеніе и перешелъ въ наступленіе, онъ позволилъ себя окружить и припереть къ Эльбѣ. Не погибшіе во время отчаяннаго боя утонули въ водахъ Эльбы, въ томъ числѣ, вѣроятно, и самъ Фигнеръ: его саблю нашли потомъ на берегу рѣки. Дѣятельность Фигнера въ 1812 и 1813 гг. была исключительная, ею онъ заслужилъ удивленіе современниковъ. Такъ, Кутузовъ писалъ о немъ своей женѣ: „Погляди на него пристально, это—человѣкъ необыкновенный; я этакой высокой души еще не видалъ, онъ фанатикъ въ храбрости и патріотизмѣ, и Богъ знаетъ, чего онъ не предприметъ". По свидѣтельству партизана-поэта Давыдова, Фигнеръ отличался духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ, безпредѣльными отважностью и предпріимчивостью, сверхъестественной смѣтливостью, тонкимъ и проницательнымъ умомъ, замѣчательной личной храбростью, но, какъ человѣкъ, былъ очень непривлекателенъ: „безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное" превышали его хорошія качества. Другіе современники, однако, находили въ немъ черты рыцарскаго благородства и великодушія и истинную религіозность, а не лицемѣріе.

Семейная обстановка Фигнера съ дѣтства была неблагопріятна; кромѣ того, онъ страдалъ наслѣдственнымъ недугомъ; вслѣдствіе этого, можетъ-быть, и не дорожилъ жизнью. Отъ брака съ Ольгой Михайловной Бибиковой А. С. Фигнеръ дѣтей не имѣлъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE SAMOÏLOWITCH FIGNER, 1787—1813, descendant de la vieille famille allemande des Figner von Rutmersbach, fils du vice-gouverneur de Pskoff Samuel Samoïlowitch Figner († 1813), fit ses études au 2e Corps des Cadets, d'où il sortit en 1805 sous-lieutenant d'artillerie. Il prit part la même année à l'expédition anglo-russe de la Méditerranée, et profita de son séjour en Italie pour apprendre complètement l'italien, qui devait lui servir grandement un jour. Il fit en 1810 la guerre de Turquie, et l'assaut de Routchtchouk lui valut St-Georges de 4e classe. Il prit sa retraite à la fin de cette guerre, pour devenir bailli d'une ville du gouvernement de Tamboff, mais reprit du service en 1812 comme capitaine d'artillerie en second, et l'affaire de la Strogane lui valut la première classe du grade. La prise de Moscou marque le début de son rôle de partisan. Voyant dans Napoléon la source des malheurs de la Russie, il conçut l'idée de le tuer, et se fit donner par Koutouzoff l'autorisation de se rendre à Moscou, déguisé en paysan. Il échoua dans ses projets de meurtre, mais non sans faire beaucoup de mal à l'ennemi: il recruta parmi les habitants restés en ville une troupe qui allait la nuit tuer les français par les rues. De retour au quartier général, il fut chargé avec Davydoff et Séslavine de porter la guerre de partisans sur les communications de l'ennemi. A la tête de 600 cavaliers et cosaques, il harcela ses derrières, tombant sur lui à l'improviste, détruisant des détachements de fourrageurs, brûlant les transports. Au mépris de sa vie, il assumait les missions les plus dangereuses, et exécutait les entreprises les plus risquées. Sa tête fut mise à prix par Napoléon. Il fut plus d'une fois entouré, mais réussit toujours à se tirer d'affaire. Ses exploits lui valurent le grade de lieutenant-colonel, 7000 roubles et l'autorisation de solliciter quelque faveur particulière: il obtint ainsi la cessation des poursuites intentées à son beau-père Bibikoff, le vice-gouverneur de Pskoff. En 1813, il continua son œuvre: au siège de Dantzig, il réussit, en se donnant pour un italien dépouillé par les cosaques, à pénétrer dans la ville; arrêté, il put après deux mois de prison se justifier, et gagna si bien la confiance du commandant, qu'on l'envoya porter des dépêches à Napoléon. Il s'empressa de les remettre à ses chefs, et fut fait en récompense colonel. A la tête de sa Légion de la Vengeance, composée de déserteurs de Napoléon, pour la plupart espagnols, de volontaires allemands et de hussards russes, il continua ensuite sa terrible guérilla. A son audace de chef de partisans, poussée parfois jusqu'à une témérité insensée, il joignait un talent d'éclaireur des plus entreprenants: souvent il s'aventurait seul en reconnaissance, son fusil à piston à la main comme un bâton, et, déguisé tantôt en bûcheron, tantôt en paysan, tantôt en chasseur, se faisait arrêter pour être à même d'observer les forces et la position de l'ennemi. Il périt cependant victime de son imprudence: il ne voulut pas croire que Napoléon avait changé de front pour prendre l'offensive, se laissa cerner et acculer à l'Elbe. Les survivants du combat acharné qui s'engagea alors furent précipités à l'eau, et Figner fut sans doute de ceux-là; son sabre fut retrouvé plus tard sur la rive. Il avait joué en 1812 et 1813 un rôle tout exceptionnel, qui lui valut l'admiration générale. „Somme toute", écrit Koutouzoff à sa femme, „c'est un homme extraordinaire; je n'ai jamais vu d'âme aussi sublime: en fait de bravoure et de patriotisme, c'est un fanatique, à ne reculer devant rien!" Intrépide dans le danger, dit Davydoff, le partisan-poète, d'une audace et d'une détermination sans bornes, d'une perspicacité phénoménale, d'un esprit subtil et pénétrant, d'une bravoure personnelle extraordinaire, il était, comme homme, des moins sympathiques, „dénué de sens moral et de scrupules, capable des vilenies les plus basses, des cruautés les plus affreuses". D'autres contemporains lui reconnaissent au contraire des traits d'une noblesse et d'une magnanimité chevaleresque, ainsi qu'une religiosité véritable, exempte d'hypocrisie.

Figner eut à souffrir tout enfant de conditions de milieu défavorables; il était de plus atteint d'une infirmité congénitale. Peut-être est-ce ainsi qu'il ne tenait pas à la vie. Il avait épousé Olga Mikhaïlowna Bibikoff, dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ALEXANDRE SAMOÏLOWITCH FIGNER, 1787—1813, descendant de la vieille famille allemande des Figner von Rutmersbach, fils du vice-gouverneur de Pskoff Samuel Samoïlowitch Figner († 1813), fit ses études au 2e Corps des Cadets, d'où il sortit en 1805 sous-lieutenant d'artillerie. Il prit part la même année à l'expédition anglo-russe de la Méditerranée, et profita de son séjour en Italie pour apprendre complètement l'italien, qui devait lui servir grandement un jour. Il fit en 1810 la guerre de Turquie, et l'assaut de Routchtchouk lui valut St-Georges de 4e classe. Il prit sa retraite à la fin de cette guerre, pour devenir bailli d'une ville du gouvernement de Tamboff, mais reprit du service en 1812 comme capitaine d'artillerie en second, et l'affaire de la Strogane lui valut la première classe du grade. La prise de Moscou marque le début de son rôle de partisan. Voyant dans Napoléon la source des malheurs de la Russie, il conçut l'idée de le tuer, et se fit donner par Koutouzoff l'autorisation de se rendre à Moscou, déguisé en paysan. Il échoua dans ses projets de meurtre, mais non sans faire beaucoup de mal à l'ennemi: il recruta parmi les habitants restés en ville une troupe qui allait la nuit tuer les français par les rues. De retour au quartier général, il fut chargé avec Davydoff et Séslavine de porter la guerre de partisans sur les communications de l'ennemi. A la tête de 600 cavaliers et cosaques, il harcela ses derrières, tombant sur lui à l'improviste, détruisant des détachements de fourrageurs, brûlant les transports. Au mépris de sa vie, il assumait les missions les plus dangereuses, et exécutait les entreprises les plus risquées. Sa tête fut mise à prix par Napoléon. Il fut plus d'une fois entouré, mais réussit toujours à se tirer d'affaire. Ses exploits lui valurent le grade de lieutenant-colonel, 7000 roubles et l'autorisation de solliciter quelque faveur particulière: il obtint ainsi la cessation des poursuites intentées à son beau-père Bibikoff, le vice-gouverneur de Pskoff. En 1813, il continua son œuvre: au siège de Dantzig, il réussit, en se donnant pour un italien dépouillé par les cosaques, à pénétrer dans la ville; arrêté, il put après deux mois de prison se justifier, et gagna si bien la confiance du commandant, qu'on l'envoya porter des dépêches à Napoléon. Il s'empressa de les remettre à ses chefs, et fut fait en récompense colonel. A la tête de sa Légion de la Vengeance, composée de déserteurs de Napoléon, pour la plupart espagnols, de volontaires allemands et de hussards russes, il continua ensuite sa terrible guérilla. A son audace de chef de partisans, poussée parfois jusqu'à une témérité insensée, il joignait un talent d'éclaireur des plus entreprenants: souvent il s'aventurait seul en reconnaissance, son fusil à piston à la main comme un bâton, et, déguisé tantôt en bûcheron, tantôt en paysan, tantôt en chasseur, se faisait arrêter pour être à même d'observer les forces et la position de l'ennemi. Il périt cependant victime de son imprudence: il ne voulut pas croire que Napoléon avait changé de front pour prendre l'offensive, se laissa cerner et acculer à l'Elbe. Les survivants du combat acharné qui s'engagea alors furent précipités à l'eau, et Figner fut sans doute de ceux-là; son sabre fut retrouvé plus tard sur la rive. Il avait joué en 1812 et 1813 un rôle tout exceptionnel, qui lui valut l'admiration générale. „Somme toute", écrit Koutouzoff à sa femme, „c'est un homme extraordinaire; je n'ai jamais vu d'âme aussi sublime: en fait de bravoure et de patriotisme, c'est un fanatique, à ne reculer devant rien!" Intrépide dans le danger, dit Davydoff, le partisan-poète, d'une audace et d'une détermination sans bornes, d'une perspicacité phénoménale, d'un esprit subtil et pénétrant, d'une bravoure personnelle extraordinaire, il était, comme homme, des moins sympathiques, „dénué de sens moral et de scrupules, capable des vilenies les plus basses, des cruautés les plus affreuses". D'autres contemporains lui reconnaissent au contraire des traits d'une noblesse et d'une magnanimité chevaleresque, ainsi qu'une religiosité véritable, exempte d'hypocrisie.

Figner eut à souffrir tout enfant de conditions de milieu défavorables; il était de plus atteint d'une infirmité congénitale. Peut-être est-ce ainsi qu'il ne tenait pas à la vie. Il avait épousé Olga Mikhaïlowna Bibikoff, dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

97

Князь ЛЕВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯШВИЛЬ, 1768—1834, неизвѣстнаго происхожденія, сынъ какого-то мелкаго владѣтельнаго князя изъ Грузіи, былъ привезенъ мальчикомъ съ Кавказа, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ (р. 1764 г., † 20 Іюля 1815 г.); въ 1784 г. поступилъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ и черезъ 2 года выпущенъ изъ него штыкъ-юнкеромъ въ Бомбардирскій полкъ. Съ тѣхъ поръ вся долговременная служба его протекла въ артиллеріи. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ въ 1787 г. былъ произведенъ въ подпоручики и за отличіе при взятіи Очакова въ поручики. Съ 1792 по 1795 г. Яшвиль участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. за Маціовицы и Георгія 4-й ст. за Прагу. Съ 1794 по 1799 г. онъ служилъ въ конной артиллеріи, а въ 1799 г., въ чинѣ капитана, переведенъ въ гвардію и въ 1800 г. произведенъ въ полковники опять въ Конно-артиллерійскій батальонъ. Награжденный 2 Февраля 1801 г. орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Яшвиль съ 1801 по 1803 г. служилъ вторично въ гвардіи, а затѣмъ въ 1-мъ конно-артиллерійскомъ батальонѣ и съ 1806 г., по переформированіи артиллерійскихъ полковъ и батальоновъ, въ 6-й бригадѣ. Онъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ 1805, 1806 и 1807 гг. и особенно отличился подъ Гейльсбергомъ, за который былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., и дважды золотымъ оружіемъ—за Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтъ. Въ 1808 г. князь Яшвиль произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Отечественной войны онъ дѣйствовалъ сначала подъ начальствомъ Витгенштейна и за отличіе получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и нѣсколько орденовъ. Во время войны за освобожденіе Европы Яшвиль командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи и былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго за Люценъ и алмазами къ нему за Бауценъ. Блестящее состояніе, въ которомъ Яшвиль представилъ на Высочайшемъ смотру въ Шампани свою артиллерію, доставило ему орденъ св. Владиміра 1-й степени. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 1-й арміи и занималъ эту должность въ теченіе 17 лѣтъ, постоянно получая знаки благоволенія къ нему Императоровъ Александра I и Николая I.

Въ 1819 г. князь Яшвиль былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи, въ 1831 г. получилъ вензеля на эполеты и въ 1832 г. назначенъ членомъ Военнаго совѣта; 5 Мая 1833 г. онъ былъ уволенъ отъ должности по совершенно разстроенному здоровью, впредь до выздоровленія. Долговременная служба его была еще награждена 6 Декабря 1833 г. высшимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и орденомъ Бѣлаго Орла.

Князь Л. М. Яшвиль скончался въ 1834 г. и похороненъ въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ; женатъ онъ не былъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

Князь ЛЕВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯШВИЛЬ, 1768—1834, неизвѣстнаго происхожденія, сынъ какого-то мелкаго владѣтельнаго князя изъ Грузіи, былъ привезенъ мальчикомъ съ Кавказа, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ (р. 1764 г., † 20 Іюля 1815 г.); въ 1784 г. поступилъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ и черезъ 2 года выпущенъ изъ него штыкъ-юнкеромъ въ Бомбардирскій полкъ. Съ тѣхъ поръ вся долговременная служба его протекла въ артиллеріи. Принявъ участіе въ первой Турецкой войнѣ, онъ въ 1787 г. былъ произведенъ въ подпоручики и за отличіе при взятіи Очакова въ поручики. Съ 1792 по 1795 г. Яшвиль участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. за Маціовицы и Георгія 4-й ст. за Прагу. Съ 1794 по 1799 г. онъ служилъ въ конной артиллеріи, а въ 1799 г., въ чинѣ капитана, переведенъ въ гвардію и въ 1800 г. произведенъ въ полковники опять въ Конно-артиллерійскій батальонъ. Награжденный 2 Февраля 1801 г. орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Яшвиль съ 1801 по 1803 г. служилъ вторично въ гвардіи, а затѣмъ въ 1-мъ конно-артиллерійскомъ батальонѣ и съ 1806 г., по переформированіи артиллерійскихъ полковъ и батальоновъ, въ 6-й бригадѣ. Онъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ 1805, 1806 и 1807 гг. и особенно отличился подъ Гейльсбергомъ, за который былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., и дважды золотымъ оружіемъ—за Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтъ. Въ 1808 г. князь Яшвиль произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Отечественной войны онъ дѣйствовалъ сначала подъ начальствомъ Витгенштейна и за отличіе получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и нѣсколько орденовъ. Во время войны за освобожденіе Европы Яшвиль командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи и былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго за Люценъ и алмазами къ нему за Бауценъ. Блестящее состояніе, въ которомъ Яшвиль представилъ на Высочайшемъ смотру въ Шампани свою артиллерію, доставило ему орденъ св. Владиміра 1-й степени. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 1-й арміи и занималъ эту должность въ теченіе 17 лѣтъ, постоянно получая знаки благоволенія къ нему Императоровъ Александра I и Николая I.

Въ 1819 г. князь Яшвиль былъ произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи, въ 1831 г. получилъ вензеля на эполеты и въ 1832 г. назначенъ членомъ Военнаго совѣта; 5 Мая 1833 г. онъ былъ уволенъ отъ должности по совершенно разстроенному здоровью, впредь до выздоровленія. Долговременная служба его была еще награждена 6 Декабря 1833 г. высшимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и орденомъ Бѣлаго Орла.

Князь Л. М. Яшвиль скончался въ 1834 г. и похороненъ въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ; женатъ онъ не былъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince LÉON MIKHAÏLOWITCH YACHVIL, 1768—1834, d'origine inconnue, fils de quelque petit prince géorgien, fut amené du Caucase tout enfant avec son frère Vladimir (1764—20 juillet 1815). Entré en 1784 au Corps des Cadets d'Artillerie, il en sortit deux ans plus tard sous-officier au régiment de bombardiers. Ce fut le début de sa longue carrière, qu'il fit tout entière dans l'artillerie. Il prit part à la première guerre de Turquie, passa sous-lieutenant en 1787 et lieutenant pour sa valeur à la prise d'Otchakoff. De 1792 à 1795, il fit la campagne de Pologne, où Maciejovice lui valut St-Vladimir de 4e classe et Praga St-Georges de 4e classe. Il servit de 1794 à 1799 dans l'artillerie montée, permuta ensuite, étant capitaine, à la Garde, pour revenir en 1800 colonel au bataillon d'artillerie montée. Décoré le 2 février 1801 de St-Jean-de-Jérusalem, il servit de nouveau à la Garde de 1801 à 1803, puis au 1er bataillon d'artillerie montée, et, à partir de 1806, lors du remaniement des régiments et bataillons d'artillerie, à la 6e brigade. Il fit les guerres de Napoléon en 1805, 1806 et 1807; Heilsberg lui valut St-Georges de 3e classe, et les batailles de Preussisch-Eylau et Gutstadt chacune une épée d'or. Il fut promu en 1808 général major. A la Guerre Patriotique, il fut d'abord sous les ordres de Wittgenstein et gagna le grade de général lieutenant et plusieurs décorations. Pendant la campagne d'Europe, il commanda l'artillerie de l'armée d'opérations; Lutzen lui valut St-Alexandre Newsky, et Bautzen les insignes en brillants de cet ordre. La brillante tenue de son artillerie, à la revue passée en Champagne par l'Empereur, le fit décorer de St-Vladimir de 1re classe. Nommé en 1816 commandant de l'artillerie de la 1re armée, il le resta dix-sept ans, pendant lesquels Alexandre Ier et Nicolas Ier lui témoignèrent incessamment leur faveur. Général d'artillerie en 1819, il reçut en 1831 des épaulettes au chiffre de Sa Majesté (comme attaché à la Suite), et fut fait en 1832 membre du Conseil Militaire. Il fut mis à la retraite le 5 mai 1833 pour raisons de santé, et sa longue carrière fut couronnée le 6 décembre suivant par les ordres de St-André et de l'Aigle Blanc.

Le prince Yachvil mourut en 1834, et fut inhumé à Kieff, au monastère Vydoubitzky. Il ne s'était pas marié.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

Le prince LÉON MIKHAÏLOWITCH YACHVIL, 1768—1834, d'origine inconnue, fils de quelque petit prince géorgien, fut amené du Caucase tout enfant avec son frère Vladimir (1764—20 juillet 1815). Entré en 1784 au Corps des Cadets d'Artillerie, il en sortit deux ans plus tard sous-officier au régiment de bombardiers. Ce fut le début de sa longue carrière, qu'il fit tout entière dans l'artillerie. Il prit part à la première guerre de Turquie, passa sous-lieutenant en 1787 et lieutenant pour sa valeur à la prise d'Otchakoff. De 1792 à 1795, il fit la campagne de Pologne, où Maciejovice lui valut St-Vladimir de 4e classe et Praga St-Georges de 4e classe. Il servit de 1794 à 1799 dans l'artillerie montée, permuta ensuite, étant capitaine, à la Garde, pour revenir en 1800 colonel au bataillon d'artillerie montée. Décoré le 2 février 1801 de St-Jean-de-Jérusalem, il servit de nouveau à la Garde de 1801 à 1803, puis au 1er bataillon d'artillerie montée, et, à partir de 1806, lors du remaniement des régiments et bataillons d'artillerie, à la 6e brigade. Il fit les guerres de Napoléon en 1805, 1806 et 1807; Heilsberg lui valut St-Georges de 3e classe, et les batailles de Preussisch-Eylau et Gutstadt chacune une épée d'or. Il fut promu en 1808 général major. A la Guerre Patriotique, il fut d'abord sous les ordres de Wittgenstein et gagna le grade de général lieutenant et plusieurs décorations. Pendant la campagne d'Europe, il commanda l'artillerie de l'armée d'opérations; Lutzen lui valut St-Alexandre Newsky, et Bautzen les insignes en brillants de cet ordre. La brillante tenue de son artillerie, à la revue passée en Champagne par l'Empereur, le fit décorer de St-Vladimir de 1re classe. Nommé en 1816 commandant de l'artillerie de la 1re armée, il le resta dix-sept ans, pendant lesquels Alexandre Ier et Nicolas Ier lui témoignèrent incessamment leur faveur. Général d'artillerie en 1819, il reçut en 1831 des épaulettes au chiffre de Sa Majesté (comme attaché à la Suite), et fut fait en 1832 membre du Conseil Militaire. Il fut mis à la retraite le 5 mai 1833 pour raisons de santé, et sa longue carrière fut couronnée le 6 décembre suivant par les ordres de St-André et de l'Aigle Blanc.

Le prince Yachvil mourut en 1834, et fut inhumé à Kieff, au monastère Vydoubitzky. Il ne s'était pas marié.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

ИВАНЪ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1785—1861, происходилъ изъ польскихъ дворянъ Витебской губерніи и родился 4 Іюля 1785 г. въ дер. Вѣсяхъ, Слуцкаго уѣзда. Отецъ его, Онуфрій Ивановичъ, уже состоялъ на русской службѣ, а сыновья послѣдняго были православнаго исповѣданія. Человѣкъ небогатый, онъ опредѣлилъ въ 1800 г. своего старшаго сына Ивана на казенный счетъ въ Артиллерійскій и инженерный (2-й кадетскій) корпусъ. Въ 1803 г. Сухозанетъ выпущенъ былъ изъ корпуса инженеръ-подпоручикомъ, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ въ артиллерію и состоялъ адъютантомъ при баронѣ Левенштернѣ. Въ 1806 г. онъ перешелъ въ конную артиллерію и принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. При Прейсишъ-Эйлау Сухозанетъ былъ контуженъ, а при Фридландѣ такъ измятъ непріятельской кавалеріей, что почти замертво вынесенъ съ поля сраженія. Переведенный за отличіе въ гвардію въ чинѣ поручика, онъ былъ взятъ въ адъютанты инспекторомъ конной артиллеріи княземъ Яшвилемъ и сдѣлалъ необыкновенно быструю карьеру: произведенный въ 1807 г. въ поручики, черезъ 6 лѣтъ онъ былъ уже генераломъ. Въ 1810 г. Сухозанетъ вернулся въ армію, получивъ конную батарею, но въ 1812 г., послѣ царскаго смотра, снова переведенъ въ гвардію. Войны Отечественная (въ самомъ началѣ ея онъ былъ раненъ въ голову) и за освобожденіе Европы дали ему возможность получить много наградъ, изъ которыхъ главныя: чины полковника и генералъ-майора, Георгій 4-й ст. (за Полоцкъ) и золотое оружіе (за Лейпцигъ, гдѣ онъ огнемъ своихъ орудій много способствовалъ успѣху союзниковъ). Состоя въ началѣ 1814 г. начальникомъ резервной артиллеріи дѣйствующей арміи, Сухозанетъ занималъ затѣмъ послѣдовательно должности начальника артиллеріи 4-го корпуса, начальника штаба по артиллеріи дѣйствующей арміи и съ 1816 г. 1-й арміи, а съ 1819 г. начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса. 14 Декабря 1825 г. онъ собственноручно приложилъ фитиль къ пушкѣ, направленной на толпу бунтовщиковъ, и на слѣдующій день пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война доставила ему случай получить Георгія 3-й ст., а Польская, гдѣ онъ командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи,—Владиміра 1-й ст., но зато при Каврѣ онъ лишился правой ноги, оторванной ядромъ ниже колѣна. Въ 1831 г. закончилась боевая дѣятельность Сухозанета и началась военно-педагогическая: въ 1831 г. онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Артиллерійскимъ училищемъ, въ 1832 г.—директоромъ Императорской Военной академіи и главноуправляющимъ Инженернымъ училищемъ и въ 1835 г.—директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка. Кромѣ того, онъ состоялъ съ 1831 г. предсѣдателемъ артиллерійскаго комитета и съ 1833 г. членомъ Военнаго совѣта. Въ 1836 г. Сухозанетъ отказался, по болѣзни, отъ завѣдыванія всѣми военно-учебными заведеніями, кромѣ академіи, которую покинулъ только въ 1854 году. Дѣятельность его постоянно заслуживала одобренія Николая I, наградившаго его чиномъ генерала-отъ-артиллеріи (1834 г.) и всѣми орденами включительно до Андрея Первозваннаго (1852 г.), но среди современниковъ память о немъ сохранилась довольно печальная. Хорошій артиллеристъ, человѣкъ, неуклонно стремившійся къ порядку и дисциплинѣ, онъ былъ плохой педагогъ и совсѣмъ не стоялъ на высотѣ своей задачи, какъ директоръ академіи, хотя и поставилъ ее высоко въ дисциплинарномъ отношеніи. Наукамъ онъ совсѣмъ не придавалъ значенія, главное для него была дисциплина. „Безъ науки побѣждать возможно, а безъ дисциплины—никогда“, твердилъ онъ постоянно и устно, и въ приказахъ. Обладая способностью узнавать людей, онъ, впрочемъ, сумѣлъ подобрать себѣ хорошихъ помощниковъ. Въ очень несимпатичныхъ чертахъ изображаетъ Сухозанета, какъ человѣка, въ своихъ запискахъ, впрочемъ, далеко не безпристрастныхъ, генералъ Филипсонъ. Некрологъ Сухозанета былъ напечатанъ въ № 3 „Артиллерійскаго журнала“ за 1861 годъ.

И. О. Сухозанетъ скончался отъ нервнаго удара 8 Февраля 1861 г., похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; женатъ онъ былъ дважды, вторымъ бракомъ—на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Отъ этого брака у него былъ сынъ Александръ (р. 23 Октября 1827 г.) и дочь Анна (р. 20 Февраля 1826 г.), въ замужствѣ за камергеромъ Н. А. Безобразовымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ИВАНЪ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1785—1861, происходилъ изъ польскихъ дворянъ Витебской губерніи и родился 4 Іюля 1785 г. въ дер. Вѣсяхъ, Слуцкаго уѣзда. Отецъ его, Онуфрій Ивановичъ, уже состоялъ на русской службѣ, а сыновья послѣдняго были православнаго исповѣданія. Человѣкъ небогатый, онъ опредѣлилъ въ 1800 г. своего старшаго сына Ивана на казенный счетъ въ Артиллерійскій и инженерный (2-й кадетскій) корпусъ. Въ 1803 г. Сухозанетъ выпущенъ былъ изъ корпуса инженеръ-подпоручикомъ, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ въ артиллерію и состоялъ адъютантомъ при баронѣ Левенштернѣ. Въ 1806 г. онъ перешелъ въ конную артиллерію и принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. При Прейсишъ-Эйлау Сухозанетъ былъ контуженъ, а при Фридландѣ такъ измятъ непріятельской кавалеріей, что почти замертво вынесенъ съ поля сраженія. Переведенный за отличіе въ гвардію въ чинѣ поручика, онъ былъ взятъ въ адъютанты инспекторомъ конной артиллеріи княземъ Яшвилемъ и сдѣлалъ необыкновенно быструю карьеру: произведенный въ 1807 г. въ поручики, черезъ 6 лѣтъ онъ былъ уже генераломъ. Въ 1810 г. Сухозанетъ вернулся въ армію, получивъ конную батарею, но въ 1812 г., послѣ царскаго смотра, снова переведенъ въ гвардію. Войны Отечественная (въ самомъ началѣ ея онъ былъ раненъ въ голову) и за освобожденіе Европы дали ему возможность получить много наградъ, изъ которыхъ главныя: чины полковника и генералъ-майора, Георгій 4-й ст. (за Полоцкъ) и золотое оружіе (за Лейпцигъ, гдѣ онъ огнемъ своихъ орудій много способствовалъ успѣху союзниковъ). Состоя въ началѣ 1814 г. начальникомъ резервной артиллеріи дѣйствующей арміи, Сухозанетъ занималъ затѣмъ послѣдовательно должности начальника артиллеріи 4-го корпуса, начальника штаба по артиллеріи дѣйствующей арміи и съ 1816 г. 1-й арміи, а съ 1819 г. начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса. 14 Декабря 1825 г. онъ собственноручно приложилъ фитиль къ пушкѣ, направленной на толпу бунтовщиковъ, и на слѣдующій день пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война доставила ему случай получить Георгія 3-й ст., а Польская, гдѣ онъ командовалъ артиллеріей дѣйствующей арміи,—Владиміра 1-й ст., но зато при Саврѣ онъ лишился правой ноги, оторванной ядромъ ниже колѣна. Въ 1831 г. закончилась боевая дѣятельность Сухозанета и началась военно-педагогическая: въ 1831 г. онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Артиллерійскимъ училищемъ, въ 1832 г.—директоромъ Императорской Военной академіи и главноуправляющимъ Инженернымъ училищемъ и въ 1835 г.—директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка. Кромѣ того, онъ состоялъ съ 1831 г. предсѣдателемъ артиллерійскаго комитета и съ 1833 г. членомъ Военнаго совѣта. Въ 1836 г. Сухозанетъ отказался, по болѣзни, отъ завѣдыванія всѣми военно-учебными заведеніями, кромѣ академіи, которую покинулъ только въ 1854 году. Дѣятельность его постоянно заслуживала одобренія Николая I, наградившаго его чиномъ генерала-отъ-артиллеріи (1834 г.) и всѣми орденами включительно до Андрея Первозваннаго (1852 г.), но среди современниковъ память о немъ сохранилась довольно печальная. Хорошій артиллеристъ, человѣкъ, неуклонно стремившійся къ порядку и дисциплинѣ, онъ былъ плохой педагогъ и совсѣмъ не стоялъ на высотѣ своей задачи, какъ директоръ академіи, хотя и поставилъ ее высоко въ дисциплинарномъ отношеніи. Наукамъ онъ совсѣмъ не придавалъ значенія, главное для него была дисциплина. „Безъ науки побѣждать возможно, а безъ дисциплины—никогда“, твердилъ онъ постоянно и устно, и въ приказахъ. Обладая способностью узнавать людей, онъ, впрочемъ, сумѣлъ подобрать себѣ хорошихъ помощниковъ. Въ очень несимпатичныхъ чертахъ изображаетъ Сухозанета, какъ человѣка, въ своихъ запискахъ, впрочемъ, далеко не безпристрастныхъ, генералъ Филипсонъ. Некрологъ Сухозанета былъ напечатанъ въ № 3 „Артиллерійскаго журнала“ за 1861 годъ.

И. О. Сухозанетъ скончался отъ нервнаго удара 8 Февраля 1861 г., похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; женатъ онъ былъ дважды, вторымъ бракомъ—на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Отъ этого брака у него былъ сынъ Александръ (р. 23 Октября 1827 г.) и дочь Анна (р. 20 Февраля 1826 г.), въ замужствѣ за камергеромъ Н. А. Безобразовымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

IVAN ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1785—1861, de la noblesse polonaise du gouvernement de Vitebsk, naquit le 4 juillet 1785 au village de Vessy, district de Slutsk. Son père, déjà au service russe, avait fait baptiser ses enfants dans l'orthodoxie, et mit en 1800 l'aîné Ivan boursier au 2e Corps des Cadets de l'Artillerie et du Génie. Sorti lieutenant du génie en 1803, il permuta l'année suivante dans l'artillerie et fut aide de camp du baron Löwenstjerne. Affecté en 1806 à l'artillerie montée, il fit la guerre de Napoléon, reçut une contusion à Preussisch-Eylau, et, à Friedland, piétiné par une charge de cavalerie, fut relevé pour mort sur le champ de bataille. Sa valeur le fit permuter lieutenant à la Garde, et, aide de camp du prince Yachvil, inspecteur de l'artillerie montée, il fit dès lors une carrière extraordinairement rapide: lieutenant en 1807, il était général six ans plus tard. Il reçut en 1810 une batterie à cheval à l'armée, et quitta la Garde, mais pour y revenir en 1812, après la revue passée par l'empereur. A la Guerre Patriotique, tout au commencement de laquelle il fut blessé à la tête, et à la campagne d'Europe, il gagna les grades de colonel et général major; Polotzk lui valut St-Georges de 4e classe et Leipzig, où son artillerie joua un rôle considérable, une épée d'or. Chef de l'artillerie de réserve de l'armée d'opérations au début de 1814, il devint ensuite successivement commandant de l'artillerie du 4e corps, chef de l'état-major de l'artillerie de l'armée d'opérations et, en 1816, de la 1re armée, puis, en 1819, commandant de l'artillerie du corps de la Garde. Le 14 décembre 1825, il mit de sa propre main le feu à une pièce dirigée contre les émeutiers: le lendemain il était fait aide de camp de S. M., et, le jour du couronnement, passait général lieutenant. La guerre de Turquie lui valut St-Georges de 3e classe, et celle de Pologne, où il commandait toute l'artillerie, St-Vladimir de 1re classe; mais il eut à Wawra, en 1831, la jambe droite coupée par un boulet au-dessous du genou. Ce fut la fin de sa carrière active, et il se tourna vers la pédagogie: directeur général de l'Ecole d'Artillerie la même année, de l'Académie Militaire et de l'Ecole du Génie l'année suivante, du Corps des Pages, du Corps des Cadets et du Régiment des Nobles en 1835, il fut en même temps président du Comité d'Artillerie depuis 1831 et membre du Conseil Militaire depuis 1833. En 1836, il donna pour raisons de santé sa démission de directeur de tous ses établissements d'instruction militaires, sauf l'Académie, qu'il ne quitta qu'en 1854. Il jouit invariablement de la faveur de Nicolas Ier, qui le fit général d'artillerie en 1834 et successivement chevalier de tous les ordres, y compris St-André (1852); mais les contemporains n'avaient de lui qu'une assez piètre opinion. Bon artilleur, rigide en matière d'ordre et de discipline, mais mauvais pédagogue, il fut au-dessous de tout comme directeur de l'Académie, où il ne sut que maintenir une discipline rigoureuse. Il n'attribuait aucune importance à la science, et la discipline était tout pour lui: „On peut vaincre sans science, jamais sans discipline“, répétait-il à satiété, tant en paroles que dans ses ordres du jour. Il avait d'ailleurs le talent de juger les hommes et sut s'entourer de bons collaborateurs. Comme homme, il est présenté sous un jour très défavorable dans les Mémoires, d'ailleurs fort entachés de partialité, du général Philipson. Il a paru une nécrologie de Soukhozanet dans le Journal de l'Artillerie, 1861, № 3.

Soukhozanet mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 février 1861, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il fut marié deux fois. Sa seconde femme était la princesse Catherine Alexandrowna Bélosselsky-Bélozersky, dont il eut un fils Alexandre (né 23 octobre 1827), et une fille Anne (née 20 février 1826), mariée au chambellan N. Bézobrazoff.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

IVAN ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1785—1861, de la noblesse polonaise du gouvernement de Vitebsk, naquit le 4 juillet 1785 au village de Vessy, district de Slutsk. Son père, déjà au service russe, avait fait baptiser ses enfants dans l'orthodoxie, et mit en 1800 l'aîné Ivan boursier au 2e Corps des Cadets de l'Artillerie et du Génie. Sorti lieutenant du génie en 1803, il permuta l'année suivante dans l'artillerie et fut aide de camp du baron Löwenstjerne. Affecté en 1806 à l'artillerie montée, il fit la guerre de Napoléon, reçut une contusion à Preussisch-Eylau, et, à Friedland, piétiné par une charge de cavalerie, fut relevé pour mort sur le champ de bataille. Sa valeur le fit permuter lieutenant à la Garde, et, aide de camp du prince Yachvil, inspecteur de l'artillerie montée, il fit dès lors une carrière extraordinairement rapide: lieutenant en 1807, il était général six ans plus tard. Il reçut en 1810 une batterie à cheval à l'armée, et quitta la Garde, mais pour y revenir en 1812, après la revue passée par l'empereur. A la Guerre Patriotique, tout au commencement de laquelle il fut blessé à la tête, et à la campagne d'Europe, il gagna les grades de colonel et général major; Polotzk lui valut St-Georges de 4e classe et Leipzig, où son artillerie joua un rôle considérable, une épée d'or. Chef de l'artillerie de réserve de l'armée d'opérations au début de 1814, il devint ensuite successivement commandant de l'artillerie du 4e corps, chef de l'état-major de l'artillerie de l'armée d'opérations et, en 1816, de la 1re armée, puis, en 1819, commandant de l'artillerie du corps de la Garde. Le 14 décembre 1825, il mit de sa propre main le feu à une pièce dirigée contre les émeutiers: le lendemain il était fait aide de camp de S. M., et, le jour du couronnement, passait général lieutenant. La guerre de Turquie lui valut St-Georges de 3e classe, et celle de Pologne, où il commandait toute l'artillerie, St-Vladimir de 1re classe; mais il eut à Wawra, en 1831, la jambe droite coupée par un boulet au-dessous du genou. Ce fut la fin de sa carrière active, et il se tourna vers la pédagogie: directeur général de l'Ecole d'Artillerie la même année, de l'Académie Militaire et de l'Ecole du Génie l'année suivante, du Corps des Pages, du Corps des Cadets et du Régiment des Nobles en 1833, il fut en même temps président du Comité d'Artillerie depuis 1831 et membre du Conseil Militaire depuis 1833. En 1836, il donna pour raisons de santé sa démission de directeur de tous ses établissements d'instruction militaires, sauf l'Académie, qu'il ne quitta qu'en 1854. Il jouit invariablement de la faveur de Nicolas Ier, qui le fit général d'artillerie en 1834 et successivement chevalier de tous les ordres, y compris St-André (1852); mais les contemporains n'avaient de lui qu'une assez piètre opinion. Bon artilleur, rigide en matière d'ordre et de discipline, mais mauvais pédagogue, il fut au-dessous de tout comme directeur de l'Académie, où il ne sut que maintenir une discipline rigoureuse. Il n'attribuait aucune importance à la science, et la discipline était tout pour lui: „On peut vaincre sans science, jamais sans discipline“, répétait-il à satiété, tant en paroles que dans ses ordres du jour. Il avait d'ailleurs le talent de juger les hommes et sut s'entourer de bons collaborateurs. Comme homme, il est présenté sous un jour très défavorable dans les Mémoires, d'ailleurs fort entachés de partialité, du général Philipson. Il a paru une nécrologie de Soukhozanet dans le Journal de l'Artillerie, 1861, № 3.

Soukhozanet mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 février 1861, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il fut marié deux fois. Sa seconde femme était la princesse Catherine Alexandrowna Bélosselsky-Bélozersky, dont il eut un fils Alexandre (né 23 octobre 1827), et une fille Anne (née 20 février 1826), mariée au chambellan N. Bézobrazoff.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1794—1871, младшій братъ Ивана Онуфріевича, началъ службу 7 Апрѣля 1811 г. юнкеромъ Конно-артиллерійской № 1 роты, гдѣ 27 Декабря произведенъ былъ въ прапорщики; въ чинѣ поручика 12 Августа 1814 г. переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію, съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи 1-й арміи князю Яшвилю. Съ 1812 по 1815 г. Сухозанетъ участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ и во время Отечественной войны былъ во многихъ дѣлахъ: при Клястицахъ, па рѣкѣ Свольнѣ, при мызѣ Соколищахъ, при мызѣ Своинѣ, и въ сраженіяхъ при Полоцкѣ, Чашникахъ и Витебскѣ. За отличіе подъ Полоцкомъ Сухозанетъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1813 и 1814 гг. онъ также участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ бояхъ кампаній этихъ годовъ, начиная съ Люцена и кончая Кульмомъ, Лейпцигомъ и взятіемъ Парижа. Произведенный въ капитаны 16 Марта 1818 г., въ 1819 г. Сухозанетъ былъ назначенъ командиромъ 19-й Конно-артиллерійской роты, а 19 Апрѣля 1820 г. произведенъ въ полковники. Въ 1824 г. Сухозанетъ назначенъ былъ начальникомъ штаба артиллеріи 1-й арміи и 29 Сентября 1828 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Польскаго мятежа онъ былъ въ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ дѣлахъ при Калушинѣ и Остроленкѣ, при чемъ за взятіе Остроленки награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 класса. Въ 1836 г., 11 Декабря, Сухозанетъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й артиллерійской дивизіи. Получивъ звѣзды св. Станислава и св. Анны и майоратъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ былъ произведенъ 6 Декабря 1840 г. въ генералъ-лейтенанты и переведенъ въ 6-ю артиллерійскую дивизію; послѣ нѣсколькихъ Монаршихъ благоволеній получилъ ордена св. Владиміра 2-й ст. (1846 г.) и Бѣлаго Орла (1847 г.), а въ 1849 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи. Въ 1852 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи; 7 Августа 1855 г. назначенъ командиромъ 3 корпуса, а 27 Декабря того же года—командующимъ Южной арміей.

Императоръ Александръ II назначилъ Сухозанета 17 Апрѣля 1856 г. Военнымъ министромъ, а 26 Августа пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты; въ слѣдующемъ году (17 Апрѣля) онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст., 12 Апрѣля 1859 г.—Александровскую звѣзду, а 8 Сентября того же года—Андреевскую ленту. Въ бытность Сухозанета Военнымъ министромъ были составлены проекты объ увеличеніи содержанія офицерамъ и объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства; кромѣ того, онъ заботился объ омоложеніи арміи, уволивъ отъ службы сразу много генераловъ и полковниковъ, что вызвало тогда большое неудовольствіе. Съ 16 Мая по 6 Августа 1861 г. Сухозанетъ пробылъ въ Варшавѣ, куда былъ посланъ, съ правами намѣстника, по случаю внезапной болѣзни и отъѣзда предмѣстника графа Ламберта. Тутъ онъ, однако, многаго не въ состояніи былъ сдѣлать, и мѣры суровости смѣнялись дѣйствіями, явно уступчивыми, полными колебаній и неопредѣленности. Оставаясь Военнымъ министромъ, Сухозанетъ просилъ взять его изъ Польши. Въ томъ же 1861 году, 9 Ноября, онъ былъ уволенъ отъ должности Военнаго министра, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ, при чемъ получилъ портретъ Государя съ алмазами, для ношенія на груди. Подъ конецъ жизни Сухозанетъ получилъ разрѣшеніе переселиться на житье въ Калугу, гдѣ онъ и скончался 22 Іюня 1871 г.; похороненъ въ Калужскомъ загородномъ Лаврентіевѣ монастырѣ.

Н. О. Сухозанетъ былъ женатъ на дочери генералъ-майора князя Владиміра Михайловича Яшвиля, Евдокіи Владиміровнѣ († 1895 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ, 1794—1871, младшій братъ Ивана Онуфріевича, началъ службу 7 Апрѣля 1811 г. юнкеромъ Конно-артиллерійской № 1 роты, гдѣ 27 Декабря произведенъ былъ въ прапорщики; въ чинѣ поручика 12 Августа 1814 г. переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію, съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи 1-й арміи князю Яшвилю. Съ 1812 по 1815 г. Сухозанетъ участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ и во время Отечественной войны былъ во многихъ дѣлахъ: при Клястицахъ, на рѣкѣ Свольнѣ, при мызѣ Соколищахъ, при мызѣ Свойнѣ, и въ сраженіяхъ при Полоцкѣ, Чашникахъ и Витебскѣ. За отличіе подъ Полоцкомъ Сухозанетъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1813 и 1814 гг. онъ также участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ бояхъ кампаній этихъ годовъ, начиная съ Люцена и кончая Кульмомъ, Лейпцигомъ и взятіемъ Парижа. Произведенный въ капитаны 16 Марта 1818 г., въ 1819 г. Сухозанетъ былъ назначенъ командиромъ 19-й Конно-артиллерійской роты, а 19 Апрѣля 1820 г. произведенъ въ полковники. Въ 1824 г. Сухозанетъ назначенъ былъ начальникомъ штаба артиллеріи 1-й арміи и 29 Сентября 1828 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Во время Польскаго мятежа онъ былъ въ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ дѣлахъ при Калушинѣ и Остроленкѣ, при чемъ за взятіе Остроленки награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 класса. Въ 1836 г., 11 Декабря, Сухозанетъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й артиллерійской дивизіи. Получивъ звѣзды св. Станислава и св. Анны и майоратъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ былъ произведенъ 6 Декабря 1840 г. въ генералъ-лейтенанты и переведенъ въ 6-ю артиллерійскую дивизію; послѣ нѣсколькихъ Монаршихъ благоволеній получилъ ордена св. Владиміра 2-й ст. (1846 г.) и Бѣлаго Орла (1847 г.), а въ 1849 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи. Въ 1852 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи; 7 Августа 1855 г. назначенъ командиромъ 3 корпуса, а 27 Декабря того же года—командующимъ Южной арміей.

Императоръ Александръ II назначилъ Сухозанета 17 Апрѣля 1856 г. Военнымъ министромъ, а 26 Августа пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты; въ слѣдующемъ году (17 Апрѣля) онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст., 12 Апрѣля 1859 г.—Александровскую звѣзду, а 8 Сентября того же года—Андреевскую ленту. Въ бытность Сухозанета Военнымъ министромъ были составлены проекты объ увеличеніи содержанія офицерамъ и объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства; кромѣ того, онъ заботился объ омоложеніи арміи, уволивъ отъ службы сразу много генераловъ и полковниковъ, что вызвало тогда большое неудовольствіе. Съ 16 Мая по 6 Августа 1861 г. Сухозанетъ пробылъ въ Варшавѣ, куда былъ посланъ, съ правами намѣстника, по случаю внезапной болѣзни и отъѣзда предмѣстника графа Ламберта. Тутъ онъ, однако, многаго не въ состояніи былъ сдѣлать, и мѣры суровости смѣнялись дѣйствіями, явно уступчивыми, полными колебаній и неопредѣленности. Оставаясь Военнымъ министромъ, Сухозанетъ просилъ взять его изъ Польши. Въ томъ же 1861 году, 9 Ноября, онъ былъ уволенъ отъ должности Военнаго министра, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ, при чемъ получилъ портретъ Государя съ алмазами, для ношенія на груди. Подъ конецъ жизни Сухозанетъ получилъ разрѣшеніе переселиться на житье въ Калугу, гдѣ онъ и скончался 22 Іюня 1871 г.; похороненъ въ Калужскомъ загородномъ Лаврентіевѣ монастырѣ.

Н. О. Сухозанетъ былъ женатъ на дочери генералъ-майора князя Владиміра Михайловича Яшвиля, Евдокіи Владиміровнѣ († 1895 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. С. Ермолову, въ С.-Петербургѣ.)

99

NICOLAS ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1794—1871, frère cadet du précédent, prit du service le 7 avril 1811 comme sous-officier à la 1re compagnie d'artillerie montée, où il passa porte-enseigne le 27 décembre suivant. Etant lieutenant, il permuta le 12 août 1814 à l'artillerie de la Garde, et devint aide de camp du prince Yachvil, commandant de l'artillerie de la 1re armée. De 1812 à 1815, il fit les guerres de Napoléon; à la Guerre Patriotique, on le trouve à Klastitzy, sur la Sivochina, à la ferme de Sokolitzy, à la ferme de Svoïne, à Polotzk, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe, à Tchachniki et à Vitebsk. Il fut aussi des principaux combats de la campagne d'Europe, depuis Lutzen jusqu'à Kulm, Leipzig et à la prise de Paris. Capitaine le 16 mars 1818, il fut nommé en 1819 commandant de la 19e compagnie d'artillerie montée et passa colonel le 19 avril 1820, devint en 1824 chef d'état-major de l'artillerie de la 1re armée, et fut promu général major le 29 septembre 1828. Lors de l'insurrection de Pologne, il prit part aux combats de Kaluszino et d'Ostrolenka, et la prise d'Ostrolenka lui valut St-Georges de 3e classe. Le 11 décembre 1836, il fut nommé commandant de la 4e division d'artillerie. Chevalier de St-Stanislas et de Ste-Anne et titulaire d'un majorat en Pologne, il fut promu général lieutenant le 6 décembre 1840 et affecté à la 6e division d'artillerie. Entre autres signes de distinction, il reçut encore St-Vladimir de 2e classe en 1846 et l'Aigle Blanc en 1847, puis, en 1849, fut mis à la tête de l'artillerie de l'armée d'opérations. Général d'artillerie en 1852, il fut nommé le 7 août 1855 commandant du 5e corps, et le 27 décembre suivant commandant de l'armée du Midi.

L'Empereur Alexandre II nomma Soukhozanet ministre de la guerre le 17 avril 1856 et le fit général aide de camp le 26 août, puis lui conféra, le 17 avril 1857, St-Vladimir de 1re classe, le 12 avril 1859 l'étoile de St-Alexandre et le 8 septembre suivant le cordon de St-André. Comme ministre, Soukhozanet projeta une augmentation de la solde des officiers et la fondation d'une caisse éméritale des services de la Guerre; il entreprit aussi un rajeunissement des cadres, qui entraîna d'un coup la mise à la retraite d'un grand nombre de généraux et de colonels, et provoqua un vif mécontentement. Envoyé à Varsovie comme gouverneur intérimaire en remplacement du comte Lambert, parti pour raisons de santé, il y resta du 16 mai au 6 août 1861, mais sans pouvoir y faire grand'chose: ce ne fut qu'une suite incohérente de mesures de rigueur et de franches concessions, sans ligne de conduite ferme et bien définie. Il demanda son rappel, tout en conservant son poste de ministre, qu'il dut résigner le 9 novembre suivant: il restait membre du Conseil de l'Empire et général aide de camp, et obtenait le portrait de l'Empereur en brillants pour porter sur la poitrine. Il reçut sur ses vieux jours l'autorisation d'aller se fixer à Kalouga, où il mourut le 22 juin 1871, et où il fut inhumé au monastère St-Laurent.

Soukhozanet épousa la fille Eudoxie († 1895) du prince Vladimir Yachvil, général major. Il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

NICOLAS ONUFRIEWITCH SOUKHOZANET, 1794—1871, frère cadet du précédent, prit du service le 7 avril 1811 comme sous-officier à la 1re compagnie d'artillerie montée, où il passa porte-enseigne le 27 décembre suivant. Etant lieutenant, il permuta le 12 août 1814 à l'artillerie de la Garde, et devint aide de camp du prince Yachvil, commandant de l'artillerie de la 1re armée. De 1812 à 1815, il fit les guerres de Napoléon; à la Guerre Patriotique, on le trouve à Klastitzy, sur la Sivochina, à la ferme de Sokolitzy, à la ferme de Svoïne, à Polotzk, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe, à Tchachniki et à Vitebsk. Il fut aussi des principaux combats de la campagne d'Europe, depuis Lutzen jusqu'à Kulm, Leipzig et à la prise de Paris. Capitaine le 16 mars 1818, il fut nommé en 1819 commandant de la 19e compagnie d'artillerie montée et passa colonel le 19 avril 1820, devint en 1824 chef d'état-major de l'artillerie de la 1re armée, et fut promu général major le 29 septembre 1828. Lors de l'insurrection de Pologne, il prit part aux combats de Kaluszino et d'Ostrolenka, et la prise d'Ostrolenka lui valut St-Georges de 3e classe. Le 11 décembre 1836, il fut nommé commandant de la 4e division d'artillerie. Chevalier de St-Stanislas et de Ste-Anne et titulaire d'un majorat en Pologne, il fut promu général lieutenant le 6 décembre 1840 et affecté à la 6e division d'artillerie. Entre autres signes de distinction, il reçut encore St-Vladimir de 2e classe en 1846 et l'Aigle Blanc en 1847, puis, en 1849, fut mis à la tête de l'artillerie de l'armée d'opérations. Général d'artillerie en 1852, il fut nommé le 7 août 1855 commandant du 5e corps, et le 27 décembre suivant commandant de l'armée du Midi.

L'Empereur Alexandre II nomma Soukhozanet ministre de la guerre le 17 avril 1856 et le fit général aide de camp le 26 août, puis lui conféra, le 17 avril 1857, St-Vladimir de 1re classe, le 12 avril 1859 l'étoile de St-Alexandre et le 8 septembre suivant le cordon de St-André. Comme ministre, Soukhozanet projeta une augmentation de la solde des officiers et la fondation d'une caisse éméritale des services de la Guerre; il entreprit aussi un rajeunissement des cadres, qui entraîna d'un coup la mise à la retraite d'un grand nombre de généraux et de colonels, et provoqua un vif mécontentement. Envoyé à Varsovie comme gouverneur intérimaire en remplacement du comte Lambert, parti pour raisons de santé, il y resta du 16 mai au 6 août 1861, mais sans pouvoir y faire grand'chose: ce ne fut qu'une suite incohérente de mesures de rigueur et de franches concessions, sans ligne de conduite ferme et bien définie. Il demanda son rappel, tout en conservant son poste de ministre, qu'il dut résigner le 9 novembre suivant: il restait membre du Conseil de l'Empire et général aide de camp, et obtenait le portrait de l'Empereur en brillants pour porter sur la poitrine. Il reçut sur ses vieux jours l'autorisation d'aller se fixer à Kalouga, où il mourut le 22 juin 1871, et où il fut inhumé au monastère St-Laurent.

Soukhozanet épousa la fille Eudoxie († 1895) du prince Vladimir Yachvil, général major. Il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature appartenant à A. Ermoloff, St-Pétersbourg.)

100

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРКАСОВЪ**, 1728—1788, былъ сынъ кабинетъ-секретаря барона Ивана Антоновича Черкасова. Послѣ обученія въ Кэмбриджскомъ университетѣ, съ 1747 по 1761 г. служилъ въ гвардіи. Въ 1761 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ капитана гвардіи, но Екатерина II, пожаловавъ его въ дѣйствительные камергеры, поручила ему написать уставъ Медицинской коллегіи и 12 Ноября 1763 года назначила его президентомъ этого учрежденія.

Баронъ А. И. Черкасовъ былъ сторонникомъ націонализаціи русской медицины и освобожденія ея отъ господства иностранныхъ медиковъ. Съ этою цѣлью онъ преобразовалъ русскія госпитальныя школы и учредилъ при Коллегіи экзаменаціонную комиссію, для испытанія учениковъ госпитальныхъ школъ, желавшихъ получить лѣкарскій дипломъ. Заслугой барона Черкасова является введеніе въ Россіи оспопрививанія; для этой цѣли онъ выписалъ изъ-за границы знаменитаго Димсдэля, который и привилъ оспу прежде всего самой Императрицѣ, щедро его наградившей. Примѣру Государыни послѣдовали придворные и вельможи. Но борьба съ нѣмцами оказалась не подъ силу барону Черкасову, и, лишившись поддержки благоволившихъ къ нему Орловыхъ, онъ въ 1775 году покинулъ постъ президента Медицинской Коллегіи, а 28 Марта 1778 года получилъ полную отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Онъ умеръ 25 Апрѣля 1788 года. Отъ брака съ дочерью Бирона, Екатериной Ивановной, онъ имѣлъ сына Петра и дочь Елизавету (въ замужствѣ за Пальменбахомъ).

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, С.-Петербургъ.)

100

Баронъ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРКАСОВЪ, 1728—1788, былъ сынъ кабинетъ-секретаря барона Ивана Антоновича Черкасова. Послѣ обученія въ Кэмбриджскомъ университетѣ, съ 1747 по 1761 г. служилъ въ гвардіи. Въ 1761 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ капитана гвардіи, но Екатерина II, пожаловавъ его въ дѣйствительные камергеры, поручила ему написать уставъ Медицинской коллегіи и 12 Ноября 1763 года назначила его президентомъ этого учрежденія.

Баронъ А. И. Черкасовъ былъ сторонникомъ націонализаціи русской медицины и освобожденія ея отъ господства иностранныхъ медиковъ. Съ этою цѣлью онъ преобразовалъ русскія госпитальныя школы и учредилъ при Коллегіи экзаменаціонную комиссію, для испытанія учениковъ госпитальныхъ школъ, желавшихъ получить лѣкарскій дипломъ. Заслугой барона Черкасова является введеніе въ Россіи оспопрививанія; для этой цѣли онъ выписалъ изъ-за границы знаменитаго Димсдэля, который и привилъ оспу прежде всего самой Императрицѣ, щедро его наградившей. Примѣру Государыни послѣдовали придворные и вельможи. Но борьба съ нѣмцами оказалась не подъ силу барону Черкасову, и, лишившись поддержки благоволившихъ къ нему Орловыхъ, онъ въ 1775 году покинулъ постъ президента Медицинской Коллегіи, а 28 Марта 1778 года получилъ полную отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Онъ умеръ 25 Апрѣля 1788 года. Отъ брака съ дочерью Бирона, Екатериной Ивановной, онъ имѣлъ сына Петра и дочь Елизавету (въ замужствѣ за Пальменбахомъ).

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, С.-Петербургъ.)

100

Le baron **ALEXANDRE IVANOWITCH TCHERKASSOFF**, 1728—1788, fils du baron Ivan Tcherkassoff, secrétaire de cabinet, fit des études à l'université de Cambridge, puis prit du service à la Garde en 1747. Il y était capitaine quand il donna sa démission en 1761, mais Catherine II le fit chambellan actuel et le chargea de rédiger les Statuts du Collège de Médecine, dont elle le nomma président le 12 novembre 1763.

Le baron Tcherkassoff mit tous ses efforts à nationaliser la médecine russe et à l'affranchir du joug étranger: il procéda à une réforme des cliniques dans ce sens et institua au Collège de Médecine une commission d'examens pour la délivrance du diplôme de médecin. C'est à lui qu'on doit l'introduction de la vaccine en Russie: le célèbre Deamsdale, qu'il avait fait venir à cet effet, vaccina tout d'abord l'Impératrice elle-même, qui le récompensa généreusement, et dont l'exemple fut suivi par la Cour et le grand monde. Cependant Tcherkassoff ne put avoir raison des allemands: une fois privé de l'appui des Orloff, il dut quitter en 1775 son poste de président du Collège de Médecine, puis, le 28 mars 1778, prit définitivement sa retraite avec rang de conseiller privé actuel.

Il mourut le 25 avril 1788. Il avait eu de son mariage avec Catherine, fille de Jean Biron, un fils, Pierre, et une fille, Elisabeth, mariée à Palmenbach.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

100

Le baron **ALEXANDRE IVANOWITCH TCHERKASSOFF**, 1728—1788, fils du baron Ivan Tcherkassoff, secrétaire de cabinet, fit des études à l'université de Cambridge, puis prit du service à la Garde en 1747. Il y était capitaine quand il donna sa démission en 1761, mais Catherine II le fit chambellan actuel et le chargea de rédiger les Statuts du Collège de Médecine, dont elle le nomma président le 12 novembre 1763.

Le baron Tcherkassoff mit tous ses efforts à nationaliser la médecine russe et à l'affranchir du joug étranger: il procéda à une réforme des cliniques dans ce sens et institua au Collège de Médecine une commission d'examens pour la délivrance du diplôme de médecin. C'est à lui qu'on doit l'introduction de la vaccine en Russie: le célèbre Deamsdale, qu'il avait fait venir à cet effet, vaccina tout d'abord l'Impératrice elle-même, qui le récompensa généreusement, et dont l'exemple fut suivi par la Cour et le grand monde. Cependant Tcherkassoff ne put avoir raison des allemands: une fois privé de l'appui des Orloff, il dut quitter en 1775 son poste de président du Collège de Médecine, puis, le 28 mars 1778, prit définitivement sa retraite avec rang de conseiller privé actuel.

Il mourut le 25 avril 1788. Il avait eu de son mariage avec Catherine, fille de Jean Biron, un fils, Pierre, et une fille, Elisabeth, mariée à Palmenbach.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

101

ЯКОВЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЕВРЕИНОВЪ, 1700—1772, родился въ Москвѣ 23 Октября 1700 года. По утвержденію Евреиновыхъ, предки ихъ были „польскіе дворяне", но на самомъ дѣлѣ отецъ Я. М. Евреинова былъ Мстиславскій еврей, попавшій въ плѣнъ къ русскимъ въ 1655 году и сдѣлавшійся, послѣ принятія православія, первостатейнымъ купцомъ гостиной сотни.

Я. М. Евреиновъ въ 1716 году былъ посланъ Петромъ I за границу для обученія иностраннымъ языкамъ и возвратился въ Россію только черезъ 4 года. Въ 1723 году онъ былъ назначенъ консуломъ въ Кадиксъ, но черезъ 2 года, по желанію отца, былъ уволенъ отъ службы и занялся дѣлами своей шелковой фабрики; 8 Сентября 1742 г. Евреиновъ былъ пожалованъ въ совѣтники Мануфактуръ-Коллегіи; 18 Сентября 1745 года онъ былъ назначенъ вице-президентомъ, а 29 Марта 1753 года президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Президентство Я. М. Евреинова ознаменовалось тѣмъ, что „по собственному его плану и подъ его начальствомъ былъ учрежденъ Коммерческій Банкъ".

По воцареніи Екатерины II на Евреинова былъ сдѣланъ начетъ въ 121.000 рублей, взятыхъ Петромъ III изъ коллегіи безъ законныхъ формальностей. Я. М. Евреиновъ былъ отставленъ отъ службы, и имущество его было взято въ казенный секвестръ. „Находясь въ несчастіи", Евреиновъ умеръ 27 Октября 1772 года. Тѣло его погребено въ Москвѣ, въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Авдотьей Ивановной Ѳеофилатьевой, Евреиновъ имѣлъ 4-хъ сыновей: Петра, Ивана, Михаила и Николая, и 4-хъ дочерей: Наталію (въ замужствѣ за Никитой Іакинѳіевичемъ Демидовымъ), Елизавету (за Воейковымъ), Надежду (за Хапыковымъ) и Вѣру (за Пущинымъ).

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

101

ЯКОВЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЕВРЕИНОВЪ, 1700—1772, родился въ Москвѣ 23 Октября 1700 года. По утвержденію Евреиновыхъ, предки ихъ были „польскіе дворяне“, но на самомъ дѣлѣ отецъ Я. М. Евреинова былъ Мстиславскій еврей, попавшій въ плѣнъ къ русскимъ въ 1655 году и сдѣлавшійся, послѣ принятія православія, первостатейнымъ купцомъ гостиной сотни.

Я. М. Евреиновъ въ 1716 году былъ посланъ Петромъ I за границу для обученія иностраннымъ языкамъ и возвратился въ Россію только черезъ 4 года. Въ 1723 году онъ былъ назначенъ консуломъ въ Кадиксъ, но черезъ 2 года, по желанію отца, былъ уволенъ отъ службы и занялся дѣлами своей шелковой фабрики; 8 Сентября 1742 г. Евреиновъ былъ пожалованъ въ совѣтники Мануфактуръ-Коллегіи; 18 Сентября 1745 года онъ былъ назначенъ вице-президентомъ, а 29 Марта 1753 года президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Президентство Я. М. Евреинова ознаменовалось тѣмъ, что „по собственному его плану и подъ его начальствомъ былъ учрежденъ Коммерческій Банкъ“.

По воцареніи Екатерины II на Евреинова былъ сдѣланъ начетъ въ 121.000 рублей, взятыхъ Петромъ III изъ коллегіи безъ законныхъ формальностей. Я. М. Евреиновъ былъ отставленъ отъ службы, и имущество его было взято въ казенный секвестръ. „Находясь въ несчастіи“, Евреиновъ умеръ 27 Октября 1772 года. Тѣло его погребено въ Москвѣ, въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Авдотьей Ивановной Ѳеофилатьевой, Евреиновъ имѣлъ 4-хъ сыновей: Петра, Ивана, Михаила и Николая, и 4-хъ дочерей: Наталію (въ замужствѣ за Никитой Іакинѳіевичемъ Демидовымъ), Елизавету (за Воейковымъ), Надежду (за Хапыковымъ) и Вѣру (за Пущинымъ).

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

101

JACOB MATVÉEWITCH ÉVRÉINOFF, 1700—1772, naquit à Moscou le 23 octobre 1700. Sa famille se réclamait de la noblesse polonaise, mais en réalité son père était un israélite de Mstislav, fait prisonnier par les Russes en 1655, converti à l'orthodoxie, puis devenu marchand de 1re classe.

En 1716, Pierre-le-Grand l'envoya apprendre les langues à l'étranger; il y resta quatre ans, puis fut nommé en 1723 consul à Cadix, mais au bout de deux ans, donna sa démission à l'instigation de son père, pour s'occuper d'une soierie qu'il possédait. Conseiller au Collège des Manufactures le 8 septembre 1742, il devint le 18 septembre 1745 vice-président, puis, le 29 mars 1753, président du Collège de Commerce, où il se signala par „la fondation, d'après son plan et sous sa direction, de la Banque de Commerce".

A l'avènement de Catherine II, il eut à répondre d'une somme de 121.000 roubles prélevée irrégulièrement par Pierre III sur les fonds du Collège. Il fut destitué et ses biens mis sous séquestre par l'Etat. „Accablé par l'infortune", il mourut le 27 octobre 1772, et fut inhumé à Moscou, à l'ancien monastère St-André. Il avait épousé Eudoxie Féofilaktieff, dont il eut quatre fils, Pierre, Ivan, Michel et Nicolas, et quatre filles, Natalie, mariée à Nikita Démidoff, Elisabeth à Voéïkoff, Nadejda à Khanykoff et Véra à Pouchtchine.

(D'après un original conservé aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

101

JACOB MATVÉEWITCH ÉVRÉINOFF, 1700—1772, naquit à Moscou le 23 octobre 1700. Sa famille se réclamait de la noblesse polonaise, mais en réalité son père était un israélite de Mstislav, fait prisonnier par les Russes en 1655, converti à l'orthodoxie, puis devenu marchand de 1re classe.

En 1716, Pierre-le-Grand l'envoya apprendre les langues à l'étranger; il y resta quatre ans, puis fut nommé en 1723 consul à Cadix, mais au bout de deux ans, donna sa démission à l'instigation de son père, pour s'occuper d'une soierie qu'il possédait. Conseiller au Collège des Manufactures le 8 septembre 1742, il devint le 18 septembre 1745 vice-président, puis, le 29 mars 1753, président du Collège de Commerce, où il se signala par „la fondation, d'après son plan et sous sa direction, de la Banque de Commerce".

A l'avènement de Catherine II, il eut à répondre d'une somme de 121.000 roubles prélevée irrégulièrement par Pierre III sur les fonds du Collège. Il fut destitué et ses biens mis sous séquestre par l'Etat. „Accablé par l'infortune", il mourut le 27 octobre 1772, et fut inhumé à Moscou, à l'ancien monastère St-André. Il avait épousé Eudoxie Féofilaktieff, dont il eut quatre fils, Pierre, Ivan, Michel et Nicolas, et quatre filles, Natalie, mariée à Nikita Démidoff, Elisabeth à Voéïkoff, Nadejda à Khanykoff et Véra à Pouchtchine.

(D'après un original conservé aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

102

Графъ ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1712—1773, старшій братъ графа Захара (см. т. II, № 15), родился 25 Марта 1712 г.; крестникъ Петра Великаго, онъ въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, съ 1722 по 1727 г. служилъ въ Гольштинскихъ войскахъ, затѣмъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры (въ 1730 г.) и въ камергеры (въ 1739 г.), назначенъ былъ въ 1741 г. посланникомъ въ Данію. Перейдя на дипломатическое поприще, Чернышевъ послѣдовательно былъ представителемъ Россіи въ Мадридѣ, Берлинѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, произведенный въ 1754 г., 5 Сентября, въ генералъ-лейтенанты, Чернышевъ былъ отозванъ въ слѣдующемъ году изъ Англіи и 4 Іюля 1760 г. назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 26 Іюля 1762 г.; за это время онъ былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ отъ Петра III Андреевскую ленту.

Графъ Чернышевъ умеръ въ С.-Петербургѣ 20 Августа 1773 г.; на памятникѣ его, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, слѣдующая надпись: „Жилъ 61 г. 4 м. 26 д. Служилъ онъ своимъ Государямъ и Отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англійскомъ дворахъ. По возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ къ присутствію въ Пр. Сенатѣ, въ 1760 г. опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней, смерть жизнь его пресѣкла къ крайней горести его ближнихъ и къ искреннему соболѣзнованію его друговъ и почитателей“.

Графъ Чернышевъ былъ женатъ на дочери знаменитаго начальника Тайной Канцеляріи, графа А. И. Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей: Наталію (за княземъ В. Б. Голицынымъ; о ней см. I т., № 42) и Дарію (за графомъ И. П. Салтыковымъ; см. I т., № 70). Покровительству тестя графъ Чернышевъ былъ обязанъ своими служебными успѣхами, равно какъ позднѣе покровительству Императрицы Елисаветы, осыпавшей почестями его отца, денщика Петра I, и его мать, фаворитку Великаго Императора.

Необыкновенно скупой, Чернышевъ оставилъ большое состояніе. По словамъ князя Долгорукаго, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer“.

Графъ П. Г. Чернышевъ изображенъ художникомъ Людерсомъ окруженнымъ всѣмъ семействомъ, среди типичной обстановки того времени. На стѣнахъ видны портреты родителей Чернышева, графа Александра Ивановича и его жены, Авдотьи Ивановны, рожденной Ржевской, любовницы Петра Великаго, прозванной имъ „бой-бабой“, работы художника Никитина.

(Съ картины Людерса; Императорскій Эрмитажъ, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1712—1773, старшій братъ графа Захара (см. т. II, № 15), родился 25 Марта 1712 г.; крестникъ Петра Великаго, онъ въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, съ 1722 по 1727 г. служилъ въ Гольштинскихъ войскахъ, затѣмъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры (въ 1730 г.) и въ камергеры (въ 1739 г.), назначенъ былъ въ 1741 г. посланникомъ въ Данію. Перейдя на дипломатическое поприще, Чернышевъ послѣдовательно былъ представителемъ Россіи въ Мадридѣ, Берлинѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, произведенный въ 1754 г., 5 Сентября, въ генералъ-лейтенанты, Чернышевъ былъ отозванъ въ слѣдующемъ году изъ Англіи и 4 Іюля 1760 г. назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 26 Іюля 1762 г.; за это время онъ былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ отъ Петра III Андреевскую ленту.

Графъ Чернышевъ умеръ въ С.-Петербургѣ 20 Августа 1773 г.; на памятникѣ его, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, слѣдующая надпись: „Жилъ 61 г. 4 м. 26 д. Служилъ онъ своимъ Государямъ и Отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англійскомъ дворахъ. По возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ къ присутствію въ Пр. Сенатѣ, въ 1760 г. опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней, смерть жизнь его пресѣкла къ крайней горести его ближнихъ и къ искреннему соболѣзнованію его друговъ и почитателей“.

Графъ Чернышевъ былъ женатъ на дочери знаменитаго начальника Тайной Канцеляріи, графа А. И. Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей: Наталію (за княземъ В. Б. Голицынымъ; о ней см. I т., № 42) и Дарію (за графомъ И. П. Салтыковымъ; см. I т., № 70). Покровительству тестя графъ Чернышевъ былъ обязанъ своими служебными успѣхами, равно какъ позднѣе покровительству Императрицы Елисаветы, осыпавшей почестями его отца, денщика Петра I, и его мать, фаворитку Великаго Императора.

Необыкновенно скупой, Чернышевъ оставилъ большое состояніе. По словамъ князя Долгорукаго, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer“.

Графъ П. Г. Чернышевъ изображенъ художникомъ Людерсомъ окруженнымъ всѣмъ семействомъ, среди типичной обстановки того времени. На стѣнахъ видны портреты родителей Чернышева, графа Александра Ивановича и его жены, Авдотьи Ивановны, рожденной Ржевской, любовницы Петра Великаго, прозванной имъ „бой-бабой“, работы художника Никитина.

(Съ картины Людерса; Императорскій Эрмитажъ, въ С.-Петербургѣ.)

102

Le comte **PIERRE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF**, 1712—1773, frère aîné du comte Zacharie (v. T. II, № 15), naquit le 25 mars 1712. Filleul de Pierre-le-Grand et enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il servit de 1722 à 1727 aux troupes de Holstein, puis, fait en 1730 gentilhomme de la chambre et en 1739 chambellan, fut nommé en 1741 ministre en Danemark. Passé dans la carrière diplomatique, il fut successivement représentant de la Russie à Madrid, à Berlin et enfin à Londres. Chevalier de St-Alexandre Newsky, général lieutenant le 5 septembre 1754, il fut rappelé d'Angleterre l'année suivante et nommé le 4 juillet 1760 ambassadeur à Paris, où il resta jusqu'au 26 juillet 1762; dans l'intervalle, il fut fait conseiller privé actuel et reçut de Pierre III le cordon de St-André.

Le comte Tchernycheff mourut à St-Pétersbourg le 20 août 1773; on lit sur son monument, au cimetière St-Lazare, monastère d'Alexandre Newsky, l'épitaphe suivante: „Il vécut 61 ans, 4 mois, 26 jours. Il servit ses Souverains et sa Patrie 45 ans, d'abord dans l'Armée et à la Cour, puis, de 1740 à la fin de 1755, comme ministre plénipotentiaire près les Cours de Danemark, de Prusse et d'Angleterre. A son retour de cette dernière Cour, il alla siéger au Sénat Dirigeant, en 1760 fut nommé ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près la Cour de France, d'où il rentra de nouveau dans sa patrie en 1763: il continua de ce moment à siéger au Sénat, et enfin, à la suite de ses multiples maladies, la mort vint interrompre ses jours, à la profonde douleur de ses proches et au regret sincère de ses amis et de ses admirateurs".

Le comte Tchernycheff avait épousé la fille Catherine du comte Ouchakoff, connu comme chef de la Chancellerie Secrète; il eut d'elle deux filles, Natalie (v. T. I, № 42), qui épousa le prince V. Golitzyne, et Daria (v. T. I, № 70) le comte I. Saltykoff. Ce fut à la protection de son gendre que le comte Tchernycheff dut ses succès de carrière, ainsi que plus tard à celle de l'Impératrice Elisabeth, qui combla d'honneurs son père, ordonnance de Pierre-le-Grand, et sa mère, favorite du grand empereur.

D'une avarice extraordinaire, Tchernycheff laissa une grosse fortune. Au témoignage du prince Dolgorouky, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer".

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de toute sa famille dans un intérieur du temps. Les portraits fixés au mur, dus au peintre Nikitine, sont ceux du comte Alexandre Tchernycheff, son père, et de sa mère, née Rjewsky, maîtresse de Pierre-le-Grand, qui l'avait surnommée la Virago.

(D'après l'original de Luders, Ermitage Impérial, St-Pétersbourg.)

Le comte **PIERRE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF**, 1712—1773, frère aîné du comte Zacharie (v. T. II, № 15), naquit le 25 mars 1712. Filleul de Pierre-le-Grand et enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il servit de 1722 à 1727 aux troupes de Holstein, puis, fait en 1730 gentilhomme de la chambre et en 1739 chambellan, fut nommé en 1741 ministre en Danemark. Passé dans la carrière diplomatique, il fut successivement représentant de la Russie à Madrid, à Berlin et enfin à Londres. Chevalier de St-Alexandre Newsky, général lieutenant le 5 septembre 1754, il fut rappelé d'Angleterre l'année suivante et nommé le 4 juillet 1760 ambassadeur à Paris, où il resta jusqu'au 26 juillet 1762; dans l'intervalle, il fut fait conseiller privé actuel et reçut de Pierre III le cordon de St-André.

Le comte Tchernycheff mourut à St-Pétersbourg le 20 août 1773; on lit sur son monument, au cimetière St-Lazare, monastère d'Alexandre Newsky, l'épitaphe suivante: „Il vécut 61 ans, 4 mois, 26 jours. Il servit ses Souverains et sa Patrie 45 ans, d'abord dans l'Armée et à la Cour, puis, de 1740 à la fin de 1755, comme ministre plénipotentiaire près les Cours de Danemark, de Prusse et d'Angleterre. A son retour de cette dernière Cour, il alla siéger au Sénat Dirigeant, en 1760 fut nommé ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près la Cour de France, d'où il rentra de nouveau dans sa patrie en 1763: il continua de ce moment à siéger au Sénat, et enfin, à la suite de ses multiples maladies, la mort vint interrompre ses jours, à la profonde douleur de ses proches et au regret sincère de ses amis et de ses admirateurs".

Le comte Tchernycheff avait épousé la fille Catherine du comte Ouchakoff, connu comme chef de la Chancellerie Secrète; il eut d'elle deux filles, Natalie (v. T. I, № 42), qui épousa le prince V. Golitzyne, et Daria (v. T. I, № 70) le comte I. Saltykoff. Ce fut à la protection de son gendre que le comte Tchernycheff dut ses succès de carrière, ainsi que plus tard à celle de l'Impératrice Elisabeth, qui combla d'honneurs son père, ordonnance de Pierre-le-Grand, et sa mère, favorite du grand empereur.

D'une avarice extraordinaire, Tchernycheff laissa une grosse fortune. Au témoignage du prince Dolgorouky, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer".

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de toute sa famille dans un intérieur du temps. Les portraits fixés au mur, dus au peintre Nikitine, sont ceux du comte Alexandre Tchernycheff, son père, et de sa mère, née Rjewsky, maîtresse de Pierre-le-Grand, qui l'avait surnommée la Virago.

(D'après l'original de Luders, Ermitage Impérial, St-Pétersbourg.)

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1726—1797, младшій братъ графовъ Петра и Захара, родился 24 Ноября 1726 г.; пробывъ 2 года въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ назначенъ „дворяниномъ“ при посольствѣ старшаго брата въ Берлинѣ; въ 1745 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, а послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1755 г.—въ камергеры и получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1760 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и главнымъ директоромъ Коммиссіи о Коммерціи. Екатерина II, въ день коронаціи, пожаловала его въ генералъ-поручики и 22 Марта 1763 г. назначила членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ галернаго флота, затѣмъ очень недолго былъ въ Англіи чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. 4 Іюня 1769 г., въ чинѣ генерала по флоту, назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ этой должности онъ получилъ съ 1775 по 1790 г. ордена свв. Андрея, Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. и званіе сенатора. Проживъ 5 лѣтъ за границей для лѣченія, Чернышевъ былъ пожалованъ Павломъ I, благоволившимъ къ нему, въ фельдмаршалы по флоту и 12 Ноября 1796 г. назначенъ президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ 26 Февраля 1797 г.; похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ на графинѣ Елизаветѣ Іосифовнѣ Ефимовской (р. 16 Апрѣля 1734 г., † 5 Октября 1755 г.; бракъ безплодный) и вторымъ—на Аннѣ Александровнѣ Исленевой († 9 Января 1794 г.), отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына Григорія и 4 дочерей.

Служа большую часть жизни по морской части, графъ Чернышевъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его нимало и не интересовало; настоящіе моряки, какъ Чичаговъ, „ни во что его не ставили“, но зато Екатерина II дала Чернышеву дѣятельнаго и свѣдущаго помощника, Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Послѣдній управлялъ флотомъ, а Чернышевъ заслужилъ прозвище: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée“. Князь Долгорукій такъ характеризуетъ Чернышева: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé; il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela bon, loyal, honnête dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde“.... И, дѣйствительно, въ свое время Чернышевъ считался въ высшихъ сферахъ и юристомъ, и дипломатомъ, годнымъ на всѣ руки, для всякихъ порученій и должностей. По отзыву князя М. М. Щербатова, этотъ изящный аристократъ-европеецъ былъ, однако, человѣкъ, „не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словомъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго и, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда уважаемъ былъ отъ Двора“.... Имѣя лучшій домъ въ Петербургѣ, но живя подолгу за границей, Чернышевъ питалъ пристрастіе ко всему иностранному и „многіе примѣры во всякомъ сластолюбіи подалъ и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился“. Благодаря этому усердію къ насажденію въ Россіи заграничнаго „сластолюбія“ и модъ, Чернышевъ размоталъ все свое колоссальное богатство и, несмотря на всякія спекуляціи, которыми съ помощью благоволенія придворныхъ сферъ онъ старался поправить дѣла, оставилъ сыну разоренное состояніе и громадные долги.

Графъ И. Г. Чернышевъ изображенъ окруженнымъ дѣтьми и внуками, тутъ и его сынъ Григорій и обѣ дочери—крупная Вадковская, съ мужемъ и дѣтьми, и младшая дочь Анна Ивановна, будущая Плещеева, родственница и пріятельница Жуковскаго.

(Съ картины, принадлежащей князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1726—1797, младшій братъ графовъ Петра и Захара, родился 24 Ноября 1726 г.; пробывъ 2 года въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ назначенъ „дворяниномъ“ при посольствѣ старшаго брата въ Берлинѣ; въ 1745 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, а послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1755 г.—въ камергеры и получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1760 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и главнымъ директоромъ Коммиссіи о Коммерціи. Екатерина II, въ день коронаціи, пожаловала его въ генералъ-поручики и 22 Марта 1763 г. назначила членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ галернаго флота, затѣмъ очень недолго былъ въ Англіи чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. 4 Іюня 1769 г., въ чинѣ генерала по флоту, назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Въ этой должности онъ получилъ съ 1775 по 1790 г. ордена свв. Андрея, Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. и званіе сенатора. Проживъ 5 лѣтъ за границей для лѣченія, Чернышевъ былъ пожалованъ Павломъ I, благоволившимъ къ нему, въ фельдмаршалы по флоту и 12 Ноября 1796 г. назначенъ президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ 26 Февраля 1797 г.; похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ на графинѣ Елизаветѣ Іосифовнѣ Ефимовской (р. 16 Апрѣля 1734 г., † 5 Октября 1755 г.; бракъ безплодный) и вторымъ—на Аннѣ Александровнѣ Исленевой († 9 Января 1794 г.), отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына Григорія и 4 дочерей.

Служа большую часть жизни по морской части, графъ Чернышевъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его нимало и не интересовало; настоящіе моряки, какъ Чичаговъ, „ни во что его не ставили“, но зато Екатерина II дала Чернышеву дѣятельнаго и свѣдущаго помощника, Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Послѣдній управлялъ флотомъ, а Чернышевъ заслужилъ прозвище: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée“. Князь Долгорукій такъ характеризуетъ Чернышева: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé; il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela bon, loyal, honnête dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde“.... И, дѣйствительно, въ свое время Чернышевъ считался въ высшихъ сферахъ и юристомъ, и дипломатомъ, годнымъ на всѣ руки, для всякихъ порученій и должностей. По отзыву князя М. М. Щербатова, этотъ изящный аристократъ-европеецъ былъ, однако, человѣкъ, „не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словомъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго и, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда уважаемъ былъ отъ Двора“.... Имѣя лучшій домъ въ Петербургѣ, но живя подолгу за границей, Чернышевъ питалъ пристрастіе ко всему иностранному и „многіе примѣры во всякомъ сластолюбіи подалъ и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился“. Благодаря этому усердію къ насажденію въ Россіи заграничнаго „сластолюбія“ и модъ, Чернышевъ размоталъ все свое колоссальное богатство и, несмотря на всякія спекуляціи, которыми съ помощью благоволенія придворныхъ сферъ онъ старался поправить дѣла, оставилъ сыну разоренное состояніе и громадные долги.

Графъ И. Г. Чернышевъ изображенъ окруженнымъ дѣтьми и внуками, тутъ и его сынъ Григорій и обѣ дочери—крупная Вадковская, съ мужемъ и дѣтьми, и младшая дочь Анна Ивановна, будущая Плещеева, родственница и пріятельница Жуковскаго.

(Съ картины, принадлежащей князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte IVAN GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1726—1797, frère cadet des comtes Pierre et Zacharie, naquit le 24 novembre 1726. Il passa deux ans au Corps des Cadets, puis fut attaché à l'ambassade de son frère aîné à Berlin. Il entra en 1745 sous-officier au régiment Sémenowsky, et, après son mariage avec une cousine germaine de l'Impératrice Elisabeth, la comtesse Elisabeth Efimowsky, fut fait gentilhomme de la chambre. Chambellan et chevalier de Ste-Anne de 1re classe en 1755, il fut nommé en 1760 haut procureur du Sénat et directeur général de la Commission du Commerce. Catherine II, le jour de son couronnement, le promut général lieutenant et, le 22 mars 1763, le nomma membre du Collège des Amirautés. Mis à la tête, l'année suivante, de la flotte des galères, il fut ensuite ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire en Angleterre, où il resta très peu de temps. Général de la flotte, il fut nommé le 4 juin 1769 vice-président du Collège des Amirautés; il reçut à ce poste, de 1775 à 1790, les ordres de St-André, de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, et la dignité de sénateur. Après cinq ans passés à l'étranger pour sa santé, il fut promu par Paul Ier, dont il avait la faveur, feld-maréchal de la flotte, et nommé le 12 novembre 1796 président du Collège des Amirautés.

Le comte Tchernycheff mourut à Rome le 26 février 1797, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Il fut marié deux fois, en premières noces à la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky (16 avril 1734—5 octobre 1755), dont il n'eut pas d'enfants, et, en secondes noces, à Anna Alexandrowna Isléneff († 9 janvier 1794), dont il eut un fils unique, Grégoire, et quatre filles.

Malgré toute sa carrière passée dans la marine, le comte Tchernycheff n'entendait absolument rien aux choses navales, et ne s'y intéressait d'ailleurs nullement. Les vrais marins comme Tchitchagoff „n'en faisaient aucun cas"; mais aussi Catherine II lui avait donné un adjoint sérieux et compétent, Ivan Logguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff, qui faisait tout, et on disait de Tchernycheff: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée". Le prince Dolgorouky le caractérise ainsi: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé, il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela, bon, loyal, honnête, dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde".... Et de fait, dans son temps, Tchernycheff était considéré dans les hautes sphères comme juriste, diplomate, bon à tout, à toutes les missions et à toutes les fonctions. Au témoignage du prince M. Chtcherbatoff, ce fin aristocrate à l'européenne était pourtant un homme „moins sérieux que vif, souple et débrouillard, réunissant, en un mot, toutes les qualités du bon courtisan, et surtout, était toujours apprécié à la Cour, comme homme de goût".... Propriétaire de la plus belle maison de Pétersbourg, mais passant tout son temps à l'étranger, il avait la passion de tout ce qui était étranger, et „donna de nombreux exemples de toute espèce de raffinements, qu'il s'efforça d'introduire dans son pays". Ce zèle pour introduire en Russie les „raffinements" et les modes de l'étranger lui fit dissiper entièrement sa colossale fortune; toutes les spéculations grâce auxquelles, avec la connivence des gens de Cour, il tâcha de rétablir ses affaires ne l'empêchèrent pas de laisser à son fils une fortune délabrée et des dettes considérables.

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de ses enfants et petits-enfants, son fils Grégoire et ses deux filles, la grosse Mme Vadkowsky avec son mari et ses enfants, et la plus jeune, Anne, plus tard Mme Pléchtchéeff, parente et amie de Joukowsky.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Le comte IVAN GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1726—1797, frère cadet des comtes Pierre et Zacharie, naquit le 24 novembre 1726. Il passa deux ans au Corps des Cadets, puis fut attaché à l'ambassade de son frère aîné à Berlin. Il entra en 1745 sous-officier au régiment Sémenowsky, et, après son mariage avec une cousine germaine de l'Impératrice Elisabeth, la comtesse Elisabeth Efimowsky, fut fait gentilhomme de la chambre. Chambellan et chevalier de Ste-Anne de 1re classe en 1755, il fut nommé en 1760 haut procureur du Sénat et directeur général de la Commission du Commerce. Catherine II, le jour de son couronnement, le promut général lieutenant et, le 22 mars 1763, le nomma membre du Collège des Amirautés. Mis à la tête, l'année suivante, de la flotte des galères, il fut ensuite ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire en Angleterre, où il resta très peu de temps. Général de la flotte, il fut nommé le 4 juin 1769 vice-président du Collège des Amirautés; il reçut à ce poste, de 1775 à 1790, les ordres de St-André, de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, et la dignité de sénateur. Après cinq ans passés à l'étranger pour sa santé, il fut promu par Paul Ier, dont il avait la faveur, feld-maréchal de la flotte, et nommé le 12 novembre 1796 président du Collège des Amirautés.

Le comte Tchernycheff mourut à Rome le 26 février 1797, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Il fut marié deux fois, en premières noces à la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky (16 avril 1754—5 octobre 1755), dont il n'eut pas d'enfants, et, en secondes noces, à Anna Alexandrowna Isléneff († 9 janvier 1794), dont il eut un fils unique, Grégoire, et quatre filles.

Malgré toute sa carrière passée dans la marine, le comte Tchernycheff n'entendait absolument rien aux choses navales, et ne s'y intéressait d'ailleurs nullement. Les vrais marins comme Tchitchagoff „n'en faisaient aucun cas"; mais aussi Catherine II lui avait donné un adjoint sérieux et compétent, Ivan Logguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff, qui faisait tout, et on disait de Tchernycheff: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée". Le prince Dolgorouky le caractérise ainsi: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé, il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela, bon, loyal, honnête, dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde".... Et de fait, dans son temps, Tchernycheff était considéré dans les hautes sphères comme juriste, diplomate, bon à tout, à toutes les missions et à toutes les fonctions. Au témoignage du prince M. Chtcherbatoff, ce fin aristocrate à l'européenne était pourtant un homme „moins sérieux que vif, souple et débrouillard, réunissant, en un mot, toutes les qualités du bon courtisan, et surtout, était toujours apprécié à la Cour, comme homme de goût".... Propriétaire de la plus belle maison de Pétersbourg, mais passant tout son temps à l'étranger, il avait la passion de tout ce qui était étranger, et „donna de nombreux exemples de toute espèce de raffinements, qu'il s'efforça d'introduire dans son pays". Ce zèle pour introduire en Russie les „raffinements" et les modes de l'étranger lui fit dissiper entièrement sa colossale fortune; toutes les spéculations grâce auxquelles, avec la connivence des gens de Cour, il tâcha de rétablir ses affaires ne l'empêchèrent pas de laisser à son fils une fortune délabrée et des dettes considérables.

Le comte Tchernycheff est représenté entouré de ses enfants et petits-enfants, son fils Grégoire et ses deux filles, la grosse Mme Vadkowsky avec son mari et ses enfants, et la plus jeune, Anne, plus tard Mme Pléchtchéeff, parente et amie de Joukowsky.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Графъ ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1762—1831, сынъ графа Ивана Григорьевича, отъ второго брака съ Анной Александровной Исленьевой, родился 30 Января 1762 г.; единственный представитель рода, онъ наслѣдовалъ и майоратъ, учрежденный его дядей, Захаромъ, и всѣ Чернышевскія богатства. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую и исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія, такъ, былъ съ графомъ А. А. Безбородко на Ясскомъ конгрессѣ. При Высочайшемъ дворѣ Чернышевъ въ 1776 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1799 г. назначенъ въ помощь оберъ-камергеру по театральной дирекціи, затѣмъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія оберъ-шенка (съ 30 Августа 1816 г.) и кавалера ордена св. Александра Невскаго.

Несмотря на громадное состояніе, дѣла графа Г. И. Чернышева были совершенно запутаны еще его отцомъ. Когда, по приказанію Павла I, была учреждена надъ его имуществомъ опека, долги его достигали до 2 милліоновъ рублей. Опека существовала до 1803 г. и, благодаря всякимъ льготамъ правительства и искусству Державина, долги были уплачены, при чемъ самъ Чернышевъ все это время ежегодно получалъ отъ опеки по 75/т. рублей, что давало возможность графу вести праздную и обезпеченную жизнь. Освобожденный отъ опеки, по словамъ Державина, Чернышевъ скоро сумѣлъ надѣлать опять долговъ чуть не вдвое больше, чѣмъ прежде.

По отзывамъ современниковъ, Чернышевъ былъ человѣкъ „весьма мягкій, любящій общество и развлеченія“, театралъ, самъ писавшій французскіе пьесы и стихи; онъ былъ далеко „не безъ причудъ“, которымъ давали просторъ праздность и даровой крѣпостной трудъ. Живя большею частью въ своемъ Орловскомъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, графъ любилъ устраивать гостямъ сюрпризы, при чемъ особенно часто въ паркѣ появлялись внезапно хижины съ надписью „Aux bons gourmands“, гдѣ самъ хозяинъ, въ видѣ гарсона, въ бланжевомъ костюмѣ и колпакѣ, предлагалъ гостямъ карту изысканныхъ кушаній и винъ.

Графъ Г. И. Чернышевъ умеръ въ Орлѣ 2 Января 1831 г. и похороненъ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, отъ которой имѣлъ одного сына, Захара (р. 14 Декабря 1797 г., † 1862 г.; декабристъ), и 6 дочерей. Майоратъ, съ титуломъ и фамиліей, вслѣдствіе лишенія правъ сосланнаго въ Сибирь сына, перешелъ къ старшей его дочери, графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой-Кругликовой (р. 28 Апрѣля 1799 г., † 24 Іюля 1847 г.; въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Гавриловичемъ Кругликовымъ, р. 13 Августа 1787 г., † 30 Октября 1847 г.).

(Съ портрета В. Лебренъ, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губерніи.)

Графъ ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1762—1831, сынъ графа Ивана Григорьевича, отъ второго брака съ Анной Александровной Исленьевой, родился 30 Января 1762 г.; единственный представитель рода, онъ наслѣдовалъ и майоратъ, учрежденный его дядей, Захаромъ, и всѣ Чернышевскія богатства. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую и исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія, такъ, былъ съ графомъ А. А. Безбородко на Ясскомъ конгрессѣ. При Высочайшемъ дворѣ Чернышевъ въ 1776 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1799 г. назначенъ въ помощь оберъ-камергеру по театральной дирекціи, затѣмъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія оберъ-шенка (съ 30 Августа 1816 г.) и кавалера ордена св. Александра Невскаго.

Несмотря на громадное состояніе, дѣла графа Г. И. Чернышева были совершенно запутаны еще его отцомъ. Когда, по приказанію Павла I, была учреждена надъ его имуществомъ опека, долги его достигали до 2 милліоновъ рублей. Опека существовала до 1803 г. и, благодаря всякимъ льготамъ правительства и искусству Державина, долги были уплачены, при чемъ самъ Чернышевъ все это время ежегодно получалъ отъ опеки по 75/т. рублей, что давало возможность графу вести праздную и обезпеченную жизнь. Освобожденный отъ опеки, по словамъ Державина, Чернышевъ скоро сумѣлъ надѣлать опять долговъ чуть не вдвое больше, чѣмъ прежде.

По отзывамъ современниковъ, Чернышевъ былъ человѣкъ „весьма мягкій, любящій общество и развлеченія“, театралъ, самъ писавшій французскіе пьесы и стихи; онъ былъ далеко „не безъ причудъ“, которымъ давали просторъ праздность и даровой крѣпостной трудъ. Живя большею частью въ своемъ Орловскомъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, графъ любилъ устраивать гостямъ сюрпризы, при чемъ особенно часто въ паркѣ появлялись внезапно хижины съ надписью „Aux bons gourmands“, гдѣ самъ хозяинъ, въ видѣ гарсона, въ бланжевомъ костюмѣ и колпакѣ, предлагалъ гостямъ карту изысканныхъ кушаній и винъ.

Графъ Г. И. Чернышевъ умеръ въ Орлѣ 2 Января 1831 г. и похороненъ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, отъ которой имѣлъ одного сына, Захара (р. 14 Декабря 1797 г., † 1862 г.; декабристъ), и 6 дочерей. Майоратъ, съ титуломъ и фамиліей, вслѣдствіе лишенія правъ сосланнаго въ Сибирь сына, перешелъ къ старшей его дочери, графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой-Кругликовой (р. 28 Апрѣля 1799 г., † 24 Іюля 1847 г.; въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Гавриловичемъ Кругликовымъ, р. 13 Августа 1787 г., † 30 Октября 1847 г.).

(Съ портрета В. Лебренъ, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губерніи.)

104

Le comte GRÉGOIRE IVANOWITCH TCHERNYCHEFF, 1762—1831, fils du comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff et de sa seconde femme Anne Alexandrowna Isléneff, naquit le 30 janvier 1762. Dernier représentant de la famille, il hérita et du majorat fondé par son oncle Zacharie, et de tous les biens des Tchernycheff. Après une brève carrière militaire, il passa dans le civil et remplit quelques missions diplomatiques, par exemple, au congrès de Yassy avec le comte A. Bezborodko. À la Cour, fait en 1776 gentilhomme de la chambre, nommé en 1799 adjoint au grand chambellan pour la direction du théâtre, il parvint ensuite au rang de conseiller privé actuel, à la dignité de grand échanson (30 août 1816) et fut décoré de St-Alexandre Newsky.

La grosse fortune du comte Tchernycheff était déjà très délabrée lorsqu'il la reçut de son père. Elle était grevée de près de deux millions de roubles de dettes, quand Paul Ier la fit mettre en séquestre; elle y resta jusqu'en 1805: grâce à des faveurs de toute espèce de la part du gouvernement et à l'habileté de Derjavine, les dettes se trouvèrent alors payées. Le séquestre avait servi tout ce temps au comte une pension annuelle de 75.000 roubles, qui lui permettait de mener une vie oisive et insouciante. La mainlevée donnée, il trouva bientôt moyen, dit Derjavine, de refaire près de deux fois plus de dettes qu'avant.

Au témoignage des contemporains, Tchernycheff était un homme „très doux, aimant la société et les distractions", le théâtre, auteur lui-même de pièces et de vers en français; il ne manquait pas d'idées fantasques, auxquelles donnaient carrière son oisiveté et le travail gratuit des serfs. Presque constamment dans son bien de Taguino, près d'Orel, il aimait à faire des surprises à ses invités: il se plaisait surtout à faire apparaître subitement dans le parc une maisonnette portant l'enseigne Aux bons gourmands, où lui-même, déguisé en garçon, avec un costume couleur chair et un bonnet, offrait des mets et des vins de choix.

Le comte Tchernycheff mourut à Orel le 2 janvier 1831 et fut inhumé au cimetière de l'archevêché.

Il avait épousé Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, dont il eut un fils unique Zacharie (14 décembre 1797—1862), décabriste, et six filles. Le majorat, avec le titre et le nom, passa, par suite de la mort civile du fils, déporté en Sibérie, à l'aînée des filles, la comtesse Sophie Tchernycheff-Krouglikoff (28 avril 1799—24 juillet 1847), mariée au conseiller privé Ivan Gavrilowitch Krouglikoff (13 août 1787—30 octobre 1847).

(D'après un original de Vigée-Lebrun, ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

104

Le comte GRÉGOIRE IVANOWITCH TCHERNYCHEFF, 1762—1831, fils du comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff et de sa seconde femme Anne Alexandrowna Isléneff, naquit le 30 janvier 1762. Dernier représentant de la famille, il hérita et du majorat fondé par son oncle Zacharie, et de tous les biens des Tchernycheff. Après une brève carrière militaire, il passa dans le civil et remplit quelques missions diplomatiques, par exemple, au congrès de Yassy avec le comte A. Bezborodko. À la Cour, fait en 1776 gentilhomme de la chambre, nommé en 1799 adjoint au grand chambellan pour la direction du théâtre, il parvint ensuite au rang de conseiller privé actuel, à la dignité de grand échanson (30 août 1816) et fut décoré de St-Alexandre Newsky.

La grosse fortune du comte Tchernycheff était déjà très délabrée lorsqu'il la reçut de son père. Elle était grevée de près de deux millions de roubles de dettes, quand Paul Ier la fit mettre en séquestre; elle y resta jusqu'en 1803: grâce à des faveurs de toute espèce de la part du gouvernement et à l'habileté de Derjavine, les dettes se trouvèrent alors payées. Le séquestre avait servi tout ce temps au comte une pension annuelle de 75.000 roubles, qui lui permettait de mener une vie oisive et insouciante. La mainlevée donnée, il trouva bientôt moyen, dit Derjavine, de refaire près de deux fois plus de dettes qu'avant.

Au témoignage des contemporains, Tchernycheff était un homme „très doux, aimant la société et les distractions", le théâtre, auteur lui-même de pièces et de vers en français; il ne manquait pas d'idées fantasques, auxquelles donnaient carrière son oisiveté et le travail gratuit des serfs. Presque constamment dans son bien de Taguino, près d'Orel, il aimait à faire des surprises à ses invités: il se plaisait surtout à faire apparaître subitement dans le parc une maisonnette portant l'enseigne Aux bons gourmands, où lui-même, déguisé en garçon, avec un costume couleur chair et un bonnet, offrait des mets et des vins de choix.

Le comte Tchernycheff mourut à Orel le 2 janvier 1831 et fut inhumé au cimetière de l'archevêché.

Il avait épousé Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, dont il eut un fils unique Zacharie (14 décembre 1797—1862), décabriste, et six filles. Le majorat, avec le titre et le nom, passa, par suite de la mort civile du fils, déporté en Sibérie, à l'aînée des filles, la comtesse Sophie Tchernycheff-Krouglikoff (28 avril 1799—24 juillet 1847), mariée au conseiller privé Ivan Gavrilowitch Krouglikoff (13 août 1787—30 octobre 1847).

(D'après un original de Vigée-Lebrun, ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1797—1862, сынъ оберъ-шенка графа Григорія Ивановича, женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, родился 14 Декабря 1797 г.; воспитывался сначала дома, подъ руководствомъ гувернера масона Жуаё, затѣмъ 2 года учился въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ и 17 лѣтъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 31 Января 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1821 г.—въ штабсъ-ротмистры и въ 1824 г.—въ ротмистры. На несчастье Чернышева въ полку одновременно служилъ его двоюродный братъ Ф. Вадковскій, который „въ глазахъ" Чернышева „порочилъ Правительство, при чемъ говорилъ, что онъ думаетъ, какъ всѣ благомыслящіе люди въ Россіи". То же слышалъ онъ и отъ другихъ товарищей: Свистунова, Муравьева.... Въ Маѣ 1825 г. Чернышевъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, при чемъ ему было сообщено, что цѣль общества „современемъ ввести конституцію въ государствѣ"; только встрѣтившись осенью въ имѣніи отца, селѣ Тагинѣ, Орловской губ., съ Вадковскимъ, Чернышевъ узналъ, что Общество, „въ случаѣ несогласія царствующаго Государя на его требованія", рѣшило „употребить противу Его военную силу и даже уничтоженіе Царствующей фамиліи". Арестованный 23 Декабря въ томъ же Тагинѣ, Чернышевъ на допросахъ во всемъ чистосердечно сознался и назвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ Общества. „Узнавъ", показывалъ онъ, „что вступили въ сіе общество многіе люди, которыхъ познанія и дарованія природныя гораздо болѣе и превосходнѣе моихъ, полагая, что они имѣли въ виду улучшеніе правительства и благосостояніе Имперіи, одна любовь къ Отечеству побудила меня вступить въ ихъ тайное общество". По рѣшенію Верховнаго суда, Чернышевъ былъ лишенъ чиновъ, графства и приговоренъ въ каторжныя работы на 2 года „за знаніе объ умыслѣ цареубійства и за принадлежность къ тайному обществу, съ знаніемъ его цѣли". Онъ былъ наказанъ сравнительно милостиво: „Чернышевъ былъ мало́ виноватъ и по характеру еще менѣе годился въ опасные заговорщики; по словамъ отца его, Императоръ Николай, видя его чистосердечное признаніе, обѣщалъ ему прощеніе. Но это не было въ интересахъ А. И. Чернышева, который намѣревался овладѣть Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, и майоратъ перешелъ къ его сестрѣ, графинѣ С. Г. Чернышевой-Кругликовой" (Арх. графа Мордвинова, VII). По случаю коронаціи Николая I срокъ каторги Чернышеву былъ сокращенъ до 1 года; въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Иркутскъ, а въ Маѣ 1828 г. мѣстомъ для его поселенія былъ опредѣленъ Якутскъ, но уже 27 Декабря того же года Чернышевъ былъ назначенъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, куда и доставленъ былъ 9 Апрѣля 1829 года. „З. Чернышевъ, вмѣстѣ съ прочими декабристами, сдѣлались любимцами солдатъ за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которой они несли заслуженную ими кару". Полковой командиръ, Н. Н. Раевскій, былъ искренно расположенъ къ Чернышеву и даже получилъ непріятности по службѣ за послабленія декабристамъ, но „нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Чернышевъ: онъ жилъ въ солдатской палаткѣ, носилъ солдатскую шинель толстаго сукна, не имѣлъ особаго стола".... Въ кампанію 1829 г. Чернышевъ „неоднократно оказалъ опыты отличнѣйшаго мужества". Раненый въ грудь въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ прапорщики и подпоручики. Въ 1834 г., будучи у сестры, графини Чернышевой-Кругликовой, въ с. Ярропольцѣ, Московской губ., Чернышевъ женился на дочери сенатора Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой (дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ). 17 Января 1837 г. Чернышевъ былъ уволенъ въ отставку, съ правомъ жить сначала въ Ярропольцѣ, а потомъ въ отцовскомъ Тагинѣ. Тутъ ему разрѣшено было поступить на службу секретаремъ Орловскаго дворянства, а въ 1846 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, при чемъ самъ Закревскій находилъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ надзора полиціи. По вступленіи на престолъ Александра II, Чернышеву, которому былъ возвращенъ графскій титулъ, разрѣшено было уѣхать за границу, такъ какъ здоровье жены, которая постоянно болѣла, давно уже требовало этого.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ, въ Маѣ 1862 г., и похороненъ, рядомъ съ раньше умершей женой, на Римскомъ кладбищѣ Monte Testaccio.

По словамъ его племянницы, графъ Чернышевъ былъ „человѣкъ рѣдкой скромности, мягкій и дѣтски незлобивый, въ семьѣ былъ горячо любимъ, всегда веселъ, одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ".

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губ.)

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1797—1862, сынъ оберъ-шенка графа Григорія Ивановича, женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, родился 14 Декабря 1797 г.; воспитывался сначала дома, подъ руководствомъ гувернера масона Жуаё, затѣмъ 2 года учился въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ и 17 лѣтъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 31 Января 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1821 г.—въ штабсъ-ротмистры и въ 1824 г.—въ ротмистры. На несчастье Чернышева въ полку одновременно служилъ его двоюродный братъ Ф. Вадковскій, который „въ глазахъ“ Чернышева „порочилъ Правительство, при чемъ говорилъ, что онъ думаетъ, какъ всѣ благомыслящіе люди въ Россіи“. То же слышалъ онъ и отъ другихъ товарищей: Свистунова, Муравьева.... Въ Маѣ 1825 г. Чернышевъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, при чемъ ему было сообщено, что цѣль общества „современемъ ввести конституцію въ государствѣ“; только встрѣтившись осенью въ имѣніи отца, селѣ Тагинѣ, Орловской губ., съ Вадковскимъ, Чернышевъ узналъ, что Общество, „въ случаѣ несогласія царствующаго Государя на его требованія“, рѣшило „употребить противу Его военную силу и даже уничтоженіе Царствующей фамиліи“. Арестованный 23 Декабря въ томъ же Тагинѣ, Чернышевъ на допросахъ во всемъ чистосердечно сознался и назвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ Общества. „Узнавъ“, показывалъ онъ, „что вступили въ сіе общество многіе люди, которыхъ познанія и дарованія природныя гораздо болѣе и превосходнѣе моихъ, полагая, что они имѣли въ виду улучшеніе правительства и благосостояніе Имперіи, одна любовь къ Отечеству побудила меня вступить въ ихъ тайное общество“. По рѣшенію Верховнаго суда, Чернышевъ былъ лишенъ чиновъ, графства и приговоренъ въ каторжныя работы на 2 года „за знаніе объ умыслѣ цареубійства и за принадлежность къ тайному обществу, съ знаніемъ его цѣли“. Онъ былъ наказанъ сравнительно милостиво: „Чернышевъ былъ мало́ виноватъ и по характеру еще менѣе годился въ опасные заговорщики; по словамъ отца его, Императоръ Николай, видя его чистосердечное признаніе, обѣщалъ ему прощеніе. Но это не было въ интересахъ А. И. Чернышева, который намѣревался овладѣть Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, и майоратъ перешелъ къ его сестрѣ, графинѣ С. Г. Чернышевой-Кругликовой“ (Арх. графа Мордвинова, VII). По случаю коронаціи Николая I срокъ каторги Чернышеву былъ сокращенъ до 1 года; въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Иркутскъ, а въ Маѣ 1828 г. мѣстомъ для его поселенія былъ опредѣленъ Якутскъ, но уже 27 Декабря того же года Чернышевъ былъ назначенъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, куда и доставленъ былъ 9 Апрѣля 1829 года. „З. Чернышевъ, вмѣстѣ съ прочими декабристами, сдѣлались любимцами солдатъ за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которой они несли заслуженную ими кару“. Полковой командиръ, Н. Н. Раевскій, былъ искренно расположенъ къ Чернышеву и даже получилъ непріятности по службѣ за послабленія декабристамъ, но „нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Чернышевъ: онъ жилъ въ солдатской палаткѣ, носилъ солдатскую шинель толстаго сукна, не имѣлъ особаго стола“.... Въ кампанію 1829 г. Чернышевъ „неоднократно оказалъ опыты отличнѣйшаго мужества“. Раненый въ грудь въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ прапорщики и подпоручики. Въ 1834 г., будучи у сестры, графини Чернышевой-Кругликовой, въ с. Ярополцѣ, Московской губ., Чернышевъ женился на дочери сенатора Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой (дѣти ихъ умерли въ младенчествѣ). 17 Января 1837 г. Чернышевъ былъ уволенъ въ отставку, съ правомъ жить сначала въ Ярополцѣ, а потомъ въ отцовскомъ Тагинѣ. Тутъ ему разрѣшено было поступить на службу секретаремъ Орловскаго дворянства, а въ 1846 г. онъ переведенъ былъ въ Москву, при чемъ самъ Закревскій находилъ, что онъ можетъ быть освобожденъ отъ надзора полиціи. По вступленіи на престолъ Александра II, Чернышеву, которому былъ возвращенъ графскій титулъ, разрѣшено было уѣхать за границу, такъ какъ здоровье жены, которая постоянно болѣла, давно уже требовало этого.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ, въ Маѣ 1862 г., и похороненъ, рядомъ съ раньше умершей женой, на Римскомъ кладбищѣ Monte Festaccio.

По словамъ его племянницы, графъ Чернышевъ былъ „человѣкъ рѣдкой скромности, мягкій и дѣтски незлобивый, въ семьѣ былъ горячо любимъ, всегда веселъ, одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ“.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. Н. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губ.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du comte Grégoire Ivanowitch, grand échanson, et d'Elisabeth Pétrowna, née Kvachnine-Samarine, naquit le 14 décembre 1797. D'abord élevé chez ses parents sous la direction d'un gouverneur, le franc-maçon Joyeut, il passa ensuite deux ans à l'Ecole des Guides de Mouravieff, puis entra à 17 ans aux Chevaliers-Gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1818, capitaine en second en 1821, et, en 1824, capitaine. Par malheur, il eut pour camarade de régiment son cousin Th. Vadkowsky, et l'entendit „blâmer le gouvernement et dire que son opinion était celle de tous les hommes bien pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff.... lui firent part des mêmes idées. Et, en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'Etat". En automne seulement, Vadkowsky, qu'il revit chez son père, à Taguino, gouvernement d'Orel, lui apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre Lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 23 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „que c'étaient des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'Etat et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il s'en tira relativement à bon compte: „Tchernycheff n'était guère coupable, et surtout n'avait rien de ce qu'il faut pour être d'un grand complot; suivant le dire du père, l'Empereur Nicolas, en considération de son sincère aveu, lui avait promis le pardon. Mais ce n'était point dans les intérêts de A. I. Tchernycheff, qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas du reste, et le majorat passa à sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff" (Archives du comte Mordvinoff, VII). Le couronnement de Nicolas Ier lui valut une année de diminution de peine. Envoyé à Irkoutsk au commencement de 1827, il fut transféré à Yakoutsk en mai 1828, et, le 27 décembre de la même année, enrôlé simple soldat au régiment de dragons de Nijni-Novgorod, qui se trouvait au Caucase et qu'il rejoignit le 9 avril 1829. „Z. Tchernycheff et les autres décabristes devinrent les soldats favoris du régiment grâce à leur profonde piété et à la résignation avec laquelle ils subissaient leur peine méritée". Le chef du régiment, N. Raewsky, était bien disposé pour Tchernycheff et eut même des désagréments du fait de son indulgence envers les décabristes, mais „il n'était pas possible d'admirer assez la sévérité de vie que menait Tchernycheff: il vivait dans une tente de soldat, portait un manteau de soldat en gros drap et ne faisait pas table à part". Dans la campagne de 1829, „il fit souvent preuve d'une bravoure hors ligne"; blessé à la poitrine en 1830, il fut promu sous-officier, puis enseigne et sous-lieutenant. En 1834, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff, au domaine de Yaropoletz, gouvernement de Moscou, il épousa la fille d'un sénateur, Catherine Alexéewna Téploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de résider d'abord à Yaropoletz, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel, et, en 1846, il fut transféré à Moscou, où Zakrewsky lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, comme l'exigeait du reste depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et y fut inhumé, à côté de sa femme, décédée avant lui, au cimetière de Monte Festaccio.

C'était, dit sa nièce, „un homme d'une rare modestie, doux et sans plus de malice qu'un enfant, très aimé dans sa famille, toujours gai, également aimable et affable avec tous".

(D'après un original appartenant au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

Le comte ZACHARIE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF, 1797—1862, fils du comte Grégoire Ivanowitch, grand échanson, et d'Elisabeth Pétrowna, née Kvachnine-Samarine, naquit le 14 décembre 1797. D'abord élevé chez ses parents sous la direction d'un gouverneur, le franc-maçon Joyeut, il passa ensuite deux ans à l'Ecole des Guides de Mouravieff, puis entra à 17 ans aux Chevaliers-Gardes, où il devint cornette le 31 janvier 1818, capitaine en second en 1821, et, en 1824, capitaine. Par malheur, il eut pour camarade de régiment son cousin Th. Vadkowsky, et l'entendit „blâmer le gouvernement et dire que son opinion était celle de tous les hommes bien pensants en Russie". Ses camarades, Svistounoff, Mouravieff.... lui firent part des mêmes idées. Et, en mai 1825, il se fit membre d'une société secrète, dont le but était, lui disait-on, „d'introduire la constitution dans l'Etat". En automne seulement, Vadkowsky, qu'il revit chez son père, à Taguino, gouvernement d'Orel, lui apprit que la Société avait décidé que, „si l'Empereur régnant ne consentait pas à ses exigences, on emploierait contre Lui la force armée et qu'on anéantirait même la famille Impériale". Arrêté le 23 décembre à Taguino, Tchernycheff fit des aveux sincères et dénonça tous les membres de la Société qu'il connaissait. „Ayant appris", dit-il à l'enquête, „que c'étaient des personnes dont les connaissances et les talents naturels étaient bien supérieurs aux miens qui étaient entrées dans cette Société, et persuadé qu'elles avaient en vue l'amélioration de l'Etat et le bien-être de l'Empire, ce ne fut que mon amour pour la patrie qui m'engagea à y entrer". Par arrêt de la haute cour de justice, Tchernycheff se vit privé de ses titres, de sa dignité de comte et condamné à deux ans de travaux forcés „pour avoir connu le dessein formé de tuer Sa Majesté et avoir appartenu à une société secrète, dont il connaissait le but". Il s'en tira relativement à bon compte: „Tchernycheff n'était guère coupable, et surtout n'avait rien de ce qu'il faut pour être d'un grand complot; suivant le dire du père, l'Empereur Nicolas, en considération de son sincère aveu, lui avait promis le pardon. Mais ce n'était point dans les intérêts de A. I. Tchernycheff, qui avait l'intention de s'emparer du majorat de la famille. Il n'y réussit pas du reste, et le majorat passa à sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff" (Archives du comte Mordvinoff, VII). Le couronnement de Nicolas Ier lui valut une année de diminution de peine. Envoyé à Irkoutsk au commencement de 1827, il fut transféré à Yakoutsk en mai 1828, et, le 27 décembre de la même année, enrôlé simple soldat au régiment de dragons de Nijni-Novgorod, qui se trouvait au Caucase et qu'il rejoignit le 9 avril 1829. „Z. Tchernycheff et les autres décabristes devinrent les soldats favoris du régiment grâce à leur profonde piété et à la résignation avec laquelle ils subissaient leur peine méritée". Le chef du régiment, N. Raewsky, était bien disposé pour Tchernycheff et eut même des désagréments du fait de son indulgence envers les décabristes, mais „il n'était pas possible d'admirer assez la sévérité de vie que menait Tchernycheff: il vivait dans une tente de soldat, portait un manteau de soldat en gros drap et ne faisait pas table à part". Dans la campagne de 1829, „il fit souvent preuve d'une bravoure hors ligne"; blessé à la poitrine en 1830, il fut promu sous-officier, puis enseigne et sous-lieutenant. En 1834, étant en séjour chez sa sœur, la comtesse Tchernycheff-Krouglikoff, au domaine de Yaropoletz, gouvernement de Moscou, il épousa la fille d'un sénateur, Catherine Alexéewna Téploff (leurs enfants moururent en bas âge). Le 17 janvier 1837, il reçut son congé, avec le droit de résider d'abord à Yaropoletz, puis dans le domaine paternel de Taguino. On lui permit d'entrer au service comme secrétaire de la noblesse d'Orel, et, en 1846, il fut transféré à Moscou, où Zakrewsky lui-même trouva qu'il pouvait être libéré de la surveillance de la police. Lorsqu'Alexandre II monta sur le trône, on autorisa Tchernycheff, auquel on avait rendu le titre de comte, à aller à l'étranger, comme l'exigeait du reste depuis longtemps la santé de sa femme, continuellement malade.

Le comte Zacharie Tchernycheff mourut à Rome en mai 1862 et y fut inhumé, à côté de sa femme, décédée avant lui, au cimetière de Monte Festaccio.

C'était, dit sa nièce, „un homme d'une rare modestie, doux et sans plus de malice qu'un enfant, très aimé dans sa famille, toujours gai, également aimable et affable avec tous".

(D'après un original appartenant au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

ВАСИЛІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ, 1726—1809, потомокъ стариннаго, но небогатаго Костромского дворянскаго рода, сынъ сподвижника Петра I, Якова Матвѣевича, родился 28 Февраля 1726 года (а по показанію сына—въ 1725 г.), учился въ учрежденной Петромъ I Московской школѣ навигацкихъ наукъ и пополнилъ свои знанія въ Англіи. Зачисленный на службу въ 1742 г. гардемариномъ, онъ въ 1745 г. произведенъ въ мичманы, но первое плаваніе совершилъ только въ 1757 г. на кораблѣ „Св. Михаилъ", отправленномъ въ Зундъ „по секретной коммиссіи". Затѣмъ Чичаговъ участвовалъ въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи во время Семилѣтней войны, а въ 1765 и 1766 гг. дважды ѣздилъ изъ Колы „въ секретную экспедицію" для отысканія морского прохода въ Камчатку, мимо Гренландіи, но оба раза неудачно, вслѣдствіе льдовъ. Въ 1768 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Архангельскаго порта, въ 1770 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы,—Ревельскаго и въ 1775 г.— Кронштадтскаго. Принявъ участіе въ Турецкой войнѣ, Чичаговъ защищалъ Керченскій проливъ и получилъ Георгія 4-й ст., а по окончаніи войны произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Адмиралъ и Александровскій кавалеръ съ 1782 г., Чичаговъ въ томъ же году плавалъ съ эскадрой въ Средиземномъ морѣ, въ 1788 г. исполнялъ обязанности главнаго начальника Ревельскаго порта, а въ 1789 г. командовалъ Балтійскимъ флотомъ. Во время Шведской войны онъ сначала вызвалъ неудовольствіе Екатерины II своимъ отступленіемъ послѣ удачнаго боя при о. Эландѣ, но затѣмъ одержалъ двѣ блестящія побѣды при Ревелѣ и Выборгѣ, за что былъ награжденъ орденами св. Андрея и Георгія 1-й ст., шпагой съ алмазами, серебрянымъ сервизомъ, 3805 душами крестьянъ и дворянскимъ гербомъ. Во время этой войны Екатерина II писала Гримму: „Il faut que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: Eh bien, ils ne nous avaleront pas, pourtant". Отвѣтъ этотъ такъ понравился Екатеринѣ II, что она поручила Державину и Храповицкому составить надпись къ бюсту Чичагова, въ которую вошли бы его слова, и сама сочинила такую же надпись, которая потомъ была начертана въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на надгробномъ памятникѣ Чичагова:

„Съ тройною силою шли шведы на него,
Узнавъ, онъ рекъ: Богъ защитникъ мой!
Не проглотятъ они насъ!
Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ".

Въ 1797 г. Чичаговъ вышелъ въ отставку и скончался въ глубокой старости, ослѣпнувъ въ послѣдніе годы жизни, 4 Апрѣля 1809 года въ Петербургѣ. Погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Чичаговъ принадлежитъ къ числу выдающихся сподвижниковъ Екатерины II. Онъ никогда ни передъ кѣмъ не заискивалъ и только исполнялъ свой долгъ, умѣлъ всегда держать себя съ достоинствомъ и тактомъ и отличался большой скромностью, чѣмъ и заслужилъ уваженіе своей Монархини, писавшей о немъ Гримму: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte tout honteux de son mérite et de sa supériorité!" Voilà mon amiral tout décrit".

Долгое время живя лишь на жалованье, Чичаговъ не дѣлалъ пріемовъ и какъ можно дальше держался отъ придворной среды, являясь при дворѣ только по необходимости. Зато враги не щадили его и обвиняли въ грубости и необразованности. Сынъ Чичагова, извѣстный адмиралъ, въ своихъ запискахъ такъ изображаетъ отца: „Онъ былъ истинно честный человѣкъ, почти безпримѣрнаго безкорыстія. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, высоко цѣнилъ добродѣтель и гнушался порокомъ; трезвый и воздержанный по необходимости и врожденному вкусу, онъ со строжайшей добросовѣстностью исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу и престолу. Чуждый всякихъ происковъ, онъ ожидалъ всего отъ образа своихъ дѣйствій и отъ Божественнаго промысла, велѣніямъ котораго подчинялся самоотверженно и въ этомъ никогда не раскаивался". П. Я. Гамалѣя говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „В. Я. Чичаговъ былъ мужъ, стяжавшій отъ всѣхъ почтеніе и любовь своими заслугами, добродѣтелями, а наипаче величайшею скромностью и кротостью нрава". Чичаговъ былъ женатъ, съ 1765 г., на „вдовѣ капитана флота и дочери нѣмецкаго инженернаго офицера, переселившагося въ Россію", и имѣлъ 3 сыновей: Павла (р. 1767 г., † 1849 г., адмиралъ), Петра (р. 1770 г.) и Василія (р. 1772 г.).

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ВАСИЛІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ, 1726—1809, потомокъ старинпаго, но небогатаго Костромского дворянскаго рода, сынъ сподвижника Петра I, Якова Матвѣевича, родился 28 Февраля 1726 года (а по показанію сына—въ 1725 г.), учился въ учрежденной Петромъ I Московской школѣ навигацкихъ наукъ и пополнилъ свои знанія въ Англіи. Зачисленный на службу въ 1742 г. гардемариномъ, онъ въ 1745 г. произведенъ въ мичманы, но первое плаваніе совершилъ только въ 1757 г. на кораблѣ „Св. Михаилъ", отправленномъ въ Зундъ „по секретной коммиссіи". Затѣмъ Чичаговъ участвовалъ въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи во время Семилѣтней войны, а въ 1765 и 1766 гг. дважды ѣздилъ изъ Колы „въ секретную экспедицію" для отысканія морского прохода въ Камчатку, мимо Гренландіи, но оба раза неудачно, вслѣдствіе льдовъ. Въ 1768 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Архангельскаго порта, въ 1770 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы,—Ревельскаго и въ 1775 г.—Кронштадтскаго. Принявъ участіе въ Турецкой войнѣ, Чичаговъ защищалъ Керченскій проливъ и получилъ Георгія 4-й ст., а по окончаніи войны произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Адмиралъ и Александровскій кавалеръ съ 1782 г., Чичаговъ въ томъ же году плавалъ съ эскадрой въ Средиземномъ морѣ, въ 1788 г. исполнялъ обязанности главнаго начальника Ревельскаго порта, а въ 1789 г. командовалъ Балтійскимъ флотомъ. Во время Шведской войны онъ сначала вызвалъ неудовольствіе Екатерины II своимъ отступленіемъ послѣ удачнаго боя при о. Эландѣ, но затѣмъ одержалъ двѣ блестящія побѣды при Ревелѣ и Выборгѣ, за что былъ награжденъ орденами св. Андрея и Георгія 1-й ст., шпагой съ алмазами, серебрянымъ сервизомъ, 3805 душами крестьянъ и дворянскимъ гербомъ. Во время этой войны Екатерина II писала Гримму: „Il faut que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: Eh bien, ils ne nous avaleront pas, pourtant". Отвѣтъ этотъ такъ понравился Екатеринѣ II, что она поручила Державину и Храповицкому составить надпись къ бюсту Чичагова, въ которую вошли бы его слова, и сама сочинила такую же надпись, которая потомъ была начертана въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на надгробномъ памятникѣ Чичагова:

„Съ тройною силою шли шведы на него,
Узнавъ, онъ рекъ: Богъ защитникъ мой!
Не проглотятъ они насъ!
Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ".

Въ 1797 г. Чичаговъ вышелъ въ отставку и скончался въ глубокой старости, ослѣпнувъ въ послѣдніе годы жизни, 4 Апрѣля 1809 года въ Петербургѣ. Погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Чичаговъ принадлежитъ къ числу выдающихся сподвижниковъ Екатерины II. Онъ никогда ни передъ кѣмъ не заискивалъ и только исполнялъ свой долгъ, умѣлъ всегда держать себя съ достоинствомъ и тактомъ и отличался большой скромностью, чѣмъ и заслужилъ уваженіе своей Монархини, писавшей о немъ Гримму: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte tout honteux de son mérite et de sa supériorité!" Voilà mon amiral tout décrit".

Долгое время живя лишь на жалованье, Чичаговъ не дѣлалъ пріемовъ и какъ можно дальше держался отъ придворной среды, являясь при дворѣ только по необходимости. Зато враги не щадили его и обвиняли въ грубости и необразованности. Сынъ Чичагова, извѣстный адмиралъ, въ своихъ запискахъ такъ изображаетъ отца: „Онъ былъ истинно честный человѣкъ, почти безпримѣрнаго безкорыстія. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, высоко цѣнилъ добродѣтель и гнушался порокомъ; трезвый и воздержанный по необходимости и врожденному вкусу, онъ со строжайшей добросовѣстностью исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу и престолу. Чуждый всякихъ происковъ, онъ ожидалъ всего отъ образа своихъ дѣйствій и отъ Божественнаго промысла, велѣніямъ котораго подчинялся самоотверженно и въ этомъ никогда не раскаивался". П. Я. Гамалѣя говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „В. Я. Чичаговъ былъ мужъ, стяжавшій отъ всѣхъ почтеніе и любовь своими заслугами, добродѣтелями, а наипаче величайшею скромностью и кротостью нрава". Чичаговъ былъ женатъ, съ 1765 г., на „вдовѣ капитана флота и дочери нѣмецкаго инженернаго офицера, переселившагося въ Россію", и имѣлъ 3 сыновей: Павла (р. 1767 г., † 1849 г., адмиралъ), Петра (р. 1770 г.) и Василія (р. 1772 г.).

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

BASILE YAKOVLEWITCH TCHITCHAGOFF, 1726—1809, d'une vieille famille noble sans fortune de Kostroma, fils de Jacob Matvéewitch Tchitchagoff, compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, naquit le 28 février 1726 (selon son fils, 1725), fit ses études à l'Ecole de Navigation fondée à Moscou par Pierre-le-Grand et alla les compléter en Angleterre. Enrôlé garde-marine en 1742, il passa enseigne en 1745, mais ne fit sa première croisière qu'en 1757 sur le Saint-Michel chargé d'une „mission secrète" dans le Sund. Il fit ensuite l'expédition sur les côtes prussiennes lors de la Guerre de Sept-Ans, puis à deux reprises, en 1765 et 1766, partit de Kola pour une „expédition secrète" à la recherche d'une route maritime pour doubler le Groënland et parvenir au Kamtchatka. Il fut chaque fois arrêté par les glaces. Commandant en chef du port d'Arkhangel en 1768, il fut promu contre-amiral en 1770, passa la même année à Révcl, et en 1775 à Cronstadt. Lors de la guerre de Turquie, sa défense du détroit de Kertch lui valut St-Georges de 4e classe; à la paix, il passa contre-amiral et devint membre du Collège des Amirautés. Amiral et chevalier de St-Alexandre en 1782, il fit la même année avec son escadre une croisière en Méditerranée, fit fonctions en 1788 de commandant en chef du port de Révcl et, en 1789, commanda la flotte de la Baltique. Lors de la guerre de Suède, il provoqua d'abord le mécontentement de Catherine II par sa retraite après la bataille malheureuse d'Aland, mais ensuite ses brillants succès sous Révcl et Viborg lui valurent St-André et St-Georges de 1re classe, une épée enrichie de diamants, un service en argenterie, 3805 têtes de paysans et un blason. „Il faut", écrivit Catherine II à Grimm à cette occasion, „que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: „Eh bien! ils ne nous avaleront pas, pourtant!" Cette réponse plut tant à l'Impératrice, qu'elle chargea Derjavine et Khrapovitzky de la faire entrer dans une inscription pour le buste de l'amiral, et elle-même en composa une qui fut ensuite gravée avec quelques modifications sur sa tombe:

„Les Suédois l'attendaient avec des forces triples.
„Il dit en l'apprenant: „Dieu me protégera.
„Ils ne nous avaleront pas!"
„Il les défit, les prit, et gagna la victoire".

Tchitchagoff prit sa retraite en 1797 et mourut à Pétersbourg dans une vieillesse avancée le 4 avril 1809, après avoir perdu la vue. Il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Ce fut un des plus éminents lieutenants de Catherine. Incapable de flagorner qui que ce fût, il ne connaissait que son devoir et sut toujours se tenir avec tact et dignité. Il était aussi d'une grande modestie, et Catherine lui en fait honneur dans une lettre à Grimm: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte, tout honteux de son mérite et de sa supériorité". Voilà mon amiral tout décrit!"

Longtemps réduit pour vivre à son seul traitement, Tchitchagoff ne donnait pas de réceptions et se tenait le plus loin possible de la Cour, où il ne paraissait qu'à son corps défendant. Ses ennemis ne manquaient pas de lui en tenir rigueur et de l'accuser de grossièreté et d'incivilité. Son fils, l'amiral connu, le dépeint ainsi dans ses Mémoires: „C'était un parfait honnête homme, d'un désintéressement presque sans exemple. Pieux sans superstition, il faisait grand cas de la vertu et avait horreur du vice; tempérant et abstinent par nécessité et par goût, il apportait la plus scrupuleuse rigueur à ses devoirs envers son Dieu et sa Souveraine. Etranger à toute espèce d'intrigues, il n'attendait rien que de ses œuvres et de la Divine Providence, aux décrets de laquelle il se soumit toujours avec abnégation sans avoir jamais à s'en repentir". Tchitchagoff, dit P. Gamaléïa dans ses Mémoires, „se concilia l'estime et l'affection générales par ses mérites, ses vertus, et surtout par une modestie et une douceur extrêmes". Tchitchagoff avait épousé en 1765 „la veuve d'un capitaine de la flotte, fille d'un officier du génie allemand fixé en Russie"; il eut trois fils, Paul (1767—1849), amiral, Pierre (né 1770) et Basile (né 1772).

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

BASILE YAKOVLEWITCH TCHITCHAGOFF, 1726—1809, d'une vieille famille noble sans fortune de Kostroma, fils de Jacob Matvéewitch Tchitchagoff, compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, naquit le 28 février 1726 (selon son fils, 1725), fit ses études à l'Ecole de Navigation fondée à Moscou par Pierre-le-Grand et alla les compléter en Angleterre. Enrôlé garde-marine en 1742, il passa enseigne en 1745, mais ne fit sa première croisière qu'en 1757 sur le Saint-Michel chargé d'une „mission secrète" dans le Sund. Il fit ensuite l'expédition sur les côtes prussiennes lors de la Guerre de Sept-Ans, puis à deux reprises, en 1765 et 1766, partit de Kola pour une „expédition secrète" à la recherche d'une route maritime pour doubler le Groënland et parvenir au Kamtchatka. Il fut chaque fois arrêté par les glaces. Commandant en chef du port d'Arkhangel en 1768, il fut promu contre-amiral en 1770, passa la même année à Révél, et en 1775 à Cronstadt. Lors de la guerre de Turquie, sa défense du détroit de Kertch lui valut St-Georges de 4e classe; à la paix, il passa contre-amiral et devint membre du Collège des Amirautés. Amiral et chevalier de St-Alexandre en 1782, il fit la même année avec son escadre une croisière en Méditerranée, fit fonctions en 1788 de commandant en chef du port de Révél et, en 1789, commanda la flotte de la Baltique. Lors de la guerre de Suède, il provoqua d'abord le mécontentement de Catherine II par sa retraite après la bataille malheureuse d'Aland, mais ensuite ses brillants succès sous Révél et Viborg lui valurent St-André et St-Georges de 1re classe, une épée enrichie de diamants, un service en argenterie, 3805 têtes de paysans et un blason. „Il faut", écrivit Catherine II à Grimm à cette occasion, „que je vous dise un mot caractéristique de l'amiral Tchitchagoff. Lorsqu'on lui dit que les Suédois venaient à lui avec 28 vaisseaux de guerre, tandis qu'il n'en avait que dix et une frégate, il répondit: „Eh bien! ils ne nous avaleront pas, pourtant!" Cette réponse plut tant à l'Impératrice, qu'elle chargea Derjavine et Khrapovitzky de la faire entrer dans une inscription pour le buste de l'amiral, et elle-même en composa une qui fut ensuite gravée avec quelques modifications sur sa tombe:

„Les Suédois l'attendaient avec des forces triples.
„Il dit en l'apprenant: „Dieu me protégera.
„Ils ne nous avaleront pas!"
„Il les défit, les prit, et gagna la victoire".

Tchitchagoff prit sa retraite en 1797 et mourut à Pétersbourg dans une vieillesse avancée le 4 avril 1809, après avoir perdu la vue. Il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Ce fut un des plus éminents lieutenants de Catherine. Incapable de flagorner qui que ce fût, il ne connaissait que son devoir et sut toujours se tenir avec tact et dignité. Il était aussi d'une grande modestie, et Catherine lui en fait honneur dans une lettre à Grimm: „Je ne puis voir l'amiral Tchitchagoff sans me souvenir du mot du prince de Ligne sur le maréchal Laudon, à qui quelqu'un demandait par où il le reconnaîtrait: „Allez", dit-il, „vous le trouverez derrière la porte, tout honteux de son mérite et de sa supériorité". Voilà mon amiral tout décrit!"

Longtemps réduit pour vivre à son seul traitement, Tchitchagoff ne donnait pas de réceptions et se tenait le plus loin possible de la Cour, où il ne paraissait qu'à son corps défendant. Ses ennemis ne manquaient pas de lui en tenir rigueur et de l'accuser de grossièreté et d'incivilité. Son fils, l'amiral connu, le dépeint ainsi dans ses Mémoires: „C'était un parfait honnête homme, d'un désintéressement presque sans exemple. Pieux sans superstition, il faisait grand cas de la vertu et avait horreur du vice; tempérant et abstinent par nécessité et par goût, il apportait la plus scrupuleuse rigueur à ses devoirs envers son Dieu et sa Souveraine. Etranger à toute espèce d'intrigues, il n'attendait rien que de ses œuvres et de la Divine Providence, aux décrets de laquelle il se soumit toujours avec abnégation sans avoir jamais à s'en repentir". Tchitchagoff, dit P. Gamaléïa dans ses Mémoires, „se concilia l'estime et l'affection générales par ses mérites, ses vertus, et surtout par une modestie et une douceur extrêmes". Tchitchagoff avait épousé en 1765 „la veuve d'un capitaine de la flotte, fille d'un officier du génie allemand fixé en Russie"; il eut trois fils, Paul (1767—1849), amiral, Pierre (né 1770) et Basile (né 1772).

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

107

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ СПИРИДОВЪ, 1713—1790, сынъ комендапта въ Выборгѣ при Петрѣ I, майора Андрея Алексѣевича, отъ брака съ Анной Васильевной Коротневой, родился 18 Января 1713 года. Поступивъ на 16 году въ гардемарины, онъ былъ отправленъ въ Астрахань, откуда плавалъ въ Персію, а переведенный затѣмъ въ Кронштадтъ, совершилъ плаваніе въ Любекъ. Въ 1732 г. Спиридовъ былъ произведенъ въ мичманы, въ 1737 г. назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Бредалю, въ 1740 г. участвовалъ въ Азовской экспедиціи, а въ 1742 г., уже въ чинѣ лейтенанта, плавалъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ 1749 г. ему было повелѣно присутствовать въ Московской Адмиралтействъ-конторѣ, въ 1750 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Императорскихъ яхтъ и въ 1754 г., въ чинѣ капитана 3 ранга, ротнымъ командиромъ въ Морской кадетскій корпусъ. Во время Семилѣтней войны Спиридовъ принялъ участіе въ 1760 и 1761 гг. въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи, командовалъ десантнымъ отрядомъ и въ 1762 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы, назначенъ командиромъ дѣйствующей эскадры.

Вице-адмиралъ съ 1764 г., Спиридовъ былъ главнымъ командиромъ сначала Ревельскаго порта, а потомъ Кронштадтскаго и начальникомъ „обшивного флота". Екатерина II при посѣщеніи этого флота собственноручно возложила на его начальника знаки ордена св. Александра Невскаго. Лѣтомъ 1769 г. Спиридовъ, по случаю войны съ Турціей, былъ отправленъ въ Средиземное море и 22 Сентября того же года былъ произведенъ въ адмиралы. Въ началѣ 1770 года его эскадра была уже у береговъ Мореи и вызвала возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества. Несогласія между Спиридовымъ и адмиралами Грейгомъ и Эльфинстономъ заставили графа А. Г. Орлова принять на себя главное начальство надъ флотомъ, и 26 Іюня 1770 года русскій флотъ одержалъ блистательную побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Чесмѣ. Спиридовъ былъ награжденъ за Чесму орденомъ св. Андрея Первозваннаго и 1060 душами крестьянъ. Въ 1773 году погибъ со всѣмъ экипажемъ одинъ изъ кораблей эскадры Спиридова („Азія"), послѣ чего онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы „за слабостью и болѣзнями", и 26 Ноября 1774 г. былъ уволенъ. По семейному преданію, Спиридовъ вышелъ въ отставку, не довольный тѣмъ, что главная честь побѣды при Чесмѣ приписана была Орлову. Скончался онъ въ Москвѣ 8 Апрѣля 1790 г. и погребенъ въ с. Нагорьѣ, Переславскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Г. А. Спиридовъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, соединялъ великодушіе и опытность съ храбростью. Академія Художествъ обязана ему многими обломками мраморныхъ античныхъ статуй и барельефовъ, присланныхъ имъ съ острововъ Архипелага. Спиридовъ былъ женатъ на Аннѣ Матвѣевнѣ Нестеровой (р. 1731 г.) и имѣлъ 4 сыновей и 2 дочерей: Андрея (р. 1750 г., † 1770 г.; адъютантъ отца), Матвѣя (р. 1751 г., † 1829 г.; сенаторъ, извѣстный генеалогъ), Алексѣя (р. 1753 г., † 1828 г.; адмиралъ), Григорія (р. 1758 г., † 1822 г.; бригадиръ), Дарью (р. 1761 г., † 1805 г.) и Александру, за генералъ-лейтенантомъ Густавомъ Христіановичемъ Циммерманомъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Яропольцъ, Московской губерніи.)

107

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ СПИРИДОВЪ, 1713—1790, сынъ коменданта въ Выборгѣ при Петрѣ I, майора Андрея Алексѣевича, отъ брака съ Анной Васильевной Коротневой, родился 18 Января 1713 года. Поступивъ на 16 году въ гардемарины, онъ былъ отправленъ въ Астрахань, откуда плавалъ въ Персію, а переведенный затѣмъ въ Кронштадтъ, совершилъ плаваніе въ Любекъ. Въ 1732 г. Спиридовъ былъ произведенъ въ мичманы, въ 1737 г. назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Бредалю, въ 1740 г. участвовалъ въ Азовской экспедиціи, а въ 1742 г., уже въ чинѣ лейтенанта, плавалъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ 1749 г. ему было повелѣно присутствовать въ Московской Адмиралтействъ-конторѣ, въ 1750 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Императорскихъ яхтъ и въ 1754 г., въ чинѣ капитана 3 ранга, ротнымъ командиромъ въ Морской кадетскій корпусъ. Во время Семилѣтней войны Спиридовъ принялъ участіе въ 1760 и 1761 гг. въ экспедиціи къ берегамъ Пруссіи, командовалъ десантнымъ отрядомъ и въ 1762 г., по производствѣ въ контръ-адмиралы, назначенъ командиромъ дѣйствующей эскадры.

Вице-адмиралъ съ 1764 г., Спиридовъ былъ главнымъ командиромъ сначала Ревельскаго порта, а потомъ Кронштадтскаго и начальникомъ „обшивного флота". Екатерина II при посѣщеніи этого флота собственноручно возложила на его начальника знаки ордена св. Александра Невскаго. Лѣтомъ 1769 г. Спиридовъ, по случаю войны съ Турціей, былъ отправленъ въ Средиземное море и 22 Сентября того же года былъ произведенъ въ адмиралы. Въ началѣ 1770 года его эскадра была уже у береговъ Мореи и вызвала возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества. Несогласія между Спиридовымъ и адмиралами Грейгомъ и Эльфинстономъ заставили графа А. Г. Орлова принять на себя главное начальство надъ флотомъ, и 26 Іюня 1770 года русскій флотъ одержалъ блистательную побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Чесмѣ. Спиридовъ былъ награжденъ за Чесму орденомъ св. Андрея Первозваннаго и 1060 душами крестьянъ. Въ 1773 году погибъ со всѣмъ экипажемъ одинъ изъ кораблей эскадры Спиридова („Азія"), послѣ чего онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы „за слабостью и болѣзнями", и 26 Ноября 1774 г. былъ уволенъ. По семейному преданію, Спиридовъ вышелъ въ отставку, не довольный тѣмъ, что главная честь побѣды при Чесмѣ приписана была Орлову. Скончался онъ въ Москвѣ 8 Апрѣля 1790 г. и погребенъ въ с. Нагорьѣ, Переславскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Г. А. Спиридовъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, соединялъ великодушіе и опытность съ храбростью. Академія Художествъ обязана ему многими обломками мраморныхъ античныхъ статуй и барельефовъ, присланныхъ имъ съ острововъ Архипелага. Спиридовъ былъ женатъ на Аннѣ Матвѣевнѣ Нестеровой (р. 1731 г.) и имѣлъ 4 сыновей и 2 дочерей: Андрея (р. 1750 г., † 1770 г.; адъютантъ отца), Матвѣя (р. 1751 г., † 1829 г.; сенаторъ, извѣстный генеалогъ), Алексѣя (р. 1753 г., † 1828 г.; адмиралъ), Григорія (р. 1758 г., † 1822 г.; бригадиръ), Дарью (р. 1761 г., † 1805 г.) и Александру, за генералъ-лейтенантомъ Густавомъ Христіановичемъ Циммерманомъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу И. Н. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губерніи.)

107

GRÉGOIRE ANDRÉEWITCH SPIRIDOFF, 1713—1790, fils du major André Alexéewitch Spiridoff, commandant de Viborg sous Pierre-le-Grand, et d'Anne Vassiliewna, née Korotneff, naquit le 18 janvier 1713. Garde-marine à 16 ans à peine, il fut envoyé à Astrakhan, d'où il fit une croisière en Perse, puis passa à Kronstadt, d'où il en fit une à Lubeck. Enseigne en 1732, il devint en 1737 aide de camp de l'amiral Bredal, prit part à l'expédition d'Azoff, et, en 1742, alors lieutenant, fit une croisière dans l'Océan Glacial. Membre du Bureau des Amirautés, à Moscou, en 1749, il fut nommé l'année suivante commandant des yachts Impériaux, puis, en 1754, alors capitaine de 3e rang, commandant de compagnie à l'Ecole Navale. Lors de la Guerre de Sept-Ans, il fit en 1760 et 1761 l'expédition des côtes de Prusse, commanda le corps de descente et, en 1762, fut promu contre-amiral et nommé commandant de l'escadre d'opérations.

Vice-amiral en 1764, il fut successivement commandant en chef des ports de Révcl et de Kronstadt et chef de „l'escadre de protection", à la revue de laquelle Catherine II le revêtit de sa propre main des insignes de l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'été de 1769, lorsqu'éclata la guerre avec la Turquie, il fut envoyé dans la Méditerranée et fait amiral le 22 septembre suivant. Au début de 1770, il était sur les côtes de Morée, où la présence de son escadre provoqua le soulèvement des Grecs contre la domination turque. A la suite de ses dissentiments avec les amiraux Greig et Elphinstone, le comte Alexis Orloff dut prendre le commandement, et, le 26 juin 1770, la flotte russe remportait sur les Turcs la brillante victoire de Tchesmé, qui valut à Spiridoff l'ordre de St-André et 1060 têtes de paysans. A la suite de la perte corps et biens d'un vaisseau de son escadre, Asie, en 1773, il allégua des raisons de santé pour donner sa démission, qui fut acceptée le 26 novembre 1774. Une tradition de famille l'attribua au dépit d'avoir vu revenir à Orloff tout l'honneur de Tchesmé. Spiridoff mourut à Moscou le 8 avril 1790, et fut inhumé au bourg de Nagorié, district de Péréslavl, gouvernement de Vladimir.

Spiridoff unissait, dit Bantych-Kamensky, la grandeur d'âme et l'expérience à la bravoure. L'Académie des Beaux-Arts lui doit de nombreux débris d'antiques, statues et bas-reliefs de marbre, envoyés des îles de l'Archipel. Il avait épousé Anne Matvéewna Nestéroff (née 1731), dont il eut quatre fils et deux filles, André (1750—1770), aide de camp de son père, Mathieu (1751—1829), sénateur, connu comme généalogiste, Alexis (1753—1828), amiral, Grégoire (1758—1822), brigadier, Daria (1761—1805) et Alexandrine, mariée au général lieutenant Gustave Zimmermann.

(D'après un original ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

107

GRÉGOIRE ANDRÉEWITCH SPIRIDOFF, 1713—1790, fils du major André Alexéewitch Spiridoff, commandant de Viborg sous Pierre-le-Grand, et d'Anne Vassiliewna, née Korotneff, naquit le 18 janvier 1713. Garde-marine à 16 ans à peine, il fut envoyé à Astrakhan, d'où il fit une croisière en Perse, puis passa à Kronstadt, d'où il en fit une à Lubeck. Enseigne en 1732, il devint en 1737 aide de camp de l'amiral Bredal, prit part à l'expédition d'Azoff, et, en 1742, alors lieutenant, fit une croisière dans l'Océan Glacial. Membre du Bureau des Amirautés, à Moscou, en 1749, il fut nommé l'année suivante commandant des yachts Impériaux, puis, en 1754, alors capitaine de 3e rang, commandant de compagnie à l'Ecole Navale. Lors de la Guerre de Sept-Ans, il fit en 1760 et 1761 l'expédition des côtes de Prusse, commanda le corps de descente et, en 1762, fut promu contre-amiral et nommé commandant de l'escadre d'opérations.

Vice-amiral en 1764, il fut successivement commandant en chef des ports de Rével et de Kronstadt et chef de „l'escadre de protection", à la revue de laquelle Catherine II le revêtit de sa propre main des insignes de l'ordre de St-Alexandre Newsky. A l'été de 1769, lorsqu'éclata la guerre avec la Turquie, il fut envoyé dans la Méditerranée et fait amiral le 22 septembre suivant. Au début de 1770, il était sur les côtes de Morée, où la présence de son escadre provoqua le soulèvement des Grecs contre la domination turque. A la suite de ses dissentiments avec les amiraux Greig et Elphinstone, le comte Alexis Orloff dut prendre le commandement, et, le 26 juin 1770, la flotte russe remportait sur les Turcs la brillante victoire de Tchesmé, qui valut à Spiridoff l'ordre de St-André et 1060 têtes de paysans. A la suite de la perte corps et biens d'un vaisseau de son escadre, Asie, en 1773, il allégua des raisons de santé pour donner sa démission, qui fut acceptée le 26 novembre 1774. Une tradition de famille l'attribua au dépit d'avoir vu revenir à Orloff tout l'honneur de Tchesmé. Spiridoff mourut à Moscou le 8 avril 1790, et fut inhumé au bourg de Nagorié, district de Péréslavl, gouvernement de Vladimir.

Spiridoff unissait, dit Bantych-Kamensky, la grandeur d'âme et l'expérience à la bravoure. L'Académie des Beaux-Arts lui doit de nombreux débris d'antiques, statues et bas-reliefs de marbre, envoyés des îles de l'Archipel. Il avait épousé Anne Matvéewna Nestéroff (née 1731), dont il eut quatre fils et deux filles, André (1750—1770), aide de camp de son père, Mathieu (1751—1829), sénateur, connu comme généalogiste, Alexis (1753—1828), amiral, Grégoire (1758—1822), brigadier, Daria (1761—1805) et Alexandrine, mariée au général lieutenant Gustave Zimmermann.

(D'après un original ayant appartenu au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ, 1701—1777, сынъ дворянина Московскаго Ивана Тимоѳеевича, отъ брака съ Авдотьей Степановной Ушаковой, родился въ с. Мелковичахъ, Новгородскаго уѣзда, 26 Января 1701 года, черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего отца, убитаго подъ Нарвой. Послѣ обученія „цыфирной наукѣ“, Мордвиновъ, въ 1716 г., былъ зачисленъ во флотъ гардемариномъ, а въ 1717 г. поступилъ для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ во французскій флотъ, гдѣ дослужился до чина „ансентъ де весо“ (enseigne de vaisseau). Отпущенный въ 1722 г. въ Россію, онъ началъ службу въ русскомъ флотѣ, командовалъ различными кораблями, былъ членомъ Коммиссаріатской Экспедиціи и Коммиссіи „о разсмотрѣніи законовъ (морскихъ)“. Мордвиновъ участвовалъ въ Шведской и Семилѣтней войнахъ и, произведенный 5 Мая 1757 г. въ контръ-адмиралы, въ 1761 г. былъ назначенъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи. При Петрѣ III Мордвинову „былъ порученъ весь флотъ и Коллегія съ Адмиралтействомъ“. Награжденный Петромъ III чиномъ вице-адмирала и орденомъ Анны 1 ст., Мордвиновъ явился дѣятельнымъ пособникомъ Екатерины и получилъ отъ нея 1 Іюля 1762 г. орденъ Александра Невскаго за то, что, будучи 28 Іюня посланъ съ адмираломъ Талызинымъ въ Кронштадтъ, „въ тотъ же день всѣ команды къ присягѣ привели“. Въ первые годы царствованія Екатерины, Мордвиновъ, пожалованный 4 Мая 1764 г. въ адмиралы, пользовался большимъ вліяніемъ въ морскомъ вѣдомствѣ, будучи старѣйшимъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи и предсѣдателемъ Коммиссіи „для приведенія флотовъ въ безопасное и для чести Имперіи сходственное положеніе“. Обиженный назначеніемъ въ вице-президенты Коллегіи несвѣдущаго въ морскомъ дѣлѣ графа И. Г. Чернышева, Мордвиновъ съ 1769 года отстранился отъ дѣлъ, а все учащавшіеся припадки каменной болѣзни заставили его 13 Марта 1777 года испросить полную отставку. Мордвиновъ послѣ этого прожилъ только около двухъ недѣль. Онъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ перваго брака съ Ѳеодосіей Саввичной Муравьевой Мордвиновъ имѣлъ 2 дѣтей, умершихъ во младенчествѣ; отъ второго (въ 1752 г.) брака съ Наталіей Ивановной Еремѣевой (р. 1733 г., † 1795 г.), въ теченіе 15 лѣтъ родилось 13 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остались въ живыхъ сыновья: Александръ, Николай, извѣстный адмиралъ, Петръ, Сергѣй и Евграфъ, и дочери: Елизавета, Екатерина и Анна.

С. И. Мордвиновъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей стараго служилаго дворянства. Дѣдъ его былъ убитъ въ Крымскомъ походѣ, отецъ—подъ Нарвой; самъ онъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ представленъ „къ разбору“ передъ грозныя очи Преобразователя и, будучи единственнымъ сыномъ у матери вдовы, многіе годы, по старинному выраженію, „мучилъ животъ свой“ на чужой сторонѣ, въ большихъ плаваніяхъ и командировкахъ, переносившихъ его изъ Франціи на Каму и изъ Архангельска на Каспійское море. Но онъ служилъ не за страхъ, а за совѣсть, не роптал на Преобразователя, но видѣлъ въ немъ „великаго, премудраго и безпримѣрнаго отца отечества“. Мордвиновъ былъ полезенъ, какъ организаторъ флота, составлялъ регламенты и сигнальныя книги, издавалъ руководства по морскимъ наукамъ. Послѣ Мордвинова остались „Записки“, написанныя въ духѣ и тономъ безхитростнаго лѣтописца. Мордвиновъ былъ хорошій служака Петровскаго закала, не порывавшій связей съ дореформенной богомольной и скопидомной стариной, но едва ли можно признать вполнѣ справедливой надпись къ его портрету, гласящую:

„Служилъ отечеству, Петру, Екатеринѣ.
Былъ воинъ на войнѣ, въ совѣтѣ мудрый мужъ.
Россія чтила въ семъ героѣ-гражданинѣ
Священный даръ небесъ, примѣръ великихъ думъ!“

(Съ портрета, принадлежавшаго Д. С. Ѳедорову, въ С.-Петербургѣ.)

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ, 1701—1777, сынъ дворянина Московскаго Ивана Тимоѳеевича, отъ брака съ Авдотьей Степановной Ушаковой, родился въ с. Мелковичахъ, Новгородскаго уѣзда, 26 Января 1701 года, черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего отца, убитаго подъ Нарвой. Послѣ обученія „цыѳирной наукѣ“, Мордвиновъ, въ 1716 г., былъ зачисленъ во ѳлотъ гардемариномъ, а въ 1717 г. поступилъ для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ во ѳранцузскій ѳлотъ, гдѣ дослужился до чина „ансентъ де весо“ (enseigne de vaisseau). Отпущенный въ 1722 г. въ Россію, онъ началъ службу въ русскомъ ѳлотѣ, командовалъ различными кораблями, былъ членомъ Коммиссаріатской Экспедиціи и Коммиссіи „о разсмотрѣніи законовъ (морскихъ)“. Мордвиновъ участвовалъ въ Шведской и Семилѣтней войнахъ и, произведенный 5 Мая 1757 г. въ контръ-адмиралы, въ 1761 г. былъ назначенъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи. При Петрѣ III Мордвинову „былъ порученъ весь ѳлотъ и Коллегія съ Адмиралтействомъ“. Награжденный Петромъ III чиномъ вице-адмирала и орденомъ Анны 1 ст., Мордвиновъ явился дѣятельнымъ пособникомъ Екатерины и получилъ отъ нея 1 Іюля 1762 г. орденъ Александра Невскаго за то, что, будучи 28 Іюня посланъ съ адмираломъ Талызинымъ въ Кронштадтъ, „въ тотъ же день всѣ команды къ присягѣ привели“. Въ первые годы царствованія Екатерины, Мордвиновъ, пожалованный 4 Мая 1764 г. въ адмиралы, пользовался большимъ вліяніемъ въ морскомъ вѣдомствѣ, будучи старѣйшимъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи и предсѣдателемъ Коммиссіи „для приведенія ѳлотовъ въ безопасное и для чести Имперіи сходственное положеніе“. Обиженный назначеніемъ въ вице-президенты Коллегіи несвѣдущаго въ морскомъ дѣлѣ графа И. Г. Чернышева, Мордвиновъ съ 1769 года отстранился отъ дѣлъ, а все учащавшіеся припадки каменной болѣзни заставили его 13 Марта 1777 года испросить полную отставку. Мордвиновъ послѣ этого прожилъ только около двухъ недѣль. Онъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ перваго брака съ Ѳеодосіей Саввичной Муравьевой Мордвиновъ имѣлъ 2 дѣтей, умершихъ во младенчествѣ; отъ второго (въ 1752 г.) брака съ Наталіей Ивановной Еремѣевой (р. 1733 г., † 1795 г.), въ теченіе 15 лѣтъ родилось 13 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остались въ живыхъ сыновья: Александръ, Николай, извѣстный адмиралъ, Петръ, Сергѣй и Евграѳъ, и дочери: Елизавета, Екатерина и Анна.

С. И. Мордвиновъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей стараго служилаго дворянства. Дѣдъ его былъ убитъ въ Крымскомъ походѣ, отецъ—подъ Нарвой; самъ онъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ представленъ „къ разбору“ передъ грозныя очи Преобразователя и, будучи единственнымъ сыномъ у матери вдовы, многіе годы, по старинному выраженію, „мучилъ животъ свой“ на чужой сторонѣ, въ большихъ плаваніяхъ и командировкахъ, переносившихъ его изъ Франціи на Каму и изъ Архангельска на Каспійское море. Но онъ служилъ не за страхъ, а за совѣсть, не роптала на Преобразователя, но видѣлъ въ немъ „великаго, премудраго и безпримѣрнаго отца отечества“. Мордвиновъ былъ полезенъ, какъ организаторъ ѳлота, составлялъ регламенты и сигнальныя книги, издавалъ руководства по морскимъ наукамъ. Послѣ Мордвинова остались „Записки“, написанныя въ духѣ и тономъ безхитростнаго лѣтописца. Мордвиновъ былъ хорошій служака Петровскаго закала, не порывавшій связей съ дореформенной богомольной и скопидомной стариной, но едва ли можно признать вполнѣ справедливой надпись къ его портрету, гласящую:

„Служилъ отечеству, Петру, Екатеринѣ.
Былъ воинъ на войнѣ, въ совѣтѣ мудрый мужъ.
Россія чтила въ семъ героѣ-гражданинѣ
Священный даръ небесъ, примѣръ великихъ думъ!“

(Съ портрета, принадлежавшаго Д. С. Ѳедорову, въ С.-Петербургѣ.)

SIMON IVANOWITCH MORDVINOFF, 1701—1777, fils d'Ivan Timoféewitch Mordvinoff, noble de Moscou, et d'Eudoxie Stépanowna, née Ouchakoff, naquit au bourg de Melkovitchi, district de Novgorod, le 26 janvier 1701, deux mois après la mort de son père, tué à Narva. Il fit d'abord un peu de mathématiques, fut enrôlé en 1716 garde-marine, et, pour se perfectionner dans l'art naval, prit l'année suivante du service dans la flotte française, où il parvint au grade d'enseigne de vaisseau. A son retour en Russie en 1722, il entra dans la marine, commanda divers vaisseaux, fut membre de l'Expédition du Commissariat et de la Commission „d'examen des lois" (de la marine). Il fit la campagne de Suède et la Guerre de Sept-Ans, et, contre-amiral le 5 mai 1757, fut nommé en 1761 membre de Collège de l'Amirauté. Il „fut chargé de toute la flotte et du Collège avec l'Amirauté", sous le règne de Pierre III, qui le fit vice-amiral et le décora de Ste-Anne de 1re classe. Il n'en prêta pas moins un concours efficace à Catherine, qui lui conféra St-Alexandre Newsky le 1er juillet 1762, pour avoir, à Cronstadt, où elle l'avait envoyé le 28 juin avec Talyzine, „fait prêter serment le jour même à tous les équipages". Amiral le 4 mai 1764, doyen du Collège de l'Amirauté et président de la Commission „d'entretien des flottes dans un état convenable pour la sûreté et la dignité de l'Empire", son autorité à la marine fut grande dans les premières années du règne de Catherine II. Lors de la nomination à la vice-présidence du Collège, en 1769, d'un étranger à la marine, le comte I. Tchernycheff, Mordvinoff, froissé, se retira, et des attaques répétées de gravelle lui firent donner sa démission le 13 mars 1777. Il mourut au bout d'une quinzaine de jours, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Théodosie Savvichna Mouravieff, dont il eut deux enfants, morts en bas âge, et, en secondes noces, en 1752, Natalie Ivanowna Eréméeff (1735—1795), qui lui donna treize enfants en quinze ans; vécurent seuls Alexandre, Nicolas (l'amiral connu), Pierre, Serge et Eugraphe, Elisabeth, Catherine et Anne.

Mordvinoff fut un des derniers représentants de la vieille noblesse en place. Son grand-père avait péri dans la campagne de Crimée, son père à Narva; lui-même, alors âgé de 15 ans, eut à comparaître sous l'œil terrible du Réformateur, pour recevoir son affectation, et sa mère, veuve et n'ayant que lui, dut l'envoyer de longues années en terre étrangère, manger le pain amer de l'exil, en des croisières et missions au long cours qui le ballottèrent de la France aux rives de la Kama, d'Arkhangel à la mer Caspienne. Il avait le désintéressement et l'abnégation de ne pas murmurer contre le Réformateur, à ses yeux „père de la patrie, d'une grandeur et d'une sagesse sans précédentes". Il fit beaucoup pour l'organisation de la flotte, institua des règlements et des codes de signaux, publia des manuels d'art naval. Il a laissé des Mémoires dont l'esprit et la forme sont ceux d'une naïve chronique. De la trempe des bons vieux serviteurs de l'époque de Pierre-le-Grand, qui ne méconnurent jamais la foi profonde et l'esprit d'économie du temps jadis, il n'était pourtant guère l'homme du quatrain tracé sur son portrait:

„Il servit la Patrie, et Pierre et Catherine,
„Fut guerrier à la guerre, au conseil homme sage.
„Ce citoyen-héros, la Russie le révère,
„Comme un saint don du Ciel, modèle des grands cœurs".

(D'après un original ayant appartenu à D. Fédoroff, St-Pétersbourg.)

108

SIMON IVANOWITCH MORDVINOFF, 1701—1777, fils d'Ivan Timoféewitch Mordvinoff, noble de Moscou, et d'Eudoxie Stépanowna, née Ouchakoff, naquit au bourg de Melkovitchi, district de Novgorod, le 26 janvier 1701, deux mois après la mort de son père, tué à Narva. Il fit d'abord un peu de mathématiques, fut enrôlé en 1716 garde-marine, et, pour se perfectionner dans l'art naval, prit l'année suivante du service dans la flotte française, où il parvint au grade d'enseigne de vaisseau. A son retour en Russie en 1722, il entra dans la marine, commanda divers vaisseaux, fut membre de l'Expédition du Commissariat et de la Commission „d'examen des lois" (de la marine). Il fit la campagne de Suède et la Guerre de Sept-Ans, et, contre-amiral le 5 mai 1757, fut nommé en 1761 membre de Collège de l'Amirauté. Il „fut chargé de toute la flotte et du Collège avec l'Amirauté", sous le règne de Pierre III, qui le fit vice-amiral et le décora de Ste-Anne de 1re classe. Il n'en prêta pas moins un concours efficace à Catherine, qui lui conféra St-Alexandre Newsky le 1er juillet 1762, pour avoir, à Cronstadt, où elle l'avait envoyé le 28 juin avec Talyzine, „fait prêter serment le jour même à tous les équipages". Amiral le 4 mai 1764, doyen du Collège de l'Amirauté et président de la Commission „d'entretien des flottes dans un état convenable pour la sûreté et la dignité de l'Empire", son autorité à la marine fut grande dans les premières années du règne de Catherine II. Lors de la nomination à la vice-présidence du Collège, en 1769, d'un étranger à la marine, le comte I. Tchernycheff, Mordvinoff, froissé, se retira, et des attaques répétées de gravelle lui firent donner sa démission le 13 mars 1777. Il mourut au bout d'une quinzaine de jours, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Théodosie Savvichna Mouravieff, dont il eut deux enfants, morts en bas âge, et, en secondes noces, en 1752, Natalie Ivanowna Eréméeff (1735—1795), qui lui donna treize enfants en quinze ans; vécurent seuls Alexandre, Nicolas (l'amiral connu), Pierre, Serge et Eugraphe, Elisabeth, Catherine et Anne.

Mordvinoff fut un des derniers représentants de la vieille noblesse en place. Son grand-père avait péri dans la campagne de Crimée, son père à Narva; lui-même, alors âgé de 15 ans, eut à comparaître sous l'œil terrible du Réformateur, pour recevoir son affectation, et sa mère, veuve et n'ayant que lui, dut l'envoyer de longues années en terre étrangère, manger le pain amer de l'exil, en des croisières et missions au long cours qui le ballottèrent de la France aux rives de la Kama, d'Arkhangel à la mer Caspienne. Il avait le désintéressement et l'abnégation de ne pas murmurer contre le Réformateur, à ses yeux „père de la patrie, d'une grandeur et d'une sagesse sans précédentes". Il fit beaucoup pour l'organisation de la flotte, institua des règlements et des codes de signaux, publia des manuels d'art naval. Il a laissé des Mémoires dont l'esprit et la forme sont ceux d'une naïve chronique. De la trempe des bons vieux serviteurs de l'époque de Pierre-le-Grand, qui ne méconnurent jamais la foi profonde et l'esprit d'économie du temps jadis, il n'était pourtant guère l'homme du quatrain tracé sur son portrait:

„Il servit la Patrie, et Pierre et Catherine,
„Fut guerrier à la guerre, au conseil homme sage.
„Ce citoyen-héros, la Russie le révère,
„Comme un saint don du Ciel, modèle des grands cœurs".

(D'après un original ayant appartenu à D. Fédoroff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КРУЗЪ, 1731—1799, сынъ датчанина, капитанъ-лейтенанта русскаго флота Ивана Егоровича фонъ-Круза, родился 26 Октября 1731 г.; А. И. фонъ-Крузъ былъ усыновленъ и воспитанъ извѣстнымъ адмираломъ Джемсомъ Кеннеди, который бралъ его съ собой въ морскія плаванія. Въ 1747 г. изъ-за плохого знанія русскаго языка онъ не былъ принятъ въ русскій флотъ; тогда Кеннеди отправилъ Круза доканчивать морское воспитаніе въ Англію, по возвращеніи откуда въ 1753 г. Крузъ былъ принятъ на русскую службу унтеръ-лейтенантомъ „по контракту на 2 года". Въ 1758 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и командовалъ придворными яхтами, въ 1760 и 1761 гг. участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и былъ раненъ. Въ эскадрѣ адмирала Спиридова, командуя кораблемъ „Св. Евстафій", Крузъ участвовалъ въ знаменитомъ Чесменскомъ бою, 24 Іюня 1770 г., и здѣсь сцѣпился на абордажъ съ турецкимъ флагманскимъ кораблемъ. Скоро оба корабля взлетѣли на воздухъ, при чемъ спаслись немногіе; самъ Крузъ упалъ среди обломковъ корабля въ воду и былъ спасенъ. При этомъ съ нимъ случилось происшествіе, оставившее слѣдъ на всю жизнь. Когда онъ, держась за мачту, плавалъ недалеко отъ шлюпки съ его же корабля, онъ, вмѣсто помощи, сначала получилъ ударъ весломъ по головѣ: матросы, доведенные до озлобленія чрезмѣрной строгостью Круза, хотѣли съ нимъ теперь посчитаться; однако, одинъ матросъ вступился за своего командира, и Крузъ былъ все-таки вытащенъ въ шлюпку. Онъ обѣщалъ матросамъ не помнить ихъ поступка и не только всегда покровительствовалъ своимъ спасителямъ, но и вообще послѣ этого перемѣнилъ свое обращеніе съ подчиненными и заслужилъ всеобщую любовь. Назначенный послѣ Чесменскаго сраженія командиромъ взятаго въ плѣнъ турецкаго корабля „Родосъ", Крузъ повелъ его въ Россію, но на пути корабль былъ разбитъ около мыса Матапана, а часть команды погибла. Въ 1771 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. „за сожженіе главнаго непріятельскаго корабля" при Чесмѣ. Въ 1773 г. Крузъ былъ посланъ съ эскадрой въ Любекъ за принцессой Вильгельминой Гессенъ-Дармштадтской, невѣстой Великаго Князя Павла Петровича.

Проплававъ по Черному и Азовскому морямъ, съ 1777 по 1779 г., въ качествѣ помощника главнаго начальника тамъ контръ-адмирала Клокачева, Крузъ 1 Января 1779 г. самъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, переведенъ въ Петербургъ и тутъ получилъ командованіе эскадрами, крейсеровавшими съ цѣлью надзора за соблюденіемъ условій „Вооруженнаго Нейтралитета". Въ 1783 г. Крузъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ 1785 г. получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Особенную извѣстность получилъ А. И. Крузъ за сраженіе около Красной Горки, 23 Мая 1790 г., гдѣ шведы, бывшіе въ гораздо большихъ силахъ, были побѣждены. Императрица только передъ тѣмъ просила Круза не подпускать непріятеля къ Кронштадту и теперь щедро наградила побѣдителя, давшаго слово, что „шведы не пройдутъ иначе, какъ развѣ по щепамъ его кораблей". Крузъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, мызу въ Лифляндіи и табакерку съ надписью: „Громами отражая громъ, онъ спасъ Петровы градъ и домъ". За участіе въ Выборгскомъ сраженіи 22 Іюня Крузъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2 кл. и произведенъ въ адмиралы, а при заключеніи въ Сентябрѣ мира—шпагу съ брильянтами и аренду въ Лифляндіи. Крузъ пользовался расположеніемъ Павла I, который далъ ему Андреевскую звѣзду (5 Января 1797 г.) и подарилъ домъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ и скончался 5 Мая 1799 года. Похороненъ тамъ же, на лютеранскомъ кладбищѣ, при чемъ на памятникѣ его та же самая надпись, которая была на пожалованной ему Екатериной II табакеркѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КРУЗЪ, 1731—1799, сынъ датчанина, капитанъ-лейтенанта русскаго флота Ивана Егоровича фонъ-Круза, родился 26 Октября 1731 г.; А. И. фонъ-Крузъ былъ усыновленъ и воспитанъ извѣстнымъ адмираломъ Джемсомъ Кеннеди, который бралъ его съ собой въ морскія плаванія. Въ 1747 г. изъ-за плохого знанія русскаго языка онъ не былъ принятъ въ русскій флотъ; тогда Кеннеди отправилъ Круза доканчивать морское воспитаніе въ Англію, по возвращеніи откуда въ 1753 г. Крузъ былъ принятъ на русскую службу унтеръ-лейтенантомъ „по контракту на 2 года". Въ 1758 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и командовалъ придворными яхтами, въ 1760 и 1761 гг. участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и былъ раненъ. Въ эскадрѣ адмирала Спиридова, командуя кораблемъ „Св. Евстафій", Крузъ участвовалъ въ знаменитомъ Чесменскомъ бою, 24 Іюня 1770 г., и здѣсь сцѣпился на абордажъ съ турецкимъ флагманскимъ кораблемъ. Скоро оба корабля взлетѣли на воздухъ, при чемъ спаслись немногіе; самъ Крузъ упалъ среди обломковъ корабля въ воду и былъ спасенъ. При этомъ съ нимъ случилось происшествіе, оставившее слѣдъ на всю жизнь. Когда онъ, держась за мачту, плавалъ недалеко отъ шлюпки съ его же корабля, онъ, вмѣсто помощи, сначала получилъ ударъ весломъ по головѣ: матросы, доведенные до озлобленія чрезмѣрной строгостью Круза, хотѣли съ нимъ теперь посчитаться; однако, одинъ матросъ вступился за своего командира, и Крузъ былъ все-таки вытащенъ въ шлюпку. Онъ обѣщалъ матросамъ не помнить ихъ поступка и не только всегда покровительствовалъ своимъ спасителямъ, но и вообще послѣ этого перемѣнилъ свое обращеніе съ подчиненными и заслужилъ всеобщую любовь. Назначенный послѣ Чесменскаго сраженія командиромъ взятаго въ плѣнъ турецкаго корабля „Родосъ", Крузъ повелъ его въ Россію, но на пути корабль былъ разбитъ около мыса Матапана, а часть команды погибла. Въ 1771 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. „за сожженіе главнаго непріятельскаго корабля" при Чесмѣ. Въ 1773 г. Крузъ былъ посланъ съ эскадрой въ Любекъ за принцессой Вильгельминой Гессенъ-Дармштадтской, невѣстой Великаго Князя Павла Петровича.

Проплававъ по Черному и Азовскому морямъ, съ 1777 по 1779 г., въ качествѣ помощника главнаго начальника тамъ контръ-адмирала Клокачева, Крузъ 1 Января 1779 г. самъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, переведенъ въ Петербургъ и тутъ получилъ командованіе эскадрами, крейсеровавшими съ цѣлью надзора за соблюденіемъ условій „Вооруженнаго Нейтралитета". Въ 1783 г. Крузъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ 1785 г. получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Особенную извѣстность получилъ А. И. Крузъ за сраженіе около Красной Горки, 23 Мая 1790 г., гдѣ шведы, бывшіе въ гораздо большихъ силахъ, были побѣждены. Императрица только передъ тѣмъ просила Круза не подпускать непріятеля къ Кронштадту и теперь щедро наградила побѣдителя, давшаго слово, что „шведы не пройдутъ иначе, какъ развѣ по щепамъ его кораблей". Крузъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, мызу въ Лифляндіи и табакерку съ надписью: „Громами отражая громъ, онъ спасъ Петровы градъ и домъ". За участіе въ Выборгскомъ сраженіи 22 Іюня Крузъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2 кл. и произведенъ въ адмиралы, а при заключеніи въ Сентябрѣ мира — шпагу съ брильянтами и аренду въ Лифляндіи. Крузъ пользовался расположеніемъ Павла I, который далъ ему Андреевскую звѣзду (5 Января 1797 г.) и подарилъ домъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ и скончался 5 Мая 1799 года. Похороненъ тамъ же, на лютеранскомъ кладбищѣ, при чемъ на памятникѣ его та же самая надпись, которая была на пожалованной ему Екатериной II табакеркѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

ALEXANDRE IVANOWITCH KRUSE, 1731—1799, fils du danois, capitaine lieutenant de la marine russe, Ivan Egorowitch von Kruse, naquit le 26 octobre 1731, et fut adopté et élevé par l'amiral connu James Kennedy, qui l'emmena avec lui dans ses croisières. En 1747, faute de savoir assez le russe, il ne put être admis au service russe; alors Kennedy l'envoya compléter son instruction navale en Angleterre, et à son retour, en 1753, il fut enrôlé sous-lieutenant „avec engagement de deux ans". Lieutenant en 1758 et commandant des yachts de la Cour, il fit en 1760 et 1761 l'expédition de Kohlberg, où il fut blessé. Au célèbre combat de Tchesmé, le 24 juin 1770, il commandait à l'escadre de l'amiral Spiridoff le Saint-Eustache, qui, abordé par le vaisseau amiral turc, sauta avec lui. Presque tout l'équipage périt: Kruse lui-même fut précipité à l'eau au milieu de débris de toutes sortes et put être sauvé, mais les péripéties de son sauvetage eurent un retentissement sur toute sa vie. Cramponné à un mât, il était à proximité d'une chaloupe de son vaisseau, quand il commença par recevoir en guise de secours un coup d'aviron sur la tête: c'étaient ses hommes qui, furieux de son excessive dureté, voulaient profiter de l'occasion pour se venger. L'un d'eux, pourtant, prit sa défense, et finalement on le repêcha. Il promit d'oublier tout, et non seulement témoigna toujours sa bienveillance à ses sauveteurs, mais encore, se mit dès lors à mieux traiter ses subordonnés et se fit bien voir de tout le monde. Nommé après Tchesmé commandant du vaisseau turc capturé Rhodos, il fit voile à son bord pour la Russie, mais le navire fut désemparé à la hauteur du cap Matapan et une partie de l'équipage périt. Décoré en 1771 de St-Georges de 4ᵉ classe „pour avoir incendié le principal vaisseau ennemi" à Tchesmé, il fut envoyé en 1773 à Lubeck avec l'escadre qui devait ramener la princesse Wilhelmine de Hesse-Darmstadt, fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch.

Après les croisières qu'il fit de 1777 à 1779 sur la mer Noire et la mer d'Azoff comme adjoint du contre-amiral Klokatcheff, commandant en chef dans ces parages, il fut, le 1ᵉʳ janvier 1779, promu contre-amiral et affecté à Pétersbourg, où il reçut le commandement des escadres chargées de surveiller l'exécution de la Neutralité armée. Il passa vice-amiral en 1783 et fut décoré en 1785 de Ste-Anne de 1ʳᵉ classe.

Kruse se fit en 1790 une notoriété particulière par la défaite qu'il infligea à Krasnaïa Gorka à l'escadre suédoise, pourtant bien supérieure en nombre. L'Impératrice lui avait peu auparavant recommandé de bien couvrir Kronstadt, et il avait donné sa parole que „les Suédois n'y parviendraient qu'à travers les débris de ses vaisseaux". Aussi sa victoire lui valut-elle toute la gratitude de Catherine II, St-Alexandre Newsky, une ferme en Livonie et une tabatière avec l'inscription:

„Par ses foudres il eut de la foudre raison:
„De Pierre il a sauvé la ville et la maison".

La bataille de Viborg du 22 juin lui valut St-Georges de 2ᵉ classe et le grade d'amiral, et il obtint encore à la paix une épée en brillants et une arrente en Livonie. Il jouit de la faveur de Paul Iᵉʳ, qui lui donna l'étoile de St-André (5 janvier 1797) et une maison à Kronstadt, où il mourut le 5 mai 1799. Il fut inhumé à Kronstadt au cimetière luthérien, et son tombeau porte l'inscription qui ornait la tabatière que lui avait donnée Catherine II.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

ALEXANDRE IVANOWITCH KRUSE, 1731—1799, fils du danois, capitaine lieutenant de la marine russe, Ivan Egorowitch von Kruse, naquit le 26 octobre 1731, et fut adopté et élevé par l'amiral connu James Kennedy, qui l'emmena avec lui dans ses croisières. En 1747, faute de savoir assez le russe, il ne put être admis au service russe; alors Kennedy l'envoya compléter son instruction navale en Angleterre, et à son retour, en 1753, il fut enrôlé sous-lieutenant „avec engagement de deux ans". Lieutenant en 1758 et commandant des yachts de la Cour, il fit en 1760 et 1761 l'expédition de Kohlberg, où il fut blessé. Au célèbre combat de Tchesmé, le 24 juin 1770, il commandait à l'escadre de l'amiral Spiridoff le Saint-Eustache, qui, abordé par le vaisseau amiral turc, sauta avec lui. Presque tout l'équipage périt: Kruse lui-même fut précipité à l'eau au milieu de débris de toutes sortes et put être sauvé, mais les péripéties de son sauvetage eurent un retentissement sur toute sa vie. Cramponné à un mât, il était à proximité d'une chaloupe de son vaisseau, quand il commença par recevoir en guise de secours un coup d'aviron sur la tête: c'étaient ses hommes qui, furieux de son excessive dureté, voulaient profiter de l'occasion pour se venger. L'un d'eux, pourtant, prit sa défense, et finalement on le repêcha. Il promit d'oublier tout, et non seulement témoigna toujours sa bienveillance à ses sauveteurs, mais encore, se mit dès lors à mieux traiter ses subordonnés et se fit bien voir de tout le monde. Nommé après Tchesmé commandant du vaisseau turc capturé Rhodos, il fit voile à son bord pour la Russie, mais le navire fut désemparé à la hauteur du cap Matapan et une partie de l'équipage périt. Décoré en 1771 de St-Georges de 4e classe „pour avoir incendié le principal vaisseau ennemi" à Tchesmé, il fut envoyé en 1773 à Lubeck avec l'escadre qui devait ramener la princesse Wilhelmine de Hesse-Darmstadt, fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch.

Après les croisières qu'il fit de 1777 à 1779 sur la mer Noire et la mer d'Azoff comme adjoint du contre-amiral Klokatcheff, commandant en chef dans ces parages, il fut, le 1er janvier 1779, promu contre-amiral et affecté à Pétersbourg, où il reçut le commandement des escadres chargées de surveiller l'exécution de la Neutralité armée. Il passa vice-amiral en 1783 et fut décoré en 1785 de Ste-Anne de 1re classe.

Kruse se fit en 1790 une notoriété particulière par la défaite qu'il infligea à Krasnaïa Gorka à l'escadre suédoise, pourtant bien supérieure en nombre. L'Impératrice lui avait peu auparavant recommandé de bien couvrir Kronstadt, et il avait donné sa parole que „les Suédois n'y parviendraient qu'à travers les débris de ses vaisseaux". Aussi sa victoire lui valut-elle toute la gratitude de Catherine II, St-Alexandre Newsky, une ferme en Livonie et une tabatière avec l'inscription:

„Par ses foudres il eut de la foudre raison:
„De Pierre il a sauvé la ville et la maison".

La bataille de Viborg du 22 juin lui valut St-Georges de 2e classe et le grade d'amiral, et il obtint encore à la paix une épée en brillants et une arrente en Livonie. Il jouit de la faveur de Paul Ier, qui lui donna l'étoile de St-André (5 janvier 1797) et une maison à Kronstadt, où il mourut le 5 mai 1799. Il fut inhumé à Kronstadt au cimetière luthérien, et son tombeau porte l'inscription qui ornait la tabatière que lui avait donnée Catherine II.

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

Графъ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1762—1838, былъ сынъ Николая Устиновича Новосильцова отъ брака съ Маріей Сергѣевной Строгановой. Получившій хорошее образованіе въ домѣ своего дяди, графа А. С. Строганова, и записанный въ дѣтствѣ въ пажи, Новосильцовъ участвовалъ въ Шведской и Польской войнахъ и дослужился до чина подполковника. Царствованіе Павла I онъ провелъ въ Англіи, гдѣ слушалъ университетскія лекціи по физико-математическимъ и медицинскимъ наукамъ. При посредствѣ своего двоюроднаго брата, графа П. А. Строганова, Новосильцовъ сдѣлался извѣстенъ Александру I, который по воцареніи пожаловалъ его въ дѣйствительные камергеры и статсъ-секретари. Несмотря на то, что Новосильцовъ не пошелъ далѣе товарища министра юстиціи, президента Академіи Наукъ и попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ имѣлъ большое вліяніе въ первые годы царствованія Александра I. Вмѣстѣ съ Кочубеемъ, графомъ П. А. Строгановымъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, онъ входилъ въ составъ „негласнаго комитета", который подъ предсѣдательствомъ Государя былъ занятъ реформами и направлялъ всю внутреннюю политику. Но съ 1803 года Александръ началъ охладѣвать къ дѣлу реформъ; засѣданія негласнаго комитета прекратились; охлажденіе распространилось и на сотрудниковъ. Сближеніе Александра съ Наполеономъ, который считалъ своимъ врагомъ Новосильцова, устроившаго противъ него въ 1804 году коалицію, побудило Новосильцова удалиться на три года въ Вѣну. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ вице-президентомъ временнаго правительства герцогства Варшавскаго, а въ 1815 г. коммиссаромъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1823 г. ему было поручено также и управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ. Будучи еще ранѣе пожалованъ въ сенаторы и члены Государственнаго Совѣта, Новосильцовъ въ 1834 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, а 1 Іюля 1835 года возведенъ въ графское достоинство. Новосильцовъ умеръ 8 Апрѣля 1838 года и погребенъ въ Святодуховской церкви Александро-Невской лавры. Онъ женатъ не былъ.

Дѣятельность Новосильцова раздѣляется (приблизительно 1812 годомъ) на два совершенно несходные одинъ съ другимъ періода; но и въ томъ и другомъ періодѣ эта дѣятельность подвергалась самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Въ первомъ періодѣ, отмѣченномъ реформаторскимъ направленіемъ, Новосильцовъ былъ ненавистенъ консерваторамъ, не знавшимъ какъ очернить этого „выплывшаго вдругъ съ запасомъ англоманіи" и дѣйствовавшаго „по изступленію" члена „якобинской шайки". Во второмъ періодѣ, когда Новосильцовъ круто повернулъ назадъ, либералы не могли простить ему измѣны. Нельзя, конечно, не сочувствовать членамъ „негласнаго комитета" въ ихъ стремленіи реформировать управленіе Россіи, оставшееся „порочнымъ" и послѣ бумажныхъ реформъ Екатерины II, и уничтожить крѣпостное право. Изъ всѣхъ этихъ малоопытныхъ реформаторовъ, „звенѣвшихъ Александру философскими утопіями народнаго управленія", Новосильцовъ былъ самый старшій. Сорокалѣтній мужчина не могъ, конечно, увлекаться такъ, какъ люди, не достигшіе 30 лѣтъ. Кромѣ того, особенности умственнаго склада Новосильцова также предохранили его отъ крайностей. Вигель считалъ его „всѣхъ выше умомъ" среди совѣтниковъ юнаго Александра I; Ланжеронъ называлъ его „froid" и „prudent"; князь Чарторижскій находилъ, что „практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго". Поэтому не удивительно, что Новосильцовъ „взялъ на себя роль скромнаго ментора, регулирующаго страсти и увлеченія". Въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ Новосильцовъ совершенно перемѣнилъ свои убѣжденія, которыя у него и ранѣе, по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, замѣнялись „однимъ колоссальнымъ эгоизмомъ". Когда прекратился спросъ на „модное свободомысліе", Новосильцовъ сдѣлался ретроградомъ, презиравшимъ „глупости и шалости молодыхъ лѣтъ". „Tempi passati", говорилъ онъ о началѣ царствованія Александра I, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas". Безкорыстный и строгій къ себѣ реформаторъ, онъ черезъ 30 лѣтъ горделиво выступалъ, украшенный всевозможными звѣздами и графскимъ титуломъ. Его упрекали въ томъ, что въ Польшѣ онъ своимъ высокомѣрнымъ и крутымъ образомъ дѣйствій „много содѣйствовалъ къ огорченію поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи"; но на дѣлѣ Новосильцовъ, какъ умный человѣкъ, старался, конечно, только „ставить преграды коварству и вѣроломству". Въ частной жизни Новосильцовъ не отличался добродѣтелями. Лица, хвалившія его, предпочитали „ne pas parler de sa moralité". Онъ былъ всегда ловеласомъ и въ старости представлялъ „смѣсь Бахуса съ Сатиромъ".

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Наукъ.)

Графъ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1762—1838, былъ сынъ Николая Устиновича Новосильцова отъ брака съ Маріей Сергѣевной Строгановой. Получившій хорошее образованіе въ домѣ своего дяди, графа А. С. Строганова, и записанный въ дѣтствѣ въ пажи, Новосильцовъ участвовалъ въ Шведской и Польской войнахъ и дослужился до чина подполковника. Царствованіе Павла I онъ провелъ въ Англіи, гдѣ слушалъ университетскія лекціи по физико-математическимъ и медицинскимъ наукамъ. При посредствѣ своего двоюроднаго брата, графа П. А. Строганова, Новосильцовъ сдѣлался извѣстенъ Александру I, который по воцареніи пожаловалъ его въ дѣйствительные камергеры и статсъ-секретари. Несмотря на то, что Новосильцовъ не пошелъ далѣе товарища министра юстиціи, президента Академіи Наукъ и попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ имѣлъ большое вліяніе въ первые годы царствованія Александра I. Вмѣстѣ съ Кочубеемъ, графомъ П. А. Строгановымъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, онъ входилъ въ составъ „негласнаго комитета", который подъ предсѣдательствомъ Государя былъ занятъ реформами и направлялъ всю внутреннюю политику. Но съ 1803 года Александръ началъ охладѣвать къ дѣлу реформъ; засѣданія негласнаго комитета прекратились; охлажденіе распространилось и на сотрудниковъ. Сближеніе Александра съ Наполеономъ, который считалъ своимъ врагомъ Новосильцова, устроившаго противъ него въ 1804 году коалицію, побудило Новосильцова удалиться на три года въ Вѣну. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ вице-президентомъ временнаго правительства герцогства Варшавскаго, а въ 1815 г. коммиссаромъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1823 г. ему было поручено также и управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ. Будучи еще ранѣе пожалованъ въ сенаторы и члены Государственнаго Совѣта, Новосильцовъ въ 1834 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, а 1 Іюля 1835 года возведенъ въ графское достоинство. Новосильцовъ умеръ 8 Апрѣля 1838 года и погребенъ въ Святодуховской церкви Александро-Невской лавры. Онъ женатъ не былъ.

Дѣятельность Новосильцова раздѣляется (приблизительно 1812 годомъ) на два совершенно несходные одинъ съ другимъ періода; но и въ томъ и другомъ періодѣ эта дѣятельность подвергалась самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Въ первомъ періодѣ, отмѣченномъ реформаторскимъ направленіемъ, Новосильцовъ былъ ненавистенъ консерваторамъ, не знавшимъ какъ очернить этого „выплывшаго вдругъ съ запасомъ англоманіи" и дѣйствовавшаго „по изступленію" члена „якобинской шайки". Во второмъ періодѣ, когда Новосильцовъ круто повернулъ назадъ, либералы не могли простить ему измѣны. Нельзя, конечно, не сочувствовать членамъ „негласнаго комитета" въ ихъ стремленіи реформировать управленіе Россіи, оставшееся „порочнымъ" и послѣ бумажныхъ реформъ Екатерины II, и уничтожить крѣпостное право. Изъ всѣхъ этихъ малоопытныхъ реформаторовъ, „звенѣвшихъ Александру философскими утопіями народнаго управленія", Новосильцовъ былъ самый старшій. Сорокалѣтній мужчина не могъ, конечно, увлекаться такъ, какъ люди, не достигшіе 30 лѣтъ. Кромѣ того, особенности умственнаго склада Новосильцова также предохранили его отъ крайностей. Вигель считалъ его „всѣхъ выше умомъ" среди совѣтниковъ юнаго Александра I; Ланжеронъ называлъ его „froid" и „prudent"; князь Чарторижскій находилъ, что „практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго". Поэтому не удивительно, что Новосильцовъ „взялъ на себя роль скромнаго ментора, регулирующаго страсти и увлеченія". Въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ Новосильцовъ совершенно перемѣнилъ свои убѣжденія, которыя у него и ранѣе, по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, замѣнялись „однимъ колоссальнымъ эгоизмомъ". Когда прекратился спросъ на „модное свободомысліе", Новосильцовъ сдѣлался ретроградомъ, презиравшимъ „глупости и шалости молодыхъ лѣтъ". „Tempi passati", говорилъ онъ о началѣ царствованія Александра I, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas". Безкорыстный и строгій къ себѣ реформаторъ, онъ черезъ 30 лѣтъ горделиво выступалъ, украшенный всевозможными звѣздами и графскимъ титуломъ. Его упрекали въ томъ, что въ Польшѣ онъ своимъ высокомѣрнымъ и крутымъ образомъ дѣйствій „много содѣйствовалъ къ огорченію поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи"; но на дѣлѣ Новосильцовъ, какъ умный человѣкъ, старался, конечно, только „ставить преграды коварству и вѣроломству". Въ частной жизни Новосильцовъ не отличался добродѣтелями. Лица, хвалившія его, предпочитали „ne pas parler de sa moralité". Онъ былъ всегда ловеласомъ и въ старости представлялъ „смѣсь Бахуса съ Сатиромъ".

(Съ портрета Щукина; Императорская Академія Наукъ.)

Le comte NICOLAS NIKOLAEWITCH NOVOSSILTZOFF, 1762—1838, fils de Nicolas Oustinowitch Novossiltzoff et de Marie Serguéewna, née Stroganoff, reçut une bonne éducation chez son oncle, le comte A. Stroganoff. Enrôlé page tout enfant, il fit les guerres de Suède et de Pologne et parvint au grade de lieutenant-colonel. Il passa en Angleterre le règne de Paul Ier, suivant dans une université les cours des facultés des sciences et de médecine. Son cousin le comte Paul Stroganoff le fit connaître à Alexandre Ier, qui le nomma à son avènement chambellan et secrétaire d'état. Sans avoir jamais été autre chose que ministre adjoint de la justice, président de l'Académie des Sciences et curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, il exerça une grande influence sur les premières années du règne. Il composait avec Victor Kotchubey, le comte Paul Stroganoff et le prince Adam Czartoryski le Comité Secret, présidé par l'Empereur, où s'élaboraient les réformes et se faisait toute la politique intérieure. Mais, en 1803, le zèle réformateur d'Alexandre Ier s'attiédit, il suspendit les séances, et son humeur gagna ses collaborateurs. Au moment du rapprochement avec Napoléon, Novossiltzoff, considéré par lui comme un ennemi pour avoir organisé la coalition de 1804, se retira à Vienne pour trois ans. En 1813, il fut nommé vice-président du gouvernement provisoire du Duché de Varsovie, et en 1815 commissaire du Royaume de Pologne. Il se vit en outre confier en 1823 la direction de l'arrondissement scolaire de Vilna. Déjà sénateur et membre du Conseil de l'Empire, il fut en 1834 fait président du Conseil de l'Empire et du Comité des Ministres, et, le 1er juillet 1835, élevé à la dignité de comte. Il mourut le 8 avril 1838, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne fut pas marié.

La carrière de Novossiltzoff est divisée (par l'année 1812, à peu près) en deux périodes complètement opposées, et qui donnèrent lieu l'une et l'autre aux critiques les plus acharnées. Dans la première, celle des réformes, il est odieux aux conservateurs, qui ne savent comment noircir cet „échappé de la tourbe jacobine" avec „sa rage d'anglomanie" et ses actes „d'énergumène". Dans la seconde, il a fait volte-face, et les libéraux ne peuvent lui pardonner sa défection. On ne saurait assurément blâmer les velléités réformatrices du Comité Secret: les réformes de Catherine étaient restées lettre morte et l'administration attendait encore d'être épurée, et puis le servage était toujours là! De ces réformateurs novices, qui faisaient „tinter aux oreilles d'Alexandre des utopies philosophiques de gouvernement populaire", Novossiltzoff était le plus vieux: ses quarante ans étaient naturellement à l'abri de la fougue des trente ans à peine de ses collègues. De plus sa tournure d'esprit personnelle le garantissait aussi contre les entraînements: Wiegel le trouve „un esprit supérieur" parmi tous les conseillers du jeune monarque, et Langeron le qualifie de „froid" et „prudent". Il avait, dit le prince Czartoryski, „un esprit pratique qui le mettait en défiance contre les théories irréalisables et le maintenait dans les limites du possible". Il n'est donc pas étonnant qu'il ait assumé le rôle d'un modeste mentor, régulateur des passions et des entraînements". A cinquante ans, il s'opéra une révolution dans ses idées, dans lesquelles, à en croire certains contemporains, il n'aurait jamais fallu voir qu'une manifestation „de colossal égoïsme". Les preneurs se faisaient rares pour „la libre-pensée en vogue": Novossiltzoff devint rétrograde, et n'eut plus que du mépris pour ses „sottises et folies de jeunesse". „Tempi passati", disait-il en parlant du commencement du règne, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas", et le désintéressé et austère réformateur de jadis affichait, trente ans passés, un arsenal de décorations et un titre de comte. On lui reprocha d'avoir eu en Pologne des allures dominatrices et cassantes qui auraient largement „contribué à aigrir les populations et à les soulever contre la Russie": en réalité, il n'eut que la sagesse de faire le nécessaire pour „opposer une digue à l'astuce et la perfidie". Comme homme, Novossiltzoff n'avait rien de bien recommandable: ses apologistes mêmes préfèrent „ne pas parler de sa moralité". Ce fut toujours un lovelace, „à la fois Bacchus et Satyre" sur ses vieux jours.

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Le comte NICOLAS NIKOLAEWITCH NOVOSSILTZOFF, 1762—1838, fils de Nicolas Oustinowitch Novossiltzoff et de Marie Serguéewna, née Stroganoff, reçut une bonne éducation chez son oncle, le comte A. Stroganoff. Enrôlé page tout enfant, il fit les guerres de Suède et de Pologne et parvint au grade de lieutenant-colonel. Il passa en Angleterre le règne de Paul Ier, suivant dans une université les cours des facultés des sciences et de médecine. Son cousin le comte Paul Stroganoff le fit connaître à Alexandre Ier, qui le nomma à son avènement chambellan et secrétaire d'état. Sans avoir jamais été autre chose que ministre adjoint de la justice, président de l'Académie des Sciences et curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, il exerça une grande influence sur les premières années du règne. Il composait avec Victor Kotchubey, le comte Paul Stroganoff et le prince Adam Czartoryski le Comité Secret, présidé par l'Empereur, où s'élaboraient les réformes et se faisait toute la politique intérieure. Mais, en 1803, le zèle réformateur d'Alexandre Ier s'attiédit, il suspendit les séances, et son humeur gagna ses collaborateurs. Au moment du rapprochement avec Napoléon, Novossiltzoff, considéré par lui comme un ennemi pour avoir organisé la coalition de 1804, se retira à Vienne pour trois ans. En 1813, il fut nommé vice-président du gouvernement provisoire du Duché de Varsovie, et en 1815 commissaire du Royaume de Pologne. Il se vit en outre confier en 1823 la direction de l'arrondissement scolaire de Vilna. Déjà sénateur et membre du Conseil de l'Empire, il fut en 1834 fait président du Conseil de l'Empire et du Comité des Ministres, et, le 1er juillet 1835, élevé à la dignité de comte. Il mourut le 8 avril 1838, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il ne fut pas marié.

La carrière de Novossiltzoff est divisée (par l'année 1812, à peu près) en deux périodes complètement opposées, et qui donnèrent lieu l'une et l'autre aux critiques les plus acharnées. Dans la première, celle des réformes, il est odieux aux conservateurs, qui ne savent comment noircir cet „échappé de la tourbe jacobine" avec „sa rage d'anglomanie" et ses actes „d'énergumène". Dans la seconde, il a fait volte-face, et les libéraux ne peuvent lui pardonner sa défection. On ne saurait assurément blâmer les velléités réformatrices du Comité Secret: les réformes de Catherine étaient restées lettre morte et l'administration attendait encore d'être épurée, et puis le servage était toujours là! De ces réformateurs novices, qui faisaient „tinter aux oreilles d'Alexandre des utopies philosophiques de gouvernement populaire", Novossiltzoff était le plus vieux: ses quarante ans étaient naturellement à l'abri de la fougue des trente ans à peine de ses collègues. De plus sa tournure d'esprit personnelle le garantissait aussi contre les entraînements: Wiegel le trouve „un esprit supérieur" parmi tous les conseillers du jeune monarque, et Langeron le qualifie de „froid" et „prudent". Il avait, dit le prince Czartoryski, „un esprit pratique qui le mettait en défiance contre les théories irréalisables et le maintenait dans les limites du possible". Il n'est donc pas étonnant qu'il ait assumé le rôle d'un modeste mentor, régulateur des passions et des entraînements". A cinquante ans, il s'opéra une révolution dans ses idées, dans lesquelles, à en croire certains contemporains, il n'aurait jamais fallu voir qu'une manifestation „de colossal égoïsme". Les preneurs se faisaient rares pour „la libre-pensée en vogue": Novossiltzoff devint rétrograde, et n'eut plus que du mépris pour ses „sottises et folies de jeunesse". „Tempi passati", disait-il en parlant du commencement du règne, „les jours se suivent et ne se ressemblent pas", et le désintéressé et austère réformateur de jadis affichait, trente ans passés, un arsenal de décorations et un titre de comte. On lui reprocha d'avoir eu en Pologne des allures dominatrices et cassantes qui auraient largement „contribué à aigrir les populations et à les soulever contre la Russie": en réalité, il n'eut que la sagesse de faire le nécessaire pour „opposer une digue à l'astuce et la perfidie". Comme homme, Novossiltzoff n'avait rien de bien recommandable: ses apologistes mêmes préfèrent „ne pas parler de sa moralité". Ce fut toujours un lovelace, „à la fois Bacchus et Satyre" sur ses vieux jours.

(D'après l'original de Chtchoukine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1744—1805, сынъ оберъ-офицера изъ Орловскихъ мѣщанъ, началъ службу канцеляристомъ въ 1758 г.; чрезъ 9 лѣтъ (въ 1767 г.) переведенъ коллежскимъ регистраторомъ въ Канцелярію Опекунства иностранныхъ, которой завѣдывалъ графъ Г. Г. Орловъ. Сдѣлавшись секретаремъ канцеляріи въ 1769 г., онъ былъ въ 1774 г. пожалованъ въ коллежскіе асессоры. Черезъ 2 года, 21 Октября 1776 г., Новосильцовъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Верхній Земскій судъ Новгородскаго намѣстничества, въ 1778 г.—губернскимъ прокуроромъ, въ 1780 г. переведенъ на такую же должность въ Орловское намѣстничество, гдѣ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, 3 Февраля 1783 г. былъ назначенъ Орловскимъ вице-губернаторомъ; 26 Февраля 1785 г. Новосильцовъ произведенъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ, 22 Сентября получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст., а 31 Октября 1786 г. возведенъ, съ потомствомъ, въ дворянское достоинство. Въ 1790 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (21 Апрѣля), а 1 Января 1791 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст.; 25 Іюня 1793 г., переименованный въ генералъ-майоры, назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ, такъ какъ Екатерина II очень цѣнила его честность и въ томъ же году пожаловала Новосильцову 936 душъ въ Волынской губерніи. Онъ лично извѣстенъ былъ Государынѣ чрезъ ея любимую камеръ-юнгферу Марью Саввишну Перекусихину, съ которой былъ въ свойствѣ. П. И. Новосильцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Торсуковой, братъ которой, Ардаліонъ Торсуковъ, былъ женатъ на племянницѣ Перекусихиной, Екатеринѣ Васильевнѣ. Павелъ I пожаловалъ Новосильцова 4 Декабря 1796 г. въ тайные совѣтники и сенаторы. За милостью, какъ часто бывало, послѣдовала опала: 31 Іюля 1798 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, съ повелѣніемъ жить въ отдаленныхъ деревняхъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I немилость была снята, и уже 14 Марта 1801 г. ему разрѣшено было имѣть „въѣздъ въ обѣ столицы и вездѣ, гдѣ онъ самъ пожелаетъ, пребываніе“; 7 Мая того же года Новосильцовъ былъ опять назначенъ сенаторомъ, а 27 Февраля 1804 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

П. И. Новосильцовъ умеръ, на 62 г. жизни, 17 Декабря 1805 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. На памятникѣ его слѣдующая эпитафія: „Дарованіями ума украшенный мужъ сей прешелъ въ продолженіе 48-лѣтней службы различныя и важныя должности. Ознаменовавъ поприще жизни добрыми и полезными дѣлами и примѣрнымъ исполненіемъ званій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, пріобрѣлъ праведное отъ всѣхъ почтеніе. Достойно оплакиваемъ благодарнымъ семействомъ и николи не забвенъ вѣдующими цѣну его“.

Жена Новосильцова, Екатерина Александровна (р. 2 Ноября 1755 г.), умерла 8 Іюня 1842 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, на Тихвинскомъ кладбищѣ. На ея памятникѣ написано: „Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей съ ихъ семействами“. У Новосильцовыхъ было 6 сыновей: Александръ, Василій († 25 Ноября 1805 г., 17 лѣтъ, отъ ранъ), Николай (р. 21 Мая 1789 г., † 2 Октября 1856 г.), Ардаліонъ, Иванъ и Петръ (р. 1797 г.; Рязанскій губернаторъ).

Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о П. И. Новосильцовѣ такъ: „Нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подьячему открыли путь до степени Государственнаго человѣка и дали его семейству притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, пусть и мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру“. Впрочемъ, Вигель пишетъ, что Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей „болѣе совѣстливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ; тогда это было рѣдкостью и могло почитаться почти за честность! Сначала“, пишетъ Вигель, „меня пугала жена его, Катерина Александровна: ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца“.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1744—1805, сынъ оберъ-офицера изъ Орловскихъ мѣщанъ, началъ службу канцеляристомъ въ 1758 г.; чрезъ 9 лѣтъ (въ 1767 г.) переведенъ коллежскимъ регистраторомъ въ Канцелярію Опекунства иностранныхъ, которой завѣдывалъ графъ Г. Г. Орловъ. Сдѣлавшись секретаремъ канцеляріи въ 1769 г., онъ былъ въ 1774 г. пожалованъ въ коллежскіе асессоры. Черезъ 2 года, 21 Октября 1776 г., Новосильцовъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Верхній Земскій судъ Новгородскаго намѣстничества, въ 1778 г.—губернскимъ прокуроромъ, въ 1780 г. переведенъ на такую же должность въ Орловское намѣстничество, гдѣ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, 3 Февраля 1783 г. былъ назначенъ Орловскимъ вице-губернаторомъ; 26 Февраля 1785 г. Новосильцовъ произведенъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ, 22 Сентября получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст., а 31 Октября 1786 г. возведенъ, съ потомствомъ, въ дворянское достоинство. Въ 1790 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (21 Апрѣля), а 1 Января 1791 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст.; 25 Іюня 1793 г., переименованный въ генералъ-майоры, назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ, такъ какъ Екатерина II очень цѣнила его честность и въ томъ же году пожаловала Новосильцову 936 душъ въ Волынской губерніи. Онъ лично извѣстенъ былъ Государынѣ чрезъ ея любимую камеръ-юнгферу Марью Саввишну Перекусихину, съ которой былъ въ свойствѣ. П. И. Новосильцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Торсуковой, братъ которой, Ардаліонъ Торсуковъ, былъ женатъ на племянницѣ Перекусихиной, Екатеринѣ Васильевнѣ. Павелъ I пожаловалъ Новосильцова 4 Декабря 1796 г. въ тайные совѣтники и сенаторы. За милостью, какъ часто бывало, послѣдовала опала: 31 Іюля 1798 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, съ повелѣніемъ жить въ отдаленныхъ деревняхъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I немилость была снята, и уже 14 Марта 1801 г. ему разрѣшено было имѣть „въѣздъ въ обѣ столицы и вездѣ, гдѣ онъ самъ пожелаетъ, пребываніе"; 7 Мая того же года Новосильцовъ былъ опять назначенъ сенаторомъ, а 27 Февраля 1804 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

П. И. Новосильцовъ умеръ, на 62 г. жизни, 17 Декабря 1805 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. На памятникѣ его слѣдующая эпитафія: „Дарованіями ума украшенный мужъ сей прешелъ въ продолженіе 48-лѣтней службы различныя и важныя должности. Ознаменовавъ поприще жизни добрыми и полезными дѣлами и примѣрнымъ исполненіемъ званій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, пріобрѣлъ праведное отъ всѣхъ почтеніе. Достойно оплакиваемъ благодарнымъ семействомъ и николи не забвенъ вѣдующими цѣну его".

Жена Новосильцова, Екатерина Александровна (р. 2 Ноября 1755 г.), умерла 8 Іюня 1842 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, на Тихвинскомъ кладбищѣ. На ея памятникѣ написано: „Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей съ ихъ семействами". У Новосильцовыхъ было 6 сыновей: Александръ, Василій († 25 Ноября 1805 г., 17 лѣтъ, отъ ранъ), Николай (р. 21 Мая 1789 г., † 2 Октября 1856 г.), Ардаліонъ, Иванъ и Петръ (р. 1797 г.; Рязанскій губернаторъ).

Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ" говоритъ о П. И. Новосильцовѣ такъ: „Нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подьячему открыли путь до степени Государственнаго человѣка и дали его семейству притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, пусть и мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру". Впрочемъ, Вигель пишетъ, что Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей „болѣе совѣстливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ; тогда это было рѣдкостью и могло почитаться почти за честность! Сначала", пишетъ Вигель, „меня пугала жена его, Катерина Александровна: ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца".

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

PIERRE IVANOWITCH NOVOSSILTZOFF, 1744—1805, fils d'un officier de la bourgeoisie d'Orel, débuta au service comme expéditionnaire en 1758, et passa au bout de neuf ans, en 1767, greffier de collège à la chancellerie de la Curatelle des étrangers, dirigée par le comte Grégoire Orloff. Secrétaire de la chancellerie en 1769, il fut promu en 1774 assesseur de collège. Deux ans plus tard, le 21 octobre 1776, il fut nommé procureur à la cour de cassation, puis, en 1778, procureur de gouvernement à la lieutenance de Novgorod, et permuta en 1780 au même titre à celle d'Orel, dont il devint le 3 février 1783, ayant rang de conseiller de collège, vice-gouverneur. Conseiller d'état et vice-gouverneur de St-Pétersbourg le 26 février 1785, puis, le 22 septembre suivant, décoré de St-Vladimir de 3e classe, il se vit, le 31 octobre 1786, conférer la noblesse à titre héréditaire. Conseiller d'état actuel le 21 avril 1790 et décoré de St-Vladimir de 2e classe le 1er janvier suivant, il permuta général major le 25 juin 1793 en fonctions de commissaire général aux vivres, car Catherine II faisait grand cas de son intégrité: elle lui conféra encore la même année 936 têtes de paysans en Volhynie. Si elle le connaissait bien, c'est qu'il était parent de Marie Savvichna Pérékoussikhine, sa femme de chambre préférée: il avait épousé Catherine Alexandrowna Torsoukoff, dont le frère Ardaillon Torsoukoff était marié à Catherine Vassiliewna Pérékoussikhine, nièce de Marie Savvichna. Paul Ier le fit le 4 décembre 1796 conseiller privé et sénateur, mais la disgrâce, comme d'ordinaire, suivit de près la faveur: destitué le 31 juillet 1798, il dut se retirer au fond de la province, d'où le changement de règne le tira; dès le 14 mars 1801, il reçut l'autorisation „de venir dans les deux capitales et de résider partout où bon lui semblerait". Son siège de sénateur lui fut rendu le 7 mai suivant, et il passa conseiller privé actuel le 27 février 1804.

Novossiltzoff mourut dans sa 62e année le 17 décembre 1805, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son tombeau l'épitaphe suivante: „Orné des dons de l'esprit, il passa quarante-huit ans investi de charges diverses et importantes. La distinction avec laquelle il accomplit son œuvre excellente et utile, et le soin exemplaire qu'il apporta dans ses fonctions publiques et privées, lui valurent la juste considération de tous. Il a mérité les regrets de sa famille reconnaissante et le souvenir éternel de ses admirateurs".

Sa femme, née Catherine Alexandrowna Torsoukoff (2 novembre 1755—8 juillet 1842), repose au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'inscription: „A la meilleure des mères, faible témoignage des sentiments sincères de la reconnaissance éternelle et sans bornes de ses enfants éplorés et de leur famille".

Novossiltzoff eut six fils, Alexandre, Basile, mort de ses blessures à 17 ans le 25 novembre 1805, Nicolas (24 mai 1789—2 octobre 1856), Ardaillon, Ivan et Pierre (né 1797), gouverneur de Riazan.

„On ne pouvait s'empêcher", dit Wiegel dans ses Souvenirs, „d'aimer Novossiltzoff pour l'intelligence rare et le talent peu commun qui frayèrent au simple scribe une carrière d'homme d'état et donnèrent à sa famille des prétentions, quelque peu fondées, sans doute, à la distinction. Je me rappelle avec quel plaisir mon père aimait à vanter l'esprit de son ami, sans jamais rien dire de ses autres qualités, exemple qu'on me permettra de suivre ici". Novossiltzoff était, ajoute Wiegel, de ces hommes „consciencieux qui avaient le respect de la mesure et des convenances; c'était l'exception et ce qu'on pouvait appeler alors presque de l'honnêteté! Au commencement", dit-il encore, „sa femme me faisait peur: rien de plus terrible que son regard et sa voix, rien de meilleur que son cœur!"

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

111

PIERRE IVANOWITCH NOVOSSILTZOFF, 1744—1805, fils d'un officier de la bourgeoisie d'Orel, débuta au service comme expéditionnaire en 1758, et passa au bout de neuf ans, en 1767, greffier de collège à la chancellerie de la Curatelle des étrangers, dirigée par le comte Grégoire Orloff. Secrétaire de la chancellerie en 1769, il fut promu en 1774 assesseur de collège. Deux ans plus tard, le 21 octobre 1776, il fut nommé procureur à la cour de cassation, puis, en 1778, procureur de gouvernement à la lieutenance de Novgorod, et permuta en 1780 au même titre à celle d'Orel, dont il devint le 3 février 1783, ayant rang de conseiller de collège, vice-gouverneur. Conseiller d'état et vice-gouverneur de St-Pétersbourg le 26 février 1785, puis, le 22 septembre suivant, décoré de St-Vladimir de 3e classe, il se vit, le 31 octobre 1786, conférer la noblesse à titre héréditaire. Conseiller d'état actuel le 21 avril 1790 et décoré de St-Vladimir de 2e classe le 1er janvier suivant, il permuta général major le 25 juin 1793 en fonctions de commissaire général aux vivres, car Catherine II faisait grand cas de son intégrité: elle lui conféra encore la même année 936 têtes de paysans en Volhynie. Si elle le connaissait bien, c'est qu'il était parent de Marie Savvichna Pérékoussikhine, sa femme de chambre préférée: il avait épousé Catherine Alexandrowna Torsoukoff, dont le frère Ardaillon Torsoukoff était marié à Catherine Vassiliewna Pérékoussikhine, nièce de Marie Savvichna. Paul Ier le fit le 4 décembre 1796 conseiller privé et sénateur, mais la disgrâce, comme d'ordinaire, suivit de près la faveur: destitué le 31 juillet 1798, il dut se retirer au fond de la province, d'où le changement de règne le tira; dès le 14 mars 1801, il reçut l'autorisation „de venir dans les deux capitales et de résider partout où bon lui semblerait". Son siège de sénateur lui fut rendu le 7 mai suivant, et il passa conseiller privé actuel le 27 février 1804.

Novossiltzoff mourut dans sa 62e année le 17 décembre 1805, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son tombeau l'épitaphe suivante: „Orné des dons de l'esprit, il passa quarante-huit ans investi de charges diverses et importantes. La distinction avec laquelle il accomplit son œuvre excellente et utile, et le soin exemplaire qu'il apporta dans ses fonctions publiques et privées, lui valurent la juste considération de tous. Il a mérité les regrets de sa famille reconnaissante et le souvenir éternel de ses admirateurs".

Sa femme, née Catherine Alexandrowna Torsoukoff (2 novembre 1755—8 juillet 1842), repose au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'inscription: „A la meilleure des mères, faible témoignage des sentiments sincères de la reconnaissance éternelle et sans bornes de ses enfants éplorés et de leur famille".

Novossiltzoff eut six fils, Alexandre, Basile, mort de ses blessures à 17 ans le 25 novembre 1805, Nicolas (24 mai 1789—2 octobre 1856), Ardaillon, Ivan et Pierre (né 1797), gouverneur de Riazan.

„On ne pouvait s'empêcher", dit Wiegel dans ses Souvenirs, „d'aimer Novossiltzoff pour l'intelligence rare et le talent peu commun qui frayèrent au simple scribe une carrière d'homme d'état et donnèrent à sa famille des prétentions, quelque peu fondées, sans doute, à la distinction. Je me rappelle avec quel plaisir mon père aimait à vanter l'esprit de son ami, sans jamais rien dire de ses autres qualités, exemple qu'on me permettra de suivre ici". Novossiltzoff était, ajoute Wiegel, de ces hommes „consciencieux qui avaient le respect de la mesure et des convenances; c'était l'exception et ce qu'on pouvait appeler alors presque de l'honnêteté! Au commencement", dit-il encore, „sa femme me faisait peur: rien de plus terrible que son regard et sa voix, rien de meilleur que son cœur!"

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НЕПЛЮЕВЪ, 1750—1823, сынъ сенатора Николая Ивановича (р. 1731 г., † 1784 г.), отъ перваго брака его съ княжной Татьяной Өедоровной Мещерской (р. 1730 г., † 1755 г.), внукъ извѣстнаго устроителя Оренбургскаго края, родился 26 Марта 1750 или 1752 г., если вѣрно указаніе дѣда его, И. И. Неплюева, что Николай Ивановичъ вступилъ въ бракъ 30 Мая 1751 года. Дѣтство его протекло въ Оренбургѣ, въ домѣ дѣда, начальника Оренбургскаго края, при которомъ служилъ и его отецъ, а съ 1758 г.—въ Петербургѣ. Въ 1762 г. онъ былъ записанъ капраломъ въ Конную гвардію, черезъ нѣсколько дней произведенъ въ каптенармусы, а по воцареніи Екатерины II въ вахмистры. Въ 1767 г. Неплюевъ былъ посланъ дѣдомъ въ Швецію на 2 года для обученія и возвратился въ 1769 году. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, очень заботившійся объ образованіи и карьерѣ внука, обратился тогда къ Екатеринѣ II съ просьбой о производствѣ его въ офицеры гвардіи и увольненіи въ чужіе края, а въ Октябрѣ того же года молодой Неплюевъ получилъ чинъ капитана арміи и разрѣшеніе „вояжировать" по Западной Европѣ. Въ Январѣ 1770 г. онъ выѣхалъ за границу въ сопровожденіи майора Рейценштейна. Во время путешествія Неплюевъ велъ дневникъ и, желая сдѣлать пріятное дѣду, изучилъ итальянскій языкъ. Возвратившись на родину въ Мартѣ 1772 г., онъ вскорѣ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ. Въ 1773 г. Неплюевъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры. Чинъ генералъ-майора онъ получилъ только 5 Февраля 1790 года. Въ 1792 г., по смерти генералъ-прокурора князя Вяземскаго, В. С. Поповъ рекомендовалъ Неплюева въ качествѣ кандидата на этотъ важнѣйшій постъ въ государствѣ. Храповицкій записалъ 22 Августа въ своемъ дневникѣ: „Спрашивать у меня изволили о генералъ-майорѣ Иванѣ Николаевичѣ Неплюевѣ. Я похвалилъ, знавъ его подполковникомъ. Чьихъ мать его? Не могъ отвѣчать. Онъ и генералъ-майоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ суть кандидаты въ генералъ-прокуроры, рекомендованные Поповымъ". Ни тотъ, ни другой не попали въ генералъ-прокуроры. Въ Маѣ 1793 г. ему была пожалована Аннинская лента, а впослѣдствіи орденъ св. Владиміра 2 ст.; въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ правителемъ Минской губерніи. При Павлѣ I Неплюевъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку, а 19 Января 1801 г. назначенъ сенаторомъ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. 17 Января 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Высшая награда, полученная имъ, былъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ Августѣ 1822 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ по болѣзни и 6 Іюля 1823 г. скончался въ своемъ Петербургскомъ домѣ (теперь Училище Правовѣдѣнія). Погребенъ въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Поддубьѣ, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

Князь И. М. Долгорукій оставилъ такую его характеристику въ своемъ „Капищѣ": „Человѣкъ ограниченнаго ума, но богатой, чинной, степенной и ни къ чему не пригодной; объ немъ точно можно сказать: „Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки". Я, однакоже, имѣлъ одинъ случай испытать его характеръ, и хотя негдѣ было ему развернуться въ худомъ смыслѣ противъ меня (дѣло того не стоило), однако, въ такое время, когда всякій могъ вредить кому и какъ хотѣлъ, для чего же бы и ему мнѣ не навлечь хлопотъ.... Я былъ во Владимірѣ губернаторомъ, а Неплюевъ сенаторъ и откомандированъ въ Астрахань предохранить тамошній край отъ чумы. Въ это время у меня полиціймейстеръ ударилъ въ щеку майора губернской роты.... Исторія эта такъ заняла правительство, что разсудили нарядить особаго чиновника разсмотрѣть, какъ производится во Владимірѣ столь важное дѣло. Палъ жребій на Неплюева. По именному указу, велѣно ему отправиться изъ Астрахани во Владиміръ разобрать дѣло о знаменитой пощечинѣ.... Все это вздорное и пресмѣшное дѣло онъ производилъ какъ бы самое важнѣйшее. Иванъ Николаевичъ меня очень полюбилъ, чему особеннымъ доказательствомъ служитъ то, что онъ, будучи очень скупъ, подарилъ меня, какъ старшій кавалеръ, медальономъ ордена св. Анны. Я рѣдко видалъ человѣка скучнѣе, тягостнѣе и беднѣе въ обращеніи съ стороны навыковъ и познаній этого напудреннаго и смазаннаго сенатора". Неплюевъ былъ женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Самариной (р. 1777 г., † 1838 г.) и имѣлъ двухъ сыновей: Николая (гвардіи полковникъ; р. 1800 г., † 1858 г.) и Адріана (корнетъ л.-гв. Гусарскаго полка; р. 1804 г., † 1829 г.), и дочь Марію (р. 1805 г., † 1881 г.), за княземъ Эльпидифоромъ Парфеньевичемъ Енгалычевымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. А. Енгалычеву, въ С.-Петербургѣ.)

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НЕПЛЮЕВЪ, 1750—1823, сынъ сенатора Николая Ивановича (р. 1731 г., † 1784 г.), отъ перваго брака его съ княжной Татьяной Өедоровной Мещерской (р. 1730 г., † 1755 г.), внукъ извѣстнаго устроителя Оренбургскаго края, родился 26 Марта 1750 или 1752 г., если вѣрно указаніе дѣда его, И. И. Неплюева, что Николай Ивановичъ вступилъ въ бракъ 30 Мая 1751 года. Дѣтство его протекло въ Оренбургѣ, въ домѣ дѣда, начальника Оренбургскаго края, при которомъ служилъ и его отецъ, а съ 1758 г.—въ Петербургѣ. Въ 1762 г. онъ былъ записанъ капраломъ въ Конную гвардію, черезъ нѣсколько дней произведенъ въ каптенармусы, а по воцареніи Екатерины II въ вахмистры. Въ 1767 г. Неплюевъ былъ посланъ дѣдомъ въ Швецію на 2 года для обученія и возвратился въ 1769 году. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, очень заботившійся объ образованіи и карьерѣ внука, обратился тогда къ Екатеринѣ II съ просьбой о производствѣ его въ офицеры гвардіи и увольненіи въ чужіе края, а въ Октябрѣ того же года молодой Неплюевъ получилъ чинъ капитана арміи и разрѣшеніе „вояжировать" по Западной Европѣ. Въ Январѣ 1770 г. онъ выѣхалъ за границу въ сопровожденіи майора Рейценштейна. Во время путешествія Неплюевъ велъ дневникъ и, желая сдѣлать пріятное дѣду, изучилъ итальянскій языкъ. Возвратившись на родину въ Мартѣ 1772 г., онъ вскорѣ принялъ участіе въ первой Турецкой войнѣ. Въ 1773 г. Неплюевъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры. Чинъ генералъ-майора онъ получилъ только 5 Февраля 1790 года. Въ 1792 г., по смерти генералъ-прокурора князя Вяземскаго, В. С. Поповъ рекомендовалъ Неплюева въ качествѣ кандидата на этотъ важнѣйшій постъ въ государствѣ. Храповицкій записалъ 22 Августа въ своемъ дневникѣ: „Спрашивать у меня изволили о генералъ-майорѣ Иванѣ Николаевичѣ Неплюевѣ. Я похвалилъ, знавъ его подполковникомъ. Чьихъ мать его? Не могъ отвѣчать. Онъ и генералъ-майоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ суть кандидаты въ генералъ-прокуроры, рекомендованные Поповымъ". Ни тотъ, ни другой не попали въ генералъ-прокуроры. Въ Маѣ 1793 г. ему была пожалована Аннинская лента, а впослѣдствіи орденъ св. Владиміра 2 ст.; въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ правителемъ Минской губерніи. При Павлѣ I Неплюевъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку, а 19 Января 1801 г. назначенъ сенаторомъ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. 17 Января 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Высшая награда, полученная имъ, былъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ Августѣ 1822 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ по болѣзни и 6 Іюля 1823 г. скончался въ своемъ Петербургскомъ домѣ (теперь Училище Правовѣдѣнія). Погребенъ въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Поддубьѣ, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

Князь И. М. Долгорукій оставилъ такую его характеристику въ своемъ „Капищѣ": „Человѣкъ ограниченнаго ума, но богатой, чиновной, степенной и ни къ чему не пригодной; объ немъ точно можно сказать: „Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки". Я, однакоже, имѣлъ одинъ случай испытать его характеръ, и хотя негдѣ было ему развернуться въ худомъ смыслѣ противъ меня (дѣло того не стоило), однако, въ такое время, когда всякій могъ вредить кому и какъ хотѣлъ, для чего же бы и ему мнѣ не навлечь хлопотъ.... Я былъ во Владимірѣ губернаторомъ, а Неплюевъ сенаторъ и откомандированъ въ Астрахань предохранить тамошній край отъ чумы. Въ это время у меня полиціймейстеръ ударилъ въ щеку майора губернской роты.... Исторія эта такъ заняла правительство, что разсудили нарядить особаго чиновника разсмотрѣть, какъ производится во Владимірѣ столь важное дѣло. Палъ жребій на Неплюева. По именному указу, велѣно ему отправиться изъ Астрахани во Владиміръ разобрать дѣло о знаменитой пощечинѣ.... Все это вздорное и пресмѣшное дѣло онъ производилъ какъ бы самое важнѣйшее. Иванъ Николаевичъ меня очень полюбилъ, чему особеннымъ доказательствомъ служитъ то, что онъ, будучи очень скупъ, подарилъ меня, какъ старшій кавалеръ, медальономъ ордена св. Анны. Я рѣдко видалъ человѣка скучнѣе, тягостнѣе и беднѣе въ обращеніи съ стороны навыковъ и познаній этого напудреннаго и смазаннаго сенатора". Неплюевъ былъ женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Самариной (р. 1777 г., † 1838 г.) и имѣлъ двухъ сыновей: Николая (гвардіи полковникъ; р. 1800 г., † 1858 г.) и Адріана (корнетъ л.-гв. Гусарскаго полка; р. 1804 г., † 1829 г.), и дочь Марію (р. 1805 г., † 1881 г.), за княземъ Эльпидифоромъ Парфеньевичемъ Енгалычевымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. А. Енгалычеву, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN NIKOLAEWITCH NÉPLIOUEFF, 1750—1823, fils du sénateur Nicolas Ivanowitch Néplioueff (1731—1784) et de sa première femme, née princesse Tatiana Féodorowna Mechtchersky (1730—1755), naquit le 26 mars 1750, ou plutôt 1752, si son père se maria bien le 30 mai 1751, comme le dit son grand-père Ivan Néplioueff, connu comme organisateur et gouverneur de la région d'Orenbourg, sous les ordres duquel son père servait dans cette ville et chez qui il passa son enfance. Amené à Pétersbourg en 1758, il fut enrôlé en 1762 caporal à la Garde à cheval, promu quelques jours après capitaine d'armes et, à l'avènement de Catherine II, vaguemestre. Soucieux de son éducation et de sa carrière, son grand-père l'envoya en 1767 passer deux ans en Suède pour son instruction, puis, à son retour, en 1769, sollicita pour lui de Catherine II le brevet d'officier de la Garde et un congé à l'étranger: fait capitaine à l'Armée en octobre, le jeune homme recevait en même temps l'autorisation de faire un voyage en Occident. Il partit en janvier 1770 avec le major Reizenstein, rédigea un journal de voyage, et, pour faire plaisir à son grand-père, apprit l'italien. De retour en mars 1772, il fit bientôt la première guerre de Turquie, passa second major en 1773, mais attendit jusqu'au 5 février 1790 le grade de général major. En 1792, à la mort du prince Viazemsky, procureur général, Popoff le recommanda pour ce poste, le plus important de l'Empire. Khrapovitzky note le 22 août dans son journal: „S. M. a daigné me questionner sur le général major Néplioueff: j'en ai dit du bien, l'ayant connu lieutenant-colonel. Qui est sa mère? Je n'ai su le dire. Lui et le général major Basile Chérémételf sont candidats au poste de procureur général et patronnés par Popoff". Aucun des deux ne fut nommé. Décoré de Ste-Anne en mai 1793, puis de St-Vladimir de 2e classe, il était à la fin du règne de Catherine administrateur du gouvernement de Minsk. Sous Paul Ier, il prit sa retraite général lieutenant, et fut nommé sénateur le 19 janvier 1801 avec rang de conseiller secret. Il devint membre du Conseil de l'Empire le 17 janvier 1810. Sa plus haute distinction fut St-Alexandre Newsky. Envoyé en congé de convalescence en août 1822, il mourut le 6 juillet 1823 dans sa maison de Pétersbourg (aujourd'hui l'Ecole de Droit), et fut inhumé dans un caveau de famille au bourg de Poddoubié, district de Louga, gouvernement de St-Pétersbourg.

„Esprit borné", dit le prince Dolgorouky dans son Sanctuaire de mon cœur, „mais riche, solennel, gourmé et bon à rien, c'est bien de lui qu'on peut dire:

„Même pour se gratter il met des gants glacés".

„J'eus cependant affaire à lui une fois. Son caractère ne pouvait guère avoir à se manifester en mal à mon égard (la chose n'en valait pas la peine); et pourtant, dans un temps où on pouvait faire du tort à qui on voulait et comme on voulait, pourquoi ne pas me faire quelques misères?... J'étais gouverneur de Vladimir, quand il fut, comme sénateur, envoyé en mission à Astrakhan pour prendre des mesures préventives contre la peste. Sur les entrefaites, mon préfet de police donna un soufflet à un major de compagnie.... L'histoire occupa si fort le gouvernement, qu'on décida d'envoyer un fonctionnaire à Vladimir exprès pour suivre une aussi importante affaire. Le sort tomba sur Néplioueff. Un oukaze de S. M. lui prescrivit de se rendre d'Astrakhan à Vladimir, débrouiller l'affaire du fameux soufflet.... Il donna à cette insignifiante et ridicule histoire l'ampleur d'une affaire d'importance.... Il me témoigna d'ailleurs une grande amitié, en signe de laquelle, tout avare qu'il était, il me donna, comme plus ancien chevalier, un médaillon de l'ordre de Ste-Anne. J'ai rarement vu plus insipide, plus assommant, plus indigent en société comme usages et comme connaissances que ce sénateur poudré et fardé".

Néplioueff épousa Natalie Vassiliewna Samarine (1777—1838), dont il eut deux fils, Nicolas (1800—1858), colonel de la Garde, et Adrien (1804—1829), cornette aux hussards de la Garde, et une fille, Marie (1805—1881), mariée au prince Elpidiphore Parféniewitch Engalytcheff.

(D'après un original appartenant au prince N. Engalytcheff, St-Pétersbourg.)

IVAN NIKOLAEWITCH NÉPLIOUEFF, 1750—1823, fils du sénateur Nicolas Ivanowitch Népliouelf (1731—1784) et de sa première femme, née princesse Tatiana Féodorowna Mechtchersky (1730—1755), naquit le 26 mars 1750, ou plutôt 1752, si son père se maria bien le 30 mai 1751, comme le dit son grand-père Ivan Népliouelf, connu comme organisateur et gouverneur de la région d'Orenbourg, sous les ordres duquel son père servait dans cette ville et chez qui il passa son enfance. Amené à Pétersbourg en 1758, il fut enrôlé en 1762 caporal à la Garde à cheval, promu quelques jours après capitaine d'armes et, à l'avènement de Catherine II, vaguemestre. Soucieux de son éducation et de sa carrière, son grand-père l'envoya en 1767 passer deux ans en Suède pour son instruction, puis, à son retour, en 1769, sollicita pour lui de Catherine II le brevet d'officier de la Garde et un congé à l'étranger: fait capitaine à l'Armée en octobre, le jeune homme recevait en même temps l'autorisation de faire un voyage en Occident. Il partit en janvier 1770 avec le major Reizenstein, rédigea un journal de voyage, et, pour faire plaisir à son grand-père, apprit l'italien. De retour en mars 1772, il fit bientôt la première guerre de Turquie, passa second major en 1773, mais attendit jusqu'au 5 février 1790 le grade de général major. En 1792, à la mort du prince Viazemsky, procureur général, Popoff le recommanda pour ce poste, le plus important de l'Empire. Khrapovitzky note le 22 août dans son journal: „S. M. a daigné me questionner sur le général major Népliouelf: j'en ai dit du bien, l'ayant connu lieutenant-colonel. Qui est sa mère? Je n'ai su le dire. Lui et le général major Basile Chérémételf sont candidats au poste de procureur général et patronnés par Popoff". Aucun des deux ne fut nommé. Décoré de Ste-Anne en mai 1793, puis de St-Vladimir de 2e classe, il était à la fin du règne de Catherine administrateur du gouvernement de Minsk. Sous Paul Ier, il prit sa retraite général lieutenant, et fut nommé sénateur le 19 janvier 1801 avec rang de conseiller secret. Il devint membre du Conseil de l'Empire le 17 janvier 1810. Sa plus haute distinction fut St-Alexandre Newsky. Envoyé en congé de convalescence en août 1822, il mourut le 6 juillet 1823 dans sa maison de Pétersbourg (aujourd'hui l'Ecole de Droit), et fut inhumé dans un caveau de famille au bourg de Poddoubié, district de Louga, gouvernement de St-Pétersbourg.

„Esprit borné", dit le prince Dolgorouky dans son Sanctuaire de mon cœur, „mais riche, solennel, gourmé et bon à rien, c'est bien de lui qu'on peut dire:

„Même pour se gratter il met des gants glacés".

„J'eus cependant affaire à lui une fois. Son caractère ne pouvait guère avoir à se manifester en mal à mon égard (la chose n'en valait pas la peine); et pourtant, dans un temps où on pouvait faire du tort à qui on voulait et comme on voulait, pourquoi ne pas me faire quelques misères?... J'étais gouverneur de Vladimir, quand il fut, comme sénateur, envoyé en mission à Astrakhan pour prendre des mesures préventives contre la peste. Sur les entrefaites, mon préfet de police donna un soufflet à un major de compagnie.... L'histoire occupa si fort le gouvernement, qu'on décida d'envoyer un fonctionnaire à Vladimir exprès pour suivre une aussi importante affaire. Le sort tomba sur Népliouelf. Un oukaze de S. M. lui prescrivit de se rendre d'Astrakhan à Vladimir, débrouiller l'affaire du fameux soufflet.... Il donna à cette insignifiante et ridicule histoire l'ampleur d'une affaire d'importance.... Il me témoigna d'ailleurs une grande amitié, en signe de laquelle, tout avare qu'il était, il me donna, comme plus ancien chevalier, un médaillon de l'ordre de Ste-Anne. J'ai rarement vu plus insipide, plus assommant, plus indigent en société comme usages et comme connaissances que ce sénateur poudré et fardé".

Népliouelf épousa Natalie Vassiliewna Samarine (1777—1838), dont il eut deux fils, Nicolas (1800—1858), colonel de la Garde, et Adrien (1804—1829), cornette aux hussards de la Garde, et une fille, Marie (1805—1881), mariée au prince Elpidiphore Parféniewitch Engalytcheff.

(D'après un original appartenant au prince N. Engalytcheff, St-Pétersbourg.)

СЕРГѢЙ ЛАЗАРЕВИЧЪ ЛАШКАРЕВЪ, 1739—1814, былъ сынъ грузинскаго выходца Лазаря Григорьевича Лашкарева. Въ 1762 году онъ началъ дипломатическую службу въ Константинопольской миссіи и въ началѣ первой Турецкой войны, когда посланникъ Обрѣзковъ былъ посаженъ турками въ тюрьму, завѣдывалъ посольствомъ. Отпущенный въ 1770 г. изъ Константинополя, онъ во время войны исполнялъ различныя секретныя порученія на Востокѣ, а по заключеніи мира завѣдывалъ отправкой въ Россію освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ и греческихъ эмигрантовъ. Въ 1779 г. Лашкаревъ былъ назначенъ сначала консуломъ въ Синопъ, а затѣмъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію и Валахію. Въ концѣ 1782 года онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Крымъ для ликвидаціи Крымскаго вопроса, и ему удалось убѣдить низложеннаго хана Шагинъ-Гирея переѣхать изъ Тамани въ Калугу; 2 Марта 1786 г. онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персію, но Потемкинъ оставилъ его при себѣ „для важнѣйшихъ порученій по азіатскимъ дѣламъ“. Во время второй Турецкой войны Лашкаревъ состоялъ при князѣ Таврическомъ, ѣздилъ для переговоровъ въ Шумлу и былъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Яссахъ. Награжденный въ это время чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 3 ст., Лашкаревъ во время празднованія Ясскаго мира въ 1793 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и имѣніе въ Минской губерніи. Послѣ войны Лашкаревъ завѣдывалъ въ Иностранной Коллегіи азіатскими дѣлами, съ правомъ личнаго доклада Императрицѣ.

Павелъ I наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника, орденомъ Анны 1-й ст. и командорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Лашкаревъ игралъ видную роль въ дѣлѣ присоединенія Грузіи къ Россіи; 4 Января 1804 года Лашкаревъ вышелъ въ отставку и, вмѣсто Александровской звѣзды, которой предполагалъ наградить его Павелъ I, получилъ лишь похвальный листъ и золотую табакерку. Послѣ этого онъ жилъ на покоѣ главнымъ образомъ въ своемъ Витебскомъ имѣніи, Дымовѣ, и лишь въ 1807 г. ему была поручена „временная комиссія“—предсѣдательствовать въ соединенномъ Диванѣ Молдавіи и Валахіи, гдѣ онъ скоро поссорился съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ, не любившимъ потемкинцевъ. Лашкаревъ умеръ въ Витебскѣ 6 Октября 1814 года и погребенъ въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ. Отъ брака съ Констанціей Ивановной Дюнанъ онъ имѣлъ сыновей: Павла, Ивана, Александра, Сергѣя, Андрея и Григорія, и дочь, бывшую въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ.

Отзывы о Лашкаревѣ противорѣчивы. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ именно такимъ дипломатомъ, какой нуженъ Россіи на Востокѣ, для того, чтобы дѣла шли „съ успѣхомъ и пользою государственною“. Умный и находчивый, знакомый съ мѣстными языками и съ характеромъ восточныхъ людей, онъ умѣлъ держать себя такъ, что заслуживалъ расположеніе и Крымскаго хана, и Турецкихъ пашей, и обывателей Молдавіи и Валахіи. Князь Потемкинъ, Екатерина II и Павелъ I, повидимому, очень цѣнили этого „маленькаго богатыря“. Лашкаревъ не боялся даже спорить съ Павломъ I, который обыкновенно сдавался, когда видѣлъ, что Лашкаревъ „непремѣнно на своемъ настоять хочетъ“. Лашкаревъ жилъ широко, и правительство не разъ платило его долги. Но Лашкаревъ утверждалъ, что эти монаршія милости были его единственнымъ рессурсомъ, и на вопросъ Екатерины: „Маленькій богатырь, долго ли я за тебя буду платить долги“, онъ съ гордостью отвѣчалъ: „Матушка Государыня, покуда красть не стану!“ Напротивъ, Безбородко находилъ въ Лашкаревѣ „крайнюю неспособность ни къ какому дѣлу“, утверждалъ, что онъ „перепакостилъ“ все въ Константинополѣ, въ Молдавіи правилъ „деспотически“ и „имѣлъ большую часть сборовъ на откупу за собою“. „Онъ идей человѣческихъ о дѣлѣ не имѣетъ“, писалъ Безбородко о Лашкаревѣ, „ни на одномъ языкѣ не умѣетъ говорить и служитъ посмѣшищемъ для турокъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. С. Лашкаревой, въ С.-Петербургѣ.)

СЕРГѢЙ ЛАЗАРЕВИЧЪ ЛАШКАРЕВЪ, 1739—1814, былъ сынъ грузинскаго выходца Лазаря Григорьевича Лашкарева. Въ 1762 году онъ началъ дипломатическую службу въ Константинопольской миссіи и въ началѣ первой Турецкой войны, когда посланникъ Обрѣзковъ былъ посаженъ турками въ тюрьму, завѣдывалъ посольствомъ. Отпущенный въ 1770 г. изъ Константинополя, онъ во время войны исполнялъ различныя секретныя порученія на Востокѣ, а по заключеніи мира завѣдывалъ отправкой въ Россію освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ и греческихъ эмигрантовъ. Въ 1779 г. Лашкаревъ былъ назначенъ сначала консуломъ въ Синопъ, а затѣмъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію и Валахію. Въ концѣ 1782 года онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Крымъ для ликвидаціи Крымскаго вопроса, и ему удалось убѣдить низложеннаго хана Шагинъ-Гирея переѣхать изъ Тамани въ Калугу; 2 Марта 1786 г. онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персію, но Потемкинъ оставилъ его при себѣ „для важнѣйшихъ порученій по азіатскимъ дѣламъ". Во время второй Турецкой войны Лашкаревъ состоялъ при князѣ Таврическомъ, ѣздилъ для переговоровъ въ Шумлу и былъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Яссахъ. Награжденный въ это время чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 3 ст., Лашкаревъ во время празднованія Ясскаго мира въ 1793 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и имѣніе въ Минской губерніи. Послѣ войны Лашкаревъ завѣдывалъ въ Иностранной Коллегіи азіатскими дѣлами, съ правомъ личнаго доклада Императрицѣ.

Павелъ I наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника, орденомъ Анны 1-й ст. и командорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Лашкаревъ игралъ видную роль въ дѣлѣ присоединенія Грузіи къ Россіи; 4 Января 1804 года Лашкаревъ вышелъ въ отставку и, вмѣсто Александровской звѣзды, которой предполагалъ наградить его Павелъ I, получилъ лишь похвальный листъ и золотую табакерку. Послѣ этого онъ жилъ на покоѣ главнымъ образомъ въ своемъ Витебскомъ имѣніи, Дымовѣ, и лишь въ 1807 г. ему была поручена „временная комиссія"—предсѣдательствовать въ соединенномъ Диванѣ Молдавіи и Валахіи, гдѣ онъ скоро поссорился съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ, не любившимъ потемкинцевъ. Лашкаревъ умеръ въ Витебскѣ 6 Октября 1814 года и погребенъ въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ. Отъ брака съ Констанціей Ивановной Дюнанъ онъ имѣлъ сыновей: Павла, Ивана, Александра, Сергѣя, Андрея и Григорія, и дочь, бывшую въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ.

Отзывы о Лашкаревѣ противорѣчивы. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ именно такимъ дипломатомъ, какой нуженъ Россіи на Востокѣ, для того, чтобы дѣла шли „съ успѣхомъ и пользою государственною". Умный и находчивый, знакомый съ мѣстными языками и съ характеромъ восточныхъ людей, онъ умѣлъ держать себя такъ, что заслуживалъ расположеніе и Крымскаго хана, и Турецкихъ пашей, и обывателей Молдавіи и Валахіи. Князь Потемкинъ, Екатерина II и Павелъ I, повидимому, очень цѣнили этого „маленькаго богатыря". Лашкаревъ не боялся даже спорить съ Павломъ I, который обыкновенно сдавался, когда видѣлъ, что Лашкаревъ „непремѣнно на своемъ настоять хочетъ". Лашкаревъ жилъ широко, и правительство не разъ платило его долги. Но Лашкаревъ утверждалъ, что эти монаршія милости были его единственнымъ рессурсомъ, и на вопросъ Екатерины: „Маленькій богатырь, долго ли я за тебя буду платить долги", онъ съ гордостью отвѣчалъ: „Матушка Государыня, покуда красть не стану!" Напротивъ, Безбородко находилъ въ Лашкаревѣ „крайнюю неспособность ни къ какому дѣлу", утверждалъ, что онъ „перепакостилъ" все въ Константинополѣ, въ Молдавіи правилъ „деспотически" и „имѣлъ большую часть сборовъ на откупу за собою". „Онъ идей человѣческихъ о дѣлѣ не имѣетъ", писалъ Безбородко о Лашкаревѣ, „ни на одномъ языкѣ не умѣетъ говорить и служитъ посмѣшищемъ для турокъ".

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. С. Лашкаревой, въ С.-Петербургѣ.)

SERGE LAZAREWITCH LACHKAREFF, 1739—1814, fils d'un émigré géorgien, débuta en 1762 dans la carrière diplomatique à la légation de Constantinople, et, au début de la première guerre de Turquie, lorsque le ministre Obreskoff fut mis en prison par les Turcs, le remplaça à l'ambassade. Sorti de Constantinople en 1770, il accomplit pendant la guerre diverses missions secrètes en Orient, puis, à la paix, présida au rapatriement des prisonniers russes, auxquels se joignirent des émigrés grecs. En 1779, il fut nommé d'abord consul à Sinope, puis consul général en Moldavie et Valachie. Résident en Crimée à la fin de 1782 pour la liquidation des affaires, il réussit à décider le khan détrôné Chaghin-Ghireï à se retirer à Kalouga. Il fut ensuite nommé le 2 mars 1786 chargé d'affaires en Perse, mais Potemkine voulut le garder „en vue de missions importantes pour les affaires asiatiques". Lors de la seconde guerre de Turquie, il fut encore attaché à sa personne, alla aux négociations de Choumla et fut plénipotentiaire au congrès de Yassy. Alors fait conseiller d'état et décoré de St-Vladimir de 3e classe, il obtint à la paix le rang de conseiller d'état actuel et des terres au gouvernement de Minsk. Après la guerre, il eut au Collège des Affaires étrangères la direction des affaires d'Asie, avec droit de faire personnellement rapport à l'Impératrice.

Sous le règne de Paul Ier, Lachkareff devint conseiller privé, chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Il joua un rôle marquant dans la réunion de la Géorgie à la Russie. A sa retraite, le 4 janvier 1804, au lieu de l'étoile de St-Alexandre que comptait lui conférer Paul Ier, il ne reçut qu'un témoignage de satisfaction et une tabatière d'or. Il se retira ensuite dans la vie privée, la plupart du temps à Dymovo, sa propriété des environs de Vitebsk, et seulement en 1807 reçut la „mission spéciale" de présider les divans réunis de Moldavie et Valachie: mais bientôt il ne put s'entendre avec le prince Prozorowsky, commandant en chef, qui n'aimait pas les auxiliaires de Potemkine. Il mourut à Vitebsk le 6 octobre 1814, et y fut inhumé au monastère St-Marc. Il avait épousé Constance Dunan, dont il eut plusieurs fils: Paul, Ivan, Alexandre, Serge, André et Grégoire, et une fille, mariée au conseiller privé Karnéeff.

Les appréciations sur Lachkareff sont contradictoires. Pour les uns, c'était bien le diplomate qu'il fallait à la Russie en Orient pour mener les choses „avec succès et profit pour l'Etat". Intelligent et débrouillard, avec son usage des langues et des caractères des gens du pays, il sut se concilier à la fois le khan de Crimée, les pachas turcs et les populations de Moldavie et de Valachie, et semble s'être fait également apprécier de Potemkine, de Catherine et de Paul. Il ne craignait même pas d'entrer en discussion avec celui-ci, qui cédait d'ordinaire en le voyant „entêté dans son idée". Lachkareff vivait sur un grand pied, et l'Etat paya plus d'une fois ses dettes. Mais il prétendait que ces largesses étaient sa seule ressource: „Mon petit gaillard", lui demandait Catherine, „est-ce que tu vas me faire longtemps payer tes dettes?"—„Bonne Souveraine, tant que je ne me déciderai pas à voler!" Bezborodko, tout au contraire, trouvait qu'il n'était „absolument bon à rien", prétendant qu'à Constantinople il avait tout „gâché" et qu'en Moldavie, il faisait „le despote" et „avait presque tous les revenus à ferme pour son propre compte". Et Bezborodko ajoute: „Il n'a pas la moindre idée des affaires et ne sait aucune langue; il est la risée des Turcs!"

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à Mme P. Lachkareff, St-Pétersbourg.)

115

SERGE LAZAREWITCH LACHKAREFF, 1739—1814, fils d'un émigré géorgien, débuta en 1762 dans la carrière diplomatique à la légation de Constantinople, et, au début de la première guerre de Turquie, lorsque le ministre Obreskoff fut mis en prison par les Turcs, le remplaça à l'ambassade. Sorti de Constantinople en 1770, il accomplit pendant la guerre diverses missions secrètes en Orient, puis, à la paix, présida au rapatriement des prisonniers russes, auxquels se joignirent des émigrés grecs. En 1779, il fut nommé d'abord consul à Sinope, puis consul général en Moldavie et Valachie. Résident en Crimée à la fin de 1782 pour la liquidation des affaires, il réussit à décider le khan détrôné Chaghin-Ghireï à se retirer à Kalouga. Il fut ensuite nommé le 2 mars 1786 chargé d'affaires en Perse, mais Potemkine voulut le garder „en vue de missions importantes pour les affaires asiatiques". Lors de la seconde guerre de Turquie, il fut encore attaché à sa personne, alla aux négociations de Choumla et fut plénipotentiaire au congrès de Yassy. Alors fait conseiller d'état et décoré de St-Vladimir de 3e classe, il obtint à la paix le rang de conseiller d'état actuel et des terres au gouvernement de Minsk. Après la guerre, il eut au Collège des Affaires étrangères la direction des affaires d'Asie, avec droit de faire personnellement rapport à l'Impératrice.

Sous le règne de Paul Ier, Lachkareff devint conseiller privé, chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Il joua un rôle marquant dans la réunion de la Géorgie à la Russie. A sa retraite, le 4 janvier 1804, au lieu de l'étoile de St-Alexandre que comptait lui conférer Paul Ier, il ne reçut qu'un témoignage de satisfaction et une tabatière d'or. Il se retira ensuite dans la vie privée, la plupart du temps à Dymovo, sa propriété des environs de Vitebsk, et seulement en 1807 reçut la „mission spéciale" de présider les divans réunis de Moldavie et Valachie: mais bientôt il ne put s'entendre avec le prince Prozorowsky, commandant en chef, qui n'aimait pas les auxiliaires de Potemkine. Il mourut à Vitebsk le 6 octobre 1814, et y fut inhumé au monastère St-Marc. Il avait épousé Constance Dunan, dont il eut plusieurs fils: Paul, Ivan, Alexandre, Serge, André et Grégoire, et une fille, mariée au conseiller privé Karnéeff.

Les appréciations sur Lachkareff sont contradictoires. Pour les uns, c'était bien le diplomate qu'il fallait à la Russie en Orient pour mener les choses „avec succès et profit pour l'Etat". Intelligent et débrouillard, avec son usage des langues et des caractères des gens du pays, il sut se concilier à la fois le khan de Crimée, les pachas turcs et les populations de Moldavie et de Valachie, et semble s'être fait également apprécier de Potemkine, de Catherine et de Paul. Il ne craignait même pas d'entrer en discussion avec celui-ci, qui cédait d'ordinaire en le voyant „entêté dans son idée". Lachkareff vivait sur un grand pied, et l'Etat paya plus d'une fois ses dettes. Mais il prétendait que ces largesses étaient sa seule ressource: „Mon petit gaillard", lui demandait Catherine, „est-ce que tu vas me faire longtemps payer tes dettes?"—„Bonne Souveraine, tant que je ne me déciderai pas à voler!" Bezborodko, tout au contraire, trouvait qu'il n'était „absolument bon à rien", prétendant qu'à Constantinople il avait tout „gâché" et qu'en Moldavie, il faisait „le despote" et „avait presque tous les revenus à ferme pour son propre compte". Et Bezborodko ajoute: „Il n'a pas la moindre idée des affaires et ne sait aucune langue; il est la risée des Turcs!"

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à Mme P. Lachkareff, St-Pétersbourg.)

114

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, 1752—1831, сынъ гвардіи капитана Сергѣя Васильевича (р. 1723 г., † 1773 г.), отъ брака его съ княжной Натальей Яковлевной Голицыной (р. 1731 г., † 1792 г.), родился 20 Февраля 1752 года. Въ 1772 г. онъ отправился путешествовать за границу, и по этому поводу Екатерина II писала князю М. Н. Волконскому: „Корнета Шереметева я увольняю въ чужіе края на 2 года для наученія; да совѣтуйте ему лучше ѣхать куда въ университетъ, нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять". Пробывъ за границей годъ, В. С. Шереметевъ возвратился на родину и всецѣло отдался военной службѣ, командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ и дослужился до чина генералъ-майора. Онъ отличился во время Второй Турецкой войны. Послѣ смерти генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго въ 1792 году, Шереметевъ, рекомендованный В. С. Поповымъ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на важный постъ генералъ-прокурора. По этому поводу родственница его, Анна Семеновна Шереметева, писала: „Для меня очень мудрено будетъ видѣть его въ этой должности, хотя онъ и пречестный человѣкъ, но привязанность его такъ велика къ военной службѣ, что объ штатской и понятія не имѣетъ... Думаю, что онъ, ежели можно будетъ, то откажется". Генералъ-прокуроромъ Шереметевъ не сдѣлался, но все-таки ему вскорѣ пришлось превратиться изъ военнаго въ администратора: въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при Павлѣ I онъ былъ поручикомъ (вице-губернаторомъ) Волынскаго намѣстничества и Изяславскимъ (Волынскимъ) губернаторомъ. При Александрѣ I Шереметевъ, связанный тѣсной дружбой съ графомъ Н. П. Шереметевымъ, былъ первымъ попечителемъ Шереметевскаго страннопріимнаго дома, въ Москвѣ.

В. С. Шереметевъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Марченко (р. 1770 г., † 1850 г.), при чемъ его бракъ съ ней былъ встрѣченъ несочувственно многими изъ его родныхъ. Онъ имѣлъ отъ нея 4 сыновей: Сергѣя (р. 1792 г., † 1866 г.), Василія (р. 1794 г., † 1817 г.), Петра (р. 1799 г., † 1837 г.) и Николая (р. 1804 г., † 1849 г.), и 3 дочерей: Наталью (р. 1795 г., † 18.. г.; за Д. М. Обресковымъ), Юлію (р. 1800 г., † 1862 г.; за В. А. Шереметевымъ) и Елену. Скончался В. С. Шереметевъ 8 Февраля 1831 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

114

ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, 1752—1831, сынъ гвардіи капитана Сергѣя Васильевича (р. 1723 г., † 1773 г.), отъ брака его съ княжной Натальей Яковлевной Голицыной (р. 1731 г., † 1792 г.), родился 20 Февраля 1752 года. Въ 1772 г. онъ отправился путешествовать за границу, и по этому поводу Екатерина II писала князю М. Н. Волконскому: „Корнета Шереметева я увольняю въ чужіе края на 2 года для наученія; да совѣтуйте ему лучше ѣхать куда въ университетъ, нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять“. Пробывъ за границей годъ, В. С. Шереметевъ возвратился на родину и всецѣло отдался военной службѣ, командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ и дослужился до чина генералъ-майора. Онъ отличился во время Второй Турецкой войны. Послѣ смерти генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго въ 1792 году, Шереметевъ, рекомендованный В. С. Поповымъ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на важный постъ генералъ-прокурора. По этому поводу родственница его, Анна Семеновна Шереметева, писала: „Для меня очень мудрено будетъ видѣть его въ этой должности, хотя онъ и пречестный человѣкъ, но привязанность его такъ велика къ военной службѣ, что объ штатской и понятія не имѣетъ... Думаю, что онъ, ежели можно будетъ, то откажется“. Генералъ-прокуроромъ Шереметевъ не сдѣлался, но все-таки ему вскорѣ пришлось превратиться изъ военнаго въ администратора: въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при Павлѣ I онъ былъ поручикомъ (вице-губернаторомъ) Волынскаго намѣстничества и Изяславскимъ (Волынскимъ) губернаторомъ. При Александрѣ I Шереметевъ, связанный тѣсной дружбой съ графомъ Н. П. Шереметевымъ, былъ первымъ попечителемъ Шереметевскаго страннопріимнаго дома, въ Москвѣ.

В. С. Шереметевъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Марченко (р. 1770 г., † 1850 г.), при чемъ его бракъ съ ней былъ встрѣченъ несочувственно многими изъ его родныхъ. Онъ имѣлъ отъ нея 4 сыновей: Сергѣя (р. 1792 г., † 1866 г.), Василія (р. 1794 г., † 1817 г.), Петра (р. 1799 г., † 1837 г.) и Николая (р. 1804 г., † 1849 г.), и 3 дочерей: Наталью (р. 1795 г., † 18.. г.; за Д. М. Обресковымъ), Юлію (р. 1800 г., † 1862 г.; за В. А. Шереметевымъ) и Елену. Скончался В. С. Шереметевъ 8 Февраля 1831 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

114

BASILE SERGUÉEWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1752—1831, fils du capitaine de la Garde Serge Vassiliewitch Chéréméteff (1723—1773) et de Natalie Yakovlewna, née princesse Golitzyne (1731—1792), naquit le 20 février 1752. Il alla en 1772 voyager à l'étranger, et Catherine II écrivait à ce propos au prince M. Wolkonsky: „J'envoie le cornette Chéréméteff passer deux ans à l'étranger pour son instruction. Conseillez-lui donc d'aller dans une autre université qu'à Paris, où il n'y a rien à faire". De retour au bout d'un an, Chéréméteff se consacra tout entier à la carrière des armes: il commanda le régiment de cavalerie légère de Poltava et servit jusqu'au grade de général major. Il se signala à la seconde guerre de Turquie. A la mort du prince Viazemsky, le procureur général, en 1792, il fut, sous le patronage de Popoff, un des candidats à ce poste important. Une de ses parentes, Anne Sémenowna Chéréméteff, écrivait à ce propos: „J'aurais bien de la peine à le voir là: c'est un charmant homme, mais il est si attaché au militaire qu'il n'entend rien au civil.... Je crois que, s'il y a moyen, il refusera". Il ne fut pas nommé, mais il dut bientôt, toutefois, d'officier devenir administrateur: à la fin du règne de Catherine II et sous Paul Ier, il fut vice-gouverneur, puis gouverneur en Volhynie. Sous le règne suivant, lié d'une étroite amitié avec le comte N. Chéréméteff, il fut le premier curateur de l'Hospice Chéréméteff à Moscou.

Chéréméteff épousa, au grand déplaisir d'une bonne partie de sa famille, Tatiana Ivanowna Martchenko (1770—1850), dont il eut quatre fils, Serge (1792—1866), Basile (1794—1817), Pierre (1799—1837) et Nicolas (1804—1849), et trois filles, Natalie (1795—18 . .), mariée à D. Obreskoff, Julie (1800—1862), à B. Chéréméteff, et Hélène. Il mourut le 8 février 1831.

(D'après une miniature appartenant à Mme J. Chéréméteff, St-Pétersbourg.)

114

BASILE SERGUÉEWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1752—1831, fils du capitaine de la Garde Serge Vassiliewitch Chéréméteff (1723—1775) et de Natalie Yakovlewna, née princesse Golitzyne (1731—1792), naquit le 20 février 1752. Il alla en 1772 voyager à l'étranger, et Catherine II écrivait à ce propos au prince M. Wolkonsky: „J'envoie le cornette Chéréméteff passer deux ans à l'étranger pour son instruction. Conseillez-lui donc d'aller dans une autre université qu'à Paris, où il n'y a rien à faire". De retour au bout d'un an, Chéréméteff se consacra tout entier à la carrière des armes: il commanda le régiment de cavalerie légère de Poltava et servit jusqu'au grade de général major. Il se signala à la seconde guerre de Turquie. A la mort du prince Viazemsky, le procureur général, en 1792, il fut, sous le patronage de Popoff, un des candidats à ce poste important. Une de ses parentes, Anne Sémenowna Chéréméteff, écrivait à ce propos: „J'aurais bien de la peine à le voir là: c'est un charmant homme, mais il est si attaché au militaire qu'il n'entend rien au civil.... Je crois que, s'il y a moyen, il refusera". Il ne fut pas nommé, mais il dut bientôt, toutefois, d'officier devenir administrateur: à la fin du règne de Catherine II et sous Paul Ier, il fut vice-gouverneur, puis gouverneur en Volhynie. Sous le règne suivant, lié d'une étroite amitié avec le comte N. Chéréméteff, il fut le premier curateur de l'Hospice Chéréméteff à Moscou.

Chéréméteff épousa, au grand déplaisir d'une bonne partie de sa famille, Tatiana Ivanowna Martchenko (1770—1850), dont il eut quatre fils, Serge (1792—1866), Basile (1794—1817), Pierre (1799—1837) et Nicolas (1804—1849), et trois filles, Natalie (1795—18 . .), mariée à D. Obreskoff, Julie (1800—1862), à B. Chéréméteff, et Hélène. Il mourut le 8 février 1831.

(D'après une miniature appartenant à Mme J. Chéréméteff, St-Pétersbourg.)

МАРІЯ СЕМЕНОВНА БАХМЕТЕВА, 1766—18.., дочь Калужскаго губернскаго прокурора, статскаго совѣтника князя Семена Сергѣевича Львова, отъ брака съ Екатериной Никитичной Іевлевой, была женой Петра Алексѣевича Бахметева. Въ 1784 г. княжна Львова уже выѣзжала въ свѣтъ. Болотовъ, описывая балъ въ Калугѣ у Шепелева, упоминаетъ о ней: „Насмотрѣлся танцевъ, а особливо славной танцовщицы княгини Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славной по фавору къ ней покойнаго графа А. Г. Орлова-Чесменскаго". Бракъ Маріи Семеновны былъ очень неудаченъ: Бахметевъ, пожилой вдовецъ, имѣвшій большого сына, былъ, по отзыву Яньковой, человѣкъ „предерзкій и пренеобтесанный, однимъ словомъ, старый любезникъ". Она не могла вынести жизни съ такимъ мужемъ, оставила его и поселилась у графа А. Г. Орлова на положеніи дочери. Домашніе графа относились къ ней съ большой дружбой: его дочь, графиня Анна Алексѣевна, называла ее сестричкой; невѣста, а потомъ жена его сына, Чесменскаго—маменькой. „Фаворъ" Маріи Семеновны причинилъ вначалѣ не мало заботъ ея роднымъ. Въ Іюлѣ 1794 г. она писала: „Что касается до моихъ неудовольствіевъ, то они кончились. Поздно перемѣнять правила—доживать такъ вѣкъ, какъ Богъ велитъ". Въ 1797 г. Орловъ уѣхалъ съ семьей за границу, а черезъ нѣкоторое время за ними послѣдовала туда и Бахметева. По воцареніи Александра I графъ вернулся въ Москву и поселился въ Нескучномъ, вмѣстѣ съ Маріей Семеновной. Въ 1802 г. произошла между ними размолвка, и Бахметева переѣхала въ свой домъ, находившійся близъ Нескучнаго. 21 Марта 1802 г. Орловъ писалъ зятю Маріи Семеновны, В. В. Шереметеву: „Во время разлуки вашей свояченицы съ мужемъ, я съ тѣхъ поръ взялъ на себя попеченіе не оставлять, сказавъ, желаю быть вторымъ отцомъ, отъ чего и не отпираюсь.... У насъ же и съ начала нашего знакомства положено было на словѣ, что можемъ разойтись, когда кто кому не понравится, а я расположенъ былъ и всю мою жизнь вмѣстѣ препроводить, но что же дѣлать, когда такъ случилось". Ссора произошла изъ-за пустяковъ, изъ-за рабочаго (швейнаго) столика. „Швейный столикъ" имѣлъ вообще, повидимому, значеніе въ жизни Бахметевой. Она была большая рукодѣльница и въ 1794 г. вышивала для графа свой портретъ. По словамъ Орлова, Марія Семеновна „чудеса шитьемъ производитъ". Особа живая и веселая, остроумная и злоязычная, она все время была въ хлопотахъ, то покупала родичамъ шали и кисею, то готовила сыры, рисовала, заказывала писать съ себя портретъ миніатюрный для того, чтобы потомъ его вышить шелками, то запоемъ ѣздила по Москвѣ по гостямъ, то сидѣла дома съ „хозяиномъ", который то бывалъ „въ нравѣ хорошъ", а то и „побранивалъ". Вдругъ Марія Семеновна начинала вставать „до свѣту", а затѣмъ „зачинала долго спать" и „такая лѣнь, что ни за что приняться не хочется, предалась праздности и занимаюсь чтеніемъ романовъ". По временамъ она скакала на вечера „нарядна и весела" и увѣряла, что вела себя „тихо и благопристойно: по деревамъ не лазила и черезъ ножку не прыгала", временами скакала верхомъ, къ отчаянію родныхъ, увѣряя также, что это ей здорово. „Стараюсь всѣми силами быть aimable, по цѣлому дню рѣзвиться и говорить вздоръ; не знаю, не скучу ли, становлюсь стара!" И почти въ то же время писала: „Всѣ нашли, что я удивительно помолодѣла, вотъ какова телятина! Дѣлъ у меня пропасть, и ничего не дѣлаю, живу, какъ на вѣтру; вы знаете мой маперъ, что все спѣшу".... Вышеупомянутая размолвка продолжалась недолго и не повліяла на теплоту дружбы Орлова и Бахметевой. Въ Маѣ того же 1802 г. Марія Семеновна была у Орлова, въ его „Островѣ". Однако, повидимому, въ Москвѣ она продолжала жить въ своемъ домѣ. Въ 1807 г. Бахметева потеряла своего стараго, вѣрнаго друга. Состояніе М. С. Бахметевой было довольно хорошее: кромѣ дома въ Москвѣ, у нея было нѣсколько имѣній, между прочимъ село Михайловское. Нынѣшній владѣлецъ, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе „Архива села Михайловскаго", и въ I т. мы находимъ чрезвычайно интересную, типичную по колориту и обыденнымъ драгоцѣннымъ мелочамъ переписку Бахметевой съ графиней А. А. Орловой, Чесменскими и родственниками—Львовыми и Шереметевыми. Письма Маріи Семеновны написаны по-русски очень неправильно, но и писать по-французски ей было „затруднительно: пишу, какъ умѣю", говоритъ она въ одномъ мѣстѣ. Когда скончалась Марія Семеновна, намъ неизвѣстно, но въ 1839 г. она еще жила. Къ этому году относится ея письмо къ графинѣ А. С. Шереметевой, съ поздравленіемъ съ семейнымъ торжествомъ. Она гостила въ это время у родныхъ и писала: „Не знаю, когда возвращусь въ свою пустынь, изъ которой не думала никогда выѣзжать, по недостатку силы".

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву, с. Михайловское, Московской губ.)

МАРІЯ СЕМЕНОВНА БАХМЕТЕВА, 1766—18.., дочь Калужскаго губернскаго прокурора, статскаго совѣтника князя Семена Сергѣевича Львова, отъ брака съ Екатериной Никитичной Іевлевой, была женой Петра Алексѣевича Бахметева. Въ 1784 г. княжна Львова уже выѣзжала въ свѣтъ. Болотовъ, описывая балъ въ Калугѣ у Шепелева, упоминаетъ о ней: „Насмотрѣлся танцевъ, а особливо славной танцовщицы княгини Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славной по фавору къ ней покойнаго графа А. Г. Орлова-Чесменскаго“. Бракъ Маріи Семеновны былъ очень неудаченъ: Бахметевъ, пожилой вдовецъ, имѣвшій большого сына, былъ, по отзыву Яньковой, человѣкъ „предерзкій и пренеобтесанный, однимъ словомъ, старый любезникъ“. Она не могла вынести жизни съ такимъ мужемъ, оставила его и поселилась у графа А. Г. Орлова на положеніи дочери. Домашніе графа относились къ ней съ большой дружбой: его дочь, графиня Анна Алексѣевна, называла ее сестричкой; невѣста, а потомъ жена его сына, Чесменскаго — маменькой. „Фаворъ“ Маріи Семеновны причинилъ вначалѣ не мало заботъ ея роднымъ. Въ Іюлѣ 1794 г. она писала: „Что касается до моихъ неудовольствіевъ, то они кончились. Поздно перемѣнять правила — доживать такъ вѣкъ, какъ Богъ велитъ“. Въ 1797 г. Орловъ уѣхалъ съ семьей за границу, а черезъ нѣкоторое время за ними послѣдовала туда и Бахметева. По воцареніи Александра I графъ вернулся въ Москву и поселился въ Нескучномъ, вмѣстѣ съ Маріей Семеновной. Въ 1802 г. произошла между ними размолвка, и Бахметева переѣхала въ свой домъ, находившійся близъ Нескучнаго. 21 Марта 1802 г. Орловъ писалъ зятю Маріи Семеновны, В. В. Шереметеву: „Во время разлуки вашей своячины съ мужемъ, я съ тѣхъ поръ взялъ на себя попеченіе не оставлять, сказавъ, желаю быть вторымъ отцомъ, отъ чего и не отпираюсь.... У насъ же и съ начала нашего знакомства положено было на словѣ, что можемъ разойтись, когда кто кому не понравится, а я расположенъ былъ и всю мою жизнь вмѣстѣ препроводить, но что же дѣлать, когда такъ случилось“. Ссора произошла изъ-за пустяковъ, изъ-за рабочаго (швейнаго) столика. „Швейный столикъ“ имѣлъ вообще, повидимому, значеніе въ жизни Бахметевой. Она была большая рукодѣльница и въ 1794 г. вышивала для графа свой портретъ. По словамъ Орлова, Марія Семеновна „чудеса шитьемъ производитъ“. Особа живая и веселая, остроумная и злоязычная, она все время была въ хлопотахъ, то покупала родичамъ шали и кисею, то готовила сыры, рисовала, заказывала писать съ себя портретъ миніатюрный для того, чтобы потомъ его вышить шелками, то запоемъ ѣздила по Москвѣ по гостямъ, то сидѣла дома съ „хозяиномъ“, который то бывалъ „въ нравѣ хорошъ“, а то и „побранивалъ“. Вдругъ Марія Семеновна начинала вставать „до свѣту“, а затѣмъ „зачинала долго спать“ и „такая лѣнь, что ни за что приняться не хочется, предалась праздности и занимаюсь чтеніемъ романовъ“. По временамъ она скакала на вечера „нарядна и весела“ и увѣряла, что вела себя „тихо и благопристойно: по деревамъ не лазила и черезъ пожку не прыгала“, временами скакала верхомъ, къ отчаянію родныхъ, увѣряя также, что это ей здорово. „Стараюсь всѣми силами быть aimable, по цѣлому дню рѣзвиться и говорить вздоръ; не знаю, не скучу ли, становлюсь стара!“ И почти въ то же время писала: „Всѣ нашли, что я удивительно помолодѣла, вотъ какова телятина! Дѣлъ у меня пропасть, и ничего не дѣлаю, живу, какъ на вѣтру; вы знаете мой маперъ, что все спѣшу“.... Вышеупомянутая размолвка продолжалась недолго и не повліяла на теплоту дружбы Орлова и Бахметевой. Въ Маѣ того же 1802 г. Марія Семеновна была у Орлова, въ его „Островѣ“. Однако, повидимому, въ Москвѣ она продолжала жить въ своемъ домѣ. Въ 1807 г. Бахметева потеряла своего стараго, вѣрнаго друга. Состояніе М. С. Бахметевой было довольно хорошее: кромѣ дома въ Москвѣ, у нея было нѣсколько имѣній, между прочимъ село Михайловское. Нынѣшній владѣлецъ, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе „Архива села Михайловскаго“, и въ I т. мы находимъ чрезвычайно интересную, типичную по колориту и обыденнымъ драгоцѣннымъ мелочамъ переписку Бахметевой съ графиней А. А. Орловой, Чесменскимъ и родственниками — Львовыми и Шереметевыми. Письма Маріи Семеновны написаны по-русски очень неправильно, но и писать по-французски ей было „затруднительно: пишу, какъ умѣю“, говоритъ она въ одномъ мѣстѣ. Когда скончалась Марія Семеновна, намъ неизвѣстно, но въ 1839 г. она еще жила. Къ этому году относится ея письмо къ графинѣ А. С. Шереметевой, съ поздравленіемъ съ семейнымъ торжествомъ. Она гостила въ это время у родныхъ и писала: „Не знаю, когда возвращусь въ свою пустынь, изъ которой не думала никогда выѣзжать, по недостатку силы“.

(Съ портрета пастелью, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву, с. Михайловское, Московской губ.)

MARIE SÉMENOWNA BAKHMÉTEFF, 1766—18.., fille du prince Simon Serguéewitch Lvoff, conseiller d'état, procureur du gouvernement de Kalouga, et de Catherine Nikititchna, née Yevleff, était femme de Pierre Alexéewitch Bakhméteff. Dès l'âge de 18 ans, elle allait dans le monde. Bolotoff parle d'elle à propos d'un bal donné par Chépéleff à Kalouga: „J'ai bien regardé les danses, et surtout une excellente danseuse, la princesse Lvoff, bien connue plus tard pour la faveur du feu comte A. Orloff-Tchesmensky". Son mariage fut malheureux: Bakhméteff, veuf d'un certain âge avec un grand fils, était, dit Mme Yankoff, „d'une insolence et d'une grossièreté inouïes, pour tout dire, un vieux beau". Elle ne put le supporter, et le laissa là pour se réfugier chez le comte Alexis Orloff comme chez un père. Toute la maison lui fit un accueil des plus amicaux: la fille du comte, Anne, l'appelait „Ma sœur"; la fiancée, puis femme, de son fils, „Maman". Sa famille à elle lui fit bien quelques difficultés; mais elle écrit en juillet 1794: „Quant à mes ennuis, c'est fini. Il est trop tard maintenant: il faut suivre la voie qu'il plaît à Dieu"... Et lorsqu'en 1797, Orloff partit pour l'étranger avec sa famille, elle les y rejoignit bientôt. A l'avènement d'Alexandre Ier, le comte revint à Moscou et se fixa dans son Néskoutchny avec elle, mais en 1802, à la suite d'une brouille, elle se retira dans sa maison, voisine de Néskoutchny, et, le 21 mars 1802, Orloff écrit à son beau-frère Chéréméteff: „Au moment de la séparation de votre belle-sœur avec son mari, je me suis chargé d'elle en lui promettant de lui servir de père. Je ne m'en dédis pas. Mais dès le début, il a été convenu qu'on pourrait se séparer quand on ne se plairait plus. Moi, je ne demandais pas mieux que de rester toute la vie ensemble, mais que voulez-vous? Ce qui est fait est fait!" On s'était disputé pour une bagatelle, une table à ouvrage! Il paraît donc que ce meuble jouait un grand rôle dans la vie de la jeune femme; grand amateur de travaux d'aiguille, elle avait en 1794 brodé son portrait pour le comte: „Son aiguille", dit-il, „fait des merveilles". Pleine de vivacité et d'entrain, d'esprit et de médisance, elle était toujours affairée, un jour achetant du châle et de la mousseline pour des parents, un autre jour faisant du fromage, puis dessinant, se faisant faire en miniature pour broder le portrait en soie, allant d'une haleine de l'un chez l'autre à Moscou, ou enfin restant à tenir compagnie à „Monsieur", qui tantôt se trouvait de bonne humeur, tantôt la recevait mal. Un moment, elle était sur pied avant le jour; dans d'autres, elle s'éternisait au lit: „Je suis d'une paresse! Je n'ai envie de rien faire. Je perds tout le temps, je ne fais que lire des romans". De temps en temps, elle courait en soirée, „toute parée et joyeuse" et prétendait n'avoir „rien d'agité ni d'inconvenant: je ne monte pas aux arbres et je ne fais pas de cabrioles!" Elle faisait parfois du cheval, au grand désespoir de sa famille, et disait que c'était bon pour sa santé. „Je fais tout ce que je peux pour être aimable; du matin au soir à folâtrer et à babiller! Je ne sais pas, je l'ennuie peut-être, je vieillis!" Et presque en même temps, elle écrit: „Tout le monde m'a trouvée étonnante de jeunesse, fraîche et potelée! J'ai une masse de choses à faire, et tout reste là: mon temps s'évapore!... A ma façon, vous savez: toujours en l'air!".... La brouille en question ne dura pas et n'eut pas de suites: le sentiment ne varia pas. En mai 1802, Mme Bakhméteff est chez Orloff dans son Ostrovo. A Moscou, pourtant, elle semble bien continuer à habiter chez elle. En 1807, elle perd son vieux, son fidèle ami. Elle possédait une assez belle fortune: outre sa maison de Moscou, elle avait encore plusieurs propriétés, entre autres le bourg de Mikhaïlowskoïé, dont le propriétaire actuel, le comte S. Chéréméteff, a entrepris la publication des Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé: on y trouve au T. I une correspondance fort intéressante, des plus typiques par son coloris et ses précieux détails de vie quotidienne, celle de Mme Bakhméteff avec la comtesse Alexis Orloff et les Tchesmensky, avec ses parents, les Lvoff et les Chéréméteff. Les lettres de Mme Bakhméteff sont en russe, dans un russe très incorrect, mais en français non plus, „ce n'est pas facile pour moi", dit-elle quelque part; „j'écris comme je peux!" La date de sa mort nous est inconnue, mais en 1839, elle était toujours de ce monde: on a de cette année-là une lettre d'elle à une petite-nièce, la comtesse A. Chéréméteff, qu'elle remercie d'un cadeau et d'un compliment envoyés à l'occasion d'une fête de famille. Elle était à ce moment chez des parents, et dit: „Je ne sais pas quand je rentrerai dans mon ermitage, d'où je n'aurais jamais cru avoir la force de sortir".

(D'après un pastel appartenant au comte S. Chéréméteff, Mikhaïlowskoïé, gouv. de Moscou.)

MARIE SÉMENOWNA BAKHMÉTEFF, 1766—18.., fille du prince Simon Serguéewitch Lvoff, conseiller d'état, procureur du gouvernement de Kalouga, et de Catherine Nikititchna, née Yevleff, était femme de Pierre Alexéewitch Bakhméteff. Dès l'âge de 18 ans, elle allait dans le monde. Bolotoff parle d'elle à propos d'un bal donné par Chépéleff à Kalouga: „J'ai bien regardé les danses, et surtout une excellente danseuse, la princesse Lvoff, bien connue plus tard pour la faveur du feu comte A. Orloff-Tchesmensky". Son mariage fut malheureux: Bakhméteff, veuf d'un certain âge avec un grand fils, était, dit Mme Yankoff, „d'une insolence et d'une grossièreté inouïes, pour tout dire, un vieux beau". Elle ne put le supporter, et le laissa là pour se réfugier chez le comte Alexis Orloff comme chez un père. Toute la maison lui fit un accueil des plus amicaux: la fille du comte, Anne, l'appelait „Ma sœur"; la fiancée, puis femme, de son fils, „Maman". Sa famille à elle lui fit bien quelques difficultés; mais elle écrit en juillet 1794: „Quant à mes ennuis, c'est fini. Il est trop tard maintenant: il faut suivre la voie qu'il plaît à Dieu"... Et lorsqu'en 1797, Orloff partit pour l'étranger avec sa famille, elle les y rejoignit bientôt. A l'avènement d'Alexandre Ier, le comte revint à Moscou et se fixa dans son Néskoutchny avec elle, mais en 1802, à la suite d'une brouille, elle se retira dans sa maison, voisine de Néskoutchny, et, le 21 mars 1802, Orloff écrit à son beau-frère Chéréméteff: „Au moment de la séparation de votre belle-sœur avec son mari, je me suis chargé d'elle en lui promettant de lui servir de père. Je ne m'en dédis pas. Mais dès le début, il a été convenu qu'on pourrait se séparer quand on ne se plairait plus. Moi, je ne demandais pas mieux que de rester toute la vie ensemble, mais que voulez-vous? Ce qui est fait est fait!" On s'était disputé pour une bagatelle, une table à ouvrage! Il paraît donc que ce meuble jouait un grand rôle dans la vie de la jeune femme; grand amateur de travaux d'aiguille, elle avait en 1794 brodé son portrait pour le comte: „Son aiguille", dit-il, „fait des merveilles". Pleine de vivacité et d'entrain, d'esprit et de médisance, elle était toujours affairée, un jour achetant du châle et de la mousseline pour des parents, un autre jour faisant du fromage, puis dessinant, se faisant faire en miniature pour broder le portrait en soie, allant d'une haleine de l'un chez l'autre à Moscou, ou enfin restant à tenir compagnie à „Monsieur", qui tantôt se trouvait de bonne humeur, tantôt la recevait mal. Un moment, elle était sur pied avant le jour; dans d'autres, elle s'éternisait au lit: „Je suis d'une paresse! Je n'ai envie de rien faire. Je perds tout le temps, je ne fais que lire des romans". De temps en temps, elle courait en soirée, „toute parée et joyeuse" et prétendait n'avoir „rien d'agité ni d'inconvenant: je ne monte pas aux arbres et je ne fais pas de cabrioles!" Elle faisait parfois du cheval, au grand désespoir de sa famille, et disait que c'était bon pour sa santé. „Je fais tout ce que je peux pour être aimable; du matin au soir à folâtrer et à babiller! Je ne sais pas, je l'ennuie peut-être, je vieillis!" Et presque en même temps, elle écrit: „Tout le monde m'a trouvée étonnante de jeunesse, fraîche et potelée! J'ai une masse de choses à faire, et tout reste là: mon temps s'évapore!... A ma façon, vous savez: toujours en l'air!".... La brouille en question ne dura pas et n'eut pas de suites: le sentiment ne varia pas. En mai 1802, Mme Bakhméteff est chez Orloff dans son Ostrovo. A Moscou, pourtant, elle semble bien continuer à habiter chez elle. En 1807, elle perd son vieux, son fidèle ami. Elle possédait une assez belle fortune: outre sa maison de Moscou, elle avait encore plusieurs propriétés, entre autres le bourg de Mikhaïlowskoïé, dont le propriétaire actuel, le comte S. Chéréméteff, a entrepris la publication des Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé: on y trouve au T. I une correspondance fort intéressante, des plus typiques par son coloris et ses précieux détails de vie quotidienne, celle de Mme Bakhméteff avec la comtesse Alexis Orloff et les Tchesmensky, avec ses parents, les Lvoff et les Chéréméteff. Les lettres de Mme Bakhméteff sont en russe, dans un russe très incorrect, mais en français non plus, „ce n'est pas facile pour moi", dit-elle quelque part; „j'écris comme je peux!" La date de sa mort nous est inconnue, mais en 1839, elle était toujours de ce monde: on a de cette année-là une lettre d'elle à une petite-nièce, la comtesse A. Chéréméteff, qu'elle remercie d'un cadeau et d'un compliment envoyés à l'occasion d'une fête de famille. Elle était à ce moment chez des parents, et dit: „Je ne sais pas quand je rentrerai dans mon ermitage, d'où je n'aurais jamais cru avoir la force de sortir".

(D'après un pastel appartenant au comte S. Chéréméteff, Mikhaïlowskoïé, gouv. de Moscou.)

АННА НИКОЛАЕВНА ЧЕСМЕНСКАЯ, 177. — 18.., полька, рожденная Соболевская, въ 1 бракѣ была за шляхтичемъ Піотровскимъ, съ которымъ разошлась, чтобъ сойтись съ побочнымъ сыномъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, Александромъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ. Когда въ 1797 г., съ наступленіемъ новаго царствованія, Орлову разрѣшено было, въ видѣ особой милости, уѣхать за границу, съ нимъ поѣхали дочь его Анна, Чесменскій и въ качествѣ его невѣсты Піотровская, которую всѣ называли „цуркой" („дочка"); она же называла молоденькую графиню „сестричкой", старика графа — „благодѣтелемъ", а близкую къ нему особу, М. С. Бахметеву,—„маменькой", которую графиня Анна Алексѣевна также считала „сестрицей". Среди этихъ спутанныхъ родственныхъ наименованій, Бахметева извѣстна была еще подъ прозвищемъ „живописца". Піотровская часто писала ей въ пути, при чемъ сообщала о своемъ свиданіи съ матушкой и родными, около Гродна, и всякія свѣдѣнія о „благодѣтелѣ". Въ это время ее больше всего интересовало дѣло развода, и Піотровская, видимо, старается заискать ея расположеніе. Жалуясь на незнаніе русскаго языка, она часто пишетъ Бахметевой нѣжныя письма („Архивъ с. Михайловскаго"): „Мы были бы счастливы, если бы не недостовало живописца, теперечи я чувствую совершенно вашу потерю, хотя этимъ себя утѣшаю, что не на долго". Въ Апрѣлѣ 1797 г. она писала: „Разводъ мой не кончился; сына моего не видала, мужъ живетъ въ деревнѣ, отъ Гродна 35 верстъ. Не было способу его видѣть, какъ разводъ не конченъ, то совѣтовали лучше оставить это намѣреніе. Сказывали, что его очень онъ любитъ, и что онъ очень счастливъ будетъ. Пишете, моя милая, желали бы выдать замужъ скорѣй свою цурку и радоваться внучатами, но еще извольте подождать". Декретъ о разводѣ получился въ Теплицѣ 20 Іюня 1797 г., но старикъ графъ не сразу отдалъ желанную бумагу и шутилъ надъ соломенной вдовой, которая, „какъ изрядная плакуня,—то дѣло до слезъ дошло! А теперь занимаюсь пріятнымъ воображеніемъ, что скоро всѣ мои желанія совершатся и все мое благополучіе начнется, и это счастіе продлится на цѣлую мою жизнь". Изъ Лейпцига графъ Орловъ писалъ одному изъ своихъ управителей: „Вотъ тебѣ новенькое скажу: г-жа Петровская у насъ пропала, а на мѣсто ея сдѣлали госпожею Чесменскою. Они ѣздили въ Дрезденъ, тамъ обвѣнчались. Даруй Боже имъ и дѣтей нажить, а мнѣ бы на нихъ радоваться". Однако, радоваться не пришлось: внуковъ не родилось; къ удивленію, и „счастье", къ которому такъ стремилась Піотровская, не „продлилось на всю жизнь". Въ 1816 и 1817 гг., по словамъ Чесменской, мужъ ея „по беззаконной страсти" къ дочери отставного полковника Екатеринѣ Жеребцовой убѣдилъ ее „согласиться на формальный разводъ, обнадеживъ выдать ей единовременно 120/т. рублей, при чемъ взялъ отъ нея письмо, въ коемъ она показывала, что будто по болѣзни не способна къ супружескому сожитію". Чесменскій, однако, не исполнилъ обѣщанія. Тогда она подала жалобу, что мужъ ея безъ развода повѣнчался съ Жеребцовой. Чесменскій, въ свою очередь, выставлялъ на видъ „преступленіе жены съ коллежскимъ совѣтникомъ Михельсономъ". Возникло дѣло о двоеженствѣ Чесменскаго, прекратившееся за его смертью. Одновременно возникъ и другой процессъ: отставной коллежскій совѣтникъ Андрей Михельсонъ просилъ признать его бракъ (съ 1807 г.) съ разведенной женой генерала Бровцына, дочерью майора Акулиной Васильевной Кашкаровой недѣйствительнымъ. Жена жаловалась и показывала, что Михельсонъ въ 1817 г. бросилъ ее съ дѣтьми, безъ средствъ, „имѣетъ связь и намѣренъ вступить въ супружество" съ Чесменской. Есть основаніе думать, что это впослѣдствіи и осуществилось. Когда она умерла, намъ неизвѣстно. А. А. Чесменскій умеръ, „не имѣвъ дѣтей и безроднымъ", въ Москвѣ 27 Февраля 1820 года.

Происхожденіе Чесменскаго, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Кто была его мать? Родился онъ въ 1762/3 г. и первое время въ перепискѣ братьевъ просто назывался „Алексаша". Послѣ Чесмы онъ получилъ свою фамилію и былъ утвержденъ въ дворянствѣ. Служа въ Конной гвардіи, а потомъ въ арміи, Чесменскій участвовалъ во многихъ бояхъ Турецкой, Шведской и Польской кампаній и заслужилъ Георгія 4 степени. Павелъ уволилъ его отъ службы бригадиромъ, умеръ же онъ въ отставкѣ генералъ-майоромъ. Онъ былъ „чрезвычайно красивый мужчина", и одно время его прочили въ фавориты. Куріозно, что на памятникѣ его († 27 Февраля 1820 г., 57 лѣтъ), въ Донскомъ монастырѣ, написано: „Да призритъ Господь неутѣшную мать, какъ призрила она тебя симъ памятникомъ". Значитъ мать его была еще жива!

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. А. Евреиновой, С.-Петербургъ.)

Анна Николаевна Чесменская, 177.—18.., полька, рожденная Соболевская, въ 1 бракѣ была за шляхтичемъ Піотровскимъ, съ которымъ разошлась, чтобъ сойтись съ побочнымъ сыномъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, Александромъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ. Когда въ 1797 г., съ наступленіемъ новаго царствованія, Орлову разрѣшено было, въ видѣ особой милости, уѣхать за границу, съ нимъ поѣхали дочь его Анна, Чесменскій и въ качествѣ его невѣсты Піотровская, которую всѣ называли „цуркой" („дочка"); она же называла молоденькую графиню „сестричкой", старика графа—„благодѣтелемъ", а близкую къ нему особу, М. С. Бахметеву,—„маменькой", которую графиня Анна Алексѣевна также считала „сестрицей". Среди этихъ спутанныхъ родственныхъ наименованій, Бахметева извѣстна была еще подъ прозвищемъ „живописца". Піотровская часто писала ей въ пути, при чемъ сообщала о своемъ свиданіи съ матушкой и родными, около Гродна, и всякія свѣдѣнія о „благодѣтелѣ". Въ это время ее больше всего интересовало дѣло развода, и Піотровская, видимо, старается заискать ея расположеніе. Жалуясь на незнаніе русскаго языка, она часто пишетъ Бахметевой нѣжныя письма („Архивъ с. Михайловскаго"): „Мы были бы счастливы, если бы не недостовало живописца, теперечи я чувствую совершенно вашу потерю, хотя этимъ себя утѣшаю, что не на долго". Въ Апрѣлѣ 1797 г. она писала: „Разводъ мой не кончился; сына моего не видала, мужъ живетъ въ деревнѣ, отъ Гродна 35 верстъ. Не было способу его видѣть, какъ разводъ не конченъ, то совѣтовали лучше оставить это намѣреніе. Сказывали, что его очень онъ любитъ, и что онъ очень счастливъ будетъ. Пишете, моя милая, желали бы выдать замужъ скорѣй свою цурку и радоваться внучатами, но еще извольте подождать". Декретъ о разводѣ получился въ Теплицѣ 20 Іюня 1797 г., но старикъ графъ не сразу отдалъ желанную бумагу и шутилъ надъ соломенной вдовой, которая, „какъ изрядная плакуня,—то дѣло до слезъ дошло! А теперь занимаюсь пріятнымъ воображеніемъ, что скоро всѣ мои желанія совершатся и все мое благополучіе начнется, и это счастіе продлится на цѣлую мою жизнь". Изъ Лейпцига графъ Орловъ писалъ одному изъ своихъ управителей: „Вотъ тебѣ новенькое скажу: г-жа Петровская у насъ пропала, а на мѣсто ея сдѣлали госпожею Чесменскою. Они ѣздили въ Дрезденъ, тамъ обвѣнчались. Даруй Боже имъ и дѣтей нажить, а мнѣ бы на нихъ радоваться". Однако, радоваться не пришлось: внуковъ не родилось; къ удивленію, и „счастье", къ которому такъ стремилась Піотровская, не „продлилось на всю жизнь". Въ 1816 и 1817 гг., по словамъ Чесменской, мужъ ея „по беззаконной страсти" къ дочери отставного полковника Екатеринѣ Жеребцовой убѣдилъ ее „согласиться на формальный разводъ, обнадеживъ выдать ей единовременно 120/т. рублей, при чемъ взялъ отъ нея письмо, въ коемъ она показывала, что будто по болѣзни не способна къ супружескому сожитію". Чесменскій, однако, не исполнилъ обѣщанія. Тогда она подала жалобу, что мужъ ея безъ развода повѣнчался съ Жеребцовой. Чесменскій, въ свою очередь, выставлялъ на видъ „преступленіе жены съ коллежскимъ совѣтникомъ Михельсономъ". Возникло дѣло о двоеженствѣ Чесменскаго, прекратившееся за его смертью. Одновременно возникъ и другой процессъ: отставной коллежскій совѣтникъ Андрей Михельсонъ просилъ признать его бракъ (съ 1807 г.) съ разведенной женой генерала Бровцына, дочерью майора Акулиной Васильевной Кашкаровой недѣйствительнымъ. Жена жаловалась и показывала, что Михельсонъ въ 1817 г. бросилъ ее съ дѣтьми, безъ средствъ, „имѣетъ связь и намѣренъ вступить въ супружество" съ Чесменской. Есть основаніе думать, что это впослѣдствіи и осуществилось. Когда она умерла, намъ неизвѣстно. А. А. Чесменскій умеръ, „не имѣвъ дѣтей и безроднымъ", въ Москвѣ 27 Февраля 1820 года.

Происхожденіе Чесменскаго, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Кто была его мать? Родился онъ въ 1762/3 г. и первое время въ перепискѣ братьевъ просто назывался „Алексаша". Послѣ Чесмы онъ получилъ свою фамилію и былъ утвержденъ въ дворянствѣ. Служа въ Конной гвардіи, а потомъ въ арміи, Чесменскій участвовалъ во многихъ бояхъ Турецкой, Шведской и Польской кампаній и заслужилъ Георгія 4 степени. Павелъ уволилъ его отъ службы бригадиромъ, умеръ же онъ въ отставкѣ генералъ-майоромъ. Онъ былъ „чрезвычайно красивый мужчина", и одно время его прочили въ фавориты. Куріозно, что на памятникѣ его († 27 Февраля 1820 г., 57 лѣтъ), въ Донскомъ монастырѣ, написано: „Да призритъ Господь неутѣшную мать, какъ призрила она тебя симъ памятникомъ". Значитъ мать его была еще жива!

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. А. Евреиновой, С.-Петербургъ.)

ANNE NIKOLAEWNA TCHESMENSKY, 177.—18.., polonaise, née Sobolewsky, épousa en premières noces le noble polonais Piotrowsky, dont elle se sépara pour aller avec un fils naturel du comte A. Orloff-Tchesmensky, Alexandre Alexéewitch Tchesmensky. Lorsqu'en 1797, au début du nouveau règne, Orloff obtint, par faveur spéciale, l'autorisation d'aller à l'étranger, il partit accompagné de sa fille Anne et de Tchesmensky avec Mme Piotrowsky passant pour sa fiancée, traitée par tout le monde comme fille de la maison et appelant „Ma Sœur" la jeune comtesse, „Bon Papa" le vieux comte et „Maman" une amie de celui-ci, Mme Bakhméteff, avec laquelle la comtesse Anne était également sur un pied fraternel. Dans cette parenté embrouillée, Mme Bakhméteff était encore désignée du sobriquet de l'Artiste. Mme Piotrowsky lui écrivit pendant le voyage, lui donnant des détails sur son entrevue avec sa mère et ses parents, aux environs de Grodno, avec toute sorte de nouvelles de „Bon Papa"; la sachant préoccupée surtout de la question du divorce, elle tient à entrer dans ses bonnes grâces et lui écrit souvent sur un ton affectueux (Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé), tout en se plaignant de savoir mal le russe: „Nous serions heureux si nous n'étions pas sans notre Artiste; je sens bien maintenant comme vous nous manquez, mais je me console en pensant que ce n'est pas pour longtemps". Elle dit encore en avril 1797: „Mon divorce n'est pas terminé. Je n'ai pas vu mon fils; mon mari est dans une campagne à 35 verstes de Grodno, et il n'y a pas eu moyen de le voir. Comme le divorce n'est pas fait, on m'a conseillé d'y renoncer; on m'a dit qu'il l'aimait bien, et qu'il sera très heureux. Ecrivez-moi, ma chérie. Vous voudriez bien marier votre fille et vous voir heureuse grand'mère, mais il faut attendre encore". Le décret de divorce fut obtenu à Tœplitz le 20 juin 1797, mais le vieux comte ne donna pas tout de suite le papier désiré, et plaisanta la jeune veuve, qui „a la larme facile et s'en est donné de pleurer! Et maintenant, je suis toute à l'agréable pensée que bientôt mes vœux vont s'accomplir et que ce sera le commencement d'un bonheur de toute la vie!" De Leipzig, le comte Orloff écrit à un de ses intendants: „J'ai du nouveau à t'annoncer. Plus de Mme Piotrowsky! Elle est changée en Mme Tchesmensky. Ils sont allés se marier à Dresde. Dieu leur donne beaucoup d'enfants! Je serai heureux grand-père". Cette joie ne lui était pas réservée: il n'y eut pas de petits-enfants. Et le bonheur escompté par Mme Piotrowsky ne fut pas non plus celui „de toute la vie". En 1816 et 1817, son mari, raconte Mme Tchesmensky, sous l'empire d'une „illégitime passion" pour la fille d'un colonel retraité, Catherine Jérebtzoff, obtint „son consentement à un divorce formel en lui promettant une indemnité une fois payée de 120.000 roubles; en même temps il se fit remettre une lettre où elle se déclarait pour raisons de santé impropre à la vie en commun". Mais ensuite, ne pouvant obtenir le versement de la somme promise, elle déposa contre lui une plainte en bigamie, l'accusant de s'être remarié sans être divorcé. Lui, à son tour, allégua „l'adultère avec le conseiller de collège Michelson". Le procès de bigamie fut interrompu par la mort de l'inculpé. D'autre part, un second procès s'engageait: le conseiller de collège en retraite André Michelson réclamait la cassation de son mariage, contracté en 1807 avec la femme divorcée du général Brovtzyne, née Akouline Vassiliewna Kachkaroff. Celle-ci, de son côté, l'accusait de l'avoir abandonnée sans ressources avec ses enfants et „d'être en relations et d'avoir l'intention de se marier" avec Mme Tchesmensky. On a tout lieu de croire que ce mariage se fit en effet. La date de la mort de Mme Tchesmensky est inconnue. Quant à Tchesmensky, il mourut à Moscou le 27 février 1820, „sans enfants ni famille".

L'origine de Tchesmensky nous est malheureusement inconnue. Qui était sa mère? Il naquit en 1762 ou 1763, et longtemps les frères Orloff dans leur correspondance l'appellent simplement Alexacha. Après Tchesmé, il reçut son nom et la confirmation de sa noblesse. A la Garde à cheval, puis à l'Armée, il fit les guerres de Turquie, de Suède et de Pologne, et gagna St-Georges de 4e classe. Paul le mit en non-activité brigadier, et il mourut général major en retraite. C'était „un fort bel homme", et un moment on le désigna comme favori. Chose curieuse, on lit sur son monument au monastère Donskoï: „† 27 février 1820, 57 ans. Dieu prenne sous sa garde la mère inconsolable, comme elle te remet sous celle de ce monument!" Sa mère était donc encore en vie!

(D'après une miniature appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

ANNE NIKOLAEWNA TCHESMENSKY, 177.—18.., polonaise, née Sobolewsky, épousa en premières noces le noble polonais Piotrowsky, dont elle se sépara pour aller avec un fils naturel du comte A. Orloff-Tchesmensky, Alexandre Alexéewitch Tchesmensky. Lorsqu'en 1797, au début du nouveau règne, Orloff obtint, par faveur spéciale, l'autorisation d'aller à l'étranger, il partit accompagné de sa fille Anne et de Tchesmensky avec Mme Piotrowsky passant pour sa fiancée, traitée par tout le monde comme fille de la maison et appelant „Ma Sœur" la jeune comtesse, „Bon Papa" le vieux comte et „Maman" une amie de celui-ci, Mme Bakhméteff, avec laquelle la comtesse Anne était également sur un pied fraternel. Dans cette parenté embrouillée, Mme Bakhméteff était encore désignée du sobriquet de l'Artiste. Mme Piotrowsky lui écrivit pendant le voyage, lui donnant des détails sur son entrevue avec sa mère et ses parents, aux environs de Grodno, avec toute sorte de nouvelles de „Bon Papa"; la sachant préoccupée surtout de la question du divorce, elle tient à entrer dans ses bonnes grâces et lui écrit souvent sur un ton affectueux (Archives du bourg de Mikhaïlowskoïé), tout en se plaignant de savoir mal le russe: „Nous serions heureux si nous n'étions pas sans notre Artiste; je sens bien maintenant comme vous nous manquez, mais je me console en pensant que ce n'est pas pour longtemps". Elle dit encore en avril 1797: „Mon divorce n'est pas terminé. Je n'ai pas vu mon fils; mon mari est dans une campagne à 35 verstes de Grodno, et il n'y a pas eu moyen de le voir. Comme le divorce n'est pas fait, on m'a conseillé d'y renoncer; on m'a dit qu'il l'aimait bien, et qu'il sera très heureux. Ecrivez-moi, ma chérie. Vous voudriez bien marier votre fille et vous voir heureuse grand'mère, mais il faut attendre encore". Le décret de divorce fut obtenu à Tœplitz le 20 juin 1797, mais le vieux comte ne donna pas tout de suite le papier désiré, et plaisanta la jeune veuve, qui „a la larme facile et s'en est donné de pleurer! Et maintenant, je suis toute à l'agréable pensée que bientôt mes vœux vont s'accomplir et que ce sera le commencement d'un bonheur de toute la vie!" De Leipzig, le comte Orloff écrit à un de ses intendants: „J'ai du nouveau à t'annoncer. Plus de Mme Piotrowsky! Elle est changée en Mme Tchesmensky. Ils sont allés se marier à Dresde. Dieu leur donne beaucoup d'enfants! Je serai heureux grand-père". Cette joie ne lui était pas réservée: il n'y eut pas de petits-enfants. Et le bonheur escompté par Mme Piotrowsky ne fut pas non plus celui „de toute la vie". En 1816 et 1817, son mari, raconte Mme Tchesmensky, sous l'empire d'une „illégitime passion" pour la fille d'un colonel retraité, Catherine Jérebtzoff, obtint „son consentement à un divorce formel en lui promettant une indemnité une fois payée de 120.000 roubles; en même temps il se fit remettre une lettre où elle se déclarait pour raisons de santé impropre à la vie en commun". Mais ensuite, ne pouvant obtenir le versement de la somme promise, elle déposa contre lui une plainte en bigamie, l'accusant de s'être remarié sans être divorcé. Lui, à son tour, allégua „l'adultère avec le conseiller de collège Michelson". Le procès de bigamie fut interrompu par la mort de l'inculpé. D'autre part, un second procès s'engageait: le conseiller de collège en retraite André Michelson réclamait la cassation de son mariage, contracté en 1807 avec la femme divorcée du général Brovtzyne, née Akouline Vassiliewna Kachkaroff. Celle-ci, de son côté, l'accusait de l'avoir abandonnée sans ressources avec ses enfants et „d'être en relations et d'avoir l'intention de se marier" avec Mme Tchesmensky. On a tout lieu de croire que ce mariage se fit en effet. La date de la mort de Mme Tchesmensky est inconnue. Quant à Tchesmensky, il mourut à Moscou le 27 février 1820, „sans enfants ni famille".

L'origine de Tchesmensky nous est malheureusement inconnue. Qui était sa mère? Il naquit en 1762 ou 1763, et longtemps les frères Orloff dans leur correspondance l'appellent simplement Alexacha. Après Tchesmé, il reçut son nom et la confirmation de sa noblesse. A la Garde à cheval, puis à l'Armée, il fit les guerres de Turquie, de Suède et de Pologne, et gagna St-Georges de 4e classe. Paul le mit en non-activité brigadier, et il mourut général major en retraite. C'était „un fort bel homme", et un moment on le désigna comme favori. Chose curieuse, on lit sur son monument au monastère Donskoï: „† 27 février 1820, 57 ans. Dieu prenne sous sa garde la mère inconsolable, comme elle te remet sous celle de ce monument!" Sa mère était donc encore en vie!

(D'après une miniature appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

117

ИЛЬЯ ИПАТОВИЧЪ МУХАНОВЪ, 1724—1799, сынъ флота капитанъ-командора Ипата Калиныча Муханова (р. 1677 г., † 1729 г.), отъ второго его брака съ княжной Маріей Ивановной Шаховской (р. 1698 г., † 1727 г.), родился 11 Іюля 1724 года. Онъ рано лишился родителей.

По разсказу его внучки, М. С. Мухановой, его отецъ, умирая, поручилъ сына своему слугѣ, помимо всѣхъ родственниковъ. „Слуга вѣрно исполнилъ завѣтъ своего господина: отвезъ молодого своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только-что устроенный; всякую субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день". О службѣ Муханова не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Онъ служилъ въ Конной гвардіи и въ 1764 г. уволенъ отъ службы, съ чиномъ полковника. Вѣроятно, послѣ этого онъ служилъ въ гражданской службѣ, потому что въ 1790 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Мухановъ по обѣту выстроилъ церковь въ своемъ селѣ Успенскомъ. Скончался онъ 22 Марта 1799 года.

И. И. Мухановъ былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Сафоновой (р. 1727 г., † 1790 г.) и имѣлъ отъ нея одну дочь Марію, за Алексѣемъ Степановичемъ Колычевымъ, и 7 сыновей: Алексѣя (дѣйств. статскій совѣтникъ, сенаторъ; † 1836 г.), Ивана (дѣйств. статскій совѣтникъ, управляющій Московскимъ Коммерческимъ банкомъ), Дмитрія, Николая (бригадиръ; р. 1760 г., † 1843 г.), Сергѣя (дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-шталмейстеръ; р. 1762 г., † 1842 г.), Александра (дѣйств. статскій совѣтникъ, шталмейстеръ, Казанскій и Рязанскій губернаторъ; р. 1766 г., † 1815 г.) и Михаила.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Сергія Александровича.)

117

ИЛЬЯ ИПАТОВИЧЪ МУХАНОВЪ, 1724—1799, сынъ флота капитанъ-командора Ипата Калиныча Муханова (р. 1677 г., † 1729 г.), отъ второго его брака съ княжной Маріей Ивановной Шаховской (р. 1698 г., † 1727 г.), родился 11 Іюля 1724 года. Онъ рано лишился родителей.

По разсказу его внучки, М. С. Мухановой, его отецъ, умирая, поручилъ сына своему слугѣ, помимо всѣхъ родственниковъ. „Слуга вѣрно исполнилъ завѣтъ своего господина: отвезъ молодого своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только-что устроенный; всякую субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день“. О службѣ Муханова не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Онъ служилъ въ Конной гвардіи и въ 1764 г. уволенъ отъ службы, съ чиномъ полковника. Вѣроятно, послѣ этого онъ служилъ въ гражданской службѣ, потому что въ 1790 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Мухановъ по обѣту выстроилъ церковь въ своемъ селѣ Успенскомъ. Скончался онъ 22 Марта 1799 года.

И. И. Мухановъ былъ женатъ на Прасковьѣ Өедоровнѣ Сафоновой (р. 1727 г., † 1790 г.) и имѣлъ отъ нея одну дочь Марію, за Алексѣемъ Степановичемъ Колычевымъ, и 7 сыновей: Алексѣя (дѣйств. статскій совѣтникъ, сенаторъ; † 1836 г.), Ивана (дѣйств. статскій совѣтникъ, управляющій Московскимъ Коммерческимъ банкомъ), Дмитрія, Николая (бригадиръ; р. 1760 г., † 1843 г.), Сергѣя (дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-шталмейстеръ; р. 1762 г., † 1842 г.), Александра (дѣйств. статскій совѣтникъ, шталмейстеръ, Казанскій и Рязанскій губернаторъ; р. 1766 г., † 1815 г.) и Михаила.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Сергія Александровича.)

117

ÉLIE IPATOWITCH MOUKHANOFF, 1724—1799, fils du capitaine commandant de la marine Hypathe Kalinytch Moukhanoff (1677—1729) et de sa seconde femme la princesse Marie Ivanowna Schakhowskoï (1698—1727), naquit le 11 juillet 1724, et perdit ses parents de bonne heure.

Au témoignage de sa petite-fille, Mlle M. Moukhanoff, son père en mourant le confia à un domestique, à l'exclusion de toute la famille. „Cet homme accomplit ponctuellement les instructions de son maître: il mit son jeune maître au Corps des Cadets qui venait d'être fondé, allant le chercher tous les samedis pour le conduire au bain et le mener le dimanche passer la journée dans sa famille". On ne sait presque rien de la carrière de Moukhanoff. Il servit à la Garde à cheval et prit sa retraite en 1764 comme colonel. Il est probable qu'il passa ensuite au service civil, car il fut fait conseiller d'état en 1790. On sait aussi qu'à la suite d'un vœu il construisit une église dans son bourg d'Ouspenskoïé. Il mourut le 22 mars 1799.

Moukhanoff avait épousé Prascovie Féodorowna Safonoff (1727—1790), dont il eut une fille, Marie, mariée à Alexis Stépanowitch Kolytcheff, et sept fils, Alexis († 1836), conseiller d'état actuel, sénateur, Ivan, conseiller d'état actuel, gérant de la banque de commerce de Moscou, Dmitri, Nicolas (1760—1843), brigadier, Serge (1762—1842), conseiller privé actuel, grand écuyer, Alexandre (1766—1815), conseiller d'état actuel, écuyer, gouverneur de Kazan et Riazan, et Michel.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch.)

117

ÉLIE IPATOWITCH MOUKHANOFF, 1724—1799, fils du capitaine commandant de la marine Hypathe Kalinytch Moukhanoff (1677—1729) et de sa seconde femme la princesse Marie Ivanowna Schakhowskoï (1698—1727), naquit le 11 juillet 1724, et perdit ses parents de bonne heure.

Au témoignage de sa petite-fille, Mlle M. Moukhanoff, son père en mourant le confia à un domestique, à l'exclusion de toute la famille. „Cet homme accomplit ponctuellement les instructions de son maître: il mit son jeune maître au Corps des Cadets qui venait d'être fondé, allant le chercher tous les samedis pour le conduire au bain et le mener le dimanche passer la journée dans sa famille". On ne sait presque rien de la carrière de Moukhanoff. Il servit à la Garde à cheval et prit sa retraite en 1764 comme colonel. Il est probable qu'il passa ensuite au service civil, car il fut fait conseiller d'état en 1790. On sait aussi qu'à la suite d'un vœu il construisit une église dans son bourg d'Ouspenskoïé. Il mourut le 22 mars 1799.

Moukhanoff avait épousé Prascovie Féodorowna Safonoff (1727—1790), dont il eut une fille, Marie, mariée à Alexis Stépanowitch Kolytcheff, et sept fils, Alexis († 1836), conseiller d'état actuel, sénateur, Ivan, conseiller d'état actuel, gérant de la banque de commerce de Moscou, Dmitri, Nicolas (1760—1843), brigadier, Serge (1762—1842), conseiller privé actuel, grand écuyer, Alexandre (1766—1815), conseiller d'état actuel, écuyer, gouverneur de Kazan et Riazan, et Michel.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Serge Alexandrowitch.)

АННА НИКИТИЧНА НАРЫШКИНА, 1730—1820, дочь генералъ-майора Никиты Ивановича Румянцова, отъ брака его съ княжной Маріей Васильевной Мещерской, родилась 11 Февраля 1730 года; во время пребыванія въ Москвѣ Императрицы Елисаветы, со всѣмъ Дворомъ, состоялось, 8 Октября 1749 г., бракосочетаніе ея съ камергеромъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (р. 1726 г., † 1795 г.). По приказанію Императрицы, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, несмотря на сильное нездоровье, убирала невѣсту къ вѣнцу и сопровождала молодыхъ послѣ свадьбы въ приготовленный для нихъ домъ. Вскорѣ затѣмъ А. А. Нарышкинъ былъ назначенъ гофмейстеромъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и между Великой Княгиней и А. Н. Нарышкиной установились близкія, дружескія отношенія, не прерывавшіяся до смерти Екатерины. Молодая и жизнерадостная Великая Княгиня въ томившей ее тяжелой, поднадзорной обстановкѣ Великокняжескаго двора, преисполненной мелкихъ сплетенъ и подозрѣній, нашла въ А. Н. Нарышкиной не только веселую подругу въ ея незатѣйливыхъ домашнихъ увеселеніяхъ, но и преданную пособницу въ своихъ любовныхъ интригахъ. У нея происходили и при ея содѣйствіи устраивались свиданія Великой Княгини съ Понятовскимъ; въ первой части своихъ записокъ Екатерина II часто упоминаетъ о своей близости къ четѣ Нарышкиныхъ, благодаря ихъ общительному характеру. И по восшествіи на престолъ, и до самой кончины Императрицы А. Н. Нарышкина оставалась ея самымъ близкимъ другомъ, наперсницею ея сердечныхъ тайнъ, съ которой считались и которую задабривали даже вліятельнѣйшіе изъ фаворитовъ. Екатерина оказывала Аннѣ Никитичнѣ явное предпочтеніе даже передъ княгиней Дашковой и предпочитала ея общество обществу послѣдней: въ Маѣ 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ сдѣланное въ Царскосельскомъ дворцѣ распоряженіе очистить комнаты для А. Н. Нарышкиной, для чего былъ „выведенъ Совѣтъ, но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой: Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли!“ Къ посредничеству А. Н. Нарышкиной прибѣгала Екатерина и въ трудное для нея время разрыва съ Мамоновымъ, при чемъ Анна Никитична и тутъ явила себя преданнымъ другомъ Императрицы, присутствуя при ея тяжелыхъ объясненіяхъ съ фаворитомъ, котораго, какъ писала Екатерина Потемкину, она „такъ разбранила, какъ никогда въ жизни еще я не слыхала, чтобы кто-нибудь бранился“. Она утѣшала Екатерину, проводя съ ней наединѣ цѣлые часы, и скоро въ этомъ успѣла: мѣсто Мамонова занялъ Зубовъ, и при Дворѣ ни для кого не было секретомъ, что „дѣло шло черезъ Анну Никитишну“.

Придворныя отличія и почести, сыпавшіяся на Александра Александровича Нарышкина, скончавшагося въ 1795 г. оберъ-шенкомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, не миновали и его супруги: 15 Сентября 1773 г., въ день мѵропомазанія Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Великаго Князя Павла Петровича, она была пожалована въ статсъ-дамы; 20 Марта 1787 г. получила орденъ св. Екатерины, присланный ей Императрицею изъ Кіева; 12 Ноября 1796 г. назначена была Императоромъ Павломъ гофмейстериною Высочайшаго двора. Скончалась Нарышкина, 90 лѣтъ, 2 Февраля 1820 года и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Невской лаврѣ, въ палаткахъ Благовѣщенской церкви. Дѣтей Анна Никитична Нарышкина не имѣла; объ этомъ обстоятельствѣ имѣется куріозное замѣчаніе Екатерины II въ ея запискахъ: „Этотъ бракъ имѣлъ не болѣе послѣдствій, чѣмъ нашъ; это сходство въ положеніи Нарышкиной и моемъ много способствовало дружеской связи, которая долго насъ соединяла; мое состояніе измѣнилось по прошествіи девяти лѣтъ, считая со дня моей свадьбы, но она и понынѣ находится въ томъ же положеніи, а уже 24 года, какъ замужемъ“. Въ ходившемъ по рукамъ при Дворѣ въ 1765 году сатирическомъ сочиненіи на придворныхъ лицъ „Catalogue de livres modernes“ значилось: № 44 „La virginité à toute épreuve“—par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)“.

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

АННА НИКИТИЧНА НАРЫШКИНА, 1730—1820, дочь генералъ-маіора Никиты Ивановича Румянцова, отъ брака его съ княжной Маріей Васильевной Мещерской, родилась 11 Февраля 1730 года; во время пребыванія въ Москвѣ Императрицы Елисаветы, со всѣмъ Дворомъ, состоялось, 8 Октября 1749 г., бракосочетаніе ея съ камергеромъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (р. 1726 г., † 1795 г.). По приказанію Императрицы, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, несмотря на сильное нездоровье, убирала невѣсту къ вѣнцу и сопровождала молодыхъ послѣ свадьбы въ приготовленный для нихъ домъ. Вскорѣ затѣмъ А. А. Нарышкинъ былъ назначенъ гофмейстеромъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и между Великой Княгиней и А. Н. Нарышкиной установились близкія, дружескія отношенія, не прерывавшіяся до смерти Екатерины. Молодая и жизнерадостная Великая Княгиня въ томившей ее тяжелой, поднадзорной обстановкѣ Великокняжескаго двора, преисполненной мелкихъ сплетенъ и подозрѣній, нашла въ А. Н. Нарышкиной не только веселую подругу въ ея незатѣйливыхъ домашнихъ увеселеніяхъ, но и преданную пособницу въ своихъ любовныхъ интригахъ. У нея происходили и при ея содѣйствіи устраивались свиданія Великой Княгини съ Понятовскимъ; въ первой части своихъ записокъ Екатерина II часто упоминаетъ о своей близости къ четѣ Нарышкиныхъ, благодаря ихъ общительному характеру. И по восшествіи на престолъ, и до самой кончины Императрицы А. Н. Нарышкина оставалась ея самымъ близкимъ другомъ, наперсницею ея сердечныхъ тайнъ, съ которой считались и которую задабривали даже вліятельнѣйшіе изъ фаворитовъ. Екатерина оказывала Аннѣ Никитичнѣ явное предпочтеніе даже передъ княгиней Дашковой и предпочитала ея общество обществу послѣдней: въ Маѣ 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ сдѣланное въ Царскосельскомъ дворцѣ распоряженіе очистить комнаты для А. Н. Нарышкиной, для чего былъ „выведенъ Совѣтъ, но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой: Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли!“ Къ посредничеству А. Н. Нарышкиной прибѣгала Екатерина и въ трудное для нея время разрыва съ Мамоновымъ, при чемъ Анна Никитична и тутъ явила себя преданнымъ другомъ Императрицы, присутствуя при ея тяжелыхъ объясненіяхъ съ фаворитомъ, котораго, какъ писала Екатерина Потемкину, она „такъ разбранила, какъ никогда въ жизни еще я не слыхала, чтобы кто-нибудь бранился“. Она утѣшала Екатерину, проводя съ ней наединѣ цѣлые часы, и скоро въ этомъ успѣла: мѣсто Мамонова занялъ Зубовъ, и при Дворѣ ни для кого не было секретомъ, что „дѣло шло черезъ Анну Никитишну“.

Придворныя отличія и почести, сыпавшіяся на Александра Александровича Нарышкина, скончавшагося въ 1795 г. оберъ-шенкомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, не миновали и его супруги: 15 Сентября 1773 г., въ день мѵропомазанія Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Великаго Князя Павла Петровича, она была пожалована въ статсъ-дамы; 20 Марта 1787 г. получила орденъ св. Екатерины, присланный ей Императрицею изъ Кіева; 12 Ноября 1796 г. назначена была Императоромъ Павломъ гофмейстериною Высочайшаго двора. Скончалась Нарышкина, 90 лѣтъ, 2 Февраля 1820 года и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Невской лаврѣ, въ палаткахъ Благовѣщенской церкви. Дѣтей Анна Никитична Нарышкина не имѣла; объ этомъ обстоятельствѣ имѣется куріозное замѣчаніе Екатерины II въ ея запискахъ: „Этотъ бракъ имѣлъ не болѣе послѣдствій, чѣмъ нашъ; это сходство въ положеніи Нарышкиной и моемъ много способствовало дружеской связи, которая долго насъ соединяла; мое состояніе измѣнилось по прошествіи девяти лѣтъ, считая со дня моей свадьбы, но она и нынѣ находится въ томъ же положеніи, а уже 24 года, какъ замужемъ“. Въ ходившемъ по рукамъ при Дворѣ въ 1765 году сатирическомъ сочиненіи на придворныхъ лицъ „Catalogue de livres modernes“ значилось: № 44 „La virginité à toute épreuve“—par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)“.

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

ANNE NIKITITCHNA NARYCHKINE, 1730—1820, fille du général major Nikita Ivanowitch Roumiantzeff et de Marie Vassiliewna, née princesse Mechtchersky, naquit le 11 février 1730. Elle épousa à Moscou le 8 octobre 1749, pendant le séjour de l'Impératrice Elisabeth et de toute la Cour, Alexandre Alexandrowitch Narychkine (1726—1795), chambellan du Grand-Duc Pierre Féodorowitch: sur l'ordre de l'Impératrice, la Grande-Duchesse Catherine dut, malgré une forte indisposition, faire la toilette de la mariée, et, après la cérémonie, reconduire les jeunes époux chez eux. Peu après, Narychkine fut nommé maître de la Cour de LL.MM., et de ce temps date la bonne et étroite amitié qui dura jusqu'à la mort entre sa femme et la Grande-Duchesse. Jeune et exubérante de vie, celle-ci trouva en Mme Narychkine, dans l'étouffante atmosphère inquisitoriale de sa Cour, repaire de toute espèce d'intrigues et d'espionnages, non seulement une joyeuse compagne de ses innocentes distractions, mais aussi une intermédiaire dévouée de ses intrigues amoureuses, qui donna asile, par exemple, et prêta son concours à ses entrevues avec Poniatowsky. Elle parle souvent dans la première partie de ses Mémoires de son intimité avec les Narychkine en raison de leur humeur sociable. Aussi, depuis son avènement et jusqu'à sa mort, sa maîtresse de la Cour resta-t-elle sa meilleure amie et une confidente de ses affaires de cœur avec laquelle eurent à compter et transiger jusqu'aux plus influents favoris. Elle lui accordait une préférence manifeste même sur la princesse Dachkoff, dont elle aimait moins la société. En mai 1788, Khrapovitzky note l'ordre donné au palais de Tzarskoïé Sélo de rendre un appartement libre pour Mme Narychkine, et, à cet effet, de „déplacer le Conseil, mais en ayant soin de ne rien laisser pour la princesse Dachkoff: je veux la société de l'une et pas celle de l'autre; et puis elles se disputent pour un lopin de terre". Ce fut encore Mme Narychkine qui vint à l'aide de Catherine aux jours difficiles de la rupture avec Mamonoff: elle s'y montra bien l'amie dévouée qu'elle était, assistant aux pénibles explications avec le favori, auquel, écrit l'Impératrice à Potemkine, „elle dit une volée de sottises comme je n'en ai de ma vie entendu dire". Elle prodigua à Catherine ses consolations, passant en tête-à-tête avec elle des heures entières, et non sans succès: Mamonoff fit place à Zouboff, et son rôle dans l'affaire ne fut un secret pour personne à la Cour.

Des distinctions de toute espèce prodiguées à Narychkine, qui mourut en 1795 grand échanson, chambellan actuel et chevalier de St-André, sa femme eut aussi sa part: le 15 septembre 1773, le jour de la confirmation de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, première femme du Grand-Duc Paul, elle fut faite dame d'honneur; l'Impératrice lui envoya de Kieff l'ordre de Ste-Catherine le 20 mars 1787, et Paul Ier la fit le 12 novembre 1796 maîtresse de sa Cour. Elle mourut à 90 ans, le 2 février 1820, et fut inhumée près de son mari au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Elle n'eut pas d'enfants; on trouve à ce sujet une mention curieuse de Catherine II dans ses Mémoires: „Cette noce n'eut pas plus de suite que la nôtre; cette uniformité de situation entre Madame Nariskin et moi contribua beaucoup à la liaison d'amitié qui a longtemps subsisté entre elle et moi; ma situation changea au bout de neuf ans à compter du jour de ma noce, mais la sienne est toujours la même jusqu'aujourd'hui, qu'il y a vingt-quatre ans qu'elle est mariée". Et une satire de la Cour qui circulait sous le manteau en 1765, intitulée Catalogue de Livres modernes, renferme l'indication suivante: „№ 44, La Virginité à toute épreuve, par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)".

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

ANNE NIKITITCHNA NARYCHKINE, 1730—1820, fille du général major Nikita Ivanowitch Roumiantzeff et de Marie Vassiliewna, née princesse Mechtchersky, naquit le 11 février 1730. Elle épousa à Moscou le 8 octobre 1749, pendant le séjour de l'Impératrice Elisabeth et de toute la Cour, Alexandre Alexandrowitch Narychkine (1726—1795), chambellan du Grand-Duc Pierre Féodorowitch: sur l'ordre de l'Impératrice, la Grande-Duchesse Catherine dut, malgré une forte indisposition, faire la toilette de la mariée, et, après la cérémonie, reconduire les jeunes époux chez eux. Peu après, Narychkine fut nommé maître de la Cour de LL.MM., et de ce temps date la bonne et étroite amitié qui dura jusqu'à la mort entre sa femme et la Grande-Duchesse. Jeune et exubérante de vie, celle-ci trouva en Mme Narychkine, dans l'étouffante atmosphère inquisitoriale de sa Cour, repaire de toute espèce d'intrigues et d'espionnages, non seulement une joyeuse compagne de ses innocentes distractions, mais aussi une intermédiaire dévouée de ses intrigues amoureuses, qui donna asile, par exemple, et prêta son concours à ses entrevues avec Poniatowsky. Elle parle souvent dans la première partie de ses Mémoires de son intimité avec les Narychkine en raison de leur humeur sociable. Aussi, depuis son avènement et jusqu'à sa mort, sa maîtresse de la Cour resta-t-elle sa meilleure amie et une confidente de ses affaires de cœur avec laquelle eurent à compter et transiger jusqu'aux plus influents favoris. Elle lui accordait une préférence manifeste même sur la princesse Dachkoff, dont elle aimait moins la société. En mai 1788, Khrapovitzky note l'ordre donné au palais de Tzarskoïé Sélo de rendre un appartement libre pour Mme Narychkine, et, à cet effet, de „déplacer le Conseil, mais en ayant soin de ne rien laisser pour la princesse Dachkoff: je veux la société de l'une et pas celle de l'autre; et puis elles se disputent pour un lopin de terre“. Ce fut encore Mme Narychkine qui vint à l'aide de Catherine aux jours difficiles de la rupture avec Mamonoff: elle s'y montra bien l'amie dévouée qu'elle était, assistant aux pénibles explications avec le favori, auquel, écrit l'Impératrice à Potemkine, „elle dit une volée de sottises comme je n'en ai de ma vie entendu dire“. Elle prodigua à Catherine ses consolations, passant en tête-à-tête avec elle des heures entières, et non sans succès: Mamonoff fit place à Zouboff, et son rôle dans l'affaire ne fut un secret pour personne à la Cour.

Des distinctions de toute espèce prodiguées à Narychkine, qui mourut en 1795 grand échanson, chambellan actuel et chevalier de St-André, sa femme eut aussi sa part: le 15 septembre 1773, le jour de la confirmation de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, première femme du Grand-Duc Paul, elle fut faite dame d'honneur; l'Impératrice lui envoya de Kieff l'ordre de Ste-Catherine le 20 mars 1787, et Paul Ier la fit le 12 novembre 1796 maîtresse de sa Cour. Elle mourut à 90 ans, le 2 février 1820, et fut inhumée près de son mari au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église de l'Annonciation. Elle n'eut pas d'enfants; on trouve à ce sujet une mention curieuse de Catherine II dans ses Mémoires: „Cette noce n'eut pas plus de suite que la nôtre; cette uniformité de situation entre Madame Nariskin et moi contribua beaucoup à la liaison d'amitié qui a longtemps subsisté entre elle et moi; ma situation changea au bout de neuf ans à compter du jour de ma noce, mais la sienne est toujours la même jusqu'aujourd'hui, qu'il y a vingt-quatre ans qu'elle est mariée“. Et une satire de la Cour qui circulait sous le manteau en 1765, intitulée Catalogue de Livres modernes, renferme l'indication suivante: „№ 44, La Virginité à toute épreuve, par Mme Narichkine (M. son mari prend sur lui la critique de cette pièce, mais elle n'a pas encore paru en public)“.

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1754—1831, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, сынъ смоленскаго дворянина Николая Степановича, родился 24 Января 1754 года; началъ службу въ Конной гвардіи, а затѣмъ переведенъ былъ въ Кирасирскій полкъ, съ которымъ, въ чинѣ капитана, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ. Когда фаворитъ Императрицы, Зоричъ, лишился значенія при дворѣ, Потемкинъ рекомендовалъ на его мѣсто Корсакова, обладавшаго весьма изящной фигурой. Въ Іюнѣ 1778 г. Корсаковъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, генералъ-майоромъ и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ; Польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, который онъ постоянно носилъ, почему и былъ прозванъ въ Москвѣ „Польскимъ королемъ"; въ то же время Корсаковъ получилъ до 4000 душъ и на полмилліона подарковъ. Корсаковъ любилъ музыку, пѣніе, обладалъ хорошимъ голосомъ. Екатерина прозвала его Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, и какъ-то, говоря съ Орловымъ о фаворитѣ, сказала, что онъ поетъ, какъ соловей. „Это правда", замѣтилъ Орловъ, „но вѣдь соловьи поютъ только до Петрова дня". Величіе Корсакова было, дѣйствительно, лишь мимолетное. Связь съ пріятельницей Екатерины II, графиней П. А. Брюсъ, рожденной графиней Румянцовой (р. 1729 г., † 1786 г.), погубила Корсакова во мнѣніи Екатерины, и уже въ Октябрѣ 1779 г. онъ удалился въ Москву, куда за нимъ послѣдовала увлеченная имъ графиня Екатерина Петровна Строганова (р. 1744 г., † 1815 г.; см. т. I, № 86), супруга графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ царствованіе Павла I И. Н. Корсаковъ былъ сосланъ въ Саратовъ, гдѣ оставался, впрочемъ, не долго, послѣ чего до конца дней жилъ въ Москвѣ.

Погребенъ онъ въ своемъ селѣ Братцовѣ, близъ Москвы; на памятникѣ его слѣдующая надпись: „Господи, упокой душу раба твоего Іоанна. Здѣсь погребено тѣло генералъ-майора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 г., Февраля 16 дня, на 76 году своей жизни. Благодѣтелю незабвенному". Памятникъ былъ воздвигнутъ сыномъ Корсакова и графини Е. П. Строгановой, В. Н. Ладомирскимъ.

Корсаковъ любилъ пышность и въ Москвѣ былъ однимъ изъ послѣднихъ вельможъ вѣка Екатерины, пудрился, носилъ шитый золотомъ и каменьями камзолъ и ѣздилъ въ каретѣ цугомъ. Онъ любилъ устраивать праздники, лукулловскіе обѣды, былъ веселый и щедрый человѣкъ, не лишенный доли самодурства: онъ способенъ былъ, напримѣръ, накормить своихъ гостей галчатами, подъ видомъ „павлинятъ". Его домъ на Тверскомъ бульварѣ, съ большимъ, великолѣпнымъ садомъ, съ бесѣдками, статуями и прудами, посѣщался всей Москвой. А. Я. Булгаковъ пользовался его „дружбой", и Корсаковъ умеръ на его глазахъ. „Очень жаль мнѣ добраго старика", писалъ Булгаковъ брату, „онъ съ роду зла никому не сдѣлалъ, а много дѣлалъ добра. Натура была у него каменная, но онъ былъ упрямъ и не слушался докторовъ. Любилъ я слушать его разсказы о временахъ его случая". Въ послѣдніе 2 года его жизни почти одинъ Булгаковъ не забывалъ Корсакова, который „сдѣлался дикъ, запустилъ бороду, не снималъ халата, но былъ ему всегда радъ", и даже отдалъ Булгакову письма къ нему Екатерины (см. Русск. Архивъ, 1879 г.). По отзыву Гельбига, „онъ былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но по внѣшности былъ на рѣдкость изященъ; обладалъ даромъ пріятной бесѣды и здравымъ смысломъ, хотя не имѣлъ образованія". По словамъ другого современника, князя И. М. Долгорукаго, Корсаковъ былъ „человѣкомъ, который ничего, кромѣ себя, не любилъ; тщеславный богачъ, не одаренный ничѣмъ отъ природы и обязанный одной слѣпой фортунѣ, пригожему лицу и юности минутнымъ блескомъ своимъ у трона! Онъ жилъ съ теткой моей (графиней Строгановой) въ одномъ домѣ, у нихъ были и общія дѣти".

Дѣти Корсакова получили дворянство и фамилію Ладомирскихъ; кромѣ сына Василія, было еще 2 дочери: Зинаида (за княземъ Д. М. Голицынымъ) и Софья (за графомъ А. А. Апраксинымъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей г. Вейденбауму, въ Москвѣ.)

119

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1754—1831, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, сынъ смоленскаго дворянина Николая Степановича, родился 24 Января 1754 года; началъ службу въ Конной гвардіи, а затѣмъ переведенъ былъ въ Кирасирскій полкъ, съ которымъ, въ чинѣ капитана, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ. Когда фаворитъ Императрицы, Зоричъ, лишился значенія при дворѣ, Потемкинъ рекомендовалъ на его мѣсто Корсакова, обладавшаго весьма изящной фигурой. Въ Іюнѣ 1778 г. Корсаковъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, генералъ-майоромъ и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ; Польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, который онъ постоянно носилъ, почему и былъ прозванъ въ Москвѣ „Польскимъ королемъ"; въ то же время Корсаковъ получилъ до 4000 душъ и на полмилліона подарковъ. Корсаковъ любилъ музыку, пѣніе, обладалъ хорошимъ голосомъ. Екатерина прозвала его Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, и какъ-то, говоря съ Орловымъ о фаворитѣ, сказала, что онъ поетъ, какъ соловей. „Это правда", замѣтилъ Орловъ, „но вѣдь соловьи поютъ только до Петрова дня". Величіе Корсакова было, дѣйствительно, лишь мимолетное. Связь съ пріятельницей Екатерины II, графиней П. А. Брюсъ, рожденной графиней Румянцовой (р. 1729 г., † 1786 г.), погубила Корсакова во мнѣніи Екатерины, и уже въ Октябрѣ 1779 г. онъ удалился въ Москву, куда за нимъ послѣдовала увлеченная имъ графиня Екатерина Петровна Строганова (р. 1744 г., † 1815 г.; см. т. I, № 86), супруга графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ царствованіе Павла I И. Н. Корсаковъ былъ сосланъ въ Саратовъ, гдѣ оставался, впрочемъ, не долго, послѣ чего до конца дней жилъ въ Москвѣ.

Погребенъ онъ въ своемъ селѣ Братцовѣ, близъ Москвы; на памятникѣ его слѣдующая надпись: „Господи, упокой душу раба твоего Іоанна. Здѣсь погребено тѣло генералъ-майора, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова, скончавшагося 1831 г., Февраля 16 дня, на 76 году своей жизни. Благодѣтелю незабвенному". Памятникъ былъ воздвигнутъ сыномъ Корсакова и графини Е. П. Строгановой, В. Н. Ладомирскимъ.

Корсаковъ любилъ пышность и въ Москвѣ былъ однимъ изъ послѣднихъ вельможъ вѣка Екатерины, пудрился, носилъ шитый золотомъ и каменьями камзолъ и ѣздилъ въ каретѣ цугомъ. Онъ любилъ устраивать праздники, лукулловскіе обѣды, былъ веселый и щедрый человѣкъ, не лишенный доли самодурства: онъ способенъ былъ, напримѣръ, накормить своихъ гостей галчатами, подъ видомъ „павлинятъ". Его домъ на Тверскомъ бульварѣ, съ большимъ, великолѣпнымъ садомъ, съ бесѣдками, статуями и прудами, посѣщался всей Москвой. А. Я. Булгаковъ пользовался его „дружбой", и Корсаковъ умеръ на его глазахъ. „Очень жаль мнѣ добраго старика", писалъ Булгаковъ брату, „онъ съ роду зла никому не сдѣлалъ, а много дѣлалъ добра. Натура была у него каменная, но онъ былъ упрямъ и не слушался докторовъ. Любилъ я слушать его разсказы о временахъ его случая". Въ послѣдніе 2 года его жизни почти одинъ Булгаковъ не забывалъ Корсакова, который „сдѣлался дикъ, запустилъ бороду, не снималъ халата, но былъ ему всегда радъ", и даже отдалъ Булгакову письма къ нему Екатерины (см. Русск. Архивъ, 1879 г.). По отзыву Гельбига, „онъ былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но по внѣшности былъ на рѣдкость изященъ; обладалъ даромъ пріятной бесѣды и здравымъ смысломъ, хотя не имѣлъ образованія". По словамъ другого современника, князя И. М. Долгорукаго, Корсаковъ былъ „человѣкомъ, который ничего, кромѣ себя, не любилъ; тщеславный богачъ, не одаренный ничѣмъ отъ природы и обязанный одной слѣпой фортунѣ, пригожему лицу и юности минутнымъ блескомъ своимъ у трона! Онъ жилъ съ теткой моей (графиней Строгановой) въ одномъ домѣ, у нихъ были и общія дѣти".

Дѣти Корсакова получили дворянство и фамилію Ладомирскихъ; кромѣ сына Василія, было еще 2 дочери: Зинаида (за княземъ Д. М. Голицынымъ) и Софья (за графомъ А. А. Апраксинымъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей г. Вейденбауму, въ Москвѣ.)

IVAN NIKOLAEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1754—1831, général aide de camp de l'Impératrice Catherine II, fils d'un noble de Smolensk, naquit le 24 janvier 1754. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, puis passa aux cuirassiers, avec lesquels il fit comme capitaine la campagne de Pologne. Lors de la disgrâce du favori Zoritch, Potemkine le recommanda à l'Impératrice en raison de son physique extrêmement avantageux. En juin 1778, il fut nommé aide de camp de S. M., puis, dans l'espace de quelques mois, fait chambellan actuel, général major et enfin général aide de camp. Le roi de Pologne lui conféra l'ordre de l'Aigle d'Or, sans lequel il ne se montrait jamais, ce qui le fit surnommer à Moscou le Roi de Pologne; en même temps, il ne reçut pas moins de 4000 têtes de paysans et des cadeaux pour un demi-million. Il aimait la musique et le chant et possédait une belle voix. Catherine l'avait surnommé Pyrrhus, roi d'Epire; un jour, en parlant de lui avec Orloff, elle dit qu'il chantait comme un rossignol. „C'est vrai", répliqua Orloff, „mais les rossignols ne chantent que jusqu'à la St-Pierre". Et, de fait, la grandeur de Korsakoff fut éphémère. Sa liaison avec une amie de Catherine, la comtesse Bruce, née comtesse Roumiantzeff (1729—1786), le perdit dans l'esprit de l'Impératrice, et, dès octobre 1779, il se retira à Moscou, où le suivit la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff (1744—1815; v. T. I, № 86), femme du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, qui s'était éprise de lui. Sous Paul Ier, Korsakoff fut exilé à Saratoff, où, du reste, il ne resta pas longtemps; il revint à Moscou, qu'il habita jusqu'à la fin de ses jours.

Il fut inhumé dans ses propriétés de Bratzovo, près Moscou; son monument porte l'inscription suivante: „Seigneur, donne le repos à l'âme de ton serviteur Jean. Ici repose le corps du général major, chambellan actuel et chevalier de divers ordres Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff, décédé le 16 février 1831 dans sa 76e année. A notre bienfaiteur, souvenir éternel". Le monument fut élevé par le fils de Korsakoff et de la comtesse Stroganoff, B. Ladomirsky.

Korsakoff aimait le faste et fut à Moscou un des derniers grands seigneurs du siècle de Catherine, se poudrant, portant un habit brodé d'or et de pierres précieuses et ne sortant qu'en attelage à la Daumont. Il se plaisait à organiser des fêtes, des repas de Lucullus; gai et prodigue, il n'était pas sans une pointe d'extravagance: il était homme, par exemple, à annoncer à ses convives des jeunes paons et à leur faire manger de la corneille. Sa maison du boulevard de Tver, avec ses grands et magnifiques jardins, ses kiosques, ses statues et ses pièces d'eau, était fréquentée par tout Moscou. Il était très lié avec Alexandre Boulgakoff, qui fut témoin de ses derniers moments et écrivit ensuite à son frère: „C'est bien triste, ce pauvre vieux! De sa vie il n'a fait de mal à personne, et il a fait beaucoup de bien. Physiquement, il était de fer, mais il avait l'entêtement de ne pas écouter les médecins. J'aimais bien l'entendre parler du temps de sa faveur". Dans les deux dernières années de sa vie, il n'y avait guère que Boulgakoff qui ne l'eût pas oublié: „Il était devenu sauvage, laissait pousser sa barbe et ne quittait plus sa robe de chambre, mais quand je venais, j'étais toujours bien reçu". Il remit même à Boulgakoff les lettres qu'il avait reçues de Catherine II (v. Archive Russe, 1879). Selon Helbig, „il était plus agréable que beau, mais d'une élégance peu commune; quoique sans instruction, il avait de la conversation et du bon sens". Un autre contemporain, le prince I. Dolgorouky, le représente comme „un homme qui n'aimait personne que lui, un richard vaniteux et nul, qui ne dut qu'à la fortune aveugle, à son visage agréable et à sa jeunesse l'éclat dont il brilla un moment près du trône! Il habitait la même maison que ma tante" (la comtesse Stroganoff); „ils avaient même des enfants".

Les enfants de Korsakoff reçurent la noblesse et le nom de Ladomirsky; outre son fils Basile, il avait encore deux filles, Zénaïde, mariée au prince D. Golitzyne, et Sophie au comte A. Apraxine.

(D'après une miniature appartenant à M. Weidenbaum, Moscou.)

IVAN NIKOLAEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1754—1831, général aide de camp de l'Impératrice Catherine II, fils d'un noble de Smolensk, naquit le 24 janvier 1754. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, puis passa aux cuirassiers, avec lesquels il fit comme capitaine la campagne de Pologne. Lors de la disgrâce du favori Zoritch, Potemkine le recommanda à l'Impératrice en raison de son physique extrêmement avantageux. En juin 1778, il fut nommé aide de camp de S. M., puis, dans l'espace de quelques mois, fait chambellan actuel, général major et enfin général aide de camp. Le roi de Pologne lui conféra l'ordre de l'Aigle d'Or, sans lequel il ne se montrait jamais, ce qui le fit surnommer à Moscou le Roi de Pologne; en même temps, il ne reçut pas moins de 4000 têtes de paysans et des cadeaux pour un demi-million. Il aimait la musique et le chant et possédait une belle voix. Catherine l'avait surnommé Pyrrhus, roi d'Epire; un jour, en parlant de lui avec Orloff, elle dit qu'il chantait comme un rossignol. „C'est vrai", répliqua Orloff, „mais les rossignols ne chantent que jusqu'à la St-Pierre". Et, de fait, la grandeur de Korsakoff fut éphémère. Sa liaison avec une amie de Catherine, la comtesse Bruce, née comtesse Roumiantzeff (1729—1786), le perdit dans l'esprit de l'Impératrice, et, dès octobre 1779, il se retira à Moscou, où le suivit la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff (1744—1815; v. T. I, № 86), femme du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, qui s'était éprise de lui. Sous Paul Ier, Korsakoff fut exilé à Saratoff, où, du reste, il ne resta pas longtemps; il revint à Moscou, qu'il habita jusqu'à la fin de ses jours.

Il fut inhumé dans ses propriétés de Bratzovo, près Moscou; son monument porte l'inscription suivante: „Seigneur, donne le repos à l'âme de ton serviteur Jean. Ici repose le corps du général major, chambellan actuel et chevalier de divers ordres Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff, décédé le 16 février 1831 dans sa 76e année. A notre bienfaiteur, souvenir éternel". Le monument fut élevé par le fils de Korsakoff et de la comtesse Stroganoff, B. Ladomirsky.

Korsakoff aimait le faste et fut à Moscou un des derniers grands seigneurs du siècle de Catherine, se poudrant, portant un habit brodé d'or et de pierres précieuses et ne sortant qu'en attelage à la Daumont. Il se plaisait à organiser des fêtes, des repas de Lucullus; gai et prodigue, il n'était pas sans une pointe d'extravagance: il était homme, par exemple, à annoncer à ses convives des jeunes paons et à leur faire manger de la corneille. Sa maison du boulevard de Tver, avec ses grands et magnifiques jardins, ses kiosques, ses statues et ses pièces d'eau, était fréquentée par tout Moscou. Il était très lié avec Alexandre Boulgakoff, qui fut témoin de ses derniers moments et écrivit ensuite à son frère: „C'est bien triste, ce pauvre vieux! De sa vie il n'a fait de mal à personne, et il a fait beaucoup de bien. Physiquement, il était de fer, mais il avait l'entêtement de ne pas écouter les médecins. J'aimais bien l'entendre parler du temps de sa faveur". Dans les deux dernières années de sa vie, il n'y avait guère que Boulgakoff qui ne l'eût pas oublié: „Il était devenu sauvage, laissait pousser sa barbe et ne quittait plus sa robe de chambre, mais quand je venais, j'étais toujours bien reçu". Il remit même à Boulgakoff les lettres qu'il avait reçues de Catherine II (v. Archive Russe, 1879). Selon Helbig, „il était plus agréable que beau, mais d'une élégance peu commune; quoique sans instruction, il avait de la conversation et du bon sens". Un autre contemporain, le prince I. Dolgorouky, le représente comme „un homme qui n'aimait personne que lui, un richard vaniteux et nul, qui ne dut qu'à la fortune aveugle, à son visage agréable et à sa jeunesse l'éclat dont il brilla un moment près du trône! Il habitait la même maison que ma tante" (la comtesse Stroganoff); „ils avaient même des enfants".

Les enfants de Korsakoff reçurent la noblesse et le nom de Ladomirsky; outre son fils Basile, il avait encore deux filles, Zénaïde, mariée au prince D. Golitzyne, et Sophie au comte A. Apraxine.

(D'après une miniature appartenant à M. Weidenbaum, Moscou.)

120

Графъ ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1771—1804, младшій братъ фаворита, родился 28 Ноября 1771 года и началъ службу въ Конной гвардіи, гдѣ 17 лѣтъ произведенъ въ корнеты. Послѣ возвышенія Платона Зубова онъ, превосходя брата красотой, обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни, и изъ опасенія, что онъ сдѣлается соперникомъ брата, его отправили въ армію къ Потемкину. Присланный курьеромъ съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ, Зубовъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; возвратясь въ армію, онъ отличился при штурмѣ Измаила; въ 1792 г. былъ пожалованъ въ генералъ-майоры; въ 1793 г., возведенный со всей фамиліей въ графское достоинство, получилъ орденъ св. Александра Невскаго; въ 1794 г. участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, гдѣ, по свидѣтельству современника, „всюду оставлялъ слѣды своего безразсудства и жестокости". Во время преслѣдованія одного польскаго отряда лишился ноги, оторванной ядромъ; за Польскій походъ получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. и чинъ генералъ-поручика и въ томъ же 1794 г. — звѣзду св. Андрея Первозваннаго. Въ 1796 г. графъ Зубовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, посланными противъ Персіи, для приведенія въ исполненіе проекта князя Платона Зубова, мечтавшаго о завоеваніи всей западной Азіи до Индіи, и передъ отъѣздомъ въ армію пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Были взяты Дербентъ и Баку; однако, война шла не такъ успѣшно, какъ ожидали въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе 25-лѣтній главнокомандующій получилъ звѣзду св. Георгія 2 ст. и чинъ генералъ-аншефа. Павелъ I прекратилъ войну, и Зубовъ долженъ былъ удалиться въ пожалованныя ему Екатериной II Курляндскія имѣнія, которыя въ 1799 г. были взяты въ казну, въ виду недочета суммъ по Персидскому походу. Эти имѣнія были потомъ ему возвращены, и въ 1800 г. онъ назначенъ директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; при Александрѣ I онъ былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Графъ В. А. Зубовъ былъ женатъ на красавицѣ полькѣ, вдовѣ графинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Потоцкой, рожденной княжнѣ Любомірской; дѣтей не имѣлъ. Умеръ, всего 33 лѣтъ, 21 Іюня 1804 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, подъ церковью, построенной его братьями въ основанномъ ими здѣсь инвалидномъ домѣ.

Современники не сходятся въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ графа В. А. Зубова. Одни говорятъ, что его внутреннія свойства не соотвѣтствовали его красивой внѣшности. Человѣкъ далеко не умный, но менѣе ограниченный, чѣмъ его знаменитый братъ, Зубовъ, легкомысленный, развратный и расточительный, былъ злопамятенъ и жестокъ. Другіе, напримѣръ Державинъ, напротивъ, отзываются съ большой похвалой о его храбрости, благородствѣ и честности.

(Съ миніатюры Ритта; собственность князя А. А. Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

120

Графъ ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1771—1804, младшій братъ фаворита, родился 28 Ноября 1771 года и началъ службу въ Конной гвардіи, гдѣ 17 лѣтъ произведенъ въ корнеты. Послѣ возвышенія Платона Зубова онъ, превосходя брата красотой, обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни, и изъ опасенія, что онъ сдѣлается соперникомъ брата, его отправили въ армію къ Потемкину. Присланный курьеромъ съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ, Зубовъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; возвратясь въ армію, онъ отличился при штурмѣ Измаила; въ 1792 г. былъ пожалованъ въ генералъ-майоры; въ 1793 г., возведенный со всей фамиліей въ графское достоинство, получилъ орденъ св. Александра Невскаго; въ 1794 г. участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, гдѣ, по свидѣтельству современника, „всюду оставлялъ слѣды своего безразсудства и жестокости". Во время преслѣдованія одного польскаго отряда лишился ноги, оторванной ядромъ; за Польскій походъ получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. и чинъ генералъ-поручика и въ томъ же 1794 г. — звѣзду св. Андрея Первозваннаго. Въ 1796 г. графъ Зубовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, посланными противъ Персіи, для приведенія въ исполненіе проекта князя Платона Зубова, мечтавшаго о завоеваніи всей западной Азіи до Индіи, и передъ отъѣздомъ въ армію пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Были взяты Дербентъ и Баку; однако, война шла не такъ успѣшно, какъ ожидали въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе 25-лѣтній главнокомандующій получилъ звѣзду св. Георгія 2 ст. и чинъ генералъ-аншефа. Павелъ I прекратилъ войну, и Зубовъ долженъ былъ удалиться въ пожалованныя ему Екатериной II Курляндскія имѣнія, которыя въ 1799 г. были взяты въ казну, въ виду недочета суммъ по Персидскому походу. Эти имѣнія были потомъ ему возвращены, и въ 1800 г. онъ назначенъ директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; при Александрѣ I онъ былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Графъ В. А. Зубовъ былъ женатъ на красавицѣ полькѣ, вдовѣ графинѣ Маріи Ѳедоровнѣ Потоцкой, рожденной княжнѣ Любомірской; дѣтей не имѣлъ. Умеръ, всего 33 лѣтъ, 21 Іюня 1804 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, подъ церковью, построенной его братьями въ основанномъ ими здѣсь инвалидномъ домѣ.

Современники не сходятся въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ графа В. А. Зубова. Одни говорятъ, что его внутреннія свойства не соотвѣтствовали его красивой внѣшности. Человѣкъ далеко не умный, но менѣе ограниченный, чѣмъ его знаменитый братъ, Зубовъ, легкомысленный, развратный и расточительный, былъ злопамятенъ и жестокъ. Другіе, напримѣръ Державинъ, напротивъ, отзываются съ большой похвалой о его храбрости, благородствѣ и честности.

(Съ миніатюры Ритта; собственность князя А. А. Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte VALÉRIEN ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1771—1804, frère cadet du favori, naquit le 28 novembre 1771 et commença sa carrière à la Garde à cheval, où il fut, à l'âge de 17 ans, promu cornette. Plus bel homme encore que son frère Platon, il attira, lors de l'entrée en faveur de celui-ci, l'attention particulière de l'Impératrice, et, pour l'empêcher de devenir le rival de son frère, on l'envoya à l'armée de Potemkine. Lorsqu'il revint en courrier avec la nouvelle de la prise de Bender, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté et décoré de St-Georges de 4e classe; de retour à l'armée, il se distingua à l'assaut d'Izmaïl, en 1792, fut promu général major, en 1793, élevé avec toute sa famille à la dignité de comte et décoré de St-Alexandre Newsky. En 1794, il fit la campagne de Pologne et, au témoignage d'un contemporain, „laissa partout des traces de son incohérence et de sa cruauté"; dans la poursuite d'un détachement polonais, il eut une jambe emportée par un boulet: la campagne lui valut l'ordre de St-Georges de 3e classe, le grade de général lieutenant, et, la même année, l'étoile de St-André. En 1796, il fut mis à la tête des troupes envoyées contre la Perse en exécution du projet de conquête, élaboré par Platon Zouboff, de toute l'Asie occidentale jusqu'aux Indes; à son départ, il fut nommé général aide de camp. Derbent et Bakou furent pris, mais la campagne ne fut pas aussi heureuse qu'on l'avait espéré à Pétersbourg; cependant le jeune chef d'armée de 25 ans reçut l'étoile de St-Georges de 2e classe et le grade de général en chef. Paul Ier rappela l'expédition, et Zouboff dut se retirer dans les terres que Catherine II lui avait données en Courlande, et qui, reprises en 1799 par l'Etat pour couvrir le déficit constaté dans les comptes de la campagne de Perse, lui furent pourtant restituées dans la suite. Nommé en 1800 directeur du 2e Corps des Cadets de Pétersbourg, il devint sous Alexandre Ier membre du Conseil de l'Empire.

Zouboff avait épousé une veuve polonaise, la belle comtesse Marie Féodorowna Potocki, née princesse Lubomirsky. Il mourut sans enfants, le 21 juin 1804, à l'âge de 33 ans seulement, et fut inhumé au monastère de St-Serge, près Pétersbourg, dans la crypte de l'église élevée par ses frères pour la maison d'invalides qu'ils y avaient fondée.

Les contemporains ne sont pas d'accord dans leur appréciation du comte V. Zouboff. Les uns disent que son moral répondait mal à son extérieur avantageux: insignifiant comme intelligence, mais moins borné que son fameux frère, frivole, débauché et prodigue, il aurait eu un caractère vindicatif et cruel. Les autres, Derjavine par exemple, font au contraire grand éloge de sa bravoure, de sa noblesse de sentiments et de son honorabilité.

(D'après une miniature de Ritt, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

120

Le comte VALÉRIEN ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1771—1804, frère cadet du favori, naquit le 28 novembre 1771 et commença sa carrière à la Garde à cheval, où il fut, à l'âge de 17 ans, promu cornette. Plus bel homme encore que son frère Platon, il attira, lors de l'entrée en faveur de celui-ci, l'attention particulière de l'Impératrice, et, pour l'empêcher de devenir le rival de son frère, on l'envoya à l'armée de Potemkine. Lorsqu'il revint en courrier avec la nouvelle de la prise de Bender, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté et décoré de St-Georges de 4e classe; de retour à l'armée, il se distingua à l'assaut d'Izmaïl, en 1792, fut promu général major, en 1793, élevé avec toute sa famille à la dignité de comte et décoré de St-Alexandre Newsky. En 1794, il fit la campagne de Pologne et, au témoignage d'un contemporain, „laissa partout des traces de son incohérence et de sa cruauté"; dans la poursuite d'un détachement polonais, il eut une jambe emportée par un boulet: la campagne lui valut l'ordre de St-Georges de 3e classe, le grade de général lieutenant, et, la même année, l'étoile de St-André. En 1796, il fut mis à la tête des troupes envoyées contre la Perse en exécution du projet de conquête, élaboré par Platon Zouboff, de toute l'Asie occidentale jusqu'aux Indes; à son départ, il fut nommé général aide de camp. Derbent et Bakou furent pris, mais la campagne ne fut pas aussi heureuse qu'on l'avait espéré à Pétersbourg; cependant le jeune chef d'armée de 25 ans reçut l'étoile de St-Georges de 2e classe et le grade de général en chef. Paul Ier rappela l'expédition, et Zouboff dut se retirer dans les terres que Catherine II lui avait données en Courlande, et qui, reprises en 1799 par l'Etat pour couvrir le déficit constaté dans les comptes de la campagne de Perse, lui furent pourtant restituées dans la suite. Nommé en 1800 directeur du 2e Corps des Cadets de Pétersbourg, il devint sous Alexandre Ier membre du Conseil de l'Empire.

Zouboff avait épousé une veuve polonaise, la belle comtesse Marie Féodorowna Potocki, née princesse Lubomirsky. Il mourut sans enfants, le 21 juin 1804, à l'âge de 33 ans seulement, et fut inhumé au monastère de St-Serge, près Pétersbourg, dans la crypte de l'église élevée par ses frères pour la maison d'invalides qu'ils y avaient fondée.

Les contemporains ne sont pas d'accord dans leur appréciation du comte V. Zouboff. Les uns disent que son moral répondait mal à son extérieur avantageux: insignifiant comme intelligence, mais moins borné que son fameux frère, frivole, débauché et prodigue, il aurait eu un caractère vindicatif et cruel. Les autres, Derjavine par exemple, font au contraire grand éloge de sa bravoure, de sa noblesse de sentiments et de son honorabilité.

(D'après une miniature de Ritt, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

121

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЕВШИНА, 1768—1824, дочь генерала-отъ-инфантеріи Николая Дмитріевича Дурново († 1816 г.), была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Павломъ Ѳедуловичемъ Левшинымъ (р. 1757 г., † 1809 г.).

Е. Н. Левшина отъ этого брака имѣла 3 сыновей: Николая (убитъ подъ Фридландомъ), Александра (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрія (дѣйств. статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анну (въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ), Екатерину (за В. П. Наумовымъ), Татьяну, Марію (за Н. Г. Сомовымъ), Александру (за А. М. Замятнинымъ) и Софію (р. 1808 г., † 1825 г.).

Скончалась Е. Н. Левшина 11 Сентября 1824 г. и погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

121

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЕВШИНА, 1768—1824, дочь генерала-отъ-инфантеріи Николая Дмитріевича Дурново († 1816 г.), была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Павломъ Ѳедуловичемъ Левшинымъ (р. 1757 г., † 1809 г.).

Е. Н. Левшина отъ этого брака имѣла 3 сыновей: Николая (убитъ подъ Фридландомъ), Александра (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрія (дѣйств. статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анну (въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ), Екатерину (за В. П. Наумовымъ), Татьяну, Марію (за Н. Г. Сомовымъ), Александру (за А. М. Замятнинымъ) и Софію (р. 1808 г., † 1825 г.).

Скончалась Е. Н. Левшина 11 Сентября 1824 г. и погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

121

CATHERINE NIKOLAEWNA LEVCHINE, 1768—1824, fille du général d'infanterie Nicolas Dmitriewitch Dournovo († 1816), épousa le général lieutenant Paul Féodoulowitch Levchine (1757—1809). Elle eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825).

Mme Levchine mourut le 11 septembre 1824, et fut inhumée près de son mari au monastère Daniloff à Moscou.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

121

CATHERINE NIKOLAEWNA LEVCHINE, 1768—1824, fille du général d'infanterie Nicolas Dmitriewitch Dournovo († 1816), épousa le général lieutenant Paul Féodoulowitch Levchine (1757—1809). Elle eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825).

Mme Levchine mourut le 11 septembre 1824, et fut inhumée près de son mari au monastère Daniloff à Moscou.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

122

ПАВЕЛЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ ЛЕВШИНЪ, 1757—1809, сынъ надворнаго совѣтника Ѳедула Ивановича (р. 1691 г., † 20 Апрѣля 1757 г.), отъ второго его брака съ Анною Гавриловною Бѣлкиною, родился, послѣ смерти отца, въ Іюнѣ 1757 года; вступилъ въ военную службу въ 1770 г. въ Семеновскій полкъ капраломъ. Только въ 1783 г. произведенъ онъ былъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году Левшинъ получилъ чинъ подпоручика, въ 1785 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ и въ 1789 г. произведенъ въ капитанъ-поручики; 1 Января 1791 г. онъ былъ отставленъ отъ службы, съ чиномъ арміи полковника, но въ 1792 г. опредѣлился снова на службу въ Главный Кригсъ-комиссаріатъ на должность оберъ-штеръ-кригскомиссара и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1794 г. П. Ѳ. Левшинъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г. получилъ орденъ св. Анны 2 ст., въ 1799 г.—чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Анны 1 ст., въ 1800 г.—почетное командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку, съ мундиромъ, при чемъ ему было пожаловано 5/т. десятинъ земли въ Саратовской губерніи. Въ 1791 г. Левшинъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, далъ средства на изданіе составленной В. А. Левшинымъ „Книги родословной благородныхъ дворянъ Левшиныхъ". Выйдя въ отставку, Левшинъ поселился навсегда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Воздвиженкѣ (противъ церкви Бориса и Глѣба), славившемся пріемами и хлѣбосольствомъ.

Скончался П. Ѳ. Левшинъ 8 Августа 1809 года, 52 лѣтъ, 1 мѣсяца, 25 дней отъ рожденія, и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Отъ брака съ Екатериною Николаевною Дурново (р. 1768 г., † 1824 г.) у него было 3 сына: Николай (убитъ подъ Фридландомъ), Александръ (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрій (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анна, въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ, Екатерина, за В. П. Наумовымъ, Татьяна, Марія, за П. Г. Сомовымъ, Александра, за А. М. Замятнинымъ, и Софія (р. 1808 г., † 1825 г., дѣвица). Внучка П. Ѳ. Левшина, Александра Дмитріевна (р. 1836 г., † 1877 г.), была въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ (р. 1823 г., † 1875 г.), дочь коихъ княгиня А. М. Козловская.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

122

ПАВЕЛЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ ЛЕВШИНЪ, 1757—1809, сынъ надворнаго совѣтника Ѳедула Ивановича (р. 1691 г., † 20 Апрѣля 1757 г.), отъ второго его брака съ Анной Гавриловной Бѣлкиной, родился, послѣ смерти отца, въ Іюнѣ 1757 года; вступилъ въ военную службу въ 1770 г. въ Семеновскій полкъ капраломъ. Только въ 1783 г. произведенъ онъ былъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году Левшинъ получилъ чинъ подпоручика, въ 1785 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ и въ 1789 г. произведенъ въ капитанъ-поручики; 1 Января 1791 г. онъ былъ отставленъ отъ службы, съ чиномъ арміи полковника, но въ 1792 г. опредѣлился снова на службу въ Главный Кригсъ-коммиссаріатъ на должность оберъ-штеръ-кригскомиссара и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1794 г. П. Ѳ. Левшинъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1798 г. получилъ орденъ св. Анны 2 ст., въ 1799 г.—чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ св. Анны 1 ст., въ 1800 г.—почетное командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку, съ мундиромъ, при чемъ ему было пожаловано 5/т. десятинъ земли въ Саратовской губерніи. Въ 1791 г. Левшинъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, далъ средства на изданіе составленной В. А. Левшинымъ „Книги родословной благородныхъ дворянъ Левшиныхъ“. Выйдя въ отставку, Левшинъ поселился навсегда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Воздвиженкѣ (противъ церкви Бориса и Глѣба), славившемся пріемами и хлѣбосольствомъ.

Скончался П. Ѳ. Левшинъ 8 Августа 1809 года, 52 лѣтъ, 1 мѣсяца, 25 дней отъ рожденія, и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Отъ брака съ Екатериной Николаевной Дурново (р. 1768 г., † 1824 г.) у него было 3 сына: Николай (убитъ подъ Фридландомъ), Александръ (убитъ при Бородинѣ) и Дмитрій (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 1804 г., † 1851 г.), и 6 дочерей: Анна, въ замужствѣ за Д. П. Горихвостовымъ и Кожевниковымъ, Екатерина, за В. П. Наумовымъ, Татьяна, Марія, за П. Г. Сомовымъ, Александра, за А. М. Замятнинымъ, и Софія (р. 1808 г., † 1825 г., дѣвица). Внучка П. Ѳ. Левшина, Александра Дмитріевна (р. 1836 г., † 1877 г.), была въ замужствѣ за тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ (р. 1823 г., † 1875 г.), дочь коихъ княгиня А. М. Козловская.

(Съ миніатюры, принадлежащей княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

122

PAUL FÉODOULOWITCH LEVCHINE, 1757—1809, fils du conseiller de cour Théodule Ivanowitch Levchine (1691—20 avril 1757) et de sa seconde femme Anne Gavrilowna, née Belkine, naquit après la mort de son père en juin 1757. Enrôlé en 1770 caporal au régiment Sémenowsky, il ne passa porte-enseigne qu'en 1783, puis fut promu l'année suivante sous-lieutenant, en 1785, aide de camp de régiment et, en 1789, capitaine lieutenant. Mis en disponibilité le 1er janvier 1791 avec le grade de colonel à l'Armée, il reprit du service l'année suivante comme commissaire général aux subsistances et fut décoré la même année de St-Vladimir de 3e classe. Il fut, en 1794 promu général major, en 1798 décoré de Ste-Anne de 2e classe, en 1799 promu général lieutenant et décoré de Ste-Anne de 1re classe, et, en 1800, fait commandeur honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il prit sa retraite la même année avec le droit de porter l'uniforme et une concession de 5000 hectares au gouvernement de Saratoff, et se fixa définitivement dans sa maison de Moscou, à la Vozdvigenka, vis-à-vis l'église St-Boris-et-Gleb, donnant des réceptions et tenant table ouverte. En 1791, il avait subventionné avec son frère la Généalogie de la Famille noble des Levchine publiée par B. Levchine. Il mourut le 8 août 1809, âgé de 52 ans, 1 mois, 25 jours, et fut inhumé au monastère Daniloff à Moscou.

Levchine avait épousé Catherine Nikolaewna Dournovo (1768—1824), dont il eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825), sans alliance. Une fille de son fils Dmitri, Alexandrine (1836—1877), mariée au conseiller privé Michel Nikolaewitch Longuinoff (1823—1875), fut la mère de la princesse A. Kozlowsky.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

122

PAUL FÉODOULOWITCH LEVCHINE, 1757—1809, fils du conseiller de cour Théodule Ivanowitch Levchine (1691—20 avril 1757) et de sa seconde femme Anne Gavrilowna, née Belkine, naquit après la mort de son père en juin 1757. Enrôlé en 1770 caporal au régiment Sémenowsky, il ne passa porte-enseigne qu'en 1783, puis fut promu l'année suivante sous-lieutenant, en 1785, aide de camp de régiment et, en 1789, capitaine lieutenant. Mis en disponibilité le 1er janvier 1791 avec le grade de colonel à l'Armée, il reprit du service l'année suivante comme commissaire général aux subsistances et fut décoré la même année de St-Vladimir de 3e classe. Il fut, en 1794 promu général major, en 1798 décoré de Ste-Anne de 2e classe, en 1799 promu général lieutenant et décoré de Ste-Anne de 1re classe, et, en 1800, fait commandeur honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il prit sa retraite la même année avec le droit de porter l'uniforme et une concession de 5000 hectares au gouvernement de Saratoff, et se fixa définitivement dans sa maison de Moscou, à la Vozdvigenka, vis-à-vis l'église St-Boris-et-Gleb, donnant des réceptions et tenant table ouverte. En 1791, il avait subventionné avec son frère la Généalogie de la Famille noble des Levchine publiée par B. Levchine. Il mourut le 8 août 1809, âgé de 52 ans, 1 mois, 25 jours, et fut inhumé au monastère Daniloff à Moscou.

Levchine avait épousé Catherine Nikolaewna Dournovo (1768—1824), dont il eut trois fils, Nicolas, tué à Friedland, Alexandre, tué à Borodino, et Dmitri (1804—1851), conseiller d'état actuel, et six filles: Anne, mariée à D. Gorikhvostoff et à Kojevnikoff, Catherine à Naoumoff, Tatiana, Marie à N. Somoff, Alexandrine à A. Zamiatnine, et Sophie (1808—1825), sans alliance. Une fille de son fils Dmitri, Alexandrine (1836—1877), mariée au conseiller privé Michel Nikolaewitch Longuinoff (1823—1875), fut la mère de la princesse A. Kozlowsky.

(D'après une miniature appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1747—1837, старшая изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 5 Сентября 1747 года (см. т. I, № 58). Некрасивая, почти горбатая, но умная, бойкая и любезная въ обращеніи, она была любимицей не только родителей, у коихъ была первымъ ребенкомъ, но и всей многочисленной семьи. Баловство, окружавшее ее въ дѣтствѣ, сдѣлало ее, какъ она сама говорила, капризною и требовательною, но, несмотря на свою рѣзкость и причуды, она до конца жизни была любима и уважаема всѣми, ее знавшими. Назначенная фрейлиною тотчасъ по воцареніи Екатерины II и получивъ, не въ примѣръ другимъ, разрѣшеніе жить при родителяхъ, а не при дворѣ, Наталія Кирилловна не торопилась выходить замужъ и отказывала многимъ виднымъ женихамъ, пока, 26 лѣтъ отъ роду, не влюбилась въ молодого Измайловскаго офицера, Николая Александровича Загряжскаго, котораго часто встрѣчала во дворцѣ во время своихъ дежурствъ. Свадьба состоялась при дворѣ 24 Октября 1772 года. Молодые поселились сначала въ Петербургѣ, въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго, на Мойкѣ, у Полицейскаго моста, но скоро оставили его и наняли собственную квартиру. Не имѣя дѣтей, Н. К. Загряжская усыновила свою племянницу, Марію Васильчикову, дочь своей сестры Анны Кирилловны, которую чуть ли не силою отняла у родителей и страстно къ ней привязалась; сдѣлала ее наслѣдницей своего громаднаго состоянія и выдала замужъ за будущаго государственнаго канцлера и князя В. П. Кочубея. Видное положеніе Загряжскихъ при дворѣ немного поколебалось вслѣдствіе дружбы Наталіи Кирилловны съ ея братомъ, графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и происшедшаго вслѣдствіе этого сближенія ихъ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и его первою супругою. Она не порвала своихъ отношеній съ братомъ и при постигшей его опалѣ, чѣмъ навлекла на себя неудовольствіе Екатерины. По воцареніи Павла I, Наталія Кирилловна была пожалована въ 1799 г. кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса и продолжала пользоваться большимъ почетомъ у Императорской четы, состоя при этомъ въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ самыми приближенными ко двору лицами. Но свадьба ея пріемной дочери съ В. П. Кочубеемъ, котораго Императоръ мѣтилъ въ женихи А. П. Лопухиной, и ея смѣлая выходка съ матерью послѣдней, княгиней Е. Н. Лопухиной, которой она, при всемъ дворѣ, впервые поклонилась „по именному Его Величества приказанію, ею сегодня полученному", навлекли на Н. К. Загряжскую гнѣвъ Государя, пославшаго ей приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга, скоро имъ отмѣненное. Впрочемъ, послѣ этого она уже сама уѣхала къ отцу въ Батуринъ, а затѣмъ съ молодыми Кочубеями въ Дрезденъ, откуда вернулась въ Петербургъ уже по воцареніи Александра I. Поселившись въ домѣ Кочубеевъ, безъ мужа, который нанялъ отдѣльную квартиру, что не мѣшало супругамъ сохранить дружественныя отношенія и видаться каждый день, Наталія Кирилловна любила общество, игру въ карты, не чужда была благотворительности и пользовалась громаднымъ значеніемъ въ обществѣ. Скончалась Н. К. Загряжская въ глубокой старости, 90 лѣтъ отъ роду, 19 Марта 1837 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Н. К. Загряжская была несомнѣнно одною изъ оригинальнѣйшихъ личностей Петербургскаго свѣта первой половины XIX столѣтія. Полученное ею французское воспитаніе, отдававшее вольтерьянствомъ, не мѣшало ей любить Россію и все русское до такой степени, что она ненавидѣла память Петра Великаго, изуродовавшаго, по ея словамъ, Россію. Наталія Кирилловна извѣстна была своимъ бойкимъ и острымъ умомъ, своими колкими замѣчаніями, рѣзкими выходками, при которыхъ она не стѣснялась ничьимъ положеніемъ или званіемъ. Ея друзьями или почитателями были всѣ выдающіяся лица ея времени, какъ-то Потемкинъ, исполнявшій малѣйшія ея причуды, Шуваловъ, воспѣвавшій ее въ стихахъ, графъ А. С. Строгановъ, у котораго она любовалась его картинами и скульптурными произведеніями, и гувернеръ его сына, революціонеръ Жильбертъ Роммъ, съ которымъ она вела нескончаемые разговоры о серіозныхъ предметахъ. Сама она много и охотно разсказывала о временахъ и царствованіяхъ, давно прошедшихъ; разсказы эти слушалъ Пушкинъ, увлекавшійся прелестью ея воспоминаній о минувшихъ поколѣніяхъ и событіяхъ и сохранившій нѣкоторые изъ нихъ для потомства, а оставшіяся послѣ нея письма къ любимому брату, графу Андрею Разумовскому, являются богатымъ матеріаломъ для характеристики современнаго ей общества.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1747—1837, старшая изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 5 Сентября 1747 года (см. т. I, № 58). Некрасивая, почти горбатая, но умная, бойкая и любезная въ обращеніи, она была любимицей не только родителей, у коихъ была первымъ ребенкомъ, но и всей многочисленной семьи. Баловство, окружавшее ее въ дѣтствѣ, сдѣлало ее, какъ она сама говорила, капризною и требовательною, но, несмотря на свою рѣзкость и причуды, она до конца жизни была любима и уважаема всѣми, ее знавшими. Назначенная фрейлиною тотчасъ по воцареніи Екатерины II и получивъ, не въ примѣръ другимъ, разрѣшеніе жить при родителяхъ, а не при дворѣ, Наталія Кирилловна не торопилась выходить замужъ и отказывала многимъ виднымъ женихамъ, пока, 26 лѣтъ отъ роду, не влюбилась въ молодого Измайловскаго офицера, Николая Александровича Загряжскаго, котораго часто встрѣчала во дворцѣ во время своихъ дежурствъ. Свадьба состоялась при дворѣ 24 Октября 1772 года. Молодые поселились сначала въ Петербургѣ, въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго, на Мойкѣ, у Полицейскаго моста, но скоро оставили его и наняли собственную квартиру. Не имѣя дѣтей, Н. К. Загряжская усыновила свою племянницу, Марію Васильчикову, дочь своей сестры Анны Кирилловны, которую чуть ли не силою отняла у родителей и страстно къ ней привязалась; сдѣлала ее наслѣдницей своего громаднаго состоянія и выдала замужъ за будущаго государственнаго канцлера и князя В. П. Кочубея. Видное положеніе Загряжскихъ при дворѣ немного поколебалось вслѣдствіе дружбы Наталіи Кирилловны съ ея братомъ, графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и происшедшаго вслѣдствіе этого сближенія ихъ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и его первою супругою. Она не порвала своихъ отношеній съ братомъ и при постигшей его опалѣ, чѣмъ навлекла на себя неудовольствіе Екатерины. По воцареніи Павла I, Наталія Кирилловна была пожалована въ 1799 г. кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса и продолжала пользоваться большимъ почетомъ у Императорской четы, состоя при этомъ въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ самыми приближенными ко двору лицами. Но свадьба ея пріемной дочери съ В. П. Кочубеемъ, котораго Императоръ мѣтилъ въ женихи А. П. Лопухиной, и ея смѣлая выходка съ матерью послѣдней, княгиней Е. Н. Лопухиной, которой она, при всемъ дворѣ, впервые поклонилась „по именному Его Величества приказанію, ею сегодня полученному“, навлекли на Н. К. Загряжскую гнѣвъ Государя, пославшаго ей приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга, скоро имъ отмѣненное. Впрочемъ, послѣ этого она уже сама уѣхала къ отцу въ Батуринъ, а затѣмъ съ молодыми Кочубеями въ Дрезденъ, откуда вернулась въ Петербургъ уже по воцареніи Александра I. Поселившись въ домѣ Кочубеевъ, безъ мужа, который нанялъ отдѣльную квартиру, что не мѣшало супругамъ сохранить дружественныя отношенія и видаться каждый день, Наталія Кирилловна любила общество, игру въ карты, не чужда была благотворительности и пользовалась громаднымъ значеніемъ въ обществѣ. Скончалась Н. К. Загряжская въ глубокой старости, 90 лѣтъ отъ роду, 19 Марта 1837 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Н. К. Загряжская была несомнѣнно одною изъ оригинальнѣйшихъ личностей Петербургскаго свѣта первой половины XIX столѣтія. Полученное ею французское воспитаніе, отдававшее вольтерьянствомъ, не мѣшало ей любить Россію и все русское до такой степени, что она ненавидѣла память Петра Великаго, изуродовавшаго, по ея словамъ, Россію. Наталія Кирилловна извѣстна была своимъ бойкимъ и острымъ умомъ, своими колкими замѣчаніями, рѣзкими выходками, при которыхъ она не стѣснялась ничьимъ положеніемъ или званіемъ. Ея друзьями или почитателями были всѣ выдающіяся лица ея времени, какъ-то Потемкинъ, исполнявшій малѣйшія ея причуды, Шуваловъ, воспѣвавшій ее въ стихахъ, графъ А. С. Строгановъ, у котораго она любовалась его картинами и скульптурными произведеніями, и гувернеръ его сына, революціонеръ Жильбертъ Роммъ, съ которымъ она вела нескончаемые разговоры о серіозныхъ предметахъ. Сама она много и охотно разсказывала о временахъ и царствованіяхъ, давно прошедшихъ; разсказы эти слушалъ Пушкинъ, увлекавшійся прелестью ея воспоминаній о минувшихъ поколѣніяхъ и событіяхъ и сохранившій нѣкоторые изъ нихъ для потомства, а оставшіяся послѣ нея письма къ любимому брату, графу Андрею Разумовскому, являются богатымъ матеріаломъ для характеристики современнаго ей общества.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

NATALIE KIRILLOWNA ZAGRIAJSKY, 1747—1837, l'aînée des filles du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 5 septembre 1747 (v. T. I, № 58). Laide et presque bossue, son grand esprit, son caractère débrouillard et son amabilité lui valurent l'affection particulière non seulement de ses parents, dont elle était le premier enfant, mais encore de toute sa nombreuse famille. Les gâteries dont elle fut entourée la rendirent, dit-elle elle-même, capricieuse et exigeante, mais son humeur brusque et fantasque ne l'empêcha pas d'être généralement aimée et estimée jusqu'à la fin de ses jours. Demoiselle d'honneur à l'avènement même de Catherine II et autorisée, à titre tout exceptionnel, à rester avec ses parents sans être obligée d'habiter au Palais, elle ne se pressa nullement de se marier, refusa de nombreux partis et finit par s'éprendre à 26 ans d'un jeune officier du régiment Izmaïlowsky, Nicolas Alexandrowitch Zagriajsky, fréquemment de service en même temps qu'elle au Palais. Le mariage se fit à la Cour le 24 octobre 1772, et les jeunes époux, d'abord fixés chez le comte Cyrille Razoumowsky, à sa maison de la Moïka, près du Pont de Police, le quittèrent bientôt pour prendre un appartement à eux. Mme Zagriajsky, n'ayant pas d'enfants, adopta sa nièce Marie, fille de sa sœur Anne; elle l'avait enlevée presque de force à ses parents, la prit fort en affection, la fit héritière de son immense fortune et la maria au comte Victor Kotchubey, le futur chancelier. Sa situation marquante à la Cour fut tant soit peu compromise par son amitié avec son frère André et celle qui s'en suivit avec le Grand-Duc Paul et sa première femme: son attachement pour son frère en disgrâce provoqua le mécontentement de Catherine. Paul, devenu Empereur, la fit en 1799 dame de Ste-Catherine de 2e classe; elle ne cessa pas d'être honorée de la haute considération de l'Empereur et de l'Impératrice, et conserva à la Cour même des relations des plus amicales. Mais le mariage de sa fille d'adoption avec le comte Kotchubey, auquel l'Empereur destinait Mlle Lopoukhine, et son éclat avec la mère de celle-ci, à laquelle elle vint faire sa révérence en pleine Cour „par ordre personnel de S. M., reçu aujourd'hui", provoquèrent le courroux de l'Empereur, qui lui fit donner l'ordre, rapporté bientôt, de quitter immédiatement Pétersbourg. Elle alla d'ailleurs peu après, pour ne revenir que sous Alexandre, d'abord chez son père à Batourine, puis à Dresde avec les jeunes Kotchubey, où elle se fixa seule: son mari s'était installé à part, ce qui ne l'empêchait pas de rester en bonnes relations avec elle et de la voir chaque jour. Elle aimait la société et les cartes, faisant de la charité et tenant une grande place dans le monde. Elle mourut dans une profonde vieillesse, à 90 ans, le 19 mars 1837, et fut inhumée dans l'église du St-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Mme Zagriajsky fut certainement à Pétersbourg une des personnalités les plus originales de la première moitié du siècle. Son éducation française, sentant le voltairianisme, ne l'empêchait pas d'aimer la Russie, au point de détester Pierre-le-Grand, qu'elle considérait comme l'ayant déformée. Elle était connue pour la vigueur et le piquant de son esprit, ses observations mordantes et les véhémentes sorties où elle ne ménageait ni position ni personnalité. Elle eut pour amis ou admirateurs tous les hommes les plus éminents de l'époque, Potemkine, docile à ses moindres caprices, Schouvaloff, qui la célèbre dans ses vers, le comte A. Stroganoff, dont elle visite la galerie de peinture et de sculpture, et le gouverneur de son fils, le révolutionnaire Romme, avec lequel c'étaient des conversations sans fin sur des sujets sérieux. Elle aimait à parler du temps des règnes passés, et Pouchkine, charmé de ses récits des gens et des choses de jadis, nous en a conservé quelques-uns. Ses lettres à son cher frère le comte André Razoumowsky renferment des matériaux précieux comme caractéristique de la société qu'elle traversa.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

123

NATALIE KIRILLOWNA ZAGRIAJSKY, 1747—1837, l'aînée des filles du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 5 septembre 1747 (v. T. I, № 58). Laide et presque bossue, son grand esprit, son caractère débrouillard et son amabilité lui valurent l'affection particulière non seulement de ses parents, dont elle était le premier enfant, mais encore de toute sa nombreuse famille. Les gâteries dont elle fut entourée la rendirent, dit-elle elle-même, capricieuse et exigeante, mais son humeur brusque et fantasque ne l'empêcha pas d'être généralement aimée et estimée jusqu'à la fin de ses jours. Demoiselle d'honneur à l'avènement même de Catherine II et autorisée, à titre tout exceptionnel, à rester avec ses parents sans être obligée d'habiter au Palais, elle ne se pressa nullement de se marier, refusa de nombreux partis et finit par s'éprendre à 26 ans d'un jeune officier du régiment Izmaïlowsky, Nicolas Alexandrowitch Zagriajsky, fréquemment de service en même temps qu'elle au Palais. Le mariage se fit à la Cour le 24 octobre 1772, et les jeunes époux, d'abord fixés chez le comte Cyrille Razoumowsky, à sa maison de la Moïka, près du Pont de Police, le quittèrent bientôt pour prendre un appartement à eux. Mme Zagriajsky, n'ayant pas d'enfants, adopta sa nièce Marie, fille de sa sœur Anne; elle l'avait enlevée presque de force à ses parents, la prit fort en affection, la fit héritière de son immense fortune et la maria au comte Victor Kotchubey, le futur chancelier. Sa situation marquante à la Cour fut tant soit peu compromise par son amitié avec son frère André et celle qui s'en suivit avec le Grand-Duc Paul et sa première femme: son attachement pour son frère en disgrâce provoqua le mécontentement de Catherine. Paul, devenu Empereur, la fit en 1799 dame de Ste-Catherine de 2e classe; elle ne cessa pas d'être honorée de la haute considération de l'Empereur et de l'Impératrice, et conserva à la Cour même des relations des plus amicales. Mais le mariage de sa fille d'adoption avec le comte Kotchubey, auquel l'Empereur destinait Mlle Lopoukhine, et son éclat avec la mère de celle-ci, à laquelle elle vint faire sa révérence en pleine Cour „par ordre personnel de S. M., reçu aujourd'hui", provoquèrent le courroux de l'Empereur, qui lui fit donner l'ordre, rapporté bientôt, de quitter immédiatement Pétersbourg. Elle alla d'ailleurs peu après, pour ne revenir que sous Alexandre, d'abord chez son père à Batourine, puis à Dresde avec les jeunes Kotchubey, où elle se fixa seule: son mari s'était installé à part, ce qui ne l'empêchait pas de rester en bonnes relations avec elle et de la voir chaque jour. Elle aimait la société et les cartes, faisant de la charité et tenant une grande place dans le monde. Elle mourut dans une profonde vieillesse, à 90 ans, le 19 mars 1837, et fut inhumée dans l'église du St-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Mme Zagriajsky fut certainement à Pétersbourg une des personnalités les plus originales de la première moitié du siècle. Son éducation française, sentant le voltairianisme, ne l'empêchait pas d'aimer la Russie, au point de détester Pierre-le-Grand, qu'elle considérait comme l'ayant déformée. Elle était connue pour la vigueur et le piquant de son esprit, ses observations mordantes et les véhémentes sorties où elle ne ménageait ni position ni personnalité. Elle eut pour amis ou admirateurs tous les hommes les plus éminents de l'époque, Potemkine, docile à ses moindres caprices, Schouvaloff, qui la célèbre dans ses vers, le comte A. Stroganoff, dont elle visite la galerie de peinture et de sculpture, et le gouverneur de son fils, le révolutionnaire Romme, avec lequel c'étaient des conversations sans fin sur des sujets sérieux. Elle aimait à parler du temps des règnes passés, et Pouchkine, charmé de ses récits des gens et des choses de jadis, nous en a conservé quelques-uns. Ses lettres à son cher frère le comte André Razoumowsky renferment des matériaux précieux comme caractéristique de la société qu'elle traversa.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

АННА КИРИЛЛОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1754—18.., третья дочь гетмана Малороссіи, фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 1 Декабря 1754 года. Изъ четырехъ дочерей гетмана она, съ сестрою своей Елизаветою, отличалась красотою. Въ противоположность старшимъ своимъ сестрамъ, хотя и получивъ одинаковое съ ними образованіе подъ надзоромъ всякихъ „мадамъ" и учителей, выбираемыхъ отцомъ ея съ большимъ разборомъ, она плохо усвоила себѣ воспитаніе на французскій ладъ, которымъ щеголяли ея старшія сестры, привыкшія писать и думать по-французски; она осталась до конца жизни вполнѣ простой русской женщиной и съ дѣтства уже была очень богомольна.

Взятая послѣ смерти матери, въ 1771 г., Екатериной II фрейлиною ко двору, она вскорѣ затѣмъ (до 1775 г.) вступила въ бракъ съ дѣйствительнымъ камергеромъ Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ († 1808 г.), братомъ Екатерининскаго фаворита. Въ 1777 г., имѣя уже двухъ сыновей и одну дочь, Васильчикова переѣхала съ мужемъ въ Москву, которую очень любила, и скоро опять стала матерью. Гостившая у нея въ то время старшая сестра ея, извѣстная Наталія Кирилловна Загряжская, имѣвшая большое вліяніе на Анну Кирилловну и ея мужа, бездѣтная и желавшая найти пріемыша, почти похитила у сестры родившуюся при ней дочь, Марію, и увезла ее съ собой въ Петербургъ. Родители напрасно требовали возвращенія ребенка; онъ такъ и остался у Загряжской, а графу К. Г. Разумовскому удалось потомъ примирить дочерей. Окончательно поселившись въ Москвѣ, гдѣ она имѣла полную возможность предаваться своему влеченію къ церковнымъ службамъ и набожной жизни, Анна Кирилловна Васильчикова часто отправлялась на богомолье къ другимъ русскимъ святынямъ. Въ 1789 г. отецъ ея, графъ К. Г. Разумовскій, писалъ сыну: „Васильчикова сегодня потащилась въ Ростовъ, на богомолье, что весьма странно, ибо въ Москвѣ церкви, какъ рощи, стоятъ, и любую избирать можно на моленіе".

Нѣжно привязанная къ старику-отцу, А. К. Васильчикова часто навѣщала его въ Батуринѣ, останавливаясь при этомъ въ Кіевѣ, въ Фроловскомъ монастырѣ (1799 г.). Подъ конецъ жизни она приняла монашество, съ именемъ Агніи.

Старшій сынъ А. К. Васильчиковой, Алексѣй Васильевичъ († 1854 г.), былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Архаровой; второй, Кириллъ, умеръ полковникомъ въ 1827 г., а дочери были замужемъ: старшая, Екатерина, за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ, а младшая, Марія, взятая на воспитаніе теткой Н. К. Загряжской, за государственнымъ канцлеромъ княземъ В. П. Кочубеемъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

124

АННА КИРИЛЛОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА, 1754—18.., третья дочь гетмана Малороссіи, фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 1 Декабря 1754 года. Изъ четырехъ дочерей гетмана она, съ сестрою своей Елизаветою, отличалась красотою. Въ противоположность старшимъ своимъ сестрамъ, хотя и получивъ одинаковое съ ними образованіе подъ надзоромъ всякихъ „мадамъ“ и учителей, выбираемыхъ отцомъ ея съ большимъ разборомъ, она плохо усвоила себѣ воспитаніе на французскій ладъ, которымъ щеголяли ея старшія сестры, привыкшія писать и думать по-французски; она осталась до конца жизни вполнѣ простой русской женщиной и съ дѣтства уже была очень богомольна.

Взятая послѣ смерти матери, въ 1771 г., Екатериной II фрейлиною ко двору, она вскорѣ затѣмъ (до 1775 г.) вступила въ бракъ съ дѣйствительнымъ камергеромъ Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ († 1808 г.), братомъ Екатерининскаго фаворита. Въ 1777 г., имѣя уже двухъ сыновей и одну дочь, Васильчикова переѣхала съ мужемъ въ Москву, которую очень любила, и скоро опять стала матерью. Гостившая у нея въ то время старшая сестра ея, извѣстная Наталія Кирилловна Загряжская, имѣвшая большое вліяніе на Анну Кирилловну и ея мужа, бездѣтная и желавшая найти пріемыша, почти похитила у сестры родившуюся при ней дочь, Марію, и увезла ее съ собой въ Петербургъ. Родители напрасно требовали возвращенія ребенка; онъ такъ и остался у Загряжской, а графу К. Г. Разумовскому удалось потомъ примирить дочерей. Окончательно поселившись въ Москвѣ, гдѣ она имѣла полную возможность предаваться своему влеченію къ церковнымъ службамъ и набожной жизни, Анна Кирилловна Васильчикова часто отправлялась на богомолье къ другимъ русскимъ святынямъ. Въ 1789 г. отецъ ея, графъ К. Г. Разумовскій, писалъ сыну: „Васильчикова сегодня потащилась въ Ростовъ, на богомолье, что весьма странно, ибо въ Москвѣ церкви, какъ рощи, стоятъ, и любую избирать можно на моленіе“.

Нѣжно привязанная къ старику-отцу, А. К. Васильчикова часто навѣщала его въ Батуринѣ, останавливаясь при этомъ въ Кіевѣ, въ Фроловскомъ монастырѣ (1799 г.). Подъ конецъ жизни она приняла монашество, съ именемъ Агніи.

Старшій сынъ А. К. Васильчиковой, Алексѣй Васильевичъ († 1854 г.), былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Архаровой; второй, Кириллъ, умеръ полковникомъ въ 1827 г., а дочери были замужемъ: старшая, Екатерина, за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ, а младшая, Марія, взятая на воспитаніе теткой Н. К. Загряжской, за государственнымъ канцлеромъ княземъ В. П. Кочубеемъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой.)

124

ANNE KIRILLOWNA VASSILTCHIKOFF, 1754—18.., troisième fille du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, hetman de Petite-Russie, feld-maréchal, et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 1er décembre 1754. Des quatre filles de l'hetman, elle et sa sœur Elisabeth étaient les seules belles. Toutes furent également entourées de gouvernantes et de maîtres français choisis par le père avec le plus grand soin, mais l'éducation à la française dont se prévalaient les aînées, habituées à écrire et à penser en français, ne lui réussit pas: elle resta toute sa vie exclusivement russe et se distingua tout enfant par sa piété.

Demoiselle d'honneur de Catherine II à la mort de sa mère en 1771, Anne Razoumowsky épousa peu après (avant 1775) Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808), chambellan actuel, frère du favori. En 1777, déjà mère de deux fils et d'une fille, elle alla se fixer avec son mari à Moscou, qu'elle aimait beaucoup, et y devint mère une quatrième fois. Elle avait alors chez elle sa sœur aînée, la fameuse Natalie Zagriajsky, qui exerçait une grande influence sur elle et son mari, et qui, sans enfants et en cherchant un à adopter, lui enleva presque le nouveau-né, une fille, Marie, et l'emmena à Pétersbourg. Il fut impossible de l'en séparer: il fallut prendre son parti, et le comte put ensuite réconcilier ses filles. Définitivement fixée à Moscou, où elle pouvait donner carrière à son goût pour les services religieux et la dévotion, Mme Vassiltchikoff allait souvent en pèlerinage en province. „Elle s'est trimbalée aujourd'hui à Rostoff", écrit le vieil hetman à son fils en 1789, „c'est assez bizarre, il y a des églises à Moscou comme des champignons; on n'a que le choix pour faire ses dévotions".

Tendrement attachée à son vieux père, elle allait fréquemment le voir à Batourine, et s'arrêtait en passant à Kieff, au monastère Froloff (1799). Sur ses vieux jours, elle prit le voile sous le nom d'Agnès.

Son fils aîné, Alexis († 1854), épousa Alexandrine Ivanowna Arkharoff; le second, Cyrille, mourut colonel en 1827. Quant aux filles, elles épousèrent, l'aînée, Catherine, le prince Nicolas Grigoriewitch Viazemsky, et la plus jeune, Marie, élevée par sa tante, le comte Victor Kotchubey, le futur prince et chancelier.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

124

ANNE KIRILLOWNA VASSILTCHIKOFF, 1754—18.., troisième fille du comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, hetman de Petite-Russie, feld-maréchal, et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 1er décembre 1754. Des quatre filles de l'hetman, elle et sa sœur Elisabeth étaient les seules belles. Toutes furent également entourées de gouvernantes et de maîtres français choisis par le père avec le plus grand soin, mais l'éducation à la française dont se prévalaient les aînées, habituées à écrire et à penser en français, ne lui réussit pas: elle resta toute sa vie exclusivement russe et se distingua tout enfant par sa piété.

Demoiselle d'honneur de Catherine II à la mort de sa mère en 1771, Anne Razoumowsky épousa peu après (avant 1775) Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808), chambellan actuel, frère du favori. En 1777, déjà mère de deux fils et d'une fille, elle alla se fixer avec son mari à Moscou, qu'elle aimait beaucoup, et y devint mère une quatrième fois. Elle avait alors chez elle sa sœur aînée, la fameuse Natalie Zagriajsky, qui exerçait une grande influence sur elle et son mari, et qui, sans enfants et en cherchant un à adopter, lui enleva presque le nouveau-né, une fille, Marie, et l'emmena à Pétersbourg. Il fut impossible de l'en séparer: il fallut prendre son parti, et le comte put ensuite réconcilier ses filles. Définitivement fixée à Moscou, où elle pouvait donner carrière à son goût pour les services religieux et la dévotion, Mme Vassiltchikoff allait souvent en pèlerinage en province. „Elle s'est trimbalée aujourd'hui à Rostoff", écrit le vieil hetman à son fils en 1789, „c'est assez bizarre, il y a des églises à Moscou comme des champignons; on n'a que le choix pour faire ses dévotions".

Tendrement attachée à son vieux père, elle allait fréquemment le voir à Batourine, et s'arrêtait en passant à Kieff, au monastère Froloff (1799). Sur ses vieux jours, elle prit le voile sous le nom d'Agnès.

Son fils aîné, Alexis († 1854), épousa Alexandrine Ivanowna Arkharoff; le second, Cyrille, mourut colonel en 1827. Quant aux filles, elles épousèrent, l'aînée, Catherine, le prince Nicolas Grigoriewitch Viazemsky, et la plus jeune, Marie, élevée par sa tante, le comte Victor Kotchubey, le futur prince et chancelier.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff.)

125

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДЕМИДОВА, 1748—1810, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второго его брака съ Сухаревой, была женою тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Демидова (р. 6 Августа 1740 г., † 12 Января 1826 г.), извѣстнаго богача, владѣльца многочисленныхъ заводовъ на Уралѣ и въ Тульской губерніи, родного брата Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославскаго лицея.

Е. А. Демидова извѣстна была по своему „фаверу", которымъ она пользовалась со стороны знаменитаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Когда онъ пребывалъ въ Архипелагѣ и Италіи, въ началѣ 1770-хъ годовъ, она жила въ Пизѣ, и здѣсь „издавна считали ее очень близкой особой къ графу", который по зимамъ проживалъ также въ Пизѣ (см. о ней „Русск. Бесѣду", 1859 г., VI, 69, и „Записки" Гарновскаго, Русск. Стар., XVI, 210). Позднѣе Е. А. Демидова сосватала своему старому, 48-лѣтнему другу родную 20-лѣтнюю племянницу Авдотью Николаевну Лопухину (р. 1761 г., † 1786 г.), дочь сестры Анны Алексѣевны, на которой графъ А. Г. Орловъ и женился 5 Мая 1782 года.

У Демидовой было 2 сына: Акинѳій и Алексѣй († 1854 г.), и 4 дочери: Александра (въ замужствѣ за барономъ Е. К. Арнсгофеномъ), Екатерина (за И. А. Васильчиковымъ), Наталія (за Рахмановымъ) и Елизавета (за А. П. Чичеринымъ).

Е. А. Демидова умерла 7 Августа 1810 года, на 62 году жизни, и похоронена, равно какъ и ея мужъ, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ ея, кромѣ датъ, написано: „Въ память любезнѣйшей супруги и нѣжнѣйшей матери поставленъ сей камень мужемъ и другомъ, жившимъ съ нею въ совершенномъ согласіи 46 лѣтъ".

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

125

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДЕМИДОВА, 1748—1810, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второго его брака съ Сухаревой, была женою тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Демидова (р. 6 Августа 1740 г., † 12 Января 1826 г.), извѣстнаго богача, владѣльца многочисленныхъ заводовъ на Уралѣ и въ Тульской губерніи, родного брата Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославскаго лицея.

Е. А. Демидова извѣстна была по своему „фаверу", которымъ она пользовалась со стороны знаменитаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Когда онъ пребывалъ въ Архипелагѣ и Италіи, въ началѣ 1770-хъ годовъ, она жила въ Пизѣ, и здѣсь „издавна считали ее очень близкой особой къ графу", который по зимамъ проживалъ также въ Пизѣ (см. о ней „Русск. Бесѣду", 1859 г., VI, 69, и „Записки" Гарновскаго, Русск. Стар., XVI, 210). Позднѣе Е. А. Демидова сосватала своему старому, 48-лѣтнему другу родную 20-лѣтнюю племянницу Авдотью Николаевну Лопухину (р. 1761 г., † 1786 г.), дочь сестры Анны Алексѣевны, на которой графъ А. Г. Орловъ и женился 5 Мая 1782 года.

У Демидовой было 2 сына: Акинѳій и Алексѣй († 1854 г.), и 4 дочери: Александра (въ замужствѣ за барономъ Е. К. Арнсгофеномъ), Екатерина (за И. А. Васильчиковымъ), Наталія (за Рахмановымъ) и Елизавета (за А. Н. Чичеринымъ).

Е. А. Демидова умерла 7 Августа 1810 года, на 62 году жизни, и похоронена, равно какъ и ея мужъ, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ ея, кромѣ датъ, написано: „Въ память любезнѣйшей супруги и нѣжнѣйшей матери поставленъ сей камень мужемъ и другомъ, жившимъ съ нею въ совершенномъ согласіи 46 лѣтъ".

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

125

CATHERINE ALEXÉEWNA DÉMIDOFF, 1748—1810, fille du conseiller privé actuel et sénateur Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777) et de sa seconde femme, née Soukhareff, était femme du conseiller privé Pierre Grigoriewitch Démidoff (6 août 1740—12 janvier 1826), connu pour sa richesse, possesseur de nombreuses usines dans l'Oural et au gouvernement de Toula et frère de Paul Grigoriewitch Démidoff, fondateur du Lycée Démidoff à Yaroslavl.

Mme Démidoff est connue pour la faveur dont elle fut l'objet de la part du célèbre comte Alexis Grigoriewitch Orloff-Tchesmensky. Pendant la croisière qu'il fit peu après 1770 dans les eaux de l'Archipel et de l'Italie, elle habitait Pise, où „on la considérait depuis longtemps comme grande amie du comte"; du reste, il passait aussi l'hiver à Pise. (V. la Conversation Russe, 1859, VI, 69, et les Mémoires de Garnowsky, dans le Vieux Temps Russe, XVI, 210.) Elle maria plus tard, le 5 mai 1782, son vieil ami, âgé de 48 ans, à une nièce de 20 ans, fille de sa sœur Anne, Eudoxie Lopoukhine (1761—1786).

Mme Démidoff eut deux fils, Akinthe et Alexis († 1854), et quatre filles, Alexandrine, mariée au baron Arpshofen, Catherine à N. Vassiltchikoff, Natalie à Rakhmanoff, et Elisabeth à A. Tchitchérine.

Elle mourut dans sa 62e année le 7 août 1810, et fut inhumée, ainsi que son mari, au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son monument, outre les dates: „A la plus aimable épouse et la plus tendre mère, souvenir de son mari et ami, qui vécut avec elle en parfait accord 46 ans".

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

125

CATHERINE ALEXÉEWNA DÉMIDOFF, 1748—1810, fille du conseiller privé actuel et sénateur Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777) et de sa seconde femme, née Soukhareff, était femme du conseiller privé Pierre Grigoriewitch Démidoff (6 août 1740—12 janvier 1826), connu pour sa richesse, possesseur de nombreuses usines dans l'Oural et au gouvernement de Toula et frère de Paul Grigoriewitch Démidoff, fondateur du Lycée Démidoff à Yaroslavl.

Mme Démidoff est connue pour la faveur dont elle fut l'objet de la part du célèbre comte Alexis Grigoriewitch Orloff-Tchesmensky. Pendant la croisière qu'il fit peu après 1770 dans les eaux de l'Archipel et de l'Italie, elle habitait Pise, où „on la considérait depuis longtemps comme grande amie du comte"; du reste, il passait aussi l'hiver à Pise. (V. la Conversation Russe, 1859, VI, 69, et les Mémoires de Garnowsky, dans le Vieux Temps Russe, XVI, 210.) Elle maria plus tard, le 5 mai 1782, son vieil ami, âgé de 48 ans, à une nièce de 20 ans, fille de sa sœur Anne, Eudoxie Lopoukhine (1761—1786).

Mme Démidoff eut deux fils, Akinthe et Alexis († 1854), et quatre filles, Alexandrine, mariée au baron Arpshofen, Catherine à N. Vassiltchikoff, Natalie à Rakhmanoff, et Elisabeth à A. Tchitchérine.

Elle mourut dans sa 62e année le 7 août 1810, et fut inhumée, ainsi que son mari, au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur son monument, outre les dates: „A la plus aimable épouse et la plus tendre mère, souvenir de son mari et ami, qui vécut avec elle en parfait accord 46 ans".

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

126

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЖЕРЕБЦОВЪ, 1758—1819, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орд. св. Александра Невскаго и св. Анны 1 степени Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второй его жены, Сухаревой, родился 17 Марта 1758 года. Началъ службу въ 1769 г. фурьеромъ въ артиллеріи; 24 Апрѣля 1773 г. переведенъ въ Семеновскій полкъ и здѣсь въ 1774 г. пожалованъ въ подпрапорщики, въ 1775 г.—въ каптенармусы и затѣмъ въ сержанты, въ 1780 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1782 г.—въ подпоручики, въ 1784 г.—въ поручики, въ 1788 г.—въ капитаны. Въ 1790 г., 1 Января, уволенъ, съ чиномъ бригадира, и причисленъ къ Герольдіи. Въ 1798 г., переименованный въ статскіе совѣтники, а въ 1800 г., пожалованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Жеребцовъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ Ямбургскимъ уѣзднымъ предводителемъ и въ то же время, за смертью Петербургскихъ губернскихъ предводителей (графа А. С. Строганова и затѣмъ графа П. А. Безбородко), исправлялъ обязанности ихъ, а также должность Петербургскаго совѣстнаго судьи (по случаю смерти графа М. П. Румянцева и сенатора Полянскаго и оставленія должности Ѳ. А. Голубцовымъ). Въ 1812 г. онъ былъ пожалованъ Аннинской звѣздой, 4 Іюля 1817 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

А. А. Жеребцовъ умеръ 11 Декабря 1819 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Михайловича Еропкина, Аннѣ Алексѣевнѣ (р. 11 Января 1758 г., † 7 Іюня 1825 г.; похоронена рядомъ съ мужемъ); бракъ былъ бездѣтный.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

126

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЖЕРЕБЦОВЪ, 1758—1819, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера орд. св. Александра Невскаго и св. Анны 1 степени Алексѣя Григорьевича Жеребцова (р. 1712 г., † 1777 г.), отъ второй его жены, Сухаревой, родился 17 Марта 1758 года. Началъ службу въ 1769 г. фурьеромъ въ артиллеріи; 24 Апрѣля 1773 г. переведенъ въ Семеновскій полкъ и здѣсь въ 1774 г. пожалованъ въ подпрапорщики, въ 1775 г.—въ каптенармусы и затѣмъ въ сержанты, въ 1780 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1782 г.—въ подпоручики, въ 1784 г.—въ поручики, въ 1788 г.—въ капитаны. Въ 1790 г., 1 Января, уволенъ, съ чиномъ бригадира, и причисленъ къ Герольдіи. Въ 1798 г., переименованный въ статскіе совѣтники, а въ 1800 г., пожалованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Жеребцовъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ Ямбургскимъ уѣзднымъ предводителемъ и въ то же время, за смертью Петербургскихъ губернскихъ предводителей (графа А. С. Строганова и затѣмъ графа П. А. Безбородко), исправлялъ обязанности ихъ, а также должность Петербургскаго совѣстнаго судьи (по случаю смерти графа М. П. Румянцева и сенатора Полянскаго и оставленія должности Ѳ. А. Голубцовымъ). Въ 1812 г. онъ былъ пожалованъ Аннинской звѣздой, 4 Іюля 1817 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

А. А. Жеребцовъ умеръ 11 Декабря 1819 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Михайловича Еропкина, Аннѣ Алексѣевнѣ (р. 11 Января 1758 г., † 7 Іюня 1825 г.; похоронена рядомъ съ мужемъ); бракъ былъ бездѣтный.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

126

ALEXIS ALEXÉEWITCH JÉREBTZOFF, 1758—1819, fils du conseiller privé actuel, chevalier de St-Alexandre Newsky et Ste-Anne de 1re classe, Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777), et de sa seconde femme, née Soukhareff, naquit le 17 mars 1758. Enrôlé en 1769 fourrier dans l'artillerie, il passa le 24 avril 1773 au régiment Sémenowsky, où il fut promu en 1774 sous-officier, en 1775 capitaine d'armes, puis sergent, en 1780 enseigne, en 1782 sous-lieutenant, en 1784 lieutenant et en 1788 capitaine. Il entra ensuite à la Chambre Héraldique, après avoir quitté le service militaire le 1er janvier 1790 avec rang de brigadier, qu'il permuta en 1798 pour celui de conseiller d'état. Conseiller d'état actuel en 1800, il fut pendant plusieurs triennats maréchal de la noblesse du district de Yambourg; en même temps, il suppléait d'une part le comte A. Stroganoff, puis le comte P. Bezborodko, décédés, comme maréchal de la noblesse de Pétersbourg, et d'autre part le comte M. Roumiantzeff et le sénateur Poliansky, décédés, et Th. Goloubtzoff, démissionnaire, comme membre du tribunal de conscience. En 1812, il fut décoré de Ste-Anne, et le 4 juillet 1817, promu conseiller privé et fait sénateur.

Jérebtzoff mourut le 11 décembre 1819, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la fille Anne (11 janvier 1758—7 juin 1825) du conseiller d'état actuel Alexis Mikhaïlowitch Eropkine, dont il n'eut pas d'enfants, et qui fut inhumée à ses côtés.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

126

ALEXIS ALEXÉEWITCH JÉREBTZOFF, 1758—1819, fils du conseiller privé actuel, chevalier de St-Alexandre Newsky et Ste-Anne de 1re classe, Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (1712—1777), et de sa seconde femme, née Soukhareff, naquit le 17 mars 1758. Enrôlé en 1769 fourrier dans l'artillerie, il passa le 24 avril 1773 au régiment Sémenowsky, où il fut promu en 1774 sous-officier, en 1775 capitaine d'armes, puis sergent, en 1780 enseigne, en 1782 sous-lieutenant, en 1784 lieutenant et en 1788 capitaine. Il entra ensuite à la Chambre Héraldique, après avoir quitté le service militaire le 1er janvier 1790 avec rang de brigadier, qu'il permuta en 1798 pour celui de conseiller d'état. Conseiller d'état actuel en 1800, il fut pendant plusieurs triennats maréchal de la noblesse du district de Yambourg; en même temps, il suppléait d'une part le comte A. Stroganoff, puis le comte P. Bezborodko, décédés, comme maréchal de la noblesse de Pétersbourg, et d'autre part le comte M. Roumiantzeff et le sénateur Poliansky, décédés, et Th. Goloubtzoff, démissionnaire, comme membre du tribunal de conscience. En 1812, il fut décoré de Ste-Anne, et le 4 juillet 1817, promu conseiller privé et fait sénateur.

Jérebtzoff mourut le 11 décembre 1819, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la fille Anne (11 janvier 1758—7 juin 1825) du conseiller d'état actuel Alexis Mikhaïlowitch Eropkine, dont il n'eut pas d'enfants, et qui fut inhumée à ses côtés.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

Княгиня ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТРУБЕЦКАЯ, 173.—1809, младшая дочь сподвижника Петра Великаго, графа (съ 1744 г.) Александра Ивановича Румянцова (р. 1680 г., † 1749 г.), и жены его, графини Маріи Андреевны Матвѣевой. Время рожденія ея неизвѣстно, но должно быть отнесено къ началу 1730 годовъ (день рожденія 18 Марта), такъ какъ старшая сестра ея, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, родилась въ 1729 году. Родная сестра фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, она въ первомъ бракѣ была за полковникомъ русской службы графомъ Вальдштейномъ. Овдовѣвъ, Дарья Александровна вышла замужъ 21 Мая 1760 г. за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Никитича Трубецкого (р. 1736 г., † 1811 г.), за два года передъ тѣмъ потерявшаго свою первую жену, княгиню Анну Петровну, рожденную Салтыкову. Бракосочетаніе ихъ состоялось въ Петербургѣ 21 Мая 1760 г., въ Казанской церкви. Въ 1762 г. у княгини Дарьи Александровны родилась дочь Прасковья († 1848 г.), бывшая замужемъ въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳ. С. Гагаринымъ, а во второмъ за полковникомъ П. А. Кологривовымъ, а въ 1765 г. — сынъ, князь Александръ Юрьевичъ († 1805 г.), женатый на Аннѣ Петровнѣ Левашевой (во второмъ бракѣ за графомъ Брольи).

Княгиня Д. А. Трубецкая умерла 7 Іюня 1809 года.

„Княгиня Трубецкая", говоритъ графъ С. Д. Шереметевъ, „правнучка боярина Артамона Матвѣева, была женщина крѣпкаго русскаго закала. Она была въ тайномъ постригѣ, о чемъ узнали только послѣ ея смерти, когда нашли на ней вериги, а прибывшія монахини стали поминать ее сестрою". Будучи посхимлена, она, однако, не жила въ монастырѣ, но въ комнатѣ ея иконы были развѣшаны до потолка. Послѣдніе годы жизни она никогда не спала въ кровати, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, которое она сама описываетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ дочери отъ 8 Октября 1805 г.: „Живучи теперь въ деревнѣ моей, занимавшись своею экономіею, не писала къ тебѣ, другъ мой, лихорадка моя ежегодная, нервическая, такъ меня томитъ изъ рукъ вонъ, и кашель и одышка особливо: есть ли я лишній кусокъ чего съѣмъ, и пуще одышка меня мучитъ. Вся распоротая и развязанная лежу и вижу — все тѣснитъ"....

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Княгиня **ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТРУБЕЦКАЯ**, 173 .—1809, младшая дочь сподвижника Петра Великаго, графа (съ 1744 г.) Александра Ивановича Румянцова (р. 1680 г., † 1749 г.), и жены его, графини Маріи Андреевны Матвѣевой. Время рожденія ея неизвѣстно, но должно быть отнесено къ началу 1730 годовъ (день рожденія 18 Марта), такъ какъ старшая сестра ея, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, родилась въ 1729 году. Родная сестра фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, она въ первомъ бракѣ была за полковникомъ русской службы графомъ Вальдштейномъ. Овдовѣвъ, Дарья Александровна вышла замужъ 21 Мая 1760 г. за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Никитича Трубецкого (р. 1736 г., † 1811 г.), за два года передъ тѣмъ потерявшаго свою первую жену, княгиню Анну Петровну, рожденную Салтыкову. Бракосочетаніе ихъ состоялось въ Петербургѣ 21 Мая 1760 г., въ Казанской церкви. Въ 1762 г. у княгини Дарьи Александровны родилась дочь Прасковья († 1848 г.), бывшая замужемъ въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳ. С. Гагаринымъ, а во второмъ за полковникомъ П. А. Кологривовымъ, а въ 1765 г. — сынъ, князь Александръ Юрьевичъ († 1805 г.), женатый на Аннѣ Петровнѣ Левашевой (во второмъ бракѣ за графомъ Брольи).

Княгиня Д. А. Трубецкая умерла 7 Іюня 1809 года.

„Княгиня Трубецкая“, говоритъ графъ С. Д. Шереметевъ, „правнучка боярина Артамона Матвѣева, была женщина крѣпкаго русскаго закала. Она была въ тайномъ постригѣ, о чемъ узнали только послѣ ея смерти, когда нашли на ней вериги, а прибывшія монахини стали поминать ее сестрою“. Будучи посхимлена, она, однако, не жила въ монастырѣ, но въ комнатѣ ея иконы были развѣшаны до потолка. Послѣдніе годы жизни она никогда не спала въ кровати, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, которое она сама описываетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ дочери отъ 8 Октября 1805 г.: „Живучи теперь въ деревнѣ моей, занимавшись своею экономіею, не писала къ тебѣ, другъ мой, лихорадка моя ежегодная, нервическая, такъ меня томитъ изъ рукъ вонъ, и кашель и одышка особливо: есть ли я лишній кусокъ чего съѣмъ, и пуще одышка меня мучитъ. Вся распоротая и развязанная лежу и вижу — все тѣснитъ“....

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse **DARIA ALEXANDROWNA TROUBETZKOÏ**, 175.—1809, fille cadette du compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, comte depuis 1744, Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (1680—1749) et de Marie Andréewna, née comtesse Matvéeff, naquit le 18 mars, peu après 1730 sans doute, sa sœur aînée, la comtesse Prascovie Bruce, étant née en 1729. Sœur du feld-maréchal comte Pierre Roumiantzeff-Zadounaïsky, elle épousa en premières noces le comte Waldenstein, colonel au service russe, à la mort duquel elle se remaria le 21 mai 1760 au prince Youri Nikititch Troubetzkoï (1736—1811), conseiller privé actuel, veuf depuis deux ans de sa première femme, née princesse Anne Pétrowna Saltykoff. De ce mariage, célébré à St-Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan, naquirent une fille Prascovie (1762—1848), mariée en premières noces au prince Th. Gagarine et en secondes noces au colonel P. Kologrivoff, et un fils, Alexandre (1765—1805), qui épousa Anne Pétrowna Lévachoff, mariée en secondes noces au comte de Broglie.

La princesse Troubetzkoï mourut le 7 juin 1809. „Arrière-petite-fille du boyard Artamon Matvéeff", dit le comte S. Chéréméteff, „c'était une forte nature de vieille souche russe. Elle avait pris le voile secrètement, et on ne s'en aperçut qu'à sa mort, lorsqu'on lui trouva des chaînes et que des religieuses vinrent et l'appelèrent leur sœur dans leurs prières". Religieuse sans vivre au couvent, elle avait les murs de sa chambre tapissés d'images saintes presque jusqu'au plafond. Elle passa ses dernières années sans pouvoir coucher dans un lit, en raison de son état de santé, qu'elle décrit ainsi dans une lettre à sa fille le 8 octobre 1805: „Retirée à ma campagne, occupée de mon intérieur, je ne t'ai pas écrit, ma chère: j'ai ma fièvre nerveuse de tous les ans, qui me tourmente affreusement. C'est surtout cette toux et cette oppression: une bouchée de trop que j'aurai mangée, et voilà l'oppression qui redouble! Etendue, tous mes vêtements desserrés et détachés, je sens que j'étouffe"....

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

127

La princesse **DARIA ALEXANDROWNA TROUBETZKOÏ**, 173.—1809, fille cadette du compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, comte depuis 1744, Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (1680—1749) et de Marie Andréewna, née comtesse Matvéeff, naquit le 18 mars, peu après 1730 sans doute, sa sœur aînée, la comtesse Prascovie Bruce, étant née en 1729. Sœur du feld-maréchal comte Pierre Roumiantzeff-Zadounaïsky, elle épousa en premières noces le comte Waldenstein, colonel au service russe, à la mort duquel elle se remaria le 21 mai 1760 au prince Youri Nikititch Troubetzkoï (1736—1811), conseiller privé actuel, veuf depuis deux ans de sa première femme, née princesse Anne Pétrowna Saltykoff. De ce mariage, célébré à St-Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan, naquirent une fille Prascovie (1762—1848), mariée en premières noces au prince Th. Gagarine et en secondes noces au colonel P. Kologrivoff, et un fils, Alexandre (1765—1805), qui épousa Anne Pétrowna Lévachoff, mariée en secondes noces au comte de Broglie.

La princesse Troubetzkoï mourut le 7 juin 1809. „Arrière-petite-fille du boyard Artamon Matvéeff", dit le comte S. Chérémételeff, „c'était une forte nature de vieille souche russe. Elle avait pris le voile secrètement, et on ne s'en aperçut qu'à sa mort, lorsqu'on lui trouva des chaînes et que des religieuses vinrent et l'appelèrent leur sœur dans leurs prières". Religieuse sans vivre au couvent, elle avait les murs de sa chambre tapissés d'images saintes presque jusqu'au plafond. Elle passa ses dernières années sans pouvoir coucher dans un lit, en raison de son état de santé, qu'elle décrit ainsi dans une lettre à sa fille le 8 octobre 1805: „Retirée à ma campagne, occupée de mon intérieur, je ne t'ai pas écrit, ma chère: j'ai ma fièvre nerveuse de tous les ans, qui me tourmente affreusement. C'est surtout cette toux et cette oppression: une bouchée de trop que j'aurai mangée, et voilà l'oppression qui redouble! Etendue, tous mes vêtements desserrés et détachés, je sens que j'étouffe"....

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Графъ **ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ**, 1725—1796, родился въ Молдавскомъ селѣ Строенцахъ (см. т. IV, № 102). Мать его, Марья Андреевна, рожденная графиня Матвѣева, близкая къ Петру I и выданная имъ за его денщика Александра Ивановича Румянцева (съ 1744 г. графа), родила своего первенца послѣ продолжительной заграничной командировки своего мужа. Въ молодомъ Румянцевѣ „весьма склонности не было" къ дипломатической карьерѣ, и онъ былъ высланъ изъ Берлина, гдѣ состоялъ при русскомъ посольствѣ. Исключенный затѣмъ и изъ Шляхетнаго корпуса, онъ поступилъ на военную службу и черезъ 4 года уже дослужился до чина полковника. Отличившись въ Семилѣтнюю войну при Гроссъ-Егерсдорфѣ и Кольбергѣ, графъ Румянцевъ сдѣлался любимцемъ Петра III, который пожаловалъ его въ генералъ-аншефы, наградилъ орденами св. Анны и Андрея Первозваннаго; 28 Іюня 1762 года графъ Румянцевъ остался вѣрнымъ Петру III, но Екатерина II не поставила ему „въ порокъ бывшій его фаверъ" и въ 1764 году назначила его генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Въ первую Турецкую войну онъ былъ сначала помощникомъ главнокомандующаго, а съ Августа 1769 года главнокомандующимъ. Двѣ побѣды, при Ларгѣ и Кагулѣ, прославили графа П. А. Румянцева, и по заключеніи мира въ 1774 году онъ былъ щедро награжденъ титуломъ Задунайскаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, драгоцѣнными вещами, деньгами и крестьянскими душами. Въ послѣдующія войны графу Румянцеву номинально поручали командованіе арміями, но Потемкинъ и другіе временщики оттѣсняли его на задній планъ.

„...Но ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!
Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила",

говоритъ Державинъ отъ лица Румянцева въ одѣ „Водопадъ", характеризуя его положеніе въ концѣ царствованія Екатерины II.

Графъ П. А. Румянцевъ умеръ отъ удара 8 Декабря 1796 года и погребенъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Екатериной Михайловной Голицыной онъ имѣлъ сыновей: Михаила, Николая, канцлера и мецената, и Сергѣя.

Графъ Румянцевъ пользовался репутаціей великаго полководца. Фридрихъ II говорилъ своимъ генераламъ: „Остерегайтесь, сколь возможно, этой собаки—Румянцева, прочіе для насъ не опасны"; передъ второй Турецкой войной турецкіе шпіоны разузнавали, живъ ли Румянцевъ. Онъ обладалъ необыкновенной „военной поворотливостью", сообразительностью и энергіей, и среди войска пользовался громаднымъ авторитетомъ въ качествѣ „прямого солдата", подвергавшагося всѣмъ опасностямъ сраженій. Одинъ его окрикъ: „Стой, ребята!" могъ остановить смятые непріятелемъ ряды солдатъ. Какъ администраторъ, графъ Румянцевъ оправдывалъ свой девизъ: „Non solum armis". Онъ обладалъ „быстрѣйшимъ бѣгомъ мыслей и даромъ слова пространнѣйшимъ", „законы отечественные зналъ совершенно", самъ читалъ всѣ бумаги и имѣлъ репутацію человѣка, который всегда „сумѣетъ отписаться". Панегиристы находили въ немъ, при „храбрости Ахилла", и „добродѣтели Энея"; но безпристрастные люди утверждали, что, будучи „великимъ полководцемъ", онъ былъ „малый душою", завистливый, гордый, скупой и вообще порочный человѣкъ. Вообще графъ Румянцевъ былъ крупной фигурой, исторической личностью и имѣлъ нѣкоторое сходство съ монархомъ, покровительствовавшимъ его матери. И въ Петрѣ I, и въ Румянцевѣ были таланты правителя и полководца, личная храбрость и любовь къ просвѣщенію. Подобно Петру, Румянцевъ преклонялся передъ иноземными наукой и военнымъ искусствомъ. Ни Петръ, ни Румянцевъ не обладали „добродѣтелями Энея", чистотою нравовъ и привязанностью къ семьѣ. Подобно Петру, Румянцевъ былъ „огненный" юноша, желавшій развернуть во всю ширь молодецкую удаль въ кутежахъ и безчинствахъ „съ солдатами, лакеями и другими бездѣльными людьми", съ тою лишь разницею, что всѣ преклонялись передъ „потѣхами" монарха, а у подданнаго это считалось „наимерзостнѣйшими шалостями", за которыя онъ долженъ былъ отвѣчать передъ какимъ-нибудь посланникомъ Бракеломъ. Послушный родителямъ, какъ всѣ люди стараго воспитанія, П. А. Румянцевъ, подобно Петру, забросилъ свою „покорную и вѣрную" жену и былъ до крайности равнодушенъ къ дѣтямъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ **ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ**, 1725—1796, родился въ Молдавскомъ селѣ Строенцахъ (см. т. IV, № 102). Мать его, Марья Андреевна, рожденная графиня Матвѣева, близкая къ Петру I и выданная имъ за его денщика Александра Ивановича Румянцева (съ 1744 г. графа), родила своего первенца послѣ продолжительной заграничной командировки своего мужа. Въ молодомъ Румянцевѣ „весьма склонности не было" къ дипломатической карьерѣ, и онъ былъ высланъ изъ Берлина, гдѣ состоялъ при русскомъ посольствѣ. Исключенный затѣмъ и изъ Шляхетнаго корпуса, онъ поступилъ на военную службу и черезъ 4 года уже дослужился до чина полковника. Отличившись въ Семилѣтнюю войну при Гроссъ-Егерсдорфѣ и Кольбергѣ, графъ Румянцевъ сдѣлался любимцемъ Петра III, который пожаловалъ его въ генералъ-аншефы, наградилъ орденами св. Анны и Андрея Первозваннаго; 28 Іюня 1762 года графъ Румянцевъ остался вѣрнымъ Петру III, но Екатерина II не поставила ему „въ порокъ бывшій его фаворъ" и въ 1764 году назначила его генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Въ первую Турецкую войну онъ былъ сначала помощникомъ главнокомандующаго, а съ Августа 1769 года главнокомандующимъ. Двѣ побѣды, при Ларгѣ и Кагулѣ, прославили графа П. А. Румянцева, и по заключеніи мира въ 1774 году онъ былъ щедро награжденъ титуломъ Задунайскаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, драгоцѣнными вещами, деньгами и крестьянскими душами. Въ послѣдующія войны графу Румянцеву номинально поручали командованіе арміями, но Потемкинъ и другіе временщики оттѣсняли его на задній планъ.

„...Но ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!
Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила",

говоритъ Державинъ отъ лица Румянцева въ одѣ „Водопадъ", характеризуя его положеніе въ концѣ царствованія Екатерины II.

Графъ П. А. Румянцевъ умеръ отъ удара 8 Декабря 1796 года и погребенъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Отъ брака съ княжной Екатериной Михайловной Голицыной онъ имѣлъ сыновей: Михаила, Николая, канцлера и мецената, и Сергѣя.

Графъ Румянцевъ пользовался репутаціей великаго полководца. Фридрихъ II говорилъ своимъ генераламъ: „Остерегайтесь, сколь возможно, этой собаки—Румянцева, прочіе для насъ не опасны"; передъ второй Турецкой войной турецкіе шпіоны разузнавали, живъ ли Румянцевъ. Онъ обладалъ необыкновенной „военной поворотливостью", сообразительностью и энергіей, и среди войска пользовался громаднымъ авторитетомъ въ качествѣ „прямого солдата", подвергавшагося всѣмъ опасностямъ сраженій. Одинъ его окрикъ: „Стой, ребята!" могъ остановить смятые непріятелемъ ряды солдатъ. Какъ администраторъ, графъ Румянцевъ оправдывалъ свой девизъ: „Non solum armis". Онъ обладалъ „быстрѣйшимъ бѣгомъ мыслей и даромъ слова пространнѣйшимъ", „законы отечественные зналъ совершенно", самъ читалъ всѣ бумаги и имѣлъ репутацію человѣка, который всегда „сумѣетъ отписаться". Панегиристы находили въ немъ, при „храбрости Ахилла", и „добродѣтели Энея"; но безпристрастные люди утверждали, что, будучи „великимъ полководцемъ", онъ былъ „малый душою", завистливый, гордый, скупой и вообще порочный человѣкъ. Вообще графъ Румянцевъ былъ крупной фигурой, исторической личностью и имѣлъ нѣкоторое сходство съ монархомъ, покровительствовавшимъ его матери. И въ Петрѣ I, и въ Румянцевѣ были таланты правителя и полководца, личная храбрость и любовь къ просвѣщенію. Подобно Петру, Румянцевъ преклонялся передъ иноземными наукой и военнымъ искусствомъ. Ни Петръ, ни Румянцевъ не обладали „добродѣтелями Энея", чистотою нравовъ и привязанностью къ семьѣ. Подобно Петру, Румянцевъ былъ „огненный" юноша, желавшій развернуть во всю ширь молодецкую удаль въ кутежахъ и безчинствахъ „съ солдатами, лакеями и другими бездѣльными людьми", съ тою лишь разницею, что всѣ преклонялись передъ „потѣхами" монарха, а у подданнаго это считалось „наимерзостнѣйшими шалостями", за которыя онъ долженъ былъ отвѣчать передъ какимъ-нибудь посланникомъ Бракеломъ. Послушный родителямъ, какъ всѣ люди стараго воспитанія, П. А. Румянцевъ, подобно Петру, забросилъ свою „покорную и вѣрную" жену и былъ до крайности равнодушенъ къ дѣтямъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, 1725—1796, naquit au bourg de Stroentzy, en Moldavie (v. T. IV, № 102); sa mère, Marie Andréewna,' née comtesse Matvéeff, intime de Pierre-le-Grand qui la maria à son ordonnance Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (comte en 1744), le mit au monde après une absence prolongée du mari, en mission à l'étranger. Le jeune Roumiantzeff „n'avait pas de goût du tout“ pour la carrière diplomatique, et dut quitter Berlin, où il était attaché d'ambassade. Renvoyé encore du Corps des Cadets, il se fit militaire, et, en quatre ans, parvint au grade de colonel. Il fit la Guerre de Sept-Ans et se distingua à Gross-Jägersdorf et Kohlberg: Pierre III, enchanté de lui, le fit général en chef et chevalier de Ste-Anne et de St-André. Au 28 juin 1762, il resta fidèle à l'Empereur, mais Catherine ne lui en tint pas rigueur et le nomma en 1764 général gouverneur de Petite-Russie. A la première guerre de Turquie, d'abord lieutenant du commandant en chef, puis, en août 1769, commandant en chef lui-même, il se fit un nom par ses victoires de Larga et de Kagoul, et, à la paix de 1774, fut comblé de récompenses: le titre de Zadounaïsky, le bâton de feld-maréchal, des pierres précieuses, de l'argent et des serfs. Dans les guerres qui suivirent, il eut le commandement nominal, mais Potemkine et autres favoris l'évincèrent en fait:

„Las! Maintenant dans la mêlée
„Mon bras ne brandit plus l'acier.
„Ma force baisse: aussi l'orage
„De mes mains arrache le glaive!
„Quoique j'aie l'âme encor vaillante,
„Le sort ne veut plus que je vainque!“

lui fait dire Derjavine dans son ode La Cascade, allégorie de sa position à la fin du règne de Catherine II.

Le comte Roumiantzeff mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 décembre 1796, et fut inhumé au monastère Petchersk, à Kieff. Il avait épousé la princesse Catherine Mikhaïlowna Golitzyne, dont il eut trois fils, Michel, puis le futur chancelier et mécène, Nicolas, et Serge.

Le comte Roumiantzeff avait la réputation d'un grand capitaine. „Garez-vous tant que vous pourrez“, disait Frédéric-le-Grand à ses lieutenants, „de ce chien de Roumiantzeff; nous n'avons rien à craindre des autres!“ A la veille de la seconde guerre de Turquie, des espions turcs vinrent reconnaître s'il était toujours en vie. Extraordinaire en campagne comme énergie, coup d'œil et promptitude, il jouissait d'une autorité considérable près du soldat, comme „vrai troupier“ prenant sa part de tous les dangers sur le champ de bataille. Il lui suffisait d'un cri de „En avant!“ pour rallier une troupe débandée. Comme administrateur, il justifiait bien sa devise: Non solum armis. Doué „d'une rapidité de pensée inouïe et d'un don de parole très développé“, et „connaissant à la perfection les lois de son pays“, il lisait personnellement tous les papiers et passait pour „savoir se retourner, en correspondance“. „A la bravoure d'Achille“, il aurait joint, à en croire ses panégyristes, „les vertus d'Enée“; mais tout „grand capitaine“ qu'il fût, c'était, assure la critique impartiale, „une âme de peu“, nature envieuse, orgueilleuse, avare, et, de toute manière, vicieuse. Dans l'ensemble, le comte Roumiantzeff est une grande figure, une personnalité historique. Il avait une certaine ressemblance avec le monarque qui protégea sa mère. Chez Pierre-le-Grand et chez Roumiantzeff, même talent à la fois d'administrateur et d'homme de guerre, même valeur personnelle, même amour des lumières. Comme Pierre, Roumiantzeff s'inclinait devant l'art militaire et la science de l'Occident. Ni l'un ni l'autre ne connurent „les vertus d'Enée“, la pureté de mœurs ni les sentiments de famille. Comme Pierre, Roumiantzeff eut une jeunesse „de feu“, donnant largement carrière à toute sa fougue printanière dans ses débauches et ses orgies „avec des soldats, des laquais et toute espèce d'autres désœuvrés“: mais ces „fredaines“ devant lesquelles on s'inclinait chez le monarque passaient chez un simple mortel pour „d'ignobles équipées“, dont il lui arriva de répondre devant le premier ministre venu, comme Brackel. Respectueux de ses père et mère, comme le comportait l'éducation d'autrefois, Roumiantzeff enfin, comme Pierre, abandonna sa „dévouée et fidèle épouse“ et n'eut pour ses enfants qu'une indifférence complète.

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, 1725—1796, naquit au bourg de Stroentzy, en Moldavie (v. T. IV, № 102); sa mère, Marie Andréewna,' née comtesse Matvéeff, intime de Pierre-le-Grand qui la maria à son ordonnance Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff (comte en 1744), le mit au monde après une absence prolongée du mari, en mission à l'étranger. Le jeune Roumiantzeff „n'avait pas de goût du tout" pour la carrière diplomatique, et dut quitter Berlin, où il était attaché d'ambassade. Renvoyé encore du Corps des Cadets, il se fit militaire, et, en quatre ans, parvint au grade de colonel. Il fit la Guerre de Sept-Ans et se distingua à Gross-Jägersdorf et Kohlberg: Pierre III, enchanté de lui, le fit général en chef et chevalier de Ste-Anne et de St-André. Au 28 juin 1762, il resta fidèle à l'Empereur, mais Catherine ne lui en tint pas rigueur et le nomma en 1764 général gouverneur de Petite-Russie. A la première guerre de Turquie, d'abord lieutenant du commandant en chef, puis, en août 1769, commandant en chef lui-même, il se fit un nom par ses victoires de Larga et de Kagoul, et, à la paix de 1774, fut comblé de récompenses: le titre de Zadounaïsky, le bâton de feld-maréchal, des pierres précieuses, de l'argent et des serfs. Dans les guerres qui suivirent, il eut le commandement nominal, mais Potemkine et autres favoris l'évincèrent en fait:

„Las! Maintenant dans la mêlée
„Mon bras ne brandit plus l'acier.
„Ma force baisse: aussi l'orage
„De mes mains arrache le glaive!
„Quoique j'aie l'âme encor vaillante,
„Le sort ne veut plus que je vainque!"

lui fait dire Derjavine dans son ode La Cascade, allégorie de sa position à la fin du règne de Catherine II.

Le comte Roumiantzeff mourut d'une attaque d'apoplexie le 8 décembre 1796, et fut inhumé au monastère Petchersk, à Kieff. Il avait épousé la princesse Catherine Mikhaïlowna Golitzyne, dont il eut trois fils, Michel, puis le futur chancelier et mécène, Nicolas, et Serge.

Le comte Roumiantzeff avait la réputation d'un grand capitaine. „Garez-vous tant que vous pourrez", disait Frédéric-le-Grand à ses lieutenants, „de ce chien de Roumiantzeff; nous n'avons rien à craindre des autres!" A la veille de la seconde guerre de Turquie, des espions turcs vinrent reconnaître s'il était toujours en vie. Extraordinaire en campagne comme énergie, coup d'œil et promptitude, il jouissait d'une autorité considérable près du soldat, comme „vrai troupier" prenant sa part de tous les dangers sur le champ de bataille. Il lui suffisait d'un cri de „En avant!" pour rallier une troupe débandée. Comme administrateur, il justifiait bien sa devise: Non solum armis. Doué „d'une rapidité de pensée inouïe et d'un don de parole très développé", et „connaissant à la perfection les lois de son pays", il lisait personnellement tous les papiers et passait pour „savoir se retourner, en correspondance". „A la bravoure d'Achille", il aurait joint, à en croire ses panégyristes, „les vertus d'Enée"; mais tout „grand capitaine" qu'il fût, c'était, assure la critique impartiale, „une âme de peu", nature envieuse, orgueilleuse, avare, et, de toute manière, vicieuse. Dans l'ensemble, le comte Roumiantzeff est une grande figure, une personnalité historique. Il avait une certaine ressemblance avec le monarque qui protégea sa mère. Chez Pierre-le-Grand et chez Roumiantzeff, même talent à la fois d'administrateur et d'homme de guerre, même valeur personnelle, même amour des lumières. Comme Pierre, Roumiantzeff s'inclinait devant l'art militaire et la science de l'Occident. Ni l'un ni l'autre ne connurent „les vertus d'Enée", la pureté de mœurs ni les sentiments de famille. Comme Pierre, Roumiantzeff eut une jeunesse „de feu", donnant largement carrière à toute sa fougue printanière dans ses débauches et ses orgies „avec des soldats, des laquais et toute espèce d'autres désœuvrés": mais ces „fredaines" devant lesquelles on s'inclinait chez le monarque passaient chez un simple mortel pour „d'ignobles équipées", dont il lui arriva de répondre devant le premier ministre venu, comme Brackel. Respectueux de ses père et mère, comme le comportait l'éducation d'autrefois, Roumiantzeff enfin, comme Pierre, abandonna sa „dévouée et fidèle épouse" et n'eut pour ses enfants qu'une indifférence complète.

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Княгиня **ВѢРА ѲЕДОРОВНА ВЯЗЕМСКАЯ**, 1790—1886, старшая изъ дочерей генералъ-майора князя Ѳедора Сергѣевича Гагарина (р. 1757 г., † 1794 г.) и извѣстной красавицы княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой, во 2-мъ бракѣ Кологривовой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась 6 Сентября 1790 года, въ Яссахъ (см. т. IV, № 54). Вступивъ въ супружество 18 Октября 1811 г. съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна сразу сроднилась съ литературнымъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ ея мужа, насчитывавшимъ въ себѣ такія имена, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Карамзинъ.... Имя ея неразрывно связано съ умственной и литературной жизнью цѣлаго пятидесятилѣтія славнѣйшей эпохи русскаго творчества. Она присутствовала при кончинѣ Пушкина, была другомъ Жуковскаго и находилась въ тѣснѣйшей родственной связи съ семействомъ Карамзиныхъ. Долгая жизнь ея представляетъ свѣтлый примѣръ глубокаго духовнаго единенія съ мужемъ, съ которымъ она жила одной жизнью, пока смерть не разлучила маститыхъ супруговъ. Переживъ мужа на 8 лѣтъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская скончалась 96-и лѣтъ отъ роду, въ Баденъ-Баденѣ, 8 Іюля 1886 года; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ, рядомъ съ мужемъ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Только-что изданъ графомъ С. Д. Шереметевымъ новый (V) томъ драгоцѣннаго Остафьевскаго Архива, заключающій переписку князя П. А. Вяземскаго съ женой, чрезвычайно хорошо характеризующую княгиню. По этому поводу П. И. Бартеневъ пишетъ: „Они (Кологривовы и Гагарины) жили въ Москвѣ, въ такъ называемой Тишинѣ, гдѣ Кологривову принадлежала цѣлая усадьба съ обширнымъ садомъ и прудомъ. Это нынѣшній Народный Домъ, на Большой Грузинской площади, со стороны которой онъ еще не былъ огороженъ невзрачнымъ зданіемъ бань. Приводимъ преданіе, за точность котораго не ручаемся. Въ Августѣ 1811 г. собрались къ Кологривовымъ гости, и въ числѣ ихъ князь Вяземскій, Перовскій и другіе пріятели молодыхъ сыновей хозяйки. Одна изъ княженъ бросила въ прудъ свой башмачекъ; доставать его кинулась молодежь, при чемъ 19-лѣтній князь Вяземскій упалъ въ прудъ и заболѣлъ до того, что уже не могъ ѣхать къ себѣ домой на Волхонку къ Антипію, а остался до выздоровленія въ Грузинахъ. Княжна Вѣра за нимъ ухаживала, и тутъ они полюбили другъ друга. Чтобы не откладывать брака до Января, они повѣнчались осенью, и преданіе говоритъ, что князь былъ еще очень слабъ и подъ вѣнцомъ въ церкви долженъ былъ сидѣть въ креслахъ. Съ тѣхъ поръ княгинѣ, въ теченіе долгой ея жизни, приходилось бывать хожалкою за своимъ супругомъ. Князь Вѣтропрахъ и княгиня Вѣтрона, какъ называлъ ихъ нѣкогда Пушкинъ, пережили даже золотую свою свадьбу. Уходъ за мужемъ-поэтомъ, доставленіе ему всякихъ удобствъ житейской обстановки, переписываніе ему его рукописей были непрестаннымъ занятіемъ княгини. Предпослѣдніе свои годы жили они подъ Франкфуртомъ на Майнѣ, въ Гомбургѣ. Я пріѣхалъ къ нимъ погостить въ 1876 году. Князя не было дома: онъ уѣзжалъ въ Югенгеймъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ (высоко цѣнившей его). Княгиня сказала мнѣ, что онъ возвратится вечеромъ. Я пришелъ къ назначенному часу. Прошло довольно времени, а его все нѣтъ: оказалось, что съ желѣзной дороги онъ предпочелъ дойти домой пѣшкомъ. Надо было видѣть, какъ оживилось лицо престарѣлой, грузной княгини, когда послышались его шаги. Кто-то изъ бывшихъ тутъ обратился къ ней со стихами піиты XVIII вѣка, Петрова: „Мать истинная чадъ, ‖ Живой источникъ мнѣ отрадъ, ‖ Всегда любовница, всегда моя невѣста!“ До глубочайшей старости княгиня Вѣра Ѳедоровна отличалась живымъ умомъ и умѣла дѣйствовать на окружавшихъ ее. Зять ея, гр. Валуевъ, назвалъ ее la lionne de Bade. Городское управленіе Гомбурга предоставило ей особое зданіе, куда она выпросила у Государя перенести изъ Эмса походную его церковь. Позднѣе, въ Баденъ-Баденѣ навѣщалъ ее престарѣлый императоръ Вильгельмъ. Она уже не могла принимать его иначе, какъ лежа. Передъ нею висѣла старинная икона Божіей Матери. „Вотъ (сказала она представителю лютеранства) не чтутъ у васъ Богородицу и почти враждебно относятся къ иконамъ; а мнѣ отрадно посмотрѣть на нее, и она зоветъ меня къ молитвѣ“. Когда скончался князь, она, не будучи въ силахъ перебраться на житье въ Россію, пріѣхала на желѣзную дорогу, увозившую въ Петербургъ тѣло князя, и приказала поставить въ вагонъ небольшой гробикъ съ останками ихъ дочери, княжны Надежды, скончавшейся въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ. Такова была сила ея воли“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1817 г.; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

Княгиня ВѢРА ѲЕДОРОВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1790—1886, старшая изъ дочерей генералъ-майора князя Ѳедора Сергѣевича Гагарина (р. 1757 г., † 1794 г.) и извѣстной красавицы княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой, во 2-мъ бракѣ Кологривовой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась 6 Сентября 1790 года, въ Яссахъ (см. т. IV, № 54). Вступивъ въ супружество 18 Октября 1811 г. съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна сразу сроднилась съ литературнымъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ ея мужа, насчитывавшимъ въ себѣ такія имена, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Карамзинъ.... Имя ея неразрывно связано съ умственной и литературной жизнью цѣлаго пятидесятилѣтія славнѣйшей эпохи русскаго творчества. Она присутствовала при кончинѣ Пушкина, была другомъ Жуковскаго и находилась въ тѣснѣйшей родственной связи съ семействомъ Карамзиныхъ. Долгая жизнь ея представляетъ свѣтлый примѣръ глубокаго духовнаго единенія съ мужемъ, съ которымъ она жила одной жизнью, пока смерть не разлучила маститыхъ супруговъ. Переживъ мужа на 8 лѣтъ, княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская скончалась 96-и лѣтъ отъ роду, въ Баденъ-Баденѣ, 8 Іюля 1886 года; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ, рядомъ съ мужемъ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Только-что изданъ графомъ С. Д. Шереметевымъ новый (V) томъ драгоцѣннаго Остафьевскаго Архива, заключающій переписку князя П. А. Вяземскаго съ женой, чрезвычайно хорошо характеризующую княгиню. По этому поводу П. И. Бартеневъ пишетъ: „Они (Кологривовы и Гагарины) жили въ Москвѣ, въ такъ называемой Тишинѣ, гдѣ Кологривову принадлежала цѣлая усадьба съ обширнымъ садомъ и прудомъ. Это нынѣшній Народный Домъ, на Большой Грузинской площади, со стороны которой онъ еще не былъ огороженъ невзрачнымъ зданіемъ бань. Приводимъ преданіе, за точность котораго не ручаемся. Въ Августѣ 1811 г. собрались къ Кологривовымъ гости, и въ числѣ ихъ князь Вяземскій, Перовскій и другіе пріятели молодыхъ сыновей хозяйки. Одна изъ княженъ бросила въ прудъ свой башмачекъ; доставать его кинулась молодежь, при чемъ 19-лѣтній князь Вяземскій упалъ въ прудъ и заболѣлъ до того, что уже не могъ ѣхать къ себѣ домой на Волхонку къ Антипію, а остался до выздоровленія въ Грузинахъ. Княжна Вѣра за нимъ ухаживала, и тутъ они полюбили другъ друга. Чтобы не откладывать брака до Января, они повѣнчались осенью, и преданіе говоритъ, что князь былъ еще очень слабъ и подъ вѣнцомъ въ церкви долженъ былъ сидѣть въ креслахъ. Съ тѣхъ поръ княгинѣ, въ теченіе долгой ея жизни, приходилось бывать хожалкою за своимъ супругомъ. Князь Вѣтропрахъ и княгиня Вѣтрона, какъ называлъ ихъ нѣкогда Пушкинъ, пережили даже золотую свою свадьбу. Уходъ за мужемъ-поэтомъ, доставленіе ему всякихъ удобствъ житейской обстановки, переписываніе ему его рукописей были непрестаннымъ занятіемъ княгини. Предпослѣдніе свои годы жили они подъ Франкфуртомъ на Майнѣ, въ Гомбургѣ. Я пріѣхалъ къ нимъ погостить въ 1876 году. Князя не было дома: онъ уѣзжалъ въ Югенгеймъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ (высоко цѣнившей его). Княгиня сказала мнѣ, что онъ возвратится вечеромъ. Я пришелъ къ назначенному часу. Прошло довольно времени, а его все нѣтъ: оказалось, что съ желѣзной дороги онъ предпочелъ дойти домой пѣшкомъ. Надо было видѣть, какъ оживилось лицо престарѣлой, грузной княгини, когда послышались его шаги. Кто-то изъ бывшихъ тутъ обратился къ ней со стихами піиты XVIII вѣка, Петрова: „Мать истинная чадъ, ‖ Живой источникъ мнѣ отрадъ, ‖ Всегда любовница, всегда моя невѣста!“ До глубочайшей старости княгиня Вѣра Ѳедоровна отличалась живымъ умомъ и умѣла дѣйствовать на окружавшихъ ее. Зять ея, гр. Валуевъ, назвалъ ее la lionne de Bade. Городское управленіе Гомбурга предоставило ей особое зданіе, куда она выпросила у Государя перенести изъ Эмса походную его церковь. Позднѣе, въ Баденъ-Баденѣ навѣщалъ ее престарѣлый императоръ Вильгельмъ. Она уже не могла принимать его иначе, какъ лежа. Передъ нею висѣла старинная икона Божіей Матери. „Вотъ (сказала она представителю лютеранства) не чтутъ у васъ Богородицу и почти враждебно относятся къ иконамъ; а мнѣ отрадно посмотрѣть на нее, и она зоветъ меня къ молитвѣ“. Когда скончался князь, она, не будучи въ силахъ перебраться на житье въ Россію, пріѣхала на желѣзную дорогу, увозившую въ Петербургъ тѣло князя, и приказала поставить въ вагонъ небольшой гробикъ съ останками ихъ дочери, княжны Надежды, скончавшейся въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ. Такова была сила ея воли“.

(Съ портрета К. Рейхеля, 1817 г.; собственность князя П. П. Вяземскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse VÉRA FÉODOROWNA VIAZEMSKY, 1790—1886, l'aînée des filles du prince Théodore Serguéewitch Gagarine (1757—1794), général major, et de la princesse connue pour sa beauté Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï, en secondes noces Kologrivoff (1762—1848), naquit le 6 septembre 1790 à Yassy (v. T. IV, № 54). Mariée le 18 octobre 1811 au prince Pierre Andréewitch Viazemsky, elle fut tout de suite à son aise dans le cercle littéraire qui se groupait autour de lui et comptait des noms comme ceux de Pouchkine, Joukowsky, Karamzine.... Son nom est inséparable de la vie intellectuelle et littéraire de tout un demi-siècle de l'époque la plus glorieuse des lettres russes. Elle assista à la mort de Pouchkine, et fut en relations d'amitié avec Joukowsky et d'étroite parenté avec la famille Karamzine. Sa longue vie est un lumineux exemple de profonde union spirituelle avec son mari: ils n'eurent qu'une vie à eux deux, jusqu'au jour où la mort sépara ces vénérables conjoints. La princesse survécut huit ans et mourut à Baden-Baden le 8 juillet 1886, âgée de 96 ans; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée près de son mari, au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le Tome V, récemment paru, des précieuses Archives d'Ostafiévo, publiées par le comte S. Chérémeteff, renferme une correspondance du prince P. Viazemsky avec sa femme, qui caractérise bien la princesse. Les Kologrivoff et les Gagarine, écrit à ce propos P. Barténeff, „habitaient à Moscou le quartier dit Tichina, où Kologrivoff possédait tout un manoir avec un immense jardin et un étang. C'est aujourd'hui la Maison du Peuple, mais donnant sur la Grande Place Grouzinsky, du côté de laquelle il n'y avait pas alors cette affreuse maison de bains. Voici donc une tradition, mais sans garantie d'authenticité. En août 1811, Kologrivoff avait chez lui le prince Viazemsky, Pérowsky et autres amis des jeunes fils de la maîtresse de la maison. Une des jeunes filles laissa tomber son socque dans l'étang. Toute la jeunesse se précipita aussitôt, et le prince Viazemsky, âgé de 19 ans, tomba à l'eau: il en fut incommodé au point de ne pouvoir rentrer dans sa maison de la Wolkonka, et dut rester là jusqu'à son rétablissement. La princesse Véra le soigna, et ils s'aimèrent. On fit le mariage à l'automne, pour ne pas attendre jusqu'en janvier, mais le prince était, dit la tradition, toujours bien faible, et dut être installé dans un fauteuil pour la cérémonie. Et la princesse passa toute sa longue existence à lui servir de sœur de charité: ils célébrèrent même leurs noces d'or, et jamais elle n'eut d'autre occupation que de le soigner, de lui faire un intérieur en tout confortable, de lui recopier les manuscrits de ses poésies. Ils étaient sur leurs vieux jours à Hombourg, près Francfort-sur-le-Main, et j'allai les voir en 1876. Le prince n'était pas là: parti pour Jugenheim, rendre visite à l'Impératrice Marie Alexandrowna, qui faisait grand cas de lui, il ne devait, me dit sa femme, rentrer que le soir. Je revins à l'heure dite. Il se fit attendre quelque temps: il avait voulu venir de la gare à pied. Il fallait voir comme, au bruit de son pas, s'anima le visage de la vieille princesse, appesantie par le grand âge. Un des assistants lui dit alors ces vers de Pétroff, le poète du XVIIIe siècle:

„Bonne mère de tes enfants,
„Source vive de mes délices,
„Amante pour toujours, fiancée éternelle!"

Jusqu'à une vieillesse des plus avancées, la princesse Viazemsky conserva sa vivacité d'esprit et son influence sur son entourage: son gendre, le comte Valouïeff, l'appelait la lionne de Bade. La municipalité de Hombourg mit à sa disposition un bâtiment spécial, et, sur la demande qu'elle en fit à l'Empereur, la chapelle de campagne qu'il avait à Ems y fut transférée. Plus tard, elle reçut à Bade la visite du vieil Empereur Guillaume; elle ne put le recevoir que couchée. Elle avait pendue en face d'elle une image ancienne de la Vierge: „Alors", dit-elle au prince protestant, „chez vous on ne vénère pas la Sainte Vierge et on n'admet guère les images. Et moi, c'est ma consolation de la contempler: elle m'invite à la prière". A la mort de son mari, n'ayant plus la force de faire le voyage de Pétersbourg, elle vint accompagner le corps à la gare, et fit joindre au funèbre convoi le petit cercueil renfermant les restes de sa fille Nadejda, morte à Baden-Baden en 1840. Telle était sa force de volonté!"

(D'après un original de Ch. Reichel, 1817, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

La princesse VÉRA FÉODOROWNA VIAZEMSKY, 1790—1886, l'aînée des filles du prince Théodore Serguéewitch Gagarine (1757—1794), général major, et de la princesse connue pour sa beauté Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï, en secondes noces Kologrivoff (1762—1848), naquit le 6 septembre 1790 à Yassy (v. T. IV, № 54). Mariée le 18 octobre 1811 au prince Pierre Andréewitch Viazemsky, elle fut tout de suite à son aise dans le cercle littéraire qui se groupait autour de lui et comptait des noms comme ceux de Pouchkine, Joukowsky, Karamzine.... Son nom est inséparable de la vie intellectuelle et littéraire de tout un demi-siècle de l'époque la plus glorieuse des lettres russes. Elle assista à la mort de Pouchkine, et fut en relations d'amitié avec Joukowsky et d'étroite parenté avec la famille Karamzine. Sa longue vie est un lumineux exemple de profonde union spirituelle avec son mari: ils n'eurent qu'une vie à eux deux, jusqu'au jour où la mort sépara ces vénérables conjoints. La princesse survécut huit ans et mourut à Baden-Baden le 8 juillet 1886, âgée de 96 ans; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée près de son mari, au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le Tome V, récemment paru, des précieuses Archives d'Ostafiévo, publiées par le comte S. Chéréméteff, renferme une correspondance du prince P. Viazemsky avec sa femme, qui caractérise bien la princesse. Les Kologrivoff et les Gagarine, écrit à ce propos P. Barténeff, „habitaient à Moscou le quartier dit Tichina, où Kologrivoff possédait tout un manoir avec un immense jardin et un étang. C'est aujourd'hui la Maison du Peuple, mais donnant sur la Grande Place Grouzinsky, du côté de laquelle il n'y avait pas alors cette affreuse maison de bains. Voici donc une tradition, mais sans garantie d'authenticité. En août 1811, Kologrivoff avait chez lui le prince Viazemsky, Pérowsky et autres amis des jeunes fils de la maîtresse de la maison. Une des jeunes filles laissa tomber son socque dans l'étang. Toute la jeunesse se précipita aussitôt, et le prince Viazemsky, âgé de 19 ans, tomba à l'eau: il en fut incommodé au point de ne pouvoir rentrer dans sa maison de la Wolkonka, et dut rester là jusqu'à son rétablissement. La princesse Véra le soigna, et ils s'aimèrent. On fit le mariage à l'automne, pour ne pas attendre jusqu'en janvier, mais le prince était, dit la tradition, toujours bien faible, et dut être installé dans un fauteuil pour la cérémonie. Et la princesse passa toute sa longue existence à lui servir de sœur de charité: ils célébrèrent même leurs noces d'or, et jamais elle n'eut d'autre occupation que de le soigner, de lui faire un intérieur en tout confortable, de lui recopier les manuscrits de ses poésies. Ils étaient sur leurs vieux jours à Hombourg, près Francfort-sur-le-Main, et j'allai les voir en 1876. Le prince n'était pas là: parti pour Jugenheim, rendre visite à l'Impératrice Marie Alexandrowna, qui faisait grand cas de lui, il ne devait, me dit sa femme, rentrer que le soir. Je revins à l'heure dite. Il se fit attendre quelque temps: il avait voulu venir de la gare à pied. Il fallait voir comme, au bruit de son pas, s'anima le visage de la vieille princesse, appesantie par le grand âge. Un des assistants lui dit alors ces vers de Pétroff, le poète du XVIIIe siècle:

„Bonne mère de tes enfants,
„Source vive de mes délices,
„Amante pour toujours, fiancée éternelle!"

Jusqu'à une vieillesse des plus avancées, la princesse Viazemsky conserva sa vivacité d'esprit et son influence sur son entourage: son gendre, le comte Valouïeff, l'appelait la lionne de Bade. La municipalité de Hombourg mit à sa disposition un bâtiment spécial, et, sur la demande qu'elle en fit à l'Empereur, la chapelle de campagne qu'il avait à Ems y fut transférée. Plus tard, elle reçut à Bade la visite du vieil Empereur Guillaume; elle ne put le recevoir que couchée. Elle avait pendue en face d'elle une image ancienne de la Vierge: „Alors", dit-elle au prince protestant, „chez vous on ne vénère pas la Sainte Vierge et on n'admet guère les images. Et moi, c'est ma consolation de la contempler: elle m'invite à la prière". A la mort de son mari, n'ayant plus la force de faire le voyage de Pétersbourg, elle vint accompagner le corps à la gare, et fit joindre au funèbre convoi le petit cercueil renfermant les restes de sa fille Nadejda, morte à Baden-Baden en 1840. Telle était sa force de volonté!"

(D'après un original de Ch. Reichel, 1817, appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Князь АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1750—1807, былъ сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Ивана Андреевича, отъ брака его съ княжной Маріей Сергѣевной Долгорукой. Получивъ образованіе во французскомъ духѣ, Вяземскій поступилъ въ военную службу и съ 1773 по 1778 годъ былъ командиромъ Вологодскаго полка. Хотя А. И. Вяземскій и имѣлъ, по его словамъ, „въ князѣ Потемкинѣ себѣ большого недоброжелателя", но отецъ его, благодаря связямъ, очень удачно „производилъ" его, и въ 1778 году онъ былъ уже генералъ-майоромъ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Европѣ князь А. И. Вяземскій, произведенный въ 1787 году въ генералъ-поручики, былъ въ 1789 году назначенъ членомъ Военной Конторы. Переименованный въ тайные совѣтники, онъ въ 1796 году былъ назначенъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже „въ первыхъ мѣсяцахъ царствованія" Павла I, въ общемъ къ нему благоволившаго, оставилъ этотъ постъ и былъ пожалованъ въ сенаторы. Свою служебную карьеру князь А. И. Вяземскій закончилъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Анны 1 степени. Онъ умеръ 20 Апрѣля 1807 г. и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Въ 1786 г. князь А. И. Вяземскій, противъ воли родителей, вступилъ въ бракъ съ разведенной съ мужемъ ирландкой Евгеніей Кеннеди, рожденной Орельи. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына Петра, извѣстнаго поэта, и дочь Екатерину (за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ).

Князь А. И. Вяземскій считался „отмѣнно пріятнымъ" свѣтскимъ человѣкомъ. Его Московскій домъ, „не блиставшій убранствомъ", былъ „пріятнѣйшимъ сосредоточіемъ жизни и всѣхъ удовольствій просвѣщеннаго общества"; Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и князь А. М. Бѣлосельскій были его друзьями; иностранные путешественники находили у него „русское гостепріимство и прелести европейской разговорчивости". Князь А. И. Вяземскій былъ не чуждъ слабости къ „знакамъ Монаршаго благоволенія" и напоминалъ вліятельнымъ лицамъ и самому Павлу I, что люди, „гораздо моложе его, взысканы милостью Его Императорскаго Величества". Лица, имѣвшія съ нимъ служебныя отношенія, были недовольны имъ. Князь И. М. Долгорукій, водившій съ нимъ ранѣе „пріятное знакомство", на службѣ въ Пензѣ встрѣтилъ у него „очень надменный" пріемъ. Какъ генералъ-губернатора, князь Долгорукій считалъ князя Вяземскаго „фанфарономъ", „самымъ пустымъ человѣкомъ", „дѣлавшимъ все некстати", и объяснялъ это тѣмъ, что князь Вяземскій обладалъ „умомъ, испорченнымъ англійскими предразсудками". Если даже князь Вяземскій проявлялъ „много пустого педантизма", то во всякомъ случаѣ онъ не былъ лишенъ вѣрнаго взгляда на вещи. Какъ военный администраторъ, онъ высказывалъ дѣльныя мысли о томъ, что одежда солдата должна быть „покойна и на видъ хороша, но къ несчастію о послѣднемъ болѣе стараются". Какъ гражданскій администраторъ, онъ составилъ проектъ „приведенія гражданскихъ законовъ въ систему" и, возвышаясь надъ уровнемъ современнаго общества, находилъ для этого нужнымъ „привести въ архивъ такое состояніе, въ которомъ бы каждый желающій могъ найти, что захочетъ". Ревизуя въ Москвѣ Архивъ Старыхъ дѣлъ, князь Вяземскій спускался въ „самые погреба" подъ зданіемъ Сената; при объѣздѣ Нижегородскаго намѣстничества онъ примѣтилъ на мостахъ и гатяхъ „вездѣ свѣжую работу и починку, означающую минутное ожиданіе начальства". Если даже князь А. И. Вяземскій и не „хотѣлъ сдѣлать изъ Пензы Лондона", какъ утверждаетъ Долгорукій, то несомнѣнно онъ не былъ чуждъ убѣжденія многихъ Екатерининскихъ администраторовъ относительно того, что одними начальственными предписаніями можно истребить „непозволительныя лакомства" среди чиновниковъ, а также, не уступая другимъ администраторамъ своего времени, умѣлъ льстить по адресу „премудрѣйшей Государыни".

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Князь АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1750—1807, былъ сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Ивана Андреевича, отъ брака его съ княжной Маріей Сергѣевной Долгорукой. Получивъ образованіе во французскомъ духѣ, Вяземскій поступилъ въ военную службу и съ 1773 по 1778 годъ былъ командиромъ Вологодскаго полка. Хотя А. И. Вяземскій и имѣлъ, по его словамъ, „въ князѣ Потемкинѣ себѣ большого недоброжелателя“, но отецъ его, благодаря связямъ, очень удачно „производилъ“ его, и въ 1778 году онъ былъ уже генералъ-майоромъ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Европѣ князь А. И. Вяземскій, произведенный въ 1787 году въ генералъ-поручики, былъ въ 1789 году назначенъ членомъ Военной Конторы. Переименованный въ тайные совѣтники, онъ въ 1796 году былъ назначенъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже „въ первыхъ мѣсяцахъ царствованія“ Павла I, въ общемъ къ нему благоволившаго, оставилъ этотъ постъ и былъ пожалованъ въ сенаторы. Свою служебную карьеру князь А. И. Вяземскій закончилъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Анны 1 степени. Онъ умеръ 20 Апрѣля 1807 г. и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Въ 1786 г. князь А. И. Вяземскій, противъ воли родителей, вступилъ въ бракъ съ разведенной съ мужемъ ирландкой Евгеніей Кеннеди, рожденной Орельи. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына Петра, извѣстнаго поэта, и дочь Екатерину (за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ).

Князь А. И. Вяземскій считался „отмѣнно пріятнымъ“ свѣтскимъ человѣкомъ. Его Московскій домъ, „не блиставшій убранствомъ“, былъ „пріятнѣйшимъ сосредоточіемъ жизни и всѣхъ удовольствій просвѣщеннаго общества“; Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и князь А. М. Бѣлосельскій были его друзьями; иностранные путешественники находили у него „русское гостепріимство и прелести европейской разговорчивости“. Князь А. И. Вяземскій былъ не чуждъ слабости къ „знакамъ Монаршаго благоволенія“ и напоминалъ вліятельнымъ лицамъ и самому Павлу I, что люди, „гораздо моложе его, взысканы милостью Его Императорскаго Величества“. Лица, имѣвшія съ нимъ служебныя отношенія, были недовольны имъ. Князь И. М. Долгорукій, водившій съ нимъ ранѣе „пріятное знакомство“, на службѣ въ Пензѣ встрѣтилъ у него „очень надменный“ пріемъ. Какъ генералъ-губернатора, князь Долгорукій считалъ князя Вяземскаго „фанфарономъ“, „самымъ пустымъ человѣкомъ“, „дѣлавшимъ все некстати“, и объяснялъ это тѣмъ, что князь Вяземскій обладалъ „умомъ, испорченнымъ англійскими предразсудками“. Если даже князь Вяземскій проявлялъ „много пустого педантизма“, то во всякомъ случаѣ онъ не былъ лишенъ вѣрнаго взгляда на вещи. Какъ военный администраторъ, онъ высказывалъ дѣльныя мысли о томъ, что одежда солдата должна быть „покойна и на видъ хороша, но къ несчастію о послѣднемъ болѣе стараются“. Какъ гражданскій администраторъ, онъ составилъ проектъ „приведенія гражданскихъ законовъ въ систему“ и, возвышаясь надъ уровнемъ современнаго общества, находилъ для этого нужнымъ „привести въ архивъ такое состояніе, въ которомъ бы каждый желающій могъ найти, что захочетъ“. Ревизуя въ Москвѣ Архивъ Старыхъ дѣлъ, князь Вяземскій спускался въ „самые погреба“ подъ зданіемъ Сената; при объѣздѣ Нижегородскаго намѣстничества онъ примѣтилъ на мостахъ и гатяхъ „вездѣ свѣжую работу и починку, означающую минутное ожиданіе начальства“. Если даже князь А. И. Вяземскій и не „хотѣлъ сдѣлать изъ Пензы Лондона“, какъ утверждаетъ Долгорукій, то несомнѣнно онъ не былъ чуждъ убѣжденія многихъ Екатерининскихъ администраторовъ относительно того, что одними начальственными предписаніями можно истребить „непозволительныя лакомства“ среди чиновниковъ, а также, не уступая другимъ администраторамъ своего времени, умѣлъ льстить по адресу „премудрѣйшей Государыни“.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. П. Вяземскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince ANDRÉ IVANOWITCH VIAZEMSKY, 1750—1807, était fils du prince Ivan Andréewitch Viazemsky, conseiller privé actuel, et de la princesse Marie Serguéewna, née Dolgorouky. Il reçut une instruction à la française, puis se fit militaire et fut de 1775 à 1778 commandant du régiment de Vologda. Bien qu'il eût, dit-il lui-même, „fort à compter avec la malveillance du prince Potemkine", son père, grâce à ses relations, le „hissa" avec beaucoup d'adresse: en 1778, il était général major. Il fit ensuite un grand voyage en Europe, puis, promu général lieutenant en 1787, fut nommé en 1789 membre du Collège Militaire. En 1796, après avoir permuté conseiller privé, il fut fait général gouverneur de Nijni-Novgorod et Penza, mais, dès „les premiers mois du règne" de Paul Ier, quitta ce poste pour devenir sénateur. Il termina sa carrière conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de Ste-Anne de 1re classe. Il mourut le 20 avril 1807, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi. Il avait épousé en 1786, contre la volonté de ses parents, une irlandaise divorcée, Eugénie Kennedy, née O'Reilly. Il eut de ce mariage un fils, Pierre, connu comme poète, et une fille, Catherine, mariée au prince Alexis Grigoriewitch Chtcherbatoff.

Le prince Viazemsky avait la réputation d'un „charmant" homme du monde. „Sans rien de brillant comme installation", sa maison de Moscou était „un centre délicieux de réunion et de toute espèce de plaisirs pour une société de lettrés": Karamzine, Nélédinsky-Méletzky et le prince A. Bélosselsky étaient de ses amis; les étrangers de passage trouvaient chez lui „l'hospitalité russe et tout le charme d'une conversation à l'européenne". Non exempt de quelque faiblesse à l'endroit des „marques de la faveur de Sa Majesté", il rappelait aux gens influents et à Paul Ier lui-même qu'il y en avait „de bien plus jeunes que lui qui en avaient été honorés". Ses relations de service ne laissèrent que des mécontents: le prince I. Dolgorouky, après avoir été avec lui „en bonnes relations", trouva dans son service à Penza „un accueil des plus hautains", et ne faisait pas grand cas de lui comme général gouverneur: il le déclare „un fanfaron", „une nullité", qui „agissait à tort et à travers", et explique tout par „les préjugés anglais dont il a l'esprit farci". Pourtant, quand il y aurait eu dans ses actes „bien du pédantisme à vide", il n'était certes pas exempt d'une certaine rectitude de jugement. Comme administrateur militaire, il émit cette idée bien raisonnable que le vêtement du soldat doit être „commode et de bonne apparence, mais malheureusement c'est au second point qu'on donne le plus d'importance". Comme administrateur civil, il établit un projet de „systématisation des lois civiles", et, avec une hardiesse étonnante pour l'époque, estimait indispensable, dans cet ordre d'idées, de „mettre les archives en état de fournir immédiatement une référence quelconque". Lors de sa revision des Archives pour les affaires classées, à Moscou, il ne craignit pas d'explorer „jusqu'aux sous-sols" du Sénat, et, dans sa tournée de la lieutenance de Nijni-Novgorod, releva sur les ponts et partout „des traces fraîches de réparations et travaux entrepris juste pour le passage des autorités". Sans doute il serait exagéré de croire, sur la foi de Dolgorouky, qu'il „voulait faire de Penza un petit Londres", mais toujours est-il qu'il paraissait convaincu, avec nombre d'administrateurs de Catherine, de l'efficacité absolue des prescriptions d'en haut pour couper court à la „gloutonnerie" des fonctionnaires, et que, pas plus que les confrères, il n'était chiche de flatteries à l'adresse de „la très sage Souveraine".

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Le prince ANDRÉ IVANOWITCH VIAZEMSKY, 1750—1807, était fils du prince Ivan Andréewitch Viazemsky, conseiller privé actuel, et de la princesse Marie Serguéewna, née Dolgorouky. Il reçut une instruction à la française, puis se fit militaire et fut de 1775 à 1778 commandant du régiment de Vologda. Bien qu'il eût, dit-il lui-même, „fort à compter avec la malveillance du prince Potemkine", son père, grâce à ses relations, le „hissa" avec beaucoup d'adresse: en 1778, il était général major. Il fit ensuite un grand voyage en Europe, puis, promu général lieutenant en 1787, fut nommé en 1789 membre du Collège Militaire. En 1796, après avoir permuté conseiller privé, il fut fait général gouverneur de Nijni-Novgorod et Penza, mais, dès „les premiers mois du règne" de Paul Ier, quitta ce poste pour devenir sénateur. Il termina sa carrière conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky et de Ste-Anne de 1re classe. Il mourut le 20 avril 1807, et fut inhumé à Moscou, au monastère Novodévitchi. Il avait épousé en 1786, contre la volonté de ses parents, une irlandaise divorcée, Eugénie Kennedy, née O'Reilly. Il eut de ce mariage un fils, Pierre, connu comme poète, et une fille, Catherine, mariée au prince Alexis Grigoriewitch Chtcherbatoff.

Le prince Viazemsky avait la réputation d'un „charmant" homme du monde. „Sans rien de brillant comme installation", sa maison de Moscou était „un centre délicieux de réunion et de toute espèce de plaisirs pour une société de lettrés": Karamzine, Nélédinsky-Méletzky et le prince A. Bélosselsky étaient de ses amis; les étrangers de passage trouvaient chez lui „l'hospitalité russe et tout le charme d'une conversation à l'européenne". Non exempt de quelque faiblesse à l'endroit des „marques de la faveur de Sa Majesté", il rappelait aux gens influents et à Paul Ier lui-même qu'il y en avait „de bien plus jeunes que lui qui en avaient été honorés". Ses relations de service ne laissèrent que des mécontents: le prince I. Dolgorouky, après avoir été avec lui „en bonnes relations", trouva dans son service à Penza „un accueil des plus hautains", et ne faisait pas grand cas de lui comme général gouverneur: il le déclare „un fanfaron", „une nullité", qui „agissait à tort et à travers", et explique tout par „les préjugés anglais dont il a l'esprit farci". Pourtant, quand il y aurait eu dans ses actes „bien du pédantisme à vide", il n'était certes pas exempt d'une certaine rectitude de jugement. Comme administrateur militaire, il émit cette idée bien raisonnable que le vêtement du soldat doit être „commode et de bonne apparence, mais malheureusement c'est au second point qu'on donne le plus d'importance". Comme administrateur civil, il établit un projet de „systématisation des lois civiles", et, avec une hardiesse étonnante pour l'époque, estimait indispensable, dans cet ordre d'idées, de „mettre les archives en état de fournir immédiatement une référence quelconque". Lors de sa revision des Archives pour les affaires classées, à Moscou, il ne craignit pas d'explorer „jusqu'aux sous-sols" du Sénat, et, dans sa tournée de la lieutenance de Nijni-Novgorod, releva sur les ponts et partout „des traces fraîches de réparations et travaux entrepris juste pour le passage des autorités". Sans doute il serait exagéré de croire, sur la foi de Dolgorouky, qu'il „voulait faire de Penza un petit Londres", mais toujours est-il qu'il paraissait convaincu, avec nombre d'administrateurs de Catherine, de l'efficacité absolue des prescriptions d'en haut pour couper court à la „gloutonnerie" des fonctionnaires, et que, pas plus que les confrères, il n'était chiche de flatteries à l'adresse de „la très sage Souveraine".

(D'après un original appartenant au prince P. Viazemsky, St-Pétersbourg.)

Князь ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1776—1841, сынъ князя Сергѣя Алексѣевича отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Несвицкой († 1831 г.), родился 24 Марта 1776 г. и 5 лѣтъ записанъ въ Преображенскій полкъ, а черезъ 3 года переведенъ въ Конную гвардію. Произведенный въ 1793 г. въ корнеты, онъ началъ дѣйствительную службу. 1 Января 1796 г. Трубецкой произведенъ въ подпоручики и 3 Февраля того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Павелъ I отчислилъ его отъ полка, вмѣстѣ съ прочими камеръ-юнкерами, въ 1798 г. пожаловалъ въ дѣйствительные камергеры, а въ 1800 г. назначилъ членомъ Камеръ-Коллегіи и произвелъ въ тайные совѣтники. Александръ I повелѣлъ ему попрежнему отправлять должность камергера. Осенью 1805 г. Трубецкой рѣшилъ поступить на военную службу, чтобы принять участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, и былъ опредѣленъ, съ чиномъ поручика, въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Во время похода въ Австрію онъ состоялъ адъютантомъ при Багратіонѣ и за Аустерлицъ получилъ золотое оружіе. Въ 1806 г. Трубецкой уже былъ флигель-адъютантомъ, полковникомъ и эскадроннымъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Дѣятельное участіе принялъ онъ и въ слѣдующей войнѣ съ Наполеономъ, былъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ до Фридланда включительно и получилъ ордена Владиміра 4 ст. и 3 ст. (за Пултускъ и Вольфсдорфъ) и Георгія 4 ст. и 3 ст. (за Гутштадтъ и Гейльсбергъ), чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта (за Прейсишъ-Эйлау). По окончаніи военныхъ дѣйствій Трубецкой сопровождалъ Александра I въ Тильзитъ. Командированный въ 1809 г. съ Высочайшимъ повелѣніемъ къ главнокомандующему арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, князю Прозоровскому, онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и заслужилъ Анну 1 ст., Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами, но лѣтомъ 1810 г. вернулся въ Петербургъ (былъ высланъ изъ арміи графомъ Н. М. Каменскимъ за критику его дѣйствій). Въ 1812 г. Трубецкой находился при Государѣ въ Вильнѣ, оттуда повезъ въ Москву воззваніе къ Первопрестольной столицѣ и манифестъ объ ополченіи, а затѣмъ командовалъ кавалеріей корпуса Винценгероде. Въ 1813 и 1814 гг. онъ участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ вплоть до взятія Парижа; послѣ Бауцена получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а при Лейпцигѣ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ и награжденъ золотой шпагой съ алмазами. Съ 1814 по 1822 г. Трубецкой неоднократно сопровождалъ Александра I въ его поѣздкахъ за границу и находился при немъ на конгрессахъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ и Веронѣ. Въ Декабрѣ 1825 г. онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ сообщеніемъ о восшествіи на престолъ Николая I, въ 1826 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ генерала-отъ-кавалеріи (въ день коронаціи) и назначенъ сенаторомъ (6 Декабря) и президентомъ Попечительнаго о тюрьмахъ общества. Во время Турецкой войны Трубецкой находился при главной квартирѣ. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ въ Лондонъ для поздравленія Вильгельма IV съ восшествіемъ на престолъ. Въ 1831 г., во время холеры, онъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ 3 частей Петербурга, а 6 Декабря 1835 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы его жизни были посвящены общественной благотворительности. Онъ скончался 10 Февраля 1841 г. и погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. По словамъ А. О. Смирновой, Трубецкой получилъ чисто французское воспитаніе и былъ большимъ любителемъ живописи. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. По словамъ графини Фредро, при большомъ ростѣ, онъ отличался рѣдкимъ безобразіемъ и внушалъ ей какое-то омерзеніе. Женатъ онъ былъ дважды: въ 1805 г. онъ женился на принцессѣ Курляндской Екатеринѣ Петровнѣ Биронъ (р. 1781 г., † 1839 г.), разведенной съ княземъ Ю. Роганомъ, но черезъ годъ съ ней разъѣхался, а въ 1812 г. женился на дочери Виленскаго полиціймейстера Софіи Андреевнѣ Вейсъ (р. 1796 г., † 1848 г.), одной изъ первыхъ красавицъ своего времени. Отъ второго брака Трубецкой имѣлъ 5 сыновей и 6 дочерей: Александра (р. 1813 г., † 1889 г.), Сергѣя (р. 1815 г., † 1859 г.), Андрея (р. 1822 г., † 1881 г.), Владиміра (р. 1825 г., † 1904 г.), Николая († 1889 г.), Елену (р. 1817 г., † 1831 г.), Марію (р. 1819 г., † 1895 г.; за А. Г. Столыпинымъ и свѣтл. кн. С. М. Воронцовымъ), Ольгу (р. 1820 г.; за М. А. Устиновымъ и Біанко-ди-Энколаде), Софію (р. 1823 г., † 1893 г.; за гр. И. А. Рибопьеромъ), Александру (р. 1827 г., † 1905 г.; за графомъ Ѳ. С. Апраксинымъ и барономъ Карломъ де-Бошъ) и Вѣру (р. 1830 г., † 1861 г.; за графомъ А. Эстергази-де-Галанта).

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 года въ Зимнемъ дворцѣ.)

Князь ВАСИЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1776—1841, сынъ князя Сергѣя Алексѣевича отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Несвицкой († 1831 г.), родился 24 Марта 1776 г. и 5 лѣтъ записанъ въ Преображенскій полкъ, а черезъ 3 года переведенъ въ Конную гвардію. Произведенный въ 1793 г. въ корнеты, онъ началъ дѣйствительную службу. 1 Января 1796 г. Трубецкой произведенъ въ подпоручики и 3 Февраля того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Павелъ I отчислилъ его отъ полка, вмѣстѣ съ прочими камеръ-юнкерами, въ 1798 г. пожаловалъ въ дѣйствительные камергеры, а въ 1800 г. назначилъ членомъ Камеръ-Коллегіи и произвелъ въ тайные совѣтники. Александръ I повелѣлъ ему попрежнему отправлять должность камергера. Осенью 1805 г. Трубецкой рѣшилъ поступить на военную службу, чтобы принять участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, и былъ опредѣленъ, съ чиномъ поручика, въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Во время похода въ Австрію онъ состоялъ адъютантомъ при Багратіонѣ и за Аустерлицъ получилъ золотое оружіе. Въ 1806 г. Трубецкой уже былъ флигель-адъютантомъ, полковникомъ и эскадроннымъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Дѣятельное участіе принялъ онъ и въ слѣдующей войнѣ съ Наполеономъ, былъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ до Фридланда включительно и получилъ ордена Владиміра 4 ст. и 3 ст. (за Пултускъ и Вольфсдорфъ) и Георгія 4 ст. и 3 ст. (за Гутштадтъ и Гейльсбергъ), чинъ генералъ-майора и званіе генералъ-адъютанта (за Прейсишъ-Эйлау). По окончаніи военныхъ дѣйствій Трубецкой сопровождалъ Александра I въ Тильзитъ. Командированный въ 1809 г. съ Высочайшимъ повелѣніемъ къ главнокомандующему арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, князю Прозоровскому, онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и заслужилъ Анну 1 ст., Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами, но лѣтомъ 1810 г. вернулся въ Петербургъ (былъ высланъ изъ арміи графомъ Н. М. Каменскимъ за критику его дѣйствій). Въ 1812 г. Трубецкой находился при Государѣ въ Вильнѣ, оттуда повезъ въ Москву воззваніе къ Первопрестольной столицѣ и манифестъ объ ополченіи, а затѣмъ командовалъ кавалеріей корпуса Винцентероде. Въ 1813 и 1814 гг. онъ участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ вплоть до взятія Парижа; послѣ Бауцена получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а при Лейпцигѣ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ и награжденъ золотой шпагой съ алмазами. Съ 1814 по 1822 г. Трубецкой неоднократно сопровождалъ Александра I въ его поѣздкахъ за границу и находился при немъ на конгрессахъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ и Веронѣ. Въ Декабрѣ 1825 г. онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ сообщеніемъ о восшествіи на престолъ Николая I, въ 1826 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ генерала-отъ-кавалеріи (въ день коронаціи) и назначенъ сенаторомъ (6 Декабря) и президентомъ Попечительнаго о тюрьмахъ общества. Во время Турецкой войны Трубецкой находился при главной квартирѣ. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ въ Лондонъ для поздравленія Вильгельма IV съ восшествіемъ на престолъ. Въ 1831 г., во время холеры, онъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ 3 частей Петербурга, а 6 Декабря 1835 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы его жизни были посвящены общественной благотворительности. Онъ скончался 10 Февраля 1841 г. и погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. По словамъ А. О. Смирновой, Трубецкой получилъ чисто французское воспитаніе и былъ большимъ любителемъ живописи. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. По словамъ графини Фредро, при большомъ ростѣ, онъ отличался рѣдкимъ безобразіемъ и внушалъ ей какое-то омерзеніе. Женатъ онъ былъ дважды: въ 1805 г. онъ женился на принцессѣ Курляндской Екатеринѣ Петровнѣ Биронъ (р. 1781 г., † 1839 г.), разведенной съ княземъ Ю. Рогановъ, но черезъ годъ съ ней разъѣхался, а въ 1812 г. женился на дочери Виленскаго полиціймейстера Софіи Андреевнѣ Вейсъ (р. 1796 г., † 1848 г.), одной изъ первыхъ красавицъ своего времени. Отъ второго брака Трубецкой имѣлъ 5 сыновей и 6 дочерей: Александра (р. 1813 г., † 1889 г.), Сергѣя (р. 1815 г., † 1859 г.), Андрея (р. 1822 г., † 1881 г.), Владиміра (р. 1825 г., † 1904 г.), Николая († 1889 г.), Елену (р. 1817 г., † 1831 г.), Марію (р. 1819 г., † 1895 г.; за А. Г. Столыпинымъ и свѣтл. кн. С. М. Воронцовымъ), Ольгу (р. 1820 г.; за М. А. Устиновымъ и Біанко-ди-Энколаде), Софію (р. 1823 г., † 1893 г.; за гр. И. А. Рибопьеромъ), Александру (р. 1827 г., † 1905 г.; за графомъ Ѳ. С. Апраксинымъ и барономъ Карломъ де-Бошъ) и Вѣру (р. 1830 г., † 1861 г.; за графомъ А. Эстергази-де-Галанта).

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 года въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le prince BASILE SERGUÉEWITCH TROUBETZKOÏ, 1776—1841, fils du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï et de la princesse Hélène Vassiliewna, née Nésvitzky († 1831), naquit le 24 mars 1776, et fut enrôlé à l'âge de 5 ans au régiment Préobragensky, d'où il passa trois ans plus tard à la Garde à cheval. Promu cornette en 1793, il prit alors du service effectif, mais, sous-lieutenant le 1er janvier 1796, fut fait le 3 février suivant gentilhomme de la chambre: Paul Ier le fit sortir du régiment, ainsi que tous les gentilshommes de la chambre, et le nomma chambellan actuel en 1798, puis, en 1800, membre du Collège de la Chambre et conseiller privé. Alexandre Ier le laissa chambellan. A l'automne de 1805, il se refit militaire pour marcher contre Napoléon, et fut affecté comme lieutenant au régiment des hussards de Marioupol. Aide de camp de Bagration pendant la campagne d'Autriche, Austerlitz lui valut une épée d'or. En 1806, il était déjà aide de camp de Sa Majesté, colonel et chef d'escadrons aux Chevaliers-Gardes. Il prit encore une part active à la campagne suivante contre Napoléon, fut de toutes les principales batailles jusqu'à Friedland inclusivement, et gagna à Pultusk et à Wolfsdorf St-Vladimir de 4e et 3e classes, à Gutstadt et Heilsberg St-Georges de 4e et 3e classes, le grade de général major, et à Preussisch-Eylau le titre de général aide de camp. Il accompagna ensuite l'Empereur à Tilsitt. En 1809, porteur des instructions Impériales au prince Prozorowsky, chef de l'armée d'opérations contre les Turcs, il fit le début de la campagne, qui lui valut Ste-Anne de 1re classe, St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants, mais, renvoyé par le comte Kamensky, dont il avait critiqué les opérations, il dut rentrer à Pétersbourg à l'été de 1810. En 1812, il est à Vilna près de l'Empereur, et va porter à Moscou la proclamation aux habitants et le manifeste sur la levée en masse, puis prend le commandement de la cavalerie du corps de Wintzingerode. Il fit toute la campagne de 1813/1814 jusqu'à la prise de Paris inclusivement; Bautzen lui valut le grade de général lieutenant, et Leipzig, où il commandait un corps de grenadiers, une épée d'or enrichie de diamants. De 1814 à 1822, il fut constamment aux côtés d'Alexandre dans ses voyages à l'étranger, en particulier aux congrès de Vienne, d'Aix-la-Chapelle et de Vérone. En décembre 1825, il alla à Berlin porter la nouvelle de l'avènement de Nicolas Ier; en 1826, il fut décoré de St-Alexandre Newsky et promu général de cavalerie le jour du couronnement, puis nommé, le 6 décembre, sénateur et président de la Société pour l'Assistance des détenus. Lors de la guerre de Turquie, il fut attaché au quartier général. Il alla ensuite à Londres féliciter Guillaume IV de son avènement. Général gouverneur provisoire de trois quartiers de Pétersbourg lors du choléra de 1831, il devint le 6 décembre 1835 membre du Conseil de l'Empire. Ses dernières années furent consacrées à des œuvres de charité. Il mourut le 10 février 1841, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Au témoignage de Mme Smirnoff, il avait reçu une éducation toute française et était grand amateur de peinture. Il jouissait de l'estime générale. Grand de taille, il était d'une laideur rare, dit la comtesse Frédro, à qui il causait, prétend-elle, une sorte de répulsion. Il avait épousé en 1805 la duchesse de Courlande, Catherine (1781—1839), fille de Pierre Biron et femme divorcée du prince de Rohan, mais la quitta au bout d'un an. Il se remaria en 1812 à une des premières beautés de l'époque, la fille du préfet de police de Vilna, Sophie Andréewna Weiss (1796—1848), dont il eut cinq fils et six filles, Alexandre (1813—1889), Serge (1815—1859), André (1822—1881), Vladimir (1825—1904), Nicolas († 1889), Hélène (1817—1831), Marie (1819—1895), mariée à A. Stolypine et au prince sérénissime S. Worontzoff, Olga (née 1820), à M. Oustinoff et à Bianco di Encolade, Sophie (1823—1893), au comte I. Ribeaupierre, Alexandrine (1827—1905), au comte Th. Apraxine et au baron Charles de Bosch, et Véra (1830—1861), au comte A. Esterhazy de Galanta.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Le prince **BASILE SERGUÉEWITCH TROUBETZKOÏ**, 1776—1841, fils du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï et de la princesse Hélène Vassiliewna, née Nésvitzky († 1831), naquit le 24 mars 1776, et fut enrôlé à l'âge de 5 ans au régiment Préobragensky, d'où il passa trois ans plus tard à la Garde à cheval. Promu cornette en 1793, il prit alors du service effectif, mais, sous-lieutenant le 1er janvier 1796, fut fait le 3 février suivant gentilhomme de la chambre: Paul Ier le fit sortir du régiment, ainsi que tous les gentilshommes de la chambre, et le nomma chambellan actuel en 1798, puis, en 1800, membre du Collège de la Chambre et conseiller privé. Alexandre Ier le laissa chambellan. A l'automne de 1805, il se refit militaire pour marcher contre Napoléon, et fut affecté comme lieutenant au régiment des hussards de Marioupol. Aide de camp de Bagration pendant la campagne d'Autriche, Austerlitz lui valut une épée d'or. En 1806, il était déjà aide de camp de Sa Majesté, colonel et chef d'escadrons aux Chevaliers-Gardes. Il prit encore une part active à la campagne suivante contre Napoléon, fut de toutes les principales batailles jusqu'à Friedland inclusivement, et gagna à Pultusk et à Wolfsdorf St-Vladimir de 4e et 3e classes, à Gutstadt et Heilsberg St-Georges de 4e et 3e classes, le grade de général major, et à Preussisch-Eylau le titre de général aide de camp. Il accompagna ensuite l'Empereur à Tilsitt. En 1809, porteur des instructions Impériales au prince Prozorowsky, chef de l'armée d'opérations contre les Turcs, il fit le début de la campagne, qui lui valut Ste-Anne de 1re classe, St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants, mais, renvoyé par le comte Kamensky, dont il avait critiqué les opérations, il dut rentrer à Pétersbourg à l'été de 1810. En 1812, il est à Vilna près de l'Empereur, et va porter à Moscou la proclamation aux habitants et le manifeste sur la levée en masse, puis prend le commandement de la cavalerie du corps de Wintzingerode. Il fit toute la campagne de 1813/1814 jusqu'à la prise de Paris inclusivement; Bautzen lui valut le grade de général lieutenant, et Leipzig, où il commandait un corps de grenadiers, une épée d'or enrichie de diamants. De 1814 à 1822, il fut constamment aux côtés d'Alexandre dans ses voyages à l'étranger, en particulier aux congrès de Vienne, d'Aix-la-Chapelle et de Vérone. En décembre 1825, il alla à Berlin porter la nouvelle de l'avènement de Nicolas Ier; en 1826, il fut décoré de St-Alexandre Newsky et promu général de cavalerie le jour du couronnement, puis nommé, le 6 décembre, sénateur et président de la Société pour l'Assistance des détenus. Lors de la guerre de Turquie, il fut attaché au quartier général. Il alla ensuite à Londres féliciter Guillaume IV de son avènement. Général gouverneur provisoire de trois quartiers de Pétersbourg lors du choléra de 1831, il devint le 6 décembre 1835 membre du Conseil de l'Empire. Ses dernières années furent consacrées à des œuvres de charité. Il mourut le 10 février 1841, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Au témoignage de Mme Smirnoff, il avait reçu une éducation toute française et était grand amateur de peinture. Il jouissait de l'estime générale. Grand de taille, il était d'une laideur rare, dit la comtesse Frédro, à qui il causait, prétend-elle, une sorte de répulsion. Il avait épousé en 1805 la duchesse de Courlande, Catherine (1781—1839), fille de Pierre Biron et femme divorcée du prince de Rohan, mais la quitta au bout d'un an. Il se remaria en 1812 à une des premières beautés de l'époque, la fille du préfet de police de Vilna, Sophie Andréewna Weiss (1796—1848), dont il eut cinq fils et six filles, Alexandre (1813—1889), Serge (1815—1859), André (1822—1881), Vladimir (1825—1904), Nicolas († 1889), Hélène (1817—1831), Marie (1819—1895), mariée à A. Stolypine et au prince sérénissime S. Worontzoff, Olga (née 1820), à M. Oustinoff et à Bianco di Encolade, Sophie (1823—1893), au comte I. Ribeaupierre, Alexandrine (1827—1905), au comte Th. Apraxine et au baron Charles de Bosch, et Véra (1830—1861), au comte A. Esterhazy de Galanta.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

132

Княгиня **ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ТРУБЕЦКАЯ**, 1781—1839, принцесса Екатерина-Фридерика-Вильгельмина-Бенигна Курляндская, герцогиня Саганская, старшая дочь Петра Бирона, герцога Курляндскаго (р. 1724 г., † 1800 г.), отъ третьяго брака его съ графиней Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.), родилась 8 Февраля 1781 года. На 19 году она была помолвлена за князя А. А. Суворова, сына генералиссимуса; 14 Января 1800 г. Суворовъ просилъ на этотъ бракъ соизволенія Павла I, которое и послѣдовало въ рескриптѣ отъ 14 Февраля. Бракъ, однако, не состоялся, и уже 23 Іюля того же 1800 года принцесса вышла замужъ за генералъ-майора Австрійской службы князя Юлія-Арманда-Людовика де-Рогана-Гемене. Въ томъ же году она лишилась отца и унаслѣдовала отъ него обширное герцогство Саганское, въ Силезіи. 7 Марта 1805 г. бракъ герцогини Саганской съ Роганомъ былъ расторгнутъ, а 5 Мая она вышла вторично за князя Василія Сергѣевича Трубецкого (р. 1776 г., † 1841 г.), и они были обвѣнчаны въ Дрезденѣ, въ церкви русскаго посольства. Этотъ бракъ былъ еще непродолжительнѣе: въ слѣдующемъ 1806 году супруги уже разошлись, такъ какъ княгиня отказалась слѣдовать за мужемъ въ Россію; а такъ какъ князь Трубецкой „рѣшился лучше пожертвовать своей склонностью къ принцессѣ, нежели оставить для нея свое отечество, то, съ его согласія, бракъ былъ расторгнутъ, по именному Е. В. короля Прусскаго Фридриха повелѣнію, въ столичномъ городѣ Берлинѣ, тамошнимъ Камеръ-герихтомъ“. Въ Россіи князь Трубецкой получилъ разводъ отъ Св. Синода только въ 1812 году, а герцогиня 8 Октября 1819 г. вступила въ третій бракъ съ Австрійскимъ камергеромъ графомъ Карломъ-Рудольфомъ Шуленбургомъ. 14 Апрѣля 1827 г. она перешла изъ лютеранства въ католичество.

Герцогиня имѣла безчисленныя любовныя связи и вела самую безпорядочную жизнь, но, по словамъ графини Буань, подъ благороднымъ и приличнымъ видомъ. Въ числѣ ея любовниковъ были: принцъ Людвигъ Прусскій и знаменитый Меттернихъ. Герцогиня и Меттернихъ сошлись въ Дрезденѣ, были вмѣстѣ въ 1814 г. въ Парижѣ, гдѣ и разошлись для новыхъ увлеченій. Меттернихъ въ своихъ письмахъ къ княгинѣ Ливенъ называетъ герцогиню Саганскую „проклятой женщиной“, хотя очень умной и привлекательной, и увѣряетъ, что „никогда ея не любилъ, за что именно она его и любила“. Однако, по свидѣтельству Фридриха Генца, Меттернихъ былъ ея пламеннымъ любовникомъ. Герцогиня Саганская умерла 17/29 Ноября 1839 года.

(Съ миніатюры Даффингера; собственность графини М. Кинской, въ Вѣнѣ.)

132

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ТРУБЕЦКАЯ, 1781—1839, принцесса Екатерина-Фридерика-Вильгельмина-Бенигна Курляндская, герцогиня Саганская, старшая дочь Петра Бирона, герцога Курляндскаго (р. 1724 г., † 1800 г.), отъ третьяго брака его съ графиней Доротеей Медемъ (р. 1761 г., † 1821 г.), родилась 8 Февраля 1781 года. На 19 году она была помолвлена за князя А. А. Суворова, сына генералиссимуса; 14 Января 1800 г. Суворовъ просилъ на этотъ бракъ соизволенія Павла I, которое и послѣдовало въ рескриптѣ отъ 14 Февраля. Бракъ, однако, не состоялся, и уже 23 Іюля того же 1800 года принцесса вышла замужъ за генералъ-майора Австрійской службы князя Юлія-Арманда-Людовика де-Рогана-Гемене. Въ томъ же году она лишилась отца и унаслѣдовала отъ него обширное герцогство Саганское, въ Силезіи. 7 Марта 1805 г. бракъ герцогини Саганской съ Роганомъ былъ расторгнутъ, а 5 Мая она вышла вторично за князя Василія Сергѣевича Трубецкого (р. 1776 г., † 1841 г.), и они были обвѣнчаны въ Дрезденѣ, въ церкви русскаго посольства. Этотъ бракъ былъ еще непродолжительнѣе: въ слѣдующемъ 1806 году супруги уже разошлись, такъ какъ княгиня отказалась слѣдовать за мужемъ въ Россію; а такъ какъ князь Трубецкой „рѣшился лучше пожертвовать своей склонностью къ принцессѣ, нежели оставить для нея свое отечество, то, съ его согласія, бракъ былъ расторгнутъ, по именному Е. В. короля Прусскаго Фридриха повелѣнію, въ столичномъ городѣ Берлинѣ, тамошнимъ Камеръ-герихтомъ“. Въ Россіи князь Трубецкой получилъ разводъ отъ Св. Синода только въ 1812 году, а герцогиня 8 Октября 1819 г. вступила въ третій бракъ съ Австрійскимъ камергеромъ графомъ Карломъ-Рудольфомъ Шуленбургомъ. 14 Апрѣля 1827 г. она перешла изъ лютеранства въ католичество.

Герцогиня имѣла безчисленныя любовныя связи и вела самую безпорядочную жизнь, но, по словамъ графини Буань, подъ благороднымъ и приличнымъ видомъ. Въ числѣ ея любовниковъ были: принцъ Людвигъ Прусскій и знаменитый Меттернихъ. Герцогиня и Меттернихъ сошлись въ Дрезденѣ, были вмѣстѣ въ 1814 г. въ Парижѣ, гдѣ и разошлись для новыхъ увлеченій. Меттернихъ въ своихъ письмахъ къ княгинѣ Ливенъ называетъ герцогиню Саганскую „проклятой женщиной“, хотя очень умной и привлекательной, и увѣряетъ, что „никогда ея не любилъ, за что именно она его и любила“. Однако, по свидѣтельству Фридриха Генца, Меттернихъ былъ ея пламеннымъ любовникомъ. Герцогиня Саганская умерла 17/29 Ноября 1839 года.

(Съ миніатюры Дафингера; собственность графини М. Кинской, въ Вѣнѣ.)

152

La princesse **CATHERINE PÉTROWNA TROUBETZKOÏ**, 1781—1839, née princesse Catherine-Frédérique-Wilhelmine-Bénigne de Courlande, duchesse de Sagan, fille aînée du duc de Courlande Pierre Biron (1724—1800) et de sa troisième femme, la comtesse Dorothée Mehdem (1761—1821), naquit le 8 février 1781. Un mariage projeté pour elle dans sa 19e année avec le fils de Souvoroff, et pour lequel le consentement de Paul Ier, sollicité le 14 janvier 1800, fut obtenu le 14 février, ne se fit pas, et elle épousa le 23 juillet suivant le prince Jules-Armand-Louis de Rohan-Guéménée, général major au service de l'Autriche. Elle perdit son père la même année, et hérita de lui l'immense duché de Sagan, en Silésie. Divorcée le 7 mars 1805, elle se remaria le 5 mai suivant au prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï (1776—1841); la cérémonie eut lieu à Dresde, à l'église de l'ambassade de Russie. Ce second mariage fut encore plus éphémère; on se sépara au bout d'un an seulement: la princesse ayant refusé de suivre son mari en Russie, il se déclara „prêt au sacrifice de son attachement pour elle plutôt que de renoncer à son pays, et le mariage fut dissous sur sa demande, au nom de S. M. le Roi de Prusse Frédéric, à Berlin, par le Tribunal civil de cette capitale". En Russie, le Synode ne prononça le divorce qu'en 1812: la duchesse s'était déjà remariée en troisièmes noces avec le comte Charles-Rodolphe de Schulenbourg, chambellan autrichien. Le 14 avril 1827, elle abjura le protestantisme pour se faire catholique.

La duchesse de Sagan eut une foule de liaisons et mena la vie la plus désordonnée, mais toujours, dit la comtesse de Boigne, en sauvant les apparences. Du nombre de ses amants furent le prince Louis de Prusse et le célèbre Metternich. Elle connut celui-ci à Dresde et le suivit en 1814 à Paris; après quoi ils se séparèrent pour continuer leurs frasques chacun de leur côté. Dans ses lettres à la princesse Lieven, Metternich reconnaît à cette „maudite femme", comme il l'appelle, beaucoup d'esprit et de charme, mais prétend „ne l'avoir jamais aimée, ce qui fut précisément la cause de sa passion pour lui": or il en était féru, au témoignage de Frédéric Hentz. La duchesse de Sagan mourut le 17/29 novembre 1839.

(D'après une miniature de Daffinger, appartenant à la comtesse M. Kinsky, à Vienne.)

152

La princesse **CATHERINE PÉTROWNA TROUBETZKOÏ**, 1781—1839, née princesse Catherine-Frédérique-Wilhelmine-Bénigne de Courlande, duchesse de Sagan, fille aînée du duc de Courlande Pierre Biron (1724—1800) et de sa troisième femme, la comtesse Dorothée Mehdem (1761—1821), naquit le 8 février 1781. Un mariage projeté pour elle dans sa 19e année avec le fils de Souvoroff, et pour lequel le consentement de Paul Ier, sollicité le 14 janvier 1800, fut obtenu le 14 février, ne se fit pas, et elle épousa le 23 juillet suivant le prince Jules-Armand-Louis de Rohan-Guéménée, général major au service de l'Autriche. Elle perdit son père la même année, et hérita de lui l'immense duché de Sagan, en Silésie. Divorcée le 7 mars 1805, elle se remaria le 5 mai suivant au prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï (1776—1841); la cérémonie eut lieu à Dresde, à l'église de l'ambassade de Russie. Ce second mariage fut encore plus éphémère; on se sépara au bout d'un an seulement: la princesse ayant refusé de suivre son mari en Russie, il se déclara „prêt au sacrifice de son attachement pour elle plutôt que de renoncer à son pays, et le mariage fut dissous sur sa demande, au nom de S. M. le Roi de Prusse Frédéric, à Berlin, par le Tribunal civil de cette capitale". En Russie, le Synode ne prononça le divorce qu'en 1812: la duchesse s'était déjà remariée en troisièmes noces avec le comte Charles-Rodolphe de Schulenbourg, chambellan autrichien. Le 14 avril 1827, elle abjura le protestantisme pour se faire catholique.

La duchesse de Sagan eut une foule de liaisons et mena la vie la plus désordonnée, mais toujours, dit la comtesse de Boigne, en sauvant les apparences. Du nombre de ses amants furent le prince Louis de Prusse et le célèbre Metternich. Elle connut celui-ci à Dresde et le suivit en 1814 à Paris; après quoi ils se séparèrent pour continuer leurs frasques chacun de leur côté. Dans ses lettres à la princesse Lieven, Metternich reconnaît à cette „maudite femme", comme il l'appelle, beaucoup d'esprit et de charme, mais prétend „ne l'avoir jamais aimée, ce qui fut précisément la cause de sa passion pour lui": or il en était féru, au témoignage de Frédéric Hentz. La duchesse de Sagan mourut le 17/29 novembre 1839.

(D'après une miniature de Daffinger, appartenant à la comtesse M. Kinsky, à Vienne.)

133

Графъ ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛОВИНЪ, 1776—1821, сынъ секундъ-майора графа Сергѣя Ѳедоровича Головина (р. 1738 г., † 1786 г.), отъ брака его съ графиней Клеопатрой Платоновной Мусиной-Пушкиной (р. 1739 г., † 1785 г.), сестрой фельдмаршала графа Валентина Платоновича, родился 9 Ноября 1776 года. О службѣ его никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Онъ жилъ обыкновенно въ своемъ имѣніи Ивановскомъ, близъ Новгорода. За нимъ, вмѣстѣ съ женою, было около 9000 душъ крестьянъ. По семейному преданію, Головинъ въ 1812 г. повелъ на войну почти двѣ тысячи своихъ крестьянъ, обмундировавъ ихъ на свой счетъ.

Скончался графъ И. С. Головинъ 7 Октября 1821 г. и погребенъ въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ. Отъ брака съ Анастасіей Ивановной Воронцовой (р. 1782 г., † 1836 г.) Головинъ имѣлъ единственнаго сына Ѳедора и 3 дочерей: Екатерину (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатру (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталію (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

133

Графъ ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛОВИНЪ, 1776—1821, сынъ секундъ-майора графа Сергѣя Ѳедоровича Головина (р. 1738 г., † 1786 г.), отъ брака его съ графиней Клеопатрой Платоновной Мусиной-Пушкиной (р. 1739 г., † 1785 г.), сестрой фельдмаршала графа Валентина Платоновича, родился 9 Ноября 1776 года. О службѣ его никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Онъ жилъ обыкновенно въ своемъ имѣніи Ивановскомъ, близъ Новгорода. За нимъ, вмѣстѣ съ женою, было около 9000 душъ крестьянъ. По семейному преданію, Головинъ въ 1812 г. повелъ на войну почти двѣ тысячи своихъ крестьянъ, обмундировавъ ихъ на свой счетъ.

Скончался графъ И. С. Головинъ 7 Октября 1821 г. и погребенъ въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ. Отъ брака съ Анастасіей Ивановной Воронцовой (р. 1782 г., † 1836 г.) Головинъ имѣлъ единственнаго сына Ѳедора и 3 дочерей: Екатерину (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатру (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталію (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

133

Le comte **IVAN SERGUÉEWITCH GOLOVINE**, 1776—1821, fils du comte Serge Féodorowitch Golovine (1758—1786), second major, et de Cléopâtre Platonowna, née comtesse Moussine-Pouchkine (1759—1785) et sœur du feld-maréchal, naquit le 9 novembre 1776. On ne sait rien de sa carrière. Sa résidence ordinaire fut sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Il avait avec sa femme environ 9000 têtes de paysans. Une tradition de famille le représente conduisant à la guerre de 1812 une troupe de près de 2000 d'entre eux, équipée à ses frais. Il mourut le 7 octobre 1821, et fut inhumé au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Le comte Golovine avait épousé Anastasie Ivanowna Worontzoff (1782—1856), dont il eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

133

Le comte **IVAN SERGUÉEWITCH GOLOVINE**, 1776—1821, fils du comte Serge Féodorowitch Golovine (1738—1786), second major, et de Cléopâtre Platonowna, née comtesse Moussine-Pouchkine (1759—1785) et sœur du feld-maréchal, naquit le 9 novembre 1776. On ne sait rien de sa carrière. Sa résidence ordinaire fut sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Il avait avec sa femme environ 9000 têtes de paysans. Une tradition de famille le représente conduisant à la guerre de 1812 une troupe de près de 2000 d'entre eux, équipée à ses frais. Il mourut le 7 octobre 1821, et fut inhumé au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Le comte Golovine avait épousé Anastasie Ivanowna Worontzoff (1782—1836), dont il eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

134

Графиня АНАСТАСІЯ ИВАНОВНА ГОЛОВИНА, 1782—1836, дочь Ивана Алексѣевича Воронцова, двоюроднаго племянника графовъ Романа и Михаила Иларіоновичей Воронцовыхъ, отъ брака его съ Екатериной Петровной Евреиновой, жена графа Ивана Сергѣевича Головина (р. 1776 г., † 1821 г.), родилась 3 Декабря 1782 года; скончалась она 13 Апрѣля 1836 года въ Петербургѣ и погребена въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

Послѣ выхода замужъ графиня Головина большую часть своей жизни прожила въ имѣніи своемъ Ивановскомъ, близъ Новгорода. У нея былъ единственный сынъ Өедоръ и три дочери: Екатерина (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатра (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталія (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

134

Графиня АНАСТАСІЯ ИВАНОВНА ГОЛОВИНА, 1782—1836, дочь Ивана Алексѣевича Воронцова, двоюроднаго племянника графовъ Романа и Михаила Илларіоновичей Воронцовыхъ, отъ брака его съ Екатериной Петровной Евреиновой, жена графа Ивана Сергѣевича Головина (р. 1776 г., † 1821 г.), родилась 3 Декабря 1782 года; скончалась она 13 Апрѣля 1836 года въ Петербургѣ и погребена въ Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

Послѣ выхода замужъ графиня Головина большую часть своей жизни прожила въ имѣніи своемъ Ивановскомъ, близъ Новгорода. У нея былъ единственный сынъ Ѳедоръ и три дочери: Екатерина (р. 1801 г., † 1877 г.; въ замужствѣ за Александромъ Лазаревичемъ Вуичемъ), Клеопатра (р. 1804 г., † 1827 г.; за Арсеніемъ Васильевичемъ Семевскимъ) и Наталія (р. 1810 г., † 1875 г.; за Лутовиновымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1905 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

134

La comtesse ANASTASIE IVANOWNA GOLOVINE, 1782—1836, fille d'Ivan Alexéewitch Worontzoff, cousin issu de germain des comtes Romain et Michel Ilarionowitch Worontzoff, et de Catherine Pétrowna, née Evréinoff, était femme du comte Ivan Serguéewitch Golovine (1776—1821). Née le 3 décembre 1782, elle mourut le 15 avril 1836 à Pétersbourg, et fut inhumée près de son mari au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Après son mariage, elle habita presque constamment sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Elle eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1905 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

134

La comtesse ANASTASIE IVANOWNA GOLOVINE, 1782—1836, fille d'Ivan Alexéewitch Worontzoff, cousin issu de germain des comtes Romain et Michel Ilarionowitch Worontzoff, et de Catherine Pétrowna, née Evréinoff, était femme du comte Ivan Serguéewitch Golovine (1776—1821). Née le 3 décembre 1782, elle mourut le 15 avril 1836 à Pétersbourg, et fut inhumée près de son mari au monastère de femmes du Saint-Esprit, à Novgorod.

Après son mariage, elle habita presque constamment sa propriété d'Ivanowskoïé, près Novgorod. Elle eut un fils unique, Théodore, et trois filles, Catherine (1801—1877), mariée à Alexandre Lazarewitch Vouitch, Cléopâtre (1804—1827), à Arsène Vassiliewitch Sémewsky, et Natalie (1810—1875), à Loutovinoff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1905 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

135

Князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ, 1762—1831, сынъ гвардіи капитана князя Петра Михайловича (р. 1724 г., † 176 . г.), отъ брака съ Натальей Павловной Балкъ-Полевой (р. 1726 г., † 1791 г.), родился 3 Февраля 1762 г. и въ 1767 г. былъ опредѣленъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда въ 1782 г. выпущенъ поручикомъ въ армію. Произведенный въ томъ же году въ капитаны, онъ въ слѣдующемъ году переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1784 г. Щербатовъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1793 г. въ дѣйствительные камергеры.

Въ 1796 г. князь П. П. Щербатовъ назначенъ былъ герольдмейстеромъ, въ 1798 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, а въ 1800 г. уволенъ въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Щербатовъ состоялъ также почетнымъ опекуномъ по Петербургскому присутствію Опекунскаго совѣта и имѣлъ ордена св. Анны 1 ст., Александра Невскаго и Іоанна Іерусалимскаго. Онъ скончался 21 Марта 1831 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Князь П. П. Щербатовъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала графинѣ Анастасіи Валентиновнѣ Мусиной-Пушкиной (р. 1774 г., † 1841 г.) и имѣлъ трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1905 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

135

Князь ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ, 1762—1831, сынъ гвардіи капитана князя Петра Михайловича (р. 1724 г., † 176 . г.), отъ брака съ Натальей Павловной Балкъ-Полевой (р. 1726 г., † 1791 г.), родился 3 Февраля 1762 г. и въ 1767 г. былъ опредѣленъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда въ 1782 г. выпущенъ поручикомъ въ армію. Произведенный въ томъ же году въ капитаны, онъ въ слѣдующемъ году переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1784 г. Щербатовъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1793 г. въ дѣйствительные камергеры.

Въ 1796 г. князь П. П. Щербатовъ назначенъ былъ герольдмейстеромъ, въ 1798 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, а въ 1800 г. уволенъ въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Щербатовъ состоялъ также почетнымъ опекуномъ по Петербургскому присутствію Опекунскаго совѣта и имѣлъ ордена св. Анны 1 ст., Александра Невскаго и Іоанна Іерусалимскаго. Онъ скончался 21 Марта 1831 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Князь П. П. Щербатовъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала графинѣ Анастасіи Валентиновнѣ Мусиной-Пушкиной (р. 1774 г., † 1841 г.) и имѣлъ трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1903 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

135

Le prince **PAUL PÉTROWITCH CHTCHERBATOFF**, 1762—1831, fils du prince Pierre Mikhaïlowitch Chtcherbatoff (1724—176 .), capitaine de la Garde, et de Natalie Pavlowna, née Balk-Poleff (1726—1791), naquit le 3 février 1762, et entra en 1767 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1782 lieutenant à l'Armée. Capitaine la même année, il permuta l'année suivante lieutenant au régiment Préobragensky. Il fut fait en 1784 gentilhomme de la chambre, et en 1793 chambellan actuel.

Président de la chambre héraldique en 1796, et sénateur en 1798 avec rang de conseiller privé, il prit sa retraite en 1800 avec rang de conseiller privé actuel. Il était aussi tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg, et décoré de Ste-Anne de 1re classe, de St-Alexandre Newsky et de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il mourut le 21 mars 1831, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit.

Le prince Chtcherbatoff avait épousé la comtesse Anastasie Valentinowna Moussine-Pouchkine (1774—1841), fille du feld-maréchal, dont il eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Shakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

135

Le prince **PAUL PÉTROWITCH CHTCHERBATOFF**, 1762—1851, fils du prince Pierre Mikhaïlowitch Chtcherbatoff (1724—176 .), capitaine de la Garde, et de Natalie Pavlowna, née Balk-Poleff (1726—1791), naquit le 5 février 1762, et entra en 1767 au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1782 lieutenant à l'Armée. Capitaine la même année, il permuta l'année suivante lieutenant au régiment Préobragensky. Il fut fait en 1784 gentilhomme de la chambre, et en 1793 chambellan actuel.

Président de la chambre héraldique en 1796, et sénateur en 1798 avec rang de conseiller privé, il prit sa retraite en 1800 avec rang de conseiller privé actuel. Il était aussi tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg, et décoré de Ste-Anne de 1re classe, de St-Alexandre Newsky et de Saint-Jean-de-Jérusalem. Il mourut le 21 mars 1851, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit.

Le prince Chtcherbatoff avait épousé la comtesse Anastasie Valentinowna Moussine-Pouchkine (1774—1841), fille du feld-maréchal, dont il eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1905 au prince A. Shakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

136

Княгиня АНАСТАСІЯ ВАЛЕНТИНОВНА ЩЕРБАТОВА, 1774—1841, дочь генералъ-фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина (р. 1735 г., † 1804 г.), отъ брака его съ княжной Прасковьей Васильевной Долгорукой (дочь князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго; р. 1754 г., † 1826 г.), жена сенатора, действительнаго тайнаго совѣтника князя Павла Петровича Щербатова (р. 1762 г., † 1831 г.), родилась 7 Января 1774 года.

При Екатеринѣ II была фрейлиной, а 18 Апрѣля 1816 г. пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Скончалась княгиня А. В. Щербатова 6 Марта 1841 г. и погребена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ. Имѣла трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; замужемъ за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1905 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

136

Княгиня АНАСТАСІЯ ВАЛЕНТИНОВНА ЩЕРБАТОВА, 1774—1841, дочь генералъ-фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина (р. 1735 г., † 1804 г.), отъ брака его съ княжной Прасковьей Васильевной Долгорукой (дочь князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго; р. 1754 г., † 1826 г.), жена сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Павла Петровича Щербатова (р. 1762 г., † 1831 г.), родилась 7 Января 1774 года.

При Екатеринѣ II была фрейлиной, а 18 Апрѣля 1816 г. пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Скончалась княгиня А. В. Щербатова 6 Марта 1841 г. и погребена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ. Имѣла трехъ дочерей: Прасковью (р. 1795 г., † 1820 г.; въ замужствѣ за княземъ Борисомъ Николаевичемъ Юсуповымъ), Марію (р. и † 1797 г.) и Наталью (р. 1801 г., † 1868 г.; замужемъ за графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ).

(Съ портрета О. Кипренскаго; принадлежалъ [въ 1905 г.] князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губерніи.)

136

La princesse ANASTASIE VALENTINOWNA CHTCHERBATOFF, 1774—1841, femme du prince Paul Pétrowitch Chtcherbatoff (1762—1831), conseiller privé actuel et sénateur, fille du comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine (1735—1804), général feld-maréchal, et de Prascovie Vassiliewna, née princesse Dolgorouky (1754—1826) et fille du prince B. Dolgorouky-Krymsky, naquit le 7 janvier 1774. Elle fut demoiselle d'honneur de Catherine II, et fut faite dame de Ste-Catherine le 18 avril 1816. Elle mourut le 6 mars 1841, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Elle eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

136

La princesse ANASTASIE VALENTINOWNA CHTCHERBATOFF, 1774—1841, femme du prince Paul Pétrowitch Chtcherbatoff (1762—1831), conseiller privé actuel et sénateur, fille du comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine (1735—1804), général feld-maréchal, et de Prascovie Vassiliewna, née princesse Dolgorouky (1754—1826) et fille du prince B. Dolgorouky-Krymsky, naquit le 7 janvier 1774. Elle fut demoiselle d'honneur de Catherine II, et fut faite dame de Ste-Catherine le 18 avril 1816. Elle mourut le 6 mars 1841, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Elle eut trois filles, Prascovie (1795—1820), mariée au prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, Marie (née et † 1797), et Natalie (1801—1868), mariée au comte Alexandre Nikolaewitch Zouboff.

(D'après un original de Kiprensky, ayant appartenu en 1903 au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

137

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА ХВОСТОВА, 17..—18.., дочь генерала Николая Дмитріевича Арсеньева (р. 1754 г., † 1796 г.), отъ брака его съ Вѣрой Ивановной Ушаковой, третья жена сенатора, тайнаго совѣтника Василія Семеновича Хвостова (р. 1754 г., † 1832 г.); отъ этого брака Д. Н. Хвостова имѣла двоихъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

137

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА ХВОСТОВА, 17..—18.., дочь генерала Николая Дмитріевича Арсеньева (р. 1754 г., † 1796 г.), отъ брака его съ Вѣрой Ивановной Ушаковой, третья жена сенатора, тайнаго совѣтника Василія Семеновича Хвостова (р. 1754 г., † 1832 г.); отъ этого брака Д. Н. Хвостова имѣла двоихъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

137

DARIA NIKOLAEWNA KHVOSTOFF, 17 . .—18 . ., fille du général Nicolas Dmitriewitch Arsénieff (1754—1796) et de Véra Ivanowna, née Ouchakoff, était la troisième femme du conseiller privé et sénateur Basile Sémenowitch Khvostoff (1754—1832). Elle eut de ce mariage deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

137

DARIA NIKOLAEWNA KHVOSTOFF, 17 . . — 18 . ., fille du général Nicolas Dmitriewitch Arsénieff (1754—1796) et de Véra Ivanowna, née Ouchakoff, était la troisième femme du conseiller privé et sénateur Basile Sémenowitch Khvostoff (1754—1832). Elle eut de ce mariage deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ, 1754—1832, сынъ небогатаго Гдовскаго помѣщика, секундъ-майора Семена Васильевича († 1770 г.), отъ брака съ Дарьей Ивановной Головцыной († 1770 г.), родился 24 Декабря 1754 года. Образованіе получилъ въ Петербургской гимназіи, которую окончилъ въ 1772 г., со званіемъ студента, поступилъ въ секретари къ Г. Г. Орлову, который опредѣлилъ его въ артиллерію сержантомъ и назначилъ аудиторомъ во 2-й канонирскій полкъ. Хвостову удалось пріобрѣсти расположеніе также и преемника Орлова по управленію артиллеріей, И. И. Меллера, и его брата, Б. П. Меллера, своего непосредственнаго начальника. Когда послѣдній получилъ назначеніе на постъ начальника Колыванскаго края, Хвостовъ рѣшилъ слѣдовать за нимъ въ Сибирь и въ 1779 г., выйдя изъ артиллеріи, съ чиномъ капитана, зачисленъ былъ въ конную роту Колыванскаго горнаго баталіона. Въ 1782 г. онъ былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ объ устройствѣ новаго областного управленія и получилъ за это золотую табакерку съ сотней червонцевъ. Въ 1783 г., переименованный въ надворные совѣтники, Хвостовъ былъ назначенъ совѣтникомъ Колыванской гражданской палаты, а въ слѣдующемъ году женился на дочери Б. П. Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1788 г. Хвостовъ перешелъ на мѣсто совѣтника губернскаго правленія, а черезъ 2 года рѣшилъ переѣхать въ Европейскую Россію. Во время службы въ Сибири онъ пристрастился къ минералогіи и собралъ довольно большую коллекцію, которую по возвращеніи въ Петербургъ продалъ Академіи Наукъ за 4/т. рублей. Послѣ неудачныхъ хлопотъ получить мѣсто въ Перми по горной части, Хвостовъ поселился въ своемъ Гдовскомъ имѣніи, Нѣжовѣ. Желаніе увидѣться со старшимъ братомъ, занимавшимъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ (они не видѣлись болѣе 10 лѣтъ), побудило его опредѣлиться въ 1793 г. кавалеромъ въ чрезвычайное посольство въ Турцію, во главѣ котораго стоялъ М. И. Кутузовъ. По возвращеніи изъ Турціи Хвостовъ лишился жены въ 1795 г. и вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника. Съ 1796 по 1799 г. онъ служилъ по выборамъ Гдовскимъ предводителемъ дворянства. Въ Февралѣ 1800 г. Хвостовъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Александровной Колюбакиной, но 23 Ноября 1801 г. лишился и второй жены, умершей отъ родовъ. Послѣ ея смерти онъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы опять поступить на службу. Здѣсь онъ нашелъ покровителей въ лицѣ графа П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцова, но все-таки его хлопоты получить мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода не увѣнчались успѣхомъ. Хорошо знакомый съ Сибирью, онъ сталъ тогда хлопотать о мѣстѣ губернатора во вновь учрежденную Томскую губернію, и въ 1803 г. назначенъ Томскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вслѣдствіе непріятностей съ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, Хвостовъ въ 1808 году былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ увозѣ поселенки, незаконныхъ поборахъ и медленномъ исполненіи предписанія генералъ-губернатора. Указомъ 9 Іюня 1808 г. повелѣно было разсмотрѣть его дѣло въ Сенатѣ, откуда оно перешло въ Государственный Совѣтъ. Большинство сенаторовъ и Государственный Совѣтъ признали Хвостова невиновнымъ, и только 4 сенатора находили необходимымъ сдѣлать ему выговоръ за медленное исполненіе предписаній начальства. Государь утвердилъ 29 Августа 1814 г. мнѣніе 4 сенаторовъ, но вмѣнилъ судъ въ наказаніе. Хвостовъ, желая быть вполнѣ оправданнымъ, подалъ прошеніе на Высочайшее имя, и въ 1820 г. Александръ I поручилъ Сперанскому разсмотрѣть его дѣло. Сперанскій призналъ Хвостова невиновнымъ и считалъ справедливымъ вознаградить его. Въ Мартѣ 1822 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Хвостовъ до глубокой старости сохранилъ свои силы и въ годъ смерти написалъ для своихъ дѣтей „Записки“ (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г.). Скончался онъ 27 Августа 1832 года. Хвостовъ былъ женатъ трижды. Отъ перваго брака онъ имѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умерли въ младенчествѣ, кромѣ сына Николая (р. 1795 г., † 1837 г.), а отъ третьяго брака съ Дарьей Николаевной Арсеньевой—двухъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

Вигель, познакомившійся съ Хвостовымъ въ Томскѣ, дѣлаетъ такую его характеристику: „Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже, не медленно.... Былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія. Человѣкъ прекрасный, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ незанимательны“.

(Съ портрета Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ, 1754—1832, сынъ небогатаго Гдовскаго помѣщика, секундъ-майора Семена Васильевича († 1770 г.), отъ брака съ Дарьей Ивановной Головцыной († 1770 г.), родился 24 Декабря 1754 года. Образованіе получилъ въ Петербургской гимназіи, которую окончилъ въ 1772 г., со званіемъ студента, поступилъ въ секретари къ Г. Г. Орлову, который опредѣлилъ его въ артиллерію сержантомъ и назначилъ аудиторомъ во 2-й канонирскій полкъ. Хвостову удалось пріобрѣсти расположеніе также и преемника Орлова по управленію артиллеріей, И. И. Меллера, и его брата, Б. П. Меллера, своего непосредственнаго начальника. Когда послѣдній получилъ назначеніе на постъ начальника Колыванскаго края, Хвостовъ рѣшилъ слѣдовать за нимъ въ Сибирь и въ 1779 г., выйдя изъ артиллеріи, съ чиномъ капитана, зачисленъ былъ въ конную роту Колыванскаго горнаго баталіона. Въ 1782 г. онъ былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ объ устройствѣ новаго областного управленія и получилъ за это золотую табакерку съ сотней червонцевъ. Въ 1783 г., переименованный въ надворные совѣтники, Хвостовъ былъ назначенъ совѣтникомъ Колыванской гражданской палаты, а въ слѣдующемъ году женился на дочери Б. П. Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1788 г. Хвостовъ перешелъ на мѣсто совѣтника губернскаго правленія, а черезъ 2 года рѣшилъ переѣхать въ Европейскую Россію. Во время службы въ Сибири онъ пристрастился къ минералогіи и собралъ довольно большую коллекцію, которую по возвращеніи въ Петербургъ продалъ Академіи Наукъ за 4/т. рублей. Послѣ неудачныхъ хлопотъ получить мѣсто въ Перми по горной части, Хвостовъ поселился въ своемъ Гдовскомъ имѣніи, Пѣжовѣ. Желаніе увидѣться со старшимъ братомъ, занимавшимъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ (они не видѣлись болѣе 10 лѣтъ), побудило его опредѣлиться въ 1793 г. кавалеромъ въ чрезвычайное посольство въ Турцію, во главѣ котораго стоялъ М. И. Кутузовъ. По возвращеніи изъ Турціи Хвостовъ лишился жены въ 1795 г. и вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника. Съ 1796 по 1799 г. онъ служилъ по выборамъ Гдовскимъ предводителемъ дворянства. Въ Февралѣ 1800 г. Хвостовъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Александровной Колюбакиной, но 23 Ноября 1801 г. лишился и второй жены, умершей отъ родовъ. Послѣ ея смерти онъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы опять поступить на службу. Здѣсь онъ нашелъ покровителей въ лицѣ графа П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцова, но все-таки его хлопоты получить мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода не увѣнчались успѣхомъ. Хорошо знакомый съ Сибирью, онъ сталъ тогда хлопотать о мѣстѣ губернатора во вновь учрежденную Томскую губернію, и въ 1803 г. назначенъ Томскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вслѣдствіе непріятностей съ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, Хвостовъ въ 1808 году былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ увозѣ поселенки, незаконныхъ поборахъ и медленномъ исполненіи предписанія генералъ-губернатора. Указомъ 9 Іюня 1808 г. повелѣно было разсмотрѣть его дѣло въ Сенатѣ, откуда оно перешло въ Государственный Совѣтъ. Большинство сенаторовъ и Государственный Совѣтъ признали Хвостова невиновнымъ, и только 4 сенатора находили необходимымъ сдѣлать ему выговоръ за медленное исполненіе предписаній начальства. Государь утвердилъ 29 Августа 1814 г. мнѣніе 4 сенаторовъ, но вмѣнилъ судъ въ наказаніе. Хвостовъ, желая быть вполнѣ оправданнымъ, подалъ прошеніе на Высочайшее имя, и въ 1820 г. Александръ I поручилъ Сперанскому разсмотрѣть его дѣло. Сперанскій призналъ Хвостова невиновнымъ и считалъ справедливымъ вознаградить его. Въ Мартѣ 1822 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Хвостовъ до глубокой старости сохранилъ свои силы и въ годъ смерти написалъ для своихъ дѣтей „Записки“ (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г.). Скончался онъ 27 Августа 1832 года. Хвостовъ былъ женатъ трижды. Отъ перваго брака онъ имѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умерли въ младенчествѣ, кромѣ сына Николая (р. 1793 г., † 1837 г.), а отъ третьяго брака съ Дарьей Николаевной Арсеньевой—двухъ сыновей, Александра (р. 1809 г., † 1861 г.) и Дмитрія (р. 1811 г., † 1860 г.), и дочь Елизавету.

Вигель, познакомившійся съ Хвостовымъ въ Томскѣ, дѣлаетъ такую его характеристику: „Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже, не медленно.... Былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія. Человѣкъ прекрасный, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ незанимательны“.

(Съ портрета Кипренскаго, 1814 г.; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

BASILE SÉMENOWITCH KHVOSTOFF, 1754—1832, fils d'un petit propriétaire de Gdowsk, le second major Simon Vassiliewitch Khvostoff († 1770), et de Daria Ivanowna, née Golovtzyne († 1770), naquit le 24 décembre 1754. Il fit ses études au gymnase de St-Pétersbourg, d'où il sortit en 1772 avec le titre d'étudiant, et devint alors secrétaire de Grégoire Orloff, qui l'enrôla sergent d'artillerie et le nomma auditeur au 2e régiment de canonniers. Il sut se faire bien voir également du successeur d'Orloff à la direction de l'artillerie, Ivan Möller, ainsi que de son frère Boris Möller. Lorsque celui-ci, sous les ordres immédiats duquel il se trouvait, devint gouverneur de la région de Kolyvan, il résolut de le suivre en Sibérie, et, en 1779, donna sa démission de capitaine d'artillerie pour prendre du service à la compagnie montée du bataillon de mineurs de Kolyvan. Envoyé en 1782 à Pétersbourg avec le rapport sur l'organisation de l'administration de la nouvelle région, il reçut une tabatière en or et cent ducats. Il permuta l'année suivante conseiller de cour et fut nommé conseiller au tribunal civil de Kolyvan, et épousa un an après la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Conseiller à l'administration régionale en 1788, il résolut deux ans plus tard de revenir en Russie d'Europe. Grand amateur de minéralogie, il rapporta de Sibérie une collection assez considérable, qu'il vendit 4000 roubles à l'Académie des Sciences à son retour à Pétersbourg. Après des démarches infructueuses pour se faire nommer au service des mines à Perm, il alla se fixer à Néjovo, sa propriété de Gdowsk. Le désir de revoir son frère, chargé d'affaires à Constantinople, qu'il n'avait pas vu depuis plus de dix ans, le fit entrer en 1793 chevalier à l'ambassade extraordinaire de Koutouzoff en Turquie. A son retour, il perdit sa femme en 1795 et prit sa retraite avec rang de conseiller d'état; il fut de 1796 à 1799 maréchal de la noblesse de Gdowsk. Il se remaria en février 1800 avec Catherine Alexandrowna Kolubiakine, qui mourut en couches le 23 novembre 1801. Il vint alors reprendre du service à Pétersbourg, où il trouva des protecteurs dans la personne du comte Paul Stroganoff et N. Novossiltzoff, mais sans réussir à se faire nommer procureur général du Saint Synode. Arguant de sa connaissance de la Sibérie, il sollicita ensuite le poste de gouverneur du nouveau gouvernement de Tomsk, et l'obtint en 1803 avec rang de conseiller d'état actuel. A la suite de démêlés avec le gouverneur général de la Sibérie, Pöstel, il fut traduit en justice en 1808 sous la prévention d'enlèvement d'une émigrante, de perceptions illégales et de lenteurs dans l'exécution des instructions du gouverneur général. Par oukaze du 9 juin 1808, l'affaire fut soumise au Sénat, d'où elle passa au Conseil de l'Empire. La majorité du Sénat et le Conseil de l'Empire le reconnurent innocent: quatre sénateurs crurent toutefois devoir lui infliger un blâme pour lenteur dans l'exécution de ses instructions. L'Empereur confirma, mais déclara les poursuites suffisantes comme châtiment. Khvostoff, voulant une entière justification, déposa une requête au nom de Sa Majesté, et en 1820, l'Empereur remit l'affaire à l'examen de Spéransky, qui le déclara innocent et lui reconnut des droits à un dédommagement: en mars 1822, il fut nommé sénateur et promu conseiller privé. Valide jusqu'à une vieillesse avancée, il rédigea pour ses enfants l'année de sa mort des Mémoires, publiés en 1870 dans l'Archive Russe. Il mourut le 27 août 1832.

Khvostoff fut marié trois fois. Il eut de son premier mariage plusieurs enfants, tous morts en bas âge, sauf un, Nicolas (1793—1857), et du troisième, avec Daria Nikolaewna Arsénieff, deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

„Obèse et trapu, grave et judicieux“, dit Wiegel, qui le connut à Tomsk, „il avait la face cramoisie, la parole douce et mesurée, l'action réfléchie, mais sans lenteur.... Avec ses principes des plus rigoureux et sa haute philanthropie, c'était une nature d'élite, mais il était trop sérieux, et sa conversation me semblait dénuée d'intérêt“.

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

BASILE SÉMENOWITCH KHVOSTOFF, 1754—1832, fils d'un petit propriétaire de Gdowsk, le second major Simon Vassiliewitch Khvostoff († 1770), et de Daria Ivanowna, née Golovtzyne († 1770), naquit le 24 décembre 1754. Il fit ses études au gymnase de St-Pétersbourg, d'où il sortit en 1772 avec le titre d'étudiant, et devint alors secrétaire de Grégoire Orloff, qui l'enrôla sergent d'artillerie et le nomma auditeur au 2e régiment de canonniers. Il sut se faire bien voir également du successeur d'Orloff à la direction de l'artillerie, Ivan Möller, ainsi que de son frère Boris Möller. Lorsque celui-ci, sous les ordres immédiats duquel il se trouvait, devint gouverneur de la région de Kolyvan, il résolut de le suivre en Sibérie, et, en 1779, donna sa démission de capitaine d'artillerie pour prendre du service à la compagnie montée du bataillon de mineurs de Kolyvan. Envoyé en 1782 à Pétersbourg avec le rapport sur l'organisation de l'administration de la nouvelle région, il reçut une tabatière en or et cent ducats. Il permuta l'année suivante conseiller de cour et fut nommé conseiller au tribunal civil de Kolyvan, et épousa un an après la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Conseiller à l'administration régionale en 1788, il résolut deux ans plus tard de revenir en Russie d'Europe. Grand amateur de minéralogie, il rapporta de Sibérie une collection assez considérable, qu'il vendit 4000 roubles à l'Académie des Sciences à son retour à Pétersbourg. Après des démarches infructueuses pour se faire nommer au service des mines à Perm, il alla se fixer à Néjovo, sa propriété de Gdowsk. Le désir de revoir son frère, chargé d'affaires à Constantinople, qu'il n'avait pas vu depuis plus de dix ans, le fit entrer en 1793 chevalier à l'ambassade extraordinaire de Koutouzoff en Turquie. A son retour, il perdit sa femme en 1795 et prit sa retraite avec rang de conseiller d'état; il fut de 1796 à 1799 maréchal de la noblesse de Gdowsk. Il se remaria en février 1800 avec Catherine Alexandrowna Kolubiakine, qui mourut en couches le 23 novembre 1801. Il vint alors reprendre du service à Pétersbourg, où il trouva des protecteurs dans la personne du comte Paul Stroganoff et N. Novossiltzoff, mais sans réussir à se faire nommer procureur général du Saint Synode. Arguant de sa connaissance de la Sibérie, il sollicita ensuite le poste de gouverneur du nouveau gouvernement de Tomsk, et l'obtint en 1803 avec rang de conseiller d'état actuel. A la suite de démêlés avec le gouverneur général de la Sibérie, Pöstel, il fut traduit en justice en 1808 sous la prévention d'enlèvement d'une émigrante, de perceptions illégales et de lenteurs dans l'exécution des instructions du gouverneur général. Par oukaze du 9 juin 1808, l'affaire fut soumise au Sénat, d'où elle passa au Conseil de l'Empire. La majorité du Sénat et le Conseil de l'Empire le reconnurent innocent: quatre sénateurs crurent toutefois devoir lui infliger un blâme pour lenteur dans l'exécution de ses instructions. L'Empereur confirma, mais déclara les poursuites suffisantes comme châtiment. Khvostoff, voulant une entière justification, déposa une requête au nom de Sa Majesté, et en 1820, l'Empereur remit l'affaire à l'examen de Spéransky, qui le déclara innocent et lui reconnut des droits à un dédommagement: en mars 1822, il fut nommé sénateur et promu conseiller privé. Valide jusqu'à une vieillesse avancée, il rédigea pour ses enfants l'année de sa mort des Mémoires, publiés en 1870 dans l'Archive Russe. Il mourut le 27 août 1832.

Khvostoff fut marié trois fois. Il eut de son premier mariage plusieurs enfants, tous morts en bas âge, sauf un, Nicolas (1793—1837), et du troisième, avec Daria Nikolaewna Arsénieff, deux fils, Alexandre (1809—1861) et Dmitri (1811—1860), et une fille, Elisabeth.

„Obèse et trapu, grave et judicieux“, dit Wiegel, qui le connut à Tomsk, „il avait la face cramoisie, la parole douce et mesurée, l'action réfléchie, mais sans lenteur.... Avec ses principes des plus rigoureux et sa haute philanthropie, c'était une nature d'élite, mais il était trop sérieux, et sa conversation me semblait dénuée d'intérêt“.

(D'après l'original de Kiprensky, 1814, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

139

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА УВАРОВА, 1783—1849, младшая изъ двухъ дочерей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (р. 1748 г., † 1822 г.), отъ брака его съ графиней Варварой Петровной Шереметевой (р. 1750 г., † 1824 г.), родилась 5 Января 1783 года. Ей не было еще и двухъ лѣтъ, когда мать ея была удалена изъ отцовскаго дома, и она, съ сестрою своей Варварой (впослѣдствіи княгиней Репниной), осталась на попеченіи одной няни-нѣмки. Когда ей минуло 8 лѣтъ, а старшей сестрѣ ея 13 лѣтъ, отецъ взялъ для нихъ гувернантку, по происхожденію швейцарку, Mlle Calame (тетку извѣстнаго пейзажиста). Новая воспитательница молодыхъ графинь оказалась женщиной высокой нравственности, умной, съ твердымъ характеромъ и отличнымъ сердцемъ. Она сумѣла скрыть отъ своихъ воспитанницъ неправильности семейныхъ отношеній ихъ родителей, и обѣ сестры нѣжно ее полюбили и сохранили привязанность къ ней до конца ея жизни. Подъ ея руководствомъ и прошло ихъ домашнее воспитаніе, такъ какъ графиня В. П. Разумовская, жившая въ отдѣльномъ домѣ въ Москвѣ и часто видавшая у себя своихъ дѣтей, по желанію мужа, не могла принимать никакого участія въ ихъ воспитаніи, хотя выплачивала ему до 10.000 руб. въ годъ на образованіе дѣтей и на разныя нужды дочерей, одѣливъ ихъ, при выходѣ замужъ, щедрымъ приданымъ. Графиня Е. А. Разумовская была любимой фрейлиной Императрицы Елисаветы Алексѣевны и сотрудницей ея по основанному Государыней Патріотическому обществу.

Въ 1811 году графиня Екатерина Алексѣевна вышла замужъ за Сергѣя Семеновича Уварова, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія и съ 1846 г. графа. Унаслѣдовавъ отъ родителей весьма значительное состояніе, графиня Е. А. Уварова купила у дядей своихъ, братьевъ отца, большое ихъ имѣніе въ Московской губерніи, село Порѣчье, которое она подарила мужу, увеличившему и украсившему обширный Порѣчинскій домъ своей огромной библіотекой, картинами и рѣдкими мраморами, вывезенными изъ Рима. Въ этомъ имѣніи, пріѣзжая изъ Петербурга, подолгу проживали супруги Уваровы, отдыхая отъ свѣтской жизни. Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова состояла предсѣдательницею Патріотическаго общества; она скончалась въ Петербургѣ 14 Іюля 1849 года и похоронена въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Старшая дочь ея, графиня Александра Сергѣевна (р. 1814 г., † 1865 г.), была замужемъ за княземъ Павломъ Александровичемъ Урусовымъ, вторая, Наталія (р. 1820 г., † 1843 г.), за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ, третья, Елизавета, умерла незамужнею, а единственный сынъ, любитель старины, извѣстный русскій археологъ и ученый, графъ Алексѣй Сергѣевичъ (р. 1824 г., † 1884 г.), былъ женатъ на княжнѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Щербатовой.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА УВАРОВА, 1783—1849, младшая изъ двухъ дочерей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (р. 1748 г., † 1822 г.), отъ брака его съ графиней Варварой Петровной Шереметевой (р. 1750 г., † 1824 г.), родилась 5 Января 1783 года. Ей не было еще и двухъ лѣтъ, когда мать ея была удалена изъ отцовскаго дома, и она, съ сестрою своей Варварой (впослѣдствіи княгиней Репниной), осталась на попеченіи одной няни-нѣмки. Когда ей минуло 8 лѣтъ, а старшей сестрѣ ея 13 лѣтъ, отецъ взялъ для нихъ гувернантку, по происхожденію швейцарку, Mlle Calame (тетку извѣстнаго пейзажиста). Новая воспитательница молодыхъ графинь оказалась женщиной высокой нравственности, умной, съ твердымъ характеромъ и отличнымъ сердцемъ. Она сумѣла скрыть отъ своихъ воспитанницъ неправильности семейныхъ отношеній ихъ родителей, и обѣ сестры нѣжно ее полюбили и сохранили привязанность къ ней до конца ея жизни. Подъ ея руководствомъ и прошло ихъ домашнее воспитаніе, такъ какъ графиня В. П. Разумовская, жившая въ отдѣльномъ домѣ въ Москвѣ и часто видавшая у себя своихъ дѣтей, по желанію мужа, не могла принимать никакого участія въ ихъ воспитаніи, хотя выплачивала ему до 10.000 руб. въ годъ на образованіе дѣтей и на разныя нужды дочерей, одѣливъ ихъ, при выходѣ замужъ, щедрымъ приданымъ. Графиня Е. А. Разумовская была любимой фрейлиной Императрицы Елисаветы Алексѣевны и сотрудницей ея по основанному Государыней Патріотическому обществу.

Въ 1811 году графиня Екатерина Алексѣевна вышла замужъ за Сергѣя Семеновича Уварова, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія и съ 1846 г. графа. Унаслѣдовавъ отъ родителей весьма значительное состояніе, графиня Е. А. Уварова купила у дядей своихъ, братьевъ отца, большое ихъ имѣніе въ Московской губерніи, село Порѣчье, которое она подарила мужу, увеличившему и украсившему обширный Порѣчинскій домъ своей огромной библіотекой, картинами и рѣдкими мраморами, вывезенными изъ Рима. Въ этомъ имѣніи, пріѣзжая изъ Петербурга, подолгу проживали супруги Уваровы, отдыхая отъ свѣтской жизни. Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова состояла предсѣдательницею Патріотическаго общества; она скончалась въ Петербургѣ 14 Іюля 1849 года и похоронена въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Старшая дочь ея, графиня Александра Сергѣевна (р. 1814 г., † 1865 г.), была замужемъ за княземъ Павломъ Александровичемъ Урусовымъ, вторая, Наталія (р. 1820 г., † 1843 г.), за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ, третья, Елизавета, умерла незамужнею, а единственный сынъ, любитель старины, извѣстный русскій археологъ и ученый, графъ Алексѣй Сергѣевичъ (р. 1824 г., † 1884 г.), былъ женатъ на княжнѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Щербатовой.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

139

La comtesse CATHERINE ALEXÉEWNA OUVAROFF, 1783—1849, la plus jeune des deux filles du comte Alexis Kirillowitch Razoumowsky (1748—1822) et de la comtesse Varvara Pétrowna, née Chéréméteff (1750—1824), naquit le 5 janvier 1783. Elle avait à peine deux ans quand sa mère dut quitter la maison paternelle, et elle resta avec sa sœur Varvara (plus tard princesse Repnine) aux soins d'une simple nourrice allemande. Quand les fillettes eurent l'une 8 ans, l'autre 13, le père leur prit une gouvernante d'origine suisse, Mlle Calame (tante du célèbre paysagiste), personne d'une haute valeur morale, d'un grand esprit, d'un caractère ferme et d'un excellent cœur, qui sut détourner leur attention de la vie irrégulière de leurs parents, se fit tendrement aimer d'elles et conserva leur attachement jusqu'à la fin de ses jours. Ce fut elle qui dirigea toute leur éducation, entièrement soustraite par le père à l'influence maternelle: habitant à Moscou une maison à part et recevant souvent ses enfants chez elle, la comtesse ne versait cependant pas moins de 10.000 roubles par an à son mari pour leur instruction et leur entretien, et les dota généreusement à leur mariage.

Demoiselle d'honneur préférée de l'Impératrice Elisabeth et sa collaboratrice aux affaires de la Société Patriotique qu'elle venait de fonder, la jeune comtesse épousa en 1811 Serge Sémenowitch Ouvaroff, plus tard ministre de l'instruction publique, comte depuis 1846. Héritière de la grosse fortune de ses parents, elle acheta à ses oncles paternels leur grande propriété de Porétchié, gouvernement de Moscou, et en fit don à son mari, qui agrandit encore l'immense manoir et l'orna de sa magnifique bibliothèque, de tableaux et de marbres rares apportés de Rome. C'est là qu'ils venaient de Pétersbourg faire de longs séjours pour se reposer des fatigues de la vie mondaine. Présidente de la Société Patriotique, la comtesse mourut à Pétersbourg le 14 juillet 1849, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De ses trois filles, l'aînée, Alexandrine (1814—1865), épousa le prince Paul Ouroussoff, la seconde, Natalie (1820—1843), Ivan Balabine, et la dernière, Elisabeth, mourut sans alliance. Elle eut en outre un fils unique, grand amateur d'antiquités russes, connu comme archéologue et érudit, le comte Alexis Ouvaroff (1824—1884), marié à la princesse Prascovie Chtcherbatoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

139

La comtesse CATHERINE ALEXÉEWNA OUVAROFF, 1783—1849, la plus jeune des deux filles du comte Alexis Kirillowitch Razoumowsky (1748—1822) et de la comtesse Varvara Pétrowna, née Chéréméteff (1750—1824), naquit le 5 janvier 1783. Elle avait à peine deux ans quand sa mère dut quitter la maison paternelle, et elle resta avec sa sœur Varvara (plus tard princesse Repnine) aux soins d'une simple nourrice allemande. Quand les fillettes eurent l'une 8 ans, l'autre 13, le père leur prit une gouvernante d'origine suisse, Mlle Calame (tante du célèbre paysagiste), personne d'une haute valeur morale, d'un grand esprit, d'un caractère ferme et d'un excellent cœur, qui sut détourner leur attention de la vie irrégulière de leurs parents, se fit tendrement aimer d'elles et conserva leur attachement jusqu'à la fin de ses jours. Ce fut elle qui dirigea toute leur éducation, entièrement soustraite par le père à l'influence maternelle: habitant à Moscou une maison à part et recevant souvent ses enfants chez elle, la comtesse ne versait cependant pas moins de 10.000 roubles par an à son mari pour leur instruction et leur entretien, et les dota généreusement à leur mariage.

Demoiselle d'honneur préférée de l'Impératrice Elisabeth et sa collaboratrice aux affaires de la Société Patriotique qu'elle venait de fonder, la jeune comtesse épousa en 1811 Serge Sémenowitch Ouvaroff, plus tard ministre de l'instruction publique, comte depuis 1846. Héritière de la grosse fortune de ses parents, elle acheta à ses oncles paternels leur grande propriété de Porétchié, gouvernement de Moscou, et en fit don à son mari, qui agrandit encore l'immense manoir et l'orna de sa magnifique bibliothèque, de tableaux et de marbres rares apportés de Rome. C'est là qu'ils venaient de Pétersbourg faire de longs séjours pour se reposer des fatigues de la vie mondaine. Présidente de la Société Patriotique, la comtesse mourut à Pétersbourg le 14 juillet 1849, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De ses trois filles, l'aînée, Alexandrine (1814—1865), épousa le prince Paul Ouroussoff, la seconde, Natalie (1820—1843), Ivan Balabine, et la dernière, Elisabeth, mourut sans alliance. Elle eut en outre un fils unique, grand amateur d'antiquités russes, connu comme archéologue et érudit, le comte Alexis Ouvaroff (1824—1884), marié à la princesse Prascovie Chtcherbatoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

Графъ СЕРГѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1786—1855, старшій сынъ вице-полковника лейбъ-гренадерскаго полка Семена Ѳедоровича Уварова, отъ брака его съ Даріей Ивановной Головиной, родился въ С.-Петербургѣ 25 Августа 1786 года. Екатерина II была крестной матерью младенца, а родство съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, за которымъ была тетка Уварова, обезпечило юношѣ первые шаги на служебномъ поприщѣ. Пожалованный въ 1803 году въ камеръ-юнкеры, Уваровъ съ 1806 по 1809 годъ сначала состоялъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, а затѣмъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Бракъ съ графиней Екатериной Алексѣевной Разумовской „въ полномъ смыслѣ составилъ фортуну его": въ приданое графиня принесла часть богатствъ Разумовскихъ, въ томъ числѣ и знаменитое с. Порѣчье, Можайскаго уѣзда, а особенно протекцію своего отца, въ то время назначеннаго министромъ Народнаго Просвѣщенія; 31 Декабря 1810 года Уваровъ былъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, а въ 1818 году и президентомъ Академіи Наукъ. Въ эти годы Уваровъ былъ близокъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ по дѣламъ Патріотическаго Общества. Въ 1821 году Уваровъ перешелъ въ вѣдомство Министерства Финансовъ, гдѣ занималъ должности сначала директора департамента Мануфактуръ и Заемнаго и Коммерческаго банковъ, а потомъ члена совѣта министра. Пожалованный въ 1826 году въ сенаторы, Уваровъ въ 1832 году былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, 20 Марта 1833 года управляющимъ министерствомъ, а въ 1834 году министромъ. 1 Іюля 1846 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Крайняя реакція, бывшая въ Россіи слѣдствіемъ революціоннаго движенія въ Европѣ въ 1848 и 1849 годахъ, пошатнула служебное положеніе графа Уварова. Онъ былъ признанъ неспособнымъ искоренить якобинство въ учебныхъ заведеніяхъ; отъ непріятностей и огорченій графъ Уваровъ 6 Сентября 1849 года подвергся „нервическому удару", что послужило предлогомъ къ увольненію его отъ должности министра, послѣдовавшему 20 Октября 1849 года. Оставаясь президентомъ Академіи, графъ Уваровъ 6 Декабря 1850 года получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; 2 Сентября 1855 года въ Москвѣ его постигъ послѣдній ударъ, отъ котораго онъ скончался 4 Сентября. Тѣло его погребено въ родовой усыпальницѣ, въ с. Холмѣ, Гжатскаго уѣзда. Графъ С. С. Уваровъ имѣлъ сына Алексѣя, знаменитаго русскаго археолога, и трехъ дочерей: Елизавету, Александру и Наталію.

Будучи оффиціальнымъ насадителемъ просвѣщенія, графъ Уваровъ старался выступать въ роли любителя и знатока наукъ и литературы. Членъ литературнаго кружка „Арзамасъ", Уваровъ былъ близокъ съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ, былъ постоянно окруженъ профессорами и литераторами; у него были обширныя учено-литературныя связи за границей; Гумбольдтъ былъ „одинъ изъ старѣйшихъ его пріятелей"; онъ велъ знакомство съ Гете, де-Линь, г-жей Сталь. Эрудиція его казалась блестящей и разносторонней. Панегиристы превозносили „Порѣцкаго Мецената", какъ великаго гуманиста, вполнѣ усвоившаго духъ классической древности: „Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ, ‖ Подъ сумрачнымъ родился небомъ, ‖ Но будто въ Аттикѣ рожденъ"... Такъ воспѣвалъ Уварова поэтъ Батюшковъ.

Министерствомъ графъ Уваровъ управлялъ „въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности" (эта формула была, въ качествѣ девиза, внесена въ его графскій гербъ). Уставъ 1835 года усилилъ правительственную опеку надъ университетами. На окраинахъ графъ Уваровъ заботился о „водвореніи русскаго просвѣщенія". При всей своей учености графъ Уваровъ въ профессорахъ прежде всего цѣнилъ „чувство русское и непорочность мнѣній". Основанный Уваровымъ Педагогическій институтъ не снабдилъ Россію образцовыми педагогами, а культивировавшійся имъ классицизмъ для „возвышенія и укрѣпленія душевныхъ силъ юношей" былъ безсиленъ побѣдить одичалую разнузданность дворянскихъ недорослей, наполнявшихъ губернскія гимназіи. Характеръ Уварова также не былъ свободенъ отъ недостатковъ. Даже расположенные къ нему люди, въ родѣ князя П. А. Вяземскаго и М. П. Погодина, считавшіе его „умнымъ человѣкомъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ", въ то же время признавали его иногда „безхарактернымъ, суетнымъ, легкомысленнымъ".

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

Графъ СЕРГѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1786—1855, старшій сынъ вице-полковника лейбъ-гренадерскаго полка Семена Ѳедоровича Уварова, отъ брака его съ Даріей Ивановной Головиной, родился въ С.-Петербургѣ 25 Августа 1786 года. Екатерина II была крестной матерью младенца, а родство съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, за которымъ была тетка Уварова, обезпечило юношѣ первые шаги на служебномъ поприщѣ. Пожалованный въ 1803 году въ камеръ-юнкеры, Уваровъ съ 1806 по 1809 годъ сначала состоялъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, а затѣмъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Бракъ съ графиней Екатериной Алексѣевной Разумовской „въ полномъ смыслѣ составилъ фортуну его": въ приданое графиня принесла часть богатствъ Разумовскихъ, въ томъ числѣ и знаменитое с. Порѣчье, Можайскаго уѣзда, а особенно протекцію своего отца, въ то время назначеннаго министромъ Народнаго Просвѣщенія; 31 Декабря 1810 года Уваровъ былъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, а въ 1818 году и президентомъ Академіи Наукъ. Въ эти годы Уваровъ былъ близокъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ по дѣламъ Патріотическаго Общества. Въ 1821 году Уваровъ перешелъ въ вѣдомство Министерства Финансовъ, гдѣ занималъ должности сначала директора департамента Мануфактуръ и Заемнаго и Коммерческаго банковъ, а потомъ члена совѣта министра. Пожалованный въ 1826 году въ сенаторы, Уваровъ въ 1832 году былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, 20 Марта 1833 года управляющимъ министерствомъ, а въ 1834 году министромъ. 1 Іюля 1846 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Крайняя реакція, бывшая въ Россіи слѣдствіемъ революціоннаго движенія въ Европѣ въ 1848 и 1849 годахъ, пошатнула служебное положеніе графа Уварова. Онъ былъ признанъ неспособнымъ искоренить якобинство въ учебныхъ заведеніяхъ; отъ непріятностей и огорченій графъ Уваровъ 6 Сентября 1849 года подвергся „нервическому удару", что послужило предлогомъ къ увольненію его отъ должности министра, послѣдовавшему 20 Октября 1849 года. Оставаясь президентомъ Академіи, графъ Уваровъ 6 Декабря 1850 года получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; 2 Сентября 1855 года въ Москвѣ его постигъ послѣдній ударъ, отъ котораго онъ скончался 4 Сентября. Тѣло его погребено въ родовой усыпальницѣ, въ с. Холмѣ, Гжатскаго уѣзда. Графъ С. С. Уваровъ имѣлъ сына Алексѣя, знаменитаго русскаго археолога, и трехъ дочерей: Елизавету, Александру и Наталію.

Будучи офиціальнымъ насадителемъ просвѣщенія, графъ Уваровъ старался выступать въ роли любителя и знатока наукъ и литературы. Членъ литературнаго кружка „Арзамасъ", Уваровъ былъ близокъ съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ, былъ постоянно окруженъ профессорами и литераторами; у него были обширныя учено-литературныя связи за границей; Гумбольдтъ былъ „одинъ изъ старѣйшихъ его пріятелей"; онъ велъ знакомство съ Гете, де-Линь, г-жей Сталь. Эрудиція его казалась блестящей и разносторонней. Панегиристы превозносили „Порѣцкаго Мецената", какъ великаго гуманиста, вполнѣ усвоившаго духъ классической древности: „Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ, ‖ Подъ сумрачнымъ родился небомъ, ‖ Но будто въ Аттикѣ рожденъ"... Такъ воспѣвалъ Уварова поэтъ Батюшковъ.

Министерствомъ графъ Уваровъ управлялъ „въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности" (эта формула была, въ качествѣ девиза, внесена въ его графскій гербъ). Уставъ 1835 года усилилъ правительственную опеку надъ университетами. На окраинахъ графъ Уваровъ заботился о „водвореніи русскаго просвѣщенія". При всей своей учености графъ Уваровъ въ профессорахъ прежде всего цѣнилъ „чувство русское и непорочность мнѣній". Основанный Уваровымъ Педагогическій институтъ не снабдилъ Россію образцовыми педагогами, а культивировавшійся имъ классицизмъ для „возвышенія и укрѣпленія душевныхъ силъ юношей" былъ безсиленъ побѣдить одичалую разнузданность дворянскихъ недорослей, наполнявшихъ губернскія гимназіи. Характеръ Уварова также не былъ свободенъ отъ недостатковъ. Даже расположенные къ нему люди, въ родѣ князя П. А. Вяземскаго и М. П. Погодина, считавшіе его „умнымъ человѣкомъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ", въ то же время признавали его иногда „безхарактернымъ, суетнымъ, легкомысленнымъ".

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой, въ Москвѣ.)

Le comte SERGE SÉMENOWITCH OUVAROFF, 1786—1855, fils aîné du lieutenant-colonel de grenadiers Simon Féodorowitch Ouvaroff et de Daria Ivanowna, née Golovine, naquit à St-Pétersbourg le 25 août 1786. Il eut Catherine II pour marraine, et sa parenté avec le prince Alexis Borissowitch Kourakine, mari de sa tante, assura ses premiers pas dans la carrière. Gentilhomme de la chambre en 1803, il fut d'abord, de 1806 à 1809, attaché à l'ambassade de Vienne, puis secrétaire d'ambassade à Paris. Son mariage avec la comtesse Catherine Alexéewna Razoumowsky „fut pour lui la fortune dans toute l'acception du mot": la comtesse apportait en dot une partie des biens des Razoumowsky, avec leur fameux Porétchié, district de Mojaïsk, et surtout la protection de son père, alors ministre de l'instruction publique. Le 31 décembre 1810, Ouvaroff devenait curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, puis en 1818 président de l'Académie des Sciences. Durant toute cette période, il fut secrétaire de l'Impératrice Elisabeth pour les affaires de la Société Patriotique. Il passa en 1821 au ministère des finances, et y fut d'abord directeur du département des Manufactures et des Banques de Prêt et de Commerce, puis membre du conseil du ministre. Sénateur en 1826, il fut successivement, en 1832 adjoint au ministre de l'instruction publique, le 20 mars 1833 gérant du ministère, et en 1834 ministre. Il fut élevé à la dignité de comte le 1er juillet 1846. La réaction à outrance qui fut en Russie la suite de la secousse révolutionnaire d'Europe en 1848/49 lui fit le plus grand tort: déclaré impuissant à extirper le jacobinisme des établissements d'instruction, il eut une foule d'ennuis et de chagrins qui lui causèrent le 6 septembre 1849 une attaque d'apoplexie: c'était le prétexte attendu, et il fut relevé de ses fonctions de ministre le 20 octobre suivant. Toujours président de l'Académie, il fut décoré de St-André le 6 décembre 1850. Une seconde attaque, à Moscou, l'emporta en deux jours le 4 septembre 1855; il fut inhumé au bourg de Kholm, district de Gjatsk, dans un caveau de famille. Il eut un fils Alexis, le célèbre archéologue russe, et trois filles, Elisabeth, Alexandrine et Natalie.

Dispensateur officiel des lumières, le comte Ouvaroff s'était assigné un rôle d'amateur et connaisseur des sciences et des lettres. Membre de l'Arzamas, intime de Karamzine, Batiouchkoff et Joukowsky, incessamment entouré de professeurs et d'hommes de lettres, il entretenait même avec l'étranger des relations étendues: Humboldt „était un de ses plus vieux amis", et il fut en correspondance avec Gœthe, le prince de Ligne et Mme de Staël. Une érudition brillante et variée avait fait au Mécène de Porétchié un renom d'humaniste consommé, pénétré de l'esprit de l'antiquité classique, et Batiouchkoff le chante en ces termes:

„Nourrisson béni de Phébus,
„Il naquit sous un ciel morose,
„Mais c'est un vrai fils de l'Attique"...

Au ministère, l'esprit de son administration fut la devise de ses armes: Orthodoxie, Autocratie, Nationalisme. Un règlement de 1835 renforça la tutelle gouvernementale sur les universités. Le comte Ouvaroff s'efforça également de rallier les diverses nationalités de l'Empire à la culture russe: tout homme de science qu'il était, la première qualité d'un professeur était à ses yeux d'être „russe de cœur et bien pensant". Son Institut Pédagogique ne procura nullement à la Russie des pédagogues modèles, et ce classicisme qu'il exaltait comme moyen „d'élever et d'affermir le moral de la jeunesse" fut impuissant contre le relâchement effréné des jeunes nobles dont regorgeaient les gymnases de province. Ouvaroff n'était pas non plus exempt de quelques travers: ses panégyristes mêmes, le prince P. Volkonsky et M. Pogodine, tout en le déclarant „une des fortes têtes, non seulement de Russie, mais d'Europe", le trouvent „mou, vaniteux et léger".

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

Le comte SERGE SÉMENOWITCH OUVAROFF, 1786—1855, fils aîné du lieutenant-colonel de grenadiers Simon Féodorowitch Ouvaroff et de Daria Ivanowna, née Golovine, naquit à St-Pétersbourg le 25 août 1786. Il eut Catherine II pour marraine, et sa parenté avec le prince Alexis Borissowitch Kourakine, mari de sa tante, assura ses premiers pas dans la carrière. Gentilhomme de la chambre en 1803, il fut d'abord, de 1806 à 1809, attaché à l'ambassade de Vienne, puis secrétaire d'ambassade à Paris. Son mariage avec la comtesse Catherine Alexéewna Razoumowsky „fut pour lui la fortune dans toute l'acception du mot": la comtesse apportait en dot une partie des biens des Razoumowsky, avec leur fameux Porétchié, district de Mojaïsk, et surtout la protection de son père, alors ministre de l'instruction publique. Le 31 décembre 1810, Ouvaroff devenait curateur de l'arrondissement scolaire de St-Pétersbourg, puis en 1818 président de l'Académie des Sciences. Durant toute cette période, il fut secrétaire de l'Impératrice Elisabeth pour les affaires de la Société Patriotique. Il passa en 1821 au ministère des finances, et y fut d'abord directeur du département des Manufactures et des Banques de Prêt et de Commerce, puis membre du conseil du ministre. Sénateur en 1826, il fut successivement, en 1832 adjoint au ministre de l'instruction publique, le 20 mars 1833 gérant du ministère, et en 1834 ministre. Il fut élevé à la dignité de comte le 1er juillet 1846. La réaction à outrance qui fut en Russie la suite de la secousse révolutionnaire d'Europe en 1848/49 lui fit le plus grand tort: déclaré impuissant à extirper le jacobinisme des établissements d'instruction, il eut une foule d'ennuis et de chagrins qui lui causèrent le 6 septembre 1849 une attaque d'apoplexie: c'était le prétexte attendu, et il fut relevé de ses fonctions de ministre le 20 octobre suivant. Toujours président de l'Académie, il fut décoré de St-André le 6 décembre 1850. Une seconde attaque, à Moscou, l'emporta en deux jours le 4 septembre 1855; il fut inhumé au bourg de Kholm, district de Gjatsk, dans un caveau de famille. Il eut un fils Alexis, le célèbre archéologue russe, et trois filles, Elisabeth, Alexandrine et Natalie.

Dispensateur officiel des lumières, le comte Ouvaroff s'était assigné un rôle d'amateur et connaisseur des sciences et des lettres. Membre de l'Arzamas, intime de Karamzine, Batiouchkoff et Joukowsky, incessamment entouré de professeurs et d'hommes de lettres, il entretenait même avec l'étranger des relations étendues: Humboldt „était un de ses plus vieux amis", et il fut en correspondance avec Gœthe, le prince de Ligne et Mme de Staël. Une érudition brillante et variée avait fait au Mécène de Porétchié un renom d'humaniste consommé, pénétré de l'esprit de l'antiquité classique, et Batiouchkoff le chante en ces termes:

„Nourrisson béni de Phébus,
„Il naquit sous un ciel morose,
„Mais c'est un vrai fils de l'Attique"...

Au ministère, l'esprit de son administration fut la devise de ses armes: Orthodoxie, Autocratie, Nationalisme. Un règlement de 1835 renforça la tutelle gouvernementale sur les universités. Le comte Ouvaroff s'efforça également de rallier les diverses nationalités de l'Empire à la culture russe: tout homme de science qu'il était, la première qualité d'un professeur était à ses yeux d'être „russe de cœur et bien pensant". Son Institut Pédagogique ne procura nullement à la Russie des pédagogues modèles, et ce classicisme qu'il exaltait comme moyen „d'élever et d'affermir le moral de la jeunesse" fut impuissant contre le relâchement effréné des jeunes nobles dont regorgeaient les gymnases de province. Ouvaroff n'était pas non plus exempt de quelques travers: ses panégyristes mêmes, le prince P. Volkonsky et M. Pogodine, tout en le déclarant „une des fortes têtes, non seulement de Russie, mais d'Europe", le trouvent „mou, vaniteux et léger".

(D'après un original appartenant à la comtesse P. Ouvaroff, Moscou.)

141

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОБРЕСКОВЪ, 1752—1814, сынъ резидента въ Константинополѣ (1751—1768), дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Михайловича Обрескова, отъ второго его брака съ Константинопольской гречанкой, началъ службу въ 1772 году. По примѣру отца, служба его протекла главнымъ образомъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ при князѣ А. А. Безбородкѣ. Павелъ I относился къ нему очень милостиво: въ день коронаціи, 5 Апрѣля 1797 г., Обресковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Аннинскую ленту, въ 1798 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Въ послѣдній годъ жизни Безбородко былъ недоволенъ своимъ сотрудникомъ, какъ видно изъ письма Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову: „Князь очень сердился на маленькаго плута Обрескова. О его дѣйствіяхъ доложено было Государю, но, вмѣсто того, чтобы наказать плута, бравшаго взятки, и котораго, по буквѣ закона, можно посадить въ крѣпость, его произвели въ сенаторы и дали ему 2000 рублей“. П. А. Обресковъ, дѣйствительно, былъ назначенъ сенаторомъ. При Александрѣ I онъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1814 г., управлялъ Межевой канцеляріей.

По отзыву его родственника Д. Н. Свербеева, онъ былъ человѣкъ умный и честный, что противорѣчитъ вышеприведенному свидѣтельству всегда злоязычнаго Ростопчина. Обресковъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время красавицѣ баронессѣ Елизаветѣ Семеновнѣ Остенъ, рожденной Волчковой († 1856 г.), но дѣтей не имѣлъ. Вдова его вышла въ третій разъ замужъ за князя Степана Александровича Хилкова.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

141

ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОБРЕСКОВЪ, 1752—1814, сынъ резидента въ Константинополѣ (1751—1768), дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Михайловича Обрескова, отъ второго его брака съ Константинопольской гречанкой, началъ службу въ 1772 году. По примѣру отца, служба его протекла главнымъ образомъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ при князѣ А. А. Безбородкѣ. Павелъ I относился къ нему очень милостиво: въ день коронаціи, 5 Апрѣля 1797 г., Обресковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Аннинскую ленту, въ 1798 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Въ послѣдній годъ жизни Безбородко былъ недоволенъ своимъ сотрудникомъ, какъ видно изъ письма Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову: „Князь очень сердился на маленькаго плута Обрескова. О его дѣйствіяхъ доложено было Государю, но, вмѣсто того, чтобы наказать плута, бравшаго взятки, и котораго, по буквѣ закона, можно посадить въ крѣпость, его произвели въ сенаторы и дали ему 2000 рублей". П. А. Обресковъ, дѣйствительно, былъ назначенъ сенаторомъ. При Александрѣ I онъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1814 г., управлялъ Межевой канцеляріей.

По отзыву его родственника Д. Н. Свербеева, онъ былъ человѣкъ умный и честный, что противорѣчитъ вышеприведенному свидѣтельству всегда злоязычнаго Ростопчина. Обресковъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время красавицѣ баронессѣ Елизаветѣ Семеновнѣ Остенъ, рожденной Волчковой († 1856 г.), но дѣтей не имѣлъ. Вдова его вышла въ третій разъ замужъ за князя Степана Александровича Хилкова.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

141

PIERRE ALEXÉEWITCH OBRESKOFF, 1752—1814, fils du conseiller privé actuel Alexis Mikhaïlowitch Obreskoff, résident à Constantinople (1751—1768), et de sa seconde femme, une grecque de cette ville, entra au service en 1772. Comme son père, il fit en grande partie sa carrière au collège des affaires étrangères sous les ordres du prince Bezborodko. Paul Ier lui témoigna toute sa faveur: promu conseiller d'état actuel et décoré de Ste-Anne le 5 avril 1797, jour du Couronnement, il passa l'année suivante conseiller privé et fut attaché à la personne de Sa Majesté. La dernière année de sa vie, Bezborodko eut grandement lieu de se plaindre de son collaborateur, à en juger par ces mots d'une lettre de Rostoptchine au comte S. Worontzoff: „Le prince est furieux contre ce petit coquin d'Obreskoff. On a fait un rapport à l'Empereur, mais au lieu de recevoir le châtiment que méritaient ses concussions, car, aux termes de la loi, c'étaient les arrêts de forteresse, il a été nommé sénateur avec une gratification de 2000 roubles". Il fut effectivement fait sénateur. Sous Alexandre Ier, il fut jusqu'à sa mort en 1814 gérant des bureaux du cadastre.

Contrairement au témoignage, toujours malveillant, de Rostoptchine, celui de son parent Sverbéeff le donne pour un homme d'esprit et d'honneur. Il épousa une beauté renommée du temps, la baronne Elisabeth Sémenowna Osten, née Voltchkoff († 1856), qui ne lui donna pas d'enfants et se remaria en troisièmes noces au prince Stéphane Alexandrowitch Khilkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

141

PIERRE ALEXÉEWITCH OBRESKOFF, 1752—1814, fils du conseiller privé actuel Alexis Mikhaïlowitch Obreskoff, résident à Constantinople (1751—1768), et de sa seconde femme, une grecque de cette ville, entra au service en 1772. Comme son père, il fit en grande partie sa carrière au collège des affaires étrangères sous les ordres du prince Bezborodko. Paul Ier lui témoigna toute sa faveur: promu conseiller d'état actuel et décoré de Ste-Anne le 5 avril 1797, jour du Couronnement, il passa l'année suivante conseiller privé et fut attaché à la personne de Sa Majesté. La dernière année de sa vie, Bezborodko eut grandement lieu de se plaindre de son collaborateur, à en juger par ces mots d'une lettre de Rostoptchine au comte S. Worontzoff: „Le prince est furieux contre ce petit coquin d'Obreskoff. On a fait un rapport à l'Empereur, mais au lieu de recevoir le châtiment que méritaient ses concussions, car, aux termes de la loi, c'étaient les arrêts de forteresse, il a été nommé sénateur avec une gratification de 2000 roubles". Il fut effectivement fait sénateur. Sous Alexandre Ier, il fut jusqu'à sa mort en 1814 gérant des bureaux du cadastre.

Contrairement au témoignage, toujours malveillant, de Rostoptchine, celui de son parent Sverbéeff le donne pour un homme d'esprit et d'honneur. Il épousa une beauté renommée du temps, la baronne Elisabeth Sémenowna Osten, née Voltchkoff († 1856), qui ne lui donna pas d'enfants et se remaria en troisièmes noces au prince Stéphane Alexandrowitch Khilkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

142

АРКАДІЙ ИВАНОВИЧЪ НЕЛИДОВЪ, 1773—1834, младшій братъ извѣстной камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны, друга Императора Павла I (см. т. III, № 31; р. 1758 г., † 1839 г.); благодаря близости сестры къ Государю, Нелидовъ сдѣлалъ необычно быструю, даже для того времени, и блестящую карьеру: 9 лѣтъ онъ былъ пожалованъ пажемъ къ Высочайшему двору и въ 1793 г. произведенъ въ камеръ-пажи. Въ день восшествія на престолъ Павла I, 6 Ноября 1796 г., пожалованъ былъ майоромъ и сдѣланъ флигель-адъютантомъ, 9 Ноября уже произведенъ въ подполковники, 1 Января 1797 г.—въ полковники, а 21 Января пожалованъ въ генералъ-майоры и генералъ-адъютанты, всего 24 лѣтъ отъ роду.

Въ день коронованія Императоръ Павелъ наградилъ Нелидова орденомъ св. Анны 1 ст. и 1000 душами крестьянъ, кромѣ 1000 душъ, уже раньше пожалованныхъ 5 Декабря 1796 года.

Говорятъ, что молодой генералъ имѣлъ благотворное вліяніе на Государя, слѣдуя въ этомъ своей благородной сестрѣ; но вліяніе его и успѣхи лично истекали, конечно, изъ степени значенія, какое имѣла при дворѣ Екатерина Ивановна. Когда придворныя интриги такихъ личностей, какъ Ростопчинъ и Кутайсовъ, поколебали значеніе Нелидовой, когда произошло взаимное охлажденіе и Нелидова оставила дворъ, и А. И. Нелидовъ 19 Августа 1798 г. былъ отставленъ отъ службы.

По воцареніи Александра I, Нелидову было возвращено званіе генералъ-адъютанта, а въ Іюнѣ онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Псковской милиціи, а въ 1811 г. избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда, но уже 2 Ноября того же года переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ Курскимъ губернаторомъ. Уволенный отъ этой должности въ 1818 г., Нелидовъ 21 Іюля 1819 г. сдѣланъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, при чемъ въ то же время былъ членомъ совѣта Екатерининскаго института и совѣстнымъ судьей въ С.-Петербургѣ. Пожалованный 2 Апрѣля 1825 г. въ сенаторы, Нелидовъ въ 1826 г. былъ избранъ С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 2 Апрѣля 1827 г. получилъ Александровскую звѣзду, а 13 Апрѣля 1829 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

А. И. Нелидовъ умеръ въ Ревелѣ 3 Сентября 1834 года. Отъ брака съ дочерью подруги своей сестры графини Н. А. Буксгевденъ (по преданію дочери князя Г. Г. Орлова), графиней Софіей Өеодоровной Буксгевденъ (р. 1778 г., † 1828 г.), Нелидовъ имѣлъ многочисленное семейство, состоявшее изъ 6 сыновей и 7 дочерей, а именно: Өеодора, Аркадія (р. 1804 г.), Ивана (р. 1805 г.), Любима (р. 1810 г.), Іоасафа (р. 1815 г.) и Николая (р. 1817 г.), Екатерины (за камергеромъ Веревкинымъ), Наталіи, Елены, Софіи, Маріи, Варвары (извѣстная камеръ-фрейлина) и Любови (за генералъ-адъютантомъ П. П. Волковымъ).

(Съ портрета изъ Гатчинскаго дворца.)

142

АРКАДІЙ ИВАНОВИЧЪ НЕЛИДОВЪ, 1773—1834, младшій братъ извѣстной камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны, друга Императора Павла I (см. т. III, № 31; р. 1758 г., † 1839 г.); благодаря близости сестры къ Государю, Нелидовъ сдѣлалъ необычно быструю, даже для того времени, и блестящую карьеру: 9 лѣтъ онъ былъ пожалованъ пажемъ къ Высочайшему двору и въ 1793 г. произведенъ въ камеръ-пажи. Въ день восшествія на престолъ Павла I, 6 Ноября 1796 г., пожалованъ былъ майоромъ и сдѣланъ флигель-адъютантомъ, 9 Ноября уже произведенъ въ подполковники, 1 Января 1797 г.—въ полковники, а 21 Января пожалованъ въ генералъ-майоры и генералъ-адъютанты, всего 24 лѣтъ отъ роду.

Въ день коронованія Императоръ Павелъ наградилъ Нелидова орденомъ св. Анны 1 ст. и 1000 душами крестьянъ, кромѣ 1000 душъ, уже раньше пожалованныхъ 5 Декабря 1796 года.

Говорятъ, что молодой генералъ имѣлъ благотворное вліяніе на Государя, слѣдуя въ этомъ своей благородной сестрѣ; но вліяніе его и успѣхи лично истекали, конечно, изъ степени значенія, какое имѣла при дворѣ Екатерина Ивановна. Когда придворныя интриги такихъ личностей, какъ Ростопчинъ и Кутайсовъ, поколебали значеніе Нелидовой, когда произошло взаимное охлажденіе и Нелидова оставила дворъ, и А. И. Нелидовъ 19 Августа 1798 г. былъ отставленъ отъ службы.

По воцареніи Александра I, Нелидову было возвращено званіе генералъ-адъютанта, а въ Іюнѣ онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Псковской милиціи, а въ 1811 г. избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда, но уже 2 Ноября того же года переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ Курскимъ губернаторомъ. Уволенный отъ этой должности въ 1818 г., Нелидовъ 21 Іюля 1819 г. сдѣланъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, при чемъ въ то же время былъ членомъ совѣта Екатерининскаго института и совѣстнымъ судьей въ С.-Петербургѣ. Пожалованный 2 Апрѣля 1825 г. въ сенаторы, Нелидовъ въ 1826 г. былъ избранъ С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 2 Апрѣля 1827 г. получилъ Александровскую звѣзду, а 13 Апрѣля 1829 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

А. И. Нелидовъ умеръ въ Ревелѣ 3 Сентября 1834 года. Отъ брака съ дочерью подруги своей сестры графини Н. А. Буксгевденъ (по преданію дочери князя Г. Г. Орлова), графиней Софіей Ѳеодоровной Буксгевденъ (р. 1778 г., † 1828 г.), Нелидовъ имѣлъ многочисленное семейство, состоявшее изъ 6 сыновей и 7 дочерей, а именно: Ѳеодора, Аркадія (р. 1804 г.), Ивана (р. 1805 г.), Любима (р. 1810 г.), Іоасафа (р. 1815 г.) и Николая (р. 1817 г.), Екатерины (за камергеромъ Веревкинымъ), Наталіи, Елены, Софіи, Маріи, Варвары (извѣстная камеръ-фрейлина) и Любови (за генералъ-адъютантомъ П. П. Волковымъ).

(Съ портрета изъ Гатчинскаго дворца.)

142

ARCADE IVANOWITCH NÉLIDOFF, 1773—1854, frère cadet de la fameuse Catherine Nélidoff (1758—1839; v. T. III, № 31), demoiselle d'honneur honoraire et amie de l'Empereur Paul Ier, à laquelle il dut sa brillante carrière, d'une rapidité extraordinaire, même pour l'époque. Page de la Cour dès l'âge de 9 ans, il passa page de la chambre en 1793. Fait à l'avènement de Paul, le 6 novembre 1796, major et aide de camp de S. M., il fut successivement promu lieutenant-colonel le 9 novembre, colonel le 1er janvier 1797, puis, le 21 janvier suivant, général major et général aide de camp: il n'avait que 24 ans. L'Empereur lui conféra encore le jour de son couronnement l'ordre de Ste-Anne de 1re classe, et 1000 têtes de paysans, outre les 1000 qu'il lui avait déjà conférées le 5 décembre 1796. Le jeune général passe pour avoir eu, à l'exemple de sa noble sœur, une bienfaisante influence sur l'Empereur, mais son influence et ses succès de carrière tenaient uniquement au crédit de sa sœur: du jour où celui-ci fut ébranlé par les intrigues des Rostoptchine et des Koutaïssoff, la brouille survint, la favorite se vit évincée, et, le 19 août 1798, Nélidoff était destitué.

A l'avènement d'Alexandre Ier, Nélidoff fut remis en possession de sa dignité de général aide de camp, et promu général lieutenant au mois de juin 1801. Chef de la milice de Pskoff en 1806, il fut élu en 1811 maréchal de la noblesse du district de Schlusselbourg, mais, dès le 2 novembre de la même année, envoyé à Koursk comme gouverneur avec rang de conseiller privé. Relevé de ces fonctions en 1818, il devint le 21 juillet 1819 tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg, en même temps que membre du conseil de l'Institut Catherine et juge au tribunal de conscience de St-Pétersbourg. Il fut nommé sénateur le 2 avril 1825, élu en 1826 maréchal de la noblesse du gouvernement de St-Pétersbourg, puis, décoré le 2 avril 1827 de St-Alexandre, passa le 13 avril 1829 conseiller privé actuel.

Nélidoff mourut à Rével le 5 septembre 1854. Il avait épousé la comtesse Sophie Féodorowna Buxhœwden (1778—1828), fille d'une amie de sa sœur (et, dit-on, du prince Grégoire Orloff), la comtesse N. Buxhœwden. Il eut une nombreuse famille de six fils et sept filles, Théodore, Arcade (né 1804), Ivan (né 1805), Lubime (né 1810), Joasaphe (né 1815) et Nicolas (né 1817), Catherine, mariée au chambellan Vérevkine, Natalie, Hélène, Sophie, Marie, Varvara, connue comme demoiselle d'honneur honoraire, et Liouboff, mariée au général aide de camp P. Volkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

142

ARCADE IVANOWITCH NÉLIDOFF, 1773—1854, frère cadet de la fameuse Catherine Nélidoff (1758—1839; v. T. III, № 51), demoiselle d'honneur honoraire et amie de l'Empereur Paul Ier, à laquelle il dut sa brillante carrière, d'une rapidité extraordinaire, même pour l'époque. Page de la Cour dès l'âge de 9 ans, il passa page de la chambre en 1793. Fait à l'avènement de Paul, le 6 novembre 1796, major et aide de camp de S. M., il fut successivement promu lieutenant-colonel le 9 novembre, colonel le 1er janvier 1797, puis, le 21 janvier suivant, général major et général aide de camp: il n'avait que 24 ans. L'Empereur lui conféra encore le jour de son couronnement l'ordre de Ste-Anne de 1re classe, et 1000 têtes de paysans, outre les 1000 qu'il lui avait déjà conférées le 5 décembre 1796. Le jeune général passe pour avoir eu, à l'exemple de sa noble sœur, une bienfaisante influence sur l'Empereur, mais son influence et ses succès de carrière tenaient uniquement au crédit de sa sœur: du jour où celui-ci fut ébranlé par les intrigues des Rostoptchine et des Koutaïssoff, la brouille survint, la favorite se vit évincée, et, le 19 août 1798, Nélidoff était destitué.

A l'avènement d'Alexandre Ier, Nélidoff fut remis en possession de sa dignité de général aide de camp, et promu général lieutenant au mois de juin 1801. Chef de la milice de Pskoff en 1806, il fut élu en 1811 maréchal de la noblesse du district de Schlusselbourg, mais, dès le 2 novembre de la même année, envoyé à Koursk comme gouverneur avec rang de conseiller privé. Relevé de ces fonctions en 1818, il devint le 21 juillet 1819 tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg, en même temps que membre du conseil de l'Institut Catherine et juge au tribunal de conscience de St-Pétersbourg. Il fut nommé sénateur le 2 avril 1825, élu en 1826 maréchal de la noblesse du gouvernement de St-Pétersbourg, puis, décoré le 2 avril 1827 de St-Alexandre, passa le 13 avril 1829 conseiller privé actuel.

Nélidoff mourut à Revel le 3 septembre 1834. Il avait épousé la comtesse Sophie Féodorowna Buxhœwden (1778—1828), fille d'une amie de sa sœur (et, dit-on, du prince Grégoire Orloff), la comtesse N. Buxhœwden. Il eut une nombreuse famille de six fils et sept filles, Théodore, Arcade (né 1804), Ivan (né 1805), Lubime (né 1810), Joasaphe (né 1815) et Nicolas (né 1817), Catherine, mariée au chambellan Vérevkine, Natalie, Hélène, Sophie, Marie, Varvara, connue comme demoiselle d'honneur honoraire, et Lioubоff, mariée au général aide de camp P. Volkoff.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

143

Графъ ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ, 1798—1855, сынъ фаворита Екатерины II, министра Народнаго Просвѣщенія при Александрѣ I, графа Петра Васильевича (р. 1739 г., † 1812 г.), отъ брака съ графиней Вѣрой Николаевной Апраксиной (р. 1768 г., † 1845 г.), родился 15 Іюля 1798 г.; воспитаніе получилъ въ домѣ родителей. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ записанъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ Комиссію составленія законовъ и дошелъ въ этомъ званіи до чина губернскаго секретаря. Въ 1812 г. Завадовскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1818 г. опредѣлился въ военную службу корнетомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Назначенный въ 1820 г. адъютантомъ къ В. В. Левашову, онъ въ 1822 г. былъ произведенъ въ поручики и въ Ноябрѣ того же года по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ 1823 г. Завадовскій поступилъ на гражданскую службу чиновникомъ для особыхъ порученій въ министерство Внутреннихъ дѣлъ и во время погребенія Александра I и коронаціи Николая I исполнялъ обязанности церемоніймейстера. Въ 1826 г., 18 Апрѣля, онъ былъ пожалованъ въ камергеры, а въ день коронаціи въ церемоніймейстеры. Съ 1828 по 1833 г. Завадовскій занималъ должность оберъ-прокурора Сената, а, сверхъ того, съ 1829 г. управлялъ экспедиціей ордена св. Анны и съ 1833 г. состоялъ церемоніймейстеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ 1830 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1831 г., во время холеры, былъ попечителемъ Московской части и своею дѣятельностью заслужилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, въ 1833 г. назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ Юстиціи, въ 1840 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и въ 1849 г. почетнымъ опекуномъ. Труды его по этимъ должностямъ были награждены орденами св. Анны 1 степени (1833 г. и 1836 г. съ короной), св. Владиміра 2 степени (1848 г.), Бѣлаго Орла (1851 г.) и св. Александра Невскаго (1855 г.). Кромѣ того, у него былъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Съ 1843 по 1845 г. Завадовскій по болѣзни былъ въ заграничномъ отпуску; 10 Октября 1855 г. онъ скончался и погребенъ въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры.

Графъ В. П. Завадовскій имѣлъ значительное состояніе (у него было болѣе 5/т. душъ крестьянъ въ Черниговской, Полтавской, Могилевской, Псковской и Петербургской губерніяхъ, дачи на южномъ берегу Крыма и близъ Петербурга, домъ въ Нарвѣ), но дѣла его были разстроены. Въ 1833 г. онъ получилъ отъ своего двоюроднаго брата, графа Ив. Як. Завадовскаго (р. 1785 г., † 6 Марта 1833 г.), наслѣдство въ 600/т. рублей и по этому поводу К. Я. Булгаковъ, бывшій съ нимъ въ большой дружбѣ, писалъ своему брату: „Вотъ переходъ для Завадовскаго, которому приходилось круто отъ обстоятельствъ, ибо онъ очень дѣла разстроилъ. Теперь можетъ еще не только поправить, но имѣть ихъ въ цвѣтущемъ состояніи, и, надѣюсь, уже не впадетъ въ прежнія ошибки. Сыну его покойный оставилъ 900 душъ, прекрасное имѣніе.... Завадовскій нашъ воскреснетъ отъ этого наслѣдства, его положеніе было очень затруднительно, но Богъ добрыхъ не оставляетъ, а онъ точно добрый человѣкъ". По отзыву современниковъ, В. П. Завадовскій отличался видной, красивой наружностью и высокимъ ростомъ и былъ очень привѣтливъ. Съ 31 Октября 1824 г. онъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Еленѣ Михайловнѣ Влодекъ (р. 1807 г., † 1874 г.) и имѣлъ единственнаго сына Петра, умершаго въ 1842 году 14 лѣтъ.

(Съ миніатюры Лагрене; собственность А. Н. Никольскаго, въ С.-Петербургѣ.)

143

Графъ ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ, 1798—1855, сынъ фаворита Екатерины II, министра Народнаго Просвѣщенія при Александрѣ I, графа Петра Васильевича (р. 1739 г., † 1812 г.), отъ брака съ графиней Вѣрой Николаевной Апраксиной (р. 1768 г., † 1845 г.), родился 15 Іюля 1798 г.; воспитаніе получилъ въ домѣ родителей. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ записанъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ Комиссію составленія законовъ и дошелъ въ этомъ званіи до чина губернскаго секретаря. Въ 1812 г. Завадовскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1818 г. опредѣлился въ военную службу корнетомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Назначенный въ 1820 г. адъютантомъ къ В. В. Левашову, онъ въ 1822 г. былъ произведенъ въ поручики и въ Ноябрѣ того же года по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ 1823 г. Завадовскій поступилъ на гражданскую службу чиновникомъ для особыхъ порученій въ министерство Внутреннихъ дѣлъ и во время погребенія Александра I и коронаціи Николая I исполнялъ обязанности церемоніймейстера. Въ 1826 г., 18 Апрѣля, онъ былъ пожалованъ въ камергеры, а въ день коронаціи въ церемоніймейстеры. Съ 1828 по 1833 г. Завадовскій занималъ должность оберъ-прокурора Сената, а, сверхъ того, съ 1829 г. управлялъ экспедиціей ордена св. Анны и съ 1833 г. состоялъ церемоніймейстеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ 1830 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1831 г., во время холеры, былъ попечителемъ Московской части и своею дѣятельностью заслужилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, въ 1833 г. назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ Юстиціи, въ 1840 г. пожалованъ въ сенаторы, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и въ 1849 г. почетнымъ опекуномъ. Труды его по этимъ должностямъ были награждены орденами св. Анны 1 степени (1833 г. и 1836 г. съ короной), св. Владиміра 2 степени (1848 г.), Бѣлаго Орла (1851 г.) и св. Александра Невскаго (1855 г.). Кромѣ того, у него былъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Съ 1843 по 1845 г. Завадовскій по болѣзни былъ въ заграничномъ отпуску; 10 Октября 1855 г. онъ скончался и погребенъ въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры.

Графъ В. П. Завадовскій имѣлъ значительное состояніе (у него было болѣе 5/т. душъ крестьянъ въ Черниговской, Полтавской, Могилевской, Псковской и Петербургской губерніяхъ, дачи на южномъ берегу Крыма и близъ Петербурга, домъ въ Нарвѣ), но дѣла его были разстроены. Въ 1833 г. онъ получилъ отъ своего двоюроднаго брата, графа Ив. Як. Завадовскаго (р. 1785 г., † 6 Марта 1833 г.), наслѣдство въ 600/т. рублей и по этому поводу К. Я. Булгаковъ, бывшій съ нимъ въ большой дружбѣ, писалъ своему брату: „Вотъ переходъ для Завадовскаго, которому приходилось круто отъ обстоятельствъ, ибо онъ очень дѣла разстроилъ. Теперь можетъ еще не только поправить, но имѣть ихъ въ цвѣтущемъ состояніи, и, надѣюсь, уже не впадетъ въ прежнія ошибки. Сыну его покойный оставилъ 900 душъ, прекрасное имѣніе.... Завадовскій нашъ воскреснетъ отъ этого наслѣдства, его положеніе было очень затруднительно, но Богъ добрыхъ не оставляетъ, а онъ точно добрый человѣкъ". По отзыву современниковъ, В. П. Завадовскій отличался видной, красивой наружностью и высокимъ ростомъ и былъ очень привѣтливъ. Съ 31 Октября 1824 г. онъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Еленѣ Михайловнѣ Влодекъ (р. 1807 г., † 1874 г.) и имѣлъ единственнаго сына Петра, умершаго въ 1842 году 14 лѣтъ.

(Съ миніатюры Лагрене; собственность А. Н. Никольскаго, въ С.-Петербургѣ.)

143

Le comte BASILE PÉTROWITCH ZAVADOWSKY, 1798—1855, fils du comte Pierre Vassiliewitch Zavadowsky (1739—1812), favori de Catherine II et ministre de l'instruction publique sous Alexandre Ier, et de la comtesse Véra Nikolaewna, née Apraxine (1768—1845), naquit le 15 juillet 1798, et fut élevé dans sa famille. Enrôlé à l'âge de 12 ans commis de chancellerie à la Commission de rédaction des lois, il y parvint au rang de secrétaire de gouvernement. Gentilhomme de la chambre en 1812, il prit en 1818 du service comme cornette aux hussards de la Garde, puis, aide de camp de Lévachoff en 1820, passa lieutenant en 1822, et, la même année, donna sa démission en novembre pour raisons de santé. Il rentra en 1823 au service civil comme fonctionnaire des commissions spéciales au ministère de l'intérieur et fit fonctions de maître des cérémonies aux funérailles d'Alexandre Ier et au couronnement de Nicolas Ier. Chambellan le 18 avril 1826 et maître des cérémonies le jour du couronnement, il fut de 1828 à 1833 haut procureur du Sénat, et en outre, à partir de 1829, gérant de la chancellerie de l'ordre de Ste-Anne, puis, en 1833, maître des cérémonies de l'ordre de St-Alexandre Newsky; il obtint en 1830 St-Vladimir de 3e classe et le rang de conseiller d'état actuel. Curateur du quartier de Moscou à St-Pétersbourg durant le choléra de 1831, il y gagna St-Stanislas de 1re classe. En 1833, il fut nommé membre de la consultation du ministère de la justice, en 1840 sénateur avec rang de conseiller privé, et en 1849 tuteur honoraire. Ces diverses fonctions lui valurent Ste-Anne (1833, avec la couronne en 1836), St-Vladimir de 2e classe (1848), l'Aigle Blanc (1851) et St-Alexandre Newsky (1855); il avait encore Saint-Jean-de-Jérusalem. De 1843 à 1845, il fut en congé à l'étranger pour raisons de santé. Il mourut le 10 octobre 1855, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église St-Théodore.

Zavadowsky possédait une grosse fortune: il avait plus de 3000 têtes de paysans aux gouvernements de Tchernigoff, Poltava, Mohileff, Pskoff et St-Pétersbourg, des villas sur la côte de Crimée et aux environs de Pétersbourg et une maison à Narva. Mais ses affaires étaient en mauvais état. En 1833, il hérita de 600.000 roubles de son cousin germain le comte I. Zavadowsky: „Le voilà tiré d'affaire, dans la mauvaise passe où il est", écrit à son frère Constantin Boulgakoff, qui était lié avec lui, „car il a bien compromis sa fortune. Lui voilà maintenant de quoi non seulement la restaurer, mais encore la rendre florissante, et j'espère qu'il ne retombera plus dans ses errements.... Son frère hérite aussi de 900 têtes de paysans et d'une magnifique propriété.... C'est le salut, pour Zavadowsky, cet héritage! Sa position était bien difficile, mais Dieu n'abandonne pas les gens de bien, et c'est vraiment un excellent homme". Les contemporains le représentent comme un bel homme, grand, bien fait et fort aimable. Il avait épousé le 31 octobre 1824 la belle Hélène Mikhaïlowna Wlodeck (1807—1874), dont il eut un fils unique, Pierre, mort en 1842 à l'âge de 14 ans.

(D'après une miniature de Lagrenée, appartenant à A. Nikolsky, St-Pétersbourg.)

143

Le comte BASILE PÉTROWITCH ZAVADOWSKY, 1798—1855, fils du comte Pierre Vassiliewitch Zavadowsky (1739—1812), favori de Catherine II et ministre de l'instruction publique sous Alexandre Ier, et de la comtesse Véra Nikolaewna, née Apraxine (1768—1845), naquit le 15 juillet 1798, et fut élevé dans sa famille. Enrôlé à l'âge de 12 ans commis de chancellerie à la Commission de rédaction des lois, il y parvint au rang de secrétaire de gouvernement. Gentilhomme de la chambre en 1812, il prit en 1818 du service comme cornette aux hussards de la Garde, puis, aide de camp de Lévachoff en 1820, passa lieutenant en 1822, et, la même année, donna sa démission en novembre pour raisons de santé. Il rentra en 1823 au service civil comme fonctionnaire des commissions spéciales au ministère de l'intérieur et fit fonctions de maître des cérémonies aux funérailles d'Alexandre Ier et au couronnement de Nicolas Ier. Chambellan le 18 avril 1826 et maître des cérémonies le jour du couronnement, il fut de 1828 à 1833 haut procureur du Sénat, et en outre, à partir de 1829, gérant de la chancellerie de l'ordre de Ste-Anne, puis, en 1833, maître des cérémonies de l'ordre de St-Alexandre Newsky; il obtint en 1830 St-Vladimir de 3e classe et le rang de conseiller d'état actuel. Curateur du quartier de Moscou à St-Pétersbourg durant le choléra de 1831, il y gagna St-Stanislas de 1re classe. En 1833, il fut nommé membre de la consultation du ministère de la justice, en 1840 sénateur avec rang de conseiller privé, et en 1849 tuteur honoraire. Ces diverses fonctions lui valurent Ste-Anne (1833, avec la couronne en 1836), St-Vladimir de 2e classe (1848), l'Aigle Blanc (1851) et St-Alexandre Newsky (1855); il avait encore Saint-Jean-de-Jérusalem. De 1843 à 1845, il fut en congé à l'étranger pour raisons de santé. Il mourut le 10 octobre 1855, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église St-Théodore.

Zavadowsky possédait une grosse fortune: il avait plus de 3000 têtes de paysans aux gouvernements de Tchernigoff, Poltava, Mohileff, Pskoff et St-Pétersbourg, des villas sur la côte de Crimée et aux environs de Pétersbourg et une maison à Narva. Mais ses affaires étaient en mauvais état. En 1833, il hérita de 600.000 roubles de son cousin germain le comte I. Zavadowsky: „Le voilà tiré d'affaire, dans la mauvaise passe où il est", écrit à son frère Constantin Boulgakoff, qui était lié avec lui, „car il a bien compromis sa fortune. Lui voilà maintenant de quoi non seulement la restaurer, mais encore la rendre florissante, et j'espère qu'il ne retombera plus dans ses errements.... Son frère hérite aussi de 900 têtes de paysans et d'une magnifique propriété.... C'est le salut, pour Zavadowsky, cet héritage! Sa position était bien difficile, mais Dieu n'abandonne pas les gens de bien, et c'est vraiment un excellent homme". Les contemporains le représentent comme un bel homme, grand, bien fait et fort aimable. Il avait épousé le 31 octobre 1824 la belle Hélène Mikhaïlowna Wlodeck (1807—1874), dont il eut un fils unique, Pierre, mort en 1842 à l'âge de 14 ans.

(D'après une miniature de Lagrenée, appartenant à A. Nikolsky, St-Pétersbourg.)

Князь СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1862, сынъ флота-капитана князя Ивана Сергѣевича, извѣстнаго въ Москвѣ масона, женатаго на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Волконской, родился 17 Января 1777 г.; записанный въ Преображенскій полкъ въ 1787 г., Гагаринъ 13 лѣтъ, 16 Марта 1790 г., переведенъ былъ вахмистромъ въ Конную гвардію, откуда, спустя 4 года (1 Января 1794 г.), выпущенъ въ армію капитаномъ, а 11 Ноября 1795 г. отставленъ отъ службы секундъ-майоромъ. Князь Гагаринъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1796 г., съ чиномъ коллежскаго асессора, опредѣленъ въ Иностранную Коллегію; 20 Января 1799 г. пожалованъ въ камергеры. Пробывъ съ 16 Августа 1800 г. по 1 Іюня 1801 г. членомъ Бергъ-Коллегіи, Гагаринъ опять вернулся въ Иностранную Коллегію и 5 Іюля 1802 г. опредѣленъ къ Неаполитанскому посольству, а, 3 года спустя, въ 1805 г. назначенъ директоромъ училища Корабельной архитектуры по Адмиралтействъ-Коллегіи. Произведенный въ 1807 г. въ тайные совѣтники, князь С. И. Гагаринъ въ началѣ 1811 г. пожалованъ былъ въ сенаторы. Выйдя въ отставку въ Апрѣлѣ 1817 г., онъ только въ 1826 г., 18 Августа, вновь поступилъ на службу почетнымъ опекуномъ по Московскому Опекунскому совѣту, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ также и членомъ совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ. Награжденный орденомъ св. Анны 1-й степени (27 Марта 1828 г.), Гагаринъ былъ назначенъ завѣдывающимъ домомъ призрѣнія сиротъ при Воспитательномъ домѣ въ 1830 г. и пожалованъ въ 1831 г., 19 Іюля, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ, 22 Августа, президентомъ въ Московскую Дворцовую контору, съ пожалованіемъ въ оберъ-гофмейстеры и орденомъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1833 г., 1 Апрѣля, онъ получилъ Александровскую звѣзду; 3 Марта 1835 г. князь Гагаринъ былъ уволенъ отъ должности президента Дворцовой конторы и изъ придворнаго званія; получивъ въ 1841 г., 15 Апрѣля, орденъ св. Владиміра 1-й степени, онъ былъ назначенъ 6 Декабря 1842 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ членомъ Московскаго отдѣленія Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

Князь С. И. Гагаринъ умеръ въ Москвѣ 4 Декабря 1862 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ женой, кавалерственной дамой, княгиней Варварой Михайловной, рожденной Пушкиной (р. 12 Мая 1799 г., † 8 Августа 1854 г.). Отъ этого брака было двое дѣтей: сынъ, князь Иванъ (р. 20 Іюля 1814 г., † 7 Іюля 1882 г.; извѣстный іезуитъ), и дочь Марія (р. 25 Іюля 1815 г., † 27 Октября 1902 г.; въ замужествѣ за генералъ-майоромъ С. П. Бутурлинымъ).

Князь С. И. Гагаринъ былъ исконнымъ москвичемъ, прожившимъ здѣсь всю свою жизнь въ громадномъ своемъ барскомъ домѣ, на Знаменкѣ, когда-то графа Ал. Ром. Воронцова, перешедшемъ потомъ къ дочери князя С. И. Гагарина, М. С. Бутурлиной, а теперь уже занятомъ какимъ-то частнымъ учебнымъ заведеніемъ. Онъ былъ человѣкъ богатый, владѣлецъ 5/т. душъ и 30/т. десятинъ земли.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Князь СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1862, сынъ флота-капитана князя Ивана Сергѣевича, извѣстнаго въ Москвѣ масона, женатаго на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Волконской, родился 17 Января 1777 г.; записанный въ Преображенскій полкъ въ 1787 г., Гагаринъ 13 лѣтъ, 16 Марта 1790 г., переведенъ былъ вахмистромъ въ Конную гвардію, откуда, спустя 4 года (1 Января 1794 г.), выпущенъ въ армію капитаномъ, а 11 Ноября 1795 г. отставленъ отъ службы секундъ-майоромъ. Князь Гагаринъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1796 г., съ чиномъ коллежскаго асессора, опредѣленъ въ Иностранную Коллегію; 20 Января 1799 г. пожалованъ въ камергеры. Пробывъ съ 16 Августа 1800 г. по 1 Іюня 1801 г. членомъ Бергъ-Коллегіи, Гагаринъ опять вернулся въ Иностранную Коллегію и 5 Іюля 1802 г. опредѣленъ къ Неаполитанскому посольству, а, 3 года спустя, въ 1805 г. назначенъ директоромъ училища Корабельной архитектуры по Адмиралтействъ-Коллегіи. Произведенный въ 1807 г. въ тайные совѣтники, князь С. И. Гагаринъ въ началѣ 1811 г. пожалованъ былъ въ сенаторы. Выйдя въ отставку въ Апрѣлѣ 1817 г., онъ только въ 1826 г., 18 Августа, вновь поступилъ на службу почетнымъ опекуномъ по Московскому Опекунскому совѣту, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ также и членомъ совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ. Награжденный орденомъ св. Анны 1-й степени (27 Марта 1828 г.), Гагаринъ былъ назначенъ завѣдывающимъ домомъ призрѣнія сиротъ при Воспитательномъ домѣ въ 1830 г. и пожалованъ въ 1831 г., 19 Іюля, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ, 22 Августа, президентомъ въ Московскую Дворцовую контору, съ пожалованіемъ въ оберъ-гофмейстеры и орденомъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1833 г., 1 Апрѣля, онъ получилъ Александровскую звѣзду; 3 Марта 1835 г. князь Гагаринъ былъ уволенъ отъ должности президента Дворцовой конторы и изъ придворнаго званія; получивъ въ 1841 г., 15 Апрѣля, орденъ св. Владиміра 1-й степени, онъ былъ назначенъ 6 Декабря 1842 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ членомъ Московскаго отдѣленія Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

Князь С. И. Гагаринъ умеръ въ Москвѣ 4 Декабря 1862 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ женой, кавалерственной дамой, княгиней Варварой Михайловной, рожденной Пушкиной (р. 12 Мая 1799 г., † 8 Августа 1854 г.). Отъ этого брака было двое дѣтей: сынъ, князь Иванъ (р. 20 Іюля 1814 г., † 7 Іюля 1882 г.; извѣстный іезуитъ), и дочь Марія (р. 25 Іюля 1815 г., † 27 Октября 1902 г.; въ замужествѣ за генералъ-майоромъ С. П. Бутурлинымъ).

Князь С. И. Гагаринъ былъ исконнымъ москвичемъ, прожившимъ здѣсь всю свою жизнь въ громадномъ своемъ барскомъ домѣ, на Знаменкѣ, когда-то графа Ал. Ром. Воронцова, перешедшемъ потомъ къ дочери князя С. И. Гагарина, М. С. Бутурлиной, а теперь уже занятомъ какимъ-то частнымъ учебнымъ заведеніемъ. Онъ былъ человѣкъ богатый, владѣлецъ 5/т. душъ и 30/т. десятинъ земли.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Le prince SERGE IVANOWITCH GAGARINE, 1777—1862, fils du prince Ivan Serguéewitch Gagarine, capitaine de la marine, connu à Moscou comme franc-maçon, et de la princesse Marie Alexéewna, née Wolkonsky, naquit le 17 janvier 1777. Enrôlé en 1787 au régiment Préobragensky, il permuta le 16 mars 1790, alors âgé de 13 ans, vaguemestre à la Garde à cheval, d'où il passa quatre ans plus tard, le 1er janvier 1794, capitaine à l'armée. Il quitta le service militaire second major le 11 novembre 1795 pour prendre du service civil, et fut affecté en 1796 au Collège des Affaires étrangères avec rang d'assesseur de collège. Chambellan le 20 janvier 1799, membre du Collège des Mines du 16 août 1800 au 1er juin 1801, il revint ensuite aux Affaires étrangères, et fut attaché le 5 juillet 1802 à l'ambassade de Naples. Trois ans plus tard, en 1805, il passa au Collège des Amirautés, comme directeur de l'Ecole du Génie Maritime. Conseiller privé en 1807, il fut fait sénateur au commencement de 1811. Il prit sa retraite en avril 1817, et ce ne fut que le 18 août 1826 qu'il rentra en activité comme tuteur honoraire au Conseil de Tutelle de Moscou, où il fut en outre l'année suivante membre du conseil des Instituts Catherine et Alexandre. Décoré le 27 mars 1828 de Ste-Anne de 1re classe, il fut nommé en 1830 gérant de l'orphelinat des Enfants-Trouvés, et, l'année suivante, promu le 19 juillet conseiller privé actuel. Le 22 août suivant, il devint président du bureau des Palais de Moscou, grand maître de la Cour et chevalier de St-Vladimir de 2e classe. Gratifié de l'étoile de St-Alexandre le 1er avril 1833, il fut le 3 mars 1835 relevé de ses fonctions au Bureau des Palais et de sa charge à la Cour, puis, décoré le 15 avril 1841 de St-Vladimir de 1re classe, passa le 6 décembre 1842 au Conseil de l'Empire, tout en restant membre de la section de Moscou du conseil général des établissements d'instruction de jeunes filles.

Le prince Gagarine mourut à Moscou le 4 décembre 1862, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, près de sa femme, dame de Ste-Catherine, la princesse Varvara Mikhaïlowna, née Pouchkine (12 mai 1799—8 août 1854). De ce mariage naquirent deux enfants, le fameux jésuite Ivan Gagarine (20 juillet 1814—7 juillet 1882) et une fille Marie (25 juillet 1815—27 octobre 1902), mariée au général major S. Boutourline.

Moscovite de souche, le prince Gagarine resta toute sa vie à Moscou, dans son immense maison de la Znamenka, qui passa après lui à sa fille et donne asile aujourd'hui à un établissement d'instruction libre; elle avait appartenu jadis au comte Alexandre Worontzoff. Le prince Gagarine était à la tête d'une assez grosse fortune: il possédait 5000 têtes de paysans et 30.000 hectares de terre.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Le prince SERGE IVANOWITCH GAGARINE, 1777—1862, fils du prince Ivan Serguéewitch Gagarine, capitaine de la marine, connu à Moscou comme franc-maçon, et de la princesse Marie Alexéewna, née Wolkonsky, naquit le 17 janvier 1777. Enrôlé en 1787 au régiment Préobragensky, il permuta le 16 mars 1790, alors âgé de 13 ans, vaguemestre à la Garde à cheval, d'où il passa quatre ans plus tard, le 1er janvier 1794, capitaine à l'armée. Il quitta le service militaire second major le 11 novembre 1795 pour prendre du service civil, et fut affecté en 1796 au Collège des Affaires étrangères avec rang d'assesseur de collège. Chambellan le 20 janvier 1799, membre du Collège des Mines du 16 août 1800 au 1er juin 1801, il revint ensuite aux Affaires étrangères, et fut attaché le 5 juillet 1802 à l'ambassade de Naples. Trois ans plus tard, en 1805, il passa au Collège des Amirautés, comme directeur de l'Ecole du Génie Maritime. Conseiller privé en 1807, il fut fait sénateur au commencement de 1811. Il prit sa retraite en avril 1817, et ce ne fut que le 18 août 1826 qu'il rentra en activité comme tuteur honoraire au Conseil de Tutelle de Moscou, où il fut en outre l'année suivante membre du conseil des Instituts Catherine et Alexandre. Décoré le 27 mars 1828 de Ste-Anne de 1re classe, il fut nommé en 1830 gérant de l'orphelinat des Enfants-Trouvés, et, l'année suivante, promu le 19 juillet conseiller privé actuel. Le 22 août suivant, il devint président du bureau des Palais de Moscou, grand maître de la Cour et chevalier de St-Vladimir de 2e classe. Gratifié de l'étoile de St-Alexandre le 1er avril 1833, il fut le 3 mars 1835 relevé de ses fonctions au Bureau des Palais et de sa charge à la Cour, puis, décoré le 15 avril 1841 de St-Vladimir de 1re classe, passa le 6 décembre 1842 au Conseil de l'Empire, tout en restant membre de la section de Moscou du conseil général des établissements d'instruction de jeunes filles.

Le prince Gagarine mourut à Moscou le 4 décembre 1862, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, près de sa femme, dame de Ste-Catherine, la princesse Varvara Mikhaïlowna, née Pouchkine (12 mai 1799—8 août 1854). De ce mariage naquirent deux enfants, le fameux jésuite Ivan Gagarine (20 juillet 1814—7 juillet 1882) et une fille Marie (25 juillet 1815—27 octobre 1902), mariée au général major S. Boutourline.

Moscovite de souche, le prince Gagarine resta toute sa vie à Moscou, dans son immense maison de la Znamenka, qui passa après lui à sa fille et donne asile aujourd'hui à un établissement d'instruction libre; elle avait appartenu jadis au comte Alexandre Worontzoff. Le prince Gagarine était à la tête d'une assez grosse fortune: il possédait 5000 têtes de paysans et 30.000 hectares de terre.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Графъ МАТВѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, 1790—1863, сынъ фаворита Екатерины II, графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, отъ брака его съ княжной Дарьей Ѳедоровной Щербатовой, родился 14 Сентября 1790 года. Рано лишившись родителей, онъ получилъ образованіе въ іезуитскомъ пансіонѣ во Франціи. Пожалованный 19 лѣтъ въ камеръ-юнкеры, онъ въ 1810 г. началъ службу совѣтникомъ Московскаго Губернскаго правленія, а въ 1811 году былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 6 (Московскаго) Департамента Сената. Въ 1812 году онъ сформировалъ на свой счетъ казачій полкъ и былъ назначенъ его шефомъ. За отличіе подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ получилъ золотую саблю и въ 1813 году былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Не поладивъ съ военнымъ начальствомъ, онъ въ 1816 году взялъ отпускъ за границу для лѣченія, а въ 1819 году получилъ полную отставку. Съ этого времени графъ сталъ жить отшельникомъ-невидимкой въ своей подмосковной Дубровицахъ, но скоро его эксцентричности побудили правительство назначить надъ нимъ опеку и перевезти его въ Москву, подъ надзоръ врачей. Послѣднія 30 лѣтъ онъ провелъ на Мамоновской дачѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ умеръ 11 Іюня 1863 года отъ несчастнаго случая: онъ поджогъ на себѣ смоченную одеколономъ рубашку и обжегся, а особенно испугался. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ.

Похожій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на Петра Великаго, независимый, благодаря огромному состоянію, доходившему до 15/т. душъ крестьянъ и 90/т. десятинъ земли, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался необыкновенной гордостью и былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ „русскихъ Монморанси", которыхъ появилось особенно много среди баловней придворнаго фаворитизма XVIII вѣка. Не довольствуясь своимъ происхожденіемъ отъ Мономаха, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ гордился тѣмъ, что собственно было вовсе нелестнымъ для его рода, т.-е. „случаемъ" своего отца у Екатерины II, и, желая усугубить благородство своей рюриковой крови, „приписывалъ рожденію своему значеніе, которое оно не имѣло и по расчету времени имѣть не могло". Надменный графъ „не признавалъ властей", постоянно ссорился съ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ и однажды перепугалъ старика графа И. В. Гудовича, загородивъ ему дорогу въ полномъ присутствіи Сената, чтобы потребовать у него отчета въ одномъ распоряженіи, нарушившемъ, по мнѣнію графа Дмитріева-Мамонова, его оберъ-прокурорскія прерогативы. Во вторую половину жизни онъ страдалъ рѣзко выраженной маніей величія и преслѣдованія. Онъ то воображалъ себя царемъ или папой, твердилъ о своемъ превосходствѣ надъ „подлыми" людьми и требовалъ, чтобы доктора ходили у него по двору безъ шапокъ; то впадалъ въ угнетенное состояніе духа, считалъ себя „въ узахъ заключеннымъ", жаловался на притѣсненія „адскихъ злодѣевъ", своихъ врачей и надзирателей, писалъ реестръ своихъ враговъ подъ заглавіемъ „Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte", и опасливо указывалъ на то, что ключъ отъ дверей изъ его комнаты въ кухню „у враждебнаго ему человѣка, а кухня полна ножей". Впрочемъ, опекуны, часто мѣнявшіеся, не были всегда добросовѣстны и внимательны къ больному, а психіатрія первой половины XIX вѣка, не мудрствуя лукаво, примѣняла къ графу, какъ и къ другимъ своимъ паціентамъ, обычныя панацеи въ видѣ горячечныхъ рубашекъ и „литія свысока студеной воды на голову", такъ что графъ былъ едва ли не правъ, говоря: „Фи, стыдно! Какъ меня мучили и, муча, обкрадывали!" Увлеченіе модой, а, можетъ-быть, и болѣзненная страсть къ таинственному побудила графа Дмитріева-Мамонова вступить въ общество мартинистовъ; стѣны его спальни были украшены кабалистическими картинами, и незадолго до болѣзни онъ, вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, намѣревался учредить какое-то тайное общество „Русскихъ рыцарей". Онъ не былъ чуждъ литературы: печаталъ духовныя оды и написалъ „Remarques" на книгу Кастера объ Екатеринѣ II; въ періодъ болѣзни онъ, какъ многіе паралитики, обнаруживалъ ясность ума внѣ сферы вліянія его idées fixes, писалъ свои „Mémoires" и усиленно читалъ книги.

Рожденный баловнемъ судьбы, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, среди роскошной обстановки, влачилъ самое жалкое существованіе, закончившееся неожиданною и ужасною смертью. Онъ умеръ со спокойствіемъ философа. „Вотъ я и умираю", были его послѣднія слова, „ну что же, я довольно пожилъ!"

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Графъ МАТВѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, 1790—1863, сынъ фаворита Екатерины II, графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, отъ брака его съ княжной Даріей Ѳедоровной Щербатовой, родился 14 Сентября 1790 года. Рано лишившись родителей, онъ получилъ образованіе въ іезуитскомъ пансіонѣ во Франціи. Пожалованный 19 лѣтъ въ камеръ-юнкеры, онъ въ 1810 г. началъ службу совѣтникомъ Московскаго Губернскаго правленія, а въ 1811 году былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 6 (Московскаго) Департамента Сената. Въ 1812 году онъ сформировалъ на свой счетъ казачій полкъ и былъ назначенъ его шефомъ. За отличіе подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ получилъ золотую саблю и въ 1813 году былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Не поладивъ съ военнымъ начальствомъ, онъ въ 1816 году взялъ отпускъ за границу для лѣченія, а въ 1819 году получилъ полную отставку. Съ этого времени графъ сталъ жить отшельникомъ-невидимкой въ своей подмосковной Дубровицахъ, но скоро его эксцентричности побудили правительство назначить надъ нимъ опеку и перевезти его въ Москву, подъ надзоръ врачей. Послѣднія 30 лѣтъ онъ провелъ на Мамоновской дачѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ умеръ 11 Іюня 1863 года отъ несчастнаго случая: онъ поджогъ на себѣ смоченную одеколономъ рубашку и обжегся, а особенно испугался. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ.

Похожій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на Петра Великаго, независимый, благодаря огромному состоянію, доходившему до 15/т. душъ крестьянъ и 90/т. десятинъ земли, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался необыкновенной гордостью и былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ „русскихъ Монморанси", которыхъ появилось особенно много среди баловней придворнаго фаворитизма XVIII вѣка. Не довольствуясь своимъ происхожденіемъ отъ Мономаха, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ гордился тѣмъ, что собственно было вовсе нелестнымъ для его рода, т.-е. „случаемъ" своего отца у Екатерины II, и, желая усугубить благородство своей рюриковой крови, „приписывалъ рожденію своему значеніе, которое оно не имѣло и по расчету времени имѣть не могло". Надменный графъ „не признавалъ властей", постоянно ссорился съ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ и однажды перепугалъ старика графа И. В. Гудовича, загородивъ ему дорогу въ полномъ присутствіи Сената, чтобы потребовать у него отчета въ одномъ распоряженіи, нарушившемъ, по мнѣнію графа Дмитріева-Мамонова, его оберъ-прокурорскія прерогативы. Во вторую половину жизни онъ страдалъ рѣзко выраженной маніей величія и преслѣдованія. Онъ то воображалъ себя царемъ или папой, твердилъ о своемъ превосходствѣ надъ „подлыми" людьми и требовалъ, чтобы доктора ходили у него по двору безъ шапокъ; то впадалъ въ угнетенное состояніе духа, считалъ себя „въ узахъ заключеннымъ", жаловался на притѣсненія „адскихъ злодѣевъ", своихъ врачей и надзирателей, писалъ реестръ своихъ враговъ подъ заглавіемъ „Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte", и опасливо указывалъ на то, что ключъ отъ дверей изъ его комнаты въ кухню „у враждебнаго ему человѣка, а кухня полна ножей". Впрочемъ, опекуны, часто мѣнявшіеся, не были всегда добросовѣстны и внимательны къ больному, а психіатрія первой половины XIX вѣка, не мудрствуя лукаво, примѣняла къ графу, какъ и къ другимъ своимъ паціентамъ, обычныя панацеи въ видѣ горячечныхъ рубашекъ и „литія свысока студеной воды на голову", такъ что графъ былъ едва ли не правъ, говоря: „Фи, стыдно! Какъ меня мучили и, муча, обкрадывали!" Увлеченіе модой, а, можетъ-быть, и болѣзненная страсть къ таинственному побудила графа Дмитріева-Мамонова вступить въ общество мартинистовъ; стѣны его спальни были украшены кабалистическими картинами, и незадолго до болѣзни онъ, вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, намѣревался учредить какое-то тайное общество „Русскихъ рыцарей". Онъ не былъ чуждъ литературы: печаталъ духовныя оды и написалъ „Remarques" на книгу Кастера объ Екатеринѣ II; въ періодъ болѣзни онъ, какъ многіе паралитики, обнаруживалъ ясность ума внѣ сферы вліянія его idées fixes, писалъ свои „Mémoires" и усиленно читалъ книги.

Рожденный баловнемъ судьбы, графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, среди роскошной обстановки, влачилъ самое жалкое существованіе, закончившееся неожиданною и ужасною смертью. Онъ умеръ со спокойствіемъ философа. „Вотъ я и умираю", были его послѣднія слова, „ну что же, я довольно пожилъ!"

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte MATHIEU ALEXANDROWITCH DMITRIEFF-MAMONOFF, 1790—1863, fils du comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff, favori de Catherine II, et de Daria Féodorowna, née princesse Chtcherbatoff, naquit le 14 septembre 1790. De bonne heure orphelin de père et de mère, il fit ses études dans une pension de Jésuites en France. Gentilhomme de la chambre à 19 ans, il entra au service en 1810 comme conseiller dans l'administration du gouvernement de Moscou, et fut nommé l'année suivante haut procureur du 6e département du Sénat, à Moscou. En 1812, il forma à ses frais un régiment de Cosaques et en fut fait chef. Taroutino et Malo-Yaroslavetz lui valurent un sabre d'or, et il passa général major en 1813. A la suite de malentendus avec ses chefs, il prit en 1816 un congé de convalescence à l'étranger, et quitta définitivement le service en 1819. Il se mit dès lors à mener une vie de reclus dans sa propriété de Doubrovitzy, aux environs de Moscou, mais bientôt ses excentricités le firent mettre en tutelle et transférer à Moscou sous la surveillance de spécialistes. Il passa ses trente dernières années à la villa des Mamonoff, au Mont-des-Moineaux, et périt victime d'un accident le 11 juin 1863: il avait mis le feu à sa camisole imbibée d'eau de Cologne, et mourut, tant de ses brûlures que de frayeur. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Rappelant au physique Pierre-le-Grand, selon quelques-uns, le comte Dmitrieff-Mamonoff, bouffi d'orgueil avec l'indépendance que lui procurait sa grosse fortune de 15.000 têtes de paysans et 90.000 hectares de terre, était un de ces vrais types de Montmorency russes, comme on en vit pulluler à la fin du siècle parmi les enfants gâtés du favoritisme de Cour. Non content de remonter à Vladimir Monomaque, il mettait sa fierté là où on s'y attendrait le moins, dans la „fortune“ de son père près de Catherine II, et, pour ajouter encore à l'éclat que son sang tenait de Rurik, „attribuait à sa naissance une importance qu'elle n'avait pas et, en raison des dates, ne pouvait avoir“. Ne connaissant pas de maître, il était sans cesse en rébellion contre l'autorité civile et militaire; une fois même, au grand effroi du vieux comte Goudowitch, en plein Sénat, il lui barra le chemin pour lui demander compte d'une mesure qu'il estimait attentatoire à ses prérogatives de haut procureur. Dans la seconde moitié de sa vie, il eut à l'état aigu la manie des grandeurs et de la persécution. Tantôt il se proclamait roi ou pape, se prétendant bien au-dessus de la „vile“ multitude et obligeant ses médecins à rester nu-tête en passant dans la cour; tantôt c'étaient des accès de découragement où il se disait „captif et dans les fers“, victime de la persécution de „coquins infernaux“, ses médecins et gardiens, tenait registre de ses ennemis dans son Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte, et exprimait ses appréhensions de savoir la clé de la cuisine, „qui est pleine de couteaux, aux mains d'un ennemi déclaré“. Aussi bien, la tutelle, fréquemment remplacée, était loin de se montrer attentive et prévenante: les aliénistes du début de l'autre siècle, sans se mettre martel en tête, lui appliquaient comme au commun des mortels les panacées en vogue, camisoles de force et douches glacées sur la tête, et le malheureux avait bien quelque raison de dire: „Ah! les lâches! Quel supplice, et, avec ça, quel pillage!“ Par engouement pour la mode, et peut-être aussi par un besoin maladif de mysticisme, il s'était fait martiniste; les murs de sa chambre étaient tapissés d'images cabalistiques, et, peu avant de tomber malade, il songeait à fonder avec M. Orloff une société secrète de Chevaliers Russes. Quelque peu homme de lettres, il fit paraître des odes spirituelles et rédigea des Remarques sur la Vie de Catherine II de Castéra. Son dérangement d'esprit, comme dans beaucoup de cas de paralysie, ne dépassait pas la sphère de ses idées fixes: il put écrire ses Mémoires et lire beaucoup.

Favori né de la fortune, le comte Dmitrieff-Mamonoff, dans un palais magnifique, au milieu d'une installation somptueuse, traîna une existence des plus lamentables, terminée par une fin imprévue et horrible. Il mourut avec philosophie: „Je m'en vais!“ furent ses dernières paroles; „après tout, j'ai assez vécu!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le comte MATHIEU ALEXANDROWITCH DMITRIEFF-MAMONOFF, 1790—1863, fils du comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff, favori de Catherine II, et de Daria Féodorowna, née princesse Chtcherbatoff, naquit le 14 septembre 1790. De bonne heure orphelin de père et de mère, il fit ses études dans une pension de Jésuites en France. Gentilhomme de la chambre à 19 ans, il entra au service en 1810 comme conseiller dans l'administration du gouvernement de Moscou, et fut nommé l'année suivante haut procureur du 6e département du Sénat, à Moscou. En 1812, il forma à ses frais un régiment de Cosaques et en fut fait chef. Taroutino et Malo-Yaroslavetz lui valurent un sabre d'or, et il passa général major en 1813. A la suite de malentendus avec ses chefs, il prit en 1816 un congé de convalescence à l'étranger, et quitta définitivement le service en 1819. Il se mit dès lors à mener une vie de reclus dans sa propriété de Doubrovitzy, aux environs de Moscou, mais bientôt ses excentricités le firent mettre en tutelle et transférer à Moscou sous la surveillance de spécialistes. Il passa ses trente dernières années à la villa des Mamonoff, au Mont-des-Moineaux, et périt victime d'un accident le 11 juin 1863: il avait mis le feu à sa camisole imbibée d'eau de Cologne, et mourut, tant de ses brûlures que de frayeur. Il fut inhumé au monastère Donskoï.

Rappelant au physique Pierre-le-Grand, selon quelques-uns, le comte Dmitrieff-Mamonoff, bouffi d'orgueil avec l'indépendance que lui procurait sa grosse fortune de 15.000 têtes de paysans et 90.000 hectares de terre, était un de ces vrais types de Montmorency russes, comme on en vit pulluler à la fin du siècle parmi les enfants gâtés du favoritisme de Cour. Non content de remonter à Vladimir Monomaque, il mettait sa fierté là où on s'y attendrait le moins, dans la „fortune“ de son père près de Catherine II, et, pour ajouter encore à l'éclat que son sang tenait de Rurik, „attribuait à sa naissance une importance qu'elle n'avait pas et, en raison des dates, ne pouvait avoir“. Ne connaissant pas de maître, il était sans cesse en rébellion contre l'autorité civile et militaire; une fois même, au grand effroi du vieux comte Goudowitch, en plein Sénat, il lui barra le chemin pour lui demander compte d'une mesure qu'il estimait attentatoire à ses prérogatives de haut procureur. Dans la seconde moitié de sa vie, il eut à l'état aigu la manie des grandeurs et de la persécution. Tantôt il se proclamait roi ou pape, se prétendant bien au-dessus de la „vile“ multitude et obligeant ses médecins à rester nu-tête en passant dans la cour; tantôt c'étaient des accès de découragement où il se disait „captif et dans les fers“, victime de la persécution de „coquins infernaux“, ses médecins et gardiens, tenait registre de ses ennemis dans son Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte, et exprimait ses appréhensions de savoir la clé de la cuisine, „qui est pleine de couteaux, aux mains d'un ennemi déclaré“. Aussi bien, la tutelle, fréquemment remplacée, était loin de se montrer attentive et prévenante: les aliénistes du début de l'autre siècle, sans se mettre martel en tête, lui appliquaient comme au commun des mortels les panacées en vogue, camisoles de force et douches glacées sur la tête, et le malheureux avait bien quelque raison de dire: „Ah! les lâches! Quel supplice, et, avec ça, quel pillage!“ Par engouement pour la mode, et peut-être aussi par un besoin maladif de mysticisme, il s'était fait martiniste; les murs de sa chambre étaient tapissés d'images cabalistiques, et, peu avant de tomber malade, il songeait à fonder avec M. Orloff une société secrète de Chevaliers Russes. Quelque peu homme de lettres, il fit paraître des odes spirituelles et rédigea des Remarques sur la Vie de Catherine II de Castéra. Son dérangement d'esprit, comme dans beaucoup de cas de paralysie, ne dépassait pas la sphère de ses idées fixes: il put écrire ses Mémoires et lire beaucoup.

Favori né de la fortune, le comte Dmitrieff-Mamonoff, dans un palais magnifique, au milieu d'une installation somptueuse, traîna une existence des plus lamentables, terminée par une fin imprévue et horrible. Il mourut avec philosophie: „Je m'en vais!“ furent ses dernières paroles; „après tout, j'ai assez vécu!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

146

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДЬЯЧКОВЪ, 175 .—1822, кофешенкъ при дворѣ Екатерины II. При отставкѣ его, 11 Октября 1797 г., отъ оберъ-гофмаршала, дѣйствительнаго камергера графа Николая Петровича Шереметева данъ былъ Дьячкову аттестатъ, въ которомъ сказано: „Данъ сей аттестатъ Ивану Дьячкову въ томъ, что онъ въ службу къ Высочайшему Двору опредѣленъ, по Именному указу, 1780 года, Марта 28 дня, камердинерскимъ помощникомъ; того жъ года, Ноября 17 дня произведенъ портнымъ мастеромъ, а сего 1797 года, Февраля 26 дня, по Именному Его Императорскаго Величества, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, Высочайшему указу, данному Кабинету, отъ службы отставленъ, съ награжденіемъ чина кофешенка и съ пансіономъ по 200 рублей на годъ, и во все время продолженія его службы велъ себя добропорядочно, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ“.

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ умеръ въ 1822 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

146

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДЬЯЧКОВЪ, 175 .—1822, кофешенкъ при дворѣ Екатерины II. При отставкѣ его, 11 Октября 1797 г., отъ оберъ-гофмаршала, дѣйствительнаго камергера графа Николая Петровича Шереметева данъ былъ Дьячкову аттестатъ, въ которомъ сказано: „Данъ сей аттестатъ Ивану Дьячкову въ томъ, что онъ въ службу къ Высочайшему Двору опредѣленъ, по Именному указу, 1780 года, Марта 28 дня, камердинерскимъ помощникомъ; того жъ года, Ноября 17 дня произведенъ портнымъ мастеромъ, а сего 1797 года, Февраля 26 дня, по Именному Его Императорскаго Величества, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, Высочайшему указу, данному Кабинету, отъ службы отставленъ, съ награжденіемъ чина кофешенка и съ пансіономъ по 200 рублей на годъ, и во все время продолженія его службы велъ себя добропорядочно, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ“.

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ умеръ въ 1822 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

146

IVAN YAKOVLEWITCH DIATCHKOFF, 175.—1822, échanson de la Cour de Catherine II. A sa retraite, le 11 octobre 1797, il reçut du comte Nicolas Pétrowitch Chéréméteff, chambellan actuel, grand maréchal de la Cour, le certificat suivant: „Délivré à Ivan Diatchkoff pour certifier qu'il fut admis au service de la Cour Impériale, par oukaze de S. M., le 28 mars 1780, comme valet de chambre adjoint, promu le 17 novembre suivant maître tailleur, et, le 26 février 1797, par oukaze au Cabinet signé de la main de Sa Majesté, relevé de ses fonctions avec rang d'échanson et une pension de 200 roubles par an. Il eut pendant toute la durée de son service une conduite excellente, et n'encourut jamais ni amendes ni blâmes".

Diatchkoff mourut en 1822, et fut inhumé au cimetière Volkovo, à St-Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

146

IVAN YAKOVLEWITCH DIATCHKOFF, 175 .—1822, échanson de la Cour de Catherine II. A sa retraite, le 11 octobre 1797, il reçut du comte Nicolas Pétrowitch Chéréméteff, chambellan actuel, grand maréchal de la Cour, le certificat suivant: „Délivré à Ivan Diatchkoff pour certifier qu'il fut admis au service de la Cour Impériale, par oukaze de S. M., le 28 mars 1780, comme valet de chambre adjoint, promu le 17 novembre suivant maître tailleur, et, le 26 février 1797, par oukaze au Cabinet signé de la main de Sa Majesté, relevé de ses fonctions avec rang d'échanson et une pension de 200 roubles par an. Il eut pendant toute la durée de son service une conduite excellente, et n'encourut jamais ni amendes ni blâmes".

Diatchkoff mourut en 1822, et fut inhumé au cimetière Volkovo, à St-Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ АДАДУРОВЪ, 1758—1835, происходившій изъ дворянской фамиліи, ведущей свое начало, по однимъ сказаніямъ, отъ „мужа честна", пріѣхавшаго въ XIV столѣтіи изъ Швеціи, по другимъ—отъ французскаго выходца, былъ сынъ надворнаго совѣтника Петра Евдокимовича Ададурова и племянникъ извѣстнаго преподавателя Екатерины II, куратора Московскаго университета Василія Евдокимовича (р. 1709 г., † 1780 г.); родился онъ 10 Марта 1758 года. Въ 1773 г. Ададуровъ поступилъ на службу каптенармусомъ въ артиллерію, откуда въ томъ же году переведенъ въ Измайловскій полкъ капраломъ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ 1775 г. въ сержанты, 1 Января 1785 г.—въ прапорщики, 1 Января 1787 г.—въ поручики и 1 Января 1790 г.—въ капитанъ-поручики. Въ 1793 г., 9 Мая, именнымъ указомъ Ададуровъ былъ пожалованъ въ камергеры „ранга бригадирскаго" къ „обрученной невѣстѣ Е. И. В. Великой Княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ". Эта милость была ему наградой за состояніе въ званіи „кавалера" при воспитаніи жениха, Великаго Князя Александра Павловича. Награжденный тогда же пенсіей и 1 Января 1794 г. произведенный въ гвардіи капитаны, Ададуровъ 30 Декабря 1796 г. былъ пожалованъ Павломъ I въ камергеры IV класса, 27 Марта 1798 г. назначенъ герольдмейстеромъ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 29 Мая 1799 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; черезъ нѣсколько дней Ададурова постигла немилость: 26 Іюля было приказано „герольдмейстера Ададурова отставить отъ службы". Съ воцареніемъ Александра Павловича онъ былъ, 31 Марта 1801 г., пожалованъ въ шталмейстеры и получилъ мызу Маткульмъ, въ Курляндіи, въ арендное владѣніе на 29 лѣтъ.

Въ 1819 г., 12 Декабря, Ададуровъ былъ пожалованъ въ сенаторы и присутствовалъ во 2 Департаментѣ (1821—1832) и въ Общемъ Собраніи по день смерти.

Умеръ А. П. Ададуровъ, на 77 году, 30 Января 1835 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Тамъ же погребена и его жена, Анна Ивановна (рожденная Кудаева, въ 1 бракѣ за Парботовымъ, р. 9 Декабря 1777 г., † 20 Августа 1854 г.), отъ которой у А. П. Ададурова были дѣти: сынъ Алексѣй (р. 1812 г.) и дочери—Татьяна (р. 1805 г.; за гв. полковникомъ И. И. Печаевымъ), Елизавета (р. 1807 г.; за генералъ-майоромъ Смагинымъ) и Варвара (р. 1810 г.; за гвардіи штабсъ-ротмистромъ Амбразанцевымъ).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ АДАДУРОВЪ, 1758—1835, происходившій изъ дворянской фамиліи, ведущей свое начало, по однимъ сказаніямъ, отъ „мужа честна", пріѣхавшаго въ XIV столѣтіи изъ Швеціи, по другимъ— отъ французскаго выходца, былъ сынъ надворнаго совѣтника Петра Евдокимовича Ададурова и племянникъ извѣстнаго преподавателя Екатерины II, куратора Московскаго университета Василія Евдокимовича (р. 1709 г., † 1780 г.); родился онъ 10 Марта 1758 года. Въ 1773 г. Ададуровъ поступилъ на службу каптенармусомъ въ артиллерію, откуда въ томъ же году переведенъ въ Измайловскій полкъ капраломъ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ 1775 г. въ сержанты, 1 Января 1785 г.—въ прапорщики, 1 Января 1787 г.—въ поручики и 1 Января 1790 г.—въ капитанъ-поручики. Въ 1793 г., 9 Мая, именнымъ указомъ Ададуровъ былъ пожалованъ въ камергеры „ранга бригадирскаго" къ „обрученной невѣстѣ Е. И. В. Великой Княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ". Эта милость была ему наградой за состояніе въ званіи „кавалера" при воспитаніи жениха, Великаго Князя Александра Павловича. Награжденный тогда же пенсіей и 1 Января 1794 г. произведенный въ гвардіи капитаны, Ададуровъ 30 Декабря 1796 г. былъ пожалованъ Павломъ I въ камергеры IV класса, 27 Марта 1798 г. назначенъ герольдмейстеромъ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 29 Мая 1799 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; черезъ нѣсколько дней Ададурова постигла немилость: 26 Іюля было приказано „герольдмейстера Ададурова отставить отъ службы". Съ воцареніемъ Александра Павловича онъ былъ, 31 Марта 1801 г., пожалованъ въ шталмейстеры и получилъ мызу Маткульмъ, въ Курляндіи, въ арендное владѣніе на 29 лѣтъ.

Въ 1819 г., 12 Декабря, Ададуровъ былъ пожалованъ въ сенаторы и присутствовалъ во 2 Департаментѣ (1821—1832) и въ Общемъ Собраніи по день смерти.

Умеръ А. П. Ададуровъ, на 77 году, 30 Января 1835 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Тамъ же погребена и его жена, Анна Ивановна (рожденная Кудаева, въ 1 бракѣ за Парботовымъ, р. 9 Декабря 1777 г., † 20 Августа 1854 г.), отъ которой у А. П. Ададурова были дѣти: сынъ Алексѣй (р. 1812 г.) и дочери—Татьяна (р. 1805 г.; за гв. полковникомъ И. И. Печаевымъ), Елизавета (р. 1807 г.; за генералъ-майоромъ Смагинымъ) и Варвара (р. 1810 г.; за гвардіи штабсъ-ротмистромъ Амбразанцевымъ).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

147

ALEXIS PÉTROWITCH ADADOUROFF, 1758—1835, originaire d'une famille noble remontant, selon les uns, à un „personnage de marque" venu de Suède au XIVe siècle, selon d'autres, d'un émigré français, était fils du conseiller de cour Pierre Evdokimowitch Adadouroff et neveu de Basile Adadouroff (1709—1780), curateur de l'université de Moscou, connu comme précepteur de Catherine II; il naquit le 10 mars 1758. Enrôlé en 1773 capitaine d'armes dans l'artillerie, il passa la même année caporal au régiment Izmaïlowsky, où il fut promu en 1775 sergent, le 1er janvier 1785 porte-enseigne, le 1er janvier 1787 lieutenant et le 1er janvier 1790 capitaine lieutenant. En 1793, un oukaze de Sa Majesté, en date du 9 mai, le fit chambellan „avec rang de brigadier" près la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, fiancée du Grand-Duc Alexandre, dont il avait été chevalier. Il reçut en même temps une pension, et passa le 1er janvier 1794 capitaine de la Garde. Paul Ier le fit, le 30 décembre 1796 chambellan de IVe classe, le 27 mars 1798 président de la chambre héraldique avec rang de conseiller d'état actuel et le 29 mai 1799 chevalier de Ste-Anne de 1re classe; quelques jours après, c'était la disgrâce: le 26 juillet, Adadouroff était relevé de toutes ses fonctions. Sous Alexandre Ier, il devint le 31 mars 1801 écuyer et titulaire pour vingt-neuf ans du bail de la ferme de Matkulm, en Courlande. Sénateur le 12 décembre 1819, il siégea au 2e département de 1821 à 1832 et à l'assemblée plénière jusqu'à sa mort.

Adadouroff mourut dans sa 77e année, le 30 janvier 1835, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Près de lui repose sa femme Anne Ivanowna, en premières noces Narbotoff, née Koudaeff (9 décembre 1777—20 août 1854), dont il eut un fils Alexis (né 1812) et plusieurs filles, Tatiana (née 1805), mariée au colonel de la Garde Nétchaeff, Elisabeth (née 1807) au général major Smaguine et Varvara (née 1810) au capitaine en second de la Garde Ambrazantzeff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

147

ALEXIS PÉTROWITCH ADADOUROFF, 1758—1835, originaire d'une famille noble remontant, selon les uns, à un „personnage de marque" venu de Suède au XIVe siècle, selon d'autres, d'un émigré français, était fils du conseiller de cour Pierre Evdokimowitch Adadouroff et neveu de Basile Adadouroff (1709—1780), curateur de l'université de Moscou, connu comme précepteur de Catherine II; il naquit le 10 mars 1758. Enrôlé en 1773 capitaine d'armes dans l'artillerie, il passa la même année caporal au régiment Izmaïlowsky, où il fut promu en 1775 sergent, le 1er janvier 1785 porte-enseigne, le 1er janvier 1787 lieutenant et le 1er janvier 1790 capitaine lieutenant. En 1793, un oukaze de Sa Majesté, en date du 9 mai, le fit chambellan „avec rang de brigadier" près la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, fiancée du Grand-Duc Alexandre, dont il avait été chevalier. Il reçut en même temps une pension, et passa le 1er janvier 1794 capitaine de la Garde. Paul Ier le fit, le 30 décembre 1796 chambellan de IVe classe, le 27 mars 1798 président de la chambre héraldique avec rang de conseiller d'état actuel et le 29 mai 1799 chevalier de Ste-Anne de 1re classe; quelques jours après, c'était la disgrâce: le 26 juillet, Adadouroff était relevé de toutes ses fonctions. Sous Alexandre Ier, il devint le 31 mars 1801 écuyer et titulaire pour vingt-neuf ans du bail de la ferme de Matkulm, en Courlande. Sénateur le 12 décembre 1819, il siégea au 2e département de 1821 à 1832 et à l'assemblée plénière jusqu'à sa mort.

Adadouroff mourut dans sa 77e année, le 30 janvier 1835, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, dans l'église du Saint-Esprit. Près de lui repose sa femme Anne Ivanowna, en premières noces Narbotoff, née Koudaeff (9 décembre 1777—20 août 1854), dont il eut un fils Alexis (né 1812) et plusieurs filles, Tatiana (née 1805), mariée au colonel de la Garde Nétchaeff, Elisabeth (née 1807) au général major Smaguine et Varvara (née 1810) au capitaine en second de la Garde Ambrazantzeff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ, 1780—1848, генералъ-лейтенантъ, потомокъ древняго рода, вышедшаго изъ Литвы въ XV вѣкѣ, родился 16 Августа 1780 г. въ Петербургѣ и получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ на военной службѣ (первоначально въ Семеновскомъ полку до чина полковника включительно), участвовалъ во многихъ войнахъ, былъ раненъ и за отличіе при взятіи Парижа въ 1814 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. Свободное отъ службы время Писаревъ отдавалъ ученымъ и литературнымъ трудамъ и съ молодыхъ лѣтъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Весьма посредственный литераторъ, онъ считалъ себя, повидимому, знатокомъ всѣхъ отраслей искусствъ и своей задачей поставилъ поучать и живописцевъ, и драматурговъ, и скульпторовъ, и архитекторовъ. Желая указать художникамъ, какіе сюжеты они должны брать для своихъ произведеній, онъ написалъ „Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской исторіи, славянскаго баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ", и въ 1807 г. представилъ это сочиненіе въ Россійскую Академію, за что въ 1809 г., по предложенію Державина, былъ избранъ въ ея члены. Вслѣдъ затѣмъ Писаревъ написалъ „Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера", и „Начертаніе художествъ или правила живописи, скульптуры, гравированія и архитектуры". Въ 1817 г. появились его „Военныя письма и замѣчанія, относящіяся къ 1812 году". Въ 20-хъ годахъ онъ во время службы своей въ Калугѣ поощрялъ литературные таланты своихъ подчиненныхъ, и въ результатѣ явились „Калужскіе вечера или отрывки сочиненій и переводовъ военныхъ литераторовъ", собраніе совершенно безталанныхъ произведеній. Такая ученолитературная дѣятельность Писарева выдвинула его въ 1825 г. на мѣсто попечителя Московскаго учебнаго округа, который онъ, какъ военный человѣкъ, долженъ былъ подтянуть. И, дѣйствительно, Писаревъ завелъ строгіе порядки и почти военную дисциплину. Университетскому начальству предписано было сдѣлать студентовъ „истинными сынами Православной церкви, вѣрноподданными Государю и Отечеству", „кроткими и покорными начальству" и внушить имъ „добрые правила и навыки". Приняты были мѣры къ искорененію свободомыслія и вредныхъ началъ. Въ теченіе своего пятилѣтняго управленія округомъ Писаревъ не пріобрѣлъ расположенія ни профессоровъ, ни студентовъ. Будучи въ сущности добрымъ человѣкомъ, онъ своимъ пристрастіемъ къ лицамъ, заискивавшимъ въ немъ, грубостью, самовластіемъ, нарушеніемъ университетскаго устава, выражавшимся въ назначеніи профессоровъ помимо Совѣта университета, возбудилъ противъ себя большинство профессоровъ, но на ихъ жалобы въ Петербургѣ не обращали вниманія, потому что Писаревъ пользовался покровительствомъ министра Шишкова. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда министромъ былъ назначенъ князь Ливенъ, и въ 1830 г. Писаревъ, бывшій тогда въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ уволенъ отъ должности попечителя и назначенъ сенаторомъ. Впослѣдствіи онъ, переименованный въ генералъ-лейтенанты, въ теченіе 6 лѣтъ былъ Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и засѣдалъ въ Варшавскихъ департаментахъ Сената (онъ числился тамъ еще въ 1845 г.). Писаревъ былъ предсѣдателемъ въ Московскихъ обществахъ Исторіи и древностей Россійскихъ и любителей Россійской словесности. По преобразованіи въ 1841 г. Россійской Академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, онъ былъ избранъ въ почетные члены отдѣленія (онъ былъ также почетнымъ членомъ Академіи Художествъ). Разстроенное здоровье и старость заставили Писарева за нѣсколько лѣтъ до смерти выйти въ отставку. Онъ скончался въ ночь на 24 Іюня 1848 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ. Писаревъ былъ женатъ на Агриппинѣ Михайловнѣ Дурасовой († 1877 г.) и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

148

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ, 1780—1848, генералъ-лейтенантъ, потомокъ древняго рода, вышедшаго изъ Литвы въ XV вѣкѣ, родился 16 Августа 1780 г. въ Петербургѣ и получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ на военной службѣ (первоначально въ Семеновскомъ полку до чина полковника включительно), участвовалъ во многихъ войнахъ, былъ раненъ и за отличіе при взятіи Парижа въ 1814 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст. Свободное отъ службы время Писаревъ отдавалъ ученымъ и литературнымъ трудамъ и съ молодыхъ лѣтъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Весьма посредственный литераторъ, онъ считалъ себя, повидимому, знатокомъ всѣхъ отраслей искусствъ и своей задачей поставилъ поучать и живописцевъ, и драматурговъ, и скульпторовъ, и архитекторовъ. Желая указать художникамъ, какіе сюжеты они должны брать для своихъ произведеній, онъ написалъ „Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской исторіи, славянскаго баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ", и въ 1807 г. представилъ это сочиненіе въ Россійскую Академію, за что въ 1809 г., по предложенію Державина, былъ избранъ въ ея члены. Вслѣдъ затѣмъ Писаревъ написалъ „Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера", и „Начертаніе художествъ или правила живописи, скульптуры, гравированія и архитектуры". Въ 1817 г. появились его „Военныя письма и замѣчанія, относящіяся къ 1812 году". Въ 20-хъ годахъ онъ во время службы своей въ Калугѣ поощрялъ литературные таланты своихъ подчиненныхъ, и въ результатѣ явились „Калужскіе вечера или отрывки сочиненій и переводовъ военныхъ литераторовъ", собраніе совершенно безталанныхъ произведеній. Такая ученолитературная дѣятельность Писарева выдвинула его въ 1825 г. на мѣсто попечителя Московскаго учебнаго округа, который онъ, какъ военный человѣкъ, долженъ былъ подтянуть. И, дѣйствительно, Писаревъ завелъ строгіе порядки и почти военную дисциплину. Университетскому начальству предписано было сдѣлать студентовъ „истинными сынами Православной церкви, вѣрноподданными Государю и Отечеству", „кроткими и покорными начальству" и внушить имъ „добрые правила и навыки". Приняты были мѣры къ искорененію свободомыслія и вредныхъ началъ. Въ теченіе своего пятилѣтняго управленія округомъ Писаревъ не пріобрѣлъ расположенія ни профессоровъ, ни студентовъ. Будучи въ сущности добрымъ человѣкомъ, онъ своимъ пристрастіемъ къ лицамъ, заискивавшимъ въ немъ, грубостью, самовластіемъ, нарушеніемъ университетскаго устава, выражавшимся въ назначеніи профессоровъ помимо Совѣта университета, возбудилъ противъ себя большинство профессоровъ, но на ихъ жалобы въ Петербургѣ не обращали вниманія, потому что Писаревъ пользовался покровительствомъ министра Шишкова. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда министромъ былъ назначенъ князь Ливенъ, и въ 1830 г. Писаревъ, бывшій тогда въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ уволенъ отъ должности попечителя и назначенъ сенаторомъ. Впослѣдствіи онъ, переименованный въ генералъ-лейтенанты, въ теченіе 6 лѣтъ былъ Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и засѣдалъ въ Варшавскихъ департаментахъ Сената (онъ числился тамъ еще въ 1845 г.). Писаревъ былъ предсѣдателемъ въ Московскихъ обществахъ Исторіи и древностей Россійскихъ и любителей Россійской словесности. По преобразованіи въ 1841 г. Россійской Академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, онъ былъ избранъ въ почетные члены отдѣленія (онъ былъ также почетнымъ членомъ Академіи Художествъ). Разстроенное здоровье и старость заставили Писарева за нѣсколько лѣтъ до смерти выйти въ отставку. Онъ скончался въ ночь на 24 Іюня 1848 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ. Писаревъ былъ женатъ на Агриппинѣ Михайловнѣ Дурасовой († 1877 г.) и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH PISSAREFF, 1780—1848, général lieutenant, originaire d'une vieille famille émigrée de Lithuanie au XVe siècle, naquit le 16 août 1780 à Pétersbourg, et fit ses études au Corps des Cadets. Sa vie fut presque tout entière consacrée à la carrière des armes: il débuta au régiment Sémenowsky et y resta jusqu'au grade de colonel inclusivement, fit plusieurs campagnes, fut blessé, et, à la prise de Paris, en 1814, décoré de St-Georges de 3e classe. Tout jeune encore collaborateur de revues, il consacrait ses moments de loisir à la science et à la littérature. Homme de lettres fort recommandable, il s'estimait sans doute connaisseur d'art en toute matière, et se proposa de formuler des préceptes pour toutes les catégories d'artistes, peintres, dramaturges, sculpteurs, architectes: il leur donne des conseils pour le choix de leurs sujets dans ses Sujets d'œuvres d'art tirés de l'histoire russe, de la mythologie slave, et de tous les ouvrages russes en prose et en vers, qui fut présenté à l'Académie Russe en 1807 et lui valut en 1809, sur la proposition de Derjavine, le titre d'académicien. Il fit paraître ensuite Règles générales du théâtre, d'après Voltaire, et Esquisse des Beaux-Arts ou règles de la peinture, de la sculpture, de la gravure et de l'architecture, puis publia en 1817 ses Lettres et notes de guerre sur 1812. Après 1820, à Kalouga, où il était en garnison, il encouragea le talent de ses subordonnés et provoqua ainsi la publication des Soirées de Kalouga ou fragments originaux et en traduction d'écrivains militaires, recueil dénué de toute valeur. Ces divers travaux littéraires valurent en 1825 à Pissareff le poste de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou, qu'il fut chargé comme militaire de tenir serré. Et de fait, il y introduisit un régime sévère et y fit régner une discipline presque militaire. L'Université se vit prescrire de faire des étudiants „de vrais fils de l'église orthodoxe, fidèles serviteurs du Trône et de la Patrie", de les rendre „doux et soumis à leurs supérieurs", de leur inculquer „les bons principes et les bonnes habitudes"; la guerre était en même temps déclarée à la libre-pensée et aux mauvais principes. Au cours de ses cinq ans d'administration, Pissareff ne se fit bien voir ni des professeurs ni des étudiants. Brave homme au fond, il fit preuve d'une partialité pour les flagorneurs, d'une grossièreté, d'un arbitraire, d'un mépris des règlements, en faisant par exemple des nominations sans l'aveu du Conseil de l'Université, qui soulevèrent contre lui la majorité des professeurs: toutes les plaintes allaient échouer à Pétersbourg contre la protection de Chichkoff. La situation changea lorsque le ministre fut remplacé par le prince Lieven: Pissareff, en 1830, alors conseiller privé, fut relevé de ses fonctions de curateur, et nommé sénateur. Dans la suite, il permuta général lieutenant et fut six ans gouverneur militaire de Varsovie et sénateur aux départements de cette ville (il l'était encore en 1845). Président des sociétés moscovites d'Histoire et d'Archéologie russes et des Amis de la littérature russe, il fut élu en 1841, lorsque l'Académie Russe devint la Section de Langue et de Littérature russes de l'Académie des Sciences, membre honoraire de la nouvelle Section: il l'était également de l'Académie des Beaux-Arts. L'âge et la maladie lui firent prendre sa retraite plusieurs années avant de mourir. Il mourut à Moscou dans la nuit du 23 au 24 juin 1848, et fut inhumé au monastère Simonoff. Il avait épousé Agrippine Mikhaïlowna Dourassoff († 1877), dont il eut plusieurs enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH PISSAREFF, 1780—1848, général lieutenant, originaire d'une vieille famille émigrée de Lithuanie au XVe siècle, naquit le 16 août 1780 à Pétersbourg, et fit ses études au Corps des Cadets. Sa vie fut presque tout entière consacrée à la carrière des armes: il débuta au régiment Sémenowsky et y resta jusqu'au grade de colonel inclusivement, fit plusieurs campagnes, fut blessé, et, à la prise de Paris, en 1814, décoré de St-Georges de 3e classe. Tout jeune encore collaborateur de revues, il consacrait ses moments de loisir à la science et à la littérature. Homme de lettres fort recommandable, il s'estimait sans doute connaisseur d'art en toute matière, et se proposa de formuler des préceptes pour toutes les catégories d'artistes, peintres, dramaturges, sculpteurs, architectes: il leur donne des conseils pour le choix de leurs sujets dans ses Sujets d'œuvres d'art tirés de l'histoire russe, de la mythologie slave, et de tous les ouvrages russes en prose et en vers, qui fut présenté à l'Académie Russe en 1807 et lui valut en 1809, sur la proposition de Derjavine, le titre d'académicien. Il fit paraître ensuite Règles générales du théâtre, d'après Voltaire, et Esquisse des Beaux-Arts ou règles de la peinture, de la sculpture, de la gravure et de l'architecture, puis publia en 1817 ses Lettres et notes de guerre sur 1812. Après 1820, à Kalouga, où il était en garnison, il encouragea le talent de ses subordonnés et provoqua ainsi la publication des Soirées de Kalouga ou fragments originaux et en traduction d'écrivains militaires, recueil dénué de toute valeur. Ces divers travaux littéraires valurent en 1825 à Pissareff le poste de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou, qu'il fut chargé comme militaire de tenir serré. Et de fait, il y introduisit un régime sévère et y fit régner une discipline presque militaire. L'Université se vit prescrire de faire des étudiants „de vrais fils de l'église orthodoxe, fidèles serviteurs du Trône et de la Patrie“, de les rendre „doux et soumis à leurs supérieurs“, de leur inculquer „les bons principes et les bonnes habitudes“; la guerre était en même temps déclarée à la libre-pensée et aux mauvais principes. Au cours de ses cinq ans d'administration, Pissareff ne se fit bien voir ni des professeurs ni des étudiants. Brave homme au fond, il fit preuve d'une partialité pour les flagorneurs, d'une grossièreté, d'un arbitraire, d'un mépris des règlements, en faisant par exemple des nominations sans l'aveu du Conseil de l'Université, qui soulevèrent contre lui la majorité des professeurs: toutes les plaintes allaient échouer à Pétersbourg contre la protection de Chichkoff. La situation changea lorsque le ministre fut remplacé par le prince Lieven: Pissareff, en 1830, alors conseiller privé, fut relevé de ses fonctions de curateur, et nommé sénateur. Dans la suite, il permuta général lieutenant et fut six ans gouverneur militaire de Varsovie et sénateur aux départements de cette ville (il l'était encore en 1845). Président des sociétés moscovites d'Histoire et d'Archéologie russes et des Amis de la littérature russe, il fut élu en 1841, lorsque l'Académie Russe devint la Section de Langue et de Littérature russes de l'Académie des Sciences, membre honoraire de la nouvelle Section: il l'était également de l'Académie des Beaux-Arts. L'âge et la maladie lui firent prendre sa retraite plusieurs années avant de mourir. Il mourut à Moscou dans la nuit du 23 au 24 juin 1848, et fut inhumé au monastère Simonoff. Il avait épousé Agrippine Mikhaïlowna Dourassoff († 1877), dont il eut plusieurs enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ СУХТЕЛЕНЪ, 1788—1833, сынъ голландца, поступившаго въ 1782 г. на русскую службу, съ 1812 г. барона, а съ 1822 г. графа Великаго Княжества Финляндскаго, инженеръ-генерала Петра Корнильевича (р. 1751 г., † 1836 г.), отъ брака съ Эмеренціей-Вильгельминой Гартингъ (р. 1756 г.), родился 23 Августа 1788 г. въ Петербургѣ и получилъ, подъ руководствомъ своего ученаго отца, серіозное образованіе, развившее его прекрасныя способности. Онъ началъ службу въ 1802 г. колонповожатымъ, подъ начальствомъ отца, бывшаго въ то время генералъ-квартирмейстеромъ, и въ томъ же году произведенъ въ подпоручики, а черезъ годъ перешелъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и съ нимъ принялъ участіе въ первой войнѣ съ Наполеономъ. При Аустерлицѣ Сухтеленъ былъ раненъ саблей въ голову, контуженъ въ ногу и взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ обратилъ вниманіе на плѣнника и сказалъ: „Онъ слишкомъ молодымъ вздумалъ тягаться съ нами“.—„Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ“, возразилъ Сухтеленъ и вызвалъ одобреніе Наполеона: „Хорошій отвѣтъ, молодой человѣкъ, вы далеко уйдете“. Возвратившись въ 1806 г. изъ плѣна, Сухтеленъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, во время которой получилъ званіе флигель-адъютанта, Турецкой и во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, за которыя получилъ чины полковника и генералъ-майора и Георгія 4 степени. Въ Декабрѣ 1813 г. Сухтеленъ былъ назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка. Въ 1815 г. онъ состоялъ при шведскомъ наслѣдникѣ Бернадотѣ и участвовалъ въ походѣ въ Норвегію, а во время оккупаціи Франціи завѣдывалъ Обскимъ департаментомъ, гдѣ снискалъ любовь и уваженіе населенія и гдѣ командовалъ гусарской бригадой, съ которой въ Декабрѣ возвратился въ Россію. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго штаба и въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Во время Персидской войны Сухтеленъ состоялъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, отличился при взятіи Эривани (получилъ Георгія 3 ст.) и, командуя лѣвымъ флангомъ, занялъ Ардебиль, что дало ему званіе генералъ-адъютанта. Участвовалъ онъ и въ Турецкой войнѣ, за которую получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами. Въ 1830 г. Сухтеленъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Первымъ его дѣломъ было преобразованіе Оренбургскаго казачьяго войска. Затѣмъ онъ удачно разрѣшилъ сложный вопросъ о башкирскомъ землевладѣніи, заботился о распространеніи образованія среди населенія, положилъ начало женскому образованію въ Оренбургскомъ краѣ и научному изученію этого края. Въ короткое время онъ сдѣлалъ такъ много хорошаго, что пріобрѣлъ любовь всего населенія, отъ казаковъ до инородцевъ. Память о немъ жива даже въ настоящее время: нерѣдко въ форпостѣ, рядомъ съ иконами, можно видѣть портретъ Сухтелена, одного изъ популярнѣйшихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ 1832 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго „за неутомимые труды и примѣрную заботливость о благоустройствѣ края, равно и войскъ“. Постоянное напряженіе силъ, при кипучей дѣятельности, и раны, въ особенности полученныя при Аустерлицѣ, вызвали сильныя головныя боли, и 20 Марта 1833 г. Сухтеленъ скоропостижно скончался. Онъ погребенъ въ оградѣ Оренбургской военной Петропавловской церкви. Сухтеленъ былъ широко образованнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Несмотря на природную пылкость характера, хорошее воспитаніе дало ему выдержку и умѣнье упорно заниматься дѣлами. Своей доступностью и простымъ обращеніемъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей дѣльныхъ и полезныхъ для края. Сухтеленъ прекрасно рисовалъ, чертилъ и гравировалъ и, по свидѣтельству А. Н. Оленина, былъ любителемъ и тонкимъ знатокомъ искусства. Онъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Зубовой (р. 1799 г.), но бракъ этотъ былъ неудаченъ, и супруги жили врозь. У нихъ была единственная дочь Ольга, въ замужствѣ за А. П. Бутурлинымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Графъ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ СУХТЕЛЕНЪ, 1788—1833, сынъ голландца, поступившаго въ 1782 г. на русскую службу, съ 1812 г. барона, а съ 1822 г. графа Великаго Княжества Финляндскаго, инженеръ-генерала Петра Корнильевича (р. 1751 г., † 1836 г.), отъ брака съ Эмеренціей-Вильгельминой Гартингъ (р. 1756 г.), родился 23 Августа 1788 г. въ Петербургѣ и получилъ, подъ руководствомъ своего ученаго отца, серіозное образованіе, развившее его прекрасныя способности. Онъ началъ службу въ 1802 г. колонновожатымъ, подъ начальствомъ отца, бывшаго въ то время генералъ-квартирмейстеромъ, и въ томъ же году произведенъ въ подпоручики, а черезъ годъ перешелъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и съ нимъ принялъ участіе въ первой войнѣ съ Наполеономъ. При Аустерлицѣ Сухтеленъ былъ раненъ саблей въ голову, контуженъ въ ногу и взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ обратилъ вниманіе на плѣнника и сказалъ: „Онъ слишкомъ молодымъ вздумалъ тягаться съ нами".—„Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ", возразилъ Сухтеленъ и вызвалъ одобреніе Наполеона: „Хорошій отвѣтъ, молодой человѣкъ, вы далеко уйдете". Возвратившись въ 1806 г. изъ плѣна, Сухтеленъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, во время которой получилъ званіе флигель-адъютанта, Турецкой и во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, за которыя получилъ чины полковника и генералъ-майора и Георгія 4 степени. Въ Декабрѣ 1813 г. Сухтеленъ былъ назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка. Въ 1815 г. онъ состоялъ при шведскомъ наслѣдникѣ Бернадотѣ и участвовалъ въ походѣ въ Норвегію, а во время оккупаціи Франціи завѣдывалъ Обскимъ департаментомъ, гдѣ снискалъ любовь и уваженіе населенія и гдѣ командовалъ гусарской бригадой, съ которой въ Декабрѣ возвратился въ Россію. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго штаба и въ день коронаціи произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Во время Персидской войны Сухтеленъ состоялъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, отличился при взятіи Эривани (получилъ Георгія 3 ст.) и, командуя лѣвымъ флангомъ, занялъ Ардебиль, что дало ему званіе генералъ-адъютанта. Участвовалъ онъ и въ Турецкой войнѣ, за которую получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. и золотую шпагу съ алмазами. Въ 1830 г. Сухтеленъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Первымъ его дѣломъ было преобразованіе Оренбургскаго казачьяго войска. Затѣмъ онъ удачно разрѣшилъ сложный вопросъ о башкирскомъ землевладѣніи, заботился о распространеніи образованія среди населенія, положилъ начало женскому образованію въ Оренбургскомъ краѣ и научному изученію этого края. Въ короткое время онъ сдѣлалъ такъ много хорошаго, что пріобрѣлъ любовь всего населенія, отъ казаковъ до инородцевъ. Память о немъ жива даже въ настоящее время: нерѣдко въ форпостѣ, рядомъ съ иконами, можно видѣть портретъ Сухтелена, одного изъ популярнѣйшихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ 1832 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго „за неутомимые труды и примѣрную заботливость о благоустройствѣ края, равно и войскъ". Постоянное напряженіе силъ, при кипучей дѣятельности, и раны, въ особенности полученныя при Аустерлицѣ, вызвали сильныя головныя боли, и 20 Марта 1833 г. Сухтеленъ скоропостижно скончался. Онъ погребенъ въ оградѣ Оренбургской военной Петропавловской церкви. Сухтеленъ былъ широко образованнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Несмотря на природную пылкость характера, хорошее воспитаніе дало ему выдержку и умѣнье упорно заниматься дѣлами. Своей доступностью и простымъ обращеніемъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей дѣльныхъ и полезныхъ для края. Сухтеленъ прекрасно рисовалъ, чертилъ и гравировалъ и, по свидѣтельству А. Н. Оленина, былъ любителемъ и тонкимъ знатокомъ искусства. Онъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Зубовой (р. 1799 г.), но бракъ этотъ былъ неудаченъ, и супруги жили врозь. У нихъ была единственная дочь Ольга, въ замужствѣ за А. П. Бутурлинымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

149

Le comte **PAUL PÉTROWITCH SUCHTELEN**, 1788—1833, fils d'un hollandais entré en 1782 au service russe, en 1812 baron, puis, en 1822, comte du Grand-Duché de Finlande, le général du génie Pierre Korniliewitch Suchtelen (1751—1836), et d'Emerenzia-Wilhelmine, née Harting (née 1756), naquit à Pétersbourg le 23 août 1788, et reçut, sous la direction éclairée de son père, une instruction sérieuse, qui développa ses excellentes aptitudes. Entré au service en 1802 comme guide sous le commandement de son père, alors quartier-maître général, et promu lieutenant la même année, il permuta l'année suivante cornette au régiment des Chevaliers-Gardes, avec lequel il fit la première guerre de Napoléon. Fait prisonnier à Austerlitz après avoir reçu un coup de sabre à la tête et une contusion à la jambe, sa jeunesse attira l'attention de Napoléon: „Il est un peu jeune pour venir se frotter à nous".—„La valeur n'attend pas le nombre des années", repartit le prisonnier.—„Bien dit, jeune homme!" répliqua Napoléon; „vous irez loin!" A sa sortie de captivité en 1806, il reçut une épée d'or. Il fit ensuite la campagne de Suède, qui lui valut le titre d'aide de camp de Sa Majesté, celle de Turquie, et toutes les guerres de Napoléon, où il gagna les grades de colonel et de général major et St-Georges de 4e classe. En décembre 1813, il fut nommé commandant des uhlans de Volhynie. Attaché en 1815 au Prince Héritier de Suède Bernadotte, il fit la campagne de Norvège, puis, lors de l'occupation de la France, administra le département de l'Aube, où il se concilia l'estime et l'affection des populations; il y commandait une brigade de hussards, avec laquelle il rentra en Russie au mois de décembre. En 1826, il fut nommé quartier-maître général de l'Etat-Major, et, le jour du Couronnement, promu général lieutenant. Chef d'état-major au corps du Caucase lors de la guerre de Perse, la prise d'Erivan lui valut St-Georges de 3e classe, et celle d'Ardébil, où il commandait l'aile gauche, le grade de général aide de camp. Il fit encore la campagne de Turquie, où il gagna St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants. Nommé en 1830 gouverneur militaire d'Orenbourg et commandant du corps détaché d'Orenbourg, il s'occupa d'abord à réorganiser les Cosaques de la région, puis résolut heureusement la question agraire chez les Bachkirs, propagea l'instruction et jeta les bases de celle des femmes, enfin fit entreprendre une étude scientifique du pays. Le bien qu'il y fit en peu de temps lui concilia toute la population, cosaque et allogène, et sa mémoire est restée vivante jusqu'à présent, comme celle d'une des gloires locales les plus populaires: il n'est pas rare de voir aux avant-postes son portrait près des images saintes. En 1832, il fut décoré de St-Alexandre Newsky „en récompense de ses travaux infatigables et de sa sollicitude exemplaire pour la prospérité du pays et le bien-être des garnisons". D'une activité dévorante, et dans un état de tension perpétuel, il finit, à la suite de ses blessures, surtout de celles d'Austerlitz, par souffrir de violents maux de tête, et mourut subitement le 20 mars 1833. Il fut inhumé à Orenbourg, dans l'enceinte de l'église militaire de St-Pierre-et-St-Paul.

Très instruit, cultivé et éclairé, Suchtelen était d'une vivacité d'humeur heureusement domptée par une excellente éducation, et d'une grande endurance au travail. Son abord facile et ses manières simples l'entourèrent de collaborateurs actifs et entendus aux affaires du pays. Avec un talent de dessinateur et de graveur, c'était, dit Olénine, un amateur et un fin connaisseur d'art. Son mariage avec la comtesse Varvara Dmitriewna Zouboff (née 1799) ne fut pas heureux: ils vécurent désunis, après avoir eu une fille unique, Olga, qui épousa A. Boutourline.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le comte PAUL PÉTROWITCH SUCHTELEN, 1788—1833, fils d'un hollandais entré en 1782 au service russe, en 1812 baron, puis, en 1822, comte du Grand-Duché de Finlande, le général du génie Pierre Korniliewitch Suchtelen (1751—1836), et d'Emerenzia-Wilhelmine, née Harting (née 1756), naquit à Pétersbourg le 23 août 1788, et reçut, sous la direction éclairée de son père, une instruction sérieuse, qui développa ses excellentes aptitudes. Entré au service en 1802 comme guide sous le commandement de son père, alors quartier-maître général, et promu lieutenant la même année, il permuta l'année suivante cornette au régiment des Chevaliers-Gardes, avec lequel il fit la première guerre de Napoléon. Fait prisonnier à Austerlitz après avoir reçu un coup de sabre à la tête et une contusion à la jambe, sa jeunesse attira l'attention de Napoléon: „Il est un peu jeune pour venir se frotter à nous".—„La valeur n'attend pas le nombre des années", repartit le prisonnier.—„Bien dit, jeune homme!" répliqua Napoléon; „vous irez loin!" A sa sortie de captivité en 1806, il reçut une épée d'or. Il fit ensuite la campagne de Suède, qui lui valut le titre d'aide de camp de Sa Majesté, celle de Turquie, et toutes les guerres de Napoléon, où il gagna les grades de colonel et de général major et St-Georges de 4e classe. En décembre 1813, il fut nommé commandant des uhlans de Volhynie. Attaché en 1815 au Prince Héritier de Suède Bernadotte, il fit la campagne de Norvège, puis, lors de l'occupation de la France, administra le département de l'Aube, où il se concilia l'estime et l'affection des populations; il y commandait une brigade de hussards, avec laquelle il rentra en Russie au mois de décembre. En 1826, il fut nommé quartier-maître général de l'Etat-Major, et, le jour du Couronnement, promu général lieutenant. Chef d'état-major au corps du Caucase lors de la guerre de Perse, la prise d'Erivan lui valut St-Georges de 3e classe, et celle d'Ardébil, où il commandait l'aile gauche, le grade de général aide de camp. Il fit encore la campagne de Turquie, où il gagna St-Vladimir de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants. Nommé en 1830 gouverneur militaire d'Orenbourg et commandant du corps détaché d'Orenbourg, il s'occupa d'abord à réorganiser les Cosaques de la région, puis résolut heureusement la question agraire chez les Bachkirs, propagea l'instruction et jeta les bases de celle des femmes, enfin fit entreprendre une étude scientifique du pays. Le bien qu'il y fit en peu de temps lui concilia toute la population, cosaque et allogène, et sa mémoire est restée vivante jusqu'à présent, comme celle d'une des gloires locales les plus populaires: il n'est pas rare de voir aux avant-postes son portrait près des images saintes. En 1832, il fut décoré de St-Alexandre Newsky „en récompense de ses travaux infatigables et de sa sollicitude exemplaire pour la prospérité du pays et le bien-être des garnisons". D'une activité dévorante, et dans un état de tension perpétuel, il finit, à la suite de ses blessures, surtout de celles d'Austerlitz, par souffrir de violents maux de tête, et mourut subitement le 20 mars 1833. Il fut inhumé à Orenbourg, dans l'enceinte de l'église militaire de St-Pierre-et-St-Paul.

Très instruit, cultivé et éclairé, Suchtelen était d'une vivacité d'humeur heureusement domptée par une excellente éducation, et d'une grande endurance au travail. Son abord facile et ses manières simples l'entourèrent de collaborateurs actifs et entendus aux affaires du pays. Avec un talent de dessinateur et de graveur, c'était, dit Olénine, un amateur et un fin connaisseur d'art. Son mariage avec la comtesse Varvara Dmitriewna Zouboff (née 1799) ne fut pas heureux: ils vécurent désunis, après avoir eu une fille unique, Olga, qui épousa A. Boutourline.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

150

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА АХВЕРДОВА, 17..—18.., дочь Бориса Ивановича Меллера, брата перваго барона Меллеръ-Закомельскаго, жена генералъ-лейтенанта Николая Исаевича Ахвердова (р. 1755 г., † 1817 г.), за котораго вышла замужъ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка въ Барнаулѣ, когда отецъ ея былъ правителемъ Колыванскаго намѣстничества, а мужъ его поручикомъ, т.-е. вице-губернаторомъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

150

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА АХВЕРДОВА, 17..—18.., дочь Бориса Ивановича Меллера, брата перваго барона Меллеръ-Закомельскаго, жена генералъ-лейтенанта Николая Исаевича Ахвердова (р. 1755 г., † 1817 г.), за котораго вышла замужъ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка въ Барнаулѣ, когда отецъ ея былъ правителемъ Колыванскаго намѣстничества, а мужъ его поручикомъ, т.-е. вице-губернаторомъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

150

CATHERINE BORISSOWNA AKHVERDOFF, 17..—18.., fille de Boris Ivanowitch Möller, frère du premier baron Möller-Zakomelsky et gouverneur de la région de Kolyvan, dont elle épousa à Barnaoul après 1780 le vice-gouverneur, le général lieutenant Nicolas Issaewitch Akhverdoff.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

150

CATHERINE BORISSOWNA AKHVERDOFF, 17..—18.., fille de Boris Ivanowitch Möller, frère du premier baron Möller-Zakomelsky et gouverneur de la région de Kolyvan, dont elle épousa à Barnaoul après 1780 le vice-gouverneur, le général lieutenant Nicolas Issaewitch Akhverdoff.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

151

НИКОЛАЙ ИСАЕВИЧЪ АХВЕРДОВЪ, 1755—1817, сынъ грузинскаго дворянина отставного майора Исаіи Васильевича, поступившаго на русскую службу въ 1759 г., получилъ образованіе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1776 г., съ чиномъ поручика и золотой медалью. Командированный за границу въ числѣ троихъ питомцевъ корпуса, выбранныхъ въ спутники графу Бобринскому, онъ побывалъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи и занимался изученіемъ памятниковъ искусства. Въ это же время путешествовалъ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, и Ахвердову пришлось давать ему объясненія художественныхъ сокровищъ Парижа и Италіи. По возвращеніи изъ-за границы въ 1779 г., онъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры и назначенъ воспитателемъ въ кадетскій корпусъ. Въ 1782 г. Ахвердовъ перешелъ на службу въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, а въ 1788 г. назначенъ поручикомъ правителя Колыванскаго намѣстничества (т.-е. вице-губернаторомъ). Состоя на этой должности, онъ содѣйствовалъ устройству Колыванскихъ рудниковъ. Въ это же время онъ женился на дочери своего начальника, правителя намѣстничества Бориса Ивановича Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1797 г. Ахвердовъ назначенъ Архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 1 Сентября 1798 г. уволенъ отъ должности, но черезъ 2 недѣли принятъ снова на службу по провіантмейстерской части. Въ 1799 г. онъ, будучи въ чинѣ генералъ-майора, по рекомендаціи Рибаса, былъ назначенъ кавалеромъ къ Великимъ Князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Въ 1802 г. ему было поручено преподаваніе имъ русскаго языка, исторіи и географіи, а съ половины 1804 г. и ариѳметики. По мнѣнію графа М. А. Корфа, Ахвердовъ былъ лучшимъ изъ приставленныхъ къ Великимъ Князьямъ кавалеровъ: онъ болѣе другихъ имѣлъ основательности въ своихъ взглядахъ и направленіи, а изъ ежедневно представлявшихся кавалерами журналовъ объ успѣхахъ и поведеніи Августѣйшихъ воспитанниковъ его журналы всего интереснѣе, заключаютъ въ себѣ наиболѣе подробностей и доказываютъ наблюдательность автора и его умѣнье дѣлать выводы изъ описываемыхъ фактовъ. Онъ всѣми средствами старался доставить своимъ воспитанникамъ пользу. Хотя Императрица Марія Ѳеодоровна старалась отвлечь своихъ сыновей отъ излишней склонности ко всему военному, и самъ Ахвердовъ не былъ въ сущности военнымъ человѣкомъ, однако, онъ иногда, изъ желанія доставить удовольствіе своимъ воспитанникамъ, самъ училъ ихъ строить и рисовать крѣпости, дѣлалъ изъ воска бомбы и ядра, показывалъ, какъ надо нападать на гавани и какъ защищать ихъ; когда же воспитанники начинали барабанить, онъ приказывалъ закрывать барабаны платками, чтобы хоть нѣсколько заглушить нестерпимые для него звуки. Александръ I былъ доволенъ дѣятельностью воспитателя братьевъ и весной 1806 г., послѣ экзамена, на которомъ онъ присутствовалъ, пожаловалъ Ахвердову орденъ св. Анны 1 степени, а въ 1807 г. произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Научныя занятія Ахвердова съ Великими Князьями продолжались почти до самой его смерти: еще въ началѣ 1816 г. онъ проходилъ съ Николаемъ Павловичемъ русскую исторію. Въ 1817 г. онъ скончался. Ахвердовъ былъ не чуждъ литературѣ: писалъ стихи и переводилъ. По отзыву его свояка, В. С. Хвостова, онъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкій, какъ по уму, такъ и по нравственнымъ свойствамъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

151

НИКОЛАЙ ИСАЕВИЧЪ АХВЕРДОВЪ, 1755—1817, сынъ грузинскаго дворянина отставного майора Исаіи Васильевича, поступившаго на русскую службу въ 1759 г., получилъ образованіе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1776 г., съ чиномъ поручика и золотой медалью. Командированный за границу въ числѣ троихъ питомцевъ корпуса, выбранныхъ въ спутники графу Бобринскому, онъ побывалъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи и занимался изученіемъ памятниковъ искусства. Въ это же время путешествовалъ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, и Ахвердову пришлось давать ему объясненія художественныхъ сокровищъ Парижа и Италіи. По возвращеніи изъ-за границы въ 1779 г., онъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры и назначенъ воспитателемъ въ кадетскій корпусъ. Въ 1782 г. Ахвердовъ перешелъ на службу въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, а въ 1788 г. назначенъ поручикомъ правителя Колыванскаго намѣстничества (т.-е. вице-губернаторомъ). Состоя на этой должности, онъ содѣйствовалъ устройству Колыванскихъ рудниковъ. Въ это же время онъ женился на дочери своего начальника, правителя намѣстничества Бориса Ивановича Меллера, Екатеринѣ Борисовнѣ. Въ 1797 г. Ахвердовъ назначенъ Архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 1 Сентября 1798 г. уволенъ отъ должности, но черезъ 2 недѣли принятъ снова на службу по провіантмейстерской части. Въ 1799 г. онъ, будучи въ чинѣ генералъ-майора, по рекомендаціи Рибаса, былъ назначенъ кавалеромъ къ Великимъ Князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Въ 1802 г. ему было поручено преподаваніе имъ русскаго языка, исторіи и географіи, а съ половины 1804 г. и ариѳметики. По мнѣнію графа М. А. Корфа, Ахвердовъ былъ лучшимъ изъ приставленныхъ къ Великимъ Князьямъ кавалеровъ: онъ болѣе другихъ имѣлъ основательности въ своихъ взглядахъ и направленіи, а изъ ежедневно представлявшихся кавалерами журналовъ объ успѣхахъ и поведеніи Августѣйшихъ воспитанниковъ его журналы всего интереснѣе, заключаютъ въ себѣ наиболѣе подробностей и доказываютъ наблюдательность автора и его умѣнье дѣлать выводы изъ описываемыхъ фактовъ. Онъ всѣми средствами старался доставить своимъ воспитанникамъ пользу. Хотя Императрица Марія Ѳеодоровна старалась отвлечь своихъ сыновей отъ излишней склонности ко всему военному, и самъ Ахвердовъ не былъ въ сущности военнымъ человѣкомъ, однако, онъ иногда, изъ желанія доставить удовольствіе своимъ воспитанникамъ, самъ училъ ихъ строить и рисовать крѣпости, дѣлалъ изъ воска бомбы и ядра, показывалъ, какъ надо нападать на гавани и какъ защищать ихъ; когда же воспитанники начинали барабанить, онъ приказывалъ закрывать барабаны платками, чтобы хоть нѣсколько заглушить нестерпимые для него звуки. Александръ I былъ доволенъ дѣятельностью воспитателя братьевъ и весной 1806 г., послѣ экзамена, на которомъ онъ присутствовалъ, пожаловалъ Ахвердову орденъ св. Анны 1 степени, а въ 1807 г. произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Научныя занятія Ахвердова съ Великими Князьями продолжались почти до самой его смерти: еще въ началѣ 1816 г. онъ проходилъ съ Николаемъ Павловичемъ русскую исторію. Въ 1817 г. онъ скончался. Ахвердовъ былъ не чуждъ литературѣ: писалъ стихи и переводилъ. По отзыву его свояка, В. С. Хвостова, онъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкій, какъ по уму, такъ и по нравственнымъ свойствамъ.

(Съ портрета Варнека; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

151

NICOLAS ISSAEWITCH AKHVERDOFF, 1755—1817, fils d'un noble géorgien entré au service russe en 1739 et retraité comme major, fit ses études au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1776 avec une médaille d'or et le grade de lieutenant. Au nombre des cadets désignés pour accompagner à l'étranger le comte Bobrinsky, il visita l'Allemagne, l'Angleterre, la France et l'Italie, et se livra à l'étude des monuments artistiques. C'était l'époque du voyage du Césarewitch Paul Pétrowitch, auquel il montra les trésors d'art de Paris et d'Italie. A son retour, en 1779, il fut promu second major et nommé surveillant au Corps des Cadets. En 1782, il prit du service dans l'administration des revenus de l'Etat, et devint en 1788 vice-gouverneur de Kolyvan, où il travailla à la mise en exploitation des mines de la région et épousa la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Nommé en 1797 gouverneur civil d'Arkhangel, il fut relevé de sa fonction le 1er septembre 1798, pour passer quinze jours plus tard au service de l'intendance. En 1799, alors général major, il fut, sur la recommandation de de Ribas, attaché aux Grands-Ducs Nicolas et Michel Pavlowitch, auxquels il fut chargé d'enseigner en 1802 le russe, l'histoire et la géographie, et, aussi, depuis la fin de 1804, l'arithmétique. Le comte Korff le déclare le meilleur maître des Grands-Ducs, lui trouve le plus de fonds comme idées et comme tendances; des rapports présentés chaque jour par les précepteurs sur les progrès et la conduite de leurs jeunes pupilles, les siens étaient les plus intéressants et les plus substantiels et témoignaient de précieuses qualités d'observation et d'un jugement exercé. Il fit de son mieux pour être utile aux jeunes Grands-Ducs. Malgré la tendance de l'Impératrice Marie à combattre chez ses fils le goût des choses militaires, Akhverdoff, si peu militaire qu'il fût lui-même, les exerçait parfois, pour les amuser, à construire et à dessiner des forteresses, leur montrant, avec des bombes et des boulets de cire, les principes de l'attaque et de la défense des ports; et, lorsqu'ils commençaient à battre le tambour, dont il avait le son en horreur, il faisait envelopper les caisses avec un mouchoir pour l'assourdir un peu. Alexandre Ier fut content de l'éducation donnée à ses frères, et, au printemps de 1806, après un examen auquel il assista lui-même, conféra à leur gouverneur l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et, l'année suivante, le fit général lieutenant. Il travailla avec les Grands-Ducs presque jusqu'à sa mort: au commencement de 1816, il faisait encore l'histoire russe à Nicolas Pavlowitch, et en 1817 il mourait. Il ne fut pas sans s'occuper de littérature; il fit des vers et des traductions. Son beau-frère Khvostoff le représente comme un homme peu commun sous tous les rapports, tant intellectuellement que moralement.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

151

NICOLAS ISSAEWITCH AKHVERDOFF, 1755—1817, fils d'un noble géorgien entré au service russe en 1739 et retraité comme major, fit ses études au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1776 avec une médaille d'or et le grade de lieutenant. Au nombre des cadets désignés pour accompagner à l'étranger le comte Bobrinsky, il visita l'Allemagne, l'Angleterre, la France et l'Italie, et se livra à l'étude des monuments artistiques. C'était l'époque du voyage du Césarewitch Paul Pétrowitch, auquel il montra les trésors d'art de Paris et d'Italie. A son retour, en 1779, il fut promu second major et nommé surveillant au Corps des Cadets. En 1782, il prit du service dans l'administration des revenus de l'Etat, et devint en 1788 vice-gouverneur de Kolyvan, où il travailla à la mise en exploitation des mines de la région et épousa la fille Catherine du gouverneur Boris Möller. Nommé en 1797 gouverneur civil d'Arkhangel, il fut relevé de sa fonction le 1er septembre 1798, pour passer quinze jours plus tard au service de l'intendance. En 1799, alors général major, il fut, sur la recommandation de de Ribas, attaché aux Grands-Ducs Nicolas et Michel Pavlowitch, auxquels il fut chargé d'enseigner en 1802 le russe, l'histoire et la géographie, et, aussi, depuis la fin de 1804, l'arithmétique. Le comte Korff le déclare le meilleur maître des Grands-Ducs, lui trouve le plus de fonds comme idées et comme tendances; des rapports présentés chaque jour par les précepteurs sur les progrès et la conduite de leurs jeunes pupilles, les siens étaient les plus intéressants et les plus substantiels et témoignaient de précieuses qualités d'observation et d'un jugement exercé. Il fit de son mieux pour être utile aux jeunes Grands-Ducs. Malgré la tendance de l'Impératrice Marie à combattre chez ses fils le goût des choses militaires, Akhverdoff, si peu militaire qu'il fût lui-même, les exerçait parfois, pour les amuser, à construire et à dessiner des forteresses, leur montrant, avec des bombes et des boulets de cire, les principes de l'attaque et de la défense des ports; et, lorsqu'ils commençaient à battre le tambour, dont il avait le son en horreur, il faisait envelopper les caisses avec un mouchoir pour l'assourdir un peu. Alexandre Ier fut content de l'éducation donnée à ses frères, et, au printemps de 1806, après un examen auquel il assista lui-même, conféra à leur gouverneur l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et, l'année suivante, le fit général lieutenant. Il travailla avec les Grands-Ducs presque jusqu'à sa mort: au commencement de 1816, il faisait encore l'histoire russe à Nicolas Pavlowitch, et en 1817 il mourait. Il ne fut pas sans s'occuper de littérature; il fit des vers et des traductions. Son beau-frère Khvostoff le représente comme un homme peu commun sous tous les rapports, tant intellectuellement que moralement.

(D'après l'original de Warneck, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

51

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Александръ Николаевичъ
Самойловъ,
1744 — 1814

Le Comte Alexandre Nikolaewitch
Samoïloff,
1744 — 1814

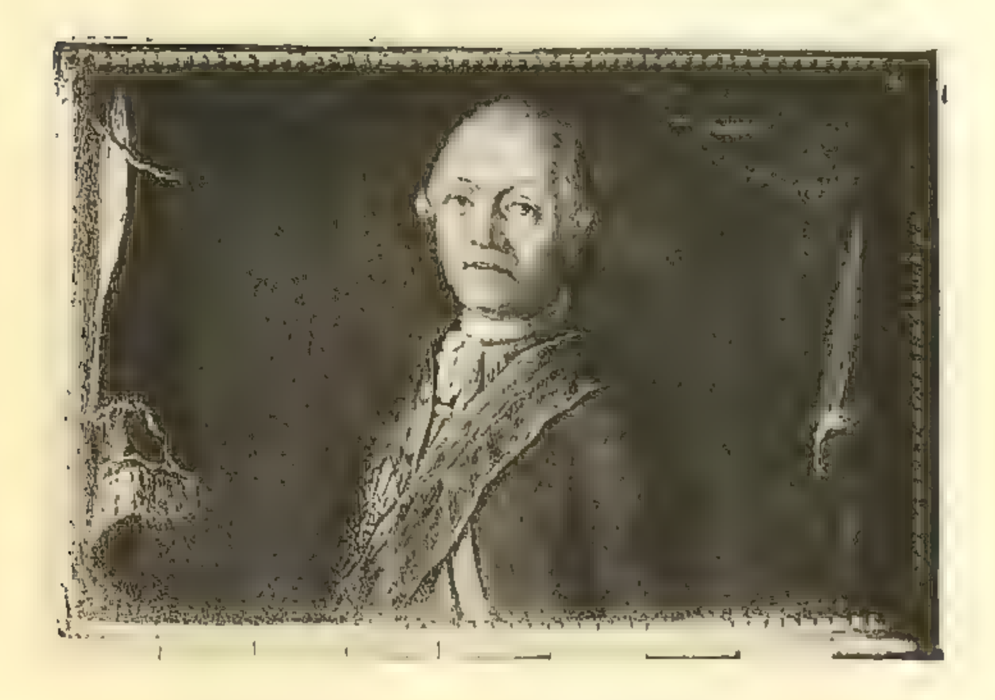
52

Графиня Анна Родіоновна
Чернышева,
1745 — 1830

La Comtesse Anne Rodionowna
Tchernycheff,
1745 — 1830

53

Денисъ Ивановичъ
Чичеринъ,
1721 — 1785

Denis Ivanowitch
Tchitchérine,
1721 — 1785

54

Князь Антоній
Святополкъ-Четвертинскій,
174. — 1794

Le Prince Antoine
Sviatopolk-Tchetvertinsky,
174. — 1794

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

51

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Александръ Николаевичъ
Самойловъ,
1744—1814

Le Comte Alexandre Nikolaewitch
Samoïloff,
1744—1814

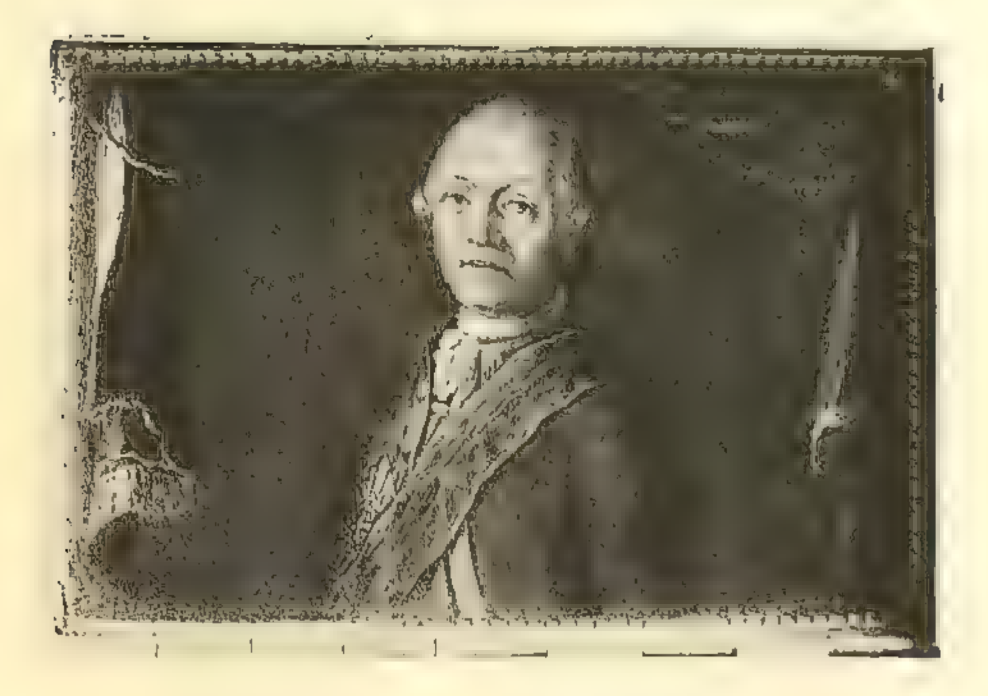
52

Графиня Анна Родіоновна
Чернышева,
1745—1830

La Comtesse Anne Rodionowna
Tchernycheff,
1745—1830

53

Денисъ Ивановичъ
Чичеринъ,
1721—1785

Denis Ivanowitch
Tchitchérine,
1721—1785

54

Князь Антоній
Святополкъ-Четвертинскій,
174.—1794

Le Prince Antoine
Sviatopolk-Tchetvertinsky,
174.—1794

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

55

Пис. Летроннъ, 1813 г. — Peint par Letronne, 1813

Великій Князь
Константинъ Павловичъ,
1779 — 1831

Le Grand-Duc
Konstantin Pavlowitch,
1779 — 1831

56

Княгиня Жаннета Антоновна
Ловичъ,
1795 — 1831

La Princesse Jeannette
Lowitch,
1795 — 1831

57

Павелъ Константиновичъ
Александровъ,
1808 — 1867

Paul Konstantinowitch
Alexandroff,
1808 — 1867

58

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Ульяна Михайловна
Александрова,
178 . — 1824

Julienne Mikhaïlowna
Alexandroff,
178 . — 1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

55

Пис. Летроннъ, 1813 г. — Peint par Letronne, 1813

Великій Князь Константинъ Павловичъ, 1779 — 1831

Le Grand-Duc Konstantin Pavlowitch, 1779 — 1831

56

Княгиня Жаннета Антоновна Ловичъ, 1795 — 1831

La Princesse Jeannette Lowitch, 1795 — 1831

57

Павелъ Константиновичъ Александровъ, 1808 — 1867

Paul Konstantinowitch Alexandroff, 1808 — 1867

58

Пис. Боровиковскій · Peint par Borovikowsky

Ульяна Михайловна Александрова, 178 . — 1824

Julienne Mikhaïlowna Alexandroff, 178 . — 1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

59

Графиня Екатерина Ивановна
Разумовская,
1729 — 1771

La Comtesse Catherine Ivanowna
Razoumowsky,
1729 — 1771

60

Графъ Кириллъ Григорьевичъ
Разумовскій,
1724 — 1803

Le Comte Cyrille Grigoriewitch
Razoumowsky,
1724 — 1803

61

Князь Николай Васильевичъ
Репнинъ,
1732 — 1801

Le Prince Nicolas Vassiliewitch
Repnine,
1732 — 1801

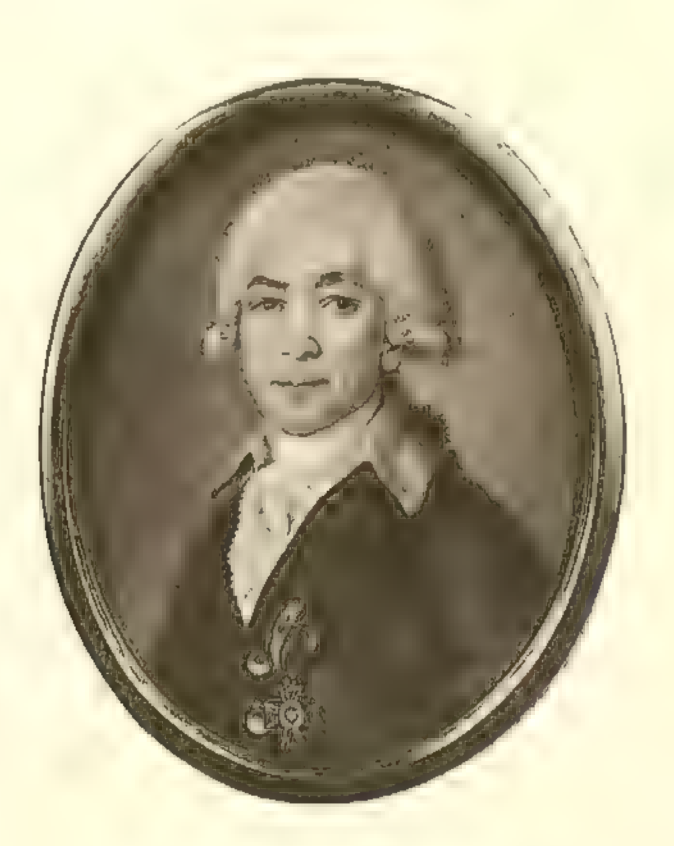
62

Василій Ивановичъ
Левашовъ,
1740 — 1804

Basile Ivanowitch
Lévachoff,
1740 — 1804

63

Петръ Савичъ
Яковлевъ,
1754 — 1809

Pierre Savvitch
Yakovleff,
1754 — 1809

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

59

Графиня Екатерина Ивановна Разумовская, *1729—1771*

La Comtesse Catherine Ivanowna Razoumowsky, *1729—1771*

60

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, *1724—1803*

Le Comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, *1724—1803*

61

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, *1732—1801*

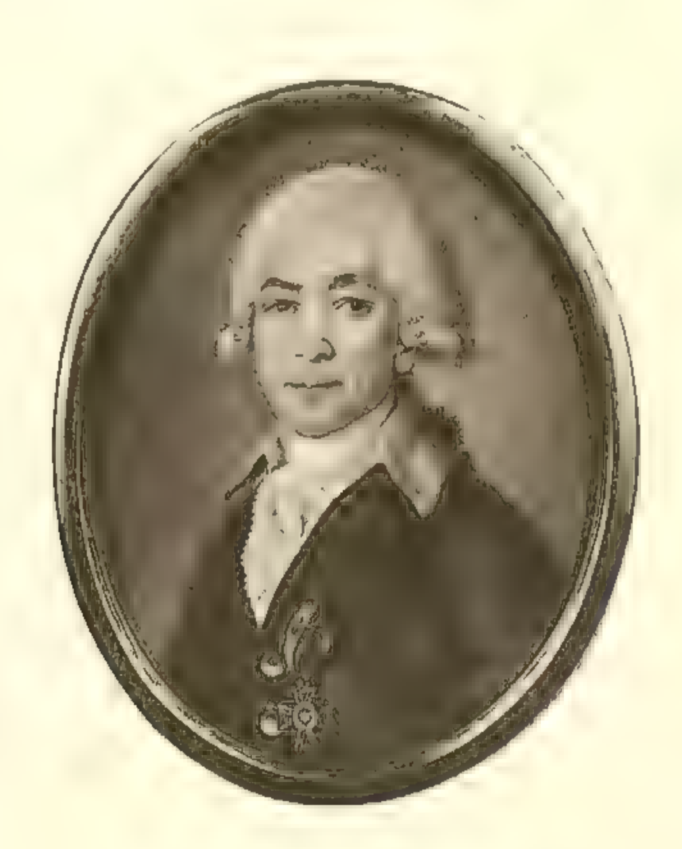
Le Prince Nicolas Vassiliewitch Repnine, *1732—1801*

62

Василій Ивановичъ Левашовъ, *1740—1804*

Basile Ivanowitch Lévachoff, *1740—1804*

63

Петръ Савичъ Яковлевъ, *1754—1809*

Pierre Savvitch Yakovleff, *1754—1809*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

64

Князь Степанъ Борисовичъ
Куракинъ,
1754—1805

Le Prince Stéphane Borissowitch
Kourakine,
1754—1805

65

Пис. Дюбуа — Peint par Dubois

Княгиня Екатерина Дмитріевна
Куракина,
1761—1843

La Princesse Catherine Dmitriewna
Kourakine,
1761—1843

66

Княгиня Александра Ивановна
Куракина,
1711—1786

La Princesse Alexandra Ivanowna
Kourakine,
1711—1786

67

Пис. Ротари — *Peint par Rotary*

Графиня Варвара Алексѣевна
Шереметева,
1711—1767

La Comtesse Varvara Alexéewna
Chéréméteff,
1711—1767

64

Князь Степанъ Борисовичъ
Куракинъ,
1754—1805

Le Prince Stéphane Borissowitch
Kourakine,
1754—1805

65

Пис. Дюбуа — Peint par Dubois

Княгиня Екатерина Дмитріевна
Куракина,
1761—1843

La Princesse Catherine Dmitriewna
Kourakine,
1761—1843

66

Княгиня Александра Ивановна
Куракина,
1711—1786

La Princesse Alexandra Ivanowna
Kourakine,
1711—1786

67

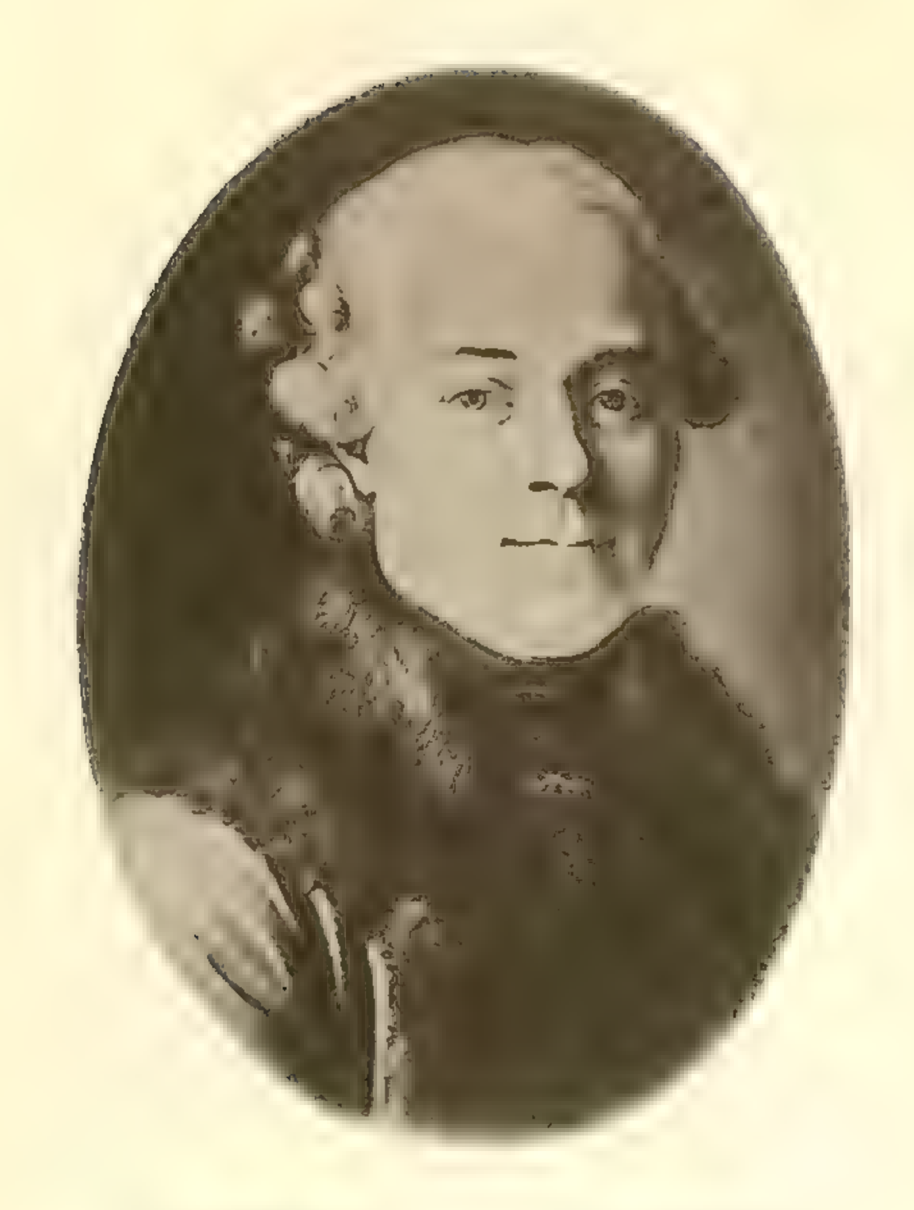

Пис. Ротари — *Peint par Rotary*

Графиня Варвара Алексѣевна
Шереметева,
1711—1767

La Comtesse Varvara Alexéewna
Chéréméteff,
1711—1767

68

Григорій Васильевичъ
Козицкій,
173 . — 1775

Grégoire Vassiliewitch
Kozitzky,
173 . — 1775

69

Пис. А. Кауфманъ — *Peint par A. Kaufmann*

Петръ Степановичъ
Протасовъ,
1730 — 1794

Pierre Stépanowitch
Protassoff,
1730 — 1794

70

Александръ Алексѣевичъ
Плещеевъ,
1778 — 186 .

Alexandre Alexéewitch
Plechtchéeff,
1778 — 186 .

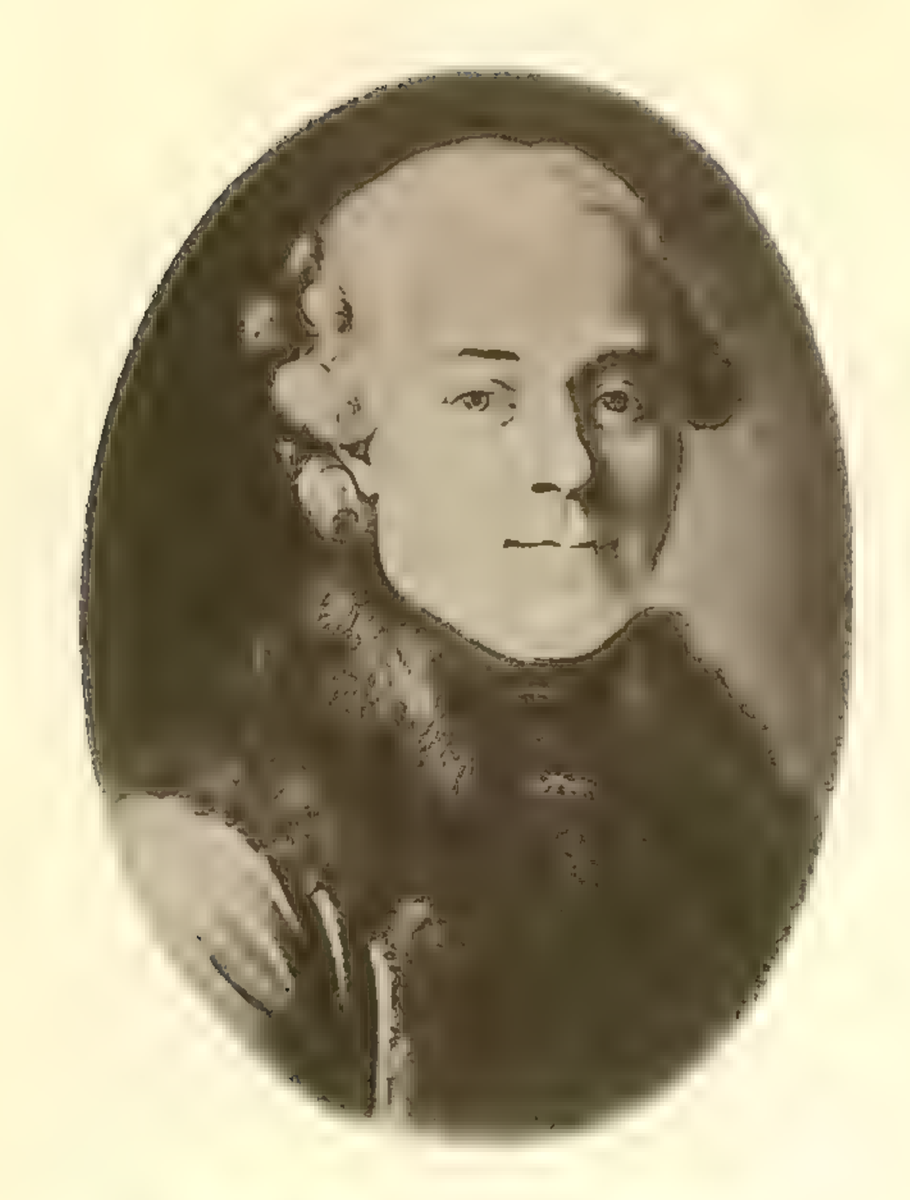
71

Василій Савовичъ
Перекусихинъ,
1724 — 1788

Basile Savvitch
Pérékoussikhine,
1724 — 1788

68

Григорій Васильевичъ
Козицкій,
173 . — 1775

Grégoire Vassiliewitch
Kozitzky,
173 . — 1775

69

Пис. А. Кауфманъ — *Peint par A. Kaufmann*

Петръ Степановичъ
Протасовъ,
1730 — 1794

Pierre Stépanowitch
Protassoff,
1730 — 1794

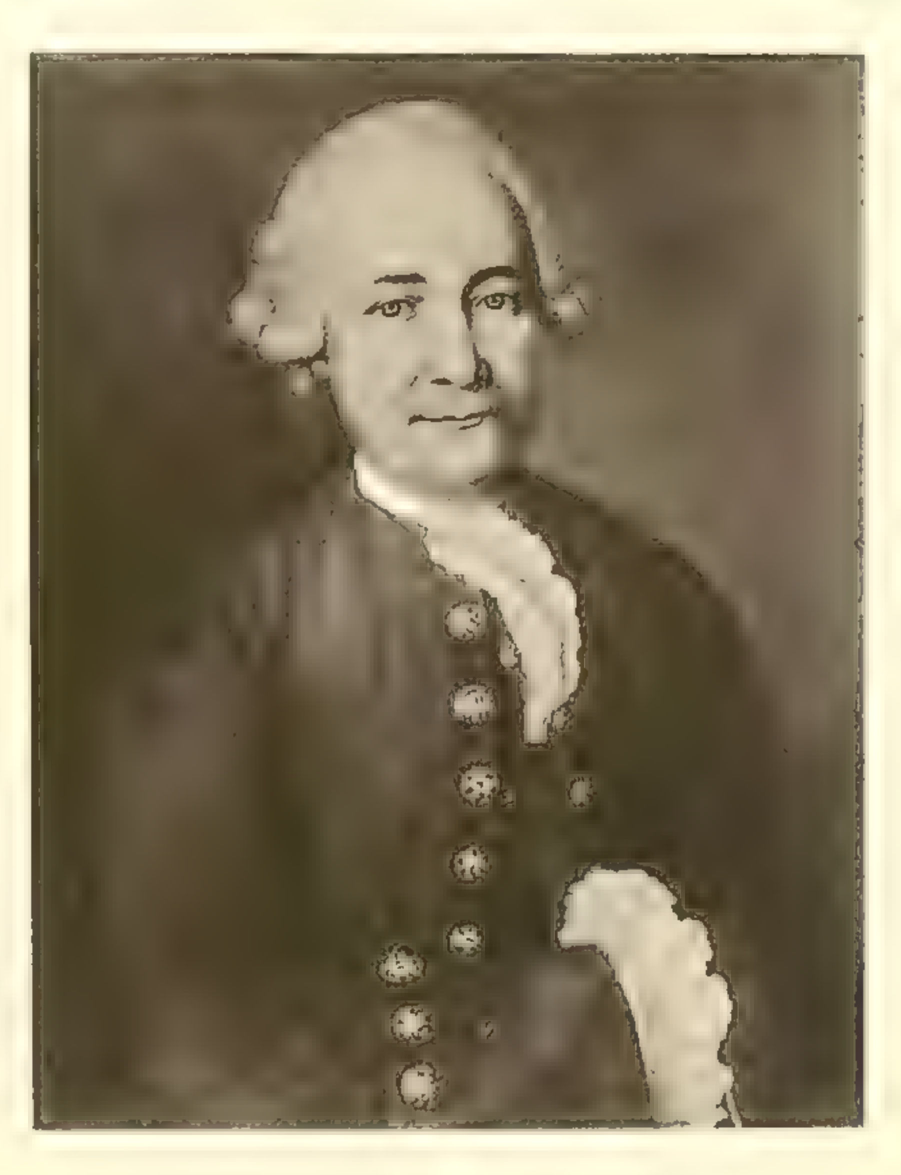
70

Александръ Алексѣевичъ
Плещеевъ,
1778 — 186 .

Alexandre Alexéewitch
Plechtchéeff,
1778 — 186 .

71

Василій Савичъ
Перекусихинъ,
1724 — 1788

Basile Savvitch
Pérékoussikhine,
1724 — 1788

72

Богданъ Өедоровичъ
Кноррингъ,
1746 — 1825

Bogdan Féodorowitch
Knorring,
1746 — 1825

73

Карлъ Өедоровичъ
Кноррингъ,
1744 — 180.

Charles Féodorowitch
Knorring,
1744 — 180.

74

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ
Остенъ-Сакенъ,
1752 — 1837

Le Prince Fabien Wilhelmowitch
Osten-Sacken,
1752 — 1837

75

Пис. Дау

Peint par Dawe

Графъ Карлъ Осиповичъ
Ламбертъ,
1773 — 1843

Le Comte Charles Ossipowitch
Lambert,
1773 — 1843

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

72

Богданъ Өедоровичъ
Кноррингъ,
1746 — 1825

Bogdan Féodorowitch
Knorring,
1746 — 1825

73

Карлъ Өедоровичъ
Кноррингъ,
1744 — 180.

Charles Féodorowitch
Knorring,
1744 — 180.

74

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ
Остенъ-Сакенъ,
1752 — 1837

Le Prince Fabien Wilhelmowitch
Osten-Sacken,
1752 — 1837

75

Пис. Дау

Peint par Dawe

Графъ Карлъ Осиповичъ
Ламбертъ,
1773 — 1843

Le Comte Charles Ossipowitch
Lambert,
1773 — 1843

76

Григорій Ивановичъ
Шелеховъ,
1746 — 1795

Grégoire Ivanowitch
Chélékhoff,
1746 — 1795

77

Степанъ Васильевичъ
Перфильевъ,
1734 — 1793

Stéphane Vassiliewitch
Perfilieff,
1734 — 1793

78

79

Настасья Өедоровна
Минкина,
177 . — 1825

Anastasie Féodorowna
Minkine,
177 . — 1825

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

76

Григорій Ивановичъ
Шелеховъ,
1746 — 1795

Grégoire Ivanowitch
Chélékhoff,
1746 — 1795

77

Степанъ Васильевичъ
Перфильевъ,
1734 — 1793

Stéphane Vassiliewitch
Perfilieff,
1734 — 1793

78

79

Настасья Өедоровна
Минкина,
177 . — 1825

Anastasie Féodorowna
Minkine,
177 . — 1825

80

Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, *1746—1803*

Gabriel Ilyitch Bibikoff, *1746—1803*

81

Екатерина Александровна Бибикова, *1766—1833*

Catherine Alexandrowna Bibikoff, *1766—1833*

82

Князь Василій Васильевичъ Долгорукій, *1787—1858*

Le Prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky, *1787—1858*

83

Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, *17..—1841*

Alexandre Serguéewitch Choulguine, *17..—1841*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

80

Гаврiилъ Ильичъ
Бибиковъ,
1746—1803

Gabriel Ilyitch
Bibikoff,
1746—1803

81

Екатерина Александровна
Бибикова,
1766—1833

Catherine Alexandrowna
Bibikoff,
1766—1833

82

Князь Василiй Васильевичъ
Долгорукiй,
1787—1858

Le Prince Basile Vassiliewitch
Dolgorouky,
1787—1858

83

Александръ Сергѣевичъ
Шульгинъ,
17..—1841

Alexandre Serguéewitch
Choulguine,
17..—1841

84

Баронесса Елизавета Дмитріевна Розенъ, 1790—1862 | *La Baronne Elisabeth Dmitriewna* Rosen, 1790—1862

85

Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, 1782—1841 | *Le Baron Grégoire Vladimirowitch* Rosen, 1782—1841

86

Василій Сергѣевичъ Ланской, 1754—1831 | *Basile Serguéewitch* Lanskoï, 1754—1831

87

Дмитрій Павловичъ Татищевъ, 1767—1845 | *Dmitri Pavlowitch* Tatichtcheff, 1767—1845

84

Баронесса Елизавета Дмитріевна Розенъ, 1790 — 1862

La Baronne Elisabeth Dmitriewna Rosen, 1790 — 1862

85

Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, 1782 — 1841

Le Baron Grégoire Vladimirowitch Rosen, 1782 — 1841

86

Василій Сергѣевичъ Ланской, 1754 — 1831

Basile Serguéewitch Lanskoï, 1754 — 1831

87

Дмитрій Павловичъ Татищевъ, 1767 — 1845

Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff, 1767 — 1845

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

88

Пис. Краузе, 1790 г. — Peint par Krause, 1790

Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ, 1755 — 1792

Gabriel Ivanowitch Skorodoumoff, 1755 — 1792

89

Пис. Варнекъ — Peint par Warnek

Александръ Григорьевичъ Варнекъ, 1782 — 1843

Alexandre Grigoriewitch Warnek, 1782 — 1843

90

Пис. Тончи — Peint par Tonci

Сальваторъ Сигизмундовичъ Тончи, 1756 — 1844

Salvator Sigismundowitch Tonci, 1756 — 1844

91

Пис. Щукинъ — Peint par Chtchoukine

Степанъ Семеновичъ Щукинъ, 1754 — 1828

Stéphane Sémenowitch Chtchoukine, 1754 — 1828

88

Пис. Краузе, 1790 г. — Peint par Krause, 1790

Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ, 1755—1792

Gabriel Ivanowitch Skorodoumoff, 1755—1792

89

Пис. Варнекъ — Peint par Warnek

Александръ Григорьевичъ Варнекъ, 1782—1843

Alexandre Grigoriewitch Warnek, 1782—1843

90

Пис. Тончи — Peint par Tonci

Сальваторъ Сигизмундовичъ Тончи, 1756—1844

Salvator Sigismundowitch Tonci, 1756—1844

91

Пис. Щукинъ — Peint par Chtchoukine

Степанъ Семеновичъ Щукинъ, 1754—1828

Stéphane Sémenowitch Chtchoukine, 1754—1828

92

Пис. О. Кипренскій, 1812 г. — *Peint par O. Kiprensky, 1812*

Сергѣй Никифоровичъ
Маринъ,
1776 — 1813

Serge Nikiforowitch
Marine,
1776 — 1813

93

Платонъ Яковлевичъ
Гамалья,
1766 — 1817

Platon Yakovlewitch
Gamaléia,
1766 — 1817

94

Егоръ Борисовичъ
Фуксъ,
1762 — 1829

Egor Borissowitch
Fuchs,
1762 — 1829

95

Николай Михайловичъ
Карамзинъ,
1765 — 1826

Nicolas Mikhaïlowitch
Karamzine,
1765 — 1826

92

Пис. О. Кипренскій, 1812 г. *Peint par O. Kiprensky, 1812*

Сергѣй Никифоровичъ *Serge Nikiforowitch*
Маринъ, *Marine,*
1776 — 1813 *1776 — 1813*

93

Платонъ Яковлевичъ *Platon Yakovlewitch*
Гамалья, *Gamaléia,*
1766 — 1817 *1766 — 1817*

94

Егоръ Борисовичъ *Egor Borissowitch*
Фуксъ, *Fuchs,*
1762 — 1829 *1762 — 1829*

95

Николай Михайловичъ *Nicolas Mikhaïlowitch*
Карамзинъ, *Karamzine,*
1765 — 1826 *1765 — 1826*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

96

Александръ Самойловичъ
Фигнеръ,
1787 — 1813

Alexandre Samoïlowitch
Figner,
1787 — 1813

97

Князь Левъ Михайловичъ
Яшвиль,
1768 — 1834

Le Prince Léon Mikhaïlowitch
Yachvil,
1768 — 1834

98

Иванъ Онуфріевичъ
Сухозанетъ,
1785 — 1861

Ivan Onufriewitch
Soukhozanet,
1785 — 1861

99

Николай Онуфріевичъ
Сухозанетъ,
1794 — 1871

Nicolas Onufriewitch
Soukhozanet,
1794 — 1871

96

Александръ Самойловичъ
Фигнеръ,
1787 — 1813

Alexandre Samoïlowitch
Figner,
1787 — 1813

97

Князь Левъ Михайловичъ
Яшвиль,
1768 — 1834

Le Prince Léon Mikhaïlowitch
Yachvil,
1768 — 1834

98

Иванъ Онуфріевичъ
Сухозанетъ,
1785 — 1861

Ivan Onufriewitch
Soukhozanet,
1785 — 1861

99

Николай Онуфріевичъ
Сухозанетъ,
1794 — 1871

Nicolas Onufriewitch
Soukhozanet,
1794 — 1871

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

100

Баронъ Александръ Ивановичъ
Черкасовъ,
1728 — 1788

Le Baron Alexandre Ivanowitch
Tcherkassoff,
1728 — 1788

101

Яковъ Матвѣевичъ
Евреиновъ,
1700 — 1772

Jacob Matvéewitch
Evréinoff,
1700 — 1772

102

Пис. Людерсъ — *Peint par Lüders*

Графъ Петръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1712 — 1773,
съ семействомъ

Le Comte Pierre Grigoriewitch
Tchernycheff,
1712 — 1773,
et sa famille

100

Баронъ Александръ Ивановичъ
Черкасовъ,
1728 — 1788

Le Baron Alexandre Ivanowitch
Tcherkassoff,
1728 — 1788

101

Яковъ Матвѣевичъ
Евреиновъ,
1700 — 1772

Jacob Matvéewitch
Evréinoff,
1700 — 1772

102

Пис. Людерсъ — *Peint par Lüders*

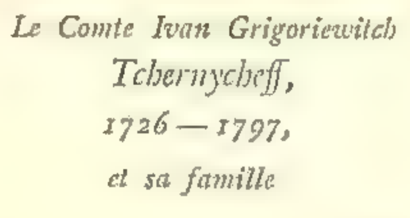
Графъ Петръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1712 — 1773,
съ семействомъ

Le Comte Pierre Grigoriewitch
Tchernycheff,
1712 — 1773,
et sa famille

103

Графъ Иванъ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1726 — 1797,
съ семьей

Le Comte Ivan Grigoriewitch
Tchernycheff,
1726 — 1797,
et sa famille

104

Пис. Виже-Лебренъ — *Peint par Vigee-Lebrun*

Графъ Григорій Ивановичъ
Чернышевъ,
1762 — 1831

Le Comte Grégoire Ivanowitch
Tchernycheff,
1762 — 1831

105

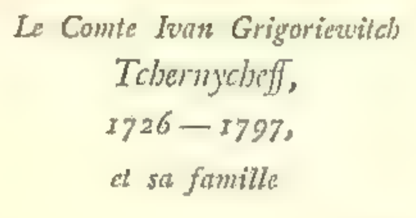
Графъ Захаръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1797 — 1862

Le Comte Zakhare Grigoriewitch
Tchernycheff,
1797 — 1862

103

Графъ Иванъ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1726—1797,
съ семьей

Le Comte Ivan Grigoriewitch
Tchernycheff,
1726—1797,
et sa famille

104

Пис. Виже-Лебренъ — Peint par Vigee-Lebrun

Графъ Григорій Ивановичъ
Чернышевъ,
1762—1831

Le Comte Grégoire Ivanowitch
Tchernycheff,
1762—1831

105

Графъ Захаръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1797—1862

Le Comte Zakhare Grigoriewitch
Tchernycheff,
1797—1862

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

106

Василій Яковлевичъ Чичаговъ, *1726 — 1809*

Basile Yakovlewitch Tchitchagoff, *1726 — 1809*

107

Григорій Андреевичъ Спиридовъ, *1713 — 1790*

Grégoire Andréewitch Spiridoff, *1713 — 1790*

108

Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, *1701 — 1777*

Simon Ivanowitch Mordvinoff, *1701 — 1777*

109

Александръ Ивановичъ Крузъ, *1731 — 1799*

Alexandre Ivanowitch Kruse, *1731 — 1799*

106

Василій Яковлевичъ Чичаговъ, *1726 — 1809*

Basile Yakovlewitch Tchitchagoff, *1726 — 1809*

107

Григорій Андреевичъ Спиридовъ, *1713 — 1790*

Grégoire Andréewitch Spiridoff, *1713 — 1790*

108

Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, *1701 — 1777*

Simon Ivanowitch Mordvinoff, *1701 — 1777*

109

Александръ Ивановичъ Крузъ, *1731 — 1799*

Alexandre Ivanowitch Kruse, *1731 — 1799*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

110

Пис. С. Шукинъ — *Peint par S. Chtchoukine*

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, 1762 — 1838

Le Comte Nicolas Nikolaewitch Novossiltzoff, 1762 — 1838

111

Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, 1744 — 1805

Pierre Ivanowitch Novossiltzoff, 1744 — 1805

112

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, 1750 — 1823

Ivan Nikolaewitch Népliouéff, 1750 — 1823

113

Пис. [illegible] — *[illegible]*

Сергѣй Лазаревичъ Лашкаревъ, 1739 — 1814

Serge Lazarewitch Lachkareff, 1739 — 1814

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

110

Рис. С. Щукинъ — Peint par S. Chtchoukine

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, 1762 — 1838

Le Comte Nicolas Nikolaewitch Novossiltzoff, 1762 — 1838

111

Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, 1744 — 1805

Pierre Ivanowitch Novossiltzoff, 1744 — 1805

112

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, 1750 — 1823

Ivan Nikolaewitch Néplioueff, 1750 — 1823

113

Сергѣй Лазаревичъ Лашкаревъ, 1739 — 1814

Serge Lazarewitch Lachkareff, 1739 — 1814

114

Василій Сергѣевичъ *Basile Serguéewitch*
Шереметевъ, Chérémèteff,
1752—1831 1752—1831

115

Марія Семеновна *Marie Sémenowna*
Бахметева, Bakhméteff,
176 .—18 .. 176 .—18 ..

116

Анна Николаевна *Anne Nikolaewna*
Чесменская, Tchesmensky,
17 ..—18 .. 17 ..—18 ..

117

Илья Ипатовичъ *Elie Ipatowitch*
Мухановъ, Moukhanoff,
1724—1799 1724—1799

118

Анна Никитична *Anne Nikitichna*
Нарышкина, Narychkine,
1730—1820 1730—1820

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

114

Василій Сергьевичъ
Шереметевъ,
1752 — 1831

Basile Serguéewitch
Chéréméteff,
1752 — 1831

115

Марія Семеновна
Бахметева,
176 . — 18 . .

Marie Sémenowna
Bakhméteff,
176 . — 18 . .

116

Анна Николаевна
Чесменская,
17 . . — 18 . .

Anne Nikolaewna
Tchesmensky,
17 . . — 18 . .

117

Илья Ипатовичъ
Мухановъ,
1724 — 1799

Elie Ipatowitch
Moukhanoff,
1724 — 1799

118

Анна Никитична
Нарышкина,
1730 — 1820

Anne Nikitichna
Narychkine,
1730 — 1820

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

119

Иоанъ Николаевичъ
Римскій-Корсаковъ,
1754 — 1831

Ivan Nikolaewitch
Rimsky-Korsakoff,
1754 — 1831

120

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Валеріанъ Александровичъ
Зубовъ,
1771 — 1804

Le Comte Valérien Alexandrowitch
Zouboff,
1771 — 1804

121

Екатерина Николаевна
Левшина,
1768 — 1824

Catherine Nikolaewna
Levchine,
1768 — 1824

122

Павелъ Өедуловичъ
Левшинъ,
1757 — 1809

Paul Féodoulowitch
Levchine,
1757 — 1809

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

119

Иоанъ Николаевичъ
Римскій-Корсаковъ,
1754—1831

Ivan Nikolaewitch
Rimsky-Korsakoff,
1754—1831

120

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Графъ Валеріанъ Александровичъ
Зубовъ,
1771—1804

Le Comte Valérien Alexandrowitch
Zouboff,
1771—1804

121

Екатерина Николаевна
Левшина,
1768—1824

Catherine Nikolaewna
Levchine,
1768—1824

122

Павелъ Ѳедуловичъ
Левшинъ,
1757—1809

Paul Féodoulowitch
Levchine,
1757—1809

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

123

Наталія Кирилловна
Загряжская,
1747 — 1837

Natalie Kirillowna
Zagriajsky,
1747 — 1837

124

Анна Кирилловна
Васильчикова,
1754 — 18..

Anne Kirillowna
Vassiltchikoff,
1754 — 18..

125

Екатерина Алексѣевна
Демидова,
1748 — 1810

Catherine Alexéewna
Démidoff,
1748 — 1810

126

Алексѣй Алексѣевичъ
Жеребцовъ,
1758 — 1819

Alexis Alexéewitch
Jérebtzoff,
1758 — 1819

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

123

Наталія Кирилловна
Загряжская,
1747 — 1837

Natalie Kirillowna
Zagriajsky,
1747 — 1837

124

Анна Кирилловна
Васильчикова,
1754 — 18..

Anne Kirillowna
Vassiltchikoff,
1754 — 18..

125

Екатерина Алексѣевна
Демидова,
1748 — 1810

Catherine Alexéewna
Démidoff,
1748 — 1810

126

Алексѣй Алексѣевичъ
Жеребцовъ,
1758 — 1819

Alexis Alexéewitch
Jérebtzoff,
1758 — 1819

127

Княгиня Дарья Александровна **Трубецкая,** *173 . — 1809*

La Princesse Daria Alexandrowna **Troubetzkoï,** *173 . — 1809*

128

Графъ Петръ Александровичъ **Румянцевъ-Задунайскій,** *1725 — 1796*

Le Comte Pierre Alexandrowitch **Roumiantzeff-Zadounaïsky,** *1725 — 1796*

129

Пис. К. Рейхель, 1817 г. — Peint par Ch. Reichel, 1817

Княгиня Вѣра Θедоровна **Вяземская,** *1790 — 1886*

La Princesse Véra Féodorowna **Viazemsky,** *1790 — 1886*

130

Князь Андрей Ивановичъ **Вяземскій,** *1750 — 1807*

Le Prince André Ivanowitch **Viazemsky,** *1750 — 1807*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

127

Княгиня Дарья Александровна Трубецкая, 173 . — 1809 | *La Princesse Daria Alexandrowna* Troubetzkoï, 173 . — 1809

128

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, 1725 — 1796 | *Le Comte Pierre Alexandrowitch* Roumiantzeff-Zadounaïsky, 1725 — 1796

129

Пис. К. Рейхель, 1817 г. | Peint par Ch. Reichel, 1817

Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская, 1790 — 1886 | *La Princesse Véra Féodorowna* Viazemsky, 1790 — 1886

130

Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, 1750 — 1807 | *Le Prince André Ivanowitch* Viazemsky, 1750 — 1807

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

131

Пис. Дау — *Peint par Dawe*

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, *1775 — 1841*

Le Prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï, *1775 — 1841*

132

Пис. Дафингеръ — *Peint par Daffinger*

Княгиня Екатерина Петровна Трубецкая, *1781 — 1839*

La Princesse Catherine Pétrowna Troubetzkoï, *1781 — 1839*

133

Пис. О. Кипренскій — *Peint par O. Kiprensky*

Графъ Иванъ Сергѣевичъ Головинъ, *17.. — 18..*

Le Comte Ivan Serguéewitch Golovine, *17.. - 18..*

134

Пис. О. Кипренскій — *Peint par O. Kiprensky*

Графиня Анастасія Ивановна Головина, *1782 — 1836*

La Comtesse Anastasie Ivanowna Golovine, *1782 — 1836*

131

Пис. Дау — Peint par Dawe

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, 1775—1841

Le Prince Basile Serguéewitch Troubetzkoï, 1775—1841

132

Пис. Дафингеръ — Peint par Daffinger

Княгиня Екатерина Петровна Трубецкая, 1781—1839

La Princesse Catherine Pétrowna Troubetzkoï, 1781—1839

133

Пис. О. Кипренскій — Peint par O. Kiprensky

Графъ Иванъ Сергѣевичъ Головинъ, 17..—18..

Le Comte Ivan Serguéewitch Golovine, 17..—18..

134

Пис. О. Кипренскій — Peint par O. Kiprensky

Графиня Анастасія Ивановна Головина, 1782—1836

La Comtesse Anastasie Ivanowna Golovine, 1782—1836

135

Пис. Кипренскій — Peint par Kiprensky

Князь Павелъ Петровичъ
Щербатовъ,
1762—1831

Le Prince Paul Pétrowitch
Chtcherbatoff,
1762—1831

136

Пис. Кипренскій — Peint par Kiprensky

Княгиня Анастасія Валентиновна
Щербатова,
1774—1841

La Princesse Anastasie Valentinowna
Chtcherbatoff,
1774—1841

137

Пис. Кипренскій, 1814 г. — Peint par Kiprensky, 1814

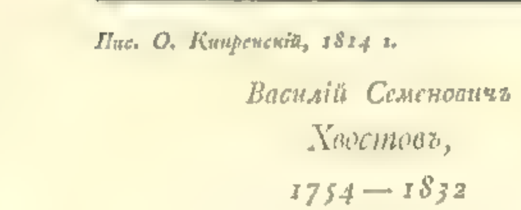
Дарья Николаевна
Хвостова,
17..—18..

Daria Nikolaewna
Khvostoff,
17..—18..

138

Пис. О. Кипренскій, 1814 г. — Peint par O. Kiprensky, 1814

Василій Семеновичъ
Хвостовъ,
1754—1832

Basile Sémenowitch
Khvostoff,
1754—1832

135

Пис. Кипренскій — *Peint par Kiprensky*

Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ, *1762 — 1831*

Le Prince Paul Pétrowitch Chtcherbatoff, *1762 — 1831*

136

Пис. Кипренскій — *Peint par Kiprensky*

Княгиня Анастасія Валентиновна Щербатова, *1774 — 1841*

La Princesse Anastasie Valentinowna Chtcherbatoff, *1774 — 1841*

137

Пис. Кипренскій, 1814 г. — *Peint par Kiprensky, 1814*

Дарья Николаевна Хвостова, *17..—18..*

Daria Nikolaewna Khvostoff, *17..—18..*

138

Пис. О. Кипренскій, 1814 г. — *Peint par O. Kiprensky, 1814*

Василій Семеновичъ Хвостовъ, *1754 — 1832*

Basile Sémenowitch Khvostoff, *1754 — 1832*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

139

Графиня Екатерина Алексѣевна Уварова, 1783—1849 | La Comtesse Catherine Alexéewna Ouvaroff, 1783—1849

140

Графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, 1786—1855 | Le Comte Serge Sémenowitch Ouvaroff, 1786—1855

141

Петръ Алексѣевичъ Обресковъ, 1752—1814 | Pierre Alexéewitch Obreskoff, 1752—1814

142

Аркадій Ивановичъ Нелидовъ, 1773—1834 | Arcade Ivanowitch Nélidoff, 1773—1834

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

139

Графиня Екатерина Алексѣевна
Уварова,
1783—1849

La Comtesse Catherine Alexéewna
Ouvaroff,
1783—1849

140

Графъ Сергѣй Семеновичъ
Уваровъ,
1786—1855

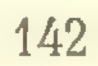
Le Comte Serge Sémenowitch
Ouvaroff,
1786—1855

141

Петръ Алексѣевичъ
Обресковъ,
1752—1814

Pierre Alexéewitch
Obreskoff,
1752—1814

142

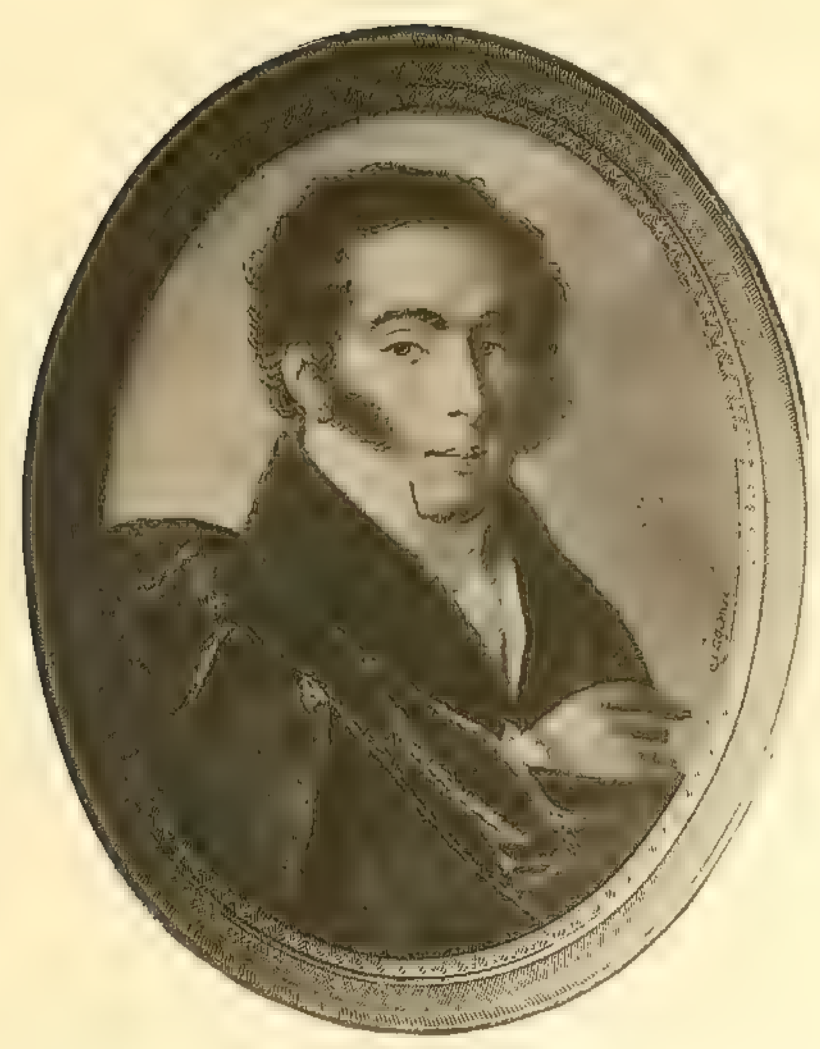

Аркадій Ивановичъ
Нелидовъ,
1773—1834

Arcade Ivanowitch
Nélidoff,
1773—1834

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

143

Пис. Лагрене Peint par Lagrenée

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій, 1798—1855

Le Comte Basile Pétrowitch Zavadowsky, 1798—1855

144

Князь Сергѣй Ивановичъ Гагаринъ, 1777—1862

Le Prince Serge Ivanowitch Gagarine, 1777—1862

145

Графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ, 1790—1863

Le Comte Mathieu Alexandrowitch Mamonoff, 1790—1863

146

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ, 175 .—1822

Ivan Yakovlewitch Diatchkoff, 175 .—1822

147

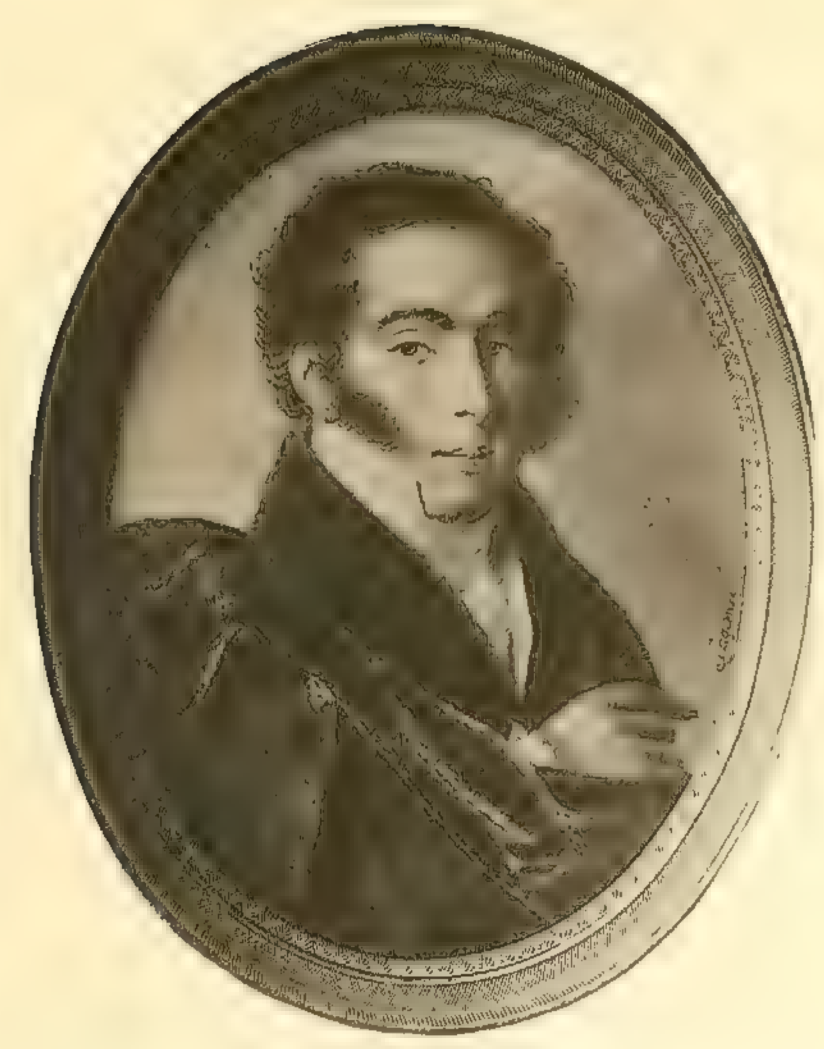

Алексѣй Петровичъ Ададуровъ, 1758—1835

Alexis Pétrowitch Adadouroff, 1758—1835

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

143

Пис. Лагрене   Peint par Lagrenée

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій, 1798 — 1855

Le Comte Basile Pétrowitch Zavadowsky, 1798 — 1855

144

Князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ, 1777 — 1862

Le Prince Serge Ivanowitch Gagarine, 1777 — 1862

145

Графъ Матвей Александровичъ Мамоновъ, 1790 — 1863

Le Comte Mathieu Alexandrowitch Mamonoff, 1790 — 1863

146

Иванъ Яковлевичъ Дьячковъ, 175 . — 1822

Ivan Yakovlewitch Diatchkoff, 175 . — 1822

147

Алексей Петровичъ Ададуровъ, 1758 — 1835

Alexis Pétrowitch Adadouroff, 1758 — 1835

148

Александръ Александровичъ
Писаревъ,
1780 — 1848

Alexandre Alexandrowitch
Pissareff,
1780 — 1848

149

Пис. Винбергъ — Peint par Winberg

Графъ Павелъ Петровичъ
Сухтеленъ,
1788 — 1833

Le Comte Paul Pétrowitch
Suchtelen,
1788 — 1833

150

Пис. Варнекъ *Peint par Warneck*

Екатерина Борисовна
Ахвердова,
17.. — 18..

Catherine Borissowna
Akhverdoff,
17.. — 18..

151

Пис. Варнекъ *Peint par Warneck*

Николай Исаевичъ
Ахвердовъ,
1755 — 1817

Nicolas Issaewitch
Akhverdoff,
1755 — 1817

148

Александръ Александровичъ
Писаревъ,
1780 — 1848

Alexandre Alexandrowitch
Pissareff,
1780 — 1848

149

Пис. Винбергъ — Peint par Winberg

Графъ Павелъ Петровичъ
Сухтеленъ,
1788 — 1833

Le Comte Paul Pétrowitch
Suchtelen,
1788 — 1833

150

Пис. Варнекъ — Peint par Warneck

Екатерина Борисовна
Ахвердова,
17.. — 18..

Catherine Borissowna
Akhverdoff,
17.. — 18..

151

Пис. Варнекъ — Peint par Warneck

Николай Исаевичъ
Ахвердовъ,
1755 — 1817

Nicolas Issaewitch
Akhverdoff,
1755 — 1817

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

2007088106

2007088106